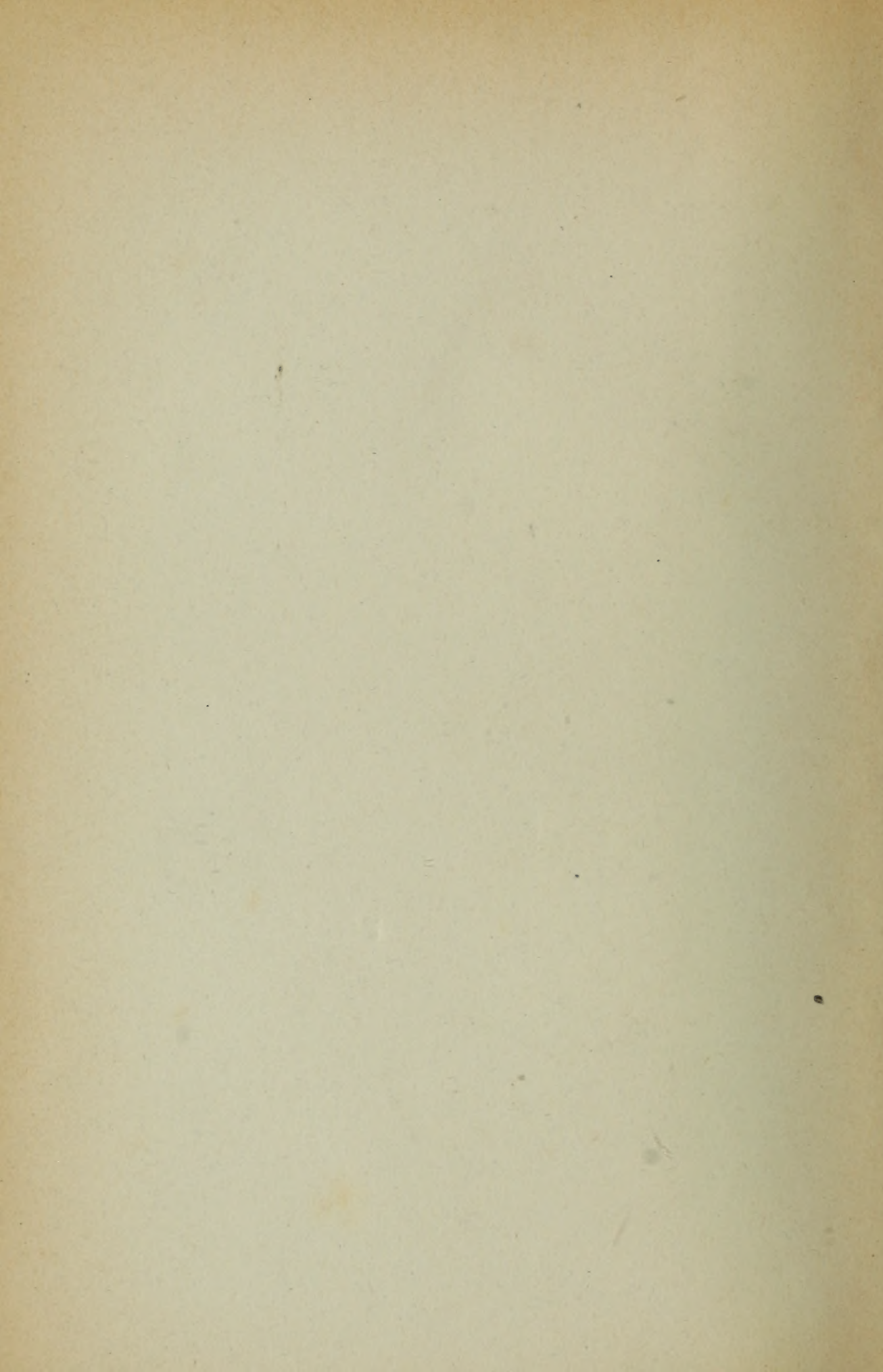

3 1761 08820960 6

Sokolov, N N

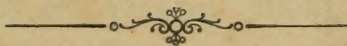
Н. Н. Соколовъ.

АРІАСВАТИ.

Ariasvati

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

О.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Стремянная, 12, собств. домъ,

Невскій пр., 96, уг. Надеждинск.

LR
568342 251

694595
10.2.59

Прологъ.

День былъ праздничный. Послѣ скучнаго двухнедѣльнаго дождя снова проглянуло солнышко и освѣтило черную, грязную дорогу, широкія лужи и дальній, мѣстами уже побурѣвшій лѣсъ. Въ воздухѣ чувствовалась живительная свѣжесть. Дышалось легко и свободно. Пріятная дрожь пробѣгала по тѣлу, точно послѣ освѣжающей ванны. Казалось, что-то ободряющее всасывалось всѣми порами и расходилось потомъ по кровеноснымъ сосудамъ. Невольно тянуло на воздухъ — туда, гдѣ почернѣвшія поля и разцвѣченный лѣсъ со своими уже наполовину обнаженными деревьями какъ будто замерли въ какой-то дремотной истомѣ, подъ остывающими лучами осенняго солнца.

Оно уже скупѣе улыбалось, это октябрьское солнце, и потому, быть можетъ, его тусклая улыбка казалась дороже жгучихъ поцѣлуевъ его знойныхъ іюльскихъ лучей.

За воротами раздавалось задорное трепыханье гармоники. У воротъ на лавочкѣ сидѣлъ Иванъ — «поваръ, конюхъ и скотникъ» и садовникъ вдобавокъ.

Свѣтитъ мѣсяцъ надъ могилой.
Надъ моею Матаней милой,

выводилъ онъ самымъ замогильнымъ голосомъ подъ веселое плясовое хрипѣнье своей гармоники.

Подъ окномъ, въ видѣ второго аккомпанимента, слышалось озабоченное хрюканье его любимицы «Матрешки», занимавшейся устройствомъ туннеля подъ оградой сада.

Пѣніе становится все заунывнѣе, аккомпаниментъ—все энергичнѣе:

Матанюшка, Матаня!
Болитъ больно голова...

По грязной дорогѣ раздается отдаленное шлепанье лаптей. Иванъ прерываетъ пѣніе и настораживается.

— Никакъ, Митька идетъ,—замѣчаетъ онъ, поворачиваясь къ открытому окну, и въ то же время замѣчаетъ, что пятачекъ «Матрешки» находится уже въ близкомъ сосѣдствѣ съ отцвѣтающими астрами.—Ца, проклятая!—кричитъ онъ самымъ неистовымъ голосомъ, схватываясь со скамьи:—Аль тебѣ другого мѣста нѣтъ, стерва!

Раздается шлепокъ и быстро удаляющееся хрюканье. Водворяется тишина. Хлюпанье лаптей на дорогѣ слышится все ближе и ближе.

— Ай вернулся, Митька?—окликаетъ Иванъ молодого парня, возвращающагося съ желѣзнодорожной станціи съ кожаной сумкой черезъ плечо.—Ну, что: благо?

— Ужъ такъ-то благо—не приведи Богъ—отвѣчаетъ Митька, преувеличивая по обыкновенію значеніе своего подвига.

— Принесъ что-ли чего?

— Извѣстно что—письма да газеты .. Да вотъ, гляди, посылка.

— Какая такая посылка?

— Да чему быть?—Поди, опять книги.

Въ голосѣ Митьки послышалось такое презрѣнье, что мнѣ сдѣлалось почти совѣстно за мое пристрастіе къ такому недостойному предмету.

Я поспѣшилъ выйти на крыльцо.

Митька уже взбирался по лѣстницѣ, оставляя сочные слѣды лаптей на чисто выскобленныхъ ступеняхъ.

— Куда прешь, лѣній!—раздался позади меня сердитый голосъ Матрены Ивановны, въ честь которой ехидный Иванъ окрестилъ свою любимицу «Матрешкой».—

Вчера только вымыла, а ты, гляди-ко, какъ наслѣдилъ! Намоешься на васъ, сиволапыхъ!

— Ну-ну, Матрена Ивановна, не бранись. Тебѣ, вѣдь, только дѣловъ-то, — сбрасывая изъ-за спины на полъ довольно объемистый тючекъ. — Нате, вотъ, получайте свое добро-то. Въ горницу его что-ли втащить?

— Я тебѣ дамъ въ горницу! — вскипятилась Матрена Ивановна. — Проваливай! Ужъ я сама внесу... У! Сиволапый, сколько надрызгалъ! Уходи, что-ли!

— погоди, Матрена Ивановна, не торопись, — экая ты торопыга, право! — дай сумку-то снять. Вотъ держите: тутъ вамъ газеты, да письмо никакъ есть... это на счетъ того, что касемо картинъ, что-ли такъ, такъ они говорятъ, что никакихъ такихъ картинъ тогда и не было! А что вы наказывали насчетъ энтой, большой-то, что она изорвана да попачкана, такъ въ эфтомъ они не виноваты: должно, такъ ужъ оттудова выслали. Не у однихъ, говорятъ, у васъ такъ бываетъ да помалчиваютъ. Ужъ эти, говорятъ, капризы-то намъ вотъ какъ надоѣли...

— Ну, хорошо, Митя, — прервалъ я словоохотливаго Меркурія, уже напередъ зная, что онъ скажетъ. — Спасибо! Иди себѣ съ Богомъ.

— Такъ вотъ и велѣли сказать, право, — продолжалъ онъ, спускаясь съ крыльца и идя по двору. — Мнѣ что? Мнѣ что велѣно сказать, то я и говорю. Картины! На что намъ, говорятъ, картины? А ежели попачкано или изорвано... А что, Иванъ, вы еще не обѣдали? — закончилъ онъ, скрываясь въ дверяхъ людской избы

Поэтому прежде всего я принялся за сумку съ газетами. Но, вмѣсто газетъ, въ ней оказалось всего одно письмо съ адресомъ, писаннымъ незнакомою мнѣ рукою. Я перевернулъ его на другую сторону, намѣреваясь сломить печать, и вздрогнулъ отъ неожиданности: письмо было запечатано чернымъ сургучемъ. Это меня встревожило. Зловѣщій черный цвѣтъ — вѣстникъ смерти кого-ни-

будь изъ близкихъ людей. «Кто-же это?»—думалъ я, перебирая въ умѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ и не рѣшаясь вскрыть непріятное нисъмо. Чтобы выиграть время и нѣсколько успокоиться, я сталъ разсматривать печать, которою оно было запечатано. Печать эта повергла меня въ совершенное недоумѣніе. Это была громадная гербовая печать, и чего-чего только на ней не было—и корона, и рыцарскій шлемъ, и звѣри на заднихъ лапахъ, держащіе причудливый щитъ, раздѣленный на нѣсколько полей съ геральдической тарабарщиной, и вокругъ всего этого—пушки, знамена и всякаго рода дреколія. Я не могъ припомнить ни одного знакомаго, который обладалъ-бы такою импонирующей печатью *avec lions rampans, unicorns couclans* и такъ далѣе.

Но надо-же было рѣшиться. Дрожащими руками я сломалъ, наконецъ, чудовищную печать и развернулъ письмо, писанное все тѣмъ же неизвѣстнымъ мнѣ почеркомъ. Письмо было слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь

Николай Николаевичъ!

Вступивъ въ права наслѣдства послѣ умершаго родственника моего Андрея Ивановича Грачева, я между прочимъ имуществомъ онаго нашелъ препровождаемыя къ вамъ при этомъ связки бумагъ, съ собственноручною надписью покойнаго, что бумаги эти, по смерти его, имѣютъ поступить въ полное Ваше распоряженіе. Пересмотрѣвъ означенныя связки и убѣдившись, что въ нихъ нѣтъ ничего клонящагося ко вреду моихъ имущественныхъ правъ, я, во исполненіе послѣдней воли покойнаго, препровождаю оныя къ Вамъ для надлежащаго съ Вашей стороны распоряженія. О полученіи же оныхъ прошу не оставить меня увѣдомленіемъ.

Примите увѣренія и проч.

Затѣмъ слѣдовала подпись, состоящая изъ нѣсколькихъ черточекъ, постепенно уменьшавшихся въ ростѣ, нѣсколькихъ точекъ надъ этими черточками и витѣватаго, очевидно выработаннаго долговременною практикой росчерка.

Итакъ мой бѣдный Андрей Ивановичъ умеръ! Старый дружище, и тебя уже не стало!.. Но гдѣ же Арина Семеновна? Отчего вмѣсто нея пишетъ какой-то гербовый господинъ, какъ видно, пропитанный насквозь млекомъ канцелярской премудрости?

Не пережила, должно быть, старушка свое ненаглядное дѣтище. Опустѣла теперь старая Грачевка. Чужіе люди живутъ въ старомъ знакомомъ домѣ, почернѣвшемъ отъ безчисленныхъ бурь и невзгодъ, сидятъ на старинныхъ кожаныхъ креслахъ, пишутъ свою канцелярщину на томъ самомъ столѣ, за которымъ вели мы, бывало, съ Андрюшей горячія пренія, создавали смѣлые проекты и передѣлывали міръ по собственному вкусу... А лѣсной домъ? А Гиппогрифъ? Неужели и ими будетъ распоряжаться этотъ гербовладѣлецъ?

До поздняго вечера ходилъ я по кабинету, заложивши за спину руки и раздумывая о былыхъ, давно прошедшихъ временахъ. Воспоминанія унесли меня далеко-далеко отъ моего затеряннаго въ степи хутора. Картины прошлаго вставали предо мною одна за другой, и знакомыя тѣни, изъ которыхъ «однихъ уже нѣтъ, а тѣ далече», быстро веплывали со дна души и неудержимымъ потокомъ неслись и неслись передъ глазами. На темномъ фонѣ комнаты, погруженной въ густые сумерки осенняго вечера, ихъ туманные образы постепенно переходили въ ярко очерченныя фигуры. Казалось, я слышалъ ихъ задушевный голосъ, ихъ искренній смѣхъ...

Матрена Ивановна рѣшилась положить конецъ моему одинокой прогулкѣ и внесла свѣчи. Уже нѣсколько времени она тревожно прислушивалась къ тому, что дѣлалось въ моемъ кабинетѣ. Моя нервная бѣготня изъ угла въ уголъ дала ей поводъ заключить, что меня что-то беспокоить.

— Или неприятность какую пишутъ? — спросила старушка, пристально всматриваясь въ мое лицо.

— Андрей Ивановичъ померъ.

— Какой Андрей Ивановичъ? Ужъ не Андрюша ли?

Старушка, вынычавшая меня и покойную сестру Машу, привыкла такъ фамиллярно называть моихъ старыхъ товарищей, которыхъ она помнила еще мальчиками.

— Андрюша, — отвѣчалъ я.

— Пошли ему, Господи, Царство небесное!.. перекрестилась Матрена Ивановна. — Ахъ, ты, Господи, — какой, вѣдь, молоденькій-то! Мнѣ-бы, старухѣ, умирать надо, а не Андрею Ивановичу... Вотъ и Машенька, голубушка, тоже молоденькой убралась...

И Матрена Ивановна всхлипнула и принялась вытирать глаза передникомъ.

— Да что съ нимъ такое случилось-то? — спросила она, нѣсколько успокоившись.

— Не знаю, ничего не знаю, няня, — никакихъ подробностей. Пишутъ только, что умеръ... Да вотъ — бумаги его мнѣ прислали.

— На что же это тебѣ бумаги-то?

— Завѣщалъ онъ ихъ мнѣ.

— Вотъ оно что... Ну, посмотри уже: можетъ изъ нихъ видно будетъ...

— Матрена Ивановна, а Матрена Ивановна! Котлеты-то рубить, что-ли? — отчаянно завопила изъ кухни Агаоля.

— А ну васъ тутъ съ котлетами, — заворчала старуха, торопливо ковыляя изъ комнаты: — Вишь, пропаду на васъ нѣтъ! Ничего-то сами не знаютъ...

Оставшись одинъ, я вскрылъ тюкъ съ посылками и сталъ вынимать изъ него одну за другою толстыя связки бумагъ, вродѣ большихъ тетрадей. Всѣ онѣ были завернуты отдѣльно въ оберточную бумагу и перевязаны накрестъ бичевкою. Прежде всего на оберткѣ каждой связки бросался въ глаза, выведенный краснымъ карандашомъ, громадный №

съ смѣлымъ канцелярскимъ завиткомъ. Вѣроятно, перенумеровывалъ тетради тотъ же владѣлецъ гербовой печати, привыкшій къ канцелярской аккуратности... Ужъ не сдѣлалъ-ли онъ имъ описей и не скрѣпилъ-ли по листамъ, какъ требуетъ этого канцелярскій порядокъ? Чтобы убѣдиться въ этомъ, я развернулъ одну изъ связокъ, помѣченную номеромъ восьмымъ.

Она состояла изъ писемъ и бумагъ на разныхъ языкахъ и разнаго формата, начиная съ полулиста обыкновенной писчей бумаги и кончая лоскуткомъ измятой записки въ нѣсколько словъ. Всѣ эти лоскутки бумагъ были сшиты въ тетрадь и перемѣнены. На первой страницѣ краснымъ карандашомъ былъ бойко выведенъ № связки, а на послѣдней красовалась надпись: «Итого въ семъ дѣлѣ (слово это было впрочемъ перечеркнуто и сверху написано: тетради) по перемѣтѣ оказалось 418 полулистовъ». Затѣмъ слѣдовала подпись изъ черточекъ и точекъ со своимъ характернымъ росчеркомъ, которымъ я уже любовался въ препроводительномъ письмѣ. Описи документовъ, однако, не оказалось.

Я насчиталъ всего одиннадцать связокъ и, предполагая, что «документы» въ нихъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, отыскалъ связку за № 11 и торопливо принялся освобождать ее отъ бичевки и обертки. Я надѣялся въ этой связкѣ найти свѣдѣнія о позднѣйшихъ событіяхъ жизни покойнаго Андрея Ивановича, непосредственно предшествовавшихъ его смерти. Но надежда моя не оправдалась. Въ связкѣ я нашелъ довольно толстую тетрадь, писанную на совершенно неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. Тщетно я всматривался въ незнакомыя письмена, стараясь отгадать, какому изъ существующихъ на землѣ народовъ могли они принадлежать. Европейскіе языки всѣ были болѣе или менѣе мнѣ знакомы, кромѣ того я видалъ рукописи арабскія, еврейскія, армянскія, наконецъ, даже съ китайскими іероглифами я былъ знакомъ, благодаря надписямъ на чайныхъ ящикахъ,—но рукопись подъ № 11 не походила ни на одинъ

изъ этихъ языковъ. Безуспѣшно перелистовалъ я загадочную тетрадь, вплоть до надписи на послѣдней страницѣ «итого въ семь дѣлѣ», и, убѣдившись, что она—именно, какъ говорится, не при мнѣ писана, я завернулъ ее снова въ обертку и бросилъ на нижнюю полку книжнаго шкафа.

Послѣ этого я перемѣнилъ планъ своего знакомства съ бумагами моего покойнаго друга и взялся за связку № 1. Развернувъ эту связку, я прежде всего увидѣлъ въ ней лежавшее сверху тетради запечатанное письмо съ надписью на конвертѣ, рукой покойнаго Андрея Ивановича: «Прошу передать послѣ моей смерти это письмо и все мои бумаги, лежащія въ лѣвомъ шкафикѣ письменнаго стола, другу моему—такому-то». Затѣмъ слѣдовалъ мой полный адресъ.

Это было именно то, что я искалъ. Я не сомнѣвался, что въ этомъ письмѣ найду отвѣтъ на занимавшіе меня вопросы. Я торопливо сломалъ печать и вынулъ письмо. Оно состояло изъ нѣсколькихъ листиковъ почтовой бумаги, исписанныхъ сплошь крупнымъ, размашистымъ почеркомъ покойнаго.

Вотъ это письмо.

8 Апрѣля 18 . . Грачевка.

Дорогой другъ! Когда это письмо попадетъ въ твои руки, меня уже не будетъ въ числѣ живыхъ. Все для меня будетъ кончено въ этомъ свѣтѣ, точнѣе—въ этой формѣ. Судьба оказалась сильнѣе меня. Вотъ она, эта роковая *ἀνάγκη*, которой подчиняются сами боги. Ты помнишь, съ какимъ презрительнымъ сожалѣніемъ я смотрѣлъ на ваше сѣренькое будничное прозябаніе. Все вы, живущіе на землѣ, казались мнѣ жалкими червями, прикованными къ земному праху только для того, чтобы весь свой вѣкъ пресмыкаться въ пыли,—тогда какъ я высоко-высоко парилъ надъ этимъ прахомъ земли, свободный, какъ воздухъ, и смѣлый, какъ молнія, носимая въ лазури небесъ на крыльяхъ могущественнѣйшихъ. чѣмъ крылья орла, по произволу направляя

свой полетъ туда, куда влекло меня желаніе. Я считалъ себя владыкой всего безграничнаго пространства, по которому носился мой Гиппогрифъ, послушный малѣйшему движенію руки своего владыки. Я не помѣнялся бы своею участію ни съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ монарховъ на всю ихъ призрачную власть, которою они такъ дорожатъ. Что значила для меня власть этихъ жалкихъ повелителей земли, безсильно копошившихся гдѣ-то далеко внизу, у меня подъ ногами, и такъ-же пресмыкавшихся во прахѣ, какъ ихъ задавленные рабы? Бѣдные царьки! Какъ высоко ни ставили они себя надъ своими рабами, они не въ силахъ были подняться надъ этимъ прахомъ, въ которомъ они должны влачить всю свою жизнь отъ колыбели до могилы. Напрасно кичились они съ высоты своихъ дворцовъ и башенъ, — что значила сама легендарная вавилонская башня предъ заоблачными высями горныхъ вершинъ, высоко надъ которыми я мчался, какъ ураганъ, и кромѣ желанія, кромѣ собственной воли въ цѣломъ мірѣ не было силы, которая могла-бы управлять моимъ полетомъ и сказать мнѣ: «стой», когда я летѣлъ, какъ стрѣла, пущенная изъ лука. Такъ думалъ я тогда, потому что я не зналъ этой силы, этой грозной *ἀνάγκη*, пока она не вышла наконецъ изъ темныхъ нѣдръ неизвѣстнаго и не стала на моемъ пути. Мы неожиданно столкнулись въ то время, когда передъ глазами моими поднималась завѣса съ глубочайшихъ тайнъ мірозданія... Столкновение это имѣло для меня роковой исходъ: я былъ разбитъ, уничтоженъ. Когда я пришелъ въ себя, когда, наконецъ, сознаніе освѣтило весь ужасъ моего паденія, я не нашелъ уже въ себѣ силъ, которыя были-бы способны поднять меня на ту высоту, съ какой я былъ низверженъ. Кругъ мой былъ завершенъ, роль была сыграна. Мнѣ оставалось только умереть, и я умираю.

Сначала я хотѣлъ мести. Съ этою цѣлью я припоминалъ и записывалъ мельчайшія подробности происшествія; я хотѣлъ, чтобы, ознакомившись съ ними, ты былъ въ состоя-

ни отомстить за меня. Но чѣмъ больше я вдумывался въ событія, предшествовавшія роковой катастрофѣ, тѣмъ болѣе замирало во мнѣ чувство злобы и мести, и теперь я хочу только одного, чтобы безслѣдно не пропало для міра то, что я узналъ и что кромѣ меня никто уже рассказать ему не можетъ. Рукою умирающаго на тебя возлагаю я эту обязанность: во имя старой дружбы, во имя воспоминаній дѣтства, во имя священныхъ стремленій юности передай міру то, чего не въ силахъ уже передать мой коснѣющій языкъ. Я поручаю тебѣ въ полное распоряженіе всѣ мои бумаги и письма, по которымъ ты легко возстановишь всѣ событія моей жизни, всѣ тѣ странныя, даже невѣроятныя открытія, на которыя натолкнула меня судьба. Я передаю тебѣ также всѣ планы, чертежи и вычисленія, съ помощью которыхъ, если захочешь, ты можешь построить новый Гиппогрифъ и на немъ проникнуть туда, откуда я былъ позорно изгнанъ. Я хотѣлъ-бы отъ всей души, чтобы ты восторжествовалъ надъ моимъ счастливымъ соперникомъ, но берегись: онъ обладаетъ такой силой, о которой у насъ, въ Европѣ, не имѣютъ понятія и которая, какъ ты увидишь изъ этихъ бумагъ, встрѣчается только въ однѣхъ трущобахъ Индіи.

Разбери-же эти бумаги терпѣливо и внимательно и ты узнаешь все, въ подробности. Собери отрывки моихъ дневниковъ, приведи въ порядокъ письма. Я знаю, это потребуетъ много времени и труда, такого труда, который мнѣ уже не по силамъ, но будь увѣренъ, что ты не потеряешь времени напрасно. То, что ты узнаешь изъ этихъ бумагъ, вознаградитъ тебя вполне за потраченный трудъ. Я скажу даже болѣе: твое имя, на ряду съ моимъ, будетъ жить въ отдаленномъ потомствѣ, будетъ сіять во тьмѣ вѣковъ вмѣстѣ съ именами тѣхъ геніевъ, которымъ міръ обязанъ великими открытіями на пользу человѣчества...

Не думай, что я сошелъ съ ума передъ смертью, что у меня развилась манія величія, что во мнѣ говоритъ теперь болѣзненное, доведенное до крайности самообожаніе. Нѣтъ,

мой другъ, я никогда не страдалъ этимъ недостаткомъ и къ несчастію все еще нахожусь, какъ пишется въ духовныхъ завѣщаніяхъ, «въ здоровомъ разсудкѣ и твердой памяти». Ты помнишь, что я не былъ честолюбивъ, не желалъ играть не только первенствующей, но даже сколько-нибудь выдающейся роли. Одно только было для меня дорого: я только хотѣлъ сохранить свою независимость. Я не измѣнился и впослѣдствіи. Но отчего же умирая не сказать о себѣ правды? Неужели, изъ боязни быть обвиненнымъ въ самомнѣніи, я долженъ надѣть на себя личину ложной скромности и придать своему открытію меньшее значеніе, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности? Нѣтъ, я не буду лицемѣріемъ унижать послѣднихъ немногихъ остающихся мнѣ въ жизни минутъ.

Я прямо и смѣло говорю, что мое открытіе должно составить новую эру въ жизни человѣчества. Я ставлю его на одинаковую высоту съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія и утверждаю, что если послѣднее завоевало человѣчеству область мысли, бывшую до него достояніемъ немногихъ, то мое открытіе расширило эту область до безконечности: благодаря моему открытію нѣтъ болѣе тѣсныхъ, узкоопредѣленныхъ границъ, въ которыхъ, какъ въ заколдованномъ кругу, вращалась бѣдная человѣческая мысль, прикованная къ землѣ и не имѣвшая силы подняться надъ дольнымъ прахомъ. Теперь для нея нѣтъ болѣе разстояній, нѣтъ недоступныхъ заоблачныхъ высотъ. Она смѣло можетъ парить надъ областью громовъ... Но, кажется, я начинаю уже заговариваться... Неужели умъ у меня уже мѣшается? Должно быть, на него дѣйствуетъ страхъ близкой смерти. Ради этого ты, конечно, простишь мнѣ, старый другъ, мою самонадѣянную болтовню. Но все же я продолжаю думать, что въ этой болтовнѣ нѣтъ ничего, кромѣ правды.

Но довольно писать. Голова моя тяжела, перо выпадаетъ изъ безсильной руки. Я чувствую, что съ трудомъ доберусь до моей постели...

Прости, мой другъ. Я хотѣлъ-бы много тебѣ написать. Какъ жаль, что тебя нѣтъ теперь со мною! Я сказалъ-бы тебѣ, что я всегда любилъ тебя, что я увѣренъ, что и ты платилъ мнѣ тѣмъ же. Пока прости. Я напишу тебѣ объ этомъ завтра.

.

10 апрѣля.

Другъ мой! Я не могу болѣе писать. Навѣрно, я умру сегодня. Позаботься о моей бѣдной матери. Прощай.

Твой А. Грачевъ.

Долго я читалъ и перечитывалъ это письмо, напрасно отыскивая въ немъ отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые возникали во мнѣ относительно послѣднихъ событій жизни покойнаго. Откуда именно былъ онъ изгнанъ и изгнанъ,—какъ онъ самъ писалъ о себѣ,—съ позоромъ? Значить-ли это, что островомъ Опаснымъ завладѣло другое лицо? Или здѣсь подразумѣвалась другая, еще болѣе таинственная страна, быть можетъ, открытая моимъ другомъ въ его воздушныхъ путешествіяхъ? Что это, наконецъ, за личность, которую онъ называетъ своимъ счастливымъ соперникомъ, предупреждая при этомъ, чтобы я остерегался этого человека, потому что онъ обладаетъ какою-то особенной таинственной силой, неизвѣстной у насъ въ Европѣ? Затѣмъ—опять загадка. Покойный поручаетъ мнѣ постройку новаго Гиппогрифа: не значить-ли это, что стараго уже не существуетъ? Куда же онъ дѣвался? Уничтожевъ-ли онъ въ силу какой-нибудь роковой случайности, не предусмотрѣнной его владѣльцемъ, или его захватилъ тотъ же счастливый соперникъ? Всѣ эти вопросы письмо оставляло открытыми, и только одно казалось ясно и несомнѣнно, что было какое-то страшное несчастье, случилась какая-то катастрофа, которая съ такой силой разразилась надъ моимъ бѣднымъ другомъ, что въ конецъ подорвала его

жизненную энергію, и ему ничего болѣе не оставалось, какъ только умереть.

Я торопливо принялся пересматривать лежавшія передо мной бумаги, надѣясь немедленно разрѣшить всѣ эти вопросы. Но каково было мое разочарованіе, когда изъ самаго поверхностнаго обзора я убѣдился, что бумаги эти, такъ аккуратно подшитыя одна къ другой и перенумерованныя, въ дѣйствительности представляли совершенный хаосъ, какъ по времени, въ которомъ онѣ были расположены, такъ и по самому своему содержанію.

Между датами двухъ писемъ или бумагъ, помѣщенныхъ рядомъ, оказывалась часто болѣе чѣмъ десятилѣтняя давность. При этомъ попадались обрывки дневниковъ, письма и записки совершенно безъ всякой даты; на другихъ были выставлены числа мѣсяца, но не обозначенъ годъ; наконецъ, иныя были помѣчены только днями недѣли, какъ будто дни эти «были безъ числа», какъ у гоголевскаго Поприщина. Чѣмъ болѣе я всматривался въ этотъ хаосъ бумагъ, переходя отъ одной связки къ другой, тѣмъ настойчивѣе меня преслѣдовала мысль, что бумаги эти были кѣмъ-то умышленно приведены въ такой безпорядокъ, какъ будто съ цѣлью затруднить пользованіе ими.

Признаюсь, я былъ почти убѣжденъ, что этимъ *кѣмъ-то* могъ быть именно только обладатель гербовой печати, «вступившій въ права наслѣдства» послѣ умершаго Андрея Ивановича. На это подозрѣніе меня натолкнули два слѣдующихъ обстоятельства. Во-первыхъ, въ «препроводительномъ» письмѣ своемъ онъ самъ упоминаетъ, что пересматривалъ эти бумаги съ цѣлью убѣдиться, не заключаютъ-ли онѣ чего-нибудь клонящагося ко вреду его наслѣдственныхъ имущественныхъ правъ, — а во-вторыхъ — какъ тщательно я ни пересматривалъ всѣ эти связки, я ни въ одной изъ нихъ не могъ отыскать ничего похожаго на чертежи и планы, о которыхъ упоминалъ мой умершій другъ, поручая мнѣ соорудить новый Гиппогрифъ.

По всей вѣроятности, осторожный наслѣдникъ, слишкомъ искушенный въ горнилѣ канцелярской премудрости, чтобы допустить какое-либо умаленіе своихъ «наслѣдственныхъ имущественныхъ правъ», нашелъ нужнымъ оставить ихъ *про себя*, присоединивъ къ нимъ, быть можетъ, также и тѣ письма и бумаги, въ которыхъ усмотрѣлъ какую-либо практическую цѣнность. Именно этими намѣреніями я только и могъ объяснить то обстоятельство, что такой ревностный жрецъ канцеляризма, какимъ онъ мнѣ казался, допустилъ переслать мнѣ бумаги Грачева, не только не снабдивъ ихъ формальными описями, но еще, вдобавокъ, въ такомъ страшномъ безпорядкѣ, какой не мыслимъ ни въ одной канцеляріи,—хотя бы даже въ канцеляріи иного земскаго начальника, который,

Имѣя слишкомъ много дѣлъ,
Въ инныя книги не глядѣлъ...

Такимъ образомъ, чтобы ориентироваться въ этомъ бумажномъ хаосѣ, мнѣ прежде всего нужно было попытаться расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ,—по крайней мѣрѣ тѣ изъ бумагъ покойнаго, которыя имѣли какія-нибудь даты, а затѣмъ уже въ получившемся послѣдовательномъ ряду ихъ найти мѣсто другимъ бумагамъ, опредѣляя время ихъ составленія по содержанію, по почерку, по какимъ-либо внѣшнимъ или внутреннимъ признакамъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Расшивая одну связку за другою (за исключеніемъ, конечно, связки за № 11, состоящей изъ рукописи на неизвѣстномъ языкѣ), я располагалъ бумаги и письма по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ, откидывая пока въ сторону тѣ изъ нихъ, даты которыхъ предстояло еще опредѣлить. Затѣмъ я прочитывалъ сначала бумаги первой группы, потомъ переходилъ къ изученію бумагъ второй группы и, сопоставляя бумаги одной группы съ бумагами другой и объясняя такимъ образомъ однѣ другими, я въ концѣ концовъ составлялъ изъ нихъ связное цѣлое.

Въ этой кропотливой работѣ разборки и изученія бумагъ покойнаго Грачева прошла для меня вся осень и большая часть зимы. Иные подумаютъ, быть можетъ, что это была скучная работа, и подивятся моему терпѣнію. Но на самомъ дѣлѣ я до того увлекся этою работою, что почти не замѣчалъ, какъ летѣло время. Правда, мнѣ приходилось, подобно каменщику, подбирать одинъ камень къ другому, но зданіе, которое получалось изъ этихъ правильно подобранныхъ камней, до того поражало меня своей архитектурой, изяществомъ лѣпной работы и красотою орнаментовъ, что я чувствовалъ себя вполне вознагражденнымъ за свой кропотливый трудъ.

Съ захватывающимъ интересомъ слѣдилъ я за развитіемъ страшной, почти невѣроятной исторіи, полной чудесныхъ, необъяснимыхъ явленій и событій, которая возставала предо мною изъ пыльных тетрадей и писемъ моего умершаго друга. Передъ моими глазами проходили то чудеса роскошной тропической природы, то цѣлыя вереницы разноплеменныхъ людей, различающихся между собою обычаями, языкомъ, религіей, цвѣтомъ кожи; то вдругъ изъ мрака временъ доходилъ до меня голосъ человѣка, принадлежащаго къ неизвѣстной расѣ, быть можетъ, уже цѣлыя тысячелѣтія спящей на днѣ пустыннаго океана; то, наконецъ, появлялась таинственная личность, надѣленная необъяснимою силой, и съ появленіемъ ея вся исторія принимала такой фантастическій характеръ, что становилась уже совершенно невѣроятной.

Благодаря именно этой фантастичности, этой невѣроятности событій, о которыхъ, согласно послѣдней волѣ моего умершаго друга, я долженъ былъ повѣдать міру, я долго колебался, долго не рѣшался приступить къ дѣлу, такъ что прошло болѣе двухъ лѣтъ, прежде чѣмъ я рѣшился наконецъ, издать въ свѣтъ эту исторію. Я не позволилъ себѣ измѣнить въ ней ни одного факта, не прибавилъ ни одного событія, ни одного лишняго штриха. Все мое участіе

ограничилось только тѣмъ, что я придалъ исторіи моего друга беллетристическую форму.

По всей вѣроятности, найдутся читатели, которые къ этой исторіи отнесутся скептически и даже, можетъ быть, подумаютъ, что я просто на просто все это выдумалъ. Такихъ не вѣрующихъ я не стану разубѣждать, а попрошу ихъ адресоваться въ Императорскую Публичную Библіотеку и спросить тамъ рукопись, значущуюся по каталогу за № 1.285,635: изъ обозрѣнія ея они увидятъ, что это буквально та самая рукопись (связка № 11), переводъ которой, въ своемъ мѣстѣ, я привожу въ этой исторіи. Если же и этого для нихъ окажется недостаточнымъ, то въ библіотекахъ Академіи Наукъ они найдутъ тѣ самыя аллюминіевыя таблички, которыя были найдены моимъ покойнымъ другомъ на островѣ Опасномъ, въ гробницѣ верховнаго жреца Амриты: онѣ послужили оригиналомъ упомянутой выше рукописи и въ послѣдствіи принесены въ даръ Академіи. Если господа скептики не убѣдятся и такого рода фактами, то... то я болѣе не желаю имѣть съ ними никакого дѣла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

И д и л л и я.

Было раннее тропическое утро. Золотыя звѣзды, ярко сіявшія на темно-голубой лазури ночного неба, быстро поблѣднѣли и скрылись съ небосвода. По соннымъ листьямъ дремавшихъ растений тихо зашелестилъ свѣжій предразсвѣтный вѣтерокъ и своимъ едва слышнымъ шелестомъ разбудилъ чутко спавшихъ птицъ. Воздухъ, пропитанный пріятными испареніями цвѣтовъ и плодовъ, огласился разнообразнымъ щебетаньемъ и свистомъ пернатыхъ пѣвцовъ, весело и дружно привѣтствовавшихъ наступленіе яснаго, безоблачнаго утра. Отряхиваясь, расправляли они свои яркія перья и, медленно поворачивая свои красивыя головки, отливающія металлическимъ блескомъ, поводили кругомъ сверкающими глазами, какъ будто уже отыскивая среди изумрудной зелени листьевъ золотистые сочныя плоды и пурпурныя сладкія ягоды. Пушистый, темно-зеленый попугай лѣниво чистилъ свой совиный клювъ о воздушный корень пандака, обещаннаго роскошными благоухающими цвѣтами, и на его хриплое карканье, порой переходившее въ непріятный пискъ, откликалось съ противоположнаго берега мяуканье райской птицы. Вѣвценосные голуби громко ворковали, прячась между стволами деревьевъ; откуда-то издалека, изъ темной глубины тропическаго лѣса, доносился глухой жалобный стонъ кагу; съ прибрежныхъ скалъ слышались рѣзкіе крики морскихъ птицъ, собиравшихся на дневную ловлю и уже кружившихся надъ моремъ, чтобъ

высмотрѣть съ высоты въ прозрачной водѣ океана свою лакомую добычу. Разноголосый хоръ всевозможныхъ звуковъ раздавался все болѣе и болѣе и мало-по-малу наполнилъ собою все отдаленные уголки острова.

Вдругъ надъ этими разнообразными звуками, заглушая все отдѣльные голоса, раздался глухой ревъ какого-то громаднаго звѣря, напоминающаго отчасти ревъ раздраженнаго быка. Точно широкая волна прокатилась онъ надъ островомъ, отражаясь въ окрестныхъ скалахъ, и, казалось, на одно мгновеніе все смолкло и замерло кругомъ, будто пораженное могучимъ звукомъ.

Услышавъ этотъ ужасный ревъ сквозь легкій предразсвѣтный сонъ, въ испугъ поднялся съ своей теплой постели Андрей Ивановичъ и съ ружьемъ въ рукахъ торопливо выбѣжалъ изъ палатки навстрѣчу грозящей опасности. Но напрасно озирался онъ во все стороны: кругомъ было спокойно, не было видно никакого звѣря. Птицы попрежнему щебетали, перелетая съ вѣтки на вѣтку. Лямы, прибравшіяся по опушкѣ ближайшей рощицы, спокойно щипали траву. Нигдѣ не видно было ничего напоминающаго опасность.

Но вотъ опять тотъ-же ужасный ревъ оглушаетъ Андрея Ивановича. Теперь онъ уже ясно слышится съ высоты, какъ будто этотъ страшный звѣрь находится тамъ вверху, надъ самою палаткой. Андрей Ивановичъ вспомнилъ о громадныхъ и злыхъ обезьянахъ Малакки и Суматры и поднялъ глаза кверху, приготовляясь стрѣлять въ нарушителей своего спокойствія. Но и вверху не было ничего похожаго на павіана или какого-нибудь бразильскаго ревуна. Только вверху, надъ самою палаткой, почти на высотѣ ста футовъ, красиво склонялся легкій граціозный стволъ кокосовой пальмы, увѣнчанный роскошною короной длинныхъ перистыхъ листьевъ. Въ тѣни нижнихъ, свѣшивающихся листьевъ этой короны, около гигантской, коричнево-зеленой сережки, состоящей изъ слегка продолговатыхъ плодовъ, пряталась какая-то птица, зеленовато-бронзовый цвѣтъ

перьевъ которой почти сливался съ пѣвжной перистой зеленью пальмы.

— Неужели эта птица можетъ издавать такіе ужасающіе звуки?—подумалъ Андрей Ивановичъ, внимательно разглядывая вершину пальмы.

Благодаря своимъ зоркимъ глазамъ, онъ могъ разсмотрѣть, насколько позволяли широкіе листья пальмы, что эта птица походить на голубя, но только если это дѣйствительно голубь, то это голубь-великанъ, такъ какъ птица казалась не менѣ нашей степной дрофы.

Пока Андрей Ивановичъ соображалъ, къ какому роду отнести это пернатое, припоминая все, что ему приходилось читать о фаунѣ Австраліи и Океаніи, птица выставилась изъ зелени перистыхъ листьевъ пальмы, выгнула шею и, надувшись до того, что перья на ней поднялись, какъ щетина дикообраза, испустила изъ раскрытаго клюва тотъ самый ужасающій ревъ, который уже два раза приводилъ нашего героя въ трепеть.

Убѣдившись теперь, что виновникомъ его безпокойства было не какое-нибудь опасное животное, а просто на просто голубь, Андрей Ивановичъ мгновенно успокоился. Онъ даже припомнилъ, что читалъ когда-то объ этой птицѣ и, если память ему не измѣняетъ, то это долженъ быть—ноту, тотъ самый зеленобронзовый голубь-гигантъ, имѣющій такую странную манеру ворковать, что не одинъ путешественникъ, слышавшій его въ первый разъ гдѣ-нибудь въ глухомъ тропическомъ лѣсу, приходилъ въ изумленіе и ужасъ, ожидая увидѣть передъ собой какое-нибудь громадное, опасное животное. На самомъ дѣлѣ, когда воркуетъ этотъ голубь, кажется, будто быкъ реветъ вамъ въ самое ухо.

Успокоенный Андрей Ивановичъ бросилъ ружье и сладко-сладко потянулся. Теперь онъ уже другими глазами смотрѣлъ на окружающую его природу. Его недавняго безпокойства не было и слѣда, и бодрое жизнерадостное чувство наполнило все его существо. Онъ съ наслажденіемъ

обозрѣвалъ свои роскошныя владѣнія. Блаженная улыбка играла на его губахъ, на глазахъ невольно навертывалась слеза восторга, когда взоръ его медленно переходилъ отъ тихо волнующейся зелени пальмъ къ зеркальной поверхности голубого озера, изъ глубины котораго, казалось, смотрѣла ясная лазурь глубокаго неба, заключенная въ рамку роскошной зелени пандоновъ, болотныхъ пальмъ и тростниковъ съ синѣющими въ дымкѣ утренняго тумана горами на заднемъ планѣ. Онъ положительно не могъ оторвать глазъ отъ этого чарующаго пейзажа и въ тысячный разъ думалъ про себя: «Что за счастливый островъ! Это — настоящій рай, тотъ самый Эдемъ, котораго лишились наши прародители!»

Но вотъ горы, синѣвшія на югѣ острова, вдругъ вспыхнули и загорѣлись въ яркихъ лучахъ утренняго солнца, золотыя волны свѣта хлынули и затопили весь островъ, озеро засіяло новымъ блескомъ, зелень стала ярче и пышнѣе, цвѣты окрасились въ еще болѣе роскошныя краски. Мирный пейзажъ мгновенно утратилъ свою тихую, задумчивую прелесть и какъ-то сразу зажилъ новою, страшною, могущею жизнью. Казалось, эта жизнь горячимъ ключемъ кипѣла, клокотала повсюду кругомъ, въ каждомъ живомъ существѣ, въ каждой былинкѣ, въ листкѣ растенія. Андрей Ивановичъ чувствовалъ, какъ избытокъ этой жизни широкою волною вливался къ нему въ грудь, переполнялъ все его существо. Крикъ восторга замиралъ у него на устахъ, а между тѣмъ хотѣлось высказаться, хотѣлось выразить то, что чувствовала душа, но на языкѣ человѣческомъ не находилось ни подходящихъ словъ, ни соответствующихъ звуковъ. Онъ стоялъ, какъ очарованный, не отрывая глазъ отъ чудной картины, всею душой погружаясь въ красоту и гармонию дѣвственной природы, неоскверненной еще святотатственной ногой своего безжалостнаго эксплуататора-человѣка.

Онъ вспомнилъ про свою старушку-мать. Чего-бы только не далъ Андрей Ивановичъ, чтобы она могла перенестись

сюда изъ своей Костромской глуши, гдѣ зимнія бури уже намели цѣлые сугробы пушистаго снѣга! Съ какимъ восхищеніемъ увидѣла-бы она волшебную, сказочную обстановку, въ которой живетъ ея Андрюша! Неужели въ этомъ раю она могла-бы соскучиться по своей занесенной снѣгомъ Грачевкѣ? Да нѣтъ, эта мечта не можетъ осуществиться. Старушку никакими силами нельзя заставить взойти на аэростатъ, — да если-бы это, наконецъ, и удалось, то все-же она навѣрное умерла-бы отъ страха, лишь только аэростатъ поднялся бы на воздухъ. Въ этомъ случаѣ отношенія Арины Семеновны къ своему Андрюшѣ напоминали отношеніе курицы къ цыпленку, высиженному ею изъ утиного яйца и проявившему неожиданную любовь къ водѣ, къ этой предательской, злокозненной стихіи, къ которой всякая благоразумная курица питаетъ непреодолимое отвращеніе...

Интересно-бы также, — продолжалъ думать Андрей Ивановичъ, — переселить сюда Илью Захарыча. Онъ-то ужъ, конечно, не отказался-бы сопровождать молодого барина хоть на край свѣта, хотя пришлось-бы ѣхать при этомъ верхомъ на сказочномъ сѣромъ волкѣ, да бѣда въ томъ, что мама не можетъ обойтись безъ своего мажоръ-дома и фактотума. А забавно было-бы видѣть старика въ такой непривычной обстановкѣ: неслыханные, незнаемые звѣри, невиданные птицы, растенія, о которыхъ слыхомъ не слышать, видомъ не видать, и — въ заключеніе даже звѣзды на небѣ совершенно не тѣ, какія привыкъ онъ видѣть на своемъ сѣверномъ небѣ... Интересно было-бы посмотреть, какъ онъ сталъ-бы здѣсь отыскивать свою коновязь, или стожаръ и кастрюлю, по которымъ онъ привыкъ опредѣлять часы ночи. Вообще очень любопытно было-бы видѣть вліяніе неизвѣстной, невиданной природы на его дѣвственную, неиспорченную книжной наукой душу. Вѣроятно, впечатлѣнія, полученные имъ въ этой обстановкѣ, были-бы безконечно ярче и живѣе, такъ какъ даже поверхностное

книжное знакомство съ предметомъ уже мѣшаетъ свѣжести впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ здѣсь онъ скоро отыскалъ-бы, къ чему приложить свои хозяйственные способности. Старикъ, безъ всякаго сомнѣнія, нашелъ-бы здѣсь широкое поле для дѣятельности: ловилъ-бы рыбу, доилъ-бы козъ,—но также не подлежитъ сомнѣнію, что онъ скоро соскучился-бы по черному ржаному хлѣбу, по зимѣ съ трескучими морозами... А у нихъ теперь зима. Что-то дѣлается въ Грачевкѣ? Здорова-ли мама? Вѣроятно, морозы у нихъ теперь стоятъ выше 20 градусовъ и стѣны стараго дома, трескаясь въ морозныя ночи, пугаютъ старушку, которой тогда сквозь сонъ грезятся и пистолетныя выстрѣлы, и Богъ знаетъ какіе страхи.

II.

Б а н а н ь.

Мысль Андрея Ивановича продолжала витать надъ родимою Грачевкой. Онъ вспомнилъ, что и ночью видѣлъ во снѣ что-то такое, что имѣло отношеніе къ его родинѣ, но приключеніе съ ноту совѣмъ — было изгладило этотъ сонъ изъ памяти. Теперь Андрей Ивановичъ опять его припомнилъ и расхохотался.

Ему приснилось, что онъ въ своемъ лѣсномъ домѣ. Онъ собираетъ свой Гиппогрифъ, приготовляясь къ воздушному путешествію. Вдругъ вбѣгаетъ Пляя Захаровичъ и докладываетъ, что пріѣхалъ становой. Вслѣдъ затѣмъ является самъ Акакій Ефимовичъ во всемъ блескѣ своей аммуниціи—съ погонами и при шпорахъ.

— Милостивый гоеударь,—говоритъ онъ, расшаркиваясь и прищелкивая каблукѣмъ,—я получилъ предписаніе изслѣдовать ваши внутреннія помышленія.

— Ну полноте, Акакій Ефимовичъ, не смѣшите. Какъ вы ихъ будете изслѣдовать? Развѣ вы сердцевѣдъ? Вѣдь вы—куроѣдъ!

— Это точно, Андрей Ивановичъ, я дѣйствительно купроѣдъ, но съ 1 генваря текущаго года я состою также и сердцеѣдомъ, а потому не благоугодно ли вамъ отвѣтить на нижеслѣдующіе вопросы?

Съ этими словами Акакій Ефимовичъ вынимаетъ изъ портфеля катехизисъ Филарета и, осѣдлавши носъ старческими очками, относитъ разогнутую книгу на длину вытянутой руки.

— Впрочемъ, вы не пугайтесь, Андрей Ивановичъ, — предупреждаетъ онъ, — съ папенькой вашимъ я жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ меня не оставлялъ да и Арина Семеновна не забываетъ.. Въ случаѣ чего, если вы затруднитесь, я вамъ первое слово подскажу... Ну-съ, такъ какъ вы, милостивый государь, изволите понимать вотъ хоть мѣсто, — продолжаетъ онъ уже другимъ тономъ, смотря въ книгу: — «Аще възду на небо и аще вселюся въ послѣднихъ моря», ну — и такъ далѣе?

— Да зачѣмъ это вамъ, Акакій Ефимовичъ?

— Зачѣмъ? Экій вы какой! Точно мы не знаемъ, что вы задумали... Вы вотъ предполагаете: «въ возду на небо да вселюся въ послѣднихъ моря и ищи меня тамъ...» А мы и туда за вами проберемся да и цапъ-царапъ!

Это послѣднее слово Акакій Ефимовичъ такъ неожиданно и громко крикнулъ прямо въ ухо Андрею Ивановичу, что тотъ даже проснулся; крикъ Акакія Ефимовича совпалъ съ крикомъ ноту.

«Нужно же присниться такой чепухѣ», подумалъ Андрей Ивановичъ, пожимая плечами. Однако, пораздумавъ немного, онъ нашелъ въ ней какъ будто нѣкоторый смыслъ и — тотчасъ же постарался все это выкинуть изъ головы.

Онъ набралъ сухихъ вѣтокъ, развелъ огонь подъ таганчикомъ и принялся кипятить воду для кофе.

«Ну, сюда-то не проберутся», — подумалъ онъ, снова возвращаясь къ своему сну, но тотчасъ же поймалъ себя на этомъ и, чтобъ прогнать всѣ подобныя мысли, рѣшился немедленно выкупаться.

Прямо передъ палаткой Андрея Ивановича было чудное мѣсто для купанья. Ровный песчаный берегъ отлого спускался въ воду и переходилъ въ гладкое, точно убитое дно, постепенно понижавшееся къ срединѣ озера. Казалось, въ этомъ мѣстѣ, между кустарникомъ и тростниками, къ водѣ нарочно была проложена широкая тропа, быть можетъ, пробитая стадами льямъ и козъ, приходившими сюда на водопой. Широкіе, яркіе, точно сдѣланные изъ свѣтло-зеленаго бархата листья банана склонялись съ высоты надъ этою дорожкой, и, проходя по ней къ озеру, Андрей Ивановичъ съ удивленіемъ увидѣлъ, до чего была нѣжна ихъ ткань: утренній вѣтеръ, слегка покачивая дерево, порой разрывалъ ихъ до самаго средняго нерва. Это придавало имъ тотъ характерный признакъ, по которому бананъ легко узнается между сотнями похожихъ на него деревьевъ. Андрей Ивановичъ невольно залюбовался роскошнымъ растеніемъ, составляющимъ одно изъ лучшихъ украшеній тропической природы. Бананъ—собственно травянистое растеніе, но его не даромъ зовутъ райскимъ деревомъ, *musa paradisiaca*.

Въ одинъ годъ онъ вырастаетъ до высоты настоящаго дерева, до такой высоты, которой наша сѣверная береза едва въ состояніи достигнуть въ теченіи двадцати долгихъ лѣтъ. Изъ пучка его красивыхъ листьевъ, длиною до десяти, шириной до двухъ футовъ, съ широкими, покрывающими другъ друга черешками, свѣшивается кисть красныхъ цвѣтовъ, которая приноситъ плоды, нѣсколько похожіе видомъ на огурцы. Такая кисть плодовъ, расположенныхъ, какъ прутья зонтика, въ нѣсколько рядовъ нанизанныхъ на одинъ стержень, вѣситъ не менѣ полутора или двухъ пудовъ и вырастаетъ въ какіе нибудь 10 мѣсяцевъ, совершенно безъ всякаго ухода. Стебель приноситъ только одну такую кисть и затѣмъ увядаетъ, но изъ корня въ теченіи того же года развиваются новые отпрыски и на будущій годъ уже, вмѣсто одного банана, вырастаютъ два или три.

Трудно представить себѣ всю пользу, которую достав-

ляетъ это благодатное дерево счастливымъ островитянамъ Тихаго океана, только за то, что они даютъ себѣ трудъ срѣзать стебель растенія, чтобы воспользоваться его плодами. Незрѣлые плоды банана пекутъ на угольяхъ и ѣдятъ съ масломъ. Въ такомъ видѣ они замѣняютъ хлѣбъ. Варенные съ масломъ они еще вкуснѣе и употребляются, какъ овощи. Широкіе листья служатъ вмѣсто блюдъ, тарелокъ, салфетокъ, скатертей и даже вмѣсто зонтиковъ для защиты отъ жгучихъ лучей тропическаго солнца. Въ листовыхъ черешкахъ находятся упругія волокна, изъ которыхъ островитяне дѣлаютъ матеріи и плетутъ довольно прочныя веревки... Андрей Ивановичъ до того засмотрѣлся на бананъ, что ему захотѣлось полакомиться его сочными плодами. Цвѣтковая кисть заманчиво свѣшивалась надъ его головою. На ея концѣ еще краснѣли лепестки послѣднихъ цвѣтовъ, а вверху у ея основанія, между самыми листьями, уже золотились, созрѣвая, ранніе плоды. Но достать ихъ было трудно, такъ какъ срубить дерево изъ-за минутной прихоти онъ не желалъ. Ему было жаль погубить такое красивое растеніе. Андрей Ивановичъ медленно раздвѣвался, придумывая средство добраться до плодовъ, не портя дерева. Вдругъ, взглянувъ на свое голое тѣло, онъ вспомнилъ гдѣ-то давно, быть можетъ въ дѣтствѣ, видѣнную картину, на которой былъ нарисованъ голый дикарь, влѣзающій на пальму. «А что?» — подумалъ Андрей Ивановичъ: — «Не вспомнить-ли мнѣ школьную гимнастику? Не тряхнуть-ли стариною? Въ старые годы не мало перервалъ я казенныхъ панталонъ, лазая по деревьямъ гимназическаго сада. Да кромѣ того интересно будетъ посмотреть, какъ костромской землевладѣлецъ, земскій гласный и почетный мировой судья, обросшій солидною бородою и собирающійся уже отростить не менѣе солидное брюшко, полѣзетъ въ костюмъ Адама на дерево, подобно дикарю-папуасу или жителю острововъ Фиджи!»

Андрей Ивановичъ весело расхохотался, представляя себѣ эту забавную картину. Затѣмъ онъ взялъ рубашку, при-

вязалъ ее мѣшкомъ у себя за плечами и принялся карабкаться на дерево. Оказалось, что уроки гимнастики были не совсѣмъ забыты. Цѣпляясь поочередно руками и ногами, Андрей Ивановичъ довольно скоро добрался до листьевъ. Здѣсь широкіе листовые черешки дали ему возможность дотянуться до цвѣтоножки и, помѣстившись у ея основанія, онъ довольно удобно могъ наполнить золотистыми бананами свой импровизированный мѣшокъ. Зато спускъ былъ гораздо затруднительнѣе, такъ какъ спускаться приходилось, такъ сказать, противъ шерсти, что требовало особенныхъ усилій, при значительномъ напряженіи мускуловъ. Дѣло не обошлось безъ нѣсколькихъ царапинъ, но впрочемъ довольно благополучно. Задыхаясь отъ усталости и обливаясь потомъ, онъ спустился на землю съ весьма значительнымъ грузомъ банановъ и въ изнеможеніи растянулся на песокъ, тутъ же, подъ тѣнью банана. Легкій вѣтерокъ, приносившій прохладу съ озера, скоро освѣжилъ его тѣло, сердце перестало усиленно биться, дыханіе сдѣлалось нормальнымъ. Переждавъ еще нѣсколько времени, Андрей Ивановичъ съ разбѣга бросился въ воду и поплылъ на середину озера.

III.

О з е р о .

Что это за прелестное озеро! Какъ оно кокетливо выглядываетъ въ своей роскошной рамѣ изъ пышной тропической растительности! Какая чистая, прозрачная вода и какая чудная свѣжесть развивается отъ нея по тѣлу! Вотъ въ прозрачной глубинѣ медленно движется стая разноцвѣтныхъ рыбокъ: какъ-то лѣниво шевелятъ онѣ своими лазурно-розовыми плавниками! Вдругъ въ сторонѣ показалась какая-то тѣнь и вся стая мгновенно разсыпается въ разные стороны, какъ брызги пролитой на землю воды. Черезъ нѣсколько времени онѣ снова соберутся и начнутъ свой медленный обходъ вдоль береговъ озера, пока новый испугъ

не заставить ихъ снова разбѣжаться. Вотъ въ прибрежномъ мелководьи, погруженные въ золотистый песокъ на гладкомъ узорчатомъ днѣ озера лежатъ красивыя разноцвѣтныя раковины прѣсноводныхъ моллюсковъ и, будто грѣясь на солнцѣ, то медленно раскрываются, то вдругъ захлопываются, точно почуявъ грозящую опасность. Надъ ними вьется нѣсколько гибкихъ змѣеобразныхъ рыбъ и сторожатъ ихъ малѣйшее движеніе, но осторожный моллюскъ, затворившись въ свою крѣпкую раковину, будто смѣется надъ своими стражами. А вотъ въ тихомъ заливѣ, подъ тѣнью высокихъ тростниковъ, ютится цѣлый міръ причудливыхъ водорослей. Зелено-бурья, почти красныя на днѣ озера, онѣ становятся все ярче и зеленѣе, чѣмъ ближе къ поверхности,—и надъ ними, на самую поверхность воды, всплываютъ темно-зеленыя листья болотныхъ растеній и, какъ осколки радуги, сверкаютъ на солнцѣ бѣлыя, красныя и желтыя чашечки ихъ великолѣпныхъ пахучихъ цвѣтовъ. Это уже не водяныя лиліи, не кувшинки нашихъ сѣверныхъ озеръ,—это—что-то не знакомое, поражающее непривычный глазъ и красотою, и оригинальностью формъ. Это—близкіе родственники исполинской раффлезіи, растущей между корнями ліанъ во влажныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ Явы, но безъ ея отвратительнаго запаха; это родные братья южно-американской *victoria regia*, которой ярко-зеленыя сверху и темно-пунцовыя снизу листья имѣютъ почти аршинъ въ діаметръ и роскошныя цвѣты которой напоминаютъ розу, но съ тою разницей, что бутоны ихъ бываютъ величиною съ человѣческую голову. И надъ всеми этими растеніями, начиная съ пушистыхъ метелокъ высокихъ тростниковъ и остролистныхъ осоокъ и кончая плавающими на поверхности воды цвѣтами, кружатся цѣлыя полки разнообразныхъ насѣкомыхъ, трепеща и сверкая на солнцѣ своими радужными золотисто-зелеными или серебристо-лазурными крыльями. Звенящимъ облакомъ носятся они надъ цвѣтущими берегами озера и, какъ осыпанная свер-

кающими блестками легкая вуаль, то поднимаются въ лазурную высоту, почти къ вершинамъ деревьевъ, то опускаются къ самой поверхности воды. А съ вершины деревьевъ за этимъ облакомъ уже слѣдятъ сотни любопытныхъ сверкающихъ глазокъ, и вотъ-вотъ яркой молніей мелькаетъ въ немъ, отливая всѣми цвѣтами радуги, быстрая птичка и уносится съ трепещущей добычей въ клювъ куда-нибудь подъ тѣнь колеблющихся листьевъ, и будетъ качаться тамъ на гибкой вѣткѣ до новаго набѣга въ беззаботно кружащееся, попрежнему радужное облако насѣкомыхъ. Вотъ въ прибрежномъ мелководьи, погруженные въ золотистый песокъ, на гладкомъ узорчатомъ днѣ озера лежатъ красивыя разноцвѣтныя раковины прѣсноводныхъ моллюсковъ и будто грѣясь на солнцѣ, то медленно раскрываются, то вдругъ захлопываются, точно почуявъ грозящую опасность. Надъ ними вьется нѣсколько гибкихъ змѣеобразныхъ рыбъ и сторожить ихъ малѣйшее движеніе, но осторожный моллюскъ, затворившись въ свою крѣпкую раковину, будто смѣется надъ своими сторожами.

А съ высоты безоблачнаго ярко-лазурнаго неба глядитъ ясное солнышко и какъ будто не наглядится на голубое зеркало озера и на его роскошную зеленую раму, въ которой звенять и щебечутъ тысячи ея радужныхъ обитателей, то рѣя надъ озеромъ, то скрываясь въ прозрачной тѣни перистыхъ листьевъ. Мягко обливаетъ оно горячими лучами затерянный въ океанѣ цвѣтушій островокъ, поберегая весь свой жгучій зной для пустынь Аравіи и Сахары, для гнѣющихся джунглей Бенгала. И когда тамъ люди и животныя почти задыхаются въ страшной 50 градусной жарѣ, здѣсь, въ благодатномъ уголкѣ земли, обвѣваемомъ освѣжающимъ дыханіемъ океана, какъ будто вѣчно царствуетъ волна и температура колеблется между 26 и 27 градусами тепла.

Переплывши, не торопясь, въ длину все озеро, Андрей Ивановичъ сѣлъ на верхней ступени площадки храма, въ тѣни,

бросаемой полуразрушенной колонной, и совершенно за-
 смотрѣлся на открывавшуюся передъ нимъ картину. Жадно
 раскрытыми глазами глядѣлъ онъ на прелестный, какъ
 будто улыбающійся ландшафтъ, безотчетно ловя ухомъ
 бесконечно разнообразные звуки кипѣвшей вокругъ него
 жизни. Грудь его высоко поднималась, легкія широко и
 свободно вдыхали ароматическій воздухъ, пропитанный про-
 хладною свѣжестью озера. Ему казалось, что онъ всѣмъ
 существомъ своимъ чувствовалъ, какъ учащенно бился
 могучій пульсъ этой жизни и какъ съ нимъ сливалось
 біеніе его собственнаго пульса. Сколько времени продол-
 жалось это восторженное созерцаніе, онъ не зналъ. Онъ
 забылъ совсѣмъ о времени. Чувство голода заставило его
 вспомнить о томъ, что онъ сегодня еще не завтракалъ.
 Онъ взглянулъ на небо: солнце стояло уже высоко; тѣнь
 колонны отодвинулась почти къ самому пьедесталу и онъ
 давно уже сидѣлъ на солнцѣ, совершенно не замѣчая этого
 и погруженный въ свое созерцаніе.

Андрей Ивановичъ всталъ и, высоко поднявъ надъ го-
 ловою сложенные ладонями руки, снова бросился въ озеро.
 Широкими взмахами, поднимая тысячи сверкавшихъ на солнцѣ
 радужныхъ брызгъ и оставляя за собою расширенный слѣдъ
 на взволнованной поверхности озера, поплылъ онъ къ своей
 палаткѣ, едва видѣвшейся вдали за широкими листьями
 банана, сквозь спутанную зелень прибрежныхъ тростниковъ.
 Одѣвшись наскоро, онъ съ чувствомъ пріятной свѣжести
 во всемъ тѣлѣ, слегка вздрагивая отъ продолжительнаго
 купанья, позавтракалъ горячимъ кофе съ сухими сливками
 и въ первый разъ въ жизни попробовалъ печеные бананы
 съ масломъ, которые ему замѣнили на этотъ разъ любимыя
 имъ сдобныя булки къ кофе. Для перваго раза онъ нашелъ
 ихъ настолько сносными, что не счелъ нужнымъ пожалѣть
 объ отсутствіи булочной на островѣ.

Часы показывали около 11, когда Андрей Ивановичъ
 кончилъ, не торопясь, свой завтракъ. Заливши огонь и

прибравши посуду, онъ взялъ ружье, положилъ въ карманъ нѣсколько патроновъ, повѣсилъ черезъ плечо бинокль и отправился осматривать островъ, предположивъ кстати—промыслить что-нибудь къ обѣду, такъ какъ питаться соленой свининой и консервами ему уже порядочно надоѣло.

IV.

К а г у.

Обходя кругомъ озера, въ зеленой чащѣ густо разросшихся кустарниковъ, осыпанныхъ ярко-желтыми мотыльковыми цвѣтами, съ зеленою стручкообразною завязью, мѣстами выставлявшеюся изъ середины осыпающихся цвѣтковъ, Андрей Ивановичъ вдругъ натолкнулся на небольшой ручеекъ, вытекавшій изъ озера и до того скрытый вѣтвями перепутавшихся растеній, что о его существованіи трудно было догадаться, даже стоя въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него. Куда-бы могъ изливаться этотъ ручей? Во всякомъ случаѣ—не въ море. Когда Грачевъ на своемъ Гиппогрифѣ осматривалъ берега острова, онъ нигдѣ не видалъ ничего похожаго на устье рѣчки или ручья, даже не замѣтилъ, чтобъ гдѣ-нибудь хоть только струйка воды падала съ прибрежныхъ скалъ въ море.

«Надобно прежде всего изучить свою квартиру»,—подумалъ Андрей Ивановичъ и отправился внизъ по теченію ручья, съ трудомъ пробираясь между частыми стволами деревьевъ, переплетенными сѣтью цѣпкихъ, вьющихся растеній. Ручеекъ прихотливо извивался, протекая по весьма незначительному уклону. Въ иныхъ мѣстахъ онъ расширялся, образуя небольшія озера, усеянные широкими листьями цвѣтущихъ водяныхъ растеній; въ другихъ совершенно терялся въ густой болотной травѣ, и Андрею Ивановичу приходилось даже обходить неожиданныя трясины, не желая вязнуть въ жидкой грязи. Онъ слышалъ,

какъ въ травѣ, далеко на серединѣ болота, весело трещали и крикали какія-то болотныя птицы, и не разъ пожалѣлъ о томъ, что не взялъ съ собой своего престарѣлаго Брута, который, несмотря на свой почтенный возрастъ, былъ не-оцѣнимъ на охотѣ по костромскимъ болотамъ. Подвигаясь впередъ по влажной топкой почвѣ, между перепутанными стволами деревьевъ, Андрей Ивановичъ однако не разъ долженъ былъ переходить неглубокіе, но тинистые протоки, обходить которые кругомъ у него не доставало терпѣнія. Его охотничьи сапоги потеряли свой дѣвственный щеголеватый видъ и, покрытые липкой грязью и зеленоватою тиной, приобрѣли весьма некрасивую наружность. Охотясь по костромскимъ болотамъ, Андрей Ивановичъ не обращалъ обыкновенно вниманія на это обстоятельство, вполне увѣренный, что къ завтрашней охотѣ сапоги явятся снова въ приличномъ видѣ, хорошо вычищенные и обильно промазанные рыбьимъ жиромъ; но теперь онъ невольно посматривалъ на нихъ, неодобрительно покачивая головою и соображая, что ему самому придется потрудиться надъ ними, чтобъ очистить ихъ отъ этой противной грязи.

Между тѣмъ почва все понижалась, лѣсъ становился выше и гуще. Порой попадались пространства, въ которыхъ царилъ настоящій лѣсной сумракъ, съ какимъ Грачевъ однако свыкъ еще съ дѣтства въ своихъ костромскихъ лѣсахъ, до того, что безъ этого зеленого сумрака даже не могъ себѣ представить настоящаго лѣса. Начали появляться островки, занятые сплошнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Сквозь густыя нависшія вѣтви вѣковыхъ деревьевъ едва виднѣлась синева голубого неба. Это были красивыя южныя пиніи. Смолистый бальзамическій воздухъ подъ ихъ навѣсомъ смѣшивался съ испареніями гнѣющихъ листьевъ, толстымъ ковромъ покрывавшихъ влажную почву. Андрею Ивановичу показалось, что онъ какимъ то чудомъ перенесенъ въ свою родимую сосновую глушь. Онъ остановился и, осматриваясь кругомъ внимательнымъ окомъ охотника, началъ прислуши-

ваться къ лѣсной тишинѣ, какъ это дѣлалъ тысячи разъ на своей далекой родинѣ. Скоро его чуткое ухо уловило отдаленный трескъ хрупкой вѣтки и вслѣдъ затѣмъ послышался шелестъ сухихъ листьевъ, какъ будто какое-то животное разрывало кучи листьевъ, гніющія у подошвы деревьевъ. Немного спустя, шелестъ этотъ повторился, но уже нѣсколько ближе и правѣе. Андрей Ивановичъ сталъ пристально всматриваться въ то мѣсто, откуда послышался этотъ шелестъ. Сначала онъ ничего не могъ разобратъ въ этомъ зеленомъ полумракѣ, господствовавшемъ подъ навѣсомъ деревьевъ; но спустя нѣсколько мгновений, по охотничьей привычкѣ, инстинктивно безъ малѣйшаго шума онъ спрятался за стволъ дерева, у котораго стоялъ, и затаивъ дыханіе, уставилъ свои зоркіе глаза въ сѣроватое пятно, которое медленно двигалось на темнозеленомъ фонѣ лѣсного сумрака. Скоро онъ разсмотрѣлъ, что это была довольно большая птица, еще больше гигантскаго ноту.

Сѣровато-пепельныя перья ея мѣстами были перемѣшаны съ красновато-желтыми и бѣлыми, на головѣ длинный блѣдно-сѣрый хохолъ покрывалъ затылокъ и часть короткой шеи, крылья, распущенные вѣромъ, были усеяны желтыми, красными и сѣрыми пятнами. Медленно двигаясь между стволами деревьевъ, она постоянно нагибалась и своимъ длиннымъ и острымъ клювомъ разрывала кучи гніющихъ листьевъ, вѣроятно отыскивая гнѣздившихся въ нихъ насѣкомыхъ, червей и личинокъ. Вдругъ птица остановилась и вытянула шею. Андрею Ивановичу показалось, что она насторожилась, почуявъ охотника. Не желая потерять интересную дичь, онъ быстро вскинулъ ружье и приготовился стрѣлять. Но въ этотъ моментъ раздалось громкое «кха», похожее на чудовищно-сильный кашель, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовало продолжительное «кгу», будя тысячи отголосковъ въ безмолвномъ лѣсу. Охотникъ вздрогнулъ отъ неожиданности и рѣзкости звуковъ и едва не выронилъ ружья. Между тѣмъ «кха-кгу» слѣдовали одно за другимъ, становясь все громче

и рѣзче. Это кричала птица, всякій разъ при этомъ выгибая шею и наклоняя нѣсколько голову, какъ будто для того, чтобы лучше, старательнѣе выводить свою стереотипную фразу. На этотъ крикъ по сторонамъ раздалось нѣсколько отвѣтныхъ «кагу». Птица, казалось, успокоилась и принялась за свое прерванное занятіе. Андрей Ивановичъ все еще держалъ ружье наготовѣ, не рѣшаясь выстрѣлить въ кагу (онъ вспомнилъ, что именно такъ называлась птица, благодаря своему крику): у него не поднималась рука на существо, которое такъ мирно паслось у него на глазахъ, довѣрчиво приближаясь къ тому самому стволу дерева, за которымъ онъ прятался. Кромѣ того, благодаря отвѣтнымъ крикамъ кагу, Грачевъ уже не боялся остаться безъ дичи. Онъ читалъ, что кагу легко дѣлается ручнымъ и ему захотѣлось поймать свою добычу живою. Поэтому онъ опустилъ ружье и остался за деревомъ, не спуская глазъ съ приближающагося кагу. Каждый охотникъ можетъ легко понять, что, несмотря на вынужденную неподвижность, на задерживаемое дыханіе, Андрей Ивановичъ страшно волновался. Надежды и опасенія быстро смѣнялись другъ друга. То онъ боялся, что кагу перемѣнитъ направленіе и не пройдетъ мимо дерева, за которымъ онъ притаился, то опасался, что птица почуветъ его присутствіе и убѣжитъ, а преслѣдовать ее въ густомъ лѣсу, между спутанными стволами деревьевъ, нечего было и думать. Одно время онъ думалъ, что ему показалось, что птица его замѣтила; по крайней мѣрѣ ея черные блестящіе глаза остановились на томъ самомъ деревѣ, за которымъ притаился Грачевъ. Онъ уже ждалъ, что кагу кинется въ бѣгство. Но опасеніе не оправдалось. Птица продолжала спокойно приближаться къ нему, разрывая по пути кучи листьевъ и останавливаясь надъ ними на нѣсколько мгновеній, чтобы достать червяка или насѣкомое. Когда кагу подошла къ дереву на нѣсколько шаговъ, терпѣніе покинуло охотника. Онъ выскочилъ изъ своей засады и бросился ловить испуганную птицу. Кагу

сначала взглянула на него какъ то странно расширившимися глазами, потомъ жалобно закричала и кинулась бѣжать, распустивши вѣромъ свои безполезныя крылья. Андрей Ивановичъ бѣжалъ за ней, какъ говорится, сломя голову, натыкаясь на деревья, задѣвая за попадавшіеся на пути сучья. Нѣсколько царапинъ и довольно чувствительныхъ ушибовъ не могли остановить его бѣга: онъ видѣлъ только одну кагу, которую уже почти настигалъ и готовился схватить. Но въ этотъ моментъ нога его зацѣпилась за выдавшійся корень и онъ съ размаху упалъ на руки, разразившись самымъ энергическимъ проклятіемъ, какое когда-либо случалось ему придумывать. Казалось, добыча была потеряна. Но каково было его удивленіе, когда на его проклятіе кагу отвѣчала жалобнымъ стономъ и вдругъ остановилась, спрятавъ голову подъ распущенныя вѣромъ крылья. Оставалось только подойти и взять добычу. Почти не вѣря своимъ глазамъ, Андрей Ивановичъ схватилъ кагу за распущенныя крылья и поднялъ на руки: въ птицѣ было, какъ ему показалось, отъ 10 до 15 фунтовъ вѣсу. Однако, заключеніе этимъ не кончилось. Въ то время, когда Андрей Ивановичъ, радуясь своей легкой побѣдѣ, перекладывалъ птицу съ руки на руку, чтобъ удобнѣе ее нести, кагу вдругъ преобольно ущинула его за руку своимъ красивымъ, твердымъ клювомъ. Щипокъ былъ такъ силенъ и неожиданъ, что Андрей Ивановичъ выпустилъ ее изъ рукъ. Почувствовавъ себя на свободѣ, кагу со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать къ ближайшему кустарнику. Тогда, отчаявшись завладѣть ею мирнымъ способомъ и не желая упустить добычу, Андрей Ивановичъ выстрѣлилъ ей вслѣдъ сначала изъ одного ствола, потомъ изъ другого. Птица упала съ раздробленною головой. Стоя надъ нею, въ то время, когда въ отвѣтъ на громъ выстрѣловъ гудкій лѣсъ гудѣлъ тысячью разнообразныхъ, казалось, встревоженныхъ голосовъ, Андрей Ивановичъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти. Охотничья горячка его улеглась. Онъ смотрѣлъ,

какъ надъ головой его кружились какія-то птицы, точно укоряя его въ убійствѣ, зеленые попугаи хрипло каркали надъ нимъ, лазя по вѣткамъ, вдали слышались замирающіе крики кагу. Онъ все вспоминалъ, какъ мирная птица довѣрчиво приближалась къ нему, не чуя грозящей опасности. «Неужели нельзя обойтись безъ убійства и разрушеній?» — спрашивалъ онъ себя, смотря на окровавленную добычу. Но такова совѣсть человѣческая! Вечеромъ онъ весьма сытно пообѣдалъ мясомъ этой самой птицы, надъ трупомъ которой только-что предавался такимъ горькимъ размышленіямъ, и даже нашелъ мясо ея превкуснымъ.

V.

Киви-Киви.

Мясо кагу дѣйствительно вкусно, но для одного человѣка цѣлой птицы слишкомъ много. Чтобы оно могло, не портясь, сохраняться въ теченіе нѣсколькихъ дней, Андрей Ивановичъ тотчасъ же послѣ обѣда придумалъ слѣдующее средство. Онъ взялъ жестяной ящикъ, въ которомъ прежде были консервы, помѣстилъ въ него оставшееся мясо кагу, плотно закрылъ крышкой и опустил на дно ручья, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ того мѣста, гдѣ онъ вытекалъ изъ озера. Благодаря этому приспособленію Грачевъ получилъ возможность всегда имѣть въ запасѣ свѣжее мясо. Между тѣмъ, охотясь въ томъ же лѣсу за кагу, онъ прослѣдилъ теченіе ручья вплоть до его устья. Ручей исчезалъ въ серединѣ лѣса, низвергаясь кипящимъ каскадомъ съ обрыва въ глубокое ущелье, похожее на провалъ, со дна котораго поднимались вершины засохшихъ деревьевъ, вѣроятно, осѣвшихъ туда вмѣстѣ съ опустившеюся почвой. Мѣстность была крайне дикая. Поваленные стволы деревьевъ, перепутанные цѣпкими ліанами, наклонялись надъ ущельемъ и поминутно преграждали дорогу. Въ самомъ ущельи господствовалъ совершенный мракъ, точно лучъ свѣта не имѣлъ

силы проникнуть въ его таинственную глубину. Шумъ падающаго ручья гулко раздавался по лѣсу. Со дна ущелья поднимался влажный воздухъ, пропитанный испареніями гніющаго болота. Обходя кругомъ ущелья, Андрей Ивановичъ видѣлъ повсюду крутыя обрывистыя стѣны, исключавшія всякую возможность спуститься на дно провала. Въ иныхъ мѣстахъ изъ глубины поднимались, рядомъ съ засохшими, зеленѣющія вершины деревьевъ, стѣмѣвшихъ укорениться на влажномъ днѣ ущелья. Мѣстами оно развѣтвлялось въ видѣ узкихъ трещинъ, мѣстами, какъ острова, со дна его поднимались узкіе, совершенно отвѣсныя гребни скалъ. Въ одномъ мѣстѣ одно изъ ущелій было на-столько узко и уклонялось въ сторону такъ далеко, что Андрей Ивановичъ долженъ былъ перепрыгнуть его, чтобы идти снова по краю главнаго провала.

Пробираясь между поваленными деревьями и вывороченными корнями, Андрей Ивановичъ нашелъ забившуюся въ нору странную птицу и вытащилъ ее на свѣтъ. Она оказалась величиною съ большую курицу, но вмѣсто перьевъ была покрыта чѣмъ-то вродѣ волосъ. Хвоста у ней вовсе не было, короткія, совершенно не развившіяся, крылья оканчивались роговымъ затвердѣніемъ въ видѣ кости. Ослѣпленная дневнымъ свѣтомъ, она глупо хлопала глазами и шелкала длиннымъ и тонкимъ носомъ, похожимъ на бекасинный клювъ. Андрей Ивановичъ тотчасъ же узналъ эту птицу, такъ какъ достаточно разъ только видѣть ея странную фигуру, чтобы не забыть никогда. Это былъ карликъ изъ семейства страусовъ Киви, встрѣчаемый въ Новой Зеландіи. Киви—ночная птица, питается зернами, червями, личинками, которыхъ достаетъ своимъ длиннымъ и тонкимъ клювомъ, а днемъ прячется въ земляныхъ норахъ или подъ корнями большихъ деревьевъ.

Уторочивъ Киви въ свой охотничій мѣшокъ, Андрей Ивановичъ продолжалъ свой путь дальше. Мѣстность стала подниматься въ гору, лѣсъ началъ рѣдѣть. Вскорѣ издали

послышался шумъ падающей воды. Выйдя на открытое мѣсто, Андрей Ивановичъ увидалъ прямо передъ собой катившійся каскадами съ горы и сверкавшій бѣлою пѣной довольно широкой ручей. Мѣстами встрѣчая на пути обломки скалъ, онъ дробился на нѣсколько рукавовъ, которые потомъ соединялись снова въ одно русло. Кипя и пѣнясь, добѣгалъ онъ до обрыва и съ громкимъ шумомъ, разлетаясь на миллионы брызгъ, падалъ въ глубину ущелья. Столбъ этихъ брызгъ, освѣщенный лучами солнца, блисталъ всеми цвѣтами радуги и какъ будто колебался надъ обрывомъ, то поднимаясь на извѣстную высоту, то снова опускаясь, то переходя съ одного берега на другой. Андрей Ивановичъ долго любовался на неожиданно встрѣченный водопадъ и порѣшилъ окрестить его Ниагарскимъ водопадомъ.

Между тѣмъ солнце склонялось къ западу и нужно было подумать о возвращеніи домой. Перейти ручей близъ устья не представлялось возможности; возвращаться назадъ прежнимъ путемъ, въ обходъ ущелья, было далеко и утомительно. Вематриваясь вверхъ, Андрей Ивановичъ, казалось, видѣлъ нѣсколько такихъ мѣстъ. Но ему пришлось подняться довольно высоко въ гору, прежде чѣмъ онъ нашелъ удобное мѣсто для перехода. Съ трудомъ пробрался онъ черезъ ручей по скользкимъ, обточеннымъ водою камнямъ, въ то время какъ подъ ногами его бѣшено неслись, шумя и пѣнясь, прозрачныя волны, и усталый онъ сѣлъ отдохнуть на другомъ берегу на выдающемся уступѣ скалы. Онъ оглядѣлся кругомъ, чтобы опредѣлить мѣсто острова, въ которомъ находился, и замеръ отъ восторга. Надъ его головой широкими уступами, скрывавшимися одинъ за другимъ, возвышалась гора, покрытая кое-гдѣ одинокими пиніями и цѣпкимъ, какъ будто засохшимъ кустарникомъ. Прямо передъ нимъ простирался широкий видъ во всѣ стороны; у самого подножья горы за водопадомъ чернѣло, извиваясь змѣею, ущелье и пропадало въ лѣсу вѣковыхъ

тропическихъ сосенъ, уходившемъ далеко влѣво, почти вплоть до западнаго берега острова. На заднемъ планѣ лѣсъ этотъ, синѣя вдаль, переходилъ въ отдѣльныя купы, между которыми все чаще и чаще возвышались перистыя, вырѣзныя вершины пальмъ; направо лѣсъ постепенно измѣнялся въ пальмовыя рощи и въ яркую зелень банановъ, хлѣбныхъ растений и болотныхъ пальмъ, изъ-за которыхъ, какъ лоскутъ голубого атласа, блестѣтъ клочекъ озера. Надъ озеромъ, у подошвы горы, темнѣла плоская кровля храма съ двумя своими колоннами по сторонамъ, изъ которыхъ на одной рѣзко рисовалась опрокинутая половина шара. Позади храма опять шли лѣса и рощи, окутанные голубою дымкою дали; за ними далеко-далеко виднѣлись зубцы прибрежныхъ скалъ, позади которыхъ разстился до самаго горизонта необъятный просторъ океана, сливаясь съ безоблачною лазурью неба. На всемъ ландшафтѣ лежала печать мира, тишины и спокойствія и самый шумъ ручья, бѣшено мчавшагося подъ гору, не нарушалъ этого спокойствія; казалось, онъ навѣвалъ на душу такія же мирныя грезы, какъ пѣснь старой няни надъ дремлющимъ ребенкомъ.

Однако солнце спустилось уже довольно низко. Замечтавшись Андрей Ивановичъ очнулся, взглянулъ на часы и, вздохнувши, сталъ спускаться подъ гору. Было около пяти, до заката солнца оставалось не болѣе часу. Надо было торопиться, чтобы засвѣтло добраться до дому (такъ Андрей Ивановичъ называлъ свою палатку), потому что путешествіе по лѣсу въ темнотѣ не представляло никакой пріятности.

Когда Андрей Ивановичъ подходилъ къ опушкѣ ближайшей рощицы, изъ-за деревьевъ появилось какое-то животное и, прыгивая, побѣжало къ озеру. Издали оно казалось величиною съ козленка и было покрыто длинною, волнистою шерстью пепельнаго цвѣта. Андрей Ивановичъ пошелъ къ нему на перерѣзъ, перезаряжая на ходу ружье. Впереди виднѣлись кусты, за которыми животное могло скрыться. Чтобы предупредить это обстоятельство, Андрей

Ивановичъ побѣжалъ быстрѣе и, приблизясь на ружейный выстрѣлъ, спустилъ курокъ. Когда разсѣялся дымъ отъ выстрѣла, животное уже неподвижно лежало на землѣ у самого куста, за которымъ намѣревалось скрыться. Въ то же время изъ-за куста появилась кроткая головка лямы, послышалось тихое призывное блеяніе и, наконецъ, осторожно раздвигая вѣтви, на полянѣ показалась вся ляма. Она остановилась надъ убитымъ животнымъ, обнюхивая его кругомъ, и принялась лизать. Андрей Ивановичъ подошелъ совсѣмъ близко и разсмотрѣлъ, что на землѣ лежала съ прострѣленною головою ляма, величиною не болѣе полугодоваго ягненка. Старая ляма продолжала лизать своего убитаго дѣтеныша. Она нѣсколько разъ взглянула на Андрея Ивановича своими кроткими, довѣрчивыми глазами, и онъ ясно могъ разглядѣть, что изъ глазъ ея катились слезы и текли по ея красивой мордочкѣ. Эта сцена такъ его тронула, что онъ готовъ былъ дать зарокъ — никогда больше не братьяся за ружье. Онъ тихо подошелъ къ лямѣ и осторожно погладилъ ее по спинѣ. Она настрожила уши и, переставши лизать, обернулась къ нему, обнюхала его платье и вдругъ, фыркнувъ, какъ будто что-то непріятное попало ей въ ноздри, испуганно убѣжала въ кусты. Андрей Ивановичъ нѣсколько минутъ прислушивался къ ея жалобному блеянію и, когда оно затихло вдали, поднялъ на плечо убитую ляму и въ сумеркахъ потухающаго дня грустно пошелъ къ своей палаткѣ. Онъ чувствовалъ на душѣ такую тяжесть, какъ будто сдѣлалъ преступленіе. «Ну, что-же,—пробовалъ онъ утѣшить себя грустной провнѣй,—разъ сдѣлано преступленіе, надо по крайней мѣрѣ воспользоваться его плодами: бесполезное преступленіе — самое глупое».

Тѣмъ не менѣе въ этотъ вечеръ, какъ будто въ наказаніе себѣ, онъ легъ спать безъ ужина и всю ночь ему снилась кроткая мордочка лямы и изъ глазъ ея текли слезы...

VI.

Рыбная ловля.

Приключеніе съ льямой имѣло еще и другое слѣдствіе. Получивъ отвращеніе къ охотѣ съ ружьемъ на островѣ, Андрей Ивановичъ вздумалъ развлечься рыбною ловлею. Для этой цѣли онъ приготовилъ съ вечера свои рыболовные снаряды и, вставши на другой день еще до разсвѣта, выбралъ подходящее мѣсто на берегу озера и разставилъ свои удилища. Рыба не заставила себя ждать и довольно жадно бросилась на приманку. Особенно мушки пришлись ей по вкусу. Но она срывала ихъ до такой степени искусно, что рыболовъ приходилъ просто въ отчаяніе, почти постоянно вытаскивая пустыя удочки. Правда, это не проходило для рыбы совершенно безнаказанно и въ концѣ концовъ Андрею Ивановичу все-же удалось наловить себѣ на уху, но попалась такая мелочь, что охоту ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать удачною. Напрасно онъ перемѣнялъ мѣста, обходя нѣсколько дней кругомъ озера, даже ловилъ на ручьѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ расширялся, — результатъ былъ одинъ и тотъ-же. Оставалось предположить, что крупной рыбы или вовсе нѣтъ въ озерѣ, или она не ловится на удочку. Но на первомъ предположеніи Андрей Ивановичъ остановился не долѣе секунды, потому что не разъ видѣлъ собственными глазами, какъ крупная рыба цѣлыми стаями обходила кругомъ озера. Нужно было остановиться на второмъ. Но почему она не ловилась? Потому-ли, что она не держится у берега и поэтому не ловится, или приманка ей не по вкусу? Андрей Ивановичъ попробовалъ употребить въ дѣло мелкую рыбешку и рачковъ, которыхъ было много у берега и особенно въ ручьѣ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, онъ поймалъ, наконецъ, на эту приманку нѣчто вродѣ окуня, но съ ярко-оранжевыми поперечными полосами на золотистомъ

фонѣ и съ совершенно синими плавниками. Въ рыбѣ было около трехъ фунтовъ вѣсу. Затѣмъ удалось поймать еще нѣсколько подобныхъ рыбъ, только поменьше. Но вообще у берега крупная рыба бралась очень рѣдко. Нужно было найти средство устроить ловлю поближе къ срединѣ острова.

Конечно, прежде всего, Андрей Ивановичъ остановился на мысли построить лодку. Но какъ это сдѣлать и гдѣ взять нужный матеріалъ? Срубить довольно толстое дерево и выдолбить или выжечь изъ него лодку, конечно, неособенно хитро, но это потребуетъ довольно много времени, а было-бы интересно поохотиться за крупною рыбой, не откладывая этого надолго. Не оставляя мысли о постройкѣ лодки, Андрей Ивановичъ рѣшился предварительно устроить плотъ такой величины, чтобы онъ могъ поднимать только одного человѣка. При помощи шеста Андрей Ивановичъ могъ-бы передвигаться на немъ по озеру, останавливаясь тамъ, гдѣ вздумается, съ цѣлю половить рыбы на глубокѣ мѣстѣ. Остановившись на этой мысли, онъ отправился въ верхнюю башню, гдѣ хранился его Гиппогрифъ, ящики съ консервами, платьемъ и инструментами. Вооружившись здѣсь топоромъ, пилой, буравомъ и тому подобными орудіями, Андрей Ивановичъ воротился на берегъ озера, срубилъ здѣсь нѣсколько небольшихъ деревцовъ, толщиною отъ трехъ до пяти вершковъ въ діаметрѣ, распилилъ ихъ на бревна сажени въ полторы въ діаметрѣ, связалъ при помощи деревянныхъ гвоздей поперечинами отъ двухъ до двухъ съ половиною аршинъ и образовавшійся такимъ образомъ плотъ столкнулъ на воду. Убѣдившись, что плотъ не тонетъ подъ его тяжестью, Андрей Ивановичъ устроилъ на срединѣ его нѣчто въ родѣ сидѣнья, вытесалъ широкое весло, срубилъ для шеста длинную и тонкую трость растенія, очень похожаго на бамбукъ, и уже въ тотъ-же вечеръ имѣлъ удовольствіе переплыть на своемъ плоту все озеро. Правда, плотъ оказался довольно тяжелымъ и неповоротливымъ, но на первыхъ по-

рахъ приходилось имъ довольствоваться. Теперь оставалось отыскать только достаточно тяжелый камень, привязать его на веревку въ видѣ якоря, и приспособленія для рыбной ловли на серединѣ острова были окончены.

На слѣдующее утро Андрей Ивановичъ выѣхалъ на своемъ плотѣ на рыбную ловлю. Съ помощью лота онъ выбралъ самое глубокое мѣсто на озерѣ, опустил свой импровизированный якорь, закинулъ удочки и сталъ терпѣливо ожидать результатовъ.

Надъ нимъ кружилось цѣлое облако насѣкомыхъ, то колеблясь изъ стороны въ сторону, то поднимаясь высоко вверхъ, то опускаясь къ самой водѣ. Разноцвѣтныя мушки садились ему на лицо, на руки, на плоть, падали въ воду и здѣсь ихъ тотчасъ-же проглатывали маленькія рыбки, поджидавшія свою добычу на поверхности воды. Золотистыя стрекозы, трепеща радужными крыльями, садились на неподвижные поплавки, слегка ихъ раскачивая, и вдругъ, точно подстрѣленные, также падали въ воду и мгновенно исчезали въ зеркальной глубинѣ.

Отъ нечего дѣлать Андрей Ивановичъ заинтересовался этимъ явленіемъ и скоро замѣтилъ, что около плота кружились красивыя золотистыя рыбки, украшенныя ярко-пурпурными поперечными полосами, точно перевязанныя яркими лентами. Онѣ-то и были причиной того, что стрекозы и мушки, какъ подстрѣленные, падали въ воду. Эти рыбки, намѣтивъ себѣ добычу, стрѣляли въ нее изъ своего выдающагося трубчкою рта капелькою воды такъ сильно и мѣтко, что насѣкомое мгновенно падало въ воду и становилось добычею ловкаго стрѣлка.

Андрей Ивановичъ до того увлекся своими наблюденіями за водяными стрѣлками, что совсѣмъ забылъ о своихъ полавкахъ. Онъ вспомнилъ, что читалъ когда-то о щетинозубахъ и хельмонахъ, которыхъ богатые яванцы держатъ у себя въ прудахъ ради ихъ красоты и оригинальнаго способа охоты за насѣкомыми. Онъ вспомнилъ

также, что яванцы ставятъ надъ водой деревянныя щиты съ насаженными на нихъ насѣкомыми и забавляются потомъ, глядя, какъ хельмоны, часто на разстояніи шести футовъ, стрѣляютъ въ насѣкомыхъ и сбиваютъ ихъ въ воду одного за другимъ. Вѣроятно, красивыя рыбки, которыя кружились около плота, принадлежали къ тому-же роду.

VII.

В о р ь б а.

Пока Андрей Ивановичъ занимался этими интересными наблюденіями, поплавки оставались неподвижными. Такъ прошло довольно много времени. Полуденное солнце давало уже чувствовать себя и широкополая шляпа съ опущенными на самыя плечи полями плохо защищала Андрея Ивановича отъ жаркихъ солнечныхъ лучей, раскалившихъ плоть до того, что бревна трескались вдоль, издавая звукъ пистолетнаго выстрѣла. Страдая отъ жары, Андрей Ивановичъ разсѣяннo поглядывалъ на свои неподвижныя поплавки. Вдругъ одинъ изъ нихъ дрогнулъ и погрузился въ воду. Когда Андрей Ивановичъ замѣтилъ его исчезновеніе и взялся за удилище, поплавокъ уже снова появился на поверхности воды. Проклиная свою разсѣянность, Андрей Ивановичъ подождалъ еще нѣсколько времени, не повторится-ли клевъ, и затѣмъ вытащилъ лесу. Приманка была съѣдена. Андрей Ивановичъ насадилъ новую и закинулъ на то же мѣсто. Теперь онъ уже внимательно наблюдалъ за своими поплавками.

Уже давно была пора обѣдать и Андрей Ивановичъ, вѣроятно, благодаря постоянному движенію на свѣжемъ воздухѣ, не страдалъ отсутствіемъ аппетита, но настоящій охотникъ и рыболовъ умѣетъ презирать и голодъ, и жажду.

Прошло еще нѣсколько времени и тотъ-же поплавокъ погрузился въ воду; но теперь Андрей Ивановичъ уже

былъ на сторожѣ и потому успѣлъ подсѣчь во время. Онъ сразу почувствовалъ, что на крючкѣ повисло что-то тяжелое. Сердце охотника, полное радостнаго ожиданія, усиленно забилося... Но—увы!—Это было только одно короткое мгновеніе: натянутая леса, свистя, взвилась кверху и на концѣ ея не оказалось ни наживки, ни крючка... Осмотрѣвъ конецъ леси, Андрей Ивановичъ убѣдился, что она не оборвана, но перекушена и такъ ровно, точно обрѣзана острымъ ножомъ. Съ досадою откинулъ онъ въ сторону бесполезное удилище и сосредоточилъ свое вниманіе на остальныхъ.

Прошло еще нѣсколько времени; сколько именно, Андрей Ивановичъ не считалъ. Понятно, кто хочет ловить рыбу, тотъ долженъ запастись терпѣніемъ. Андрей Ивановичъ замѣтилъ только, что солнце теперь обжигало ему уже лѣвую щеку и поэтому шляпу пришлось передвинуть съ затылка на лѣвое ухо.

Но вотъ на самой толстой лесѣ, которая могла-бы выдержать любого костромскаго сома, поплавокъ медленно погрузился въ воду. Въ то-же мгновеніе Андрей Ивановичъ подсѣкъ и повелъ удилище: на крючкѣ, очевидно, сидѣла пожалуй еще болѣе крупная рыба, чѣмъ въ первый разъ, натягивая осторожно лесу, такъ что рыба, вѣроятно еще не опомнившаяся отъ неожиданности, медленно подавалась за движеніемъ его руки, только гибкое удилище подъ тяжестью ея согнулось совершенно въ дугу. Но вотъ, на извѣстной глубинѣ, леса стала натягиваться такъ сильно, что Андрей Ивановичъ долженъ былъ нѣсколько уступить. Сначала рыба тянула въ противоположную отъ плота сторону, затѣмъ повернула вдоль озера, но, встрѣтивъ сопротивленіе и здѣсь, воротилась назадъ и, наконецъ, раздраженная болью, начала метаться изъ стороны въ сторону съ такой быстротою и силой, что едва не вырывала изъ рукъ удилища. Андрей Ивановичъ уже стоялъ на ногахъ и, чувствуя, какъ дрожить и колеблется подъ нимъ его утлый

плоть, слѣдуя за бѣшенными движеніями рыбы, замиралъ отъ страха, что вотъ-вотъ лопнетъ его надежная леса и дорогая добыча ускользнетъ изъ рукъ. Нужно было ее замучить, довести до такого состоянія, чтобы потомъ безъ сопротивленія можно было вытащить на плотъ обезсиленную рыбу. Но для этого необходимо не давать ей возможности оборвать лесу.

Еслибъ Андрей Ивановичъ былъ на своемъ легкомъ челнокѣ, на которомъ онъ, бывало, разбѣжжалъ по заводямъ Волги, онъ спокойно предоставилъ-бы рыбѣ тащить его по озеру, подобно тому, какъ на Волгѣ водила его громадная щука, пока не замучилась до того, что позволила, наконецъ, выволочь себя на берегъ. Развѣ обрѣзать якорь, который мѣшаетъ плоту свободно слѣдовать за движеніями рыбы? Не спуская глазъ съ того мѣста, гдѣ билась рыба, Андрей Ивановичъ освободилъ одну руку, вынулъ изъ кармана складной ножикъ и, раскрывъ его зубами, нагнулся къ сидѣнью, съ цѣлью перерѣзать привязанную къ нему веревку якоря. Но въ это самое время рыба такъ сильно метнулась, что плотъ закачался и ножикъ, выскользнувъ изъ руки, упалъ въ воду.

Тогда Андрей Ивановичъ попытался отвязать веревку. Но такъ какъ все его вниманіе было сосредоточено на движеніяхъ леси, то развязать туго затянувшійся узелъ ему никакъ не удавалось, тѣмъ болѣе, что, взволнованный борьбой съ водянымъ чудовищемъ, онъ весь дрожалъ отъ нервнаго возбужденія и рука плохо его слушалась. Всѣ мысли его сосредоточились на томъ, чтобы не упустить добычу, но для этого, прежде всего, было необходимо освободиться отъ якоря. Но какъ это сдѣлать?

Къ счастью, наскоро сколоченное сидѣнье, къ которому была привязана веревка, недолго могла сопротивляться бѣшенымъ скачкамъ рыбы. Андрей Ивановичъ скоро замѣтилъ, что оно совсѣмъ съѣхало на сторону и держалось только на двухъ-трехъ деревянныхъ гвоздяхъ, которыми

было прибито къ поперечнымъ брусьямъ. Онъ тотчасъ-же воспользовался этимъ обстоятельствомъ и нѣсколькими ударами ноги помогъ ему оторваться и отъ этихъ гвоздей. Но когда сидѣнье упало въ воду, плоть, сразу освобожденный отъ якоря, съ такой стремительностью сдвинулся съ мѣста, что Андрей Ивановичъ едва не упалъ въ воду. Съ трудомъ удержавшись на ногахъ, Андрей Ивановичъ тотчасъ-же опустился на колѣни и въ этомъ болѣе устойчивомъ положеніи предоставилъ своему плоту плыть, куда его потащитъ рыба. Держа удилище обѣими руками, онъ то нѣсколько натягивалъ, то отпускалъ лесу, сообразно большей или меньшей стремительности рыбы: такъ хорошій кучеръ, то подбирая, то ослабляя подводу, управляетъ бѣгомъ своей горячей лошади... А лошадь попалась Андрею Ивановичу не только горячая, но даже—бѣшеная. Она то кружила плоть по серединѣ озера, то почти съ быстротою локомотива тащила его нѣсколько времени въ одну и ту-же сторону, то, вдругъ бросившись назадъ, утаскивала лесу подъ плоть и съ тою-же быстротою тянула его въ обратномъ направленіи. Тогда Андрею Ивановичу приходилось съ большимъ трудомъ освобождать лесу изъ-подъ плота, изъ боязни, чтобы она не перетерлась объ его край.

Обливаясь потомъ, измученный не менѣе своей добычи, онъ весь вымочился, ползая съ одной стороны плота на другую, изрѣзалъ и ободралъ себѣ руки, но все еще крѣпко держался за лесу, въ надеждѣ, что настанетъ, наконецъ, время, когда это чудовище утомится и вмѣсто того, чтобы таскать его по озеру, само пойдетъ за нимъ и позволить вытащить себя на берегъ.

VIII.

Н е у д а ч а.

Ожиданія Андрея Ивановича, казалось, начинали уже сбываться. Мало-по-малу движенія рыбы теряли свой бѣ-

шенный характеръ. Она все еще металась изъ стороны въ сторону, но уже не такъ быстро и порывисто, какъ прежде. Раза два она поднималась къ поверхности воды. Въ первый разъ Андрей Ивановичъ успѣлъ разглядѣть только бѣлое брюхо, усеянное темными пятнами, и широкій хвостъ, обрамленный сплошнымъ плавникомъ, какъ у сома; въ другой разъ изъ воды на мгновеніе выставилась голова, похожая на налимяю съ широкимъ, безобразнымъ ртомъ и огромными, неподвижными глазами, и всплывъ взволнованную поверхность, снова скрылась въ глубинѣ озера. Наконецъ плотъ остановился и рыба, едва натягивая лесу, какъ будто отдыхала, готовясь къ новой борьбѣ.

Андрей Ивановичъ воспользовался этимъ минутнымъ затишьемъ. Онъ обмоталъ лесу нѣсколько разъ вокругъ ноги, чтобы дать отдыхъ изрѣзаннымъ рукамъ, и вытянувшись всѣмъ тѣломъ, досталъ весло, откатившееся на другую сторону плота. Но только что онъ опустилъ весло въ воду, чтобы направить плотъ къ тому берегу, гдѣ стояла палатка, какъ рыба рванулась снова и потащила плотъ за собой. Теперь она, казалось, дѣйствовала уже по опредѣленному плану. Должно быть, она успѣла обдумать свое положеніе и нашла средство избавиться отъ бѣды. Она уже не кружилась по серединѣ озера, не бросалась изъ стороны въ сторону, но тянула плотъ по одному и тому-же направленію прямо къ берегу озера, именно къ тому его мѣсту, гдѣ множество воздушныхъ корней, перепутанныхъ вьющимися растеніями, спускались въ воду, между зарослями водяныхъ и болотныхъ травъ и тростниковъ, и образовали совершенно непроходимую чащу. Въ этой чашѣ рыба легко могла обрвать лесу или забиться въ такую трущобу, изъ которой ее нельзя было-бы вытянуть никакими средствами. Андрей Ивановичъ во время замѣтилъ опасность и принялся грести въ обратную сторону.

Началась настоящая борьба. Человѣкъ состязался въ силѣ и ловкости съ водянымъ чудовищемъ. Кто побѣдитъ?

Андрей Ивановичъ поднялся на ноги и, налегая на весло, всѣми силами старался не допустить плотъ къ опасному мѣсту. Рыба не уступала и тянула плотъ къ зарослямъ. Леса, обмотанная вокругъ ноги Андрея Ивановича, натянулась до того, что врѣзывалась въ тѣло. Собразно съ усиліями борцовъ, плотъ колебался то въ ту, то въ другую сторону: то подвигался на нѣсколько шаговъ къ опасному берегу, то Андрей Ивановичъ бралъ перевѣсъ и отодвигалъ его снова къ серединѣ озера. Однако силы его замѣтно истощались и онъ чувствовалъ, что еще полчаса подобной борьбы—и онъ долженъ будетъ уступить. Онъ продолжалъ дѣйствовать весломъ съ лихорадочной торопливостью, какъ вдругъ плотъ покачнулся такъ сильно, что едва не опрокинулся: застигнутый врасплохъ этимъ неожиданнымъ толчкомъ, Андрей Ивановичъ потерялъ равновѣсіе и съ размаху полетѣлъ въ воду...

Когда онъ выбрался снова на плотъ, весь мокрый и безъ шляпы, онъ прежде всего ощущалъ на своемъ колѣнѣ обрывокъ лопнувшей леса: лопнувшая леса и была причиной неожиданнаго толчка, отъ котораго Андрей Ивановичъ упалъ въ воду. Очевидно, она не выдержала такого напряженія, съ какимъ оба борца растягивали ее въ противоположныя стороны. Всѣ труды пропали даромъ, добыча была потеряна. Самъ онъ, усталый, голодный, исцарапанный, вымокшій съ головы до ногъ, сидѣлъ на своемъ плоту, какъ Марій на развалинахъ Карфагена, и благодарилъ Бога за то, что остался живъ: если-бъ не оборвалась леса въ моментъ его паденія въ воду, рыба утопила бы его навѣрно, утащила-бы на дно озера...

Приходилось возвращаться съ пустыми руками. Но прежде всего нужно было выловить шляпу, раньше чѣмъ она намокнетъ и пойдетъ ко дну. Подогнавши къ ней свой плотъ, Андрей Ивановичъ досталъ ее концомъ весла и выкинулъ на мокрыя бревна. Затѣмъ онъ принялся стаскивать съ себя сапоги, чтобы вылить изъ нихъ воду. Осматриваясь

при этомъ кругомъ, онъ только теперь замѣтилъ, что растерялъ все свои рыболовныя принадлежности: изъ черехъ удилищъ, взятыхъ имъ на рыбную ловлю, на плотѣ оставалось только то, оборванная леса котораго все еще была обмотана вокругъ его колѣна; что касается сачка, сѣтки съ мелкой рыбешкой, сажевки, то все это исчезло безъ слѣда.

Стоя на плоту, почти въ костюмѣ Адама, Андрей Ивановичъ отправился къ мѣсту своего первоначальнаго лова, оглядывая по пути зеркальную поверхность озера, съ цѣлью отыскать свои пропавшія снасти. Скоро онъ замѣтилъ недалеко отъ берега какъ будто конецъ удилища, торчавшій изъ воды. Подѣхавъ къ этому мѣсту, онъ дѣйствительно нашелъ свое удилище, запутавшееся въ водоросляхъ, куда, вѣроятно, затащила его рыба. Съ трудомъ опустивъ удочку, онъ, конечно, не нашелъ уже на ней ни рыбы, ни приманки. На томъ мѣстѣ, гдѣ плавало сидѣнье съ привязанной къ нему веревкой отъ якоря, Андрей Ивановичъ нашелъ третье удилище, леса котораго запуталась за веревку. Вѣроятно, рыба затащила его въ тѣ самыя водоросли, отъ которыхъ Андрей Ивановичъ старался отвести свой плотъ.

Такимъ образомъ, послѣ цѣлаго дня ожиданій и тревогъ, Андрею Ивановичу пришлось возвращаться домой съ пустымъ желудкомъ и—что еще того хуже—съ пустыми руками. Переодѣвшись въ сухое платье, онъ долго сидѣлъ у огня, на которомъ варился его ужинъ, и припоминалъ событія минувшаго дня. Глаза его устало слѣдили за тѣмъ, какъ струйки огня трепетали, перебѣгая туда и сюда по тлѣющимъ угольямъ, а мысли все еще вертѣлись на неудачной охотѣ. Онъ старался утѣшить себя тѣмъ соображеніемъ, что у каждого охотника есть свои счастливые и несчастные дни. Очевидно, сегодня былъ его несчастный день; но въ другой разъ онъ, конечно, будетъ счастливѣе. Да, если сказать по правдѣ, что бы онъ сталъ дѣлать съ

этой чудовищной рыбой, когда ему и удалось бы вытянуть ее на берег? Съѣлъ-бы онъ фунтъ или полтора сегодня, съѣлъ - бы столько-же или нѣсколько больше завтра, а остальное все равно пришлось-бы выкинуть, потому что на третій день онъ не въ состояніи былъ-бы проглотить ни куска, такъ какъ рыба скоро приѣдается и надоѣдаетъ. Къ тому же на третій день она навѣрно испортилась-бы.

Изъ-за темной пальмовой рощицы медленно поднималась полная луна; золотыя звѣзды, еще недавно такъ ярко горѣвшія на темной лазури ночного неба, замѣтно поблѣднѣли и какъ будто отступили въ глубину небосвода. Темная поверхность озера засверкала фосфорическимъ блескомъ, отражая въ себѣ яркій ликъ луны. Въ травѣ немолчно звенѣли и трещали мириады стрекозъ; въ лѣсу звонко раздавалось ауканье какой-то ночной птицы; на озерѣ и на дальнихъ болотахъ кричали лягушки, гармоническіе голоса которыхъ, совершенно непохожіе на голоса ихъ сѣверныхъ сестеръ, звенѣли, какъ серебряные колокольчики.

Андрей Ивановичъ вслушивался въ этотъ волшебный концертъ тропической ночи, смотрѣлъ на луну и на темныя купы деревьевъ и думалъ: «Что значать всѣ эти неудачи охотника, да и не только эти, но и всѣ вмѣстѣ взятая житейскія неудачи, передъ тѣмъ жизнерадостнымъ чувствомъ, которое навѣваетъ на душу вѣчно чарующая гармонія неба, воды и земли съ ихъ чудными картинами, красками и безконечно разнообразною жизнью»!

IX.

Л о д к а.

Мысль о постройкѣ лодки не покидала Андрея Ивановича. Управление неповоротливымъ плотомъ было такъ тяжело и трудно, что прогулки по водѣ теряли отъ этого всякую прелесть. Поэтому, вскорѣ послѣ неудачной рыбной ловли, Андрей Ивановичъ снова вооружился топоромъ,

долотьями, скобелемъ и принялся за работу. Еще во время рубки бревенъ для плота онъ натолкнулся на особую породу деревьевъ, обладавшую мягкой, весьма легко поддающейся обдѣлкѣ древесиной, которая, впрочемъ, высохнувъ, становилась довольно твердою. Деревья эти, весьма похожія по цвѣтамъ и листьямъ на хлопчатникъ, быть можетъ, тождественныя съ нимъ, достигали иногда весьма внушительныхъ размѣровъ: Андрей Ивановичъ находилъ между ними экземпляры въ два обхвата и даже больше.

Выбравъ дерево подходящихъ размѣровъ, Андрей Ивановичъ, срубивъ его, повалилъ, обрубивъ вѣтви, обтесалъ колоду намѣченной величины и принялся долбить ее то прямо топоромъ, то полукруглымъ скобелемъ. Работа шла такъ быстро, дерево тесалось такъ легко, что эта легкость даже удивляла и забавляла Андрея Ивановича: ему казалось, что онъ строгаеъ не дерево, а качанъ капусты... Къ вечеру лодка была почти готова; оставалось только сдѣлать разводы, чтобы придать ей необходимую ширину и округлость.

Полюбовавшись на свою работу, Андрей Ивановичъ съ аппетитомъ поужиналъ и пораньше легъ спать, съ намѣреніемъ по-утру пораньше приняться за окончаніе лодки. Но послѣ дневныхъ трудовъ спалось ему такъ сладко, что пока онъ, вмѣсто утренняго умыванія, искупался въ озерѣ, одѣлся и позавтракалъ, не торопясь, солнце успѣло уже подняться почти на меридіанъ острова. Торопиться, конечно, было некуда, потому что оставалось сдѣлать самые пустяки и—лодка готова. Андрей Ивановичъ собралъ свои плотничьи инструменты и напѣвая «са іга», отправился къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ оставилъ свою лодку. Каково же было его огорченіе, когда вмѣсто лодки такой чистенькой и аккуратной, какою она была наканунѣ, онъ увидѣлъ какую-то некрасивую трубку, свернутую почти спиралью и всю покрытую широкими трещинами, вдоль волоконъ дерева!

Это непріятное приключеніе однако, не охладило намѣренія Андрея Ивановича сдѣлать себѣ лодку. Онъ понялъ

только, что полагаться на тропическое солнышко нельзя, такъ какъ оно шутить не любитъ, и при слѣдующихъ подобнаго рода работахъ онъ всегда уже принималъ его въ расчетъ. Выдолбивъ лодку, онъ оставилъ ее въ покоѣ не прежде, какъ подведя внутри ея частыя распорки и затѣмъ перетащивъ ее въ густую тѣнь, гдѣ, кромѣ того, онъ покрывалъ еще вѣтвями и травой для того, чтобы предохранить отъ случайныхъ лучей солнца, еслибъ имъ вздумалось какъ-нибудь сюда забраться. Благодаря этой предосторожности, лодка, правда, сохла значительно дольше, но зато сохранила свою первоначальную форму и, если нѣсколько и потрескалась, то трещины ея были сравнительно такъ малы, что ихъ легко было задѣлать.

Теперь лодка была готова, но ее слѣдовало еще осмолить, не столько для того, чтобы предупредить отъ гніенія, сколько для того, чтобы предупредить дальнѣйшее растрескиваніе. Но представлялся вопросъ: гдѣ взять смолы? Конечно, можно было-бы съ неменьшею пользою окрасить ее погуще масляною краской, употребивши для этого пальмовое масло и красную глину, до того богатую окисью желѣза, что она вполне могла бы замѣнить собою охру. Но что было легче: приготовить-ли масло или добыть смолы? Это былъ еще вопросъ. Собравши все свои технологическія и практическія свѣдѣнія, Андрей Ивановичъ нашелъ, что добываніе смолы будетъ проще и рѣшивъ, устроить себѣ въ сосновомъ лѣсу нѣчто вроде простѣйшаго смолокуреннаго завода, какія видалъ у себя на родинѣ, принялся за сидку смолы.

Для этого, выбравъ подходящее мѣсто въ лѣсу, онъ вырылъ не глубокую яму, въ которую поставилъ заранѣе приготовленную колоду, въ качествѣ пріемника для дегтя. Затѣмъ онъ провелъ къ этой ямѣ желобъ, надъ которымъ сложилъ костеръ изъ поставленныхъ стоймя сосновыхъ, чрезвычайно смолистыхъ полѣньевъ. Этотъ костеръ онъ покрылъ со всѣхъ сторонъ дерномъ, оставивъ только два

отверстія: одно небольшое, наверху, для выхода газовъ, другое—внизу, со стороны противоположной ямѣ, какъ устье для зажиганія костра.

Когда костеръ достаточнo разгорѣлся, Андрей Ивановичъ закрылъ это послѣднее отверстіе, оставивъ только узкую щель для поддувала, чтобы не потухли дрова, а затѣмъ, когда дрова стали сильно пылать, закрылъ совѣмъ и поддувало. Черезъ нѣсколько времени изъ жолоба появилась довольно жидкая, янтарнаго цвѣта, струйка дегтя и стала собираться въ колодѣ. Но запахъ этого дегтя совѣмъ не походилъ на запахъ обыкновеннаго, всѣмъ извѣстнаго дегтя,—напротивъ, онъ отличался тонкимъ, чрезвычайно пріятнымъ ароматомъ. Андрей Ивановичъ, наклонившись надъ краемъ ямы, съ удовольствіемъ вдыхалъ этотъ благовонный, бальзамическій запахъ и думалъ о томъ, какими неисчерпаемыми богатствами обладаетъ его островокъ.

Но ему нуженъ былъ не этотъ жидкій, почти прозрачный деготь, изобилующій пахучими эфирными маслами: Андрей Ивановичъ зналъ, что вслѣдъ за нимъ будетъ течь густая, черная жидкость, запахъ которой, вѣроятно, будетъ совѣмъ не благовоненъ, но именно эта густая жидкость и требовалась для лодки, такъ какъ представляла настоящій корабельный деготь или варъ. Поэтому Андрей Ивановичъ сначала думалъ, при появленіи этой послѣдней, вылить изъ колоды весь жидкій деготь прямо на дно ямы, чтобы дать мѣсто смолѣ; но затѣмъ, предположивъ, что и деготь можетъ пригодиться на что нибудь въ его зарождающемся хозяйствѣ, отправился въ хлопчатниковую заросль дѣлать новую колоду и черпакъ для смолы.

Когда онъ возвратился къ ямѣ, изъ жолоба текла уже довольно густая, черноватая жидкость и темными облаками расходилась въ янтарной жидкости дегтя. Попробовавъ на щепкѣ консистенцію этой темной жидкости и убѣдившись въ ея густотѣ и смолистости, Андрей Ивановичъ отодвинулъ въ сторону старую колоду и поставилъ вмѣсто нея

новую, куда и стала собираться черная смола, которою уже можно было осмолить лодку. Затѣмъ, считая свое присутствіе излишнимъ, Андрей Ивановичъ оставилъ свой костеръ догорать и отправился купаться.

Рыбная ловля, постройка лодки, сидка дегтя — какое это все ребячество, скажетъ иной читатель, смотрящій на міръ и природу изъ узкаго окна своего кабинета. Но Андрей Ивановичъ никогда не раздѣлялъ этой точки зрѣнія и всѣмъ такимъ немудренымъ занятіямъ предавался отъ всего сердца, съ такимъ увлеченіемъ, что не замѣчалъ, какъ летѣло время. Не мудрствуя лукаво и относясь къ жизни совсѣмъ просто, онъ жилъ на своемъ островѣ настоящимъ Робинзономъ, — только конечно, въ лучшихъ условіяхъ, — и настолько былъ доволенъ своей участью, что ни за что не помѣнялся бы ею даже съ своимъ сосѣдомъ, отставнымъ корнетомъ гвардіи Пѣтушковымъ, несмотря на его богатѣйшія помѣстья, конскій заводъ, божественныхъ собакъ, красавицу жену и повара-артиста, благодаря которому мѣстное дворянство уже второе трехлѣтіе удостоивало его выбора въ уѣздные предводители...

Правда, живя Робинзономъ, онъ долженъ былъ обходиться безъ прислуги и безъ многихъ прихотей, которыя считаются необходимыми въ цивилизованномъ обществѣ, — долженъ былъ самъ добывать и готовить себѣ пишу и дѣлать тысячу вещей, которыхъ не дѣлалъ бы, оставаясь на родинѣ; но это нисколько не тяготило его и въ ходилъ развлеченіе и удовольствіе. Благодаря этому онъ вовсе не скучалъ на своемъ островѣ и былъ, пожалуй, въ трудѣ онъ не прочь прожить на немъ такимъ образомъ цѣлый вѣкъ.

Вѣроятно въ его характерѣ было что нибудь робинзонское: онъ не боялся уединенія и не нуждался въ чело-вѣческомъ обществѣ. Оставаясь наединѣ съ самимъ собою, онъ только сильнѣе чувствовалъ вліяніе окружающей природы. Онъ какъ будто сливался съ нею въ этомъ уеди-

неніи и жилъ полнѣе, жилъ одною съ ней жизнью. О немъ можно было сказать почти тоже, что Баратынскій сказалъ, кажется, о Гете:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
 Ручья разумѣлъ лепетанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ травъ прозябанье;
 Была ему звѣздная книга ясна.
 И съ нимъ говорила морская волна...

Сколько измученныхъ жизнью, истерзанныхъ сердцемъ нашли-бы миръ и успокоеніе въ этомъ единеніи съ природой! Знаете ли вы, читатель, кто самый несчастный изъ всѣхъ несчастныхъ на землѣ? Это тотъ, кто лишенъ чувства природы, тотъ, съ которымъ она не говоритъ. Кто не въ состояніи понять ея языка. Въ общества людей ему негдѣ искать утѣшенія, а всегда-ли способно утѣшить человѣческое общество, предоставляю судить самому читателю.

Х.

Л Ъ Я М Ы.

Чтобы еще болѣе дополнить сходство Андрея Ивановича съ Робинзономъ, случилось слѣдующее обстоятельство. Сдѣлавши себѣ кисть изъ тонкихъ и гибкихъ волоконъ какого-то засохшаго растенія, онъ осмаливалъ свою лодку, безпрестанно обмакивая кисть въ колоду, полную густой черной смолы, которая чрезвычайно быстро сохла на открытомъ воздухѣ и, высохнувъ, покрывала предметъ блестящимъ чернымъ лакомъ, нерастворимымъ въ водѣ и почти совсѣмъ неприлипающимъ къ рукамъ. Тутъ же рядомъ стояла другая колода, наполненная жидкимъ дегтемъ, въ который Андрей Ивановичъ, порою, тоже обмакивалъ кисть — именно тогда, когда она засыхала и дѣлалась вслѣдствіе этого негодною къ употребленію: деготь растворялъ засохшія на ней смолистыя частицы и она снова становилась чистой и упругой, какъ прежде.

Андрей Ивановичъ просто радовался на свою работу, — до того лодка выходила красивой. Она вся казалась покрытой прекраснымъ чернымъ лакомъ и блестяла, какъ какая-нибудь японская шкатулка. Кончивъ осмолку лодки, Андрей Ивановичъ выкрасилъ тою же смолой весло и оно вышло совершенно, какъ полированное. Тогда онъ сталъ придумывать, на что бы еще употребить оставшуюся смолу, и уже сталъ соображать о постройкѣ большой морской лодки, которую очень легко было перенести на рифъ при помощи Гиппогрифа, — какъ вдругъ онъ услыхалъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ собой жалобное блеяніе льямы. Онъ осторожно выглянулъ изъ-за куста, близъ котораго работалъ, и увидалъ льяму, которая неподвижно стояла, уставивъ свою морду въ землю, и жалобно блеяла. Андрей Ивановичъ тотчасъ же вспомнилъ, что именно здѣсь нѣсколько дней тому назадъ онъ застрѣлилъ маленькую льяму: льяма стояла какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ лежало тогда убитое животное.

Эта привязанность матери къ своему погибшему дѣтенышу сначала очень тронула Андрея Ивановича, тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ причиною ея печали. Онъ нѣсколько мгновений стоялъ, глядя съ состраданіемъ на тоскующую мать... но потомъ, — такова испорченность чело-вѣческой природы! — ему пришло на умъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ и завладѣть льямой, чтобы имѣть къ завтраку молоко, о которомъ онъ уже начиналъ скучать.

Онъ тотчасъ же вооружился веревкой, приготовленной для перетаскиванія лодки, и сдѣлалъ изъ нея подвижную петлю, приготовившись дѣйствовать ею въ качествѣ аркана. Онъ терпѣливо выжидалъ мгновенія, когда льяма подняла голову, и съ ловкостью настоящаго гуанчо накинулъ ей на шею свою веревку. Испуганная льяма хотѣла бѣжать, но только еще сильнѣе затянула петлю и, хрипя, упала навзничь. Андрей Ивановичъ завладѣлъ упавшимъ животнымъ, отвелъ къ своей палаткѣ и, привязавъ его къ ближайшему дереву,

устроилъ кругомъ довольно просторную ограду и въ центрѣ ея шалашъ изъ вѣтвей, въ которомъ льяма могла бы укрыться отъ дождя и ночной сырости.

Въ тотъ же вечеръ онъ попробовалъ ее доить и за ужиномъ уже имѣлъ удовольствіе выпить стаканъ молока, которое показалось ему довольно вкуснымъ. Обладаніе льямой, конечно, послужило къ увеличенію удобствъ его жизни, но въ то же время прибавило ему заботы: каждое утро и вечеръ онъ долженъ былъ накашивать для нея свѣжей травы и притомъ именно такой, которая болѣе приходилась по вкусу льямѣ. Онъ замѣтилъ, что льяма была довольно разборчива на пищу, ѣла не всякую траву и очень любила печеные и вареные плоды; поэтому онъ сталъ удѣлять ей часть своей порціи, въ благодарность за молоко, которымъ пользовался. Животное очень скоро привыкло и довѣрчиво подходило къ нему, когда, наклонившись черезъ прясло, онъ звалъ его, чтобы предложить какой-нибудь лакомый кусокъ.

Можно было подумать, что сама судьба желаетъ, чтобы Андрей Ивановичъ перешелъ изъ состоянія звѣролова къ занятію пастушествомъ. Однажды утромъ, выйдя изъ палатки, онъ замѣтилъ, что двѣ льямы, просунувъ головы черезъ прясло, облизывали его льяму. Выждавъ, когда онъ ушелъ въ лѣсъ, Андрей Ивановичъ сдѣлалъ на этомъ мѣстѣ дверцу и оставилъ ее отворенною, привязалъ льяму около шалаша, рассчитывая, что льямы еще воротятся къ своей плѣнной подругѣ и, можетъ быть, войдутъ въ ограду. Его предположеніе оправдалось въ тотъ же день. Передъ вечеромъ, собираясь готовить себѣ ужинъ, Андрей Ивановичъ отправился къ оградѣ съ цѣлью подоить молока и увидѣлъ тамъ вмѣсто одной уже двѣ льямы и одного дѣтеныша. Быстро захлопнувъ дверь ограды, онъ овладѣлъ своею гостей и такимъ образомъ у него стало двѣ дойныхъ льямы, что для одинокаго человѣка было даже много. Новая льяма также скоро привыкла къ своему хозяину и брала пищу

изъ его рукъ, а дѣтенышъ ея даже забѣгалъ къ нему въ падатку и предусмотрительно терся мордочкой о его колѣно, выпрашивая себѣ подачки.

Легкость, съ которою приручались льямы, невольно наталкивала Андрея Ивановича на предположеніе, что онѣ были нѣкогда домашними животными на этомъ островѣ и, несмотря на цѣлые вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ, какъ вымерли люди, населявшіе городъ надъ озеромъ, льямы не могли еще забыть своего прежняго состоянія и не утратили еще инстинкта привязанности къ человѣку. Онѣ живутъ попрежнему въ томъ-же городѣ и ночуютъ въ тѣхъ-же зданіяхъ, въ которыхъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ загонялъ ихъ человѣкъ, пользовавшійся ихъ молокомъ и шерстью. Привычной толпой выходятъ онѣ съ разсвѣтомъ изъ этого древняго города, чтобъ пастись по окрестнымъ лѣсамъ, и вечеромъ, на закатѣ солнца, возвращаются на ночлегъ подъ свои родимыя кровли. Но гдѣ теперь тѣ люди, которые нѣкогда жили въ этомъ городѣ? Что осталось отъ нихъ? Нѣсколько десятковъ домовъ, нѣсколько храмовъ, гранитная дорога вдоль озера—вотъ и все. Даже гробницы ихъ не отыщешь...

Зеленой листвою
Одѣваетъ природа гробницы
И заботливой прячетъ рухей
Ихъ отъ взоровъ веселой денницы:
Жизнь должна быть свѣтла и ясна,
И привольна, какъ въ мерѣ волна...

XI.

Открытие.

Съ устройствомъ лодки, плотъ былъ обращенъ въ нѣчто вродѣ подвижнаго моста или парома на ручьѣ. Андрей Ивановичъ протянулъ съ одного берега на другой крѣпкую веревку, сплетенную изъ чрезвычайно гибкихъ и тонкихъ древесныхъ волоконъ, найденныхъ имъ во время стран-

ствованій по лѣсамъ. Съ помощью этой веревки, онъ перетягивался на плотъ черезъ ручей, когда ему встрѣчалась надобность перейти на другую сторону. Нѣсколько такихъ же паромовъ онъ устроилъ и ниже по теченію ручья, и это избавляло его отъ необходимости вязнуть въ болотахъ и далеко обходить ихъ глубокіе протоки. Устроивъ такимъ образомъ пути сообщенія, онъ съ большимъ удобствомъ могъ охотиться за кагу, киви-киви и дичью, населявшей лѣсныя болота, образуемая ручьями.

Метода рыбной ловли также измѣнилась. Андрей Ивановичъ болѣе уже не стремился ловить на глубинѣ, съ середины озера. Катаясь по озеру на своемъ легкомъ и красивомъ, какъ игрушка, челнокѣ, Андрей Ивановичъ съ вечера ставилъ въ разныхъ мѣстахъ берега жерлицы и оставлялъ ихъ на ночь. Рано утромъ онъ выѣзжалъ снова, осматривалъ ихъ, замѣняя испорченные и обгрызенные и собирая попавшуюся рыбу, а если чувствовался недостатокъ рыбы, то оставлялъ ихъ и на день. Это избавляло его отъ скучнаго сидѣнья за удочкой, а между тѣмъ иногда попадались довольно крупныя рыбы. Впрочемъ, иногда вечеромъ, когда требовалась мелкая рыбешка для наживы на жерлицы, онъ садился съ удочкой на берегу озера или ручья, недалеко отъ палатки, и забавлялся уловками рыбы, ухитравшейся завладѣть лакомой мушкой такъ, чтобы не попасть на крючекъ. Вскорѣ, однако, онъ нашелъ такое мѣсто на ручьѣ, гдѣ было столько мелкой рыбы, что ее можно было ловить сачкомъ безъ всякаго затрудненія.

Сднажды, охотясь за киви-киви, Андрей Ивановичъ зашелъ въ почти непроходимую лѣсную глушь, гдѣ густо разросшіяся деревья были опутаны цѣлою сѣтью вьющихся растений, среди которыхъ попадались иныя, почти сплошь усыпанныя красивыми благовонными цвѣтами. Чрезвычайно цѣпкіе кустарники попадались на каждомъ шагу, такъ что приходилось прокладывать себѣ дорогу при помощи охотничьяго ножа.

Пробираясь такимъ образомъ впередъ, Андрей Ивановичъ вдругъ наткнулся на каменную преграду—не то отвѣсный бокъ утеса, не то стѣну, сложенную человѣческими руками. Вся покрытая пушистымъ ковромъ мховъ и лишайевъ, роскошно разросшихся въ густой тѣни вѣковыхъ деревьевъ, она совершенно скрывалась въ непроницаемой чащѣ, такъ что Андрей Ивановичъ замѣтилъ ее не прежде, какъ подойдя къ ней вплотъ. Срѣзая въ нѣсколькихъ мѣстахъ толстый слой мха, онъ убѣдился, что эта была стѣна, сложенная изъ большихъ квадратныхъ плитъ. Андрей Ивановичъ заинтересовался своимъ открытіемъ и рѣшилъ, оставя пока охоту въ сторонѣ, заняться его изслѣдованіемъ.

При помощи ножа прокладывая себѣ дорогу черезъ цѣпкіе кустарники, онъ медленно подвигался вдоль стѣны, надѣясь найти въ ней какую-нибудь дверь или ворота. Болѣе получаса шелъ онъ такимъ образомъ, спотыкаясь о сучья и корни. Стѣна казалась безконечною. Наконецъ онъ добрался до выступа стѣны и въ то же время, вмѣсто корней и сучьевъ, почувствовалъ подъ ногами гладкую поверхность каменной плиты. Раздвинувъ густыя вѣтви кустарника, онъ вышелъ на вымощенную плитами площадку и увидѣлъ передъ собою широкія ворота. То, что Андрей Ивановичъ принялъ за выступъ стѣны, оказалось массивнымъ воротнымъ столбомъ; другой такой же столбъ видѣлся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на половину скрытый густымъ покровомъ перепутавшихся вѣтвей. Оба столба, подобно колоннамъ озернаго храма, были увѣнчаны каменными полушаріями, которыя, вѣроятно, для вымершихъ строителей этихъ зданій служили эмблемами или атрибутами божества, которому они покланялись. Прямая какъ струна, дорога, вымощенная широкими и гладкими плитами, упираясь съ одной стороны въ ворота, съ другой уходила въ глубину лѣса.

Войдя въ ворота, Андрей Ивановичъ увидѣлъ передъ собою обширный дворъ, вымощенный такими же широкими и плотно

пригнанными плитами, и очевидно благодаря именно этимъ массивнымъ плитамъ лѣсъ, такъ мощно разросшійся вокругъ стѣнъ, не могъ проникнуть въ глубину двора и оставить его въ первобытной неприкосновенности, — только мѣстами трава, пробивавшаяся между плитъ, темнѣла на его гладкой сѣроватой поверхности.

Посреди двора, на возвышенной террасѣ, къ которой со всѣхъ четырехъ сторонъ вели широкія ступени, стояло четырехугольное зданіе. Стѣны его состояли изъ массивныхъ колоннъ, промежутки между которыми въ вышину человеческого роста были забраны снизу гладко обтесанными плитами, а сверху до потолка представляли собою нѣчто вродѣ широкихъ оконъ для свободного доступа воздуха и свѣта во внутренность зданія. Узкая сторона зданія, украшенная довольно изящнымъ портикомъ и обращенная видомъ къ воротамъ, служила входомъ. На фронтонѣ, сколько Андрей Ивановичъ могъ разобратить, были высѣчены изъ камня человѣческія фигуры и какіе то предметы, вѣроятно имѣвшіе символическое значеніе. Задняя стѣна зданія, также какъ и прилегающія къ ней части боковыхъ, была сплошная и имѣла только узенькую дверь, едва замѣтную въ глубинѣ портика. По обѣ стороны зданія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ террасы виднѣлись два каменные водоема: тонкая струйка воды текла еще изъ каменныхъ трубъ и расплескивалась на каменномъ полу водоема. Вокругъ всего двора, начинаясь отъ самыхъ воротъ и примыкая къ наружной оградѣ, тянулась сплошная пристройка, состоявшая тоже изъ колоннъ, забранныхъ снизу до вышины человеческого роста тѣми же гладко обтесанными плитами и покрытая общею плоскою кровлей. Придѣланныя на равныхъ разстояніяхъ узкія двери вели со двора въ эту пристройку. Заглянувъ въ нѣкоторые изъ нихъ, Андрей Ивановичъ увидѣлъ, что пристройка была раздѣлена сплошными поперечными стѣнами на небольшія комнаты совершенно одинаковой величины. Расположеніе и внутреннее убранство этихъ комнатъ

или скорѣе келій было также совершенно одинаково: дверь во всѣхъ этихъ кельяхъ приходилась у праваго наружнаго угла; вдоль лѣвой поперечной стѣны находилось узкое каменное ложе съ небольшимъ возвышеніемъ для изголовья; по срединѣ кельи помѣщался каменный столъ; въ задней стѣнѣ виднѣлось нѣсколько нишъ, изъ которыхъ въ средней, немного большей, чѣмъ остальные, сохранились еще въ иныхъ кельяхъ небольшія изваянія женщины въ широкой и длинной одеждѣ, съ вѣнкомъ на головѣ.

Осмотрѣвъ нѣсколько такихъ келій, Андрей Ивановичъ пришелъ къ заключенію, что онъ открылъ нѣчто вродѣ древняго монастыря, и ему почему-то казалось, что это былъ непременно женскій монастырь, что по срединѣ двора стоялъ храмъ божества, и въ кельяхъ кругомъ храма помѣщались жрицы, посвятившія себя на служеніе этому божеству.

ХІІ.

Х р а м ъ.

Перейдя черезъ дворъ, Андрей Ивановичъ сталъ медленно подниматься на высокое крыльцо храма. Особенность обстановки и какая-то торжественная тишина, господствовавшая кругомъ, настраивали его къ совершенно непривычнымъ ощущеніямъ.

«Сколько тысячъ богомольцевъ,—думалъ онъ,—поднимались по этимъ ступенямъ, чтобы повергнуть къ стопамъ божества свое горе и свои радости, и чудодѣйственная сила молитвы облегчала ихъ горе и сообщала ихъ радости болѣе возвышенный характеръ. Истертыя ступени храма еще хранятъ отпечатки ногъ этихъ тысячъ богомольцевъ, но гдѣ теперь они сами — эти богомольцы? Гдѣ сердца, которыя такъ тревожно бились, повѣряя свою скорбь недоступному божеству, гдѣ тѣ руки, которыя такъ порывисто сжимались, когда пылающее чело склонялось на холодныя плиты пола и грудь замирала подъ переменными чувствами надежды и страха?

А храмъ стоитъ все такой же величественный и красивый, какъ цѣлые вѣка тому назадъ, и полуденное солнце все также освѣщаетъ его бѣлыя колонны и нагрѣваетъ его разноцвѣтныя ступени... Дѣла человѣческихъ рукъ, созданія мысли человѣческой надолго, быть можетъ на цѣлыя тысячелѣтія, переживаютъ самого человѣка».

Чрезъ портикъ, къ широкимъ дверямъ храма вела мозаичная дорожка, выложенная красивымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ полированныхъ камней. На стѣнахъ, по обѣ стороны входа, въ широкихъ скульптурныхъ рамахъ, виднѣлись барельефы, изображавшіе какія то сцены со множествомъ человѣческихъ фигуръ. Торопясь осмотрѣть внутренность храма, Андрей Ивановичъ только мелькомъ взглянулъ на нихъ, но правильность рисунка и красота исполненія невольно бросились ему въ глаза.

Войдя въ самый храмъ, онъ былъ пораженъ еще большимъ удивленіемъ. Когда его шаги гулко раздалися на мозаичномъ полу храма и передъ глазами открылась широкая аллея блестящихъ стройныхъ колоннъ, чередуясь съ длинною вереницею статуй, какъ будто прячущихся въ промежуткахъ колоннъ, — когда въ концѣ этой аллеи, у задней стѣны храма, на высокомъ помостѣ, въ видѣ трона, онъ увидалъ величественную фигуру женщины въ широкой, изящно драпированной одеждѣ, съ серпомъ въ одной и хлѣбнымъ снопомъ въ другой рукѣ, съ вѣнкомъ изъ спѣлыхъ колосьевъ на головѣ, представлявшей, конечно, главное божество храма, — онъ невольно поднялъ руку къ головѣ и послѣ непродолжительнаго колебанія, котораго тотчасъ же устыдился, снялъ шляпу съ чувствомъ, близкимъ къ чувству благоговѣнія.

«Да, храмъ оставленный—все храмъ
Кумиръ поверженный—все богъ»,

прошепталъ онъ, окидывая глазами длинный рядъ статуй, стоявшихъ по обѣ стороны храма.

Оба эти ряда статуй имѣли совершенно различный характеръ. Тѣ статуи, которыя находились по правую сторону Цереры (Андрей Ивановичъ такимъ именемъ называлъ богиню храма благодаря ея сердцу и хлѣбнымъ колосьямъ), изображали старцевъ почтенной наружности, въ длинныхъ широкихъ одеждахъ и съ жезлами въ рукахъ. Всѣ они имѣли болѣе или менѣе длинныя бороды; на головахъ ихъ, или вовсе лишенныхъ волосъ, или обрамленныхъ только узкимъ кольцомъ волосъ вокругъ гладкаго темени, красовались большіе вѣнки изъ какого-то остролистнаго растенія съ небольшими гроздьями мелкихъ ягодъ. Только одна статуя изъ всего этого ряда имѣла особенный характеръ: она стояла послѣднею въ ряду и изображала человѣка въ такой же точно одеждѣ, но онъ стоялъ на колѣняхъ, опустивъ на грудь свою увѣнчанную голову и закрывъ руками лицо; на пьедесталѣ, у ногъ его, лежалъ сломанный жезлъ. Андрей Ивановичъ долго стоялъ, стараясь отгадать, что изображала эта загадочная статуя, но безплодныя предположенія не могли, конечно, открыть тайны, ключъ къ которой потерянь цѣлыя тысячелѣтія тому назадъ.

Статуи, стоявшія на лѣвой сторонѣ, отличались большимъ разнообразіемъ. Здѣсь были не одни только мужчины: нѣсколько женскихъ статуй въ длинныхъ одеждахъ, падавшихъ волнистыми складками на пьедесталы, стояли въ ряду съ прочими. Большинство статуй представляло мужчинъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, но были тутъ также и старцы и даже — юноши. Только одни старцы имѣли бороды: у остальныхъ были только усы, иногда такіе длинные, что они падали на грудь: это придавало статуямъ особенный, воинственный видъ. Одѣты они были въ различныя одежды, начиная съ длинныхъ и широкихъ одѣяній и кончая короткой туникой безъ рукавовъ, позволявшей свободно видѣть ихъ красивыя формы и сильно развитыя мускулы. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ были надѣты кольчуги и разнаго рода брони и латы.

Аттрибуты, которыми они были снабжены, представляли такое же разнообразіе: одни были опоясаны короткимъ мечемъ, другіе держали въ рукахъ копья и длинныя сѣкиры, шестоперы и булавы; у иныхъ на шеѣ были цѣпи съ чѣмъ-то вродѣ медальоновъ, у другихъ эти цѣпи были надѣты черезъ плечо; нѣкоторые, наконецъ, какъ показалось Андрею Ивановичу, держали разогнутые свитки и таблицы, покрытыя какими-то письменами. Такія-же письма были на всѣхъ пьедесталахъ, на которыхъ стояли статуи. Но при всемъ разнообразіи, у всѣхъ этихъ статуй было одно общее, всѣ они были съ длинными распущенными волосами и имѣли на головахъ узкіе гладкіе обручи.

Осмотрѣвъ оба ряда статуй, Андрей Ивановичъ предположилъ, что въ правомъ ряду стояли первосвященники, главные жрецы храма или, можетъ быть, — цѣлой страны; что же касается лѣваго ряда (праваго отъ входа), то въ немъ были цари, управлявшіе нѣкогда этимъ исчезнувшимъ съ лица земли государствомъ, и царицы, также несшія на себѣ бремя правленія. Вѣроятно, тѣ изъ нихъ, которые были изображены съ мечами и въ военныхъ доспѣхахъ, прославились своими побѣдами и завоеваніями, тогда какъ другіе, державшіе въ рукахъ свитки и таблицы, были мудрые законодатели и судьи.

Оглядывая ихъ длинный рядъ, Андрей Ивановичъ думалъ о той вереницѣ рядъ протекшихъ годовъ, которую изображалъ собою этотъ каменный манускриптъ, этотъ пантеонъ великихъ мужей, нѣкогда стоявшихъ во главѣ исчезнушаго народа. Что это былъ за народъ, оставившій по себѣ такіе художественные памятники? Неужели отъ него не осталось другихъ слѣдовъ и цѣлая раса вымерла, не передавъ другому народу своего умственного богатства, своего художественнаго развитія? Судя по лицевому углу статуй, раса эта несомнѣнно принадлежала къ кавказскому племени; во всякомъ случаѣ это были — не семиты. Кто же это? Какое это племя? Быть можетъ, греки? Какіе-нибудь искатели

приключеній, вродѣ Аргонавтовъ, въ незапамятныя времена, — о которыхъ даже до Гомера дошли только темныя слухи, — занесенные бурей въ неизвѣстный океанъ, колонизировали этотъ впослѣдствіи исчезнувшій материкъ, мало-по-малу разрослись въ сильное, цвѣтущее государство, но отрѣзанные безграничнымъ воднымъ пространствомъ отъ всего остального міра, потеряли съ нимъ всякую связь и сами были имъ, наконецъ, забыты?

Тысячи подобныхъ мыслей роились въ головѣ Андрея Ивановича, когда онъ переходилъ отъ одной статуи къ другой, рассматривая черты лица, одежду и вооруженіе давно исчезнувшихъ людей. Наконецъ онъ вспомнилъ о закрытомъ помѣщеніи храма, узкую дверь котораго видѣлъ въ глубинѣ портика, и предполагая, что тамъ было нѣчто вродѣ «святая святыхъ», доступное только для первосвященниковъ, отправился къ задней стѣнѣ храма съ цѣлью отыскать сообщеніе съ святилищемъ. Проходя вдоль этой стѣны, Андрей Ивановичъ въ задумчивости машинально взошелъ на ступени помоста и, ощутившись вдругъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ статуей величественной богини, почувствовалъ что-то вродѣ благоговѣйнаго трепета. Онъ осторожно прошелъ позади ея, стараясь не коснуться даже ея одежды, пышными складками падавшей на помостъ: ему казалось, что прикосновеніемъ къ ней онъ совершитъ святотатство. Сойдя на другую сторону трона, онъ также не нашелъ искомой двери и, выйдя снова на середину храма, взглянулъ прямо въ лицо богинѣ: лучи солнца, проходившіе сквозь широкіе промежутки между колоннами, падали на полированный полъ и, отражаясь вверху, придавали теплые, жизненные тоны молочноблѣдному лицу статуи; отъ перемѣны-ли освѣщенія или отъ другихъ причинъ, казалось, на лицѣ богини играла кроткая, чарующая и въ то же время — успокаивающая улыбка и глаза ея смотрѣли на Андрея Ивановича, какъ показалось ему, съ чувствомъ любви и состраданія. Долго, какъ очарованный смотрѣлъ онъ въ лицо

богини и, наконецъ, тихими шагами вышелъ изъ храма. Подавленный массой неожиданныхъ впечатлѣній, онъ почувствовалъ усталость и сѣлъ отдохнуть на ступеняхъ высокаго крыльца святилища.

ХІІІ.

Въ статуѣ богини.

Солнце уже склонялось за полдень. Кругомъ стояла такая полуденная тишина, когда все живое впадаетъ въ какую-то сладкую истому, когда даже птицы перестаютъ пѣть и дремлютъ въ тѣни древесныхъ вѣтвей, точно собираясь съ силами для второй половины дня. Все еще находясь подъ впечатлѣніемъ, которое произвела на него статуя богини, Андрей Ивановичъ облокотился на верхнюю ступень террасы и, разсѣянно блуждая глазами по двору храма, задумался о своемъ открытіи.

На каменномъ дворѣ было душно и жарко; сверху палило солнце, раскаленные ступени жглись: казалось, изъ нихъ тоже выдѣлялись бѣлые горячіе лучи и разсѣвались въ воздухъ. Андрея Ивановича мучила жажда. Онъ помнилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма была вода, но точно какая то сила приковывала его къ мѣсту и онъ, какъ очарованный, продолжалъ сидѣть и думать. Лицо каменной богини стояло передъ нимъ, какъ живое. Онъ находилъ въ этихъ чертахъ что-то знакомое, какъ будто родное: ему казалось, что онъ видѣлъ это лицо когда то прежде, но это было давно, такъ давно, что уже давнымъ-давно позабылось...

Потомъ вслѣдствіе какой то ассоціаціи идей ему вспомнилась простодушная вѣра первобытныхъ христіанъ, которые были вполне убѣждены, что языческіе боги дѣйствительно существуютъ, но что они — злые демоны, совращающіе праведниковъ на путь гибели, и что античныя статуи языческихъ храмовъ — воплощенія этихъ демоновъ. Онъ

вспомнилъ, какъ христіанскіе исповѣдники, борясь съ оживающимъ язычествомъ, одухотворяли этихъ идоловъ и наравнѣ съ язычниками приписывали имъ таинственную силу... И вотъ онъ самъ испытываетъ на себѣ вліяніе чаръ языческаго кумира.

Эта мысль разсмѣшила Андрея Ивановича. Онъ поднялся на ноги и отправился къ водоему. Перевѣсясь черезъ каменный барьеръ и подставивъ пригоршни подъ струйку холодной и свѣтлой, какъ хрусталь, воды, лившейся изъ каменной трубы въ центрѣ водоема, онъ напился, умылъ лицо и руки, и освѣженный, съ новыми силами, отправился продолжать свои изслѣдованія.

Бодро поднялся онъ по ступенямъ въ портикъ задней части храма и заглянулъ въ узкую дверь, продѣланную въ стѣнѣ: за дворью господствовала темнота и только слабый лучъ свѣта пробивался откуда-то снизу. Войдя въ дверь, Андрей Ивановичъ нѣсколько времени стоялъ, присматриваясь къ окружающему мраку. Чрезъ нѣсколько времени онъ уже въ состояніи былъ разсмотрѣть, что находится въ довольно обширной комнатѣ. По срединѣ ея стоялъ большой каменный столъ, вдоль стѣны тянулись широкія каменные-же лавки; надъ ними, на стѣнахъ, чернѣли многочисленныя ниши, вѣроятно, замѣнявшія собою шкафы и служившія для храненія различныхъ предметовъ, нужныхъ для богослуженія. Свѣтъ пробивался въ это помѣщеніе изъ полукруглаго отверстія, продѣланнаго внизу стѣны, противоположной входу. Подойдя ближе, Андрей Ивановичъ увидѣлъ ступени узкой лѣстницы, уходящей подъ эту стѣну. Свѣтъ, падавшій на ступени откуда-то сверху, вѣроятно, проходилъ изъ храма, съ которымъ задняя комната, повидимому, сообщалась этою лѣстницей.

Андрей Ивановичъ спустился по лѣстницѣ, прошелъ нѣсколько шаговъ по ровной площадкѣ, нагнувшись подъ полукруглымъ сводомъ стѣны, и встрѣтилъ новую лѣстницу.

Переступивъ по ней нѣсколько ступеней, онъ увидѣлъ надъ собою пустой цилиндръ около двухъ аршинъ шириною, нѣсколько суживавшійся кверху. Свѣтъ падалъ изъ верхней части этого цилиндра, ярко освѣщая винтовую лѣстницу, поднимающуюся до половины его высоты и оканчивавшуюся огороженной площадкой, на которой свободно можно было стоять двоимъ. Взобравшись на эту площадку, Андрей Ивановичъ, какъ разъ на уровнѣ лица, нашелъ что-то вродѣ трубы, сдѣланной изъ какого-то металла и загнутой улиткой. Прямо надъ нею приходились два отверстія, въ которыя широкими волнами врывался свѣтъ. Заглянувъ въ одно изъ нихъ, Андрей Ивановичъ увидѣлъ внутренность храма: два ряда колоннъ и статуй, постепенно уменьшаясь, тянулись по обѣимъ сторонамъ, справа и слѣва. Самыми ближайшими предметами, которые можно было видѣть, смотря внизъ, были нѣсколько громадныхъ каменныхъ колосѣвъ и гигантская рука, державшая серпъ.

Изъ всего этого Андрей Ивановичъ заключилъ, что находится внутри статуи богини, — что улиткообразная труба представляетъ собою ничто иное, какъ обыкновенную говорную трубу, посредствомъ которой изобрѣтательные жрецы нѣкогда возвѣщали устами богини священную волю боговъ благодаря этому приспособленію, казавшемуся довѣрчивому народу дѣйствительно *небеснымъ* глаголомъ и приносившему жрецамъ весьма *земныя* выгоды.

Андрей Ивановичъ приложилъ ротъ къ раструбу говорной трубы и, не повышая голоса, произнесъ: «Богиня Церера!» Въ то-же время мгновеніе мощные звуки загрѣмѣли подъ сводами и, отражаясь въ разныхъ углахъ храма, усилились до невѣроятной степени, точно всѣ стоящія въ храмѣ статуи воскликнули единогласно: «богиня Церера!» Эффектъ вышелъ поразительный. Когда загрохотали эти звуки по храму, Андрей Ивановичъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности: онъ самъ не узналъ своего голоса — до

того этотъ голосъ былъ измѣненъ и усиленъ улиткообразною трубой и эхомъ храма.

Нѣсколько разъ Андрей Ивановичъ повторилъ свой опытъ, то усиливая, то ослабляя звукъ голоса, и храмъ гремѣлъ и грохоталъ отъ чудовищныхъ звуковъ, вылетающихъ изъ говорной трубы. Что думали объ этомъ вѣрующіе богомольцы, наполнявшіе нѣкогда храмъ богини, слыша этотъ сверхъестественный голосъ, казалось, потрясавшій самыя стѣны? Въ какомъ благоговѣйномъ страхѣ, простершись на полу храма, внимали они этимъ звукамъ, вполне убѣжденные, что сама небожительница вѣщаетъ имъ свою священную волю! «Да, древніе жрецы-строители этого храма — продолжалъ думать Андрей Ивановичъ — имѣли солидныя познанія въ акустикѣ и умѣли извлекать пользу изъ своихъ познаній. Въ этомъ нужно отдать имъ справедливость».

Спускаясь по винтовой лѣстницѣ внизъ, Андрей Ивановичъ замѣтилъ въ основаніи цилиндра просвѣтъ по швамъ одной плиты, быть можетъ, умышленно не скрѣпленной съ другими цементомъ. Онъ уперся въ нее рукой, и плита, скользя по мозаичному полу, подалась, какъ будто на петляхъ, и открыла квадратное отверстіе, въ которое свободно могъ пройти человѣкъ: это была потайная дверь, служившая для сообщенія комнаты жрецовъ съ храмомъ и, вѣроятно, нужная имъ для совершенія какихъ-нибудь таинственныхъ дѣяній. Андрей Ивановичъ воспользовался этою дверью и очутился въ храмѣ. Глаза его, уже привыкшіе къ темнотѣ, были почти ослѣплены волнами свѣта, заливавшими храмъ. Въ этомъ яркомъ освѣщеніи все внутреннее убранство храма сіяло особеннымъ великолѣпіемъ, но, утомленный полученными впечатлѣніями, Андрей Ивановичъ быстро прошелъ между рядами сверкающихъ колоннъ и статуй и остановился на нѣсколько секундъ только въ портикѣ, чтобы бросить послѣдній взглядъ на общій видъ храма.

XIV.

Барельефы.

Глаза его остановились на двухъ стѣнныхъ барельефахъ, находившихся при входѣ. Оба они представляли какія-то сцены, значеніе которыхъ было трудно понять, вѣроятно, потому что онѣ имѣли символическое значеніе. Въ обѣихъ картинахъ главною фигурой, около которой группировались остальные, была молодая, прекрасная дѣвушка, лицу которой художникъ придалъ какое-то особенное, царственное величіе. На лѣвомъ барельефѣ она стояла, веселая и оживленная, въ кругу женщинъ и красивымъ жестомъ руки какъ-будто звала ихъ за собою; позади нея, приподнявшись на носкахъ, мужчина, въ широкой длинной одеждѣ, съ остролистнымъ вѣнкомъ на головѣ и листкомъ въ лѣвой рукѣ, вытянувъ правую руку, лилъ на нее изъ узкогорлаго кувшина воду; двѣ ближайшія къ ней женщины, съ испуганными лицами и протянутыми руками, какъ-будто хотѣли его остановить.

На правомъ барельефѣ эта царственная дѣвушка сидѣла на высокомъ прямомъ креслѣ въ какой-то застывшей, точно окаменѣвшей позѣ; лицо ея было неподвижно, глаза закрыты, руки безжизненно висѣли вдоль тѣла; предъ дѣвушкою стоялъ на колѣняхъ тотъ-же самый мужчина въ остролистномъ вѣнкѣ: лицо его выражало горе и раскаяніе; онъ простиралъ къ ней руки, какъ-будто умоляя о прощеніи; у ногъ его лежалъ сломанный жезлъ. Кругомъ стояла толпа женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ плакали, другія въ отчаяніи ломали руки, поднявъ глаза къ небу, третьи съ угрожающимъ видомъ указывали на колѣно-преклоненнаго мужчину. Обѣ картины дышали жизнью, фигуры стояли, какъ живыя, выраженіе лицъ было передано до того хорошо, что Андрей Ивановичъ долго не могъ отъ нихъ оторваться.

Но что именно изображали эти сцены? Послѣ разнаго рода предположеній Андрей Ивановичъ остановился на томъ, что лѣвый барельефъ представляетъ, вѣроятно, какой-нибудь религіозный обрядъ, вродѣ крещенія или скорѣе — посвященія, быть можетъ, въ жрицы храма или въ весталки. Очевидно, посвященіе это было произведено жрецомъ внезапно, противъ воли дѣвушки и такъ тяжело подѣйствовало на нее, что самъ жрецъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти и даже сломалъ свой жезлъ. При этомъ Андрей Ивановичъ вспомнилъ колѣно-преклоненную статую въ храмѣ, съ сломаннымъ жезломъ на пьедесталѣ и, сопоставивъ жреца на обоихъ барельефахъ, пришелъ къ тому заключенію, что они изображаютъ одну и ту-же личность.

Было ясно, что барельефы изображали дѣйствительное событіе, — но гдѣ ключъ къ его разгадкѣ? Тотъ, кто могъ-бы его объяснить, давно исчезъ съ лица земли. О вымершей расѣ говорятъ только камни, но въ ихъ языкѣ слишкомъ много темнаго и неразгаданнаго. Недаромъ сказано, что настанетъ день, когда камни возопіютъ; но кто пойметъ вполне, о чемъ вопіютъ камни?

Выйдя изъ воротъ храма, Андрей Ивановичъ отправился по мощеной дорогѣ. Ему хотѣлось узнать, куда ведетъ эта дорога и, кромѣ того, это избавляло его отъ необходимости пробираться черезъ кустарники, слѣдуя старымъ путемъ. Прекрасно вымощенная гладкими массивными плитами широкая дорога все время шла подъ навѣсомъ вѣковыхъ деревьевъ и, какъ натянутая струна, уходила въ даль. Узкая лента голубаго неба видѣлась надъ нею между вершинами громадныхъ пиній, каури и другого рода тропическихъ сосенъ. Андрей Ивановичъ шелъ по ней, поглощенный странными впечатлѣніями, пережитыми имъ сегодня.

Вскорѣ отъ этой дороги отдѣлилась вправо, почти подъ прямымъ угломъ, другая, болѣе узкая, но тоже прекрасно

вымощенная дорога. Андрей Иванович заглянулъ, какъ она совершенно прямою линіей уходила вдаль и скрывалась затѣмъ въ глубинѣ лѣса, и продолжалъ идти по старой.

Черезъ нѣсколько времени лѣсъ сталъ рѣдѣть и наконецъ совсѣмъ прекратился. Дорога пошла между холмовъ и начала подниматься въ гору. Наконецъ она уперлась въ широкую лѣстницу, разсыпавшіяся ступени которой были покрыты обломками желобчатыхъ колоннъ. Пройдя между этими обломками, Андрей Ивановичъ вдругъ очутился надъ самымъ обрывомъ берега: далеко внизу шумѣлъ океанъ, обрызгивая бѣлою пѣной подошвы утесовъ; у самыхъ ногъ на уступѣ обрыва, на грудѣ камней, покрытыхъ обломками барельефовъ, лежали двѣ полуразбитыхъ колонны, мѣстами засыпанныхъ мелкимъ щебнемъ. Это были единственные остатки зданія, обрушившагося въ море, вѣроятно, во время землетрясенія или другой подобной катастрофы.

Андрей Ивановичъ любовался еще нѣсколько времени на обломки красивыхъ капителей и узорныхъ карнизовъ, лежавшихъ внизу, и сталъ медленно спускаться по обрушившимся ступенямъ широкой лѣстницы, вѣроятно, составлявшей нѣкогда подножіе великолѣпнаго храма или дворца. Остатки этой лѣстницы тянулись далеко по обѣ стороны дороги, доходя почти до подошвы холмовъ, ограничивавшихъ ложбину: по этому можно было судить о величинѣ зданія, къ которому она принадлежала.

Слѣды гигантскихъ сооруженій, на которые постоянно приходилось наталкиваться, невольно наводили на мысль о величій расы, населявшей нѣкогда островъ. Несомнѣнно, что она обладала замѣчательными зодчими и геніальными скульпторами, произведенія которыхъ нѣсколько не уступали по красотѣ исполненія лучшимъ образцамъ античнаго искусства. Религіозный культъ ея, которому служили эти художники, былъ значительно развитъ и обладалъ особымъ сословіемъ жрецовъ и, быть можетъ, жрицъ, которыя вели,

какъ доказываетъ храмъ, найденный въ лѣсу, совмѣстную, быть можетъ, монашескую жизнь.

Раса эта имѣла своихъ царей, царицъ, полководцевъ, первосвященниковъ и ученыхъ законовѣдовъ, чтила ихъ дѣянія и увѣковѣчивала ихъ память для грядущихъ поколѣній, помѣщая ихъ статуи въ своемъ пантеонѣ. Свитки и надписи на пьедесталахъ свидѣлствуютъ, что имъ было знакомо искусство письма. Роскошныя одежды, оружіе, разнаго рода утварь, изображеніе которыхъ сохранила скульптура, доказываютъ существованіе цѣлаго класса искусныхъ ремесленниковъ, чьи ловкія руки создавали всѣ эти предметы. Вѣнокъ изъ колосьевъ на головѣ богини, сжатый снопы и серпы въ ея рукахъ указываютъ, что въ исчезнувшемъ государствѣ особеннымъ почетомъ пользовалось земледѣліе. Изъ всего этого слѣдовалъ неопровержимый выводъ, что народъ, жившій нѣкогда на островѣ, стоялъ на высокой степени цивилизаціи и умѣлъ пользоваться ея благами.

Раздумывая такимъ образомъ, Андрей Ивановичъ медленно возвращался по дорогѣ къ лѣсу. Сначала онъ надѣялся, что эта дорога приведетъ его домой: но когда она окончилась у обрыва, ему оставалось только воротиться назадъ и изслѣдовать другую, болѣе узкую дорогу, отдѣляющуюся подъ прямымъ угломъ отъ главной и уходящую куда-то въ глубину лѣса. Онъ со страхомъ думалъ, что, если и эта дорога не приведетъ его къ цѣли, то для того чтобъ воротиться домой, ему, пожалуй, снова придется продиаться чрезъ ту-же непроходимую глушь, по которой онъ пробрался къ лѣсному храму. Поэтому, дойдя до перекрестка, онъ сошелъ съ широкой дороги на узкую.

Она была также прекрасно вымощена и такими-же массивными, гладко вытесанными плитами, но деревья надъ ней образовали такой непроницаемый сводъ, что приходилось идти точно въ тоннель, порой даже нагибаясь подъ низко опущенными вѣтвями. Мало по малу характеръ ра-

стительности сталъ измѣняться. Между пиніями и arraucarіями стали попадаться свѣтлозеленыя древовидныя папоротники съ своими черными, точно обугленными стволами, затѣмъ акаціи, пальмы разнаго рода и потомъ сплошною стѣной пошли миртовыя деревья съ своею темнозеленою листвою. Дорога замѣтно стала подниматься въ гору. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней попадались мосты и подъ ихъ полукруглыми арками весело журчала вода небольшихъ ручейковъ, уходявшихъ куда-то подъ гору.

Становясь все круче и круче, дорога уперлась наконецъ въ довольно крутую каменную лѣстницу съ высокими и узкими, мѣстами осыпавшимися, ступенями. Миртовыя деревья перешли въ невысокій кустарникъ, изъ котораго мѣстами выдавались совершенно голыя скалы. Порою лѣстница прерывалась вымощенными площадками, какъ будто предназначенными для отдыха. Добравшись до одной изъ нихъ, усталый Андрей Ивановичъ сѣлъ отдохнуть и окинулъ глазами пройденное пространство.

Во все стороны, насколько хватало зрѣнія, виднѣлся сплошной лѣсъ, надъ которымъ мѣстами качались перистыя вершины высокихъ пальмъ. Разнообразныя оттѣнки зелени мѣнялись сообразно характеру растительности, переходя отъ темной, почти синей листвы arraucarій до нѣжной, желтовато-красной зелени акацій. Внизу, прямо подъ ногами, темнѣла лѣстница, скрываясь подъ густымъ сводомъ темнозеленыхъ миртъ; вверху эта-же лѣстница уходила въ гору и терялась между скалами. Андрей Ивановичъ совершенно не зналъ этой мѣстности и даже не могъ себѣ представить, въ какой сторонѣ находилась его палатка.

XV.

Въ горахъ.

Послѣ короткаго отдыха Андрей Ивановичъ снова сталъ взбираться въ гору. Подъемъ становился все затруднитель-

нѣе. Мѣстами лѣстница шла почти отвѣсно, мѣстами обрушившіяся ступени лежали въ грудѣ беспорядочныхъ обломковъ и тогда такіе обвалы приходилось обходить, цѣпляясь по скаламъ, среди перепутавшихся кустарниковъ.

Долго поднимался такимъ образомъ Андрей Ивановичъ. Все чаще и чаще онъ садился отдыхать гдѣ-нибудь на площадкѣ лѣстницы и тревожно вглядывался въ открывавшійся предъ нимъ просторъ, стараясь отыскать что-нибудь знакомое, съ помощью чего можно было-бы ориентироваться. Но передъ нимъ были все тотъ-же безконечный лѣсъ, тѣ-же кустарники и скалы.

День склонялся къ вечеру, западная часть неба уже вся сіяла въ лучахъ заходящаго солнца, а лѣстницѣ все не было конца. Наконецъ, Андрей Ивановичъ сталъ совсѣмъ отчаяваться. Нужно было торопиться, чтобы добраться до какого-нибудь удобнаго мѣста для ночлега, а между тѣмъ усталыя ноги почти отказывали въ повиновеніи. Полуобрушенная лѣстница продолжала подниматься все вверхъ. Вотъ уже кустарники кончились и по обѣ стороны узкой дороги виднѣлись только голые скаты, кое-гдѣ покрытые тощей травой. Наконецъ кончилась и лѣстница. Только слѣды ея, бѣлѣя грудами обрушившихся камней, показывали еще направленіе, въ которомъ она нѣкогда шла. Андрей Ивановичъ начиналъ приходить въ отчаяніе. Цѣпляясь по скалѣ вдоль обрушенной лѣстницы, онъ совершенно падалъ отъ усталости. Ему уже приходило на мысль лечь гдѣ-нибудь въ углубленіи скалы и уснуть, рискуя даже скатиться внизъ и разбиться вдребезги.

Но судьба сжалилась надъ нимъ. Изъ-за гребня скалы, по которой онъ взбирался съ такимъ трудомъ, вдругъ выглянулъ фронтонъ небольшого зданія, — еще нѣсколько шаговъ — и подъ фронтономъ появились четыре легкія колонны, на которыхъ онъ опирался. Вскорѣ Андрей Ивановичъ уже стоялъ у самаго зданія. Это былъ маленькій храмъ или, можетъ быть, мавзолей. Онъ находился на уступѣ скалы

и состоялъ изъ четырехугольной вымощенной площадки, по угламъ которой стояли колонны, поддерживавшія легкую крышу; въ срединѣ площадки находилась массивная четырехугольная плита, украшенная какими-то сгладившимся барельефами. Что изображала собою эта плита, жертвенникъ или надгробный камень, Андрей Ивановичъ не сумѣлъ опредѣлить. Впрочемъ, онъ и занять былъ не тѣмъ.

Добравшись до площадки, онъ съ наслажденіемъ повалился на жесткій каменный полъ и вытянулъ усталыя ноги. Онъ уже рѣшилъ за неимѣніемъ лучшаго провести здѣсь ночь, хотя холодныя плиты вмѣсто постели и довольно свѣжій вечерній вѣтеръ, дувшій на горѣ, не представляли особыхъ удобствъ для ночлега. Около получаса онъ лежалъ совершенно неподвижно и закрывши глаза, точно собираясь заснуть. Только когда силы его нѣсколько возстановились, онъ приподнялся на локоть и сталъ осматривать мѣстность, въ которой находился.

Взглянувъ подъ гору, Андрей Ивановичъ увидѣлъ, что наискось по скалѣ, отъ запада къ востоку, проложена прекрасная ровная дорога, а въ полумерстѣ отсюда, по направленію той же дороги, виднѣется силуэтъ какого-то зданія, вродѣ башни, освѣщенный пурпурными лучами заходящаго солнца. Всмотрѣвшись попристальнѣе, Андрей Ивановичъ принялъ эту башню за ту самую, въ которой хранился его Гиппогрифъ, и, обрадованный этимъ открытіемъ, собравъ послѣднія силы, снова пустился въ путь, чтобы воспользоваться короткимъ временемъ, оставшимся до заката солнца.

Дорога, высѣченная въ скалѣ, имѣла довольно значительный уклонъ, но послѣ труднаго подъема вдоль разрушенной лѣстницы идти по ней казалось просто отдыхомъ. Андрей Ивановичъ быстро прошелъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ зданія, которое сначала было принято имъ за знаковую башню, но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ нему, тѣмъ болѣе убѣждался въ ошибкѣ. Вмѣсто узкой и высо-

кой башни, сложенной изъ темныхъ, грубо отесанныхъ плитъ, онъ увидѣлъ передъ собою высокій красивый портикъ, фронтонъ и фризь котораго, насколько можно было разсмотрѣть подъ сѣнью опутавшихъ ихъ вьющихся растений, были богато украшены статуями и барельефами. Остальная часть храма, слѣдующая за портикомъ, скрывалась въ скалѣ и была, повидимому, или высѣчена въ этой скалѣ, подобно многимъ древнимъ храмамъ Индостана, или засыпана обрушившеюся скалой—быть можетъ, во время того же землетрясенія, когда обрушился въ море тотъ храмъ, остатки котораго онъ видѣлъ на берегу.

Терраса портика находилась на довольно значительномъ возвышеніи и высокая лѣстница, которою нѣкогда этотъ храмъ выходилъ на дорогу, почти совершенно разрушилась и лежала въ видѣ груды камней, засыпавшихъ дорогу. Цѣпляясь за сохранившіеся еще ступени и подкладывая камни вмѣсто недостающихъ, Андрей Ивановичъ взобрался кое-какъ на террасу портика. Здѣсь, прислонясь къ колоннѣ, онъ прежде всего окинулъ взглядомъ разстилавшуюся предъ нимъ мѣстность. Какова была его радость, когда въ недалекомъ разстояніи, нѣсколько вправо, подъ горой онъ увидѣлъ кровли обѣихъ знакомыхъ башенъ!.. Нѣсколько далѣе за ними темнѣли массивныя колонны озернаго храма и виднѣлась часть лазурной поверхности его любимаго озера; еще далѣе—шли знакомыя рощи кокосовыхъ пальмъ, банановъ и хлѣбныхъ деревьевъ, далекій лѣсъ, синѣвшій вдали, вершины прибрежныхъ скалъ и, наконецъ, за ними, на самомъ почти горизонтѣ,—голубое зеркало океана, сіявшее теперь роскошными красками румянаго заката...

Андрей Ивановичъ совершенно успокоился: теперь онъ могъ добраться до своей палатки даже въ темнотѣ тропической ночи, только бы успѣть засвѣтло спуститься подъ гору. Поэтому, дорожа временемъ, онъ бросилъ только бѣглый взглядъ въ темную внутренность храма и при свѣтѣ потухающаго дня едва успѣлъ разсмотрѣть длинные ряды

колоннъ и статуй, уходящія въ глубину храма, богатые скульптурныя украшенія на пьедесталахъ и фризахъ ближайшихъ колоннъ, покрытыя такими же украшеніями стѣны мозаичный полъ, — и, пресыщенный впечатлѣніями дня, сталъ торопливо спускаться по своей импровизированной лѣстницѣ, отложивъ осмотръ этого храма до болѣе удобнаго времени.

Такъ какъ дорога, высѣченная въ скалѣ, уходила слишкомъ далеко вправо отъ ближайшаго пути къ башнѣ, то Андрей Ивановичъ предпочелъ спускаться по горѣ цѣликомъ. Сначала это было довольно затруднительно благодаря ея обрывистости, но вскорѣ онъ нашелъ узенькую тропинку, которая привела его прямо къ подножію башни. Отсюда, уже въ совершенной темнотѣ, онъ пошелъ по вымощенной камнемъ дорогѣ, проложенной мимо озернаго храма по берегу озера и, наконецъ, усталый и голодный, добрался до своей палатки. Никогда въ жизни своей, даже въ очень юныя годы, когда онъ бредилъ охотой и считался однимъ изъ неутомимѣйшихъ Немвродовъ, Андрей Ивановичъ не дѣлалъ болѣе утомительнаго путешествія и не уставалъ до такой степени. Наскоро поужинавъ, онъ бросился въ постель и тотчасъ заснулъ. Но вѣроятно вслѣдствіе сильной усталости нервы его были очень напряжены, потому что сонъ его былъ тревоженъ и наполненъ сновидѣніями. Онъ все грезилъ статуей богини, отождествляя ее съ дѣвушкой, изображенной на барельефахъ портика.

Одѣтый въ такія же широкія одежды, онъ вмѣстѣ съ нею участвовалъ въ религіозныхъ процессіяхъ. Ихъ окружала шумная радостная толпа юношей и дѣвъ, распѣвавшая религіозныя гимны, отбивая тактъ ладонями рукъ. Онъ видѣлъ, какъ изъ-за этой толпы подкрадывался къ нему жрецъ въ остролистномъ вѣнкѣ и, вытягивая руку съ длинногорлымъ кувшиномъ, наполненнымъ ядомъ, старался вылить на нихъ этотъ ядъ. Андрей Ивановичъ сознавалъ, что его подругѣ грозитъ смертельная опасность, хотѣлъ броситься на жреца, оттолкнуть его, вырвать у него ядъ —

и не могъ пошевелить ни однимъ членомъ: онъ кричалъ тѣмъ глухимъ, точно задавленнымъ голосомъ, какимъ вообще кричатъ во снѣ, но его дикій крикъ не былъ слышенъ среди радостныхъ восклицаній шумной толпы. Онъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы сдвинуться съ мѣста, и наконецъ это ему удалось: онъ отталкиваетъ жреца и въ завязавшейся борьбѣ ломаетъ его жезлъ, срываетъ остролистный вѣнокъ и бросаетъ его на землю. Тогда жрецъ, въ страшномъ гнѣвѣ, поднялъ съ угрожающимъ жестомъ руку надъ головой Андрея Ивановича и сказалъ, задыхаясь: «Будь трижды проклятъ: пусть она не достанется ни мнѣ, ни тебѣ, пусть ты увидишь счастье соперника и пусть ты умрешь такую же одинокой и постыдной смертью, какъ я!» Съ этими словами жрецъ плеснулъ изъ кувшина въ лицо Андрею Ивановичу и остатки яда вылилъ на себя. Въ то же мгновеніе Андрей Ивановичъ почувствовалъ, какъ члены его сдѣлались неподвижны, точно ихъ сковала какая то невидимая сила, какъ они мало-по-малу цѣпенѣли, застывая будто отъ холода, какъ этотъ холодъ постепенно поднимался къ сердцу, останавливалъ дыханіе, сжималъ мозгъ и скоро онъ одинъ, окаменѣвшимъ трупомъ, лежалъ на дорогѣ, но все еще слышалъ, какъ пѣсни веселой толпы замирали вдали, и видѣлъ, сквозь закрытыя вѣки, что надъ нимъ чернѣло одно только холодное непривѣтное небо.

XVI.

К о р а б л е с т р о е н і е.

На другой день шелъ дождь, начавшійся еще ночью. Андрей Ивановичъ чувствовалъ себя усталымъ точно разбитымъ и весь день провалялся на постели съ книгою въ рукахъ. Къ вечеру дождь пересталъ, солнце снова засверкало на безоблачномъ небѣ. Освѣженная и омытая зелень имѣла такой нарядный, праздничный видъ, что Андрей Ивановичъ нашелъ наконецъ невозможнымъ оставаться долѣе

въ темной палаткѣ. Онъ взялъ весло и отправился къ челноку съ пѣлью покататься по озеру.

Челнокъ пришлось отливать. Прошедшій дождь нахлесталъ его водою почти вровень съ краями. Андрей Ивановичъ вытащилъ его на берегъ, опрокинулъ, вытеръ насухо травой и снова осторожно спустилъ на воду: онъ берегъ свою лодку-игрушку потому, что она ему нравилась своимъ красивымъ, наряднымъ видомъ. Эти немногосложныя занятія, потребовавшія небольшихъ физическихъ усилій, пришлись очень кстати: послѣ нихъ Андрей Ивановичъ почувствовалъ себя бодрѣе, — какъ говорится, поразмялся. Всегда уже такъ бываетъ, что послѣ сильной усталости чувствуется во всемъ тѣлѣ какая то тяжесть, мускулы ноютъ, малѣйшее движеніе кажется затруднительно; но стоитъ только принудить себя немного поработать — и все приходитъ въ норму сразу себя чувствуешь бодрѣе и досадная апатичность исчезаетъ безъ слѣда.

Черезъ нѣсколько минутъ Андрей Ивановичъ былъ уже на серединѣ озера. Двадцать разъ проѣхалъ онъ вдоль и поперекъ, толкаясь носомъ челнока то въ каменные ступени храма, то въ песчаный откосъ своего любимого мѣста для купанья, и какъ то сразу почувствовалъ, что ему тѣсно и скучно въ этомъ голубомъ четырехугольникѣ, заключенномъ въ роскошную раму изъ цвѣтущей тропической зелени. Ему захотѣлось на просторъ, куда-нибудь на рифъ, гдѣ-бы ничто не мѣшало ему видѣть далеко во всѣ стороны.

Конечно, всего проще было снарядить Гиппогрифъ и на немъ, по желанію, подняться высоко надъ облаками или свободно носиться надъ океаномъ, почти задѣвая за гребни волнъ упругимъ дномъ своей ивовой лодочки. Но не этого хотѣлось теперь Андрею Ивановичу. Все это были ощущенія уже перепытанныя, настолько знакомыя, что въ нихъ уже не было ничего новаго. И кромѣ того, на Гиппогрифѣ ему пришлось бы сидѣть спокойно и неподвижно, такъ какъ тамъ не къ чему было приложить силу, которая требовала

упражнения и работы. Поэтому ему пришла фантазія покататься «по синимъ волнамъ океана» на настоящей морской лодкѣ, полавировать на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра, словомъ, — приложить на практикѣ тѣ таинства мореходнаго искусства, въ которыя нѣкогда посвятилъ его кузень-морякъ на грачевскомъ пруду, нѣсколько разъ испулавшись съ нимъ вмѣстѣ во всемъ платьѣ на крутыхъ поворотахъ, когда узенькій и вертлявый челнокъ мельника опрокидывался подъ тяжестью парусовъ.

«Можно будетъ выбрать не особенно свѣжій вѣтеръ», — думалъ Андрей Ивановичъ. Но прежде всего надо построить лодку. Что за бѣда, если надъ нею придется поработать двѣ или даже три недѣли! Время у меня некупленное. Самая работа пустяки, строительный матеріалъ подъ руками... Встѣ развѣ теорія подгадить: вмѣсто легкой послушной лодки, пожалуй, выйдетъ какое-нибудь тяжелое, кривобокое чудовище? А впрочемъ — посмотримъ, попробуемъ.

Слѣдствіемъ этого рѣшенія было то, что на другой день съ самаго утра Андрей Ивановичъ принялся за работу. Онъ выбралъ подходящее хлопчатниковое дерево, устроилъ около него нѣчто вроде подвижной лѣстницы, срубилъ съ него вершину, обрубилъ вѣтви, и стоя на верхней площадкѣ своей лѣстницы, принялся распиливать на доски прямо по корню. Дѣло пошло довольно успѣшно: однако, отпиливъ первую доску, Андрей Ивановичъ почувствовалъ, что трудъ этотъ далеко не такой легкій, какъ это ему сначала казалось. Но онъ обладалъ въ извѣстной степени упрямствомъ и, разъ принявшись за дѣло, непремѣнно доводилъ его до конца, чего бы это ему ни стоило. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Обливаясь потомъ и ворча на непослушную пилу, которая пилила не такъ скоро и прямо, какъ ему хотѣлось, онъ продолжалъ отпиливать отъ дерева одну доску за другой и, покончивъ съ однимъ, перешелъ къ другому. Когда ему наскучивало распиливанье, онъ принимался за обтесыванье и выстрагиванье и въ полторы недѣли

постояннаго труда наготовилъ столько досокъ и брусьевъ разной толщины, что счелъ уже возможнымъ приступить, наконецъ, къ постройкѣ лодки.

Нельзя однако сказать, чтобы все это время Андрей Ивановичъ занимался одною только плотничною работою. Напротивъ, онъ часто давалъ себѣ короткій отдыхъ, дѣлалъ недалекія прогулки съ ружьемъ, по вечерамъ постоянно выѣзжалъ на челнокѣ ставить жерлицы, собиралъ попавшуюся рыбу, ухаживалъ за льямами, накашивая имъ утромъ и вечеромъ травы, готовилъ обѣдъ и ужинъ, — словомъ велъ все свое немногосложное хозяйство и при этомъ находилъ еще время предаваться кейфу въ тѣни банана, лежа на толстомъ коврѣ съ книгой въ рукѣ и чашкой горячаго душистаго кофе на низенькой скамейкѣ, замѣнявшей въ этомъ случаѣ столъ.

По вечерамъ въ эти полторы недѣли Андрей Ивановичъ не разъ чертилъ и перечерчивалъ конструкторскіе чертежи предполагаемой лодки, тщательно вычерчивая фигуры и вычисляя размѣры деталей. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ окончаніемъ заготовки матеріаловъ, были приготовлены подробные чертежи практикуемой лодки и работа должна была идти теперь, какъ «по писанному». Дѣйствительно, работа пошла замѣчательно быстро. Въ нѣсколько дней былъ вытесанъ киль, прилажены лекала, врублены кокоры — словомъ, остовъ лодки вчернѣ былъ готовъ и тщательно вывѣренъ. Началась обшивка и только здѣсь встрѣтилось затрудненіе: за недостаткомъ желѣзныхъ гвоздей пришлось обшивать деревянными.

Андрей Ивановичъ приунылъ. Онъ не прочь былъ устроить кузницу и собственноручно ковать гвозди, но гдѣ взять желѣзо? Бродя по острову, онъ не разъ видѣлъ красную глину, которою одно время даже предполагалъ воспользоваться вмѣсто охры для окраски своего челнока. Онъ — если можно такъ выразиться — чуялъ, что въ этой глинѣ заключается желѣзо, — но какъ добыть, выдѣлить

его оттуда? Напрасно собиралъ онъ свои минералогическія и металлургическія познанія, припоминалъ все, что зналъ когда-то о магнитномъ желѣзнякѣ, о доменныхъ печахъ, о чугунахъ, но изъ всего этого ничего не выходило. Въ концѣ концовъ онъ даже возропталъ на свое воспитаніе. Досталось тутъ и гимназій, и университету... Впрочемъ, онъ скоро опомнился и сообразилъ, что *ars longa, vita brevis*, что при безконечномъ разнообразіи человѣческихъ знаній спеціализація необходима и что онъ самъ виноватъ, если не подготовился спеціально въ Робинзоны.

Пусть однако читатель не думаетъ, что Андрей Ивановичъ не съумѣлъ-бы добыть себѣ желѣза, еслибы оно ему было настолько нужно, что безъ него нельзя было-бы обойтись. На свѣтѣ все такъ просто дѣлается, что въ большинствѣ случаевъ достаточно *хотѣть*, чтобы *мочь*. Суворовъ потому не терпѣлъ «немогузнаекъ», что они не умѣли *хотѣть*, что они успокаивались на своемъ *незнаніи*, не имѣя достаточно энергіи, чтобы раздѣлаться съ нимъ, стряхнуть его съ себя.

Какъ-бы то ни было, кораблестроителю пришлось, скрѣпя сердце, работать деревянными гвоздями, призвавъ себѣ на помощь русское «авось да небось». Это обстоятельство сначала нѣсколько разочаровало и охладило Андрея Ивановича; но потомъ онъ снова увлекся своею работой и даже сталъ любоваться, какъ все это выходило у него стройно, красиво и аккуратно. Въ глазахъ настоящаго мастера работа Андрея Ивановича, конечно, не имѣла бы никакой цѣны и навѣрно вызвала-бы безжалостное осужденіе. Но Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на свое созданіе другими глазами. Онъ еще живо помнилъ первоначальный хаосъ, изъ котораго онъ вызвалъ его къ жизни—тѣ чурбаки, бревна, кривыя шероховатыя доски, грудой наваленныя на этомъ самомъ мѣстѣ; онъ помнилъ, какъ изъ этого хаоса малѣ-по-малу подъ его руками начало получаться нѣчто цѣлое, органически связанное изъ множества отдѣльных

частей, нѣчто имѣющее опредѣленную физіономію, стройное, даже красивое: развѣ Андрей Ивановичъ не имѣлъ права этимъ восхищаться? Каждый работникъ, работающій не за страхъ, а за совѣсть, какъ-бы онъ ни былъ неискусенъ въ чужихъ глазахъ, непременно испытываетъ это чувство удовлетворенности и въ этомъ чувствѣ большаго или меньшаго приближенія, къ идеалу заключается лучшая награда за трудъ и главнѣйшій стимулъ для дальнѣйшаго усовершенствованія.

XVII.

Н а м о р ъ.

Вмѣсто двухъ-трехъ недѣль, постройка лодки съ конопаткой и осмолкой затянулась болѣе, чѣмъ на два мѣсяца. Но зато, когда она была кончена и, перенесенная при помощи Гиппогрифа на озеро, закачалась на его волнахъ такъ стройно и солидно, сердце Андрея Ивановича прониклось весьма понятнымъ чувствомъ гордости. Противъ ожиданія, несмотря на свою величину, лодка оказалась довольно легкой, прекрасно слушалась руля и отлично ходила подъ парусами. На озерѣ, конечно, ей нсгдѣ было разгуляться, но перенести ее на рифъ Андрей Ивановичъ пока не рѣшался, такъ какъ все время стояла слишкомъ вѣтряная погода. Онъ поневолѣ долженъ былъ довольствоваться маневрами на озерѣ и это принесло ему пользу въ томъ отношеніи, что, не рискуя ни малѣйшей опасностью, онъ научился довольно хорошо управлять своею лодкой.

Наконецъ однажды вечеромъ солнце закатилось на совершенно ясномъ горизонтѣ. На небѣ не было тѣхъ красныхъ перистыхъ полосъ, которыя, обыкновенно на закатѣ солнца, легкими пучками тянулись поперекъ неба, предвѣщающая на завтра вѣтряный или даже бурный день. Въ этотъ вечеръ Андрей Ивановичъ съ особеннымъ вниманіемъ осматрѣлъ свою лодку, оглядѣлъ оснастку, весла, руль; затѣмъ отправился въ верхнюю башню и также внимательно

осмотрѣлъ Гиппогрифъ. Найдя все въ порядкѣ, онъ улегся пераньше спать, заранѣе предвкушая удовольствіе своей первой самостоятельной поѣздки по морю.

На другой день онъ проснулся рано. Утро было тихое и ясное. Листья на деревьяхъ какъ будто замерли въ совершенно неподвижномъ воздухѣ. Только однѣ птички, весело чирикаая, носились надъ вершинами деревьевъ, да звенящее облако насѣкомыхъ какъ будто плыло надъ самымъ озеромъ, точно смотрясь въ его зеркальную поверхность, подъ которой его сторожили уже неустомимые стрѣлки-охотники, желмоны. Флагъ на мачтѣ висѣлъ неподвижно и будто жалѣлъ, что его владѣльцу не придется сегодня развернуть паруса и попробовать свою лодку на скеанѣ.

«Ну, что-же? Не бѣда!»—утѣшалъ себя Андрей Ивановичъ. «Напротивъ, это даже лучше, что мнѣ придется спустить свою лодку на море въ такую тихую погоду. Пока что, я отыщу для нея удобную бухточку, защищенную отъ вѣтровъ,—а тамъ, къ полудню, еще посмотримъ, что будетъ: тихое утро еще не обуславливаетъ непременно безвѣтрянаго дня».

Андрей Ивановичъ снялъ мачту и уложивъ, весь таке-лажъ на дно лодки, отправился за Гиппогрифомъ. Черезъ нѣсколько времени, легкій и красивый, нисколько не пострадавшій отъ своего продолжительнаго заключенія въ башнѣ, онъ гордо плылъ надъ поверхностью озера, почти скользя по водѣ своею ивовою лодочкой. Какъ въ зеркалѣ, отражались въ водѣ его разноцвѣтные полотнища, опутанные частою сѣтью веревокъ, его могучій винтъ, плавно вертѣвшійся въ неподвижномъ воздухѣ, и руль, управлявшій полетомъ: казалось, два аэростата плыли одинъ надъ другимъ, стремясь своими шарами въ противоположныя стороны—одинъ къ небу, опрокинувшемуся надъ озеромъ, другой къ такому же небу, но только скрывшемуся въ его зеркальной глубинѣ.

Остановивъ аэростатъ надъ центромъ лодки, Андрей Ивановичъ обвязалъ всю ее веревками и, тщательно прикрѣпивъ ее къ аэростату, далъ ему ходъ, и могучее чудо-вище плавно поднялось надъ озеромъ, держа въ своихъ когтяхъ огромную лодку. Поднимаясь все выше и выше, оно полетѣло надъ пальмами, надъ вершинами гигантскихъ смоковницъ, надъ зарослями перепутавшихся лимоній, промелькнуло надъ узкой каменистой грядой прибрежныхъ скалъ и точно повисло надъ застывшимъ, какъ стекло, океаномъ.

Андрей Ивановичъ зорко осматривалъ съ высоты широкія полосы рифовъ, тянувшіяся въ разныхъ направленіяхъ, какъ причудливыя морщины на гладкой поверхности океана. Казалось, сегодня они измѣнили нѣсколько свою обычную фizioномію: у нихъ не доставало вѣчной бѣлой каймы пѣнистаго прибоя, окружавшей ихъ берега множествомъ опасныхъ буруновъ.

Неподалеку отъ рифа, впервые пріютившаго Андрея Ивановича въ этомъ уголкѣ міра, въ виду острова Опаснаго, виднѣлось начинавшееся кольцо небольшого атолла съ глубокою внутреннею лагуной. Найдя, что эта лагуна можетъ служить удобнымъ помѣщеніемъ для его лодки, Андрей Ивановичъ спустился почти къ самой поверхности воды и одну за другой осторожно отвязалъ веревки, прикрѣплявшія лодку къ Гиппогрифу. Черезъ полчаса Гиппогрифъ, освобожденный отъ своей ноши, легкою птицей взвился надъ океаномъ, а посерединѣ лагуны тихо закачалась лодка, впервые знакомясь съ стихіей, въ которой отнынѣ ей предстояло дѣйствовать. Андрей Ивановичъ спустился еще разъ, подвелъ лодку къ берегу и, уравнивъ аэростатъ, вышелъ на жесткую поверхность рифа.

Стоя на твердой известковой почвѣ рифа, Андрей Ивановичъ тщетно отыскивалъ глазами какой нибудь предметъ, къ которому онъ могъ-бы прикрѣпить свой Гиппогрифъ. Но поверхность рифа оказалась настолько ровною, что за-

цѣпить якорь или привязать веревку Гиппогрифа было не за что. Оставалось привязать его къ лодкѣ. Это, конечно, затруднило-бы ея движенія, но такъ какъ другого выбора не представлялось, то пришлось прибѣгнуть къ этому средству. Андрей Ивановичъ крѣпко привязалъ веревку якоря къ кормѣ лодки, такимъ образомъ, что Гиппогрифъ балансировалъ надъ лагуной на высотѣ отъ тридцати пяти до сорока футовъ; затѣмъ онъ поставилъ мачту, вложилъ весла въ уключины и, огребаясь то тѣмъ, то другимъ, то обоими вмѣстѣ, выбрался изъ лагуны чрезъ одинъ изъ каналовъ, которыми было прорѣзано кольцо атолла.

Въ воздухѣ было тихо попрежнему, концы повисшаго флюгера едва шевелились и то благодаря движенію лодки; океанъ, какъ прежде, былъ гладокъ, точно зеркальное стекло. Повидимому предстояло все время работать веслами, оставя бесполезный парусъ празднo лежать на днѣ лодки. Андрей Ивановичъ тихо обогнулъ рифъ и выѣхалъ въ открытое море. Лодка шла довольно легко на веслахъ, увлекая за собою привязанный аэростатъ. Становилось все жарче и жарче. Андрей Ивановичъ обливался потомъ, но не бросалъ веселъ. Ему нравилось плыть такимъ образомъ, затеряннымъ съ своей маленькой лодкой въ этомъ безграничномъ голубомъ пространствѣ: было весело и жутко, оглядываясь по сторонамъ, видѣть только воду и небо. Уже островъ Опасный остался далеко позади. Его обрывистые берега синѣли въ голубоватомъ туманѣ и, становясь все ниже и ниже, точно прятались въ море.

Наконецъ Андрей Ивановичъ почувствовалъ усталость и сложилъ весла. Лодка тихо покачивалась на водѣ, подвигаясь въ силу инерціи по прежнему направленію. Андрей Ивановичъ откинулся на спину, закинулъ за голову руки, вытянулъ ноги и весь отдался *dolce far niente*. Онъ долго смотрѣлъ сквозь прижмуренныя рѣсницы въ высокое синее небо; потомъ, ослѣпленный его сіяніемъ, онъ перевелъ глаза на безконечную равнину моря, сливавшуюся съ не-

бомъ въ голубомъ туманѣ горизонта. Грудь его свободно и глубоко вдыхала живительный морской воздухъ, пропитанный мельчайшими частицами соляныхъ испареній. Блуждая глазами по голубой поверхности моря, онъ перегибался порою черезъ бортъ лодки и пристально вглядывался въ прозрачную глубину океана, точно желая проникнуть въ его сокровенныя тайны. Но море ревниво хранило свои секреты и, хотя миллиарды живыхъ существъ кишѣли на самой поверхности воды, въ какихъ нибудь двухъ футахъ разстоянія, глазъ наблюдателя не могъ уловить ни одного изъ нихъ—до того было прозрачно ихъ тѣло. Наскучивъ бесполезно всматриваться въ безжизненную, какъ ему казалось, глубину, Андрей Ивановичъ снова откидывался на спину и погружался въ прежнее полудремотное состояніе.

XVIII.

Ч у д о в и щ е.

Изъ этого состоянія его вывелъ не далекій всплескъ воды. Андрей Ивановичъ быстро поднялся и обернулся по направленію шума, но не успѣлъ разсмотрѣть его причины.

Ему показалось только, что какой-то темный предметъ, вродѣ огромнаго обломка скалы, упалъ въ воду, поднявъ цѣлый столбъ брызгъ, и мгновенно исчезъ въ глубинѣ, оставивъ за собою взволнованную поверхность. Андрей Ивановичъ еще смотрѣлъ на это мѣсто расширенными отъ любопытства глазами, когда саженьхъ въ десяти отъ лодки, въ томъ же направленіи, изъ воды внезапно выпрыгнуло огромное круглое тѣло, продержалось нѣсколько мгновеній на воздухѣ въ нѣсколькихъ футахъ надъ поверхностью и затѣмъ снова упало въ море, произведя такое волненіе, что лодку нѣсколько разъ чувствительно подбросило расходящимися волнами. Теперь Андрей Ивановичъ могъ уже хорошо разсмотрѣть странный предметъ, привлекшій его

вниманіе. Это было ничто иное, какъ громадная, какъ будто отрубленная отъ туловища, рыба голова не менѣе шести футовъ въ діаметрѣ. У нея были глаза, ротъ, два громадныхъ, какъ казалось, околожаберныхъ плавника — и затѣмъ болѣе ничего...

Андрей Ивановичъ до того былъ пораженъ этимъ страннымъ чудовищемъ, что нѣсколько минутъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Онъ насилу могъ сообразить, что эта должна быть та самая сказочная рыба, которую старинные мореплаватели окрестили такими странными именами, какъ напимѣръ, самглавъ, шаръ-рыба, голова-рыба и т. п. У позднѣйшихъ путешественниковъ она называется иногда солнечною рыбой, иногда луною-рыбой. Последнее названіе она получила, какъ говорятъ, потому что ея серебристая чешуя свѣтится въ ночной темнотѣ и, когда ей приходила фантазія ночью показаться надъ поверхностью воды, путешественники будто-бы часто принимали ее за дискъ полной луны, выходящій изъ моря...

Приключеніе съ луною рыбой разбудило охотничьи инстинкты Андрея Ивановича, дремавшіе въ немъ со времени неудачи на озерѣ. Онъ очень жалѣлъ, что не взялъ съ собою рыболовныхъ принадлежностей, и рѣшился на слѣдующій разъ непременно попробовать счастья въ рыбной ловлѣ на морѣ.

Между тѣмъ, осматриваясь кругомъ, онъ замѣтилъ, что лодка все еще продолжаетъ двигаться: темная полоса рифа, сначала едва замѣтная вдаль, постепенно становилась все ближе и ближе и наконецъ прошла мимо, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ борта лодки. Оглянувшись назадъ, Андрей Ивановичъ едва могъ разобрать въ фіолетовомъ полуденномъ туманѣ синія скалы острова Опаснаго. Было очевидно, что, пока онъ предавался своему *far niente*, лодку его дрейфовало морскимъ теченіемъ, и если-бы онъ не догадался объ этомъ еще нѣсколько минутъ, то вѣроятно со всѣмъ потерялъ-бы изъ виду свой островъ.

Конечно, пока съ ними былъ его Гиппогрифъ, это не представляло опасности. Андрей Ивановичъ съ любовью взглянулъ на аэростатъ, гордо покачивавшійся за кормою на своей крѣпкой веревкѣ. «Съ нимъ ничто не страшно», подумалъ онъ. Но все же забираться слишкомъ далеко отъ острова по морю, усѣянному рифами и подводными скалами, не представляло особеннаго интереса. Надо было возвращаться, пока островъ не исчезъ совсѣмъ изъ виду. Андрей Ивановичъ взялся за весло и повернулъ лодку къ острову. Но обратный путь оказался далеко не легкимъ. Проработавши веслами болѣе часу и почти задохаясь отъ усталости и жары, Андрей Ивановичъ успѣлъ доѣхать только до того рифа, мимо котораго лодка проплыла всего за нѣсколько минутъ до поворота назадъ. При такой скорости добраться до острова можно было не ранѣе ночи. Но перспектива сидѣть за веслами нѣсколько часовъ сряду, изнемогая отъ усталости, зноя и жажды, вовсе не улыбалась Андрею Ивановичу. Поэтому, по неволѣ, пришлось прибѣгнуть къ помощи Гиппогрифа.

Андрей Ивановичъ взобрался въ корзину аэростата и повернулъ рычагъ динамо-электрической машины: винтъ тотчасъ завертѣлся и лодка, всплывая уснувшую поверхность океана, быстро пошла противъ теченія, влѣдъ за ринувшимся къ острову Гиппографомъ. Черезъ полтора часа Андрей Ивановичъ уже ввелъ свою лодку въ ту же самую лагуну, которую предназначалъ для ея помѣщенія, и, отыскавши на углу одного обмелѣвшаго на половину канала острый выступъ берега, крѣпко привязалъ ее къ нему.

Затѣмъ на этотъ разъ ему ничего болѣе не оставалось, какъ только возвратиться на островъ. Но собирая и связывая вмѣстѣ веревки, которыми была прикрѣплена къ аэростату лодка во время переноски ея съ острова на рифъ, Андрей Ивановичъ на днѣ корзины нашелъ случайно попавшею сюда крѣпкую лесу съ толстымъ желѣз-

нымъ крючкомъ на концѣ. Такъ какъ было еще рано, то онъ вздумалъ попробовать половить рыбу съ рифа. Но представлялась задача—гдѣ достать наживки? Нѣсколько разъ онъ обошелъ рифъ, переправляясь черезъ канавы съ помощью Гиппогрифа, и не нашелъ ничего годнаго для этой цѣли, кромѣ двухъ или трехъ небольшихъ крабовъ, которые, однако, такъ быстро убѣжали при его приближеніи, что догнать ихъ не было никакой возможности. По всей вѣроятности, это были тѣ крабы, которыхъ моряки называютъ кавалеристами за быстроту ихъ бѣга. Тогда Андрей Ивановичъ пересмотрѣлъ все ящики, въ которыхъ хранилась провизія во время путешествій на Гиппогрифъ, и въ одномъ, къ своему величайшему удовольствію, нашелъ большой кусокъ завалявшагося, совершенно высохшаго сыра. Это было какъ разъ то самое, чего искалъ Андрей Ивановичъ, такъ какъ безъ всякаго сомнѣнія такого рода паживка должна служить для рыбы довольно лакомою приманкой.

Насадивъ на крючокъ довольно крупный кусокъ сыру, Андрей Ивановичъ закинулъ свою удочку въ устьѣ одного изъ каналовъ, соединявшихъ лагуну съ океаномъ. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ леса уже стала понемногу натягиваться и отходить въ сторону отъ устья канавы. Андрей Ивановичъ потянулъ лесу и сразу почувствовалъ, что на ней виситъ что-то тяжелое... Скоро изъ воды появился огромный крабъ, державшійся своею чудовищною клешнею за крючекъ. Неожиданно очутившись на поверхности воды, крабъ догадался разжать свою клешню и проворно нырнулъ на дно. Андрей Ивановичъ перемѣнилъ на половину съѣденную приманку и закинулъ удочку на прежнее мѣсто. Черезъ нѣсколько времени леса стала снова натягиваться. Зная теперь, что это продѣлки краба, Андрей Ивановичъ сильно рванулъ лесу и отскочилъ отъ берега, рассчитывая такимъ быстрымъ движеніемъ выкинуть краба на берегъ. Маневръ удался, но не совѣмъ: неуспѣвшій во время разжать клешню, крабъ ударился объ откосъ

берега и снова свалился въ море. Эта неудача раздосадовала Андрея Ивановича.

Онъ выбралъ болѣе пологій берегъ и снова закинулъ лесу. Здѣсь онъ былъ счастливѣе. Быстрымъ движеніемъ руки ему удалось выкинуть на берегъ довольно большого краба. Но когда безобразное восьминое чудовище, сначала нѣсколько оглушенное паденіемъ, пришло въ себя и, поднявъ свои громадныя клешни, почти вчетверо превосходившіе длину его туловища, бросилось на своего врага, Андрей Ивановичъ съ позоромъ долженъ былъ ретироваться и по всей вѣроятности упустилъ бы свою добычу, если бы подъ руку ему не попалось весло, съ помощью котораго онъ не только обратилъ краба въ бѣгство, но, оглушивъ его нѣсколькими ударами опрокинулъ на спину и совершенно покорилъ своей власти, крѣпко связавъ веревкой его страшныя клешни.

Такой удачный результатъ охоты разлакомилъ Андрея Ивановича. Онъ закинулъ удочку на прежнее мѣсто и приготовился выкинуть на берегъ попавшуюся добычу. Но клевъ что-то долго не повторялся. Андрею Ивановичу даже надоѣло сидѣть надъ своею удочкой. Онъ воткнулъ весло въ трещину берега и обмоталъ вокругъ него лесу, наскучивъ держать ее въ рукѣ. Леса такъ долго оставалась неподвижной, что онъ уже задалъ себѣ вопросъ: не испугались-ли крабы участи своего товарища и не ушли-ли въ другое мѣсто? Но въ это самое мгновеніе леса натянулась такъ сильно, что потащила за собою весло. «Это уже не крабъ», подумалъ Андрей Ивановичъ и схватился за лесу, но тотчасъ же почувствовалъ во всемъ тѣлѣ такое сильное сотрясеніе, что выпустилъ изъ рукъ лесу и упалъ навзничъ, сильно ударившись затылкомъ объ известковую почву рифа.

Когда Андрей Ивановичъ, оглушенный неожиданнымъ ударомъ и паденіемъ, пришелъ въ себя, весло медленно плыло вдоль рифа, въ двухъ шагахъ отъ берега, но леса

на немъ уже не было. Да еслибы она и оставалась еще на веслѣ, то врядъ ли Андрей Ивановичъ рѣшился бы прикоснуться къ ней въ другой разъ, рискуя получить электрическій ударъ, быть можетъ, еще болѣе сильный, чѣмъ первый. Онъ понялъ, что надъ нимъ пошутить электрическій скать, котораго недаромъ прозвали морскимъ чортомъ. Съ помощью особыхъ органовъ, помѣщающихся между головой, жабрами и грудными плавниками, это отвратительное чудовище можетъ производить весьма сильные электрическіе удары. Все живое трепещетъ предъ его страшною силой. Рыба, случайно дотронувшаяся до него или даже прошедшая только мимо, получаетъ такой ударъ, что мгновенно впадаетъ въ столбнякъ и умираетъ.

Не желая вовсе имѣть дѣла съ такою опасною гадиной и благодаря судьбу, что еще счастливо отдѣлался, Андрей Ивановичъ досталъ изъ воды весло, захватилъ связаннаго краба и, взобравшись на Гиппогрифъ, отправился домой.

XIX.

В ѣ т е р о к ъ.

Почти цѣлую недѣлю продолжался тотъ же мертвый штиль, небо и океанъ, земля и воды, лѣса и скалы, все какъ-будто замерло въ подвижной дремотѣ, точно объятые очарованнымъ сномъ. Солнце жгло невыносимо и морской вѣтерокъ уже не прилеталъ съ океана обвѣять прохладой недвижные листья истомившихся отъ зноя растеній. Та же истома, казалось, тяготѣла надъ всѣмъ живущимъ. Голоса птицъ звучали какъ-то глухо, точно сквозь сонъ, стада льямъ прятались въ тѣни и молодые животные уже не прыгали по травѣ, но апатично стояли около матокъ спрятавши подъ нихъ свои головы, и только безсильно отмахивались отъ назойливыхъ насѣкомыхъ, которыя только одни, казалось, чувствовали себя привольно въ неподвижномъ и знойномъ воздухѣ.

Андрей Ивановичъ также не избѣгъ общей участи. Все время, пока продолжался штиль, онъ находился въ какомъ-то полуснѣ, апатично смотря на все окружающее. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ-будто на немъ лежала какая-то невидимая тяжесть, сковавшая его умъ, энергію, даже самые члены его тѣла. Днемъ, обливаясь потомъ, лежалъ онъ въ своей палаткѣ съ книгою въ рукѣ, погруженный въ полудремотное состояніе, которое и давало ему читать, несмотря на слабыя усилія воли, дѣлавшей попытки принудить вялый мозгъ къ какой-нибудь умственной дѣятельности. Продремавши такимъ образомъ цѣлый день, онъ не могъ спать ночью и просиживалъ около костра до самаго, разсвѣта апатично смотря то въ окружающій мракъ, то въ темное небо, на которомъ блестящими искрами сверкали громадныя звѣзды. Онъ лѣниво смотрѣлъ, какъ красноватый столбъ дыма поднимался кверху, постепенно темнѣлъ и сливаясь съ темнотою ночи, какъ на этомъ фонѣ рельефно выступали изъ тьмы освѣщенные пламенемъ, неподвижныя вѣтви деревьевъ, казавшіяся вылитыми изъ червоннаго золота. Порою, утомившись безцѣльно блуждать глазами по окружающей его безмолвной темнотѣ, онъ брался за книгу и пробовалъ читать при свѣтѣ костра; но, прочитавши нѣсколько страницъ, онъ снова безучастно смотрѣлъ на темное небо, на черныя деревья, на мутную даль, въ которой слабо рисовались какія-то неясныя очертанія.

Съ разсвѣтомъ онъ навѣщалъ своихъ лямъ; затѣмъ садился въ челнокъ, осматривалъ жерлицы, собиралъ попавшуюся рыбу и возвращался въ палатку. Рыбная ловля на рифѣ его уже не привлекала; кататься по морю въ лодкѣ на веслахъ тоже не имѣло никакой прелести; наконецъ, ходить съ ружьемъ, хотя-бы и въ тѣни деревьевъ, было слишкомъ тяжело, такъ какъ зной проникалъ даже въ самые и непроходимые глухіе уголки лѣсной чащи.

Поэтому совершенно понятно то оживленіе, почти радость, съ какими на разсвѣтѣ девятаго дня Андрей Ива-

новичъ привѣтствовалъ слабую струйку вѣтерка, слегка шевельнувшую сонный листъ банана. Въ тоже время столбъ дыма, вертикально стоявшій надъ потухающимъ костромъ, наклонился въ сторону, разорвался на отдѣльныя облака и ключьями потянулся надъ озеромъ. Наконецъ-то штиль кончился! Еще наканунѣ, на закатѣ солнца, были замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ легкія перистыя облачка, протянувшіяся по небу тонкими румяными нитями отъ запада къ востоку. Андрей Ивановичъ припомнилъ теперь объ этомъ и поздравилъ себя съ переменою погоды. Пусть будетъ даже сильный вѣтеръ, пожалуй съ проливнымъ дождемъ, но только не эта мертвая тишина, которая въ состояніи уморить человѣка съ тоска.

На восходѣ солнца вѣтеръ было затихъ и Андрей Ивановичъ уже сталъ приходить въ отчаяніе, но спустя нѣсколько минутъ тонкія вѣтви деревьевъ снова зашевелились и даже послышался слабый шелестъ листьевъ; затѣмъ опять наступилъ короткій промежутокъ затишья; казалось, вѣтеръ собирался съ силами. Слои воздуха, выведенные изъ равновѣсія, еще колебались между движеніемъ и абсолютнымъ спокойствіемъ. Но промежутки затишья становились все короче и короче, и скоро движеніе должно было сообщиться всей массѣ воздуха.

Андрею Ивановичу захотѣлось посмотрѣть, что дѣлается на океанѣ. Поднявшись надъ островомъ на своемъ Гиппогрифѣ, онъ увидалъ, что на гладкомъ стеклѣ океана, какъ мимолетныя тучки на безоблачномъ небосводѣ, пробѣгали мѣстами темныя полосы ряби и, пробѣжавъ, исчезали безслѣдно, оставляя послѣ себя ту же зеркальную поверхность океана; казалось, какой-то невидимый гигантъ дышалъ на это безграничное зеркало и прозрачное стекло тускнѣло подъ его дыханіемъ, но чрезъ мгновеніе паръ дыханія разсѣивался и блестящая поверхность зеркала сіяла попрежнему. Мимолетныя полосы ряби, какъ морщины бороздившія гладкую поверхность океана, указывали, что

движеніе сообщалось уже нижними слоями воздуха и опустилось къ самому уровню моря. Оглядывая океанъ съ высоты аэростата, Андрей Ивановичъ быстро отыскалъ свою лодку: внутри разорваннаго атолла она темнымъ пятномъ отражалась на свѣтломъ стеклѣ лагуны, пока еще нетропутой дыханьемъ пробуждавшагося вѣтра; красный флюгеръ на мачтѣ уже не висѣлъ, какъ тряпка, но прихотливо развѣвался по воздуху.

Андрей Ивановичъ остановилъ винтъ и предоставилъ аэростатъ его собственной волѣ. Вскорѣ, увлекаемый легкимъ вѣтеркомъ, Гиппогрифъ тихо поплылъ надъ океаномъ почти параллельно теченію, которое унесло лодку Андрея Ивановича такъ далеко отъ острова, во время его первой морской прогулки. Такое направленіе вѣтра не совсѣмъ согласовалось съ желаніемъ Андрея Ивановича, но все же съ помощью его было возможно лавировать вдоль рифа, только не слишкомъ отдаляясь отъ берега.

Опустившись на рифъ, Андрей Ивановичъ уравнилъ подъемную силу аэростата съ нижними слоями воздуха и крѣпко привязалъ его къ тому самому выступу берега, къ которому была привязана лодка. Подъ легкимъ давленіемъ воздушнаго теченія, аэростатъ уклонился подъ вѣтеръ и, двигаясь то вправо, то влѣво, очерчивалъ небольшую дугу по окружности, описываемой веревкой. Снаряжая лодку, Андрей Ивановичъ нѣсколько времени наблюдалъ движеніе аэростата и ему пришло въ голову, что при такомъ колебаніи узлы веревки могутъ ослабнуть и аэростатъ сорвется съ привязи. Поэтому онъ еще разъ воротился къ Гиппогрифу, перевязалъ узлы и, затянувъ ихъ какъ можно туже, крѣпко забилъ якорь въ трещину берега. Обезопасивъ себя такимъ образомъ въ этомъ отношеніи, Андрей Ивановичъ сѣлъ въ лодку и выбрался изъ лагуны въ море.

Вѣтерокъ уже настолько усилился, что поднятые паруса, слегка заполоскавшись въ воздухѣ, вдругъ округлились и бойко понесли лодку вдоль рифа. Описывая растянутую

дугу, Андрей Ивановичъ пересѣкъ теченіе, выбрался на неподвижную часть океана и поплылъ вдоль берега, стараясь не отдаляться отъ него далѣе двадцати или тридцати сажень; затѣмъ, круто придержавъ къ вѣтру, онъ ловкимъ маневромъ повернулъ лодку на другой галсъ и воротился почти тѣмъ же путемъ къ своей исходной точкѣ. Оказалось, что уроки кузена на Грачевскомъ прудѣ не пропали даромъ. Андрей Ивановичъ былъ въ восторгѣ, что его лодка такъ покорно слушалась руля и почти съ такою же легкостью шла противъ вѣтра, какъ и по вѣтру. Съ каждымъ разомъ становясь все смѣлѣе, онъ описывалъ все большія дуги, постепенно отдаляясь отъ рифа въ открытое море, такъ что середина дуги приходилась уже болѣе чѣмъ на версту разстоянія отъ берега. Веселое настроеніе его все возрастало. Мурлыча про себя какую-то пѣсенку, онъ одною рукой налегалъ на руль, а другою то отпускалъ, то собиралъ веревки парусовъ, давая послѣднимъ тотъ или другой уклонъ сообразно направленію вѣтра и движенію лодки.

XX.

К а т а с т р о ф а .

Андрей Ивановичъ беззаботно наслаждался своею первой настоящею морской прогулкой. Онъ любовался, какъ свѣжій вѣтерокъ бойко надувалъ паруса, слегка покачивая лодку, какъ на поворотахъ паруса эти безжизненно опускались, хлопали, какъ будто полоскались въ воздухѣ, и затѣмъ снова наполнялись вѣтромъ — и лодка весело неслась въ обратномъ направленіи, оставляя за собою широкій пѣнистый слѣдъ. Стаи летучихъ рыбъ порою выскакивали изъ моря передъ самою лодкой, нѣкоторое время неслись съ нею въ одномъ направленіи, блестя на солнцѣ серебристою чешуею и, обезсиленные, снова падали въ воду. Невдалекѣ играли дельфины, выбрасывая въ воздухъ пѣные фонтаны воды. Надъ моремъ кружились бѣлокрылыя чайки;

порой надъ ними проносился краснохвостый фрегатъ, будто плавая въ воздухѣ, и граціозно опускался для отдыха на низменный берегъ далекаго рифа, надъ которымъ вились нѣлыя тучи морскихъ ласточекъ, саланганъ, быстро-быстро взмахивая своими тонкими бѣлыми крылышками.

Андрей Ивановичъ смотрѣлъ вокругъ себя, на всю эту кипящую толпу, которая наполняла своими криками воздухъ. Куда дѣвалась эта масса птицъ во время штиля?—спрашивалъ онъ себя. Тогда надъ недвижимымъ моремъ и надъ безжизненнымъ рифомъ господствовала совершенно мертвая пустота; крики птицъ не оживляли тягостнаго безмолвія и глазъ видѣлъ только пустое небо съ пылающимъ солнцемъ вверху, да безграничную гладь океана, въ которомъ, казалось, замерло всякое движеніе, а теперь -- все проснулось, все ожило и какъ будто все наслаждается своею обновленною жизнью. Неужели для такой перемѣны достаточно одного свѣжаго вѣтерка?

Время бѣжало незамѣтно. Погруженный въ созерцаніе окружающей его жизни, Андрей Ивановичъ все продолжалъ бороздить своею лодкой просыпавшійся океанъ, на которомъ уже появлялись небольшія волны; бѣлая полоса прибоя съ его бурунами окружала уже своею пѣнистою каймою низкіе берега рифа и гребни подводныхъ скалъ, едва замѣтно выставившейся мѣстами надъ поверхностью океана.

Вдругъ на одномъ поворотѣ Андрей Ивановичъ случайно поднялъ глаза на далекій рифъ, оставшійся позади, и похолодѣлъ отъ страха: ему показалось, что его аэростатъ отдѣлился отъ берега и, прыгая по волнамъ, какъ гигантскій мячъ, несется по вѣтру надъ моремъ... Дрожащею рукою онъ протеръ себѣ глаза, чтобы убѣдиться, не обманывается-ли его зрѣніе. Но зрѣніе его не обманывало. Дѣйствительно, это былъ его Гиппогрифъ, сорвавшійся съ привязи: онъ низко летѣлъ надъ океаномъ, волоча за собою якорную веревку и зачерпывая воду своею легкою лодочкой, что до извѣстной степени задерживало быстроту

его полета. Андрей Ивановичъ едва не лишился чувствъ. Смертельный ужасъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ, въ вискахъ стучало, холодный потъ выступилъ на лбу. Возможность потерять Гиппогрифъ никогда не представлялась ему даже во снѣ...

Потерять Гиппогрифъ! Но вѣдь это значить-быть заживо погребеннымъ среди безграничнаго океана, на пустынномъ жалкомъ рифѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, съ одною ничтожной лодкой въ распоряженіи, на которой, правда, можно добраться до скаль острова Оласнаго, но ни въ какомъ случаѣ не на самый островъ, обрывистые берега котораго были совершенно недоступны и дѣлали всякую попытку въ этомъ родѣ бесполезною... Потерять Гиппогрифъ! Но не лучше-ли прямо броситься въ море, чтобы покончить съ собою разомъ? Это по крайней мѣрѣ избавить его отъ ужасной, мучительной агоніи, въ которой онъ будетъ медленно умирать отъ голода и жажды на этомъ мертвомъ, отвратительномъ рифѣ, подъ палящими лучами солнца, которое будетъ безучастно смотрѣть съ голубого безоблачнаго неба на его отчаянную борьбу со смертью, на его страшныя предсмертныя муки!

Всѣ эти мысли съ быстротою молніи пронеслись въ головѣ Андрея Ивановича. Нельзя было терять ни минуты, ни одного мгновенія. Онъ спустилъ лодку подъ вѣтеръ и помчался на перерѣзъ Гиппогрифу. Боже, какъ медленно двигается эта проклятая лодка! Она навѣрное не поспѣетъ за Гиппогрифомъ... Хотя бы вѣтеръ стихъ на время,—тогда Гиппогрифъ останавливался-бы и къ нему можно было-бы добраться на веслахъ...

«О, милый мой, милый Гиппогрифъ!» —шепталъ Андрей Ивановичъ пересохшими губами: — «неужели я тебя потеряю?...» Но разстояніе между лодкой и Гиппогрифомъ все же уменьшалось и надежда стала оживать въ сердцѣ Андрея Ивановича. Онъ не спускалъ глазъ съ аэростата и видѣлъ, что Гиппогрифъ порою какъ будто приостанавливался: сильно

натянувшаяся якорная веревка показывала, что якорь цѣплялся за неровность морского дна, быть можетъ за гребни подводныхъ рифовъ. Тогда Гиппогрифъ ложился на самую поверхность океана и его лодочка скрывалась подъ водою.

Широко открытыми глазами Андрей Ивановичъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего любимца, и сердце его сжималось отъ мысли, что веревка можетъ оборваться и, освобожденный отъ тяжести якоря, тотъ поднимется высоко на воздухъ и сдѣлается уже недоступнымъ для своего хозяина... Но веревка не лопалась, якорь скользилъ по рифу и аэростатъ, какъ листъ, подпрыгивалъ надъ поверхностью воды и снова летѣлъ надъ моремъ, волоча за собою свою лодочку и намокшую якорную веревку.

Разстояніе между лодкою и Гиппогрифомъ становилось все меньше. Вотъ уже до него оставалось всего нѣсколько сажень; чрезъ нѣсколько мгновеній Андрей Ивановичъ снова овладѣетъ своимъ Гиппогрифомъ... Онъ круто повернулъ лодку, чтобы пересѣчь путь Гиппогрифа и вдругъ почувствовалъ такой толчекъ, что не удержался на ногахъ и больно ударился головой о рукоятку руля. Но теперь было не до нѣжностей. Вскочивъ тотчасъ же на ноги, онъ однимъ взглядомъ убѣдился, что лодка уже не двигалась; она стояла, наткнувшись на подводный рифъ и только подъ тяжестью парусовъ раскачивалась съ борта на бортъ, а въ пробитое дно ея широкой волною вливалась вода...

А въ это время мимо лодки, всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ разстоянія, проносился Гиппогрифъ, волоча за собою лодочку и якорную веревку... «Еще нѣсколько мгновеній и я погибъ», подумалъ Андрей Ивановичъ и съ размаху, во всемъ платьѣ бросившись въ воду, поплылъ изъ всѣхъ силъ къ Гиппогрифу... Дѣйствительно, еслибъ онъ промедлилъ всего только нѣсколько секундъ, было-бы уже поздно и ему не догнать-бы уже своего Гиппогрифа. Когда онъ подплывалъ къ аэростату, лодочка проплыла мимо него въ какихъ-нибудь трехъ четвертяхъ разстоянія... Онъ удвоилъ

свои силы, чтобы догнать ее, но успѣлъ ухватиться только за якорную веревку...

Онъ былъ спасенъ. Когда онъ влѣзалъ въ лодочку, онъ мелькомъ видѣлъ въ водѣ, прямо подъ собою, что-то бѣлое, устѣянное темными пятнами; но что за дѣло было ему теперь до какой-нибудь акулы? Въ мгновеніе ока онъ повернулъ край водороднаго резервуара, и шаръ въ ту-же секунду высоко поднялся надъ моремъ ..

Онъ былъ спасенъ. Могучая сила, дающая ему власть надъ пространствомъ, снова была въ его рукахъ. Но переходъ отъ катастрофы, едва не кончившейся гибелью, къ спасенію, отъ отчаянія къ радости былъ такъ силенъ и рѣзокъ, столько волненій, столько ощущеній отчаянія, надежды, радости было испытано въ такой короткій промежутокъ времени, столько разнообразныхъ чувствъ смѣнилось въ душѣ, что Андрей Ивановичъ безсильно опустился на дно лодочки и закрылъ глаза, въ полубезчувственномъ состояніи предоставилъ Гипногрифу нестись по волѣ вѣтра, и только его блѣдныя губы беззвучно шептали: «Онъ снова мой... Я спасенъ... Онъ снова мой, снова мой»...

XXI.

В о з в р а щ е н і е.

Прошло около часу, когда, наконецъ, къ Андрею Ивановичу воротилась прежняя энергія. Точно пробудившись отъ тяжелаго сна, онъ поднялся на ноги и окинулъ глазами волнующееся море. Воспоминаніе о пережитыхъ опасностяхъ возстало въ его душѣ и чувство глубокой радости переполняло все его существо. Такъ преступникъ, внезапно избавленный отъ смертной казни, такъ больной, выздоравливающій отъ тяжелой, смертельной болѣзни, радуются своей возвращенной жизни и чувствуютъ ее цѣну съ тѣмъ болѣею силой, чѣмъ меньше они надѣялись на ея возвращеніе.

Любящими, благодарными глазами смотрѣлъ онъ на свой Гиппогрифъ, нѣжно притрагиваясь то къ водородному резервуару, то къ электрическому двигателю, то къ другимъ частямъ аэростата: казалось, этими движеніями онъ ласкалъ живое существо и, сжимая борты лодочки, онъ чувствовалъ почти то же, какъ будто пожималъ руку горячо любимого друга.

Онъ перебиралъ въ умѣ подробности катастрофы, которая едва не сдѣлалась для него роковою и въ которой онъ самъ-же былъ виноватъ своею неосторожностью. Да, именно благодаря этой непростительной неосторожности, онъ былъ на шагъ отъ смерти. Онъ вспомнилъ бѣлое, пятнистое брюхо акулы: чудовище уже перевернулось, готовясь разорвать его своими страшными зубами... Опоздай онъ одно только мгновеніе ухватиться за веревку якоря, промедли одной только секундой вскочить въ лодочку аэростата—и онъ сдѣлался-бы добычею акулы! Но опасность потерять Гиппогрифъ была для него такъ велика, имѣла такое громадное значеніе, что заслоняла собою другія опасности. Въ моментъ катастрофы онъ даже не обратилъ вниманія на появленіе акулы и только теперь, припоминая подробности событія, вспомнилъ объ этомъ отвратительномъ чудовищѣ.

Нѣтъ, море положительно ему не благопріятствуетъ! Въ первый разъ оно унесло его своимъ теченіемъ, во второй—разбило его лодку,—и въ обоихъ случаяхъ ему помогъ только его милый, дорогой Гиппогрифъ! Дойдя до этого пункта своихъ размысленій, онъ взглянулъ на катастрофу съ нѣскольکو иной точки зрѣнія: а что если-бы не это совпаденіе случайностей? Что сталъ-бы онъ дѣлать на своей разбитой лодкѣ, болѣе чѣмъ въ верстѣ отъ берега, еслибы Гиппогрифъ не подоспѣлъ на выручку? Ужъ не предчувствовалъ-ли онъ несчастье своего господина и съ умысломъ сорвался съ привязи, чтобы выручить его изъ бѣды? «Милый, милый Гиппогрифъ!» съ чувствомъ проговорилъ Андрей

Ивановичъ, дойдя до такого антропоморфическаго олицетворенія своего аэростата! «Клянусь съ этихъ поръ никогда не разставаться съ тобою! Клянусь никогда не ввѣрять себя этой коварной, враждебной стихіи, которая какъ будто подстерегаетъ и заманиваетъ свои жертвы, чтобъ поглотить ихъ въ своей отвратительной глубинѣ!» И Андрей Ивановичъ взглянулъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ съ высоты своего аэростата на волнующійся океанъ, на которомъ уже появлялись бѣлоголовые волны.

Обозрѣвая кругомъ пустынное море, онъ только теперь замѣтилъ, какъ далеко отъ острова Опаснаго унесъ его вѣтеръ. Онъ повернулъ рычагъ двигателяго аппарата и, послушный волѣ своего господина, Гиппогрифъ съ силою ринулся противъ вѣтра. Абсолютная тишина, господствовавшая въ то время, когда онъ плылъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, едва нарушаемая шумомъ волнъ, плескавшихся далеко внизу, теперь замѣнилась назойливымъ свистомъ вѣтра въ снастяхъ Гиппогрифа, то затихавшимъ на мгновеніе то усиливавшимся до рѣзкихъ, крикливыхъ нотъ.

Нетерпѣливо всматриваясь въ далекій горизонтъ, Андрей Ивановичъ, въ теченіе долгаго времени не видалъ ничего, кромѣ совершенно ровной, слегка лиловой пустынной полосы, въ которой сливалось небо и море. Онъ вздохнулъ съ чувствомъ облегченія, когда на этой каймѣ наконецъ показалась темносиняя точка его милаго острова, къ которому тѣмъ неудержимѣе влекло его сердце, что всего только нѣсколько часовъ тому назадъ онъ рисковалъ потерять его навсегда.

Островъ продолжалъ расти, занимая все большее пространство. Скоро уже было возможно разглядѣть зубчатая вершины скалъ и выступы его высокихъ, обрывистыхъ береговъ, а влѣво отъ острова, въ недалекомъ отъ него разстояніи, бѣлѣла узкая полоса рифа и нѣсколько впереди у самаго рифа, какъ казалось издали, мельтешила черная точка, въ которой зоркимъ глазомъ охотника Андрей Ива-

новичъ узналъ свою опрокинутую лодку. Она лежала вверх килемъ и рядомъ съ ней качалась на волнахъ не успѣвшая еще отвязаться сломанная мачта съ намокшими парусами.

Была минута, когда Андрей Ивановичъ хотѣлъ оставить свою лодку въ этомъ положеніи на произволъ судьбы, потому что она будила въ немъ слишкомъ непріятныя воспоминанія о пережитой опасности. Но потомъ онъ сжалился надъ ея участіемъ и рѣшился ее спасти «на поученіе грядущему потомству». Опустившись къ самой поверхности моря, онъ выловилъ поочередно оба весла и сломанный руль, которые несло волною ему навстрѣчу. Потомъ онъ направился къ лодкѣ, вытащилъ изъ воды паруса, отвязалъ мачту, затѣмъ, подведя подъ лодку веревки, поднялъ ее на воздухъ и вмѣстѣ съ этою ношей воротился на островъ.

Трудно представить себѣ то наслажденіе, какое испытывалъ Андрей Ивановичъ, когда, усталый отъ пережитыхъ волненій, онъ лежалъ на кѣврѣ около своей палатки и влюбленными глазами смотрѣлъ на свое милое озеро, на вершину кокосовой пальмы, съ которой нѣкогда испугалъ его поту, на разорванные листья банана и на далекій храмъ съ двумя его циклопическими колоннами.

«Нѣтъ», думалъ онъ, «довольно опытовъ. Имѣя въ своей власти Гиппогрифъ и покорныя ему необъятныя воздушныя пространства, и этотъ райскій уголокъ, лучше котораго не сыщешь въ цѣломъ свѣтѣ, глупо рисковать своею жизнью, на хрупкой орѣховой скорлупѣ ввѣряясь обманчивой стихіи, грозящей такимъ безчисленнымъ множествомъ опасностей. Судьба была еще милостива на этотъ разъ; но не всегда она такова. Не нужно искушать ее понапрасну. Пусть первобытное человѣчество, которому недоступенъ мой способъ передвиженія, строитъ свои скорлупки и въ порывѣ дѣтской гордости называетъ ихъ гигантами и морскими чудовищами, — достаточно одной порядочной волны, чтобы потопить подобное чудовище и похоронить съ нимъ вмѣстѣ въ холодной глубинѣ океана тысячи человѣческихъ жизней, безопасно и

самонадѣянно ввѣрившихся своему безсильному левиафану. Никогда больше не заманить меня эта коварная стихія, умѣющая принимать такой невинный, ласкающій видъ, какъ будто только затѣмъ, чтобы вѣрнѣе погубить неосторожнаго, который вздумаетъ довѣриться ея предательской наружности. Недаромъ фантазія древнихъ населила море чудовищными и страшными образами: сказочный Протей и до сихъ поръ принимаетъ обольстительный видъ Сирены, чтобъ завлечь путника въ какую-либо Сциллу или Харибду».

XXII.

Р о з с ы п и.

Со времени этого приключенія Андрей Ивановичъ уже не мечталъ болѣе о морскихъ прогулкахъ и, если порой видалъ море, то только съ вершины прибрежныхъ скалъ, откуда онъ безопасно могъ любоваться его измѣнчивой наружностью. Зато онъ съ большимъ усердіемъ предался изученію своего острова. Бродя съ ружьемъ по лѣсамъ и скаламъ острова, Андрей Ивановичъ открылъ нѣсколько развалинъ небольшихъ храмовъ въ горахъ, побывалъ еще разъ въ лѣсномъ храмѣ и собирався-было подробно изслѣдовать одинъ храмъ, открытый въ скалѣ, но темнота, господствовавшая въ немъ, дѣлала осмотръ невозможнымъ. Нужно было заготовить предварительно какихъ-нибудь освѣтительныхъ матеріаловъ. Смолистыя вѣтви эвкалиптуса, по мнѣнію Андрея Ивановича, могли служить отличными факелами, да кромѣ того у него оставался еще отъ его попытокъ кораблестроенія значительный запасъ смолы и дегтя, съ помощью которыхъ вѣтка любого дерева могла быть превращена въ факелъ. Поэтому, отложивъ осмотръ храма до заготовленія въ достаточномъ количествѣ освѣтительныхъ матеріаловъ, Андрей Ивановичъ занялся другими дѣлами.

Между прочимъ въ своихъ странствованіяхъ Андрей Ивановичъ натолкнулся на два такія открытія, изъ кото-

рыхъ каждое было въ состояніи вскружить голову любому смертному.

Однажды, забравшись въ отдаленный уголъ острова, Андрей Ивановичъ нашелъ у подошвы почти отвѣсныхъ горъ довольно широкую, совершенно бесплодную долину, загроможденную обломками разрушившихся скалъ. Громадные камни до двухъ и до трехъ сажень въ діаметръ, врытые въ бѣлый песокъ, видѣлись по всѣмъ направленіямъ, точно какая-то гигантская сила, оторвавъ ихъ отъ далекихъ скалъ, съ умысломъ разбросала ихъ въ дикомъ безпорядкѣ по всей долинѣ, чтобъ придать ей особенный, если можно такъ выразиться — «первозданный» характеръ, напминавшій о тѣхъ первобытныхъ временахъ хаоса, когда силы природы грубо коверкали темную кору, громоздя скалы на скалы и засыпая ихъ обломками далекия равнины. Даже при поверхностномъ взглядѣ было ясно, что подобныя громады не могли быть занесены сюда обыкновенными наводненіями, происходящими отъ проливныхъ тропическихъ дождей; только могучія волны потопа развѣ были въ состояніи занести сюда эти камни, оторвавъ ихъ вмѣстѣ съ глетчерами, отъ далекихъ быть можетъ уже не существующихъ горъ. Громадныя льдины, на которыхъ приплыли эти гиганты, давно уже растаяли подъ горячими лучами тропическаго солнца, а они все лежатъ, быть можетъ, уже нѣсколько тысячелѣтій, въ чуждой странѣ, среди чуждыхъ песковъ, если только песокъ эти не произошли отъ вывѣтриванія тѣхъ же самыхъ камней.

Андрей Ивановичъ медленно проходилъ между этими громадами и его волновало какое-то особенное обидное чувство, чувство собственнаго ничтожества предъ тѣми могучими силами, которыя были въ состояніи создавать подобные перевороты. Вдругъ, почти у самыхъ ногъ путешественника что-то такъ ярко сверкнуло прямо ему въ глаза, что онъ невольно зажмурился. Андрей Ивановичъ нагнулся и вынулъ изъ песка довольно тяжелый, прозрачный и сверкающій кристаллъ,

ограниченный трехгранными плоскостями. Пересчитавъ эти плоскости, онъ нашелъ, что ихъ было восемь: казалось, двѣ четырехстороннія маленькія пирамиды были спаяны своими основаніями, чтобы образовать фигуру, извѣстную въ кристаллографіи подъ именемъ октаэдра.

Собирая обрывки знаній по кристаллографіи и минералогіи, уцѣлѣвшіе еще въ головѣ отъ того далекаго прошлаго, когда, слушая лекціи почтеннаго профессора, онъ до слезъ хохоталъ надъ его опредѣленіями вроде слѣдующаго «сей минералъ соломенно-желтовато-чижевато-зеленовато-канареечно-лимоннаго цвѣта; легко чертится ногтемъ, но и самъ чертитъ оный», Андрей Ивановичъ припомнилъ, что въ формѣ октаэдра всего чаще встрѣчаются алмазы... Неужели же это алмазъ? Но тогда что стоитъ такой алмазъ, величиною если не съ бобъ, то, по крайней мѣрѣ, нисколько не меньше крупнаго зерна фасоли? Вѣдь это цѣлое богатство! Андрей Ивановичъ поднялъ довольно тяжелый, твердый и гладкій камень красновато-коричневаго цвѣта, приложилъ къ его поверхности одну изъ граней кристалла и провелъ черту. На темной поверхности камня тотчасъ же рѣзко выступила тонкая бѣлая линія. Изъ боязни разочароваться въ своей находкѣ Андрей Ивановичъ съ чувствомъ, похожимъ на страхъ, осмотрѣлъ грань кристалла, ожидая найти, что она стерлась. Но грань была свѣтла и остра по-прежнему; напротивъ, пристально разсматривая черту на камнѣ, онъ нашелъ, что эта черта углублена въ видѣ разрѣза, стѣнки котораго мѣстами имѣли «лучисто-раковистый» изломъ, какъ выразился бы почтенный Петръ Ивановичъ, профессоръ минералогіи и авторъ цитированной выше фразы. Хотя это обстоятельство не вполне убѣдило Андрея Иванова, что найденный кристаллъ дѣйствительно алмазъ, тѣмъ не менѣе онъ бережно спряталъ свою находку въ кошелекъ и затѣмъ руками и охотничьимъ ножомъ принялся тщательно изслѣдовать каждую пядь земли, въ надеждѣ найти еще нѣсколько подобнаго рода сверкающихъ камешковъ. Поиски его скоро

увѣнчались успѣхомъ. Почти не сходя съ мѣста, онъ нашелъ нѣсколько мелкихъ кристалловъ, изъ которыхъ, однако, два были величиною только немного меньше горошины. Эта удача заохотила Андрея Ивановича къ дальнѣйшимъ поискамъ и, проработавъ до вечера, онъ набралъ цѣлую горсть блестящихъ бездѣлушекъ, которыя могли стоить громадныхъ денегъ, если бы только на самомъ дѣлѣ оказались алмазами.

Возвратившись домой, Андрей Ивановичъ прежде всего отыскалъ въ травѣ осколки разбитаго стекляннаго стакана и принялся чертить ихъ своими камешками: стекло рѣзалось превосходно, какъ только могъ рѣзать лучшій алмазъ, когда-нибудь бывшій въ рукахъ у стекольщика. Этотъ фактъ убѣдилъ Андрея Ивановича, что онъ попалъ на богатѣйшую алмазную розсыпь и теперь уже отъ него самого зависить сдѣлаться однимъ изъ крупнѣйшихъ богачей въ цѣломъ мірѣ. Подъ впечатлѣніемъ своей находки, онъ такъ и заснулъ, мечтая о найденномъ богатствѣ, и всю ночь видѣлъ во снѣ великолѣпные дворцы съ золотыми колоннами и стѣнами, на которыхъ всѣми цвѣтами радуги сверкали украшенія изъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней.

Нѣсколько недѣль, слѣдующихъ за этимъ достопамятнымъ днемъ, были посвящены почти исключительно этой «алмазной горячкѣ», какъ Андрей Ивановичъ окрестилъ свое новое увлеченіе. Съ желѣзнымъ заступомъ въ рукахъ и корзиною съѣстныхъ припасовъ онъ съ утра уходилъ въ свою волшебную долину, представлявшую, благодаря разсѣяннымъ въ ней богатствамъ, настоящій гротъ Аладдина, и нерѣдко оставался въ ней до поздняго вечера, копаясь, подобно кроту, въ слоѣ пыльнаго, сѣроватаго песку, содержащемъ алмазы.

Въ поискахъ за алмазами Андрей Ивановичъ наталкивался на другіе красивые, быть можетъ, тоже драгоценные камни, но, не зная въ нихъ толку, онъ собиралъ ихъ просто для коллекціи, отдавая предпочтеніе алмазамъ. Эти послѣдніе представляли для него капиталъ, съ помощью котораго онъ могъ совершить то или другое грандіозное предпріятіе.

Онъ создавалъ уже фантазіи объ эксплуатаціи своего острова, объ устройствѣ на немъ колоніи на особыхъ началахъ изъ избранныхъ людей, съ строго опредѣленными воззрѣніями и убѣжденіями, и самыя утопическія картины, какія могло создать только сильно досужее воображеніе, рисовались предъ нимъ въ обольстительномъ туманѣ будущаго.

Однажды, копаясь, по обыкновенію, въ песокъ, Андрей Ивановичъ въ нижней части долины нашелъ довольно крупный самородокъ золота, около трехъ фунтовъ вѣсомъ. Но обладая уже весьма порядочнымъ мѣшкомъ алмазовъ, онъ хладнокровно отнесся къ своей находкѣ: за это время онъ уже успѣлъ пресытиться упоеніемъ богатства и иногда по нѣскольку дней сряду не навѣщалъ своей долины. Вскорѣ послѣ этого онъ снова нашелъ нѣсколько золотыхъ самородковъ отъ горошины до голубинаго яйца величиною. Такимъ образомъ, присутствіе золота въ долинѣ было несомнѣнно. Одно время Андрей Ивановичъ думалъ приступить къ промыскѣ песковъ, но, сообразивъ положеніе долины и убѣдившись, что проведеніе въ нее воды изъ далекаго горнаго ручья сопряжено съ непобѣдимыми трудностями, принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Онъ ограничился только тѣмъ, что, набравъ полную корзину песка, съ большимъ трудомъ дотащилъ ее на берегъ озера и на другой день тщательно промылъ въ своемъ челнокѣ, замѣнившемъ на этотъ разъ вашгердъ. Нѣсколько золотыхъ крупинокъ, заблестѣвшихъ на черномъ лакированномъ дни лодки, но смывъ всего песка, убѣдили Андрея Ивановича, что онъ дѣйствительно имѣетъ дѣло съ золотою розсыпью: но такъ какъ эксплуатація этой розсыпи была слишкомъ затруднительна, то его новое открытіе уже не могло возбудить въ немъ особеннаго интереса. Къ тому же онъ былъ уже слишкомъ избалованъ своими алмазами, да и къ нимъ скорѣ охладѣлъ настолько, что почти прекратилъ свои поиски. Жгучее солнце, раскалявшее до невозможности сухой песокъ и камни алмазной долины, дѣлало ее похожею

на громадную печь, отъ которой бѣжало далеко все живое. Копаюсь въ пыли, весь облитый потомъ, изнемогая отъ зноя и жажды, Андрей Ивановичъ не дешево платилъ за свое богатство и потому неудивительно, что когда у него накопилось достаточное количество алмазовъ, онъ охладѣлъ къ своимъ копамъ и вовсе пересталъ посѣщать долину.—«Къ чему мнѣ хлопотать и мучиться понапрасну?—думалъ онъ. Когда понадобится еще, долина подъ руками; отнять ее у меня никто не можетъ. А теперь за глаза достаточно и того, что уже есть...»

XXIII.

Новыя ощущенія.

Существуетъ мнѣніе, что ко всему на свѣтѣ можно приглядѣться, если только изо-дня въ день будетъ повторяться одно и то же. Иные увѣряютъ, что при этомъ условіи не мудрено соскучиться даже въ раю. Андрей Ивановичъ также хладнокровно сталъ относиться къ своему раю. Нельзя, однако, сказать, чтобы онъ соскучился здѣсь или чтобы островъ надоелъ ему. Правда, въ его глазахъ этотъ прелестный уголокъ уже потерялъ прелесть новизны и все въ окружающей природѣ уже стало ему знакомо, такъ какъ все это онъ видѣлъ уже сотни разъ. Но все-таки нигдѣ въ цѣломъ мірѣ онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ здѣсь. Только душа какъ будто утомилась однообразіемъ впечатлѣній и хотѣла новыхъ ощущеній. И вотъ, точно въ отвѣтъ на эти желанія, явилось на островѣ нѣчто новое, что принесло съ собою массу новыхъ впечатлѣній.

Однажды передъ закатомъ солнца, наслаждаясь вечернею прохладой, сидѣлъ Андрей Ивановичъ на прибрежной скалѣ и любовался на широко разстилавшійся передъ нимъ необъятный просторъ океана, который весь какъ будто сіялъ въ лучахъ безоблачнаго неба.

Если справедливо мнѣніе, что все на свѣтѣ можетъ на-

добѣтъ и наскучить, то изъ этого всего можно смѣло заключить по крайней мѣрѣ два предмета, къ которымъ никогда нельзя присмотрѣться.

Это—небо и море.

Нѣтъ тѣхъ двухъ моментовъ, когда бы картины, представляемыя небомъ или моремъ, были похожи на тѣ, которыя были вчера, нецѣлю, мѣсяць тому назадъ, до того измѣнчивы то и другое. Но какъ ни разнообразенъ видъ неба, съ его безконечною игрою цвѣтовъ, съ его переливами цвѣта и тѣни, море еще разнообразнѣе, еще измѣнчивѣе. Это—настоящій Протей мнѳологической древности. Оно сіяетъ самыми разнообразными цвѣтами, начиная отъ нѣжныхъ, полупрозрачныхъ, расплывающихся тоновъ до самыхъ яркихъ, густыхъ красокъ, передавая всю безконечную гамму оттѣнковъ, съ безчисленными переливами, полутонами и тѣнями, какія только встрѣчаются въ природѣ. Отражая въ себѣ прозрачный куполъ неба, оно точно наряжаетъ его въ болѣе яркія краски, сообщаетъ ему новую прелесть. и все, что совершается тамъ, въ воздушной высотѣ, каждая новая перемѣна въ освѣщеніи, каждое набѣжавшее жемчужное облачко, вѣтеръ, приведшій въ движеніе воздушные слои и зарывшій слегка зеркальную поверхность океана, — все вызываетъ новыя картины въ этомъ волшебномъ зеркалѣ, сообщая ему пышный колоритъ и новую гармонію красокъ.

Лишь только на темномъ ночномъ небѣ слабый свѣтъ зари заставилъ потухнуть золотыя звѣзды, какъ уже блѣдныя лучи разсвѣта, скользя по поверхности океана, пробуждаютъ его къ новой жизни. Скользящіе лучи проникаютъ въ темную глубину сонной волны и окрашиваютъ ее въ присущій ей цвѣтъ, зависящій отъ свойства морского дна, отъ большей или меньшей толщины водяныхъ слоевъ, наконецъ, отъ присутствія зоофитовъ, морскихъ животныхъ и водорослей. Но вотъ, надъ сіяющей чертой горизонта медленно всплываетъ огненный шаръ солнца, обливая своими ослѣпительными лучами волнующуюся поверхность океана, и вся она загорается

милліонами огней: каждая волна горитъ и сверкаетъ и, будто въ благодарность сіяющимъ небесамъ, посылаетъ къ нимъ цѣлые снопы лучей отраженнаго свѣта.

Чѣмъ выше поднимается солнце, тѣмъ ярче и разнообразнѣе блещутъ прозрачныя волны. Пройдетъ-ли стая рыбъ, поднимется-ли со дна моря или опустится снова въ глубину какое-нибудь китообразное и другое морское животное, чуткая волна уже отражаетъ быстро промелькнувшіе цвѣта, сообщая блестящей поверхности моря оттѣнки розовой, зеленой, сѣрой, серебристой и другихъ красокъ. Съ каждой переменѣй въ положеніи солнца, освѣтившаго подъ тѣмъ или другимъ угломъ подводную скалу, каменистый рифъ, песчаную отмель или скопленіе коралловъ и водорослей, на днѣ моря, поверхность его измѣняетъ свой цвѣтъ, и тысячи новыхъ оттѣнковъ, незамѣтно переходящихъ одинъ въ другой, очаровываютъ глаза неожиданною игрою красокъ.

Наступаетъ вечеръ, и море горитъ послѣдними, прощальными огнями: оно какъ будто торопится возвратитъ небу свой золотисто-пурпуровый свѣтъ, которымъ пользовалось въ теченіе дня. Солнце какъ то торжественно спускается къ горизонту и навстрѣчу ему точно идетъ по зеркальной поверхности моря другое такое же свѣтило. Вотъ они сошлись, слились на горизонтѣ въ одинъ огненный шаръ; вотъ и шаръ этотъ опускается за горизонтъ — и море сразу померкло. Уже тускло отражаютъ его потемнѣвшія волны слабый свѣтъ догорающей зари, но потухнетъ она и на совершенно черной поверхности моря только кое-гдѣ грустно блеснутъ золотистыя искорки звѣздъ.

Взойдетъ луна и разсыплетъ по волнамъ свои серебристыя лучи, но лучи эти только скользятъ по поверхности, какъ будто ихъ отраженный свѣтъ не въ состояніи проникнуть въ темную глубину моря.

Но порою, въ самую темную тропическую ночь, загораются эти волны особымъ фосфорическимъ свѣтомъ. За бѣгущимъ кораблемъ чертится огнистый слѣдъ, пылаетъ

смоченный канатъ, горитъ опущенное въ воду весло, кажется, горитъ чуднымъ пламенемъ рука, если ею зачерпнуть морской воды. Это — безчисленныя мириады микроскопическихъ животныхъ, свѣтящихся инфузорій придаютъ морской волнѣ видъ растопленного золота или — скорѣе видъ жидкаго пламени.

Такъ разнообразно море. Немудрено, что Андрей Ивановичъ просиживалъ цѣлые часы, не спуская съ него очарованныхъ глазъ. Гдѣ онъ могъ видѣть такую картину въ своей Костромской губерніи?

«Море, — говоритъ Реклю, — каждая волна котораго населена миллиардами живыхъ организмовъ, и само какъ-будто одушевлено могучею силой. Безпрестанно смѣняющіеся отблески, то тусклые, какъ туманъ, то освѣтительно яркіе, какъ солнце, освѣщаютъ его необозримыя пространства; поверхность его то медленно колеблется, то вздымается въ видъ огромныхъ волнъ; иногда оно издаетъ едва слышный плескъ, въ другое время ревъ его отдѣльныхъ волнъ, гонимыхъ штормомъ, сливается въ одинъ оглушительный гулъ. Оно является попеременно то граціознымъ и смѣющимся, то мрачнымъ и грознымъ».

До этихъ поръ, во время пребыванія на островѣ, море показывало Андрею Ивановичу только свою смѣющуюся сторону. Наступала пора, когда приходилось узнать его съ другой стороны.

За нѣсколько мгновеній до заката, на западномъ горизонтѣ появилось сѣдоватое облачко и оказалось вскорѣ настолько плотнымъ, что, когда закатывающееся солнце скрылось за нимъ, чтобы погрузиться въ нѣдра океана, то одни только верхніе края облака окрасились въ характерный пурпуровый цвѣтъ заката, самое же облачко, казалось, стало еще темнѣе. Скоро погасли послѣдніе лучи солнца. Небо и море быстро погрузились въ мракъ тропической ночи. Но при тускломъ свѣтѣ померкнувшаго неба Андрей Ивановичъ все-таки замѣтилъ, что облачко быстро растетъ какъ въ длину, такъ и въ ширину.

Просидѣвъ еще нѣсколько времени среди наступившаго мрака, онъ пошелъ къ своей палаткѣ. Было уже нѣсколько темно, приходилось идти почти ощупью, натываясь то на стволы деревьевъ, то на камни, попадавшіеся на дорогѣ. Подходя къ озеру, онъ вдругъ услышалъ со стороны океана какой то отдаленный гулъ, какъ-будто гдѣ то вдали гудѣла струна гигантской арфы, какъ будто издалика доносился могучій басъ церковнаго органа...

Это былъ голосъ океана. Послѣ долгаго отдыха, онъ просыпался и начиналъ роптать на свою продолжительную праздность. При странномъ, почти мертвомъ затишьѣ, которое охватило весь островъ, этотъ отдаленный рокотъ океана производилъ особенно торжественное впечатлѣніе. Андрей Ивановичъ долго слушалъ его, сидя у костра, на которомъ варился его незатѣйливый ужинъ, и ему все грезилось, что тамъ, гдѣ-то далеко, поетъ чей-то могучій голосъ, и звуки этого голоса съ каждой минутой растутъ, усиливаются и наконецъ, наполняютъ собой все окружающее — и небо, и море, и землю, и воздухъ — и все кругомъ, какъ-будто въ священномъ трепетѣ, внимаютъ этому мощному пѣнію, этому гимну безграничной свободы, для выраженія которой нѣтъ словъ на бѣдномъ языкѣ человѣка.

Что-то подавляющее чувствовалось въ этомъ незамолкающемъ звукѣ, который какъ будто замеръ на одной не прерывающейся нотѣ и все гудѣлъ и гудѣлъ ровной, нескончаемой трелью.

Послѣ ужина Андрей Ивановичъ еще долго лежалъ въ своей палаткѣ, прислушиваясь къ этимъ непривычнымъ звукамъ, изъ которыхъ досужая фантазія создавала порою то стройные аккорды отдаленнаго оркестра духовой музыки, то торжественную гармонію могучаго церковнаго органа. И затѣмъ, когда онъ незамѣтно заснулъ, ему и во снѣ все слышалась та же неумолчно звучащая музыка.

Но когда въ срединѣ ночи онъ проснулся на нѣсколько мгновений, ему показалось, что этой музыкѣ уже вторить

шеlestonь листьевъ и шумъ вѣтра въ вершинахъ деревьевъ. Въ палаткѣ становилось прохладно; казалось, кругомъ постели свободно ходилъ свѣжій вѣтеръ, напитанный морскою сыростью. Андрей Ивановичъ плотнѣе закутался въ одѣяло и скоро крѣпко заснулъ.

XXIV.

Начало дождливаго времени.

Къ утру тучи заволокли все небо. Рокотъ океана сталъ громче и слышнѣе: казалось, въ немъ раздавались уже сердитыя, угрожающія ноты. Вѣтеръ усилился до того, что качалъ деревья, какъ тростинки, и сила его все возрастала. Онъ налеталъ порывами, какъ будто затихалъ на мгновенье, и затѣмъ раздражался съ новой силой. Полы палатки поднимались и хлопали. полотно надувалось, парусило, веревки натягивались и расшатывали колья, къ которымъ были привязаны. Андрей Ивановичъ спалъ крѣпко, не предчувствуя, что его палаткѣ грозитъ опасность быть сорвannoю вѣтромъ.

Вдругъ, среди самаго сладкаго ночного сна, Андрей Ивановичъ почувствовалъ, что на него что то упало и придавило своею тяжестью. Андрей Ивановичъ быстро вскочилъ съ постели и выбравшись кое-какъ изъ подъ складокъ упавшей на него палатки, принялся торопливо одѣваться. Но, пока онъ одѣвался, вѣтеръ совершенно вывернулъ палатку, сорвалъ съ кровати одѣяло и простыню и опрокинулъ столъ съ остатками ужина. Андрей Ивановичъ бросился спасать свои вещи, тревожно поглядывая на бурное небо и растрепанныя вѣтромъ деревья.

Океанъ уже грозно ревѣлъ, и шквалъ, налетавшій за шкваломъ, казалось, приносилъ съ собою брызги соленой воды. На юго-западномъ горизонтѣ быстро мелькали отдаленныя молнiи, напоминая собою нашу сѣверную зарницу. Повидимому готовилась тропическая буря съ грозой и про-

ливнымъ дождемъ. Въ это время года можно было даже ожидать урагана и тогда, конечно, оставаться въ лѣсу было не совѣмъ безопасно. Андрей Ивановичъ зналъ, съ какою силою свирѣпствуютъ ураганы на островахъ Тихаго океана, вырывая съ корнями деревья, опрокидывая жилища, уничтожая почти все живущее — и людей, и животныхъ. Поэтому, торопливо собравши вещи, онъ перевязалъ ихъ въ узлы и принялся перетаскивать на другой конецъ озера, къ храму, въ которомъ думалъ пріютиться на время бури.

Пока онъ перетаскивалъ вещи, сдѣлались уже слышны, пока еще отдаленные, раскаты грома и съ неба упало нѣсколько крупныхъ капель дождя. Капли становились чаще и чаще и, когда Андрей Ивановичъ воротился, чтобы забрать съ собою палатку, полилъ довольно сильный дождь и на пути къ храму промочилъ его до костей. Чтобы согрѣться и позавтракать, Андрей Ивановичъ захотѣлъ развести огонь, но вѣтеръ, свободно проникавшій въ отверстія между колоннами, тотчасъ же задувалъ едва разгорѣвшееся пламя. Кромѣ того, вмѣстѣ съ вѣтромъ во внутренность храма залеталъ дождь и скоро налилъ на полу цѣлыя лужи. Волей - неволей приходилось искать другого убѣжища...

Въ этомъ, казалось бы, не могло представиться особенныхъ затрудненій, такъ какъ въ распоряженіи Андрея Ивановича находился цѣлый городъ и, кромѣ того, двѣ башни — нижняя и верхняя. Но дома въ горахъ, быть можетъ, уже нѣсколько вѣковъ составляющіе жилище льямъ и козъ, именно по этой причинѣ не представляли никакого удобства даже для самаго невзыскательнаго человѣка. Что же касается до башенъ, то въ нижней совершенно провалился сводъ, слѣдовательно, она не могла защитить отъ дождя, а въ верхней, высокой и узкой, только и могъ помѣститься одинъ Гиппогрифъ да нѣсколько ящиковъ съ консервами, платьемъ, инструментами и тому подобными вещами. Узкая лѣстница, поднимавшаяся спиралью по стѣнамъ башни и служившая для сообщенія съ верхнимъ этажемъ,

вверху совершенно обрушилась, и только отверстіе, чернѣвшее въ сводѣ указывало на существовавшую нѣкогда связь между обоими этажами. Но въ горахъ было еще нѣсколько развалинъ древнихъ храмовъ, болѣе или менѣе удобныхъ для убѣжища въ зимнее время. Оставалось только выбрать. Андрей Ивановичъ рѣшилъ перебраться въ средній, возвышавшійся на горѣ, нѣсколько вправо отъ города.

Этотъ храмъ, высѣченный непосредственно въ скалѣ, состоялъ изъ нѣсколькихъ обширныхъ залъ, раздѣленныхъ множествомъ колоннъ и уходившихъ далеко въ гору. Снаружи виднѣлся только красивый портикъ, фронтонъ котораго, нѣкогда богато украшенный статуями и барельефами, почти весь скрывался подъ сѣтью ползучихъ растений, спускавшихъ свои качающіяся плети почти къ подножію портика. Обрушенные ступени высокаго крыльца скатились къ подошвѣ скалы, надъ которой оно возвышалось. Чтобы заглянуть во внутренность храма, Андрей Ивановичъ сложилъ изъ разбѣянныхъ повсюду камней нѣчто вродѣ лѣстницы, по которой только съ большимъ трудомъ можно было вскарабкаться до наружной террасы храма. Андрей Ивановичъ все собирался подробно осмотрѣть этотъ храмъ и даже наносилъ въ него цѣлую груду смолистыхъ вѣтвей эвкалиптуса, долженствовавшихъ служить вмѣсто факеловъ, но затѣмъ развлекся другими дѣлами и почти совершенно забылъ о немъ до настоящаго случая. Теперь онъ рѣшился воспользоваться этимъ храмомъ, въ качествѣ убѣжища, на весь періодъ дождливаго времени.

Приходилось снова мочиться на дождѣ. У Андрея Ивановича былъ приготовленъ на этотъ случай непромокаемый плащъ, но, къ несчастію, въ настоящій моментъ онъ находился въ верхней башнѣ, вмѣстѣ съ Гиппогрифомъ и прочими вещами, и чтобы добраться до него, нужно было сдѣлать порядочный путь подъ дождемъ... Однако, долго раздумывать не приходилось. Дождь могъ превратиться въ тропическій ливень и тогда перебираться стало бы еще

труднѣе. Поэтому Андрей Ивановичъ взвалилъ на себя узелъ съ постелью, вмѣсто зонтика, и почти бѣгомъ пустился къ верхней башнѣ.

По каменистой дорожкѣ шумѣлъ и пѣнился мутный ручей, по которому, быстро кружась, неслись обломанные вѣтви и листья деревьевъ. Въ окна и двери домовъ выглядывали кроткія мордочки четвероногихъ горожанъ и, не переставая пережевывать жвачку, провожали любопытными глазами своего двуногого гостя. Изъ одной двери выставился-было на дождь любознательный козленокъ, но заботливая мать сейчасъ-же, тряся рогами, загнала шалуна во внутренность дома.

«Вотъ волшебный городъ изъ Тысячи и Одной Ночи съ очарованными жителями», подумалъ Андрей Ивановичъ. — «Однако, что-же будутъ кушать эти заколдованные граждане, если они такъ боятся дождя? Неужели они едѣлали себѣ запасъ на дождливое время года?»

Онъ сорвалъ вѣтку съ ближайшаго дерева и поднесъ къ одному изъ оконъ. Оттуда сейчасъ-же выставилась граціозная мордочка съ улиткообразными рожками и принялась обнюхивать вѣтку. Вѣроятно, угощеніе пришлось по вкусу: козленокъ потянулъ вѣтку къ себѣ и аппетитно сталъ жевать сочные листья.

«Бѣдняжки! Они голодны, а между тѣмъ боятся выйти на дождь», подумалъ Андрей Ивановичъ. — «Вотъ случай разыграть роль благодѣтельнаго волшебника и — между прочимъ — приучить ихъ себѣ... Надо этимъ заняться, такъ какъ это будетъ не безъ пользы и для самаго благодѣтельнаго волшебника».

Добравшись до верхней башни, Андрей Ивановичъ перемѣнилъ бѣлье, надѣлъ высокіе сапоги, резиновый непромокаемый плащъ, надвинулъ башлыкъ и отправился за остальными вещами. Пока онъ переносилъ ихъ въ верхнюю башню, грозовыя тучи подошли къ самому острову. Раскаты грома уже были такъ сильны, что заглушали ревъ

океана: молнія, казалось, падала къ подножію прибрежныхъ скалъ. Нужно было торопиться. Андрей Ивановичъ отобрать въ большую корзину то, что казалось ему наиболѣе необходимымъ, плотно укрылъ сверху банановыми листьями и отправился къ нагорному храму. Путь оказался гораздо затруднительнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Повсюду бѣжали стремительные ручьи мутной воды; нога скользила по гладкимъ камнямъ, обмытымъ дождемъ. Къ этому примѣшивался порывистый вѣтеръ, который, вырывая корзину, ежеминутно грозилъ сбросить неосторожнаго путника съ кручи.

Обливаясь потомъ, усталый, Андрей Ивановичъ добрался наконецъ къ подножію портика, но взобраться по наскоро сложеннымъ камнямъ во внутренность храма съ корзиной на плечахъ оказалось дѣломъ совершенно невозможнымъ. Переносить вещи по частямъ тоже было неудобно: проливной дождь вымочилъ-бы ихъ въ нѣсколько мгновеній. Волей-неволей приходилось возвращаться въ башню за веревкой. Кстати-же представлялся случай захватить съ собою новый грузъ вещей, хотя менѣе необходимыхъ, но въ которыхъ все-же могла встрѣтиться надобность. Андрей Ивановичъ поставилъ свою корзинку подъ выступъ скалы, поправилъ на ней банановую крышку и снова пустился подъ гору. Проходя лѣскомъ около верхней башни, онъ подобралъ нѣсколько десятковъ банановъ и кокосовыхъ орѣховъ, сбитыхъ вѣтромъ, и рѣшилъ—сегодня-же, перенеся вещи, сдѣлать запасъ на будущее время.

Къ этому вскорѣ представился удобный случай. Пока онъ хлопоталъ въ башнѣ, связывая въ узлы и укладывая вещи, вѣтеръ вдругъ стихъ, грозовые тучи пронеслись къ востоку и на небѣ проглянуло яркое солнце. Весь ландшафтъ засіялъ обновленной красотой. Милліоны дождевыхъ капель на ярко-зеленыхъ листьяхъ обмытыхъ растеній засверкали, какъ алмазы. Дождевые лужи, шумные ручьи мутной воды, стремившіеся отовсюду къ ложбинѣ

озера, наконецъ, улегшаяся поверхность этого озера, еще недавно покрытая бѣлоголовыми волнами, — все сіяло и сверкало, ослѣпляя глаза и будто радуясь проглянувшему солнцу. О пролетѣвшей бурѣ не было и помину. Птицы снова защебетали, закружились въ воздухѣ; четвероногіе граждане разбрелись по лужайкамъ лакомиться сочною, хорошо обмывшеюся зеленью. Только кое-гдѣ поваленные стволы деревьевъ, сбитые плоды и цвѣты да груды обломанныхъ вѣтвей, покрывавшія землю, свидѣтельствовали о недавно выдержанной борьбѣ.

XXV.

Нагорный храмъ.

Но Андрей Ивановичъ не обманывалъ себя наступившимъ затишьемъ. Онъ настолько уже зналъ особенности тропическаго климата, что видѣлъ въ только-что миновавшей бурѣ не что иное, какъ начало многихъ бурь. Это было, такъ сказать, предвѣстіе правильныхъ дождей, составляющихъ середину тропической зимы. Вслѣдъ за этимъ затишьемъ, быть можетъ, даже къ вечеру разразится новая гроза, и тогда уже ненастье затянется надолго. Можно было предположить не безъ основанія, что теперь островъ находится въ серединѣ налетѣвшаго съ юго-запада циклона: оттого здѣсь такая тишина; а въ это самое время кругомъ на океанѣ, на многія сотни миль во всѣ стороны, свирѣпствуетъ буря, океанъ реветъ, какъ раздраженный звѣрь, и сѣдые волны ходятъ горами, обгоняя одна другую и сокрушая все, что попадется на пути ихъ бѣшеной пляскѣ. Было очевидно, что этотъ циклонъ движется въ восточномъ направленіи и съ юго-запада слѣдовало ожидать новой бури.

Раздумывая обо всемъ этомъ, Андрей Ивановичъ тутъ-же, у входа въ башню, напился кофе и позавтракалъ, и затѣмъ отправился собирать плоды. Въ какой-нибудь часъ

съ небольшимъ онъ успѣлъ набрать цѣлую гору банановъ, кокосовъ и плодовъ хлѣбнаго дерева. Предполагая, что этого количества ему хватитъ надолго, онъ часть плодовъ оставилъ въ башнѣ, а другую перенесъ вмѣстѣ съ постелью, бѣльемъ, книгами, необходимой посудой и инструментами въ нагорный храмъ. Почти до вечера провозилъ онъ съ переноской, торопясь окончить все въ одинъ день, и, только втащивши на веревкѣ послѣдній грузъ кокосовыхъ орѣховъ, разрѣшилъ себѣ, наконецъ, вздохнуть свободно.

Предчувствіе не обмануло Андрея Ивановича. Около пяти часовъ пополудни солнце снова закрылось тучами, подулъ вѣтеръ, сначала слабый, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе, деревья зашумѣли, закачались и вскорѣ ландшафтъ острова принялъ тотъ-же самый вскосмаченный видъ, какъ утромъ. Но теперь Андрей Ивановичъ уже не боялся ни бури, ни ненастья. Онъ обладалъ такимъ убѣжищемъ, которому можно было позавидовать. Этотъ *нагорный храмъ*, какъ онъ его окрестилъ и куда онъ перетаскилъ свои пожитки, могъ смѣло поспорить въ грандіозности и красотѣ съ великолѣпнѣйшими храмами Индіи, гдѣ всѣ части зданія, снаружи и внутри, покрыты настоящимъ кружевомъ изъ камня самыхъ затѣйливыхъ, прихотливыхъ узоровъ, часто служащихъ бордюромъ для изящныхъ барельефовъ.

Храмъ состоялъ изъ нѣсколькихъ обширныхъ залъ, раздѣленныхъ рядами колоннъ на множество меньшихъ отдѣленій. Залы сообщались между собою красиво изогнутыми арками, опиравшимися на рѣзные массивные столбы. Въ каждой изъ залъ, обыкновенно въ глубинѣ средней колоннады, на высокихъ, покрытыхъ барельефами пьедесталахъ, помѣщались прекрасно сохранившіяся статуи, отличавшіяся почти античною красотою и правильностью формы, изяществомъ и законченностью отдѣлки. Статуи были расположены и рядами, чередуясь съ колоннами, и цѣлыми

группами, и тогда въ такой группѣ одна изъ статуй, обыкновенно женская, занимала господствующее положеніе и всѣ остальные казались какъ будто простертыми у ея ногъ. Передъ группами помѣщалось обыкновенно нѣчто вродѣ жертвенника, богато украшеннаго со всѣхъ четырехъ сторонъ рѣзными изображеніями человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ. Такія же изображенія были на пьедесталахъ всѣхъ статуй, стоявшихъ между колоннами. Здѣсь можно было разсмотрѣть цѣлыя сцены охоты и войны, религіозныя процессіи, картины земледѣльческаго, пастушескаго и домашняго быта.

И во всѣхъ этихъ сценахъ и картинахъ неизмѣнно являлась главнымъ дѣйствующимъ лицомъ господствующая фигура группы. Ее легко можно было узнать по атрибутамъ, ей присвоеннымъ, по одеждѣ, даже по чертамъ лица. То съ цвѣтущимъ вѣнкомъ на распущенныхъ волосахъ и съ жезломъ, обвитымъ цвѣточными гирляндами, шла она во главѣ длинной процессіи изъ мужчинъ и женщинъ, въ широкихъ и длинныхъ одеждахъ, съ горящими факелами и съ корзинами цвѣтовъ въ рукахъ; то впереди толпы вооруженныхъ всадниковъ ѣхала она на красивомъ, расукрашенномъ поперечными полосами конѣ. На головѣ ея красовались или гладкій обручъ, сдерживавшій ея длинные, волнистые волосы, или зубчатая корона. Она съ улыбкой простирала впередъ красивую руку и громадный, полосатый тигръ униженно пресмыкался передъ нею, какъ будто лобзая прахъ, поднимаемый копытами ея коня. На другой картинѣ, на такомъ-же, похожемъ на зебру конѣ, она съ царственной улыбкой на прелестномъ лицѣ, но слегка нахмуривъ красиво очерченныя брови, какъ-будто жестомъ протянутой внизъ руки призывала къ покорности толпу вооруженныхъ людей, — и въ то время, когда въ заднихъ рядахъ этой толпы еще видѣлись звѣрскія фізіономіи съ поднятыми кверху мечами, передніе уже покорно становились на колѣни и съ видомъ умиленія, любви

и преданности на смѣлыхъ лицахъ слагали къ ея ногамъ свое оружіе.

Особенно понравились Андрею Ивановичу двѣ сцены, въ которыхъ, по обыкновенію, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлась та-же, повсюду повторяющаяся, фигура царственной женщины или—скорѣе—вдовы. На одной она, съ вѣнкомъ изъ простыхъ цвѣтовъ на головѣ, съ красиво наброшенной на плечи овечьей или козьей шкурою, сидѣла на камнѣ среди прелестнаго цвѣтущаго ландшафта, опершись на пастушескій посохъ съ характерною завитою рукоятью, напоминающей традиціонные посохи католическихъ епископовъ. У ногъ ея лежала пастушья сумка, грубо сплетенная изъ коры какого-то дерева: кругомъ паслись въ разныхъ положеніяхъ овцы, козы, лямы, вигони и еще какія-то животныя подобнаго-же рода: одни изъ нихъ щипали траву, другія мирно дремали. Сцена дышала такою мирною прелестью и въ то-же время отличалась такою законченною красотою, что несомнѣнно обличала руку гениальнаго художника. На другой картинѣ тоже царлица или богиня шла въ вѣнкѣ изъ спѣлыхъ колосьевъ и надъ головою ея виднѣлся серпъ молодой луны, а позади тянулась длинная толпа жнецовъ и жницъ, цвѣтущихъ молодостью и красотой, съ серпами и снопами колосьевъ въ рукахъ. Среди толпы выдѣлялась группа юношей и дѣвицъ съ флейтами и другими музыкальными инструментами, похожими, большею частью, на гусли или на арфы. По выраженію лицъ и раскрытыхъ губъ можно было догадываться, что толпа эта пѣла подъ аккомпаниментъ флейтъ и арфъ.

Вполнѣ понятно, въ какомъ восторгѣ былъ Андрей Ивановичъ отъ всѣхъ этихъ художественныхъ произведеній и какъ онъ благодарилъ судьбу за то, что она нечаянно сдѣлала его обладателемъ такихъ сокровищъ. Онъ припоминалъ классическую охоту на калидонскаго вепря, подвиги Геркулеса, сцены изъ Иліады и тому подобные

образцы античнаго искусства, сохранившіеся отъ глубокой древности, но во всѣхъ этихъ произведеніяхъ находилось что-то незрѣлое, незаконченное, дѣтское: повсюду, рядомъ съ дѣйствительно художественнымъ изображеніемъ, можно было найти неудачныя, небрежно или неумѣло выполненныя фигуры. Перспектива въ этихъ изображеніяхъ положительно страдала; изображенія-же неодушевленной природы, цвѣты и деревья обыкновенно были ниже всякой критики. Онъ вспомнилъ храмъ, открытый имъ въ Лѣсу; его многочисленныя статуи и барельефы портика произвели на него тогда сильное впечатлѣніе, но это впечатлѣніе было еще далеко отъ художественнаго наслажденія.

Совсѣмъ иное находилъ онъ въ этихъ чудныхъ картинахъ и сценахъ, съ непонятной роскошью украшавшихъ не только жертвенники и алтари, но всѣ стѣны храма, его сводчатые потолки, простѣнки арокъ, пьедесталы и фризъ колоннъ и самыя колонны—словомъ, всѣ свободныя мѣста, гдѣ только можно было помѣстить какое-либо изображеніе.

Переходя съ факеломъ въ рукѣ отъ одной картины къ другой, Андрей Ивановичъ ни въ одной изъ нихъ не могъ найти ни малѣйшаго недостатка. Совершенно напротивъ: онъ былъ просто пораженъ строгой правильностью рисунка, соотвѣтствіемъ фигуръ, поэтичностью замысла и изяществомъ отдѣлки малѣйшихъ деталей. Казалось, будто сотни гениальнѣйшихъ художниковъ, не щадя ни времени, ни труда, съ самоотверженіемъ работали надъ украшеніемъ этого храма, посвящая ему свои лучшія, любимѣйшія созданія. Въ своемъ восторгѣ художника-любителя Андрей Ивановичъ готовъ былъ придти къ горделивому заключенію, что въ цѣломъ мірѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что извѣстно современному человѣчеству, не было ничего не только лучшаго, но даже равнаго тому, что находилось въ открытомъ имъ храмѣ.

Сколько времени такимъ образомъ переходилъ онъ отъ

одного изображенія къ другому, то освѣщая факеломъ подробности, то отступая на нѣсколько шаговъ, чтобы схватить общій смыслъ картины, Андрей Ивановичъ не помнилъ и не отдавалъ себѣ въ этомъ никакого отчета. Ему было не до того. Голова его горѣла отъ восторга, сердце учащенно билось, весь онъ былъ проникнутъ какимъ-то священнымъ трепетомъ, точно онъ вступилъ въ святая святыхъ искусства, куда отъ вѣка не переступала дерзкая нога непосвященнаго смертнаго. Онъ забылъ и сонъ, и голодъ, и усталость; забылъ, что на островѣ свирѣпствуетъ буря, что за стѣнами храма воетъ вѣтеръ и льетъ проливной дождь. Въ нѣмомъ восторгѣ созерцалъ онъ чудныя, художественныя украшенія храма и ему уже стало казаться, что всѣ эти фигуры живутъ какою-то особенною, таинственною жизнью и что самъ онъ связанъ съ ними какою-то непонятной связью. Его душа, одухотворяя ихъ, казалось, сама сливалась съ ними и вмѣстѣ съ ними переживала всѣ тѣ событія, въ которыхъ онѣ являлись дѣйствующими лицами. Ему казалось, что онъ, какъ-будто силою волшебства, перенесенъ въ какую-то незнакомую, сказочную страну и живетъ въ ней новою, непривычною, неиспытанною еще жизнью.

XXVI.

Г р о з а .

Отъ этого восторженнаго состоянія Андрея Ивановича пробудилъ страшный ударъ грома и блескъ молніи, мгновенно освѣтившій всю внутренность храма. На мгновеніе какъ-будто ожили и ослѣпительно за сверкали всѣ многочисленные статуи, барельефы и колонны, освѣщенные голубовато-бѣлымъ фосфорическимъ свѣтомъ небеснаго электричества. Нѣсколько мгновеній спустя новый оглушительный раскатъ грома, казалось, потрясъ самыя основанія храма. Факель выпалъ изъ рукъ испуганнаго Андрея

Ивановича и потухъ на полу, задутый внезапнымъ порывомъ вѣтра.

Когда погасъ мгновенный блескъ молніи, внутренность храма погрузилась въ абсолютную темноту и даже со стороны портика не мерцалъ ни малѣйшій лучъ. Андрей Ивановичъ заключилъ изъ этого, что на островѣ господствуетъ уже ночь, наступленія которой онъ не замѣтилъ, погрузившись въ созерцаніе художественныхъ богатствъ храма. Темнота была настолько велика, что Андрей Ивановичъ не могъ догадаться, въ какомъ мѣстѣ храма находится онъ въ настоящее время и гдѣ найти то мѣсто, въ которомъ сложены его вещи и поставлена его складная кровать. Чтобы оріентироваться, нужно было дожидаться того момента, когда блескъ молніи снова озаритъ окружающій мракъ.

Молнія не заставила себя ждать: на мгновеніе снова все кругомъ ослѣпительно засверкало и также мгновенно потухло, и храмъ снова погрузился въ прежнюю темноту. Но Андрею Ивановичу было достаточно этого короткаго мгновенія, чтобы опредѣлить направленіе, въ которомъ находился портикъ. Ощупью добрался онъ до своей постели и сталъ искать спички, чтобы зажечь новый факелъ, но раздумалъ и просидѣлъ нѣсколько времени такъ, облокотясь на подушку и всматриваясь въ темноту, по временамъ освѣщаемую на мгновеніе блескомъ молній. Потомъ онъ легъ, намѣреваясь заснуть, но нервы его были слишкомъ напряжены и кромѣ того ежеминутные удары грома заставляли его безпрестанно вздрагивать и пробуждаться отъ чуткаго забытья, въ которое онъ впадалъ. Наскучивъ такою полудремотой, онъ всталъ, застегнулъ плотнѣе пальто и прислонился къ колоннѣ портика, стараясь разсмотрѣть при блескъ молніи, что дѣлается на островѣ. Подъ защитою храма Андрей Ивановичъ почувствовалъ себя вполне безопасно.

А на островѣ въ это время всю ночь свирѣпствовала буря. Дождь лилъ цѣлыми потоками. Съ кровли храма, то-

есть со скалы, замѣнявшей эту кровлю (храмъ былъ высѣченъ въ скалѣ), низвергались настоящіе водопады и съ бѣшенымъ ревомъ неслись вокругъ стѣнъ, точно бурныя рѣки, грозя смыть съ лица земли всѣ преграды на своемъ пути. Поминутно на совершенно черномъ небѣ вспыхивала молнія, багровымъ огнемъ освѣщая быстро мчавшіяся тучи, и тогда на мгновеніе изъ мрака ночи выступала возмущенная окрестность, какъ будто загорались вершины скалъ, кровли башенъ и верхушки качающихся деревьевъ; затѣмъ все также мгновенно меркло и непроглядный мракъ снова окутывалъ всѣ предметы своимъ чернымъ покровомъ. Громъ почти безъ перерыва грохоталъ надъ островомъ и не успѣвали замолкнуть его отдаленные раскаты, какъ уже новый ударъ разражался съ новою силой и на нѣсколько мгновеній заглушалъ всѣ остальные голоса бури. Въ короткіе промежутки между двумя громовыми ударами со стороны океана, казалось, изъ непрогляднаго мрака ночи долетали пушечные выстрѣлы.

Прислонившись къ колоннѣ портика, Андрей Ивановичъ тревожно всматривался въ этотъ ужасающій мракъ, подъ завѣсой котораго, быть можетъ, невидимо совершалась роковая драма и беспощадная смерть торжествовала надъ слабою жизнью человѣка, неосторожно ввѣренной безжалостной игрѣ разнузданныхъ стихій природы. Чуткое ухо жадно ловило ночные звуки и услужливое воображеніе подсказывало въ нихъ сходство съ отдаленными пушечными выстрѣлами погибающаго корабля, и когда, на мгновеніе ока, блѣдносиній огонь яркой молніи освѣщалъ вспѣненную поверхность бушующаго океана, Андрей Ивановичъ, между сталкивающимися горами волнъ, казался, узнавалъ остовъ разбитаго корабля, носимый по волѣ бури. Сердце его болезненно сжималось и онъ невольно рисовалъ передъ собой картины кораблекрушеній, толпы погибающихъ людей, тщетно, съ воплями отчаянія, поднимающихъ изъ нихъ руки къ безразсвѣтнымъ, безжалостнымъ небесамъ.

Всю ночь простоялъ онъ такимъ образомъ, не отходя отъ колонны. Къ утру онъ вдругъ почувствовалъ, что къ голосамъ бури примѣшался какой-то странный подземный гулъ, что-то вдругъ загудѣло въ ушахъ, какъ будто глубоко въ землѣ загрохоталъ новый громъ, въ отвѣтъ тому, что гремѣлъ надъ землею, и въ тоже время колонна, у которой стоялъ Андрей Ивановичъ вдругъ закачалась, заколебался каменный полъ храма и плита подъ ногами Андрея Ивановича вдругъ треснула и стала опускаться. Испуганный Андрей Ивановичъ едва успѣлъ отскочить въ сторону и бросился къ выходу изъ храма, но сильный порывъ вѣтра снова отбросилъ его назадъ, на трескавшіяся плиты пола. Этотъ испугъ, присоединившійся къ волненіямъ пережитой ночи, такъ сильно подѣйствовалъ на Андрея Ивановича, что голова его закружилась и онъ, инстинктивно ухватившись руками за пьедесталъ ближайшей колонны, на нѣсколько секундъ потерялъ сознаніе.

Когда Андрей Ивановичъ пришелъ въ себя, яркая полоса молніи, зигзагомъ избороздившая черное небо, освѣтила на мгновеніе внутренность храма: изъ мрака мгновенно выступили на свѣтъ и длинный рядъ массивныхъ колоннъ, и барельефы на ихъ пьедесталахъ, и ряды статуй между колоннами, и алтарь на заднемъ планѣ, и темныя ниши по сторонамъ; все оставалось по старому. Только на ярко освѣщенномъ полу, въ двухъ шагахъ отъ Андрея Ивановича, у подножія той колонны, около которой онъ стоялъ нѣсколько мгновеній тому назадъ, рѣзко обрисовался черный четырехугольникъ плиты, треснувшей и опустившейся подъ его ногами. Очевидно, еслибы онъ не поспѣшилъ тогда отскочить отъ колонны, то по всей вѣроятности упалъ-бы въ подземелье нижняго этажа храма, быть можетъ съ высоты нѣсколькихъ саженъ, и навѣрное разбился-бы о каменные плиты. Онъ горячо поблагодарилъ свою счастливую звѣзду за то, что она избавила его отъ такой участи.

Между тѣмъ буря не затихала, но какъ будто еще бо-

лѣе усиливалась. По небу, уже освѣщенному лучами блѣднаго разсвѣта, съ ужасающей быстротой неслись черныя тучи. Вѣтеръ вылъ, какъ дикій звѣрь, и налетая порывами, раскачивалъ вершины пальмъ, нагибая ихъ почти до самой земли. Дождь лилъ по прежнему, не переставая, цѣлыми потоками. Вокругъ храма бѣшено ревѣли мутныя ручьи, мчавшіеся съ горъ и каскадами низвергавшіеся въ долину. Озеро выступило изъ береговъ и разлилось на громадное пространство. Овраги, заросшіе темнолистной лимоніей, наполнились вровень съ берегами мутной водой, изъ которой только мѣстами выставлялись одинокія вершины болѣе высокихъ деревьевъ.

Печальный видъ имѣлъ теперь очаровательный ландшафтъ острова. Взлохмаченныя, порывисто качавшіеся деревья, мутныя потоки, грязныя лужи, темное, покрытое тучами небо, багровый блескъ молній, оглушительные раскаты грома и въ ихъ промежуткахъ вой вѣтра и бѣшенный ревъ океана—вотъ что замѣнило теперь спокойную, смѣющуюся прелесть острова. Грустно и тяжело было смотрѣть на господствовавшій всюду хаосъ. Безсонная ночь, проведенная въ душевной тревогѣ, давала себя чувствовать. Андрей Ивановичъ посмотрѣлъ еще нѣсколько времени на мрачное небо съ быстробѣгущими тучами, на мутное озеро, на перепутанную, будто взъерошенную зелень рощи и отвернувшись отъ своего острова, за которымъ только нѣсколько дней тому назадъ уже готовъ былъ утвердить названіе земного рая.

Къ бурѣ онъ тоже присмотрѣлся. Она утратила для него прелесть новизны и даже ся внушающая невольный страхъ грандіозность не возбуждала въ немъ другого чувства, кромѣ тоски и утомленія. Нервы его притупились, ослабли. Ни оглушающій трескъ грома, ни внезапный пожаръ молній не возбуждали болѣе его утомившагося вниманія. Онъ медленно побрелъ къ своей постели, раздѣлся и быстро заснулъ глубокимъ сномъ.

XXVII.

Внутренность храма.

Потянулись скучные дни. Дождь лилъ не переставая. Поневоѣ приходилось проводить большую часть времени внутри храма. Впрочемъ, заботы объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей не позволяли Андрею Ивановичу сдѣлаться совершеннымъ затворникомъ. Каждый день утромъ надѣвалъ онъ непромокаемый плащъ и отправлялся навѣстить своихъ лямъ, осмотрѣть поставленные наканунѣ жертницы и набрать нѣсколько плодовъ. Наготсвивъ льямамъ дневной запасъ травы и разставивъ на завтра удочки, Андрей Ивановичъ возвращался въ свое убѣжище съ кувшиномъ молока и корзиной, наполненной рыбой и плодами, и не выходилъ уже изъ него до слѣдующаго дня. Отъ скуки онъ перечиталъ по нѣскольку разъ всѣ имѣвшіяся у него книги, изучилъ въ подробности каждый барельефъ на стѣнахъ и колоннахъ храма, всякій разъ открывая въ нихъ все новыя и новыя красоты, и наконецъ рѣшился осмотрѣть другія отдѣленія храма, проникнувъ въ его мрачную глубину, которая, по нелюбви его къ темнотѣ, доселѣ возбуждала въ немъ непреодолимое отвращеніе.

Однажды, не зная, чѣмъ наполнить свое время, Андрей Ивановичъ зажегъ, въ качествѣ факела, смолистую вѣтку евкалиптуса и, взявши про запасъ цѣлую связку такихъ же вѣтвей, смѣло вступилъ черезъ широкую арку, великолѣпно украшенную художественной рѣзьбой, во внутренность храма. Зала, въ которую онъ вошелъ, казалась еще выше и длиннѣе первой; постепенно уменьшаясь и наконецъ утопая во мракѣ, ряды колоннъ, раздѣлявшіе эту залу, подобно предыдущей, на три продолговатыя отдѣленія, казалось, тянулись до безконечности. Въ общемъ она походила на предшествующую; тѣ же красивыя желобчатыя колонны съ роскошно украшенными капителями, тѣ же барельефы на

стѣнахъ, причудливыя арабески, гирлянды цвѣтовъ и плодовъ, женскія и дѣтскія головки на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было прилѣпить какое-либо украшеніе; но была и особенность, выражавшаяся въ томъ, что во всѣхъ промежуткахъ между колоннами, на высокихъ пьедесталахъ, стояли одиночныя статуи, вродѣ тѣхъ, какія Андрей Ивановичъ видѣлъ въ лѣсномъ храмѣ, только отъ этихъ послѣднихъ онѣ отличались грандіозностью и высокой художественной работой. Зато въ остальномъ было замѣчательное сходство: налѣво отъ входа видѣлись тѣже характерныя посохи, широкія и длинныя одежды и остролистные вѣйки на головѣ,—направо—разнообразіе одеждъ и атрибутовъ, различіе возрастовъ и пола, словомъ, все такъ же, какъ въ лѣсномъ храмѣ. Андрею Ивановичу даже казалось, когда онъ всматривался въ лица статуй, что онъ уже раньше видѣлъ эти лица, что выраженія ихъ и черты ему уже знакомы.

Другая особенность этой залы состояла въ томъ, что барельефы, покрывавшіе стѣны и пьедесталы статуй и колоннъ, отличались крайнимъ разнообразіемъ содержанія, и притомъ сцены, изображавшіяся на нихъ, строго соответствовали характеру статуй, около которыхъ находились. Такъ на пьедесталѣ статуи воина и на стѣнѣ позади этой статуи барельефы изображали сцены изъ военной жизни: группы воиновъ вокругъ огня, сраженія, пожары и разрушеніе городовъ, триумфальныя шествія побѣдителей среди колѣнопреклоненнаго народа и длинныя ряды плѣнниковъ, скованныхъ попарно тяжелыми цѣпями. Замѣчательно, что на всѣхъ подобныхъ барельефахъ побѣжденные и плѣнники имѣли совершенно другой типъ, чѣмъ ихъ побѣдители. У всѣхъ у нихъ были короткіе курчавые волосы, приплюснутые носы и толстыя, оттопыренныя губы; на ихъ безбородныхъ лицахъ какъ-то особенно безобразно выдавались широкія скулы; несоразмѣрно длинныя туловища съ впалой грудью и выдавшимся, отвисшимъ животомъ, длинныя руки и короткія, слабыя ноги—все это, напоминая негритянскій

типъ, несомнѣнно свидѣтельствовало о принадлежности ихъ къ низшей расѣ человѣчества.

Напротивъ, прямой лицевой уголъ, прямой носъ, красивыя черты лица, строгая пропорціональность членовъ, длинныя, слегка вьющіеся волосы ихъ побѣдителей несомнѣнно доказывали, что эти послѣдніе принадлежали къ наиболѣе одаренной и красивой народности кавказскаго племени. Статуя иного воина съ массою откинутыхъ на спину, вьющихся волосъ, напоминавшую львиную гриву съ длинными усами, падавшими на грудь, имѣла такой благородный и величественный видъ, что вполне могла служить образцомъ мужественной красоты.

Переходя отъ статуи къ статуѣ, отъ барельефа къ барельефу и чутко прислушиваясь къ звуку шаговъ, гулко раздававшихся подъ высокими сводами, Андрей Ивановичъ медленно подвигался въ глубину зала. Вотъ на одномъ пьедесталѣ барельефъ изображаетъ что-то вродѣ школьной сцены: нѣсколько юношей внимательно слушаютъ почтеннаго старца, сидящаго на высокомъ стулѣ въ центрѣ группы, и нѣкоторые изъ нихъ, наклонясь надъ таблицами, записываютъ слова своего учителя. Фигура благодушнаго старца съ разогнутымъ свиткомъ и цвѣтущею вѣтвью въ рукахъ, имѣющей вѣроятно эмблематическое и символическое значеніе, стоитъ на этомъ пьедесталѣ и свидѣтельствуешь, что въ тѣ незапамятныя времена заслуги учителя цѣнились не менѣе дѣяній героевъ и правителей и наряду съ послѣдними давали ему мѣсто въ пантеонѣ народной славы. Слѣдовательно, не однихъ только царей и героевъ удостоивалъ тогда народъ своего почтенія.

Въ справедливости этого заключенія Андрей Ивановичъ убѣдился еще болѣе, когда въ этомъ же ряду встрѣтилъ статуй ваятеля, зодчаго, поэта, мореплавателя и земледѣльца, — такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось, судя по атрибутамъ этихъ статуй.

Первая изъ нихъ представляла красиваго молодого че-

ловѣка съ небольшою бородкою, въ короткой туникѣ, съ рѣзцомъ и молотомъ въ рукахъ; у ногъ его находился небольшой неконченный бюстъ. Барельефы на пьедесталѣ и близь лежащей стѣны изображали мастерскую художника, гдѣ онъ, окруженный толпою учениковъ, трудился надъ изображеніемъ боговъ и героевъ.

Статуя зодчаго представляла человѣка среднихъ лѣтъ, съ задумчивыми и серьезными взглядами, съ доскою въ рукѣ, на которой начерченъ былъ планъ зданія. Барельефы изображали, какъ подъ его руководствомъ рабочіе обтесывали камни и колонны и возводили стѣны великолѣпныхъ дворцовъ и храмовъ.

Красивый юноша съ длинными вьющимися волосами, съ вдохновеннымъ взглядомъ, устремленнымъ къ небу, и лирою въ рукахъ представлялъ навѣрно поэта или пѣвца. На барельефахъ было изображено, какъ онъ пѣлъ предъ толпами народа и на однихъ картинахъ толпы эти предавались восторгу, награждая своего любимца рукоплесканіями, на другихъ—народъ плакалъ, слушая его пѣніе. Одинъ барельефъ изображалъ, какъ суровые воины складывали къ его ногамъ свое оружіе, на другомъ—въ его присутствіи два человѣка, угрюмо нахмурясь и смотря другъ на друга исподлобья,—быть можетъ, два примирившихся врага,—подавали другъ другу руки.

Разсматривая эти барельефы, Андрей Ивановичъ задумался о томъ великомъ значеніи, какое имѣла поэзія у этого исчезнушаго народа. Возбуждая по произволу то печаль, то радость въ сердцахъ людей, она укрощала дикія страсти, обуздывала воинственный пылъ и искореняла вражду и ненависть. Андрей Ивановичъ съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ на вдохновенное лицо юноши, точно чудомъ сохранившееся въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, какъ-будто за тѣмъ, чтобы доказать позднѣйшему человѣку ту истину, что человѣкъ всегда былъ человѣкомъ, какъ только ему удавалось вырваться изъ унижающей его зависимости отъ слѣпыхъ силъ природы.

Въ послѣднее время, блуждая по острову и безпрестанно наталкиваясь на остатки древней исчезнувшей цивилизаціи, Андрей Ивановичъ все чаще и чаще задумывался о роковомъ *circulum viciosum*, въ которомъ, какъ кажется, точно бѣлка въ колесѣ, съ незапамятныхъ вѣковъ кружится человечество,—и все чаще и чаще приходили ему на память слова Екклезіаста: «родъ переходитъ и родъ приходитъ, а земля во вѣкъ стоитъ»...

XXVIII.

Подземный ходъ.

Пройдя еще нѣсколько колоннъ, Андрей Ивановичъ увидѣлъ направо и налево широкія арки, по другую сторону которыхъ прерванный рядъ колоннъ возобновлялся и, уходя въ глубину зала, терялся мало по малу въ темнотѣ. Этими арками между колоннами соотвѣтствовали арки въ стѣнахъ. Андрей Ивановичъ заглянулъ въ одну изъ нихъ и освѣтилъ факеломъ открывшееся за нею пространство: предъ нимъ выступила на свѣтъ такая-же зала съ колоннами и статуями, уходившими вдаль и скрывавшимися во мракѣ, какъ и та, въ которомъ онъ находился. Онъ перешелъ на другую сторону и заглянулъ въ противоположную арку,—такая же зала лежала и тамъ.

Ему стало жутко. Тайнственное безмолвіе этихъ залъ, нарушаемое только гуломъ его шаговъ, казалось, было оскорблено его присутствіемъ; тѣни прошлаго, витавшія вокругъ своихъ каменныхъ образовъ, какъ будто укоризненно смотрѣли на него изъ этого мрака, царившаго здѣсь, быть можетъ, уже цѣлыя тысячелѣтія. Кромѣ того, громадность этихъ залъ, казавшихся благодаря окутывавшей ихъ тьмѣ безпредѣльными, дѣйствовала на него удручающимъ образомъ. Всматриваясь въ безконечные ряды колоннъ и статуй, перекрещивающіеся между собою, онъ невольно подумалъ о возможности потерять направленіе и заблудиться

въ этомъ каменномъ лабиринтѣ. Эта мысль заставила его воротиться на середину зала и посмотрѣть по тому направленію, откуда долженъ быть виденъ блѣдный свѣтъ дня, проходящій черезъ портикъ храма; но вмѣсто этого свѣта, къ удивленію своему, онъ встрѣтилъ только абсолютную темноту, въ которой какъ-будто, тонули сумрачныя колонны и статуи зала. Въ этой темнотѣ тревожно оглядываясь по сторонамъ, онъ успокоился только тогда, когда въ глаза ему блеснулъ голубоватый лучъ, пробивавшійся въ отверстіе портика, который издали казался только узкой, крошечной щелью.

Это небольшое приключеніе осязательно доказало, какъ легко было потерять направленіе въ этомъ громадномъ подземельѣ. Очевидно, что нельзя было пускаться въ глубину храма, не запасшись какимъ-нибудь средствомъ, которое помогло-бы опредѣлить пройденный путь и найти обратную дорогу. Классическая древность напомнила о клубкѣ Тезея, съ помощью котораго этотъ герой нашелъ выходъ изъ критекаго лабиринта; но, обсудивъ этотъ вопросъ, Андрей Ивановичъ предпочелъ компасъ и, отложивъ свои изслѣдованія до завтра, намѣревался утромъ застаться компасомъ, хранившимся съ другими инструментами на башнѣ, вмѣстѣ съ Гиппогрифомъ.

На слѣдующій день, вооружившись компасомъ и нѣсколькими десятками факеловъ, Андрей Ивановичъ уже смѣло отправился въ таинственную глубину храма. Онъ рѣшилъ предварительно сдѣлать бѣглый обзоръ подземелья, чтобы ознакомиться сначала съ его расположеніемъ и величиною, а затѣмъ уже приступить къ изученію подробностей.

Быстро проходя одну залу за другою, въ одномъ и томъ же направленіи, съ сѣвера на югъ, въ концѣ пятой, вмѣсто широкой арки, соединявшей между собою залы, Андрей Ивановичъ нашелъ обыкновенную дверь, за которою начинался узкій корридоръ, не болѣе сажени вышиною и около двухъ аршинъ въ ширину. Корридоръ шелъ въ

томъ же южномъ направленіи, но слегка понижался, какъ будто уходя подъ гору. Андрей Ивановичъ продолжалъ идти впередъ, отмѣчая въ записной книжкѣ не только направленіе пути, но и число пройденныхъ шаговъ по этому направленію: къ этой осторожности его побудило нѣсколько новыхъ корридоровъ, встрѣченныхъ имъ по дорогѣ и перпендикулярно пересѣкавшихъ корридоръ, по которому онъ слѣдовалъ.

Въ этихъ корридорахъ онъ замѣтилъ одну странную особенность, которая не попадалась ему на глаза при осмотрѣ залъ: взглянувъ случайно вверхъ, онъ увидѣлъ, что вдоль одной стѣны, подъ самымъ сводомъ корридора, тянулась довольно толстая темная проволока, прерываемая на извѣстныхъ разстояніяхъ сѣроватыми, какъ ему показалось, металлическими шарами. Заглядывая въ боковые корридоры, онъ разглядѣлъ и тамъ такую же проволоку и тѣ же шары, находившіеся въ связи съ проволокой того корридора, по которому онъ шелъ. Заинтересованный этимъ, Андрей Ивановичъ старался отгадать, для какой цѣли могли служить эта проволока и эти шары? Неужели же древнимъ обитателямъ этого острова былъ извѣстенъ телеграфъ? Но сначала это предположеніе показалось Андрею Ивановичу до того нелѣпымъ, что онъ даже выбранилъ себя за него фантазеромъ. А между тѣмъ, придумать для этихъ шаровъ и проволоки какое-нибудь другое объясненіе было совершенно невозможно и на умъ у него невольно вертѣлись слова: электричество, телеграфъ и телефонъ.

«Что же въ этомъ особеннаго?»—думалъ онъ, подвигаясь вдоль корридора и вглядываясь въ таинственную проволску, тянувшуюся надъ его головой. «Развѣ народъ, имѣвшій такихъ геніальныхъ художниковъ-скульпторовъ, не могъ обладать такими же геніальными учеными, предвидѣвшими современную цивилизацію на цѣлыя тысячелѣтія? Кто знаетъ, можетъ быть, не только телеграфъ и телефонъ, но еще много чего другого, что неизвѣстно

современнымъ ученымъ, было знакомо таинственнымъ обитателямъ острова, оставившимъ по себѣ такіе великолѣпные слѣды художественнаго творчества. Развѣ не утрачено, почти на нашей памяти, искусство живописи на стеклѣ? Да развѣ только одно оно?..»

На этомъ мѣстѣ размышленія Андрея Ивановича были прерваны какимъ-то неяснымъ шумомъ, донесшимся къ нему съ передняго конца корридора. Онъ сталъ внимательно прислушиваться: шумъ доносился издали; то усиливаясь по временамъ, то ослабѣвая, онъ напоминалъ собою не то порывъ вѣтра, не то шумъ морского прибоя. Съ каждымъ шагомъ впередъ шумъ этотъ становился яснѣе. Черезъ нѣсколько времени Андрею Ивановичу показалось, что къ нему доносится запахъ морской сырости и наконецъ далеко впереди на полу корридора блѣдно-голубымъ лучемъ отразился слабый отблескъ дневного свѣта. Андрей Ивановичъ пошелъ такъ быстро, насколько позволялъ это покатый полъ корридора, сдѣлавшійся уже влажнымъ и скользкимъ, и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ отверстію, въ которое цѣлымъ потокомъ врывался ослѣпительный дневной свѣтъ, почти невыносимый для глазъ Андрея Ивановича, привыкшихъ къ темнотѣ.

Отверстіе корридора выходило на узкую мель, тянущуюся съ перерывами у подошвы неприступныхъ утесовъ, изъ которыхъ состояли берега острова. Гигантскія волны перескакивали черезъ отмель и разбивались на миллионы пѣнящихся брызгъ у самыхъ ногъ Андрея Ивановича, на изрытомъ, неровномъ полу корридора, покрывая его клочьями бѣлой пѣны и обрывками морскихъ водорослей. Такимъ образомъ, островъ, который Андрей Ивановичъ считалъ недоступнымъ съ моря, имѣлъ съ нимъ весьма удобное сообщеніе и въ одно прекрасное время могъ имѣть неожиданныхъ и—что всего вѣроятнѣе—даже непріятныхъ гостей...

Андрей Ивановичъ посмотрѣлъ еще нѣсколько времени,

какъ дождь хлесталъ на тинистую поверхность отмели и какъ бѣшено разбивались о скалы громадныя, какъ горы, волны океана, и пошелъ обратно по поднимавшемуся въ гору подземному корридору.

Прошло болѣе часу. По разсчету Андрея Ивановича, онъ уже долженъ былъ бы достигнуть храма, а между тѣмъ онъ все еще шелъ по корридору. Чаше и чаще посматривалъ онъ на компасъ, подозрѣвая, что сбился съ пути, но компасъ показывалъ, какъ и слѣдовало, сѣверное направленіе. Сначала корридоръ поднимался все въ гору, но затѣмъ, совершенно неожиданно, пошелъ подъ гору: это уже ясно доказывало, что, вопреки показаніямъ компаса, Андрей Ивановичъ запутался. Возвращаться назадъ, къ морю, онъ не рѣшился, такъ какъ можно было запутаться еще разъ, поэтому онъ предпочелъ идти впередъ, держась сѣвернаго направленія.

Прошло еще полчаса, а корридоръ все еще спускался подъ гору, хотя уже значительно положе. Андрей Ивановичъ испытывалъ до крайности жуткое чувство: ему казалось, что онъ заживо погребенъ подъ землею. Ему становилось тошно въ этомъ безконечномъ корридорѣ, какъ въ могилѣ, и онъ страстно хотѣлъ скорѣе выбраться на свѣтъ, на воздухъ. Съ лихорадочною торопливостью онъ шелъ впередъ, задыхаясь отъ усталости и тревоги и все ускоряя шаги... А корридоръ все продолжался, зіяя впереди своимъ мрачнымъ жерломъ.

Андрей Ивановичъ сжегъ уже значительную часть своихъ факеловъ и начиналъ бояться, что ему придется, пожалуй, остаться въ этомъ подземельи въ совершенной темнотѣ...

Но вотъ корридоръ оканчивается крутою лѣстницей, поднимающейся прямо къ своду... Гдѣ же, однако, дверь, соединяющая эту лѣстницу съ верхнимъ помѣщеніемъ? Если она и была, то вѣроятно заложена камнями, потому что лѣстница упирается прямо въ сводъ. Что же дѣлать? Но,

если есть лѣстница, то сообщеніе должно же быть. Андрей Ивановичъ торопливо поднялся по крутымъ ступенямъ лѣстницы и уперся головою въ плиту свода. Со всей силой онъ уперся руками въ эту плиту, стараясь поднять ее, и ему показалось, что она колеблется, что въ щели свода надъ его головой проходить слабый свѣтъ.

Удвоивъ усилія, онъ принялся толкать и двигать эту плиту изъ стороны въ сторону, и наконецъ она уступила его силѣ: она подалась вверхъ и при этомъ образовалось отверстіе, достаточное для того, чтобы человѣкъ могъ въ него пройти. Андрей Ивановичъ проползъ въ это отверстіе и очутился въ узкомъ и тѣсномъ помѣщеніи, освѣщенномъ сверху. Направо и налево поднимались лѣстницы; одна уходила въ темноту, другая вела къ свѣту. Осматриваясь кругомъ, Андрей Ивановичъ находить какъ-будто что-то знакомое: ему казалось, что онъ былъ уже здѣсь раньше... И дѣйствительно, приблизясь къ освѣщенной лѣстницѣ, онъ съ радостью увидѣлъ надъ своей головой знакомый уже цилиндръ съ винтовой лѣстницею по стѣнамъ. Не довѣряя своему счастью, онъ торопливо поднялся по лѣстницѣ и заглянулъ въ отверстіе, находившееся надъ изогнутой улиткообразной трубою: предъ его глазами тотчасъ же открылся длинный рядъ колоннъ и статуй, а внизу, почти около самого отверстія, находились громадный каменный колоссъ и гигантекая рука съ серпомъ... Теперь уже онъ не могъ болѣе сомнѣваться: подземный ходъ, въ которомъ онъ считалъ себя уже заживо погребеннымъ, привелъ его въ лѣсной храмъ, гдѣ онъ впервые познакомился съ художественными богатствами острова. Обрадованный, онъ снова спустился по винтовой лѣстницѣ къ основанію цилиндра и чрезъ тоже отверстіе подъ статуей богини, которымъ уже раньше пользовался, проникъ въ храмъ, счастливый и довольный, что снова выбрался на свѣтъ изъ темнаго подземнаго хода, заставившаго его пережить такіа неприятыя ощущенія.

XXIX.

Электричество.

Послѣ приключенія въ подземномъ корридорѣ, Андрей Ивановичъ не рѣшался болѣе пускаться въ узкіе ходы, прорѣзанные въ скалѣ вокругъ нагорнаго храма и составлявшіе настоящій лабиринтъ. Онъ рѣшился заняться подробнымъ изученіемъ храма. Осмотрѣвъ внимательно залы, которыхъ онъ насчиталъ всего семь, онъ пересчиталъ украшавшія ихъ статуи. Всѣхъ статуй разнаго рода оказалось въ храмѣ болѣе 2,000. Изъ нихъ слишкомъ 600 статуй изображали только однихъ жрецовъ, — по крайней мѣрѣ онъ думалъ такъ, судя по ихъ остролистнымъ вѣнкамъ, тонзурѣ и характернымъ жезламъ. Кромѣ того, разсматривая внимательно барельефы на пьедесталахъ статуй и на стѣнахъ храма, Андрей Ивановичъ пришелъ къ заключенію, что особеннаго покроя широкія одежды и посохъ съ завитою въ два концентрическіе круга рукоятію составляли принадлежность только главныхъ жрецовъ или первосвященниковъ, такъ какъ простые жрецы изображались безъ этихъ атрибутовъ. Такимъ образомъ, приходилось допустить, что 670 статуй храма изображали только однихъ первосвященниковъ храма, которые, можетъ быть, въ то же время были главными жрецами, начальниками жреческаго сословія цѣлой страны. Какое же громадное пространство времени долженъ обнимать собою этотъ длинный рядъ царей, жрецовъ и героев!

Натолкнувшись на этотъ вопросъ, Андрей Ивановичъ невольно вспомнилъ отца исторіи, Геродота, классическія творенія котораго стоили не мало огорченій гимназистамъ старшихъ классовъ, присужденнымъ изучать ихъ съ тѣмъ, чтобы забыть немедленно по окончаніи курса. Андрей Ивановичъ, однако, вспомнилъ, какъ Геродотъ въ въ одномъ изъ древнихъ храмовъ Египта насчиталъ, ка-

жется, триста сорокъ съ чѣмъ-то статуй первосвященниковъ причемъ сопровождавшій его жрецъ объяснилъ ему, что такъ какъ въ Египтѣ званіе первосвященника было наследственное и переходило преемственно отъ отца къ сыну, то триста сорокъ статуй означаютъ, что триста сорокъ человѣческихъ поколѣній уже отжило свой вѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ этотъ храмъ. Считая по три поколѣнія на каждыя сто лѣтъ, Геродотъ, на основаніи этого соображенія, вычислилъ, что храмъ существуетъ слишкомъ *одиннадцать тысячъ лѣтъ*.

Но если приложить подобный расчетъ къ шестистамъ семидесяти статуямъ открытаго имъ «нагорнаго» храма, имѣющимъ несомнѣнно первосвященнической характеръ, то выходила такая чудовищная цифра, передъ которой нѣмѣетъ воображеніе. Подобныя цифры можно встрѣтить только въ одной индусской хронологіи. Если каждая изъ шестисотъ семидесяти статуй означаетъ поколѣніе, то всѣ онѣ вмѣстѣ обнимаютъ собой громадный періодъ времени, равняющійся *двадцати двумъ тысячамъ лѣтъ*.

Воображеніе Андрея Ивановича положительно отказывалось представить себѣ такой безконечный рядъ вѣковъ, всѣ эти безчисленные дни, мѣсяцы и годы, олицетворяемые 2000 тысячами статуй храма, особенно, если сопоставить съ ними тѣ жалкія три тысячи лѣтъ, о которыхъ исторія сохранила болѣе или менѣе достовѣрныя свидѣтельства. А между тѣмъ боязнь, испытываемая имъ предъ этими громадными цифрами, ему самому казалась неосновательною. Припоминая выводы геологіи объ образованіи поверхностныхъ слоевъ земной коры, Андрей Ивановичъ сознавалъ, что въ подобныхъ цифрахъ нѣтъ ничего чудовищнаго. При этомъ ему пришло на память, какъ онъ гдѣ-то читалъ, что къ востоку отъ Гоа, на Малабарскомъ берегу Индостана, геологи открыли подъ слоемъ базальта и латерита лѣсъ пальмъ и хвойныхъ деревьевъ, совершенно превратившихся въ кремнеземъ, а между тѣмъ многія изъ этихъ

деревьевъ сохранили на себѣ явственныя слѣды топора. Сколько лѣтъ понадобилось для того, чтобы окаменѣлъ лѣсъ, находящійся теперь на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ ниже поверхности земли? И развѣ мало существуетъ подобныхъ примѣровъ?

Въ виду фактовъ такого рода Андрей Ивановичъ не находилъ разумныхъ основаній отвергать пугающія его воображеніе цифры въ хронологіи человѣчества. Пусть слѣды человѣка не найдены въ числѣ ископаемыхъ животныхъ, но эпохи геологическихъ переворотовъ соотвѣтствуютъ такимъ громаднымъ періодамъ времени, что передъ ними блѣднѣютъ сотни тысячъ лѣтъ браминской хронологіи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что культура и цивилизація развивались въ человѣчествѣ крайне медленно, что даже въ настоящее время есть много мѣстностей на земномъ шарѣ, гдѣ человѣчество все еще остается въ первобытномъ состояніи. Чтобы дойти до созданія такихъ художественныхъ произведеній, какія въ такомъ избыткѣ разсѣяны по всему этому храму, сколько тысячелѣтій должна была прожить та человѣческая раса, единственнымъ памятникомъ которой онъ остался на землѣ, раса, быть можетъ, уже цѣлыя тысячи лѣтъ какъ исчезнувшая съ лица земли?

Андрей Ивановичъ глубоко задумался, облокотившись на рѣзную колонну и разсѣянно глядя, какъ темныя тучи одна за другою неслись надъ островомъ, проливая на него цѣлые потоки дождя. Въ его воображеніи рисовалась бесплодная почва, на которой мѣстами пробивалась скудная растительность. Кое-гдѣ, встрѣтивъ нѣсколько болѣе благоприятныя условія, она разрасталась гуще и даже зеленымъ ковромъ покрывала каменную землю; въ другомъ мѣстѣ—все усилія оказывались бесплодными и чахлые побѣги хирѣли и погибали прежде, чѣмъ получали возможность укорениться. Но даже и тамъ, гдѣ растенія, казалось, уже удалось одержать побѣду, гдѣ они сплетались густымъ зеленымъ ковромъ надъ завоеванною ими почвою, существованіе ихъ было

далеко необезпечено. Недостатокъ питающей влаги, жгучіе лучи солнца, сухой палящій вѣтеръ пустыни безжалостно губили ихъ жизненныя силы: въ мучительной агоніи засыхали бѣдные растенія и тотъ же пустынный вѣтеръ уносилъ ихъ безжизненные останки...

Въ этой грустной картинѣ Андрей Ивановичъ одицетворялъ прошедшую исторію человѣчества: точно также мѣстами оно достигало болѣе или менѣе высокой степени; цивилизація эта исчезала, оставляя за собою жалкіе слѣды развалинъ; возвышались народы, создавали сильныя государства и затѣмъ безслѣдно исчезали съ лица земли, чтобы дать мѣсто другимъ народамъ и государствамъ. Погибнувъ въ одномъ мѣстѣ, цивилизація возрождалась на другой точкѣ земнаго шара и, можетъ быть, шла совершенно инымъ путемъ и достигала иныхъ результатовъ, чѣмъ ее предшественница. Только теперь, когда вся земля извѣдана, когда между народами земнаго шара установились болѣе или менѣе прочныя и постоянныя сношенія, быть можетъ, настало время, когда современная цивилизація наконецъ охватитъ весь міръ и ей уже не грозитъ болѣе опасность исчезнуть съ лица земли, подобно ее невѣдомымъ предшественницамъ.

Эти печальныя размышленія были причиною того, что въ первый разъ во все время пребыванія на островѣ, Андрею Ивановичу сдѣлалось скучно. Но благодаря дождливому сезону и бурѣ, все еще не прекращавшейся на островѣ, обычныя развлеченія Андрея Ивановича были невозможны. Поэтому, чтобъ наполнить чѣмъ-нибудь свое время, онъ рѣшился продолжать свои изслѣдованія въ храмѣ. Случайно взглядъ его упалъ на черное отверстіе, образовавшееся между плитами пола въ достопамятную ночь землетрясенія, и онъ предположилъ немедленно изслѣдовать, куда ведетъ этотъ таинственный ходъ.

Прежде всего онъ постарался снять или отодвинуть опустившуюся плиту, чтобы расширить отверстіе. Послѣ продолжительныхъ и сначала безплодныхъ усилій, Андрею Ива-

новичу удалось, наконецъ, такъ нажать на нее, что она пришла въ движеніе и задвинулась подъ сосѣднюю плиту пола. Въ образовавшемся отъ этого четырехугольномъ отверстіи Андрей Ивановичъ различилъ ступени лѣстницы, спускающейся въ глубину нижняго помѣщенія храма. Спустившись въ отверстіе и стоя на верху лѣстницы, онъ, при свѣтѣ факела осмотрѣлъ открывшуюся внизу подземную залу. Впрочемъ размѣры ея терялись въ темнотѣ. По всеѣмъ направленіямъ тянулись массивныя четырехугольныя колонны, грубо высѣченныя и безъ всякихъ украшеній, кое-гдѣ между колоннами виднѣлись какіе-то предметы — не то статуи, не то надгробныя памятники. Постоявъ нѣсколько времени на лѣстницѣ, Андрей Ивановичъ воротился наверхъ, взялъ съ собою компасъ, спички, связку смолистыхъ вѣтвей эвкалипта, записную книжку, съ которой никогда не разставался и въ которую бѣгло заносилъ свои впечатлѣнія, и спустился на дно подземной залы.

Поднявши надъ головою свой факелъ, онъ медленно подвигался вдоль ряда колоннъ, осматриваясь кругомъ и не теряя изъ виду лѣстницы. Мѣстами ему попадались между колоннами высокія вазы, широкія чаши на постаментахъ, небольшіе четырехугольные и круглые столы вродѣ жертвенниковъ. Лѣстница давно уже утонула въ темнотѣ, а впереди рядъ колоннъ казался безконечнымъ. Вглядываясь направо и налево, Андрей Ивановичъ видѣлъ такіе же безконечные ряды четырехугольных массивныхъ колоннъ, поддерживающихъ тяжелые своды зала. Ему становилось жутко въ этомъ безпредѣльномъ подземельи, даже приходила мысль вернуться наверхъ, въ ту залу храма, къ которой онъ привыкъ и которую считалъ уже своимъ жилищемъ.

Всматриваясь въ одну изъ боковыхъ галлерей, Андрей Ивановичъ вдругъ остановился, пораженный неожиданностью: ему показалось тамъ, вдали, между колоннами какое-то слабое мерцаніе, какъ будто что-то свѣтилось голубымъ фосфорическимъ свѣтомъ, или скорѣе — точно слабый днев-

пой лучъ пробивался откуда-то въ глубину подземной залы. Первымъ движеніемъ Андрея Ивановича было идти по направленію къ этому свѣту, но боязнъ заплутаться въ этомъ лѣсу колоннъ, совершенно похожихъ одна на другую, заставила его призадуматься.

Послѣ непродолжительнаго размышленія, онъ взялъ двѣ вѣтки эвкалиптуса, одну изъ нихъ зажегъ и воткнулъ въ трещину пола, другую положилъ около нея, чтобы потомъ по этой вѣткѣ можно было опредѣлить направленіе, въ которомъ находилась лѣстница. Обезпечивъ себя такимъ образомъ, Андрей Ивановичъ отправился къ заинтересовавшему его свѣтящемуся предмету. Но пройдя нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что свѣтъ становится все слабѣе. И дѣйствительно, чѣмъ болѣе приближался Андрей Ивановичъ къ этому странному свѣту, тѣмъ слабѣе онъ становился и наконецъ исчезъ, точно разсѣялся въ окружающей темнотѣ.

Андрей Ивановичъ продолжалъ идти впередъ. Въ полумракѣ передъ нимъ смутно обрисовались широкія ступени и обширная платформа, прилегающая къ стѣнѣ; на этой платформѣ или эстрадѣ тѣсно стояли какіе-то громадныя цилиндры, какія то гигантскія катушки, на которыхъ правильными рядами были намотаны какъ будто проволочныя веревки; за ними, въ глубинѣ эстрады, виднѣлся огромный валъ съ саженнымъ маховымъ колесомъ. Что-то до крайности знакомое сказывалось въ очертаніяхъ этой машины, но изумленный Андрей Ивановичъ боялся вѣрить собственнымъ глазамъ.

«Неужели это динамо-электрическая машина?» — думалъ онъ, проходя вдоль платформы, и ему казалось, что онъ видитъ какой-то волшебный сонъ. На другой сторонѣ длиннаго вала находилось такое же гигантское колесо. Андрей Ивановичъ поднялся на платформу и освѣтилъ колесо. Вертящаяся на оси рукоятъ, предназначенная для приведенія въ движеніе колеса, была сдѣлана изъ какого-то неизвѣст-

наго матеріала—не то изъ рога, не то изъ кости,—и по своему виду походила на тѣ шары, которые Андрей Ивановичъ видѣлъ на потолкѣ подземнаго корридора. Нужно было узнать, что это за машина. Андрей Ивановичъ воткнулъ свой факелъ въ трещину пола и взялся за ручку: тяжелое колесо слабо качнулось; онъ удвоилъ свои усилія, и колесо наконецъ пришло въ движеніе, увлекая за собою часть вала и еще какіе-то предметы, очертанія которыхъ терялись въ полумракѣ платформы.

Андрей Ивановичъ продолжалъ вертѣть колесо: ему хотѣлось непременно узнать, къ чему именно была предназначена эта машина. Между тѣмъ факелъ его начиналъ догорать. Нужно было зажечь новый. При этомъ Андрей Ивановичъ сообразилъ, что догораетъ и тотъ факелъ, который былъ имъ оставленъ въ галлерей, примыкающей къ лѣстницѣ. Поэтому слѣдовало и его замѣнить новымъ. Но выйдя изъ за колонны, около которой находилось колесо машины, Андрей Ивановичъ замѣтилъ, что какой-то слабый свѣтъ, подобный блѣднымъ лучамъ разсвѣта, падаетъ сверху на плиты пола и при этомъ косые тѣни колоннъ обозначаются рядомъ съ освѣщенными плитами пола. Андрей Ивановичъ поднялъ глаза къ сводамъ зала и съ изумленіемъ увидѣлъ, что свѣтъ лился оттуда: около каждой колонны на сводѣ мерцалъ голубовато-блѣднымъ свѣтомъ точно такой шаръ, какіе онъ видѣлъ въ корридорѣ и назначенія которыхъ не могъ отгадать. Ясно, что машина, помѣщающаяся на платформѣ, предназначалась для освѣщенія нижней части храма. Но представлялся вопросъ: распространялось-ли дѣйствіе этой машины на верхнюю часть храма? При томъ и нижняя, подземная его часть была освѣщена не вся, а только та ея сторона, которая находилась вправо отъ платформы. Тогда Андрей Ивановичъ вспомнилъ, что при движеніи колеса вертѣлся не весь валъ, а только часть его, ближайшая къ маховому колесу, но есть еще маховое колесо—на другомъ концѣ вала.

Бросивъ свой факелъ, который теперь уже становился не нуженъ, Андрей Ивановичъ снова взошелъ на платформу и принялся вертѣть маховое колесо на другомъ концѣ вала. Свѣтъ тотчасъ же сталъ замѣтно усиливаться. Теперь уже и лѣвая сторона громаднаго зала освѣтилась тѣмъ же голубоватымъ свѣтомъ. Андрей Ивановичъ уже могъ разсмотрѣть, что отъ громадныхъ вертикальныхъ цилиндровъ въ разныя стороны расходились проводники, принятые имъ сначала за веревки. Повсюду на сводѣ были проложены такіе же проводники и на нихъ въ разныхъ промежуткахъ, точно звѣзды, мерцали голубоватые матовые шары.

Свѣтъ все усиливался. Андрей Ивановичъ переходилъ отъ одного махового колеса къ другому, пока обѣ стороны зала не получили одинаковаго освѣщенія. Зала приняла опредѣленные размѣры; сквозь промежутки колоннъ видѣлись отдѣльныя стѣны; во многихъ мѣстахъ залы видны были лѣстницы, ведущія въ верхнее отдѣленіе храма. Эффектъ получился волшебный. Но Андрея Ивановича беспокоила возможность ошибиться лѣстницей и попасть снова въ какой нибудь безконечный ходъ. Кромѣ того, ему хотѣлось посмотрѣть, что дѣлается въ храмѣ: вѣдь не можетъ же быть, чтобы освѣщалось только одно нижнее помѣщеніе? Но если храмъ такъ же освѣщенъ и вверху, то зрѣлище должно получиться очаровательное. Желая поскорѣе убѣдиться, вѣрны ли его предположенія, Андрей Ивановичъ потѣропился отыскать свой догоравшій факелъ и валявшуюся около него вѣтку эквалиптуса и быстро поднялся по лѣстницѣ въ верхнее помѣщеніе храма.

XXX.

Sancta sanctorum.

Сомнѣніе въ томъ, освѣщенъ ли храмъ, развеялись тогда же, когда, поднимаясь по лѣстницѣ, Андрей Ивановичъ взглянулъ на четырехугольное отверстіе, посред-

ствомъ котораго онъ проникнулъ въ подземелье храма. Потоки свѣта лились изъ этого отверстія и ярко освѣщали лѣстницу. Поднявшись въ храмъ, онъ былъ пораженъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое открылось передъ его глазами. Весь храмъ горѣлъ въ огняхъ; все дальнѣе углы и ниши—все было освѣщено, какъ въ самый яркій солнечный день. Потоки свѣта лились со сводовъ храма такъ освѣтительно, что не было возможности разсмотрѣть приспособленія, какія были устроены тамъ для произведенія такого сильнѣйшаго свѣта. Ряды изящныхъ колоннъ, украшенныхъ художественными орнаментами, статуи, барельефы на стѣнахъ и подножіяхъ статуй—все, казалось, получило новую жизнь. Лица отжившихъ правителей, жрецовъ и воиновъ глядѣли какъ живые. Всматриваясь въ нихъ, Андрей Ивановичъ, казалось, читалъ то удивленіе и укоръ, что ихъ священный сонъ нарушенъ какимъ-то безвѣстнымъ пришельцемъ чуждаго племени и рода, то, казалось, они хотѣли рассказать свою чудесную повѣсть и уже каменные уста ихъ готовы были раскрыться, чтобы наполнить воздухъ давно забытыми звуками невѣдомой рѣчи.

Какъ очарованный переходилъ Андрей Ивановичъ отъ статуи къ статуѣ, отъ картины къ картинѣ, открывая все новыя черты, новыя подробности, ускользавшія отъ него во время прежнихъ осмотровъ. Теперь онъ могъ уже уловить общій смыслъ цѣлаго, терявшійся прежде при отдѣльномъ изученіи подробностей: онъ могъ теперь отойти на нѣсколько шаговъ, чтобы окинуть однимъ взглядомъ сложный сюжетъ барельефа, что прежде, при тускломъ освѣщеніи факела, было невозможно.

Храмъ горѣлъ яркими огнями; потоки свѣта лились со свода, словно яркіе лучи солнца пронизали скалу, какъ хрустальную кровлю сказочнаго дворца. Андрей Ивановичъ все шелъ и шелъ впередъ, сворачивая въ боковыя залы и не сводя очарованныхъ взоровъ съ открывающихся картинъ. Онъ совершенно забылъ о возможности заплутаться... Да

притомъ—запутаться при яркомъ свѣтѣ дня! Это было бы слишкомъ забавно... Вдругъ, проходя мимо одной колонны, онъ случайно замѣтилъ въ небольшомъ медальонѣ пьедестала руку съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ. Андрей Ивановичъ воротился къ колоннѣ, мимо которой прошелъ нѣсколько мгновений раньше этого открытія: тамъ тоже находился этотъ медальонъ съ рукой, указывающей направление; Андрей Ивановичъ перешелъ на другую сторону зала—и тамъ на пьедесталахъ колоннъ находились такія же руки съ вытянутыми указательными пальцами.

Какая тайна еще скрывается тамъ, куда указываютъ эти руки? Быть можетъ, тамъ находится святая святыхъ, алтарь, гдѣ хранится святыня храма, то таинственное зерно, которому онъ служить такою роскошною оболочкой?

Андрей Ивановичъ пошелъ вдоль колоннъ, слѣдуя указываемому направленію. Скоро на пути ему встрѣтилась одна изъ тѣхъ широкихъ арокъ, которыя обозначали входъ въ боковыя отдѣленія храма, находившіяся подъ прямымъ угломъ по обѣ стороны средняго зала. Представлялся вопросъ, куда идти: впередъ, направо, налево? Андрей Ивановичъ перешелъ на другую сторону арки, но на медальонѣ колонны рука была обращена уже къ нему навстрѣчу. Онъ осмотрѣлъ другія стороны пьедестала этой колонны, но на нихъ не было никакихъ медальоновъ. Тогда онъ перешелъ на другую сторону зала къ аркѣ, служившей входомъ въ противоположное отдѣленіе храма, и здѣсь на пьедесталахъ обѣихъ колоннъ, поддерживавшихъ узорчатый сводъ арки, снова нашелъ тѣ же руки, но теперь онѣ указывали уже въ глубину отдѣленія. Андрей Ивановичъ пошелъ по указываемому направленію. Онъ подвигался быстрыми шагами, механически считая колонны. Пройдя такимъ образомъ двадцать одну колонну, онъ увидѣлъ наконецъ въ глубинѣ полукруглой ниши, роскошно украшенной рѣзными колоннами и арками, небольшую металлическую дверь чеканной работы съ эмалью. Изображеніе, находившееся на этой

двери, было уже хорошо знакомо Андрею Ивановичу: онъ видѣлъ его въ первый разъ на правомъ барельефѣ въ портикѣ лѣснаго храма и здѣсь оно повторялось буквально. Точно такъ же на золотомъ високомъ креслѣ, въ видѣ трона, сидѣла молодая красавица, въ такой же безжизненной позѣ, съ запрокинутой головой, закрытыми глазами и безсильно опущенными руками; такъ же жрецъ, со своимъ сломаннымъ жезломъ, въ нѣмомъ отчаяніи стоялъ предъ нею на колѣняхъ, а вокругъ этихъ двухъ главныхъ фигуръ виднѣлась толпа плачущихъ женщинъ. Разница была только въ томъ, что разноцвѣтная эмаль съ золотомъ, употребленная для этой работы, придавала ей видъ изящной картины, писанной масляными красками.

Но при этомъ бросалась въ глаза особенно одна подробность: всѣ фигуры на этой картинѣ, кромѣ одного жреца, были представлены съ золотистыми волосами; толстые, золотыя косы сидящей дѣвушки, разсыпавшіеся по ея плечамъ, свѣшивались до самаго пола; цвѣтъ ея закрытыхъ глазъ, конечно, нельзя было опредѣлить, но у всѣхъ остальныхъ женщинъ были голубые глаза... *Bionda chioma, occhi azzurro, e' nero ciglio*, какъ видно, исконны вѣковъ были идеаломъ женской красоты. Данте, Петрарка, Бокаччіо, Полиціанъ, Аріостъ, Тассъ и всѣ поэты древняго и новаго времени воспѣвали единогласно бѣлокурые волосы, голубые глаза и черныя брови своихъ красавицъ...

Прежде всего было очевидно, что это было бѣлокурое племя, не имѣвшее въ себѣ ничего семитическаго или восточнаго. Правда, у жреца борода и пряди волосъ, выбивавшіяся изъ-подъ остролистнаго вѣнка на вискахъ и затылкѣ, были темны и курчавы, но онъ былъ одинъ слишкомъ на двадцать бѣлокурыхъ фигуръ.

Что же скрывается тамъ, за дверью?

Въ рамкѣ двери, богато украшенной чеканными узорами, Андрей Ивановичъ скоро отыскалъ небольшую скѣбу. Повертывая ее въ разныя стороны и нажимая то туда, то

сюда, Андрей Ивановичъ наконецъ попалъ на «секретъ»: пружина шелкнула, прозвонѣла, и дверь тихо отворилась.

Проникнутый священнымъ трепетомъ, Андрей Ивановичъ вошелъ въ открытую дверь и остановился въ безмолвномъ изумленіи и восторгѣ: передъ нимъ, среди обширной, круглой залы, на золотомъ креслѣ, вродѣ трона, сидѣла та самая дѣйственная красавица, богиня или царица острова, изображеніе которой онъ видѣлъ въ первый разъ въ лѣсномъ храмѣ и которое преслѣдовало его здѣсь почти на каждомъ шагу, на каждой картинѣ, на каждомъ барельефѣ... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого возвышеннаго трона стояло что-то вродѣ гробницы, и на ней находилось изваяніе, знакомое уже Андрею Ивановичу: это была статуя колѣнопреклоненнаго жреца съ изломаннымъ жезломъ у ногъ... Но Андрей Ивановичъ только мелькомъ взглянулъ на эту гробницу и затѣмъ сосредоточилъ все свое вниманіе на прелестной фигурѣ царственной дѣвы.

Она сидѣла въ той самой позѣ, какъ Андрей Ивановичъ не разъ уже видѣлъ ее на картинахъ; золотистыя волны ея бѣлокурыхъ волосъ, сдерживаемыя на блѣдномъ матовомъ лбу сверкающимъ золотымъ обручемъ, блестящимъ каскадомъ разсыпались съ ея слегка закинутой головы по спинѣ и плечамъ и спускались почти до самаго подножія кресла; тонкія, прелестно очерченныя брови и длинныя, темныя рѣсницы ея закрытыхъ глазъ еще сильнѣе отбѣняли блѣдность ея лица, дышавшаго, несмотря на эту блѣдность, чудною, божественною красотою; ея блѣдныя руки съ изящными тонкими пальцами безжизненно опускались по сторонамъ ея туловища и, казалось, тонули въ пышныхъ складкахъ ея лазурно-золотистой одежды. Казалось, она спала, но этотъ сонъ былъ такъ глубокъ, что переходилъ въ тотъ таинственный, неразгаданный сонъ, который зовутъ сномъ смерти...

Какъ очарованный, стоялъ Андрей Ивановичъ передъ этимъ чуднымъ видѣніемъ, едва переводя дыханіе отъ охватившаго его благоговѣйнаго восторга; сердце его трепетало,

какъ птица, запертая въ клѣтку, и, казалось, замирало въ какой-то болѣзненно-сладкой истомѣ; мысли вихремъ кружились въ его головѣ и онъ не могъ собрать ихъ, не могъ сосредоточить ихъ на одномъ предметѣ. Трепеща всѣмъ тѣломъ, продолжалъ онъ стоять, не сводя широко-раскрытыхъ глазъ съ волшебнаго, очаровательнаго видѣнія, открывшагося передъ нимъ такъ неожиданно, и не могъ дать себѣ отчета, кого онъ видитъ передъ собою: сама-ли это таинственная богиня острова или это — только ея высокохудожественное изображеніе?..

Но не можетъ быть, чтобы искусство дошло до такой степени совершенства: не можетъ быть, чтобы оно было въ состояніи поддѣлать самую природу! Пусть этотъ золотой обручъ, нѣсколько расширяющійся на лбу и украшенный въ этомъ мѣстѣ большимъ кроваво-краснымъ рубиномъ, около котораго, какъ около цвѣтка, раскинулись зеленые листья изъ яркихъ изумрудовъ, осыпанные, точно росой, сверкающими искрами алмазовъ, — пусть лазурно-золотыя одежды, на которыхъ можно различить каждую нить ихъ ткани, каждый цвѣтокъ вытканнаго на нихъ узора — пусть все это дѣло терпѣливыхъ рукъ геніальнаго художника; но эта рука съ изящными тонкими пальцами и красивыми полупрозрачными ногтями, рука, на которой видны микроскопическія поры ея гладкой, атласной кожи, — неужели это такое же произведеніе искусства, какъ кольца на ея пальцахъ, какъ золотой браслетъ, обхватывающій ея руку въ видѣ змѣйки, кусающей свой хвостъ, осыпанный тѣми же рубинами, изумрудами и алмазами, — такое же произведеніе искусства, какъ ея головная діадема, и крошечная сережка изъ тонкой золотой проволоки, поддерживающая крупный алмазъ, какъ-будто только затѣмъ, чтобы лучше отбѣнить маленькое прелестное ушко спящей красавицы?

Но, быть можетъ, въ древности былъ извѣстенъ такой камень или такой сплавъ, который могъ передавать малѣйшія подробности ткани человѣческой кожи и ея блѣдный ма-

товый цвѣтъ до такой степени натурально, что искусство не только было въ состояніи соперничать, но даже — побѣждать природу? Пусть такъ. Но эти тонкіе волоски бровей, эти пушистыя рѣсницы, такъ рѣзко оттѣняющія матовую бѣлизну щекъ, наконецъ эти роскошныя, золотистыя волны волосъ, эти шелковистыя пряди, въ которыхъ виденъ каждый отдѣльный волосъ, — развѣ это можетъ быть дѣломъ искусства? Нѣтъ, это невозможно!

Андрей Ивановичъ чувствовалъ, что въ головѣ его все какъ-будто спуталось. Самыя чудовищныя грезы сплетались съ чудесною дѣйствительностью. Ему начинало уже казаться, что какая-то волшебная сила перенесла его въ тотъ фантастическій міръ, въ которомъ спящая красавица-принцесса цѣлые вѣка ждетъ въ своемъ очарованномъ замкѣ того предопредѣленнаго дня, когда явится къ ней сказочный принцъ и своимъ поцѣлуемъ сниметъ съ нея чары разгнѣванной волшебницы. Очарованная принцесса передъ нимъ на лицо... Не онъ-ли тотъ принцъ, которому предназначено нарушить ея очаровательный сонъ?

Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ трепеталъ каждый нервъ, какъ мысли проносились въ его мозгу въ какомъ-то бѣшенномъ вихрѣ. Въ каждую секунду, казалось, онъ переживалъ столько разнообразныхъ ощущеній, что голова его кружилась, точно въ чадѣ угара или похмелья. И въ то же время какая-то сила неудержимо влекла его ближе къ трону, туда, гдѣ спала или, можетъ быть, чутко дремала его очарованная принцесса... Быть можетъ, когда его горячій поцѣлуй коснется ея блѣднаго чела, трепетъ юной жизни мгновенно пробѣжитъ по ея тѣлу, зальетъ яркимъ румянцемъ ея блѣдныя щеки, легкій вздохъ вырвется изъ ея дѣвственной груди, — она пробудится отъ своего очарованнаго сна, откроетъ свои прекрасные синіе глаза и скажетъ: «какъ я долго ждала тебя, мой милый принцъ!...»

Не въ силахъ противиться непонятному влеченію, точно подталкиваемый какою-то таинственной силой, Андрей Ива-

новичъ поднялся по ступенямъ трона, близко взглянулъ въ чудное лицо спящей дѣвушки и прижалъ свои пылающія уста къ ея блѣдной щекѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на нее падала тѣнь длинной опущенной рѣсницы... Въ это самое мгновеніе какъ-будто молнія блеснула въ храмѣ, чтобы поразить дерзкаго, осмѣливавшагося святотатственно коснуться святыни храма: откинутый страшной, невѣдомой силой на нѣсколько шаговъ отъ трона, Андрей Ивановичъ ударился о гробницу, на которой стояла статуя колѣно-преклоненнаго жреца и, теряя сознаніе, еще слышалъ, какъ что-то съ трескомъ упало и запрыгало въ обломкахъ по плитамъ пола, и грохотъ этого паденія, повторяемый эхомъ, какъ громъ прокатился по отдаленнымъ заламъ храма...

Когда Андрей Ивановичъ пришелъ, наконецъ, въ себя, онъ увидѣлъ, что лежитъ навзничъ на холодномъ полу храма, среди обломковъ статуи жреца, у подножія гробницы, на которой она стояла. Опершись рукою въ полъ, чтобы подняться на ноги, онъ вдругъ почувствовалъ, что рука его попала на что-то мокрое и клейкое. Онъ съ отвращеніемъ отдернулъ руку и посмотрѣлъ на ладонь: ладонь его была вся въ крови; онъ взглянулъ на полъ; у ногъ его, на полу, чернѣла лужа крови; правый рукавъ и спина его сюртука были также пропитаны кровью. Ощупывая себя, Андрей Ивановичъ нашелъ на головѣ широкую рану съ припухшими краями. Кровь еще сочилась изъ этой раны, скатываясь по волосамъ на воротникъ его платья. «Какъ ты жестока!» прошепталъ онъ безсознательно, взглянувъ на сіяющую фигуру спящей богини.

Спустя нѣсколько времени онъ медленно приподнялся на ноги, но тотчасъ же принужденъ былъ ухватиться руками за гробницу, чтобы не упасть. Ноги его дрожали такъ сильно, что онъ едва стоялъ на нихъ. Онъ чувствовалъ, что весь разбитъ, что такъ слабъ, что едва-ли будетъ въ силахъ добраться до своей постели. Прислонившись къ гробницѣ, онъ осмотрѣлся мутнымъ взглядомъ.

Храмъ сіялъ такъ же ярко, какъ прежде; рѣзныя украшенія стѣнъ и потолка, мѣстами покрытыя позолотой, мѣстами расписанныя сверкающими красками, какъ-будто выступали впередъ. «Она» спала все тѣмъ же сномъ, на своемъ раззолоченномъ тронѣ по срединѣ зала, окруженная сіяніемъ своихъ золотистыхъ волосъ... Только статуя жреца уже не стояла передъ нею на колѣняхъ: поверженная во прахъ, лежала она въ осколкахъ около своей полуоткрытой гробницы, съ которой, вмѣстѣ съ статуей, сдвинулась и ея металлическая крышка. Андрей Ивановичъ разсѣянно взглянулъ во внутренность гробницы и увидѣлъ въ ней что-то вродѣ муміи, завернутой въ темную ткань. На груди этой муміи лежали высокою грудой, слегка разсыпавшейся при сотрясеніи гробницы, бѣлыя тонкія металлическія пластинки, всѣ одного формата, въ видѣ листовъ большой не переплетенной книги. Андрей Ивановичъ поднялъ верхнюю пластинку и, пораженный ея странною легкостью, поднесъ ее къ глазамъ: на ней параллельно верхнему узкому краю красивыми строчками были нарѣзаны какіе-то узоры, заполненные черною краской, отчего издали получался эффектъ настоящей рукописи, написанной обыкновенными чернилами... Но, можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ это была рукопись? Андрей Ивановичъ взялъ другую табличку, также подивился ея чрезвычайной легкости и сталъ разсматривать: тѣже самые узоры такими же красивыми узорами повторились и на этой табличкѣ. Андрею Ивановичу даже показалось, что онъ различаетъ въ этихъ строчкахъ одинаковыя, постоянно повторяющіяся очертанія — очевидно отдѣльныя буквы. Онъ перебралъ еще нѣсколько таблицъ—всѣ онѣ были покрыты точно такими же строчками... Сомнѣнія больше не было: это дѣйствительно была рукопись!

Итакъ, въ его рукахъ находится разгадка таинственнаго острова съ его чудесными храмами, статуями, барельефами, съ его таинственной башней, культу которой, очевидно, были посвящены, если не всѣ, то многіе изъ этихъ хра-

мовъ! Быть можетъ, въ этихъ листкахъ заключается исторія той невѣдомой давно уже исчезнувшей съ лица земли расы, которая нѣкогда жила на этомъ островѣ и останки которой уже цѣлыя тысячелѣтія погребены подъ волнами пустынного Тихаго океана, никому не выдающаго своихъ тайнъ: быть можетъ, здѣсь сохранена память обо всѣхъ этихъ царяхъ, герояхъ, законодателяхъ, мудрецахъ, поэтахъ, статуи которыхъ еще населяютъ этотъ пантеонъ ихъ прошедшей славы!

Но кто прочтетъ эти письма? Они не были похожи ни на одинъ изъ извѣстныхъ алфавитовъ, по крайней мѣрѣ Андрей Ивановичъ никогда не встрѣчалъ ничего подобнаго. Впрочемъ, мало-ли на свѣтѣ писменъ, которыхъ не случилось ему видѣть! Найдутся ученые, которые съумѣютъ ихъ прочитать... Андрей Ивановичъ припомнилъ примѣры Шампольона младшаго, Гротефенда, наконецъ Раулинсона, этого Шампольона Вавилоніи и Ассиріи, и рѣшилъ, что ему немедленно нужно воротиться въ Европу.

Андрей Ивановичъ бережно собралъ таблички въ томъ порядкѣ, какъ онѣ лежали, и пересчиталъ ихъ: ихъ оказалось триста восемнадцать таблицъ. Но онѣ были такъ легки, что всѣ вмѣстѣ вѣсили не болѣе иного ученаго фоліанта. «Что это за металлъ? Неужели алюминій?» думалъ Андрей Ивановичъ, пересматривая таблицы.—Но на какой же высокой степени цивилизаціи находилась эта вымершая раса, если наши ученые химики еще и теперь не могутъ сдѣлать алюминій для всѣхъ доступнымъ металломъ!

Еще нѣсколько времени оставался онъ у гробницы, раздумывая на счетъ сдѣланнаго имъ открытія. Затѣмъ, замѣтивъ, что освѣщеніе храма начало нѣсколько тускнѣть, онъ полюбовался въ послѣдній разъ на прелестный образъ таинственной богини и медленно, придерживаясь за попадавшіеся на пути колонны, поплелся къ своей одинокой постели, унося съ собою драгоцѣнныя таблицы, взятые изъ гробницы жреца, вѣроятно особенно близкаго къ богинѣ храма.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Подъ Костромскимъ небомъ.

Яркое весеннее солнышко, поднявшись надъ вершинами дальнихъ сосенъ, прямо ударило въ окно уютной спальни Грачевскаго дома. Пробравшись сквозь оконныя занавѣски и кисейный пологъ кровати, веселый лучъ упалъ на лицо заспавшейся противъ обыкновенія Арины Семеновны и шаловливо защекоталъ у нея въ носу. Старушка сморщилась, чихнула и открыла глаза.

Бѣлый день стоялъ уже на дворѣ. Со стороны кухни давно уже слышалось кряканье утокъ и кудахтанье куръ, прерываемое порою звонкимъ голосомъ Анисьи, которая, безпрестанно мѣняя интонацію, выкрикивала, безъ всякаго перехода, то ласковое «цыпъ-цыпъ», то грозное «кши!» Случись это въ другое время, Арина Семеновна не преминула бы побранить себя за такой долгій сонъ; но сегодня ей было совѣтъ не до того: Аринъ Семеновиъ приснился знаменательный сонъ, и старушка, прежде чѣмъ одѣться, съ полчаса просидѣла въ постели, раздумывая, чтобы онъ могъ значить.

Занятая этимъ сномъ, и одѣвалась она, противъ обыкновенія, настолько медленно, что когда, наконецъ, собралась отправиться на кухню, къ Анисѣ за совѣтомъ, пернатое царство было уже водворено на птичьемъ дворѣ, а сама Анисья во второй разъ разжигала самоваръ, недо-

умѣвая, что сдѣлалось съ ея барыней, просыпающейся обыкновенно чуть не съ пѣтухами.

— Здравствуй, Анисья!—заговорила Арина Семеновна, торопливо входя въ просторную, чистую кухню, въ которой покойный Иванъ Спиридонычъ по буднямъ любилъ иногда обѣдать.—Гляди-ко, какъ я сегодня заспалась! Съ ума сошла!

— Я ужъ и то думаю,—отозвалась Анисья, складывая руки на передникъ,—что это, молъ, барыня-то...

— Вотъ поди-же ты! Никогда этого со мной не бывало...

— Ну, какъ-такъ не бывало! При покойникѣ-то Иванѣ Спиридонычѣ частенько до полуденъ просыпали.

— Ахъ, грѣховодница! Нашла, что вспомнить... Чай, я въ ту пору была молоденькая... А ты вотъ что скажи: къ чему кровь во снѣ видѣть?

— Извѣстно къ чему, къ роднѣ. Али сонъ видѣли?

— Видѣла я, видѣла сонъ, Анисья, и такой сонъ, что никакъ его разобрать не могу. Ты, вотъ, на это мастерица.

— Какой же это сонъ?

— А вотъ, видишь, приснилось мнѣ, будто у меня изо рта кровь идетъ...

— Зубъ что-ли выпалъ?—съ тревогой спросила Анисья.

— Нѣтъ, не зубъ, а такъ-будто, кровь.

— Ну, слава Богу, коли такъ.

— А что, развѣ не хорошо зубъ-то видѣть?

— Не хорошо, матушка-барыня. Коли зубъ выпалъ да съ кровью, значить, изъ родныхъ кто-нибудь умретъ.

— Помилуй Господи! Нѣтъ, такъ будто кровь идетъ,—а Илья увидалъ это, да полотенце мнѣ въ руки-то суетъ: на-те, говоритъ, барыня, утритесь.

— Полотенце?—переспросила вдумчиво Анисья.

— Да, полотенце... такое чистое да тонкое, да длинное-длинное такое... А концы—не то изъ кружевъ, не то разноцвѣтнымъ узоромъ вышиты; вотъ, ужъ не припомню

теперь. И чтобы это значило? Думаю, думаю—придумать не могу!

— Да и думать-то нечего, барыня: смотри,—Андрей Иваныч скоро вернутся.

— Андрюша? Дай-то Бог!

— Это ужь какъ Богъ святъ. Полотенце-то означаетъ, что онъ ужь на пути.

— Что ты? А Илья-то тутъ причеъ? Въдь онъ мнѣ полотенце-то подавалъ.

— А Илью Захарыча вы, можетъ, на станцію пошлете,—ну, значить, онъ вамъ ихъ и привезетъ:—вотъ вамъ и полотенце.

— И то правда. А гдѣ Илья?

— Надо быть, на мельницу поѣхалъ... Ай, батюшки! Гляди-ка, самоваръ-то ушелъ! Заболтадась я, грѣшница, не доглядѣла...

— Ну, не бѣда. Неси въ столовую. Да если Илья воротится, сейчасъ же ко мнѣ пошли.

Но Илья Захаровичъ легокъ на поминѣ. Не успѣла Арина Семеновна приняться за вторую чашку чаю, какъ онъ уже вошелъ въ столовую, приглаживая свою вспотѣвшую лысину.

— А! Воротился ужь? Ну, здравствуй, Илья! — привѣтствовала его Арина Семеновна.—Или тепло стало?

— Тепло Богъ посылаетъ, сударыня... Только ужь и дороги—ни проѣзду, ни проходу!

— Благо?

— Ужь такъ-то благо, что не приведи Господи! До мельницы рукой подать, а лошадь совсѣмъ почти изъ силъ выбилась.

— Вотъ что! Какъ же быть, Илья? Въдь я хотѣла тебя въ лѣсъ послать.

— Какъ будетъ угодно, сударыня...

— Нѣтъ, ужь ты, Илья, поѣзжай.

— Да я не къ тому... Мнѣ что же? Только, вотъ, лошадь...

— Что же такое лошадь? Ну, Богъ милостивъ. Надо же справиться, не воротился-ли Андрюша.

— Такъ это вы пасчете Андрея Ивановича? Ну, это дѣло иное. Или ожидаете?

— Да ужъ пора бы ему, зима кончилась... да и сонъ я такой видѣла...

— Что же, коли прикажете, я хоть сейчасъ.

— Да, ужъ поѣзжай, голубчикъ.

— Только, вѣдь, вотъ какое дѣло, матушка Арина Семеновна, какъ ѣхать-то? Вѣдь ни на санихъ, ни на телѣгѣ не проѣдешь.

— Поѣзжай верхомъ.

— И то развѣ такъ. А Андрей-то Иваничъ какъ же?

— А для Андрюши другую лошадь возьми въ поводу.

— Слушаю, матушка Арина Семеновна. Такъ и сдѣлаю: самъ на Кауромъ поѣду, а Ваську для барина осѣдлаю.

— Ну, вотъ и хорошо.

— Такъ я уже поѣду.

— Поѣзжай съ Богомъ, голубчикъ! Счастливо!

Черезъ полчаса, стоя у окна залы, Арина Семеновна видѣла, какъ Илья Захарычъ, верхомъ на Кауромъ, выѣзжалъ изъ воротъ, ведя въ поводу осѣдланнаго Ваську. За нимъ съ громкимъ, веселымъ лаемъ слѣдовалъ неутомимый Брутка, котораго года могли-бы уже избавить отъ подобной экспедиціи.

Въ воздухѣ сильно пахло весной. На косогорѣ, противъ Грачевской усадьбы, уже нѣсколько дней какъ показались проталины, а мельникъ Оерапонтъ даже божился, что ужъ и жаворонки прилетѣли. Рыхлый, позреватый снѣгъ точно курился подъ лучами яркаго солнышка; только утреннички его еще нѣсколько поддерживали. Дальній лѣсъ, окутанный туманомъ испареній, ярко синѣлъ за потемнѣвшимъ прудомъ, точно кобальтовая даль на картинѣ Айвазовскаго. Грачевка вздулась, почернѣла, покрылась полыньями и «поледью», и Грачевскіе мужики уже бойко постукивали

топорами, разбирая мостъ передъ самой усадьбой: теперь ужъ на «ту» сторону можно было пробраться только по длинной, извилистой плотинѣ Грачевской мельницы.

Впрочемъ, отсутствіе моста въ настоящее время не имѣло особенныхъ неудобствъ, такъ какъ дорога была настолько дурна, что никто изъ грачевцевъ не рискнулъ бы поѣхать даже въ сосѣднюю Боровиковку изъ боязни загнать лошадей. Трехфутовый рыхлый пластъ снѣга, составлявшій полотно дороги, на каждомъ шагу прерывался глубокими, наполненными грязной водой ямами, доходившими до самаго грунта. Мѣстами, въ ложбинахъ, эти зазоры были такъ опасны, что въ нихъ легко было утопить и лошадей и экипажъ. Тамъ, гдѣ обыватели пытались домашними средствами исправить дорогу, перепутанный и поломанный фашинникъ представлялъ что-то вродѣ обширной сѣти капкановъ, какъ-будто съ умысломъ разставленныхъ затѣмъ, чтобы ломать ноги лошадямъ.

По такой дорогѣ Ильѣ Захаровичу пришлось тащиться до лѣсу болѣе десяти верстъ, совершая на каждомъ шагу чудеса эквилибристики, чтобы не поскользнуться самому и не утопить лошадей. Несчастный Брутъ, сначала осторожно выбиравшій дорогу, вымокнулъ съ ногъ до головы, уже не обходилъ встрѣчныхъ лужъ, а прямо пускался вплавь и потомъ бѣжалъ нѣсколько времени, фыркая и отряхиваясь — до новой лужи. Но старый песъ стойчески переносилъ всѣ дорожныя непріятности и порой даже опережалъ своихъ измученныхъ товарищей, Каураго и Ваську; его поддерживала надежда скорѣе увидѣть своего любимаго господина, такъ какъ цѣль экспедиціи, очевидно, не была для него тайной.

Солнце уже давно перешло за полдень, когда Илья Захаровичъ добрался до того мѣста лѣсной опушки, откуда былъ ближайшій путь къ лѣсному дому, въ которомъ Андрей Ивановичъ устроилъ пристань для своего Гиппогрифа. Начиная съ этого пункта, путешествіе приняло

другой характеръ. Благодаря весеннему солнцу и утреннимъ морозцамъ, въ лѣсу образовался такой отличный настъ, что Илья Захарычъ, забывши про своихъ лошадей, пожалѣлъ—было, что не захватилъ съ собою лыжи. Но на опушкѣ этотъ настъ былъ настолько хрупокъ, что старику приходилось прокладывать дорогу почти по поясъ въ снѣгу, таща за собою упиравшихся лошадей.

Въ лѣсу настъ былъ тверже, но дѣло отъ этого ничего не выиграло: лошади все равно проваливались. Захарычъ до того измучился съ ними, что нѣсколько разъ ложился прямо на снѣгъ, чтобы отдохнуть хоть скольконибудь. Но несмотря на всѣ эти мученія, ему ни разу не пришло на умъ роптать противъ Арины Семеновны, пославшей его въ такую трудную экспедицію, быть можетъ, совершенно напрасно, ради одного только пустого сна. Илья Захаровичъ слишкомъ любилъ своего молодого барина, чтобы роптать изъ-за такихъ пустяковъ. Онъ съ радостью согласился-бы принести для него и не такую жертву.

Между тѣмъ солнце закатилось. Въ лѣсу быстро начало темнѣть. Но Захарычъ такъ хорошо зналъ дорогу, что не боялся заблудиться. Легкій морозецъ сталъ слегка пощипывать ему щеки и уши и сковалъ намокшее платье. Озябшій Брутъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и порою слегка повизгивалъ. Вдругъ онъ весело залаялъ и вскачь пустился въ глубину лѣса. Изумленный Захарычъ нѣсколько мгновений смотрѣлъ ему вслѣдъ и радостная улыбка оживила его измученное лицо: вдали, между деревьями, мерцалъ огонекъ... Онъ истово перекрестился и промолвилъ: «ну, слава Богу, хоть недаромъ! Баринъ воротился...»

Черезъ полчаса онъ уже входилъ во дворъ лѣсного домика. На крыльцѣ съ зажженной лампой стоялъ Андрей Ивановичъ и около него съ визгомъ и лаемъ неуклюже прыгалъ сошедшій съ ума отъ радости Брутъ.

— Это ты, Илья Захарычъ?—окликнулъ Грачевъ.—Здорова-ли матушка? Какъ это тебя Богъ занесъ?

— Я, я, сударь! Кому же еще? Матушка, слава Богу, здоровы. Съ благополучнымъ возвращеніемъ, сударь!

Андрей Ивановичъ обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ старика.

— Да ты весь мокрый! Иди скорѣе въ комнату, у меня тамъ печь топится. Какъ это ты сюда попалъ? Да ты и лошадей привелъ! Кто же вамъ далъ знать, что я воротился?

— Сейчасъ, сейчасъ, сударь, только лошадей поставлю.

Захарычъ отвелъ лошадей въ конюшню, старательно вытеръ ихъ сѣномъ, покрылъ рогожей и тогда уже вошелъ въ комнату, неся съ собою пещеръ, набитый провизіей.

— А попалъ я сюда, сударь.— началъ онъ, развязывая пещеръ и вынимая оттуда домашнія булки, свѣжія яйца, бутылки сливокъ, мясо,—попалъ я сюда не самъ собою: матушка ваша, Арина Семеновна, меня послали.

— Да какъ же матушка могла узнать, что я воротился?

— А вотъ видите, сударь, что материнское-то сердце значить,—чуветь оно... Воистинну, сердце сердцу вѣсть подаетъ. Сонъ она, сударь, видѣла.

— Сонъ? Вотъ чудеса!

— Да, сударь. А говорятъ еще, что нынѣ чудесъ не бываетъ... Только вотъ что, батюшка Андрей Ивановичъ, какъ мы съ вами до Грачевки-то доберемся?

— А вѣдь ты же добрался сюда, Илья Захарычъ?

— Такъ вѣдь я какъ есть цѣлый день маялся...

— Какъ же ты, я думаю, усталъ, бѣдняга! Да брось ты это все,—я самъ и мясо обжарю и яйца сварю. Садись сюда, отдыхай и грѣйся.

— Да я вовсе не къ тому, сударь... Что вы? Помилуйте! Мнѣ что дѣлается!.. А вотъ вамъ-то цѣлый день маяться...

— Ну, это пустяки. Мы, вотъ, съ тобой поужинаемъ: ты спать ложись, а я тебя около полуночи разбужу. По

морозцу-то мы отлично доберемся. Ночи теперь свѣтлыя, лунныя, и морозъ отлично скуетъ,—вотъ увидишь.

— Развѣ что такъ. А все-таки трудненько будетъ... Какъ это вы, сударь, на шарѣ-то своемъ летаете? Чать, поди какъ маятно!

— Вотъ нашель—маятно! Да я тамъ сижу, какъ въ комнатѣ, на меня вѣтеркомъ не пахнетъ,—лежу себѣ на диванчикѣ съ книжкой да поглядываю по сторонамъ, точно въ панорамѣ... Да сиди же ты, Захарычъ! Что ты опять тормошишься? Вѣдь и безъ того усталъ. Развѣ я этого самъ не сдѣлаю? У себя, на островѣ, я все время самъ и пекъ, и варилъ.

— Какъ прикажете, сударь, только...

— Ну, вотъ, я тебѣ приказываю, чтобы ты сидѣлъ и отдыхалъ.

— Слушаю, сударь.

— Гдѣ же твоя носогрѣйка? А то на—вотъ тебѣ сигару—кури.

— Покорнѣйше благодарю. Это что же, сударь: я, значить, буду бариномъ, а вы мнѣ служить будете?

— Пора и мнѣ послужить. Ты ужъ довольно послужилъ на своемъ вѣку,—вонъ какого вынянчилъ...

— А не зазорно это будетъ, сударь?

— Чего тамъ зазорно! Ну, вотъ и все готово. Садись сюда къ столу и давай ужинать.

II.

Д о м а.

На этотъ разъ Аринѣ Семеновнѣ плохо спалось. Всю ночь она что-то грезилъ, но что именно, — Богъ вѣсть. Проснулась она до пѣтуховъ, тихонько одѣлась и вышла въ залу посмотрѣть, не видать-ли Захарыча. Съ вечера она приказала разбудить себя тотчасъ, какъ Захарычъ пріѣдетъ. Значить, не пріѣхалъ, коли не разбудили. И

чего онъ тамъ застрялъ? Ужъ не случилось-ли чего съ нимъ? Человѣкъ онъ не молодой, долго-ли до грѣха. Бродить старушка отъ окна къ окну, — нѣтъ, ничего не видать.

Начало свѣтать. Встала Арина Семеновна на молитву, а сама все въ окошко поглядываетъ. Вотъ покраснѣли лѣсныя верхушки, вотъ изъ-за синяго бора выглянуло красный пылающій глазъ и послалъ прямо въ окна залы цѣлый снопъ яркихъ, ослѣпительныхъ лучей. На кухнѣ зашевелилась Анисья. Изъ рабочей избы прошли бабы съ подоюниками на скотный дворъ. Конюхъ Якимъ вышелъ съ ведромъ къ колодцу, умылся прямо изъ подъ жолоба, ежась отъ студеной воды и утренняго холода, и повесилъ воду на конюшню. Пристально смотритъ Анисья Семеновна на дорогу и не разъ какая-нибудь шальная ворона издали казалась ей всадникомъ и заставляла попрежнему биться ее старое сердце.

Вотъ Анисья покормила птицъ и внесла въ столовую кипящій самоваръ. Заварила Арина Семеновна чай, а сама опять у окна... Что это какъ будто тамъ мельтешить? Опять не ворона ли? Анисья! Анисья, поди-ка сюда! Да или скорѣе! Чего ты тамъ копаешься? Посмотри-ка въ окно, не лучше ли у тебя глаза то будутъ, не посвѣжѣли... Гляди-ко: что это тамъ чернѣется? Видишь, вонъ, какъ будто движется даже... Видишь? Ворона, что-ли?

Анисья, вытирая руки фартукомъ, нѣсколько времени стойко, пристально глядѣла въ окно.

— Зачѣмъ ворона? — говорить, наконецъ, она: — это какъ будто кто-то ѣдетъ... Да какъ будто не одинъ... Не разберешь издали-то...

Наступаетъ молчаніе. Обѣ старушки напряженно смотрятъ въ окно, изрѣдко мѣняясь короткими замѣчаніями.

Въ комнату стремительно влетаетъ хорошенькая черноглазая Сонька, племянница Анисьи и любимица Арины Семеновны.

— Андрей Ивановичъ ѣдутъ! Андрей Ивановичъ ѣдутъ! — кричитъ она, хлопая въ ладоши и припрыгивая.

— Андрюша? Андрюша! Гдѣ онъ? гдѣ?—всполошилась Арина Семеновна.

— Да вонъ они,—говорить Сонька, указывая на черную точку, которая давно уже привлекала вниманіе обѣихъ женщинъ.

— Что ты врешь, оглашенная?—сердится Анисья:— Это то мы и безъ тебя видимъ. Гдѣ же баринъ?

— Да это баринъ и есть. Вонъ они впереди на Васькѣ ѣдутъ, а за ними на Кауромъ Захарычъ тащится,.. а вонъ передъ ними Брутка скачетъ!

— Да гдѣ ты все это видишь?—волнуется Арина Семеновна, тщетно стараясь разглядѣть черную движущуюся точку.— Уже не врешь-ли ты, дѣвка?

— Что это вы, барыня! Развѣ я стану врать, да еще въ этакое-то дѣлѣ? Какъ это вы не видите? Вонъ, баринъ ѣдутъ, а за сѣдломъ у нихъ что-то привязано— не то корзинка, не то чемоданъ.

— Ну, и глаза же у тебя, Сонька, — говоритъ одобрительно Анисья.— Вотъ, барыня, вчерашній-то сонъ въ руку...

Но Арина Семеновна ничего уже не слушаетъ, бѣгаетъ отъ окна къ окну, крестится и шепчетъ: Андрюшенька ѣдетъ. Андрюшенька! Слава тебѣ, Господи, дождалась, привелъ Господь...

Вотъ уже и она, своими старческими глазами, можетъ различить, что ѣдутъ два всадника, и въ переднемъ ея материнское сердце отгадываетъ ненагляднаго Андрюшеньку. Жаль только, что досадныя слезы, застилающія глаза, все мѣшаютъ разсмотрѣть въ подробности, каковъ то онъ сталъ за эту зиму, не похудѣлъ-ли, вѣдь чужая сторона— не родная матушка... Нѣсколько разъ старушка порывалась выбѣжать на крыльцо, но ее удерживали то Анисья, то Соня.

— Да что это вы, барыня! Куда вы? Вѣдь они еще далеко, — говорила Соня, отводя Арину Семеновну отъ двери:—Вотъ, глядите-ка, они и до поворота еще не доѣхали.

— Помилюсердуйте, барыня! Чего вы тревожитесь?— поддерживала ворчливо Анисья.— Успёте наглядѣться-то... да право! Еще простудитесь...

Но когда, наконецъ, всадники въѣхали въ ворота и легкой рысцой затрусили по двору, тутъ уже никакія силы не могли удержать Арину Семеновну въ комнатѣ. Не успѣвъ еще Андрей Ивановичъ слѣзть съ коня и подняться на лѣстницу, какъ старушка уже съ радостнымъ причитаньемъ повисла у него на шеѣ. Привыкшій къ такого рода встрѣчамъ, Андрей Ивановичъ не растерялся: онъ не сталъ убѣждать распустившуюся Арину Семеновну идти скорѣе въ комнату, чтобы не простудиться,—онъ просто принялъ ее въ свои сильныя объятія и осторожно, какъ ребенка, внесъ въ столовую. Арина Семеновна тоже привыкла къ такимъ пассажирамъ. Успокоившись нѣсколько отъ волненія, она съ довольной и въ то же время гордой улыбкой взглянула на своего широкоплечаго сына.

— Какой-ты сильный, Андрюша,—заговорила она, качая головой и утирая слезы:—Смотри-ка, меня, какъ перышко, донесъ.

— Васъ-то, маменька, не мудрено донести, — шутилъ Андрей Ивановичъ, нѣжно цѣлуя руки старушки:—вы, вѣдь, у меня совсѣмъ маленькая.

— Маленькая!—весело смѣялась Арина Степановна, то трепля по щекамъ, то разглаживая волосы своего ненагляднаго Андрюши.—А помнишь, какъ я тебя на рукахъ носила?

— Какъ же не помнить, маменька? Вѣдь это совсѣмъ недавно было,—всего какихъ-нибудь лѣтъ двадцать шесть или семь тому назадъ.

— Ужъ и двадцать семь! А впрочемъ... Какъ время-то бѣжитъ! Кажется, вѣдь, совсѣмъ недавно... Однако, что же это я? Ты чать голодень, голубчикъ? Чего тебѣ, Андрюшенька—чаю или кофею? Или, можетъ быть, котлеточку сначала скушаешь?

— Чаю, маменька, чаю да со сливочками! И отъ котлеты не откажусь. Только погодите,—умоюсь, а то, видите, весь я въ грязи.

— Ну-ну, иди, голубчикъ, умойся, переодѣнься, а я тебѣ все приготовлю.

— Черезъ нѣсколько минутъ Андрей Ивановичъ явился къ чайному столу умытый, причесанный, въ чистомъ бѣльѣ—совсѣмъ франтомъ. Новыя обѣятія, новыя поцѣлуи.

— Да какъ же ты загорѣлъ, Андрюша!—воскликнула Арина Семеновна, взглянувъ въ сына:—Давеча я думала, что это отъ грязи, а ты совсѣмъ какъ есть *аранз*!

Старушка всплеснула руками и расхохоталась.

— Арапъ, арапъ, маменька,—согласился Андрей Ивановичъ, принимаясь за чай со сливками и горячими сдобными булочками домашнего печенья.— У меня тамъ солнышко грѣетъ не по вашему... Вотъ-бы вамъ туда, маменька!

— И не говори, Андрюшенька!

— Да вѣдь вы здѣсь зябнете... Право, я тамъ все о васъ думалъ: вотъ, думаю, мама тамъ мерзнетъ, бѣдная, и погулять выдти ей нельзя, кругомъ эти противные снѣга сугробами... Тоска! Сидитъ она, думаю, въ четырехъ стѣнахъ да жметъ около печки,—а у меня то здѣсь—рай... Право, мамочка, а слѣдующій разъ поѣдемъ со мной! Полюбуетесь вы тамъ на роскошныя цвѣты, на невиданныя деревья... А небо тамъ какое, море!.. Ахъ, мамочка милая! Ну, чего вы боитесь?

— Нѣтъ, нѣтъ! И не говори Андрюша. Я точно курица, которая утенка вывела: утенокъ плаваетъ себѣ по пруду, на вольной волюшкѣ, радуется, а курица-то бѣгаетъ по берегу да кричитъ: «Ахъ, утонетъ! ахъ, утонетъ! Помогите!»! И боюсь я, Андрюшенька, такъ боюсь за тебя, что и сказать не могу.

— Да чего вы боитесь, мамочка?

— Да все этого, твоего Гиппогрифа. Ну, вдругъ его

разорветъ или бурей о что ударить или такъ упадетъ онъ прямо въ море... Да мало-ли чего!.. Вонъ ты тамъ подъ облаками все витаешь, -- ну, вдругъ налетишь на молнію — и конецъ!

— Полноте, мамочка! Въдѣ такъ придется всего бояться, ни сидѣть, ни ходить, ни ѣздить нельзя будетъ.

— Ну, ужъ ты скажешь!

— А какъ же, мамочка? Вотъ я сижу себѣ за чаемъ, — вдругъ падаетъ съ потолка штукатурка, ну, и капутъ!

Арина Семеновна съ трепетомъ посмотрѣла на потолокъ.

— Да съ чего ей упасть-то? — сказала она недовольнымъ тономъ. — Потолки крѣпкіе, даже трещины не видать...

— А развѣ этого не бываетъ, мамочка? Все крѣпкій да крѣпкій потолокъ, а вдругъ и обвалится.... Правду я говорю? Въдѣ такъ случается?

— Ну, что же?.. Точно, что случается...

— Или иду я по улицѣ. Вдругъ обвалилась труба на крышѣ, да кирпичемъ меня по головѣ — вотъ и готово!

— Что это ты, Андрюшенька! У насъ, слава Богу, каждую осень трубы обмазываютъ...

— А то вдругъ собака бѣшеная укуситъ... Или быкъ забодаетъ...

— Ну, ужъ пошелъ перебирать!

— Или ѣду я на лошадахъ; вдругъ лошади понесутъ, экинажъ опрокинутъ...

— Что ты присталъ, Андрюша, — ну, скажи на милость?

— Или на желѣзной дорогѣ — поѣздъ съ рельсовъ сойдетъ или съ другимъ поѣздомъ столкнется, локомотивъ разорветъ, мостъ провалится...

— Да что ты, Андрюшка, въ самомъ дѣлѣ взбѣсился, что-ли? Совсѣмъ меня запугалъ!

Андрей Ивановичъ расхохотался.

— Мамочка милая, не сердитесь! — успокаивалъ онъ взволнованную старушку, цѣлуя ея руки. — Я въдѣ только къ тому говорю, что если всего этого бояться, то и на

свѣтъ жить нельзя будетъ. Бѣда, какъ видите, можетъ случиться вездѣ, только на моемъ Гиппогрифѣ меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь.

— Да, да, увѣрай! А вотъ по газетамъ только и слышно: тамъ шаръ разорвало, тамъ воздухоплаватель въ море упалъ...

— Ахъ, мамочка! Да вѣдь это что за шары? Я понять не могу, какъ рѣшаются на нихъ летать! Это просто отчаянный какой-то народъ, — вѣдь они прямо на смерть идутъ... Тѣми шарами, маменька, ни управлять нельзя, ни пользоваться такъ, какъ нужно. Тамъ воздухоплаватель зависить отъ тысячи роковыхъ случайностей, которыя отъ него совершенно не зависятъ. А я своимъ Гиппогрифомъ такъ могу распоряжаться, какъ ни одинъ наѣздникъ не можетъ управлять самой послушной, дрессированной лошадыю. Лучшій наѣздникъ всякій разъ не можетъ быть увѣренъ, что его лошадь не бросится вдругъ въ сторону, не взвѣется на дыбы и не сброситъ его на мостовую, тогда какъ я напередъ предвижу всякое движеніе моего Гиппогрифа и заранее увѣренъ въ каждомъ его шагѣ. Нѣтъ, маменька, я вполне могу положиться на свою воздушную лошадку — она ужъ не измѣнитъ, не обманетъ!

— Ахъ, Андрюша! Какъ можно все предвидѣть. *Vous savez bien, que l'homme propose, Dieu dispose.*

— А все-таки, мама, я своему Гиппогрифу больше довѣряю, чѣмъ какой бы то ни было лошади, желѣзнодорожному поѣзду или пароходу. Да ужъ и пора мнѣ его знать: который годъ я на немъ странствую, — кажется, весь шаръ земной облеталъ, испыталъ все дорожные случаи и приключенія, и уже изъ долгаго опыта могъ убѣдиться въ томъ, какой это надежный и вѣрный другъ.

— Ну-да, я уже знаю, что тебя не переговоришь.

Андрей Ивановичъ засмѣялся.

— Такъ же, какъ и васъ не убѣдишь, мамочка... А напрасно вы отказываетесь побывать на островѣ Опасномъ.

— Вотъ видишь—и названіе-то какое страшное!

— Названіе это, мамочка, не я ему далъ, а тѣ несчастные, которые носятся на своихъ орѣховыхъ скорлупкахъ по волѣ вѣтра и волнъ и которымъ опасны каждый подводный камень на пути, каждый рифъ. Я назвалъ бы его Волшебнымъ, Очаровательнымъ островомъ, Эдемомъ.

— Ну, ужъ и Эдемомъ! Не слишкомъ ли много чести?

— А вотъ посмотрите, мамочка, полюбуйтесь.

Андрей Ивановичъ вноситъ въ столовую корзину, довольно искусно для помѣщичьихъ рукъ сплетенную изъ банановыхъ листьевъ, и, снявши крышку, вынимаетъ изъ нея большой, надутый и крѣпко завязанный мѣшокъ изъ растительнаго пергамента. Онъ осторожно развязываетъ этотъ мѣшокъ и раскрываетъ—и воздухъ столовой наполняется сразу прянымъ благоуханіемъ тропическихъ лѣсовъ; изъ мѣшка появляется роскошный букетъ невиданныхъ, яркихъ и сильно пахнущихъ цвѣтовъ... Правда, они немного завяли, но все еще настолько хороши, что въ состояніи хотъ кого привести въ восторгъ.

— Ахъ, какая прелесть! — восклицаетъ пораженная старушка, поднося къ лицу чудесный букетъ. — Это что же такое? Какъ называется? А это? Это?—спрашиваетъ она, указывая то на тотъ, то на другой цвѣтокъ.

Андрей Ивановичъ говоритъ мудренныя латинскія названія, переводя ихъ иногда на русскій языкъ, и достаетъ изъ корзины другіе, подобные этому мѣшки, изъ которыхъ появляются на свѣтъ божій разнообразныя, тропическіе плоды въ сыромъ и частью въ приготовленномъ видѣ.

Новый восторгъ, новыя восклицанія.

Андрей Ивановичъ начинаетъ затѣмъ описывать роскошную природу своей очаровательной пустыни, рассказываетъ о растеніяхъ и животныхъ, описываетъ лѣса, горы, водопады, озеро, небо, море, рифы, скалы; потомъ переходитъ къ своимъ открытіямъ, рассказываетъ объ очарованномъ городѣ и его горожанахъ, объ арханческомъ храмѣ на озерѣ, о

башняхъ, о лѣсномъ храмѣ и наконецъ о нагорномъ храмѣ и его таинственной богинѣ. Старушка слушаетъ разсказъ сына точно какой-то волшебный сонъ и, качая головой, говоритъ:

— Какъ это ты тамъ не боишься, среди всѣхъ этихъ идоловъ?

Андрей Ивановичъ продолжаетъ свой разсказъ, описываетъ статуи, барельефы, картины, подземные ходы, чудесное электрическое освѣщеніе храма и наконецъ переходитъ къ своему послѣднему открытію. Когда онъ сообщаетъ объ электрическомъ ударѣ и паденіи статуи жреца, старушка вскрикиваетъ и обхватываетъ руками шею Андрея Ивановича, какъ будто ея страстно любимому «мальчику» все еще грозитъ опасность. Наконецъ, Андрей Ивановичъ показываетъ привезенныя имъ таблицы и разъясняетъ важность созданнаго имъ открытія для исторіи всего человѣчества.

— Что же ты думаешь съ ними дѣлать, Андрюша?— спрашиваетъ заинтересованная старушка.

— Поѣду въ Петербургъ, а если нужно будетъ — за границу.

Арина Семеновна грустно потупилась.

— Ты ужъ меня опять покидать собираешься, — промолвила она послѣ непродолжительнаго молчанія. — И поглядѣть-то на тебя не успѣешь...

— Что же дѣлать, мамочка? Я просто не могу быть покоенъ, пока не разъясню этой тайны. Съ того самаго дня, когда я нашелъ эти таблицы, меня все какъ будто подталкиваетъ, точно что-то все шепчетъ мнѣ въ уши: «скорѣ! скорѣ!»!

— Это навожденіе, Андрюша. Зачѣмъ ты впутался въ эту исторію?

— Полпоте, маменька! Какое навожденіе? Меня просто мучитъ любопытство и кромѣ того, — что уже таить отъ васъ, — желаніе славы, желаніе стать на ряду съ Шампольономъ, Раулинсономъ и другими счастливыми, открывшими для науки цѣлую, невѣдомую до того область исторіи...

— Можетъ быть, ты и правъ... А всетаки мнѣ страшно. Эти чудеса, эти языческіе идолы... Что, если это навожде-
ніе? Охъ, боюсь за тебя, Андрюша... Оставался-бы лучше
въ Грачевкѣ!

Но Андрей Ивановичъ былъ непоколебимъ и двѣ недѣли
спустя послѣ этого разговора, не успѣли еще дороги ис-
правиться, какъ слѣдуетъ, какъ уже Арина Семеновна снова
стояла на крылечкѣ своего дома, утирая платкомъ крупныя
слезы, катившіяся по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ, и крестя
дрожащей рукой отъѣзжающую кибитку, въ которой ея
Андрюшенька отправился на Сколино—ближайшую желѣзно-
дорожную станцію для всего Пошехонскаго царства.

III.

Д-г. Ликоподіумъ.

Черезъ два дня послѣ отъѣзда изъ Грачевки мы встрѣ-
чаемъ Андрея Ивановича уже въ Петербургѣ. Раздобывъ
въ адресномъ столѣ нужный адресъ, онъ плетется на ра-
стрепанномъ Ванькѣ по Васильевскому острову.

— Десятая линія, номеръ семьдесятъ восьмой... должно
быть, здѣсь... стой тутъ, любезный!

Андрей Ивановичъ слѣзъ съ дрожекъ и вошелъ въ
подъѣздъ. На стѣнѣ висѣла черная доска, съ номерами
квартиръ и фамиліями жильцовъ. «№ 14-й,—прочелъ Гра-
чевъ,—Д-г. Ликоподіумъ».

— Гдѣ у васъ четырнадцатый номеръ?—спросилъ Ан-
дрей Ивановичъ, войдя въ довольно темный корридоръ.

— Наверхъ пожалуйста, — отвѣчала вертлявая горнич-
ная, гремя накрахмаленными юбками:—вотъ сюда по лѣст-
ницѣ, въ третьемъ этажѣ.

— А дома онъ теперь?

— Дома.—Куда имъ дѣваться?

Въ корридорѣ третьяго этажа, оказавшемся нѣсколько
посвѣтлѣе нижняго, Грачевъ нащупалъ дверь, надъ кото-

рой на бѣлой стѣнѣ было выведено черной краской «№ 14» Шаркнувъ о косякъ спичкой, Андрей Ивановичъ съ ея помощью, нашелъ мѣдную позеленѣвшую дощечку и съ трудомъ разобралъ на ней: «D-r. Ликоподіумъ». Другая спичка помогла ему найти ручку звонка. Андрей Ивановичъ дернулъ звонокъ и прислушался: послышался слабый дребезжащій звукъ, не вызвавшій въ отвѣтъ ни малѣйшаго движенія. Онъ позвонилъ еще и еще—тотъ же результатъ; онъ съ ожесточеніемъ задергалъ ручку звонка,—звукъ нисколько не усилился и дверь попрежнему оставалась закрытою.

«Что они—спятъ что-ли?» —подумалъ Андрей Ивановичъ и сильно потянулъ за скобу двери. Дверь тотчасъ распахнулась,—вѣроятно, разогнулся дверной крючекъ. Въ довольно темной прихожей онъ разсмотрѣлъ двѣ двери. Андрей Ивановичъ отворилъ ближайшую—темно и пусто; онъ отворилъ другую—оказалась довольно просторная и свѣтлая комната съ тремя большими свѣтлыми окнами. У средняго окна стоялъ раскрытый ломберный столъ съ потухшимъ самоваромъ, налитымъ стаканомъ чаю и початой булкой на тарелкѣ. У крайнихъ оконъ стояли два одинаковыхъ письменныхъ стола, заваленныхъ бумагами и книгами. За письменнымъ столомъ налѣво сидѣлъ, согнувшись надъ микроскопомъ, широкоплечій худошавый господинъ со спутанными совершенно бѣлыми волосами и такими же пышными бакенбардами.

Это былъ докторъ Карлъ Карловичъ Ликоподіумъ.

Андрей Ивановичъ подкрался къ нему сзади и вдругъ сильно потрясъ за плечо. Докторъ въ испугъ обернулся и уставилъ на гостя свои блѣдноглубые близорукіе глаза.

— Ну, чортъ съ масломъ, отчего ты не отпираешься?—крикнулъ Андрей Ивановичъ.

— Фу, чортъ съ масломъ, Грачевъ!—обрадовался хозяинъ, вскакивая со стула.—Откуда ты?

— Съ луны.

Пріятели обнялись и расцѣловались.

— Я, братъ, у тебя крючекъ сорвалъ.

— Не важно. Не ты первый, не ты послѣдній. Срывають.

— Неужели ты не слышишь звонка?

— Да займешься, знаешь, ну и не слышно.

— А развѣ у васъ нѣтъ уже вашего личарды?

— Въ портерной.

— Постоянно?

— Нѣтъ, но знаешь...

— А, понимаю: «Когда не требуетъ поэта»... А гдѣ Вильгельмъ?

— Тю-тю, братъ...—Докторъ свиснулъ.

— Что такое?—встревожился Грачевъ.

— Заграницей.

— Ахъ, чортъ возьми! Это досадно.

— Еще съ осени. Все съ своей филологіей возится. И вѣдь вотъ—чортъ съ масломъ!—въ кого онъ у насъ уродился? Всѣ Ликоподіумы, сколько мнѣ извѣстно, были медики.

— Никого меньше аптекаря?

— Никого. А Вильгельмъ—филологъ!

— А я, было, къ его филологіи хотѣлъ обратиться.

— Ну, братъ, не взыщи.

— Слушай, Карлъ. Не можешь-ли ты мнѣ помочь?

— Въ чемъ дѣло? Садись. Говори.

Докторъ сѣлъ, оскѣдаль носъ пенснѣ и воззрился на Грачева.

— Фу, чортъ съ масломъ! Гдѣ ты такъ обгорѣлъ?

— На островѣ Опасномъ. Вѣдь я же тебѣ рассказывалъ?

— Такъ я тебѣ и повѣрилъ, держи карманъ! Это мистификація какая-то.

— Пусть будетъ мистификація. Такъ слушай...

— Постой. Я еще не завтракалъ. Давай чай пить.

— Не видалъ я твоего холоднаго чаю!

— Митрофанъ мигомъ подогрѣтъ.

— Гдѣ еще возьмешь ты Митрофана? Самъ что ли въ портерную побѣжишь?

— Чортъ съ масломъ! Зачѣмъ мнѣ бѣгать, когда у меня есть телеграфъ?

— Любопытно!

— Поучайся.

Докторъ взялъ со стула крышку съ шляпной картонки и поставилъ ее на среднемъ окнѣ на ребро, бѣлой стороною наружу.

Грачевъ расхохотался.

— Ну, братъ не даромъ говорится, что нѣмецъ обезьяну выдумалъ.

— Гдѣ тутъ нѣмецъ? Какой нѣмецъ? — разсердился докторъ, имѣвшій слабость выдавать себя за русскаго. — Я кровяной русскій, не хуже тебя.

— Ну, какой же ты русскій, если *кровяной*, — подсмѣивался Грачевъ, закуривая сигару и вытягиваясь на кушеткѣ. — Вотъ, тебя и зовутъ Карломъ... Развѣ это русское имя?

— А развѣ ты жидъ, что тебя Андреемъ зовутъ? — закипятился докторъ: — Вѣдь это жидовское имя?

— Фу, чортъ съ масломъ!

— Ну-да, чортъ съ масломъ, — вотъ тебѣ еще доказательство: у нѣмцевъ чортъ съ масломъ, а у русскихъ безъ масла.

— Повторяешься, братъ! Слышалъ я твою остроту еще, когда ты въ первый разъ изъ Пошехонья съ толокномъ пріѣзжалъ.

Андрей Ивановичъ расхохотался.

— Ахъ, ты, нѣмчура этакая! Когда же я изъ Пошехонья съ толокномъ пріѣзжалъ? Да и опять-таки: Пошехонье Ярославской губерніи, а я — Костромской.

— Неважно. Въ сосѣдяхъ, братъ! Толоконникъ!

Андрей Ивановичъ расхохотался еще сильнѣе, вѣроятно,

потому, что ему не приходилось хохотать на своемъ островѣ и теперь онъ хотѣлъ наверстать потерянное. Глядя на него, докторъ сначала кисло улыбался, затѣмъ пустилъ жиденькій смѣхъ и наконецъ расхохотался еще сильнѣе Грачева.

— Вѣдь, вотъ ты какой, Андрюшка, — сказалъ онъ, присаживаясь на кушетку и тыча пріятеля пальцемъ въ бокъ: — какъ только пріѣдешь, такъ меня и раздражишь.

— Ужъ больно уморительно ты кипятишься, — продолжалъ смѣяться Андрей Ивановичъ.

Въ передней послышались торопливые шаги съ аккомпаниментомъ громкаго сопѣнья и въ комнату, задыхаясь отъ бѣготни по лѣстницамъ, ворвался Митрофанъ, личарда братьевъ Ликоподіумъ. Завидя Грачева, онъ любезно оклабилъ и низко поклонился.

— Что тебя никогда нѣтъ? — заворчалъ насупившись, докторъ. — Подогрѣй самоваръ... да, вотъ, сбѣгай въ лавку... Погоди, я дамъ денегъ.

Докторъ схватился за карманъ и ушелъ въ сосѣдную комнату.

— Здравствуйте, Митрофанъ Лукичъ, — сказалъ Грачевъ.

— Кузьмичъ, сударь. Мое почтеніе-съ. Какъ васъ Господь милуетъ?

— Ничего, спасибо. Ты какъ поживаешь? Все въ портерной?

— Помилуйте, сударь, чего я въ ней не видалъ, въ этой портерной? Если я захочу себѣ удовольствіе предоставить, такъ это я всегда могу и безъ портерной? Это все Карла Карлычъ нажаловались, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и осторожно косясь на дверь, за которою скрылся докторъ: — Житья мнѣ отъ нихъ нѣтъ, — все брзжать, все брзжать-съ!

— Развѣ Вильгельмъ Карлычъ лучше?

— Какъ можно, сударь! Извѣстно лучше.

— А забылъ ты, какъ онъ тебя за воротникъ трясъ?

— Это точно, разсердятся, за воротникъ трясуть... Иной

разъ такъ потрясутъ, что и хмель разомъ выскочить... А все же баринъ добрый. Какъ можно сравнить!

Вошелъ докторъ.

— На, вотъ,—сказалъ онъ, передавая Митрофану бѣленькую,—возьми портвейну,—знаешь, той самой марки,—да ветчины, да сыру... Масло у насъ есть?

— Надо быть.

— Фаршированную утку возьми, да ливерной колбасы, да смотри—живѣе!—не пропадай.

Митрофанъ взялъ самоваръ и исчезъ изъ комнаты.

— Вотъ, какъ ты нынче —Лукулловскіе пиры задаешь! Или практика завелась?—спросилъ Грачевъ.

— Ну, какая практика,—наморщился докторъ, усаживаясь снова на кушетку,—такъ себѣ: старушки двѣ — три богатенькихъ. Ъжду, бромъ съ касторкой прописываю.

— Ну, а съ микробами все возишься?

— Еще-бы! Это, братъ, настоящее дѣло.

— Ужъ и настоящее? Нашелъ тоже! Коки да микрококи, бациллы да вибрионы...

— Коки да микрококи? Ты, братъ, съ ними не шути: все дѣло въ нихъ. Теперь, братъ, ужъ никто не сомнѣвается, что всѣ причины болѣзней въ нихъ, что въ нихъ же и противоядіе надо искать.

— Ну, что же —ищешь?

— Ищу.

— Значить, по пословицѣ: клинъ клиномъ выбивай?

— Именно. Всѣ замѣчательнѣйшіе изслѣдователи этого вопроса: Вильгельмъ Ру, Ванъ Рессъ, Ковалевскій, Судакевичъ, фонъ-Бюнгнеръ...

— Фу-ты, батюшки! Да ты хоть духъ переведи.

— Судакевичъ, фонъ-Бюнгнеръ, Подвысоцкій, Поповъ...

— Карлъ Ликоподіумъ,—подсказалъ Андрей Ивановичъ въ тонъ увлекшемуся пріятелю.

— Карлъ Ликоп...—началъ было тотъ, но, замѣтивъ свою ошибку, остановился и расхохотался. — Фу, чортъ съ

масломъ, вѣчно ты, паясничаешь! Ну, коли хочешь, слушай, а нѣтъ, такъ...

— Слушаю, слушаю, — выкладывай, что у тебя тамъ есть.

— Всѣ изслѣдователи пришли къ такому выводу, что наука можетъ взять на себя руководство фагоцитарной дѣятельностью...

— Это что еще за штука?

— Фагоциты?

— Да.

— А это амебообразныя пожирающія клѣтки... Въ силу химіотаксиса, они пожираютъ все, что въ данномъ случаѣ излишне или вредно для организма... Вѣдь въ организмѣ идетъ вѣчная война... Возьми, къ примѣру, хоть поперечно-полосатыя мышечныя волокна...

— Ну, хорошо, возьму.

— Ну, вотъ: промежуточная плазма съѣдаетъ сократительныя призмы...

— Что же изъ этого?

— То, что изученіе вліяній, усиливающихъ и ослабляющихъ фагоцитовъ, должно повести къ пользованію послѣдними для увеличенія блага и уменьшенія вреда, причиняемаго ими.

— Такъ. Ну, и что же, извѣстно что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Какъ же, какъ же, уже достовѣрно извѣстно, что тепло и продукты жизнедѣятельности нѣкоторыхъ микробовъ усиливаютъ, а холодъ, хининъ, обринъ и нѣкоторыя другія вещества ослабляютъ дѣятельность фагоцитовъ...

— Такъ. И отрубилъ же ты, Карлуха! Такъ по писанному и валяешь...

— Такъ-то, братъ. Вся штука вотъ въ этомъ, — докторъ указалъ на стеклянныя трубочки, наполненныя чѣмъ-то вроде разноцвѣтнаго гноя.

— Это еще что такое...

— Это культуры различныхъ бактерій: это вотъ — сибирская язва, это — саль, это — синій гной, это...

— Гной? Фу, мерзость какая!

— Мерзость? Ахъ, ты толоконникъ!

— Ахъ, ты нѣмецкая колбаса!

Пріятели, шутя, начали бороться. Черезъ нѣсколько минутъ Андрей Ивановичъ скрутилъ и усадилъ на кушетку задохнувшагося доктора.

— Ну, ужъ костромской медвѣдь! — заговорилъ тотъ, отдышавшись: — того и гляди, — кости переломаетъ...

— А лучше этакой-то бактеріей быть, какъ ты?

— Бактеріей? Я еще за себя постою... гдѣ это ты въ самомъ дѣлѣ такъ загорѣлъ.

— Говорю, на островѣ Опасномъ.

— Ври больше! А совсѣмъ бедуинъ, настоящій арабъ.

— Меня и матушка «арапомъ» назвала, когда я воротился домой.

— Гдѣ же ты былъ?

— Да на островѣ же Опасномъ.

— Фу, чортъ съ масломъ!

— Что же, ты не вѣришь?

— Ни на полсантима.

— Ахъ, ты — гороховая колбаса! Такъ на-же, смотри! — Андрей Ивановичъ взялъ портфель, положенный имъ вмѣстѣ съ шляпой на столъ, и вынулъ одну изъ таблицъ, привезенныхъ имъ съ острова: — Видишь?

— Вижу. Ну, что это такое?

— Видишь: металлическая таблица, покрытая неизвѣстными письменами.

— Да вѣдь это алюминій! Гдѣ это ты взялъ?

— На островѣ же Опасномъ, — сто разъ тебѣ говорить? Тамъ въ древнемъ храмѣ я нашелъ 318 такихъ таблицъ и привезъ сюда.

— Ты не шутишь? Это не мистификація?

— Какая тутъ мистификація! Мнѣ затѣмъ-то и нужно было Вильгельма, чтобы онъ разслѣдовалъ, что это за письмо...

— Ты говоришь, 318 такихъ таблицъ?

— Да.

— И нашелъ въ храмѣ?

— Да.

— Да расскажи, какъ же это случилось?

Андрей Ивановичъ вкратцѣ рассказалъ нѣкоторыя подробности открытія. Выслушавъ внимательно рассказъ, докторъ вскочилъ съ кушетки и забѣгалъ по комнатѣ.

— Ахъ, чортъ съ масломъ! Да вѣдь это открытіе какой свѣтъ прольетъ на исторію цивилизаціи вообще! Триста восемнадцать таблицъ! И счастье же этому толоконнику!

— Что, братъ, это поинтереснѣ твоихъ бактерій?

— Ну, до бактерій-то далеко... А знаешь что? Ты знакомъ съ Кноблаухомъ?

— Съ какимъ Кноблаухомъ?

— Густавъ Богданычъ? Академикъ.

— Нѣтъ. А что?

— А то, что это какъ разъ нужный для тебя человѣкъ. Хочешь познакомлю?

— Сдѣлай милость.

— Ну, и дѣло въ шляпѣ. Я напишу письмо, а ты завтра утромъ поѣзжай къ нему. Онъ тебѣ все объяснить, а если самъ не сможетъ, то укажетъ, къ кому обратиться.

— А ты откуда его знаешь? Или въ академики мѣтишь?

— Пошелъ ты! Мы съ нимъ какъ-то въ родствѣ. Право, не знаю... По крайней мѣрѣ, онъ меня считаетъ племянникомъ.

Между тѣмъ пришелъ Митрофанъ съ провизіей и портвейномъ и подалъ самоваръ. Пріятели тотчасъ же принялись за завтракъ съ усердіемъ, дѣлавшимъ честь ихъ аппетиту, запивая портвейномъ ветчину и фаршированную утку и толкуя объ открытіи, сдѣланномъ Грачевымъ.

IV.

Де-Сіансѣ Академія *).

На слѣдующій день, съ письмомъ доктора Ликоподіума въ карманѣ, Грачевъ отправился съ визитомъ къ Густаву Богдановичу Клоблаухъ. Академикъ жилъ на квартирѣ въ казенномъ домѣ.

На звонокъ Андрея Ивановича Клоблаухъ самъ отворилъ дверь и любезно провелъ своего гостя въ пріемную. Это былъ сѣденькій человѣчекъ, съ гладко-выбритымъ лицомъ, обрамленнымъ крошечными, желтовато-пепельными мармотками. Въ немъ было особенно замѣтно стремленіе казаться выше своего роста: онъ постоянно выпячивалъ грудь, закидывалъ голову и поднималъ къ потолку свой удлиненный, слегка кривой носъ.

Прочитавши рекомендательное письмо Клоблаухъ любезно пожалъ руку Андрею Ивановичу и заговорилъ звонкимъ высокимъ теноромъ:

— Очень радъ... Очень пріятно... Чѣмъ могу быть полезенъ вамъ? Другъ моихъ племянниковъ, Вильгельма и Карлуши, всегда есть мой пріятнѣйшій гость... Вы недавно изволили видѣть Карлушу, — надѣюсь онъ въ добромъ здоровьѣ? И чѣмъ онъ занимается? Вѣроятно, все своими бактеріями? Да, это у него есть свой конекъ. У всякаго человѣка есть свой конекъ... Карлуша пишетъ, что вы имѣете ко мнѣ дѣло. Чѣмъ я могу быть полезенъ?

Андрей Ивановичъ, не вдаваясь въ подробности, разсказалъ, что случайно пріобрѣлъ манускриптъ на неизвѣстномъ

*) Спѣшу оговориться, что эта глава мнѣ самому показалась фантастичнѣ всѣхъ фантастическихъ похощеній Грачева, но перемѣнить въ ней что-нибудь я не считалъ себя въ правѣ. Поэтому пусть отвѣтственность за нее лежитъ на совѣсти моего покойнаго друга. Признаюсь, хотя *de mortuis auct bene, auct nihil*, я склоненъ думать, что обиженный невниманіемъ къ своему открытію, Андрей Ивановичъ увлекся и сгоряча написалъ пасквиль на почтенное ученое учрежденіе. Не будемъ судить его слишкомъ строго.

ему языкѣ и желалъ бы найти лицо, которое было бы въ состояніи прочесть эти письма и перевести.

— Да, вы имѣете манускриптъ, — заговорилъ академикъ, — и этотъ манускриптъ вы не можете разобрать? И вы желаете обратиться къ помощи академіи?

— Да, это было мое намѣреніе.

— Я говорю: къ нашей академіи, т. е. къ академіи наукъ; ибо есть еще академіи, напримѣръ: академія художествъ, военно-медицинская академія, а также коммерческая академія... И въ тѣхъ академіяхъ я имѣю друзей и могъ бы и тамъ оказать содѣйствіе... И есть еще духовныя академіи... Да. Но вы обратитесь къ академію наукъ — Де-Сіянсъ академію... Ха, ха, ха! Такъ называли ее въ старину: Де-Сіянсъ! Да. И вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ академіи наукъ, ибо академія наукъ затѣмъ и учреждена, чтобы культивировать науки и разрѣшать научные вопросы, которые не ученый человѣкъ, не специалистъ не можетъ и не умѣетъ разрѣшать. Да. Есть многіе люди, которые встаютъ противъ академіи наукъ за то, что она имѣетъ мало пригодныхъ русскихъ ученыхъ академиковъ. Но развѣ мы не есть русскіе ученые академики? Мы живемъ въ Россіи, ergo мы есть русскіе академики. Не правду ли я говорю?

— Вы совершенно правы.. Но я желалъ бы знать...

— Да? Вы желали бы знать? Но вы имѣете нѣсколько терпѣнія, ибо я еще не кончилъ. Итакъ, въ Россіи есть многіе люди, которые противъ академіи и называютъ ее нѣмецкою академіей. Но я спрошу: можетъ ли Россія безъ насъ обойтись? Извѣстно, что русскіе есть народъ молодой... Русскіе часто имѣютъ большіе таланты, но нѣмцы имѣютъ всегда большую аккуратность. И большая аккуратность всегда побѣждаетъ большіе таланты...

— Но, господинъ профессоръ...

— Позвольте. Я уже предусматриваю, что вы имѣете возражать. Да, это правда: русскіе всегда хотятъ открывать

Америку. Но какъ можно открывать Америку, не имѣя надлежащихъ познаній?

— Но, господинъ профессоръ...

— Знаю, знаю, молодой человѣкъ. Я предусматриваю возраженія впередъ, ибо я имѣю привычку вести ученые споры. Діалектика есть великое дѣло! Это не есть, однако, одно только искусство спорить: древніе почитали ее искусствомъ открывать и доказывать истину. Я держусь того же взгляда...

— Я вижу, что...

— Хорошо, хорошо. Возвратимся къ предмету нашего спора... Дѣйствительно, русскіе дѣлаютъ иногда научныя открытія; но, по справедливости, это есть дѣло простой случайности. И потому, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній, они не могутъ объяснять свои собственные открытія и не знаютъ, какъ ихъ прикладывать на дѣлѣ...

— Я вижу, что вы очень заняты, г. профессоръ...

— Я всегда занятъ. Но будемъ продолжать. Мы, германскіе ученые (по происхожденію, конечно), поступаемъ иначе, ибо мы имѣемъ большую аккуратность. Когда мы хотимъ открывать Америку, мы предварительно запасаемся всѣми необходимыми познаніями и тогда...

— Имѣю честь кланяться, г. профессоръ...

— Пойдите, пойдите! Кажется, вы принесли съ собою манускриптъ, то есть рукопись, которую вы не можете разбирать?

— Вотъ она, г. профессоръ!

Андрей Ивановичъ вынулъ изъ портфеля завернутый въ бумагу листокъ алюминія и подалъ Кноблауху. Почтенный академикъ аккуратно развернулъ бумагу, внимательно осмотрѣлъ листокъ и задумался.

— Это не есть манускриптъ, — произнесъ онъ задумчиво, — не есть рукопись въ настоящемъ смыслѣ. Это есть... Это есть металлическая таблица, подобная, вѣроятно, тѣмъ металлическимъ таблицамъ, на которыхъ нѣкогда децемвиры

начертали свои законы. Но тѣ таблицы, сколько извѣстно, были мѣдныя; а эта—не есть мѣдная таблица. Какая же это таблица? Она не золотая, ибо слишкомъ легка для золота и цвѣтъ ея бѣлъ; не серебряная, ибо, хотя цвѣтъ ея бѣлъ, но по вѣсу она легче серебра. Итакъ, мы нашли, что она не мѣдная, не золотая, не серебряная и даже не желѣзная, что можно ясно видѣть;—какого же она металла?

— Это алюминій.

— Алюминій? Такъ. Изъ алюминія теперь дѣлаютъ часы и табакерки. Но это есть металлъ новый, а вы мнѣ говорили, что имѣете древній манускриптъ?

— Алюминій, г. профессоръ, такъ же древенъ, какъ самый міръ.

— Знаю, знаю, что вы хотите возражать... Но алюминій открытъ недавно, — ergo не можетъ быть древнихъ алюминіевыхъ таблицъ.

— Я нашелъ эти таблицы въ такомъ мѣстѣ и при такихъ условіяхъ, что древность ихъ для меня не подлежитъ сомнѣнію. Наконецъ, даже вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, на какомъ языкѣ написаны эти таблицы.

— Позвольте, милостивый государь: предоставьте наукѣ постановлять и разрѣшать вопросы. Вы сами не есть специалистъ и слѣдовательно не имѣете нужной для этого компетентности. Предварительно необходимо нужно опредѣлить древность этой таблицы.

— Но, господинъ профессоръ, мнѣ этого вовсе не нужно!

— Что же вамъ въ такомъ случаѣ нужно, милостивый государь?

— Я пришелъ затѣмъ, чтобы узнать отъ васъ, на какомъ языкѣ писана эта таблица.

— Та, та, та... Вы, русскіе, всегда хотите открывать Америку, не имѣя вовсе понятія объ искусствѣ мореплаванія.

— Такимъ образомъ я долженъ заключить, что вы не можете мнѣ помочь...

— Не можете помочь! Я не могу помочь? Я долженъ

вамъ сказать, что вы много позволяете себѣ, милостивый государь!

— По крайней мѣрѣ вы не желаете...

— И въ этомъ вы ошибаетесь. Я желаю только данный вопросъ разсмотрѣть правильно и всесторонне. Знаете ли вы, что такое есть методъ въ наукѣ? Правильный методъ въ наукѣ есть все, милостивый государь,—все и больше ничего!

— Я съ вами совершенно согласенъ, г. профессоръ. Но это вопросъ общій. Мнѣ же нужно знать только одно: что это за письмена? На какомъ языкѣ написаны эти таблицы? Какой народъ употреблялъ подобный алфавитъ?

— Ну вотъ, ну вотъ — вы сами себя побиваете! Вы хотите знать: какой народъ это писалъ, какой это языкъ? Хорошо. Но есть народы древніе и есть народы новые; есть древніе языки и есть новые языки. Въ каждомъ вѣкѣ живетъ какой-нибудь особенный народъ, который въ слѣдующемъ вѣкѣ уже не живетъ; въ каждомъ вѣкѣ преобладаетъ какой-нибудь языкъ, напримѣръ, въ древности—халдейскій и египетскій, потомъ греческій и латинскій, наконецъ — французскій, англійскій, нѣмецкій. Назовите мнѣ только время и я буду называть вамъ народъ, который тогда имѣлъ жить и какой языкъ тогда былъ употребляемъ. Какъ же вы хотите это узнавать, не опредѣляя древности происхожденія таблицы?

Андрей Ивановичъ начиналъ сердиться.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ съ досадой,—для того, чтобы опредѣлить, на какомъ языкѣ рукопись, нужно только разсмотрѣть ее внимательно. Этого будетъ вполне достаточно, чтобы рѣшить, знакомъ этотъ языкъ изслѣдователю или нѣтъ, можетъ онъ на немъ прочесть что-нибудь или не можетъ.

— Ну, да... конечно... Это можно и такъ... Но я стою за правильный научный методъ.

— Я желалъ бы знать, г. профессоръ, знакомъ ли вамъ алфавитъ, которымъ писана эта таблица?

— Хорошо. Я буду смотреть, если вы этого хотите.

Почтенный академикъ пробѣжалъ нѣсколько разъ глазами по таинственнымъ письменамъ таблицы. Глубоко вырѣзанныя буквы размѣщались красивыми правильными строчками и то стояли отдѣльно одна отъ другой, то смѣлыми завитками переплетались въ особыя группы, ясно давая понять, что они означаютъ отдѣльныя слова, — но ни въ отдѣльныхъ буквахъ, ни въ группахъ не было ничего знакомаго г. Кноблауху. Андрей Ивановичъ пристально слѣдилъ за выраженіемъ лица академика.

— Что вы думаете объ этомъ, г. профессоръ?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что на лицѣ Кноблауха наконецъ уже вполне опредѣленно выступило выраженіе недоумѣнія.

— Что я думаю?—отвѣтилъ медленно Густавъ Богданычъ, поднимая брови и пожимая плечами съ самымъ безнадѣжнымъ видомъ. — Я думаю, что это есть или просто узоръ, или... или... ну, наконецъ, игра природы...

— Но, г. профессоръ, что это не узоръ, можно видѣть уже изъ того, что симметрія, составляющая основаніе каждаго узора, здѣсь совершенно отсутствуетъ.

— Ну, тогда это... это есть игра природы...

— Помилуйте, какая же тутъ игра природы! Развѣ съ перваго взгляда не видно, что это дѣло рукъ человѣческихъ? Посмотрите, какая тщательная, красивая рѣзба! Сейчасъ видно, что это работалъ искусный, опытный граверъ.

— Въ такомъ случаѣ это... это есть мистификація.

— Мистификація?

— Да, да, просто мистификація. Это есть тысяча первый примѣръ издѣвательства надъ наукою.

— Но какая же цѣль въ этой мистификаціи? Что мнѣ за интересъ васъ мистифицировать?

— Я не обвиняю въ этомъ именно васъ. Вѣсьма возможно, что вы сами есть жертва.

— Хорошо, г. профессоръ, оставимъ этотъ вопросъ... Хотя забавно допустить, что нашелся чудакъ, изрѣзавшій

нѣсколько сотъ таблицъ только ради мистификаціи... Ясно одно, что эти письма настолько незнакомы вамъ, г. профессоръ, что вы готовы ихъ считать или узоромъ, или игрою природы?

— Да, если это не есть мистификація.

— Въ такомъ случаѣ, не будете ли вы такъ любезны, г. профессоръ, не укажете ли мнѣ какого-нибудь изъ ученыхъ сотоварищей вашихъ по академіи, кто могъ бы мнѣ помочь прочитать эти таблицы?

Академикъ задумался.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — я не могу указать вамъ никого изъ моихъ сотоварищей, кто вамъ прочиталъ бы эту таблицу. Г. Мандельштамъ превосходно знаетъ восточные языки, напримѣръ арабскій, и въ этомъ отношеніи я согласенъ уступить ему пальму первенства, но я не меньше его видалъ разныхъ рукописей: г. Пипербауль есть отличный синологъ; г. Ньюлихштуль глубоко изучилъ классическія древности; г. Глиствайль есть специалистъ по древне-еврейскому и сиро-халдейскому языкамъ; г. Пимперле есть глубокій знатокъ іомудской литературы, наконецъ, господа Шафтскопфъ, Браунковъ, Думме и другіе — всѣ есть ученые специалисты, но въ этомъ случаѣ они могутъ сдѣлать не болѣе меня.

— Но, можетъ быть, академики изъ русскихъ...

— Да? Изъ русскихъ? А тѣ, которыхъ я имѣлъ честь назвать, не изъ русскихъ? Ну, обратитесь къ русскимъ. Желаю вамъ успѣха... Они пишутъ, печатаютъ и считаютъ себя знающими. Они, можетъ быть, прочитаютъ здѣсь то, чего нѣтъ. Пожалуй, вашъ оріенталистъ Семеновъ осмѣливается утверждать, что самъ Максъ Мюллеръ есть не болѣе, какъ шарлатанъ, ибо знанія свои заимствовалъ изъ *Journal Asiatique*, а Семеновъ былъ и въ Индіи, и на Цейлонѣ... Ну, обратитесь къ нему. Но что меня касается, то я указалъ-бы вамъ лицо, которое непременно помогло-бы вамъ, но это лицо есть тоже нѣмецъ.

— Будьте такъ добры, г. профессоръ, укажите, кто это именно.

— Ну, если вы этого хотите, я, пожалуй, скажу вамъ: это — знаменитый Карлъ Вурстъ, профессоръ въ Іена... Знаете Іена? Его братъ, профессоръ въ Гейдельбергѣ, Гансъ Вурстъ, еще болѣе знаменитый ученый, но онъ имѣетъ другую специальность. Такъ вы запомните: господинъ Карлъ Вурстъ, профессоръ археологіи въ Іена. Обратитесь къ нему: господинъ Карлъ Вурстъ. Если вамъ кто-нибудь можетъ помочь въ цѣломъ мірѣ, то это есть господинъ Карлъ Вурстъ и — болѣе ничего.

— Благодарю васъ, г. профессоръ. Непремѣнно воспользуюсь вашимъ совѣтомъ.

— Да, да. Онъ поможетъ. Прощайте и сообщите, что вамъ будетъ говорить объ этомъ господинъ Карлъ Вурстъ, ибо мнѣніе такого ученаго весьма интересно и поучительно.

Затѣмъ Густавъ Богдановичъ любезно проводилъ Грачева до двери передней и, нѣсколько разъ пожавъ ему руку, просилъ передать поклонъ Карлушѣ и не премѣнно сообщить, какъ приметъ и что скажетъ ему знаменитый господинъ Карлъ Вурстъ въ Іена. Андрей Ивановичъ обѣщалъ исполнить желаніе г. Кноблауха и тотчасъ же отправился къ профессору восточнаго факультета Семенову.

V.

Авдей Макаровичъ.

Авдѣй Макаровичъ Семеновъ жилъ на Васильевскомъ Островѣ, въ 14 линіи, и занималъ небольшой чистенькій домикъ, стоявшій въ глубинѣ сада. На крыльцѣ домика Грачева встрѣтилъ малый лѣтъ 25, съ волосами, подстриженными въ скобку, и съ видомъ артельщика. Оглядевъ подозрительнымъ окомъ помятое, несовѣмъ модное пальто Грачева, онъ нехотя ткнулъ щеткою по направ-

ленію къ двери и пробурчалъ, что профессоръ въ столовой пьетъ чай. Затѣмъ онъ снова принялся за чистку платья, не обращая уже никакого вниманія на посѣтителя.

Андрей Ивановичъ отворилъ дверь въ чистенькую переднюю и сталъ снимать съ себя пальто.

— Кто тамъ?—раздался изъ сосѣдней комнаты пріятный баритонъ.

Андрей Ивановичъ пріотворилъ дверь, изъ-за которой слышался этотъ голосъ, и увидѣлъ чайный столъ съ кипящимъ самоваромъ и около него, въ просторномъ креслѣ, широкоплечаго, краснощекаго мужчину съ большою окладистою бородой и цѣлымъ стогомъ кудрявыхъ, слегка сѣдѣющихъ уже волосъ на головѣ. Косоворотка изъ грубаго сѣраго полотна, расшитая широкимъ узоромъ, очень шла къ его чисто - русской наружности. Въ рукахъ у него была свѣжая книжка журнала и костяной ножъ, которымъ онъ разрѣзывалъ страницы.

Грачевъ назвалъ себя и сказалъ, что ему нужно видѣть профессора.

— Входите, входите, батенька! Садитесь-ка сюда: здѣсь поудобнѣе... Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! Ваня! Ванька чортъ! Гдѣ ты запропастился? Дай сюда скорѣе папиросы... Курите, пожалуйста! Съ чѣмъ хотите чаю? Вотъ вамъ лимонъ, сливки, коньякъ—что хотите... Ну-съ рассказывайте, чѣмъ могу вамъ служить?

Грачевъ разсказалъ.

— Покажите-ка, покажите, батенька! Да что это такое? Металлическая дощечка! Да вѣдь это алюминій?

— Алюминій.

— А вы, батенька, увѣрены, что тутъ нѣтъ подлога?

— Вполнѣ увѣренъ. Я нашелъ эти таблицы на необитаемомъ островѣ Тихаго океана, внутри древняго подземнаго храма въ гробницѣ жреца.

— Этакій вы счастливецъ, батенька! Да вѣдь это открытіе обезсмертитъ ваше имя! Но какова же эта древ-

няя цивилизація? А? Таблицы изъ алюминія! Каково? Посмотримъ, посмотримъ, что это такое...

Авдѣй Макаровичъ принялся пристально разсматривать таблицу. Глаза его разгорались, руки тряслись отъ волненія.

— Ну, батенька,—говорилъ онъ,—это, я вамъ скажу, штука! И что всего досаднѣе... Ахъ чортъ возьми! Вѣдь прямо надо сказать: дѣло швахъ...

— Что же это такое, Авдѣй Макаровичъ?

— А то, батенька, что вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь—вотъ что... Бить меня, дурака, нужно... палкой бить нужно...

— За что же, Авдѣй Макаровичъ?

— А за то, голубчикъ, что учился да не выучился. Это, видите-ли, батенька, древнѣйшій санскритъ...

— Санскритъ!

— Да, санскритъ; но только такой древній, что, можетъ быть, прадедомъ доводится тому санскриту, на которомъ написаны Вѣды *)... Это, какъ мнѣ кажется, тотъ самый праязыкъ, возстановить который пытался Шлейхеръ.

— Но вы понимаете его? Можете прочесть?

— Въ томъ-то и дѣло, батенька, что не могу,—въ томъ-то и бѣда... Вотъ на всей этой дощечкѣ я только одно слово ясно могъ разобрать... Видите вотъ: «Магадева»... Вотъ оно опять здѣсь повторяется... смотрите: «Магадева»... Вотъ въ этомъ самомъ начертаніи я видѣлъ его въ одномъ древнѣйшемъ спискѣ Вѣды на Цейлонѣ... Сказать по правдѣ, списокъ этотъ былъ не понятенъ самимъ тамошнимъ ученымъ и жрецамъ.

— Слѣдовательно, и алфавитъ вамъ знакомъ?

— Какъ вамъ сказать, батенька... И да, и нѣтъ. Этотъ алфавитъ относится къ санскриту въ родѣ того, какъ глаголица IX вѣка къ позднѣйшему церковно-сла-

*) Въ рукописи Андрея Ивановича „Веды“ вездѣ писаны черезъ ѣ. отъ славянскаго корня „вѣдѣть“. Я держался его правописанія.

вянскому алфавиту, къ нашей королицѣ, или скорѣе—къ гражданской печати... Да это бы не бѣда: это еще полбѣды...

— А въ чемъ же настоящая-то бѣда, Авдѣй Макаровичъ?

— А въ томъ, батенька, что понять-то я ничего не могу... Можетъ быть, я не такъ произношу? Вотъ кажется мнѣ, что и то, и другое слово знакомы, а что они въ связи между собою значать, я не понимаю. Конструкція-ли въ томъ виновата или въ старину слова эти другое значеніе имѣли,—Богъ вѣсть! Кажется мнѣ, что здѣсь обращеніе къ Высочайшему Существу,—а если вы потребуете доказательствъ—не поручусь... не поручусь, батенька... Показывали вы эту дощечку еще кому-нибудь?

Андрей Ивановичъ назвалъ Кноблауха.

— Ну, это, батенька, вы не туда заѣхали. Кабы вы еще къ Бурланову Митрофану Петровичу толкнулись, тогда другое дѣло. А впрочемъ, толкъ-то былъ-бы одинъ. И онъ вамъ тоже бы сказалъ, что я: источники-то у насъ съ нимъ, батенька, одни,—изъ одного колодца воду черпали... Ну, а что вамъ Кноблаухъ сказалъ?

— Что это или узоръ, или игра природы, или—мистификація.

— Ха, ха, ха! Узоръ! Вотъ умора-то! Нѣтъ, игра природы—это еще лучше! Ха, ха, ха! Ну, уморили вы меня до слезъ, батенька... право уморили... Ну гдѣ имъ! Вы посмотрите только, какъ они русскій языкъ изучаютъ? Встрѣчаются двое такихъ ученыхъ на улицѣ:—Куда изволили ходить, ваше превосходительство? —спрашиваетъ одинъ.—Я стригался, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ другой.—Ай, ай, ай! ваше превосходительство,—говоритъ первый, качая головой:—вы такъ глубоко изучили русскій языкъ, а употребляете многократный видъ, вмѣсто однократнаго! Вѣдь вы не много разъ стригались, а только одинъ,—поэтому нужно было сказать: я стригнулся... Ха, хи, хи! Я стригнулся! Неправда-ли—мило?

Андрей Ивановичъ уже раньше слышалъ этотъ анек-

доть, но не могъ не расхохотаться вмѣстѣ съ профессоромъ: такъ забавно рассказывалъ его Авдѣй Макаровичъ.

— Ну гдѣ имъ?—началъ снова Семеновъ:—имъ бы только ярлыки наклеивать да номера проставлять, больше то они ни на что не годны. Вотъ крупные оклады даромъ получать, это они мастера: насчетъ суточныхъ да подъемныхъ, прогоновъ, отопленія, освѣщенія, столовыхъ да квартирныхъ—собаку съѣли. Только заговорите. Ну, а насчетъ дѣла швахъ, совсѣмъ швахъ... Ха, хи, хи! Такъ вы съ нимъ и порѣшили на томъ, что игра природы?

— Нѣтъ, г. Кноблаухъ посоветовалъ мнѣ обратиться къ іенскому ученому Вурсту.

— Ага! Карлъ Вурстъ, ученикъ Макса Мюллера... Ну, что же побывайте у него, побывайте. Толку-то большого отъ него не получите, а все же увидите интересный типъ.

— Но мнѣ этого мало.

— Мало-то, мало... самъ чувствую, что мало... Знаете-ли что? Поѣзжайте-ка, благословясь, въ Англію: тамъ въ Оксфордѣ, есть нѣкто мистеръ Грешамъ—потолкуйте-ка съ нимъ... Парень хорошій! Если самъ не сможетъ, укажетъ, къ кому обратиться. Вѣроятно, онъ васъ въ Индію пошлетъ, на Цейлонъ, быть можетъ. Онъ, знаете, со всѣми этими *бабу* въ перепискѣ... Эхъ, кабы не профессура, закатился-бы я съ вами, право!

— Вотъ-бы я былъ радъ!

— Да нельзя—лекціи! А много у васъ такихъ дощечекъ?

— Триста восемнадцать.

— Триста восемнадцать! Да вѣдь это цѣлая библіотека! Вѣдь это, можетъ быть, единственный памятникъ древней, давно исчезнувшей цивилизаціи, — исторія совсѣмъ неизвѣстной, вымершей расы. Никакъ взять отпускъ да ѣхать съ вами?

— Я былъ-бы вамъ такъ благодаренъ, Авдѣй Макаровичъ.

— Эхъ, батенька! Дѣло вовсе не въ благодарности... Развѣ тутъ благодарностью пахнетъ! Тутъ, можетъ быть,

удастся извлечь изъ тьмы вѣковъ, такъ сказать, изъ пучины забвенія, неизвѣстную народность, стоявшую, судя по алюминіевымъ дощечкамъ, на такой высокой степени цивилизаціи, по которой и намъ еще далеко... Быть можетъ, на этихъ доскахъ исторія нашихъ родоначальниковъ, современныхъ потопу, можетъ быть, даже его волнами смытыхъ съ лица земли.—А вы говорите о благодарности, батенька... Иванъ Петровичъ! Иванъ Петровичъ! Да гдѣ пропадешь, скажи на милость?

— Здѣсь я. Куда мнѣ пропадать?—откликнулся артельщикъ, входя въ комнату.

— Сколько у насъ денегъ?

— Денегъ-то? Четырнадцать цѣлковыхъ бумажками, да два двугривенныхъ...

Авдѣй Макаровичъ протяжно свистнулъ.

— Да куда же ты деньги дѣваешь?

— Это я же дѣваю? А на прошлой недѣлѣ кто господину Каютину сто рублей отдалъ? Говорю, не давайте: мало ли за нимъ нашихъ денегъ поѣло...

— Ну, отдасть.

— Какъ же! Таковский! А на нынѣшней недѣлѣ двадцать рублей какому-то бѣлогубому студенту отдали...

— Ну, молчи, молчи.

— А во вторникъ ужъ опять двое приходили — тѣмъ пятьдесятъ дали...

— Да молчи же ты, Иванъ!

— Опять эта дохлая студентка пришла—этой пятнадцать...

— Да ты что, Ванька чортъ? Пошелъ вонъ!—вскипятился Авдѣй Макаровичъ, бросаясь съ кулаками на своего личарду и выталкивая его изъ комнаты.

— Вотъ негодай!—продолжалъ онъ уже спокойнѣе:—мелеть чепуху и ничѣмъ не остановишь!.. Ну, да это пустяки. Денегъ я достану. За послѣднюю работу я 1500 еще не дополучилъ, да за прошлую осталось рублей 800,

кажется... Если поскрести по угламъ, до 3000 наберется... Значить, рѣшено!

— Позвольте мнѣ, Авдѣй Макаровичъ, все путевые расходы принять на свой счетъ...

— Съ чего это вы, батенька, выдумали?

— Съ того, что, во-первыхъ, я настолько богатъ, что это для меня не составитъ ни малѣйшаго затрудненія, а во-вторыхъ—вѣдь эта экспедиція предпринимается собственно ради моихъ интересовъ...

— Ну, это вы, батенька, говорите вздоръ. Никакихъ тутъ ни вашихъ, ни моихъ интересовъ нѣтъ. Тутъ, батенька, интересы науки. Да-съ. А эти интересы выше всякихъ личныхъ интересовъ, для которыхъ я, можетъ быть, и пальцемъ не пошевелию... Ну, да это все пустяки. О денежныхъ дѣлахъ мы еще успѣемъ потолковать. А вы вотъ что мнѣ скажите, батенька: вѣдь вы, кажется, упомянули, что нашли эти дощечки въ какомъ-то древнемъ храмѣ и даже въ чьей-то гробницѣ? Да? Ну, такъ расскажите-ка подробно, что это за храмъ и какія тамъ гробницы. Дѣло то чрезвычайно интересное.

Андрей Ивановичъ принялся подробно рассказывать исторію своего открытія, описалъ храмъ при озерѣ, городъ, башни, развалины храмовъ въ горахъ, наконецъ нагорный храмъ и его чудеса и художественныя рѣдкости. Разговоръ затянулся до глубокой ночи. Пили чай, затѣмъ ужинали. Авдѣй Макаровичъ обо всемъ спрашивалъ, входилъ въ мельчайшія подробности и отпустилъ своего гостя только тогда, когда блѣдные лучи разсвѣта напомнили ему о предстоящей лекціи.

— Знаете-ли что, батенька,—сказалъ онъ, прощаясь: я къ вамъ забѣгу послѣ лекціи, да отправимтесь-ка вмѣстѣ къ Левецкому или Смирнову: пусть-ка они со всехъ дощечекъ сдѣлаютъ фотографическіе снимки, да не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Вообще такое важное открытіе нельзя оставлять на произволъ случайно-

сти. Мало-ли что может случиться: дощечки могут пропасть, сгорѣть, исчезнуть какимъ-нибудь другимъ способомъ,—сами мы съ вами можемъ умереть... Но дѣло не должно пострадать изъ-за нашей небрежности и непредусмотрительности. Быть можетъ, судьба послала единственный случай проникнуть въ тайны до-историческаго человѣчества и затѣмъ онъ уже никогда не повторится. Надо имъ воспользоваться.

Такимъ образомъ только на разсвѣтъ слѣдующаго дня разстались Авдѣй Макаровичъ и Андрей Ивановичъ, и разстались совершенными друзьями. Иванъ Петровичъ, онъ же и Ванька чортъ, подслушавши въ разговорѣ, что Грачевъ вовсе не нуждается въ денежной помощи профессора, но самъ страшно богатъ, теперь уже предупредительно, собственной персоной, подалъ ему пальто,—мало того онъ, по собственной инициативѣ, сбѣгалъ для него за извозчикомъ и; усаживая на пролетку, даже извинился, что давеча, по незнанію, обошелся съ нимъ не совсѣмъ вѣжливо, принявши его за одного изъ тѣхъ посѣтителей, которые постоянно ходятъ къ Авдѣю Макаровичу занимать деньги—въ долгъ безъ отдачи.

— Много ихъ шатается, сударь... А Авдѣй Макаровичъ, что малый ребенокъ, никому отказать не умѣютъ. Надо-ли, не надо-ли—нѣтъ у нихъ этого разбору. «Просить», говорятъ, «стало быть нужно». Право-съ...

VI.

П и с ь м о.

Почтеннѣйшій и добрѣйшій другъ,

Авдѣй Макаровичъ!

По штемпелю письма вы можете видѣть, что я пишу вамъ изъ Оксфорда. Раньше я не писалъ потому, что не было еще достаточно интереснаго матеріала, которымъ я могъ-бы съ вами подѣлиться.

Да, добрый мой, Авдѣй Макаровичъ, вы были тысячу разъ правы, когда сказали, что намъ нечего ожидать отъ нѣмецкихъ ученыхъ, вроде Карла Вурста. Вы помните нашъ послѣдній разговоръ, когда въ ожиданіи отъѣзда мы выпили съ вами по стакану вина за успѣхъ нашего предпріятія: чокаясь со мной, вы сказали тогда, что путь черезъ Европу приведетъ меня все-таки на Цейлонъ или даже, можетъ быть, въ глубину Индостана. Ваше предсказаніе сбылось буквально. Мнѣ остается только реализовать часть моего богатства въ лондонскомъ банкѣ и затѣмъ, дождавшись вашей телеграммы, двинуться въ путь.

Но расскажу все по порядку. Дорожныхъ приключеній, конечно, описывать я не буду, потому что это не интересно ни для васъ, ни для меня. Перейду прямо къ дѣлу.

По вашему совѣту, я былъ въ Іенѣ и удостоился видѣть знаменитаго Карла Вурста. Если вы его не знаете лично, то, можетъ быть, вамъ небезынтересно будетъ узнать, что своими тараканьими усами и воинственнымъ видомъ онъ удивительно похожъ на отставнаго прусскаго унтеръ-офицера. Принялъ онъ меня довольно надменно, а узнавши, что я русскій, вздумалъ позволить себѣ въ обращеніи со мною какой-то глупый, высокомерно-пренебрежительный тонъ. Это меня взорвало и я сказалъ ему нѣсколько горькихъ истинъ, которыя посбили ему силъ, и онъ сталъ держать себя приличнѣе и проще. Вообще, со временъ Бисмарка, нѣмцы сдѣлались самыми несносными животными. Неожиданные успѣхи выбили ихъ изъ привычной колеи и теперь они изображаютъ изъ себя—даже не «мѣщанъ», а «лакеевъ во дворянствѣ»...

Когда я сообщилъ, что являюсь по рекомендаціи Кноблауха, знаменитый ученый тотчасъ же проникся необычайнымъ интересомъ къ нашей академіи и принялся спрашивать, какіе тамъ получаютъ оклады, даются-ли квартиры въ натурѣ, съ отопленіемъ или безъ отопленія, часто-ли назначаются награды и въ какомъ размѣрѣ и т. д. Отвѣ-

чая на его безчисленные вопросы, я невольно подумалъ: не собирается-ли г. Вурстъ осчастливить насъ своею ученостію, въ качествѣ сотоварища гг. Кноблауха, Глиствайба и другихъ столповъ нашей науки?

Мнѣ только съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, обратить разговоръ на предметъ моего посѣщенія и при этомъ я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ трудно въ нѣмецкомъ ученомъ пробить кору его профессиональнаго самомнѣнія и предвзятыхъ идей... На все въ мірѣ онъ имѣетъ свои установившіеся взгляды и сидитъ за ними, какъ за крѣпкимъ барьеромъ. Проникнуть къ нему черезъ этотъ оплотъ чрезвычайно трудно, потому что онъ способенъ не видѣть и не слышать всего того, что расходится съ его собственнымъ мнѣніемъ. Вотъ вамъ доказательства.

Когда я сообщилъ господину Вурсту, что у меня есть манускриптъ, написанный на древнѣйшемъ аріійскомъ языкѣ, который вы назвали прадѣдомъ санскрита, онъ пренебрежительно засмѣялся и затѣмъ рѣшительно объявилъ, что это чепуха, поддѣлка, мистификація. Праязыкъ, по его словамъ, просто-на-просто неудачная выдумка Шлейхера, а его попытка реставрировать на этомъ выдуманномъ языкѣ басни—ослѣпительный *tour de force* для невѣжды—можетъ вызвать только улыбку у людей знающихъ. И Максъ Мюллеръ, и онъ, Карлъ Вурстъ, уже достаточно доказали, что изъ сравнительнаго языкознанія совершенно невозможно вывести ни хронологіи, ни генеалогіи языковъ. Еще доказать, посредствомъ этой странной науки, сходство между языками извѣстныхъ расъ или группъ человѣческаго рода—это возможно; но сродство между языками легко доказать и безъ сравнительнаго языкознанія: для этого стоитъ только взять лексиконъ того и другого языка и найти сходныя слова, что можетъ сдѣлать всякій человѣкъ, умѣющій читать. Для такихъ пустяковъ не надо быть ученымъ, а тѣмъ болѣе выдумывать какую-то особенную науку. Вотъ вамъ образчикъ его разсужденій.

Затѣмъ, перейдя къ опредѣленію древности открытаго мною манускрипта, онъ категорически объявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ признать за нимъ доисторической древности и вотъ на какомъ основаніи. Самыя древнѣйшія семитическія письмена восходятъ едва-едва къ тридцатому столѣтію до нашего времени; мой манускриптъ, согласно моему заявленію, написанъ на языкѣ, родственномъ съ санскритскимъ, а такъ какъ этотъ послѣдній, — что опять-таки неопровержимо доказано Максомъ Мюллеромъ, — искусство письма занималъ у семитовъ, то манускриптъ этотъ можетъ считать за собою — самое большее лишь двадцатипяти-вѣковую древность...

Замѣьте себѣ, мой добрѣйшій Авдѣй Макаровичъ, что все это было высказано раньше, чѣмъ г. Вуретъ нашелъ нужнымъ взглянуть на самую рукопись.

Но мнѣ хотѣлось продѣлать всю комедію до конца, чтобы уже не оставалось ничего неизвѣстнаго въ этомъ неизвѣстномъ иксѣ. Выждавъ моментъ, когда ученое краснорѣчіе г. Вурета обратилось за подкрѣпленіемъ къ трубкѣ вонючаго кнастера (чортъ знаетъ, почему эти нѣмцы курятъ такой отвратительный табакъ!), я воспользовался этимъ перерывомъ и предъявилъ ученому капралъ фотографическій снимокъ съ первой таблицы моего манускрипта.

— Что за чепуха? — сморщился г. Вуретъ, вертя въ рукахъ непонятный листокъ. — Такъ это-то ваше открытіе? Да въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго признака не только древности, но даже простой старины!

Я объяснилъ ему, что если онъ говоритъ собственно объ этомъ листкѣ, а не о томъ, что на немъ написано, то дѣйствительно этотъ листокъ весьма недавняго происхожденія, такъ какъ это фотографическій снимокъ съ одной изъ таблицъ моего манускрипта.

— А гдѣ же оригиналъ? — спросилъ онъ, съ пренебреженіемъ откидывая листокъ.

— Оригиналъ хранится въ надежномъ мѣстѣ, такъ какъ я рѣшился не подвергать его случайностямъ путешествія.

— Ужъ не хотите-ли вы, чтобъ я разсматривалъ копію?

Я объяснилъ ему, что фотографическіе снимки служатъ даже для микроскопическихъ изслѣдованій, а для опредѣленія во-первыхъ того, извѣстенъ ли господину профессору алфавитъ этой рукописи, и во-вторыхъ, на какомъ языкѣ она написана, совершенно нѣтъ надобности въ оригиналѣ, въ особенности когда имѣется такая точная копія, буквально воспроизводящая всѣ малѣйшія точки, черточки и штрихи.

Г. Вурстъ окружилъ себя облакомъ своего вонючаго табаку и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Затѣмъ, остановившись противъ меня, онъ спросилъ отрывисто:

— Вы говорите, оригиналъ писанъ на таблицахъ: что это за таблицы?

— Тонкіе металлическіе листочки, съ обѣихъ сторонъ исписанные такими письменами.

— Изъ какого металла эти таблицы?

— Кажется, изъ алюминія, если только это не другой металлъ, крайне на него похожій по виду, цвѣту и удѣльному вѣсу.

— Алюминій! — повторилъ г. Вурстъ и расхохотался. Затѣмъ посмотрѣвъ на меня съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ, онъ спросилъ:

— Неужели вы пріѣхали въ Іену только для этой ребяческой мистификаціи? Думаете-ли вы, что у меня такой излишекъ времени, что я могу бросать его на подобные пустяки?

Я повторилъ ему тѣже доводы относительно подлинности моего открытія, которые приводилъ уже Кноблауху; я сказалъ, что невозможно допустить, чтобы, во-первыхъ, нашлось такое лицо, которое только ради мистификаціи взяло на себя неблагодарный трудъ приготовить 318 алюминіевыхъ таблицъ и затѣмъ изрѣзать ихъ съ обѣихъ сторонъ такого рода письменами, а во-вторыхъ, чтобы это лицо могло помѣстить свои таблицы въ томъ недоступномъ мѣстѣ, гдѣ я ихъ нашелъ.

— Что же это за мѣсто такое?

— Это совершенно недоступный островъ въ Тихомъ океанѣ, лежащій подь $8^{\circ} 57''$ с. ш. и $155^{\circ} 16' 47''$ з. д. отъ меридіана острова Ферро.

Г. Вуретъ досталъ съ полки географическій атласъ, отыскалъ карту Тихаго океана и долго водилъ по ней пальцемъ. Наконецъ я указалъ ему искомый островъ.

— Aber das ist die Gefährliche Insel! — воскликнулъ онъ, уставивъ на меня вопросительный взглядъ.

— Да, островъ Опасный, совершенно недоступный съ моря.

— Но тогда какъ же вы на него попали, я васъ спрашиваю?

— На аэростатѣ.

— На аэростатѣ? Черезъ Тихій океанъ? Милостивый государь, я попросилъ бы васъ избрать для своего изумительнаго остроумія кого-нибудь другого, а меня оставить въ покоѣ.

— Ну, хорошо, г. профессоръ: оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ. Въ настоящую минуту не важно, какъ я нашелъ эти таблицы, — важно то, что онѣ найдены, что онѣ существуютъ.

— Но кто мнѣ поручится, что онѣ дѣйствительно существуютъ?

Я вынулъ изъ бумажника квитанцію Петербургскаго Отдѣленія Государственнаго Банка въ томъ, что имъ принято на храненіе въ кладовыхъ банка, вмѣстѣ съ прочими драгоценностями, 318 алюминиевыхъ таблицъ, покрытыхъ неизвѣстными письменами.

— Вотъ, г. профессоръ, — сказалъ я, — если въ Іенѣ найдется лицо, знающее русскій языкъ, то оно васъ удостоитъ, что эта квитанція вполне гарантируетъ существованіе таблицъ.

Г. Вуретъ подошелъ къ двери и постучалъ.

— Mariechen! Mariechen! — крикнулъ онъ: — ruft mir den Warschauer!

Черезъ нѣсколько времени въ комнату вошелъ юркій еврейчикъ съ тяжелымъ золотымъ *rinse-nez* на бутылкообразномъ носу.

— Господинъ фонъ-Варшауэръ, — сказалъ профессоръ, — будьте любезны, прочитайте, пожалуйста, и переведите мнѣ, что написано на этомъ лоскутѣ.

Здѣсь произошла комическая сцена, которую не могу не передать вамъ.

Г. Варшауэръ какъ-то безглаголиво, искоса взглянулъ на квитанцію. Но едва взглядъ его масляныхъ глазъ успѣлъ уловить написанныя тамъ цифры, какъ вдругъ лицо его вытянулось, ротъ растянулся до ушей, руки затряслись, какъ подъ вліяніемъ гальваническаго тока: приблизивъ почти къ самому носу квитанцію, онъ жадно принялся пробѣгать ее глазами, восклицая время отъ времени:

— Was is das? На пятнадцать милліоновъ драгоцѣнностей! Fünfzehn Millionen Rubel! Oh, вей миръ! Fünfzehn Millionen!

— Fünfzehn Millionen Rubel? — повторялъ растерянно профессоръ, смотря въ квитанцію изъ-за плеча Варшауэра.

— O, ja, ja! Считая по 40 коп. за марку, то-есть двѣ съ половиной марки въ рублѣ... Это будетъ... Sieben und dreiszig und halb Millionen Mark!

— Sieben und dreiszig und halb Millionen! — повторялъ, какъ эхо, профессоръ г. Вуретъ.

— Это неважно, — прервалъ я восторги гг. Вурета и Варшауэра: — прочитайте, пожалуйста, г. профессору вотъ это, самое важное для меня мѣсто квитанціи.

— Самое важное? О, вей миръ! Самое важное! Dreihundert achtzehn aluminische Tafeln... Алюминіевыя таблицы, исписанныя неизвѣстными письменами — самое важное! о!

— Надѣюсь, г. профессоръ, — сказалъ я, — теперь существованіе алюминіевыхъ таблицъ для васъ не подвержено сомнѣнію?

— О, конечно, конечно!.. Тридцать семь съ половиной миллионов!.. Конечно! Я вполне увѣренъ... Это выше всякаго сомнѣнія!

— Поэтому, мнѣ кажется, уже ничто не помѣшаетъ вамъ рассмотреть этотъ листокъ, — продолжалъ я, — снова подавая ему фотографическій снимокъ таблицы.

— О, конечно, конечно! Я весь къ услугамъ высокоуважаемаго господина.

Г. Вурстъ съ безконечно большимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде, сталъ разсматривать поданный листокъ. Но я успѣлъ замѣтить, судя по тому, какъ онъ вертѣлъ его въ рукахъ, оборачивая то такъ, то вверхъ ногами, что онъ ничего въ немъ не понимаетъ. Тѣмъ не менѣе я спросилъ его, извѣстенъ-ли ему языкъ, на которомъ написана таблица.

— Конечно... Что-же тутъ мудренаго? Алфавитъ, которымъ писанъ оригиналъ, очевидно, одна изъ безконечныхъ варіацій семитическаго алфавита...

— А языкъ?

— Языкъ, очевидно, смѣсь зендскаго и санскритскаго языковъ... быть можетъ, съ извѣстною дозой древняго бактрійскаго языка.

— Слѣдовательно, вы можете прочесть и перевести этотъ листокъ?

— О, о! Не такъ-то скоро! При всемъ глубокомъ уваженіи я долженъ сказать, что высокопочтенный господинъ, вѣроятно, не совсѣмъ знакомъ съ методомъ научныхъ изслѣдованій въ области археологической палеографіи: здѣсь каждое слово, каждая отдѣльная буква, каждый штрихъ должны быть предметомъ глубокихъ критическихъ изысканій, что требуетъ слишкомъ много времени и труда. Гротендъ, Раулинсонъ, Шампольонъ и другіе изслѣдователи употребляли по нѣскольку мѣсяцевъ на то, чтобы прочесть и объяснить какую-нибудь одну строчку гіероглифовъ или клинообразныхъ письменъ. Поэтому, если высокоува-

жаемый господинъ благоволилъ оставить мнѣ этотъ листокъ, то я полагаю, что шести мѣсяцевъ мнѣ будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы совершенно ознакомиться съ его содержаніемъ.

Итакъ, при помощи г. Вурста, мнѣ понадобилось-бы сто пятьдесятъ девять лѣтъ, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ найденныхъ мною таблицъ! Не надѣясь прожить столько времени даже ради интересовъ науки, я поневолѣ долженъ былъ обратиться къ другому ученому, нѣсколько болѣе успѣшному въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Такъ какъ по вашему совѣту я распорядился сдѣлать по нѣскольку снимковъ съ каждой таблицы, то я взялъ перо и подписалъ сверху листка, что приношу его въ даръ Іенскому университету. Затѣмъ я тотчасъ же раскланялся съ г. Вурстомъ, отказавшись и отъ вина, и отъ пива, которыми онъ вздумалъ меня угощать. Гг. Вурстъ и Варшауэръ любезно проводили меня на крыльцо и, долго стоя въ дверяхъ, посылали мнѣ въ слѣдъ привѣтствія и поклонны, пока я шелъ по улицѣ. Потомъ они обернулись носомъ къ носу и принялись горячо жестикулировать.

Въ тотъ же день я уѣхалъ изъ Іены и, какъ видите, уже въ Оксфордѣ...

Но мое письмо такъ разрослось и я такъ много отвелъ въ немъ мѣста для г. Вурста, что о предметахъ болѣе достойныхъ вашего вниманія мнѣ приходится говорить вкратцѣ.

Остановившись въ гостинницѣ, я послалъ мистеру Грешаму, въ Trinity-College, ваше письмо и карточку съ просьбой увѣдомить меня, когда я могу ему представиться. Затѣмъ, такъ какъ «съ волками жить—по волчьимъ вѣтъ», я спросилъ себѣ бутылку кларета съ порціей традиціонныхъ бараньихъ котлетъ и принялся за завтракъ à l'anglaise. Но не успѣлъ я взяться за вилку, какъ вдругъ входитъ высокій худощавый господинъ, съ лицомъ, осыпаннымъ крупными веснушками, съ гладко остриженными

песочными волосами и съ огромными ярко-огненными баками; господинъ этотъ быстро окидываетъ залу глазами и направляется прямо въ мою сторону. Въ этотъ короткій промежутокъ времени я успѣлъ разсмотрѣть, что, несмотря на веснушки и чудовищныя баки, лицо этого господина имѣетъ очень симпатичное и добродушное выраженіе.

— Если не ошибаюсь,—сказалъ онъ, когда я въ недоумѣніи поднялся къ нему навстрѣчу,—я имѣю честь видѣть мистера Гречоу? Я докторъ Грешамъ,—продолжалъ онъ, привѣтливо протягивая мнѣ обѣ руки... Добро пожаловать въ нашъ старый, ученый городъ. Очень, очень радъ съ вами познакомиться: Гречоу, Грешамъ—какъ это похоже!

И онъ весело разсмѣялся такимъ добродушно-ласковымъ смѣхомъ, что какъ-то сразу сдѣлался мнѣ близкимъ человекомъ.

— Я торопился просить васъ къ себѣ сегодня завтракать,—продолжалъ онъ.—Но такъ какъ вы меня предупредили, то мнѣ остается только присоединиться къ вашему завтраку. Но я надѣюсь, что вы не откажете сдѣлать мнѣ честь отобѣдать сегодня у меня? Да? Прекрасно! Я познакомлю васъ съ моею женой, маленькой мистрисъ Грешамъ.

Затѣмъ онъ подозвалъ лакея и приказалъ подать себѣ бараньихъ котлетъ и бутылку кларета.

— Ну-съ, теперь расскажите мнѣ, — продолжалъ онъ, чокаясь со мною стаканомъ кларета,—какъ поживаетъ my little dear fatler, batenika, докторъ Обадія Симонсъ? Собственно говоря, я на него ужасно золь: я писалъ къ нему два раза и ни на одно письмо не получилъ отвѣта. Я знаю, что онъ меня любитъ попрежнему и письмо, которое вы мнѣ передали, меня отчасти примирило съ нимъ; но эта славянская распущенность, это нежеланіе взять себя въ руки, неохота пошевелить лишній разъ пальцемъ безъ крайней нужды даже затѣмъ, чтобы написать двѣ-три строки далекому другу—это очень несимпатичная расовая черта. Какъ

хотите, это черта восточнаго некультурнаго человѣка! Меня до крайности злитъ въ немъ эта славянская лѣнь, потому что я глубоко убѣжденъ, что, еслибъ только онъ взялъ себя въ руки, его имя прогремѣло-бы по цѣлой Европѣ, какъ лучшаго ориенталиста нашего времени. Неправда-ли? А онъ что дѣлаеть?—Онъ пьетъ себѣ запоемъ чай да разрѣзываетъ новенькія книжки! Я знаю, онъ мнѣ скажетъ, что слѣдить за наукой, запасается свѣдѣніями, обогащаетъ себя новыми идеями... Но какая намъ польза отъ его познаній, отъ его новыхъ идей, когда онѣ сидятъ въ его мозгу и не выходятъ наружу? О. попадись онъ мнѣ на глаза, я бы его разобралъ отлично! Я бы его такъ отдѣлалъ, такъ отдѣлалъ!.. Знаете, мистеръ Гречоу, я собираюсь написать къ нему ругательное письмо на четырехъ листахъ большого формата и самымъ мелкимъ почеркомъ. Какъ вы думаете, подѣйствуетъ это на него?...

Какъ вы думаете, d-r Obadia Simens, онъ же почтеннѣйшій Авдій Макаровичъ, побудить-ли этотъ отзывъ вашего друга, доктора Грешама, который я нарочно буквально передаю, — побудить-ли онъ васъ окончить, наконецъ, то большое сочиненіе, о которомъ вы мнѣ говорили и для котораго, по вашимъ словамъ, собраны уже всѣ матеріалы, составленъ подробный планъ, которое даже набросано вчернѣ и теперь нуждается только въ окончательной отдѣлкѣ? Что вы на это скажете?

Но что за милый человѣкъ этотъ Грешамъ! Я право отъ него въ совершенномъ восторгѣ, точно такъ-же, какъ и отъ его милой, доброй жены, которая такъ меня обласкала, что я чувствую себя у нихъ совершенно какъ дома. Вѣрьте послѣ этого тому, что рассказываютъ объ англійской чопорности! Правда, нашей слащавой маниловщины у нихъ не встрѣтишь, но зато найдешь такое гуманное, такое искреннее отношеніе къ человѣку, такое уваженіе къ человѣческой личности, что за отсутствіе ихъ не вознаграждать никакія кулебяки съ осетриной нашихъ гостепріимныхъ и хлѣ-

босольныхъ москвичей. Цѣлые дни я провожу у нихъ, и если я опоздаю къ завтраку, то или является посланный, или самъ мистеръ Грешамъ безъ церемоніи беретъ меня подъ руку и ведетъ къ мистрисъ Грешамъ извиняться, что заставилъ себя ждать съ завтракомъ. Послѣ завтрака я сажусь въ покойное кресло, беру къ себѣ на колѣни маленькую Эми, синеглазую дочку Грешама, и рассказываю ей русскія сказки объ Иванѣ царевичѣ и съромѣ волкѣ, и жарѣ птицѣ, и о бабѣ Ягѣ. Могу похвастаться, что маленькая миссъ слушаетъ меня съ большимъ удовольствіемъ, хотя къ сказочнымъ чудесамъ относится скептически. Особенно ее смѣшитъ, какъ это баба Яга въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, метлою слѣды заметаешь... Что касается отца и матери, то они въ совершенномъ восторгѣ отъ моихъ сказокъ. Мистеръ Грешамъ восхищается ихъ простодушною, первобытною поэзіей и проситъ у меня позволенія записать нѣкоторыя изъ нихъ.

Но я замѣчаю, что, увлекшись идиллическими подробностями, я совсѣмъ позабылъ сообщить вамъ о дѣлѣ. Письмо мое уже приняло весьма почтенные размѣры. Поэтому на уголкѣ листа сообщу вамъ вкратцѣ, что когда я рассказаль подробно о своемъ открытіи, мистеръ Грешамъ очень имъ заинтересовался. «Въ какомъ, вѣроятно, восторгѣ отъ этого d-r Сименсъ! сказалъ онъ. Нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ онъ весьма внимательно разсматривалъ фотографическіе снимки съ таблицъ и, наконецъ, вчера вчера за обѣдомъ рѣшительно объявилъ, что въ Европѣ мнѣ дѣлать нечего, но что нужно ѣхать въ Индію, на Цейлонъ, гдѣ есть ученый пундितъ Нарайянь Гаутама Суами, который въ этомъ дѣлѣ мнѣ будетъ полезнѣе всѣхъ филологовъ, санскритологовъ и ученыхъ оріенталистовъ Европы. «Я дамъ вамъ къ нему письмо,—сказаль Грешамъ,—и вполнѣ увѣренъ, что Нарайянь для меня сдѣлаетъ все, что можетъ. Но такъ какъ онъ часто путешествуетъ по Индіи и часто забирается въ глушь Гималайскихъ монастырей, то я дамъ вамъ

другое письмо къ одному богатому сингалезцу, Рами Сагибу, который живетъ недалеко отъ Коломбо въ своемъ наслѣдственномъ помѣстьи: онъ очень друженъ съ Нарайяномъ и всегда знаетъ, гдѣ его найти. Я часто адресую свои письма Рами Сагибу для передачи Нарайяну».

Вотъ вамъ, многоуважаемый Авдѣй Макаровичъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи по Европѣ и о его результатахъ. Буду ждать въ Оксфордѣ, что вы посоветуете мнѣ дѣлать.

Весь вашъ

Андрей Грачевъ.

VII.

Телеграмма.

Оксфордъ Грачеву.

Взялъ отпускъ. Ёду съ вами. Буду ждать въ Портъ-Саидѣ. Справьтесь въ русскомъ консульствѣ.

Семеновъ.

VIII.

Отъѣздъ изъ Европы.

Быстро бѣжитъ желѣзнодорожный поѣздъ почти по прямому направленію — съ сѣвера на югъ. По сторонамъ дороги мелькаютъ старинные городки съ высокими узкими домами и еще болѣе узкими улицами. Мелькаютъ высокія старинныя башни, зубчатые стѣны, мосты, голыя скалы, зеленые виноградники, смѣющіяся фермы. Все бѣжитъ, торопится показаться и исчезнуть, чтобы уступить мѣсто другому. Въ долинахъ начинаютъ уже появляться лимонныя рощи. На станціяхъ, рядомъ съ грубымъ гортаннымъ нѣмецкимъ языкомъ, слышится уже иная, плавная рѣчь, и ухо съ удовольствіемъ ловитъ музыкальные звуки раз-

говора. Иной разъ, вслушиваясь въ бесѣду своихъ сосѣдей, Грачевъ съ удивленіемъ замѣчалъ, что они говорятъ вовсе не поитальянски, какъ ему казалось сначала, а славянскимъ нарѣчіемъ, совершенно ему понятнымъ, но до того плавнымъ и мягкимъ, что оно не уступало въ музыкальности итальянскому языку.

Вотъ уже показался Триестъ. На скатѣ плоскогорья темнѣетъ старый городъ съ его древними зданіями; новый городъ купцовъ и коммерсантовъ ушелъ къ самому морю, растянулся вокругъ небольшихъ сосѣднихъ бухтъ, въ которыхъ виднѣется цѣлый лѣсъ мачтъ и паровыхъ трубъ. Андрей Ивановичъ стоитъ у окна вагона и смотритъ, какъ быстро мелькаютъ передъ нимъ дома, улицы, площади, конторы. Громадные склады строевого лѣса, горы каменного угля, цѣлыя стада быковъ, хлѣбъ, кофе, табакъ, бочки съ сахаромъ, груды хлопка—все это мелькаетъ передъ нимъ, рябитъ въ глазахъ; но ему некогда всматриваться въ окружающую его кипучую дѣятельность: нужно попасть во время на отходящій въ Портъ-Саидъ пароходъ Австрійскаго Ллойда.

Около самаго вокзала желѣзной дороги находится новый портъ; сооруженія его тянутся почти на три версты. За изгибомъ мола св. Терезы, на выступѣ котораго въ море возвышается маякъ, виднѣется старая гавань. Отъ желѣзнодорожной площади до этого мола тянется набережная, обстроенная красивыми зданіями. Словоохотливые сосѣди указываютъ городской театръ, старую биржу, городскую ратушу, православную церковь св. Николая, памятники Леопольду I и императору Карлу VI, карантинъ, наконецъ—домъ Австрійскаго Ллойда. Андрей Ивановичъ разсѣянно смотритъ на эти зданія и думаетъ по русской привычкѣ какъ-бы не опоздать на пароходъ.

Но заграницей не опаздываютъ. Время прихода поѣздовъ точно согласовано съ временемъ отхода пароходовъ. Черезъ какой нибудь часъ Андрей Ивановичъ, вмѣстѣ съ

своимъ багажемъ, уже находился на пароходѣ «Эрцъ-герцога Максимиліанъ». Наскоро устроившись въ своей маленькой каюткѣ, онъ вышелъ на палубу посмотрѣть въ послѣдній разъ на покидаемый городъ

Облака черного дыма, вылетавшія изъ трубъ парохода, застилали густымъ туманомъ моль, ближайшую часть бухты и набережную. Порою набѣгавшій вѣтеръ съ нѣсколькими разгоналъ клубы дыма и за ними на мгновеніе показывались группы суетившихся людей, тюки товаровъ, длинная линія кораблей и на заднемъ планѣ амфитеатръ городскихъ зданій, уходящій въ синюю даль. На пароходѣ господствовала торопливая суета. По трапу непрерывно поднимались группы мужчинъ и женщинъ, втаскивались чемоданы, мѣшки, сундуки. Палубные пассажиры съ своими узлами сновали взадъ и впередъ по пароходу, отыскивая для себя удобное мѣсто. Между ними озабоченно бѣгали матросы, исключительно славяне — марлоки, поставляющіе Австріи лучшихъ моряковъ. Слышался разноплеменный говоръ, раздавались крики, смѣхъ; кое-гдѣ плакали женщины, отпуская на чужбину своихъ близкихъ или навсегда покидая скупую родину для чужой, неизвѣданной стороны, о которой такъ заманчиво пишутъ въ газетахъ. Вдругъ всю эту разноголосицу покрылъ оглушительный свистокъ парохода, заставивъ вздрогнуть непривычныхъ къ нему пассажировъ. Суета еще болѣе увеличилась. Съ мостика около трубъ послышался рупоръ капитана. Матросы кинулись убирать трапъ. Изъ воды поднималась и съ грохотомъ ползла по палубѣ массивная цѣпь якоря, вытаскиваемого паровою лебедкой. Пароходъ тихо отдѣлялся отъ пристани. Въ наступившемъ затишьѣ слышно было, какъ въ котлахъ глухо хлопотала вода. Машина приготовилась дѣйствовать и машинисты, съ масленками въ рукахъ, торопливо сновали между ея гигантскими рычагами.

Капитанъ въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ палубу парохода. Все оказалось въ порядкѣ.

— Впередь!—скомандовалъ онъ, нагнувшись къ разговорной трубѣ, сообщавшейся съ машиннымъ отдѣленіемъ. Въ то же мгновеніе весь корпусъ громаднаго парохода точно вздрогнулъ. Медленно и плавно задвигались стальные мускулы машины и пароходъ беззвучно сталъ удаляться отъ пристани. Тихо обогнулъ молъ, прошелъ онъ ворота брекватера и повернулъ на югъ, въ открытое море.

— Полный ходъ!—скомандовалъ капитанъ. Рычаги заходили чаще, густыя облака пара съ ревомъ стали вылетать изъ трубъ и бѣлая пѣна широкой полосой побѣжала за пароходомъ.

Андрей Ивановичъ задумчиво стоялъ на палубѣ, глядя на медленно передвигавшуюся ея линію дали. Онъ думалъ не о древней Аквилѣ, пріютившейся на противоположномъ берегу залива и уступившей свое величіе новому Триесту, не о мирно дремавшей на своихъ островахъ развѣнчанной царицѣ Адриатики. Къ сожалѣнію, ему было не до историческихъ воспоминаній. Со времени выхода въ море онъ началъ испытывать какое-то странное состояніе духа. Какая-то непонятная хандра овладѣла имъ. Не то печаль о чемъ-то прошломъ, покинутомъ, не то безпредметная тоска не давали ему свободно наслаждаться открывавшимися видами. Онъ безучастно смотрѣлъ, какъ на востокъ сплѣли контуры горъ и берега острововъ, непрерывною цѣпью сопровождавшихъ побережье Далмаціи, начиная отъ Поля вплоть до Черногорскихъ Антивари, какъ мѣстами еще темнѣли на нихъ лѣса, остатки тѣхъ дремучихъ корабельныхъ лѣсовъ, которые нѣкогда давали, казалось, нестоимый матеріалъ для постройки судовъ отважнымъ марлакамъ, изстари славившимся по всему Средиземному морю, какъ неустрасимые и искусные мореходы. Развѣяннo смотрѣлъ онъ, какъ впереди широко разстился голубой просторъ моря, уходившій въ безграничную даль, точно маня за собою туда, въ благодатныя страны юга, гдѣ подъ лазурнымъ тропическимъ небомъ совершенно неизвѣстны

снѣга и выюги остающагося назади сѣвера. Но въ головѣ его какъ-то смутно путались представленія о сѣверѣ и югѣ.

Также безучастно велушивался Андрей Ивановичъ въ звучащую около него разноязычную рѣчь. Почти за его спиною слышался разговоръ на французскомъ языкѣ съ тѣмъ особеннымъ выговоромъ, по которому легко было замѣтить, что говорившіе не французы.

— Да, — говорилъ одинъ голосъ съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ, — наше море умное дитя, когда спитъ.

— А развѣ оно не всегда такъ послушно? — слышался вопросъ.

— О! Посмотрѣли-бы вы, какъ оно воюетъ! Оно совершенно кипитъ и клокочетъ, какъ вода въ кастрюлѣ, и тогда неосторожному кораблику грозитъ неминуемая гибель, если онъ не успѣетъ заблаговременно спрятаться въ какую-нибудь попутную гавань.

— Вотъ какъ! Я не въ первый разъ здѣсь, но никогда не предполагалъ, чтобъ эта лужа — *la mare* — могла быть опасной...

— Лужа! — воскликнулъ итальянецъ и въ голосѣ его слышалось чувство оскорбленнаго патріотизма: — Я желалъ-бы, чтобы вы посмотрѣли на наше море во время бури!

— Извините, синьоръ, я кажется задѣлъ вашъ патріотизмъ. Но право я не знаю, откуда здѣсь возьмется буря?

— Буря бываетъ и на Комо и на Лаго-Маджіоре, милостивый государь, у насъ здѣсь дуетъ сирокко. Это жаркое дыханіе раскаленной Африки доносится и до насъ, до побережья Далмаціи. Мы рады горячему вѣтру, потому что онъ прилетаетъ къ намъ насыщенный живительною морскою влагой и оставляетъ ее на нашемъ сухомъ скалистомъ поморьѣ. Но иногда навстрѣчу южному воздушному теченію, какъ будто не желая дать ему возможности отогрѣть и напоить Иллирію и Далмацію, съ нашихъ горъ срывается рѣзкій сѣверный холодный вѣтеръ. Онъ съ страш-

ной силою проносится черезъ ущелья и проходы и подкрѣпленный береговымъ бризомъ, стремительно сталкивается съ сирокко. Вотъ когда, милостивый государь, я совѣтывалъ-бы вамъ посмотрѣть на нашу Адриатику!

— Да, пожалуй, вы правы. Я по личному опыту знаю, что буря не такъ опасна въ открытомъ океанѣ, какъ въ небольшихъ моряхъ, ограниченныхъ близкими берегами.

— Вотъ, смотрите, — продолжалъ первый голосъ, — видите эти струйки дыма, которыя то поднимаются надъ моремъ, то стелются по водѣ?

— Это туманъ.

— Да, это клубы тумана. Они поднимутся вверхъ и скоро закроютъ весь горизонтъ... и, кто знаетъ, можетъ быть изъ этого тумана родится буря.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что такъ обыкновенно встрѣчаются сирокко и сѣверный вѣтеръ: влага, которую несетъ сирокко, при встрѣчѣ съ холоднымъ теченіемъ осѣдаетъ туманомъ, а потомъ...

— А потомъ разражается буря? Ну, Богъ съ ней. Пойдемте лучше завтракать. Сейчасъ ударятъ въ колоколъ.

Андрей Ивановичъ приподнялся изъ-за бунта веревокъ и посмотрѣлъ вслѣдъ уходившимъ.

Шляпа - шлемъ изъ панамы, обвитая зеленой газовой вуалью, концы которой спускались до половины спины, короткая жакетка изъ пестрой матеріи, кожаная сумка черезъ плечо, футляръ съ биноклемъ черезъ другое — все показывало въ одномъ изъ собесѣдниковъ несомнѣннаго англичанина. Другой, котораго Грачевъ принялъ за итальянца, былъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, черныхъ перчаткахъ и высокой островерхой шляпѣ съ широкими полями. Проводивъ ихъ глазами до дверей каютъ-компаніи, Андрей Ивановичъ пошелъ слѣдомъ за ними и какъ разъ во время, потому что въ ту же минуту зазвонилъ колоколъ, призывая пассажировъ къ завтраку.

IX.

Новыя знакомства.

Не останавливаясь на осмотрѣ достопримѣчательностей западно-европейскихъ городовъ, Андрей Ивановичъ прямо проѣхалъ въ Триестъ и здѣсь поспѣшилъ взять билетъ на пароходъ Австрійскаго Ллойда «Эрцгерцогъ Максимилианъ», отходящій въ Портъ-Саидъ. Когда, разобравшись со своимъ багажомъ, онъ сошелъ въ столовую парохода къ завтраку, мѣста вокругъ столовъ были почти все заняты, однако Грачеву удалось выбрать свободный стулъ, который онъ и поспѣшилъ занять. Сидѣвшій рядомъ съ нимъ какой-то итальянецъ въ черномъ сюртукѣ предупредительно подвинулъ къ Грачеву корзину съ хлѣбомъ; Андрей Ивановичъ отвѣчалъ подобной же любезностью, передавъ ему блюдо съ салатомъ. Благодаря обмѣну услугъ, скоро завязался разговоръ и въ концѣ завтрака итальянецъ счелъ нужнымъ рекомендоваться своему сосѣду, передавъ ему карточку, на которой стояло: «Dr. Goundoulisch». Гундуличъ? Значить, славянинъ, подумалъ Грачевъ, пряча полученную карточку въ бумажникъ. Фамилія знакомая! Гдѣ это я ее слышалъ?

Въ свою очередь онъ досталъ изъ бумажника визитную карточку и съ поклономъ передалъ новому знакомцу. Случайно, вмѣсто заграничной, подъ руку попала русская карточка, печатанная еще въ Костромѣ.

— Андрей Ивановичъ Грачевъ, — бойко прочиталъ Гундуличъ и заговорилъ уже по-русски: «Очень, очень пріятно познакомиться. Я самъ почти русскій. Лучшіе годы жизни я провелъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ студентомъ медико-хирургической академіи, кончилъ курсъ, получилъ степень доктора медицины и думалъ навсегда остаться въ Россіи, да вотъ, видите, попалъ снова на родину.

— Соскучились?

— Отчасти. Но главное, — Гундуличъ оглянулся и понизилъ голосъ, — меня увлекло движеніе 75 года.

— Какое это движеніе? Я ничего о немъ не слыхалъ,—спросилъ Грачевъ.

— Я вамъ расскажу потомъ... здѣсь это не совсѣмъ удобно. Кстати, завтракъ кончился, если хотите, я могу зайти къ вамъ въ каюту.

— Вы меня очень обяжете,—обрадовался Грачевъ.

— Не мудрено,—сказалъ улыбаясь Гундуличъ.—Первое время я скучалъ въ Петербургѣ по своему милому Дубровникѣ, а потомъ на родинѣ—скучалъ о Петербургѣ. Но это, впрочемъ, понятно: въ Петербургѣ я оставилъ такую дружную семью товарищей, что съ ними мнѣ жилось право гораздо лучше, чѣмъ въ родной семьѣ. Знаете ли, вотъ съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ, а я со многими изъ нихъ веду еще живую, задушевную переписку.

Новые знакомцы вышли вмѣстѣ изъ столовой и отправились въ каюту Грачева. Здѣсь они усѣлись поудобнѣе и, закуривъ сигары, продолжали начатый разговоръ. Гундуличъ вспоминалъ о Петербургѣ, о своихъ академическихъ товарищахъ и знакомыхъ и при этомъ называлъ въ числѣ своихъ друзей нѣсколько лицъ, извѣстныхъ въ ученомъ и литературномъ мірѣ и отчасти знакомыхъ Грачеву. Между прочимъ онъ упомянулъ имя профессора Семенова.

— Какъ, развѣ вы его знаете? — спросилъ Грачевъ.

— Добрѣйшаго Авдѣя Макаровича?—воскликнулъ Гундуличъ.—Еще-бы не знать! Только по его милости я дотянулъ до конца въ академіи. Сначала мнѣ такъ трудно приходилось, что я черезъ два дня въ третій обѣдалъ, а одно время даже цѣлыхъ двѣ недѣли просидѣлъ буквально на одномъ черномъ хлѣбѣ и водѣ. Онъ самъ меня отыскалъ и помогъ. Прекраснѣйшій человекъ!

Между тѣмъ Андрей Ивановичъ вспомнилъ, почему фамилія Гундулича показалась ему знакомой.

— Кстати,—сказалъ онъ,—ваша фамилія напоминаетъ мнѣ одного средневѣковаго поэта.

— Жива Гундулича?—быстро спросилъ Гундуличъ.

— Да. У меня какъ-то были въ рукахъ его стихотворенія...

— Это мой предокъ и я горжусь имъ болѣе, чѣмъ иной дворянинъ гордится своимъ предкомъ, участвовавшимъ въ крестовыхъ походахъ. Этотъ Живъ Гундуличъ еще въ тѣ времена мечталъ о единствѣ славянъ, желалъ, чтобъ они

Еденъ говоръ да сговорятъ,
Една душа да думаетъ...

— Но, увь! — мечтъ его еще долго не придется исполниться.

— Вы говорите: еще долго не придется исполниться, — значить, вы думаете, что мечты эти все-таки должны исполниться.

— Непремѣнно. Прослѣдите ходъ всемірной исторіи позднѣйшей эпохи и вы убѣдитесь, что объединеніе славянъ — только вопросъ времени. Мелкіе народцы, разбитые, разрозненные географическими условіями, династическими интересами, политикой войнъ и трактатовъ, начинаютъ сознать свое племенное единство и стремиться къ національному объединенію, къ сліянію въ крупную политическую единицу. Два такихъ объединенія уже совершились на нашихъ глазахъ.

— Вы говорите объ Италіи и Германіи?

— Да. Разрозненная, разорванная Италія теперь уже составляетъ одно политическое цѣлое. Положимъ, еще не всѣ итальянскія земли вошли въ ея составъ, но уже всѣ эти королевства обѣихъ Сицилій, Папская область, герцогства Тосканское, Моденское, Луккское — все это отошло въ область преданій. Германія также не составляетъ уже болѣе частной собственности. 360 маленькихъ деспотовъ à la Louis XIV. Но нѣмецкое единство неpremѣнно должно имѣть послѣдствіемъ славянское объединеніе.

— Почему вы такъ думаете?

— А потому, что въ предѣлы объединенной Германіи вошло слишкомъ много славянскихъ народностей, которыя

теперь просыпаются и начинают сознавать свою національность. Германизировать их теперь уже невозможно потому, что движеніе зашло слишкомъ далеко... Остановить его никакія репрессивныя мѣры не помогутъ.

— Вы думаете?

— Совершенно убѣжденъ. И повѣрьте мнѣ, лишь только закончится объединеніе нѣмцевъ сліяніемъ австрійскихъ нѣмцевъ съ Германіей, какъ начнется объединеніе славянъ и зерномъ этого объединенія будутъ австрійскіе славяне.

— Пожалуй... Вы, можетъ быть, и правы. Въ Австріи уже начинается славянское движеніе одновременно съ двухъ сторонъ—въ Чехіи и въ Крайнѣ... Кстати, о какомъ движеніи 75 г. вы мнѣ хотѣли рассказать?

— О движеніи, которое началось въ Далмаціи и въ Крайнѣ во время герцеговинскаго возстанія...

— И которое кончилось австрійскою оккупаціей Босніи и Герцеговины?

— Къ несчастью, да... и кромѣ того тремя годами заключенія вашего покорнаго слуги въ крѣпости...

До поздней ночи проговорили новые знакомые. Гундуличъ настолько обрусѣлъ во время пребыванія въ Петербургѣ, что у него вовсе не оказалось той замкнутости и преувеличенной осторожности въ сношеніяхъ съ людьми, особенно мало знакомыми, которая характеризуетъ юго-западныхъ славянъ, вѣроятно, какъ слѣдствіе политическихъ условій, въ которыхъ они живутъ уже столько вѣковъ. Съ полной откровенностью и безъ малѣйшей рисовки онъ разсказалъ свое участіе въ движеніи, которое затѣяла небольшая кучка патріотовъ, состоявшая большею частью изъ учащейся молодежи. Движеніе это имѣло цѣлью образованіе независимаго сербско-хорватскаго государства изъ юго-западныхъ провинцій Австріи, Босніи, Герцеговины, Сербіи, Болгаріи и др. славянскихъ земель, находившихся въ турецкой неволѣ.

— И повѣрьте, что это такъ и будетъ въ свое время,—воодушевился Гундуличъ.—Это сбылось бы и во время по-

слѣдней турецкой войны, еслибъ не помѣшали намъ измѣнники, ренегаты, продавшіе національную независимость своего народа за милостивое вниманіе Габсбурговъ, за чины, ордена и денежныя подачки.

Здѣсь онъ упомянулъ имя Іелачича, бывшаго тогда бл-чемъ волнующихся провинцій и трудно себѣ представить, сколько ненависти звучало при этомъ въ его голосѣ.

Затѣмъ Гундуличъ разсказалъ о себѣ, что живетъ въ Корфу, но несмотря на значительную практику сильно скучаетъ по Россіи и съ удовольствіемъ уѣхалъ бы въ Петербургъ, еслибъ не слабость груди, не позволяющая ему разстаться съ мягкимъ климатомъ и роскошными темно-зелеными апельсинными и лимонными рощами острова.

Узнавъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ Грачевъ, онъ рекомендовалъ ему, какъ спутника до самаго Коломбо, своего знакомаго, ѣхавшаго съ нимъ вмѣстѣ, мистера Крауффорда, младшаго брата извѣстнаго лорда Крауффорда.

— Это прекрасный малый, — говорилъ Гундуличъ, — и кромѣ того не безъ вліянія въ Калькуттѣ. Я вамъ совѣтую съ нимъ познакомиться.

— Но вѣдь вы знаете, Степанъ Петровичъ, англичане такой чопорный и деревянный народъ, что познакомиться съ ними очень трудно, да и не представляетъ особенной прелести.

— Ну, это предубѣжденіе, любезнѣйшій Андрей Ивановичъ. Въ англичанахъ дѣйствительно нѣтъ способности быстро сближаться, характеризующей французовъ и особенно русскихъ. Англичанинъ не заговоритъ первый и не со всякимъ заведетъ сношенія, но если разъ онъ счелъ нужнымъ познакомиться, то трудно найти болѣе милаго собесѣдника и болѣе постоянного друга, чѣмъ онъ. Я знаю ихъ очень хорошо, потому что на Корфу всегда живетъ ихъ очень много. Конечно, въ семьѣ не безъ уродовъ... Но подумайте и скажите безпристрастно, развѣ мало уродовъ и между другими національностями?

Пропустивъ мимо ушей маленькую пропію, звучащую въ голосъ Гундулича, Андрей Ивановичъ вспомнилъ о добрѣйшемъ мистерѣ Грешамѣ въ Оксфордѣ и долженъ былъ согласиться, что Гундуличъ правъ.

— Познакомьте, познакомьте меня съ мистеромъ Крауфордомъ,—сказалъ онъ Гундуличу, —хотя, по правдѣ сказать, я былъ бы безконечно доволенъ, еслибъ спутникомъ моимъ до Коломбо были вы, а не мистеръ Крауфордъ.

— Благодарю за комплиментъ,—отвѣчалъ, смѣясь Гундуличъ: —но забираться такъ далеко не имѣю никакой надобности.

— А повидаться съ Авдѣемъ Макаровичемъ?

— Ахъ да! Ну, это проще можно сдѣлать; взять да поѣхать въ Петербургъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, я убилъ бы двухъ зайцевъ разомъ.

— Какихъ двухъ зайцевъ?

— А какъ же? Вѣдь у меня и кромѣ Авдѣя Макаровича есть знакомые въ Петербургѣ.

— Да. Но Авдѣя Макаровича вы во всякомъ случаѣ уже не застали бы въ Петербургѣ.

— Гдѣ же Авдѣй Макаровичъ?

— Онъ теперь навѣрно уже въ Портъ-Сандъ и дожидается меня.

— Развѣ вы ѣдете вмѣстѣ?

— Да.

— Такъ какого еще вамъ спутника? Ужъ лучше Авдѣя Макаровича не придумать. Андрей Ивановичъ отъ чистаго сердца согласился съ Гундуличемъ.

На слѣдующій день за завтракомъ Гундуличъ познакомилъ Андрея Ивановича съ Крауфордомъ. Часовъ до трехъ пополудни новые знакомцы втроемъ провели на палубѣ за разговоромъ и почти не замѣтили, какъ пролетѣло время и пароходъ остановился передъ Корфу, гдѣ Гундуличъ долженъ былъ высадиться.

Пріятели крѣпко пожали руку симпатичнаго доктора.

— До свиданія, докторъ, — сказалъ Крауфордъ. — Я васъ во всякомъ случаѣ отыщу. Вѣдь я каждый годъ проѣзжаю здѣсь по-крайней мѣрѣ два раза.

Андрей Ивановичъ тоже хотѣлъ сказать «до свиданія», но подумалъ, что врядъ ли ему придется увидѣть Корфу еще разъ, а на свиданіе съ Гундуlichemъ въ Петербургѣ трудно было рассчитывать. Онъ ограничился тѣмъ, что крѣпко пожалъ руку Гундулича и сказалъ:

— Мнѣ чрезвычайно грустно, что я не могу вамъ сказать «до свиданія». Прощайте, быть можетъ, навсегда, но будьте увѣрены, что еслибъ намъ снова пришлось встрѣтиться, то это былъ бы для меня настоящій праздникъ.

Х.

Мистеръ Крауфордъ.

Быстро промелькнули въ густомъ туманѣ цвѣтушіе острова Іоническаго моря: Левкада, Кефалонія, Занте. Крошечная Итака, получившая всемірную извѣстность, благодаря приключеніямъ хитроумнаго Одиссея, находится слишкомъ въ сторонѣ отъ обычнаго пути и потому Андрей Ивановичъ напрасно всматривался въ голубой туманъ, сисясь различить хотя слабые очерки знаменитаго острова. Скоро пароходъ вышелъ на просторъ Средиземнаго моря и помчался къ западному берегу Кандіи. Непривѣтно встрѣтило это море нашихъ путниковъ. Тяжелыя, свинцовыя тучи заволокли все небо, вѣтеръ завывалъ въ снастяхъ. Пароходъ, перекачиваясь съ боку на бокъ съ какимъ-то зловѣщимъ скрипомъ, то зарывался въ морской пучинѣ, то тяжело взбирался на вершины бѣлоголовыхъ волнъ. Качка была ужасна. Андрей Ивановичъ упрямо оставался на палубѣ, потому что въ каютѣ онъ чувствовалъ себя еще хуже. Здѣсь по крайней мѣрѣ его обдувалъ свѣжій морской вѣтеръ. Порой верхушки волнъ, перекатываясь черезъ палубу, обдавали его тысячью холодныхъ брызгъ. Эти неожиданные души нѣ-

сколько освѣжали его. Но все же онъ чувствовалъ себя дурно: головокруженіе, стѣсненіе груди, тошнота, тоска— всѣ признаки морской болѣзни.

— Что, мистеръ Гречау, плохо вы на кораблѣ себя чувствуете?—раздался за нимъ голосъ мистера Крауфорда, съ которымъ въ послѣднее время онъ очень сошелся и который дѣйствительно оказался хорошимъ малымъ, вполне оправдывая рекомендацію Гундулича.

— Совсѣмъ плохо, мистеръ Крауфордъ,—сился улыбнуться, отвѣчалъ Андрей Ивановичъ и собственный голосъ показался ему какимъ-то страннымъ, какъ будто даже чужимъ—до того онъ былъ слабъ и такъ глухо звучалъ подъ аккомпаниментъ вѣтра и волнъ.

— Мужайтесь, мой добрый сэръ. Это все пустяки. Хорошо, что вы не лежите, а предпочитаете бороться съ болѣзнию, стоя на ногахъ, какъ слѣдуетъ мужу. Попробуйте вотъ этого напитка,—продолжалъ онъ, протягивая къ Грачеву оплетенную фляжку съ коньякомъ:—это придастъ вамъ мужества, а въ немъ-то здѣсь и все дѣло.

— Это ваша теорія?—спросилъ Грачевъ.

— Теорія, подкрѣпленная многолѣтней практикой. Прежде всего—желудокъ не долженъ быть переполненъ пищей, а затѣмъ—порядочный пріемъ хорошаго вина, въ особенности коньяку, и вы сдѣлаетесь неуязвимы для болѣзни.

— Потерпите немного, скоро мы выйдемъ въ тихое море,—продолжалъ англичанинъ, сочувственно поглядывая на истомленную физіономію своего русскаго друга.

Коньякъ дѣйствительно очень помогъ Андрею Ивановичу. Но видъ чернаго неба и еще болѣе чернаго моря дѣйствовалъ на него удручающимъ образомъ. Онъ вспомнилъ о своемъ Гиппогрифѣ, отважно носившемся надъ тучами, подъ вѣчно безоблачнымъ небомъ, нисколько не завися отъ капризовъ вѣтра и волнъ, и съ презрѣніемъ оглядѣлъ темный, намокшій пароходъ, который, точно задыхаясь отъ усталости, усиленно работалъ винтомъ, чтобъ вползти на верхушку

волны, и вельдъ затѣмъ тотчасъ же скатывался къ ея подножію.

Крауфордъ какъ будто угадалъ его мысли.

— Да, — сказалъ онъ, — если даже не принимать въ расчетъ индѣйской хронологіи, то не менѣе шести тысячъ лѣтъ мы плаваемъ по морямъ, а все еще далеки отъ совершенства. Но въ хорошую погоду я люблю быть на кораблѣ. Да хорошая погода и не заставитъ себя долго ждать.

— Вы думаете? — усомнился Грачевъ, окидывая взглядомъ безграничное пространство, по которому бѣшено прыгали бѣлоголовые волны.

— Держу пари, что еще до обѣда мы выйдемъ въ тихое море.

Дѣйствительно, скоро качка стала уменьшаться, на небѣ появились голубые просвѣты, вѣтеръ изъ бурнаго перешелъ въ свѣжій, умѣренный. Андрей Ивановичъ совершенно ободрился и подъ руку съ мистеромъ Крауфордомъ могъ даже идти къ позднему завтраку.

Къ вечеру море совершенно утихло. Слабый вѣтеръ тянулъ съ береговъ Африки и своимъ теплымъ дыханіемъ напоминалъ о странахъ, лежащихъ въ иномъ, болѣе знойномъ климатѣ, подъ горячими лучами южнаго солнца. На темномъ безоблачномъ небѣ зажигались золотыя звѣзды. Андрей Ивановичъ смотрѣлъ, какъ погружался въ море сверкающій поясъ Оріона, какъ вельдъ за нимъ сходили лигіады и плеяды. Мистеръ Крауфордъ, сидѣвшій тутъ же рядомъ, описывалъ чудеса тропической природы Индіи.

— Хорошо ли вамъ живется въ Индіи?

— Какъ вамъ сказать, сэръ, насчетъ нашей жизни въ Индіи? — Знаете, я вамъ отвѣчу словами одного изъ моихъ пріятелей: если ее разматривать, какъ она есть сама по себѣ, она хорошая жизнь; но если смотрѣть на нее, какъ на жизнь въ Индіи, она ровно ничего не стоитъ. По своей уединенности она намъ очень нравится, но по своей отчужденности она намъ кажется самою паскудною жизнью. Какъ

жизнь сельская, она намъ очень по сердцу; но принимая во вниманіе...

— Что она проходить вдали отъ двора, вы находите ее скучною?

— Откуда вы знаете, сэръ, что я именно это хотѣлъ сказать?

— Не мудрено знать. Вѣдь это вашъ пріятель-шутъ изъ комедіи «As you like it»?

— Вотъ какъ, сэръ! Такъ у васъ въ Россіи Шекспиръ извѣстенъ?

— Даже въ большомъ ходу. Вѣдь знаютъ въ Англіи нашихъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго?

— Конечно, сэръ. Геніи принадлежатъ всѣмъ народамъ. Они не составляютъ національной собственности, какъ доллары или жнеи... Но все-таки, сэръ... Ужъ не хотите-ли вы меня увѣрить, что русскіе не ѣдятъ салныхъ свѣчъ?

— Совершенно не имѣютъ въ этомъ надобности. У насъ достаточно другихъ, болѣе питательныхъ продуктовъ.

— Но, быть можетъ, въ качествѣ лакомства?

— О, что касается до лакомства, то у насъ есть такая дичь и рыба...

— Вы совершенно правы, сэръ. Ваша осетрина, ваши трехфутовые стерляди — это верхъ совершенства. Но всякому-ли у васъ онѣ доступны?

— А у васъ, сэръ, всякому доступны ваши бифтексы и ростбифы?

— Да, это правда... Такъ вы не варвары?

— Гораздо менѣе, чѣмъ вы. Я знаю много странъ, гдѣ васъ иначе не зовутъ...

— Какъ рыжіе варвары? Ха, ха, ха, сэръ, вы правы. Дѣйствительно, насъ такъ величаютъ даже въ Европѣ... Но, сэръ, ваши отношенія къ Польшѣ? Согласитесь...

— Но за-то у насъ нѣтъ Ирландіи... А ваши порядки въ Индіи?

— Ха, ха, ха!.. Знаете, сэръ, я вовсе не политикъ... Перейдемъ лучше къ другимъ предметамъ.

— Съ удовольствіемъ. Но такъ какъ вы уже затронули этотъ вопросъ, то позвольте вамъ сказать только нѣсколько словъ...

— Хоть тысячи, сэръ, я буду слушать съ удовольствіемъ.

— Я не стану распространяться о томъ, какъ живетъ въ Польшѣ: я тамъ не былъ и потому не знаю. Но вотъ факты, которые мнѣ—и не только мнѣ—приходилось наблюдать весьма нерѣдко. Въ Россіи существуютъ такъ называемыя хлѣбныя должности, напр., по акцизному вѣдомству.

— Хлѣбныя? Что это значить?

— Ну, знаете... ну, словомъ, такія, которыя хорошо оплачиваются... И на такія должности преимущественно стремятся поляки и остзейскіе нѣмцы. Послѣднихъ мы оставимъ въ сторонѣ. Ну-съ, такъ вотъ, что я замѣчалъ неоднократно. Пока поляки живутъ въ Россіи, они бранятъ все русское, мечтаютъ, какъ бы перебраться на службу въ Польшу. И что же вы думаете—едва только случится такому поляку перейти на родину, какъ онъ уже снова просится въ Россію и затѣмъ уже о Польшѣ ни полслова.

— Какъ же вы объясняете подобные факты?

— Я объясняю тѣмъ, что русскіе относятся къ полякамъ гораздо лучше, чѣмъ сами поляки другъ къ другу.

— Да... но... А какъ вамъ нравится ваша сосѣдка за столомъ?

Эта сосѣдка, не то англичанка, не то американка, порядочно надоѣла Грачеву за объдомъ. Поднося ко рту кусокъ ростбифа съ лѣвой стороны, она склоняла голову направо, заглядывая въ глаза Грачеву, точно заигрывая съ нимъ.

— Она ваша родственница или знакомая?

— Ха, ха, ха! Какъ вы осторожны, сэръ! Во всякомъ случаѣ—отвѣтъ понятенъ... А знаете, сэръ, осторожность вамъ пригодится въ Индіи.

— Кажется, она пигдѣ не мѣшаетъ.

— Да, но вы—русскій и ѣдете въ Индію... нужно быть особенно осторожнымъ.

— Какихъ же опасностей я долженъ остерегаться?

— Я не говорю объ опасностяхъ: я не знаю, зачѣмъ вы ѣдете въ Индію. Предполагаю, что вы просто путешествуете. Тѣмъ не менѣе одинъ тотъ фактъ, что русскій путешествуетъ по Индіи, не доставитъ особеннаго удовольствія нашимъ офиціозамъ.

— Признаюсь, объ ихъ удовольствіяхъ я не забочусь.

— Да... Но они-то о васъ будутъ заботиться. Они будутъ за вами слѣдить, устраивать маленькія препятствія и вы рискуете не увидеть того, что вы могли бы свободно видѣть, не будь вы русскій.

— Мнѣ кажется, вы шутите.

— Нисколько. Видите-ли, сэръ, какъ бы это сказать... Мы васъ боимся.

— Боятесь?

— Да.

— Вотъ какъ?

— Да. У васъ, тамъ вверху сидятъ умныя головы, сэръ. Вотъ, на примѣръ, ваша политика въ Азіи. Берете вы сотни и тысячи миль песковъ. — Ну, что-жъ? — На здорovie!

Никому эти пески не нужны — берите! Доходу вы съ нихъ не получаете, вѣроятно еще сами приплачиваете. Ну-съ, а все-таки вѣдь вы двигаетесь впередъ. Престижъ вашего имени растетъ. А тутъ еще эти легенды о бѣломъ царѣ... Кто ихъ распустилъ по всей Азіи? Толкуютъ о сѣверныхъ людяхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ... и надо же было случиться этой несчастной кушкинской баталіи... Вы слѣдите за моею аргументаціей, сэръ?

— Я понимаю, что вы хотите сказать.

— Ну, вотъ видите, сэръ. Весьма не мудро, что васъ примутъ за тайнаго агента, даже за шпиона.

— Что же я могу противъ этого сдѣлать?

— Да ничего. Будьте кротки, какъ голубь, и мудры, какъ змѣй,—вотъ вамъ мой совѣтъ.

— Благодарю тѣмъ болѣе, что совѣтъ вашъ—самый евангельскій.

— Ха, ха, ха! Именно, сэръ, евангельскій. Главное, не подавайте виду, что вы что-нибудь подозреваете, чего-нибудь боитесь. Идите себѣ смѣло, на проломъ: туристъ, молъ, да и все.

— Но послушайте, мистеръ Крауфордъ,—неужели дѣло такъ плохо въ Индіи?

— Я не говорю, что плохо. Вовсе нѣтъ... Но знаете, сэръ, политика... все политика!—И не столько политика, сколько...

— Угрызенія совѣсти?

— Какъ я вижу, мистеръ Гречау, намъ скоро не нужно будетъ трудиться разговаривать, а просто...

— Перемигиваться?

— Именно перемигиваться.

— Какъ лондонскіе жулики *pur sang*?

— Какъ джентльмены, завсегдатаи Монако.

— А рано завтра мы придемъ въ Портъ-Саидъ?

— Съ разсвѣтомъ... Да вы правы: надо хорошенько выспаться. Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Утромъ рано Андрей Ивановичъ уже стоялъ на палубѣ и пристально всматривался въ безграничный горизонтъ моря, сисясь отличить на немъ очерки ожидаемаго африканскаго берега. Одно время вправо отъ корабля дѣйствительно виднѣлась узкая темная полоска, но Андрей Ивановичъ напрасно ожидалъ, что пароходъ повернетъ къ ней: полоска осталась далеко позади и утонула въ морѣ. Зато вскорѣ прямо передъ носомъ парохода въ темной дали показались двѣ неподвижныя черныя точки. Точки эти стали расти въ вышину; вправо и влѣво показались темныя линіи, точно выведенныя по линейкѣ. Къ Андрею Ивановичу подошелъ Крауфордъ.

— А вы уже на ногахъ? Доброе утро,—сказаль онъ, пожимая руку Андрею Ивановичу.

— Что это? Портъ-Саидъ?—спросилъ Грачевъ.

— Да. Видите: вотъ это два мола. Они далеко выдвинулись въ море. На оконечностяхъ ихъ стоятъ два маяка, означая входъ въ искусственную гавань.

— Кажется, навстрѣчу намъ ѣдутъ лодки?

— Лоцманскія. Только напрасно проѣдутся.

— Почему напрасно?

— Потому что австрійскія суда обходятся безъ лоцмановъ.

— Что же, это привилегія австрійцевъ?

— Нѣтъ, это привиллегія далматинскихъ марлаковъ, которые знаютъ каждый уголокъ Средиземнаго моря, какъ свой карманъ. Они заткнутъ за поясъ каждого лоцмана.

— А англійскія суда берутъ лоцмановъ?

— Постоянно.

— Значить, марлаки лучше англійскихъ матросовъ?

— Лучше не лучше, а все-таки очень хорошіе матросы; а ужъ свою лужу изучили до тонкости.

— У васъ, мистеръ Крауфордъ, все лужа: и Адриатическое море—лужа, и Средиземное—тоже лужа...

— Ха, ха, ха! Мистеръ Гречау, ужъ не задѣлъ ли я вашего патріотизма? Кажется, вамъ до Средиземнаго моря еще далеко... тѣмъ болѣе, что вы и Дарданеллами завладѣть не сумѣли...

— Скажите лучше: не хотѣли,—поправилъ Грачевъ.

Пріятели посмотрѣли другъ другу въ глаза и расхохотались.

Между тѣмъ пароходъ достигъ оконечностей мола и втянулся въ гавань Портъ-Саида. Въ глубинѣ гавани, за сплошнымъ лѣсомъ мачтъ, виднѣлся небольшой, правильно распланированный городъ, раскинувшійся узкой полосой среди бесплодныхъ сыпучихъ песковъ. Нигдѣ ни кустика, ни деревца, ни травки, одна голая безводная пустыня рас-

кидывалась на далекое пространство кругомъ и только узкая черта канала прямою линіей бѣжала вдаль и скрывалась за горизонтомъ. Даже воды Мензалекаго озера какъ будто не нарушали однообразія окружающей пустыни. Несмотря на раннее утро, было уже довольно жарко. Городскія зданія какъ-будто млѣли въ золотистомъ туманѣ, смягчавшемъ яркость солнечныхъ лучей, отраженныхъ желтыми песками, и порой казались какъ-будто висящими въ воздухѣ. Андрей Ивановичъ зажмуривалъ на нѣсколько секундъ глаза и, когда потомъ снова открывалъ ихъ, миражъ исчезалъ и зданія опускались на землю. Онъ продѣлалъ свой опытъ нѣсколько разъ, постоянно съ одинаковымъ результатомъ, и сообщилъ о томъ Крауффорду.

— Это слѣдствіе зеркальности воздуха, — сказалъ тотъ. — Вы, вѣроятно, въ первый разъ въ этихъ широтахъ?

— При этихъ условіяхъ — да.

— При какихъ же другихъ условіяхъ вы могли быть въ Портъ-Саидъ?

— Въ Портъ-Саидъ я не былъ, но пролеталъ надъ этой мѣстностью на воздушномъ шарѣ.

— Вотъ какъ! Вы аэронавтъ?

— Да... Отчасти.

— Но это очень смѣлый полетъ... Вамъ приходилось пролетать надъ моремъ?

— Да. Я леталъ и надъ Архипелагомъ, и надъ Средиземнымъ моремъ.

Крауффордъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Андрея Ивановича.

— Вы не шутите? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣсколько. Развѣ мало аэронавтовъ пролетало надъ моремъ?

— Да; но почти все они заплатились жизнью за свою смѣлость. Что касается меня, будь я на вашемъ мѣстѣ, я по крайней мѣрѣ ни за что не рѣшился бы дѣлать полеты надъ моремъ.

— Еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ,—раземѣлся Грачевъ,—вы встали бы даже надъ океаномъ.

По мнѣнію Крауфорда, разговоръ начиналъ принимать не совсѣмъ ловкій оборотъ. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника, надѣясь въ глазахъ его подмѣтить выраженіе шутки, но такъ какъ лицо Андрея Ивановича имѣло совершенно серьезный, увѣренный видъ, то мистеръ Крауфордъ рѣшился деликатно перемѣнить тему разговора.

— Такъ эта мѣстность, слѣдовательно, вамъ знакома?—спросилъ онъ, все еще не рѣшаясь видѣть въ своемъ товарищѣ маньяка.

— Отчасти... насколько возможно ознакомиться со страной *à vol d'oiseau*.

«Чортъ знаетъ, что это такое», подумалъ англичанинъ: «маніякъ или шарлатанъ? Какъ будто не похожъ ни на то, ни на другое, а говоритъ такія странныя вещи... А впрочемъ»...

— Вы, кажется, здѣсь ожидаете встрѣтить товарища?—спросилъ онъ, еще разъ мѣняя тему разговора.

— Да. Онъ мнѣ телеграфировалъ, что будетъ ожидать въ Портъ-Сандъ.

— Простите нескромный вопросъ: кто онъ такой?

— Профессоръ Петербургскаго университета.

— Медикъ?—Крауфордъ чуть было не спросилъ: психіатръ.

— Нѣтъ, филологъ и оріенталистъ.

— Слѣдовательно, ваше путешествіе будетъ имѣть ученый характеръ?

— Да... По крайней мѣрѣ мой товарищъ ѣдетъ исключительно съ ученою цѣлью.

— Долженъ ли я понять, что, кромѣ ученыхъ, у васъ есть и другія пѣли? Простите, можетъ быть, я слишкомъ нескроменъ...

— Нѣтъ, отчего же? Такъ же, какъ и вы, я политикой не занимаюсь. Но вы правы; кромѣ научныхъ, у меня есть

еще практическія цѣли, которыя касаются лично одного меня... Въ настоящее время, къ несчастію, я самъ еще не могу ихъ формулировать достаточно ясно. Пока я ищу только такого человѣка, который разобралъ бы открытую мной рукопись.

— Санскритскую?

— Да, на древнѣйшемъ санскритскомъ языкѣ.

— Ищите на Цейлонѣ, въ буддійскихъ монастыряхъ.

— Я туда и отправляюсь. Но вотъ, кажется, и мой товарищъ.

— Этотъ широкоплечій красавецъ, который машетъ намъ шляпой?

— Да, онъ самый. Какъ видите, онъ выѣхалъ навстрѣчу... Здравствуйте, мой дорогой Авдѣй Макаровичъ!— крикнулъ Грачевъ, нагибаясь черезъ бортъ. — Какъ васъ Господь милуетъ?

— Ничего, ничего, батенька!—откликнулся снизу Авдѣй Макаровичъ.—Прыгайте-ка сюда въ лодку!

Вскорѣ лодка пристала къ трапу и чрезъ минуту Авдѣй Макаровичъ былъ уже на палубѣ парохода и обнималъ своего товарища.

— Давно вы здѣсь?—спросилъ Грачевъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Да ужъ другой день... Даже билетъ для васъ взялъ на «Трафальгаръ», который сегодня же отходитъ въ Суэцъ.

— «Трафальгаръ»,—проговорилъ Крауфордъ, уловившій знакомый звукъ въ разговорѣ пріятелей.—Я самъ ѣду на «Трафальгаръ».

— Ахъ, виновать! Позвольте васъ познакомить: мистеръ Крауфордъ; докторъ Обадія Сименсъ, по нашему: Авдѣй Макаровичъ Семеновъ.

— Сименд... Сименду,—повторилъ Крауфордъ,—нѣтъ, ужъ пусть лучше будетъ dr. Simens... Очень радъ съ вами познакомиться, m-r Сименсъ! Какъ кажется, мы ѣдемъ на одномъ кораблѣ до самаго Джамбудвипа?

— Это что такое за Джамбудвипъ?—спросилъ Грачевъ, пораженный незнакомымъ варварскимъ названіемъ.

— А это, батенька,—пояснилъ профессоръ,—брамины такъ величаютъ свою благословенную родину: Джамбудвипа значить—древо жизни.

— Въ добрый часъ. Такъ вы, мистеръ Крауфордъ, тоже ѣдете на «Трафальгаръ»? Это очень пріятно: значить, нашего полку прибыло.

— Прекрасно, прекрасно. Однако, что же мы въ такомъ случаѣ разговоры разговариваемъ? Собирайте, господа, свой багажъ, да и двинемся къ «Трафальгару».

— А какъ же Портъ-Саидъ?—спросилъ Грачевъ.

— Что Портъ-Саидъ? Вы хотите его осмотрѣть?

— Я думаю, не мѣшаетъ...

— Успѣете, батенька! Жара, духота, пыль, отсутствіе зелени и тѣни,—ознакомиться со всѣми этими прелестями достаточно полчаса.

Черезъ нѣсколько минутъ лодка, привезшая Авдѣя Макаровича, наполнилась грудой ящиковъ и чемодановъ.

— Готово!—доложилъ матросъ, завѣдывавшій переноскою вещей.

Простившись съ нѣкоторыми изъ товарищей своего путешествія отъ Триеста до Портъ-Саида, Грачевъ и Крауфордъ, въ сопровожденіи Авдѣя Макаровича, спустившись по трапу въ ожидавшую ихъ лодку, поплыли къ «Трафальгару». Тамъ въ это время шла такая же суматоха, какъ въ моментъ отплытія «Эригерцога Максимиліана» изъ Триеста, но Авдѣй Макаровичъ, уже нѣсколько разъ побывавшій на «Трафальгарѣ», быстро водворилъ Андрея Ивановича на новомъ мѣстѣ жительства. Что касается до Крауфорда, то онъ чувствовалъ себя на кораблѣ, какъ дома, и черезъ нѣсколько минутъ присоединился къ нашимъ друзьямъ, когда они сажались въ лодку, чтобы ѣхать на берегъ.

— Куда же мы направимся?—спросилъ онъ, когда лодка пристала къ берегу.

— Осматривать городъ.

— Но что мы будемъ здѣсь осматривать? Чугунный водопроводъ, по которому доставляется въ городъ прѣсная вода и безъ котораго жители умерли бы отъ жажды? Вы видите, зданія здѣсь, какъ и въ Европѣ, улицы — тоже, населеніе — французы, англичане, итальянцы, греки, нѣмцы... Право, ничего нѣтъ интереснаго. Мѣстнаго здѣсь, что придастъ извѣстный *couleur local*, развѣ только песокъ, пыль, зной и недостатокъ воды...

— А на окраинахъ города развѣ тоже нѣтъ ничего интереснаго? — спросилъ Авдѣй Макаровичъ. — По крайней мѣрѣ, въ арабскомъ концѣ, я думаю, сохранился еще мѣстный колоритъ.

— Пожалуй, пойдемте къ арабамъ, — согласился Крауфордъ. — Только предупреждаю: вооружитесь палкамп.

— Это зачѣмъ же?

— Во-первыхъ, въ защиту отъ арабскихъ собакъ, а, во-вторыхъ — отъ самихъ арабовъ... Эти восточные джентльмены такъ надоедливы, что единственный способъ отъ нихъ отдѣлаться — палка.

— А не отвѣтятъ они вамъ ударомъ ножа?

— Пожалуй, если вы неосторожно, безъ провожатаго, заберетесь къ нимъ, куда-нибудь въ пустыню, гдѣ они могутъ сдѣлать это безнаказанно. Но здѣсь администрація держитъ ихъ въ такихъ ежовыхъ рукавицахъ, что даже убійство какого-нибудь чернаго же джентльмена можетъ навлечь жестокую кару на цѣлую трибу и прежде всего на представителя ея, шейха. Поэтому, какъ отвѣтственное лицо, шейхъ трибы первый будетъ слѣдить за вашею безопасностью, лучше всякаго европейскаго полицмана. А впрочемъ, чѣмъ намъ самимъ беспокоиться, возьмемъ съ собой этого джентльмена, который, кажется, скучаетъ, что ему не на комъ попробовать свою палку.

Крауфордъ остановился и кивнулъ головой чернолицему молодцу, который стоялъ на углу улицы, заломивъ руки за

спину, съ традиціонною палкой подъ мышкой. Полицейскій почтительно дотронулся до фески и тотчасъ же двинулся вслѣдъ за путешественниками. Улица, по которой они направились, скоро уперлась въ рыночную площадь. За этою площадью уже начинался лабиринтъ узенькихъ улицъ и переулковъ, перепутывавшихся между собою и часто оканчивавшихся тупиками. Въмѣсто европейскихъ зданій, здѣсь уже виднѣлись жалкія лачужки, наскоро сбитыя изъ стараго барочнаго дѣса, глиняныя мазанки и землянки. Кое-гдѣ попадались полосатые черные бедуинскіе шатры. Запахъ прогорклаго кунжутнаго масла, тухлой рыбы и еще какія-то специфическія зловонія заражали воздухъ. Но европейская цивилизація и здѣсь давала себя чувствовать. На многихъ мазанкахъ пестрѣли разноцвѣтныя вывѣски; въ иныхъ слышалась музыка, изъ другихъ вылетало нестройное пѣніе пьяныхъ матросовъ, къ которому иногда примѣшивались женскіе голоса. Но зато, кое-гдѣ раздавались звуки тамбурина и флейты: это плясали арабскія танцовщицы, знаменитыя альмэ, стяжавшія въ Европѣ совершенно незаслуженную славу. Для Крауффорда и Семенова эта пляска не представляла ничего новаго, такъ какъ они оба много разъ видали ее прежде. Андрей Ивановичъ сначала заинтересовался невиданнымъ зрѣлищемъ, но дикіе прыжки и конвульсіи полунагихъ, грязныхъ и нужно добавить еще—довольно некрасивыхъ женщинъ не возбудили въ немъ ни малѣйшаго удовольствія. Онъ уже готовъ были предложить своимъ товарищамъ воротиться на корабль, когда изъ-подъ одного парусиннаго навѣса, вродѣ палатки, выглянула уже пожилая, пестро, но довольно чисто одѣтая арабка и обратилась къ нему съ какою-то рѣчью на своемъ довольно гармоничномъ гортанномъ языкѣ.

XI.

В о р о ж е я.

— Что это она говоритъ? — спросилъ Грачевъ, оборачиваясь къ товарищамъ.

— А она, батенька, рекомендуется, что она — извѣстнѣйшая здѣсь ворожея, — объяснилъ Авдѣй Макаровичъ. — Между прочимъ, эта старая колдунья въ особенности желаетъ погадать молодому прекрасному саибу, котораго, по ея словамъ, ожидаетъ самая блистательная будущность.

Старуха, стоя у своей палатки, внимательно слушала, пока говорилъ Авдѣй Макаровичъ, и, точно понимая русскую рѣчь, утвердительно покачивала головой.

— Ну, если она говоритъ, что меня ожидаетъ блистательное будущее, — сказалъ, смѣясь, Грачевъ, — то одного этого съ меня довольно. Я ей въ долгъ повѣрю безъ всякаго гаданья. Поблагодарите ее отъ меня.

Старуха отрипательно затрясла головой и что-то быстро-быстро заговорила по-арабски, жестикулируя обѣими руками и безпрестанно указывая въ глубину своей палатки.

Грачевъ снова вопросительно посмотрѣлъ на Авдѣя Макаровича.

— Она говоритъ, — перевелъ профессоръ, — что молодой прекрасный господинъ напрасно пропускаетъ такой рѣдкій случай поднять завистливую завѣсу, скрывающую драгоценный коверъ будущаго, вышиваемый неутомимою рукою судьбы, что это будетъ стоить недорого и займетъ очень мало времени, а о томъ, что тамъ увидитъ молодой саибъ, онъ будетъ вспоминать потомъ цѣлую жизнь.

Андрей Ивановичъ вынулъ изъ кошелька серебряный рубль (на востокъ ихъ можно еще видѣть) и подаль старухѣ.

— Поблагодарите ее отъ меня, — сказалъ онъ Авдѣю Макаровичу, — и скажите, что гадать о будущемъ я не имѣю

ни малѣйшаго желанія. А вотъ ей за добрыя пожеланія, — и онъ подаль старухѣ серебряный рубль.

Но та, когда профессоръ перевелъ слова Грачева, тотчасъ возвратила полученную монету, заявивъ при этомъ, что она не ищящая и не беретъ денегъ даромъ.

— Ну, если вы не желаете гадать, — сказалъ Крауфордъ, наблюдавшій эту сцену молча, — то попробую я. Будьте любезны, многоуважаемый d-г Сименсъ, предложите ей попробовать свое искусство на мнѣ.

— Но вѣдь это совершенная чепуха, мастеръ Крауфордъ, — замѣтилъ Авдѣй Макаровичъ, — всѣ эти гаданья — одна глупая выдумка.

— Да, такъ говорятъ. Но вотъ, видите ли, d-г Сименсъ, мнѣ хочется убѣдиться въ этомъ лично, чтобы потомъ говорить не съ чужого голоса, а по собственному опыту.

— Резонъ, — согласился Авдѣй Макаровичъ и засмѣялся, но успѣвши исполнить желаніе англичанина.

Старуха тотчасъ кивнула головой въ знакъ согласія и жестомъ пригласила Крауфорда слѣдовать за собой въ палатку. Грачевъ и Семеновъ такъ же вошли туда слѣдомъ за ними и сѣли у входа на низенькой скамейкѣ, приготовляясь любоваться предстоящей сценой.

Ворожея прежде всего взяла стоявшій въ углу низенькій восьмиугольный рѣзной арабскій столикъ и вынесла его на середину палатки. Затѣмъ, бормоча вполголоса какія-то фразы, быть можетъ, заклинанія, она покрыла его чѣмъ-то вродѣ скатерти съ широкими черными и бѣлыми полосами. Послѣ этого она накинула на себя широкое покрывало съ точно такими же полосами. Задрапировавшись въ немъ довольно живописно, она, не прекращая своихъ заклинаній, принялась медленно и плавно вертѣться около столика: Андрей Ивановичъ замѣтилъ, что она сдѣлала такимъ образомъ полныхъ три круга. Потомъ она поставила на столикъ темную глиняную чашу, налила въ нее изъ мѣднаго чеканнаго кувшина какой-то буровой жидкости — кофейной гущи, по

мнѣнію Авдѣя Макаровича, накрыла чашу такою же полосатою скатертью, какою былъ накрытъ столикъ, и снова принялась вертѣться, постепенно ускоряя темпъ движенія. На этотъ разъ она сдѣлала девять круговъ. Всѣ эти манипуляціи она сопровождала заклинаніями на какомъ-то неизвѣстномъ Авдѣю Макаровичу языкѣ и при этомъ инныя фразы произносила медленно на-распѣвъ, другія скороговоркой, съ шумомъ втягивая въ себя воздухъ, оскаливая свои бѣлые, острые зубы и расширяя тонкія ноздри своего горбатаго носа, подобно горячей арабской лошади, когда она, закусивъ удила, мчится въ пустынь быстрѣе вѣтра. Мало-по-малу всѣ эти атрибуты колдовства—эти. полосатыя покрывала, заклинанья, таинственные круги и т. п. начали будоражить нервы нашихъ путешественниковъ, для чего, вѣроятно, они и были придуманы. По крайней мѣрѣ Андрей Ивановичъ, несмотря на весь свой скептицизмъ, началъ ощущать легкую дрожь во всемъ тѣлѣ и даже по временамъ сталъ чувствовать легкое дрожаніе нижней челюсти. «Немногого не доставало, чтобы я сталъ щелкать зубами»,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи.

Окончивъ свой девятый кругъ, колдунья поманила къ себѣ Крауфорда, подвела къ столику, поставила на колѣни и слегка прикрыла ему голову концомъ свѣсившейся скатерти, которой была накрыта таинственная чаша. Крауфордъ, задавшійся цѣлью сдѣлать правильный опытъ, предоставилъ себя въ распоряженіе колдуньи и покорно исполнялъ все ея требованія. Старуха заставила его еще немного наклонить голову, поближе къ столику и затѣмъ снова принялась кружиться, произнося свои заклинанія. У Андрея Ивановича начало даже рябить въ глазахъ. Наконецъ, послѣ двѣнадцатаго круга, ворожея на ломаномъ англійскомъ языкѣ велѣла Крауфорду осторожно снять съ чаши покрывало и глядѣться въ поверхность жидкости, какъ въ зеркало. Но не успѣлъ Крауфордъ бросить взглядъ въ чашу, какъ лицо его измѣнилось и поблѣднѣло. Онъ поднялъ

руки, чтобы протереть глаза, но когда онъ снова заглянулъ въ чашу, видѣніе уже исчезло.

— Ради Бога,—воскликнулъ онъ, оборотясь къ Авдѣю Макаровичу,—скажите ей, чтобы она показала мнѣ снова то, что было въ чашѣ!

Но старуха отрицательно трясла головою и твердила:

— Довольно. Больше нельзя.

Разстроенный Крауфордъ медленно поднялся на ноги, бросивъ нѣсколько гиней на столѣкъ старухи, и подошелъ къ своимъ спутникамъ.

— Ну, что, батенька?—спросилъ Авдѣй Макаровичъ, вглядываясь въ его блѣдное, печальное лицо.

— Стоить испытать,—отвѣчалъ Крауфордъ, сляясь улынуться,—довольно интересно.

— Давайте же, коли такъ,—рѣшилъ Авдѣй Макаровичъ, вставая,—давайте посмотрю и я, что это за кофейная гуща.

Крауфордъ сѣлъ на мѣсто Авдѣя Макаровича и задумался.

— Неужели вы что-нибудь видѣли?—спросилъ Грачевъ.

— Послѣ расскажу... А лучше всего — испытайте сами.

Съ Авдѣемъ Макаровичемъ старуха также добросовѣстно продолжала весь ритуалъ своего колдовства, также поставила его на колѣни, накрыла его голову тою же полосатою скатертью и затѣмъ, послѣ опредѣленнаго количества круговъ и заклинаній, разрѣшила ему посмотреть въ чашу. Грачевъ и Крауфордъ съ большимъ любопытствомъ, хотя вслѣдствіе различныхъ побужденій, слѣдили за опытомъ Авдѣя Макаровича: ихъ обоихъ интересовалъ вопросъ, увидитъ ли онъ что-нибудь. Авдѣй Макаровичъ, съ комической покорностью исполнявшій всѣ требованія старухи, освободившись отъ закрывавшей его скатерти, сначала забавно подмигнулъ своимъ пріятелямъ и затѣмъ уже, улыбаясь, взглянулъ на поверхность волшебной жидкости, какъ

въ тотъ же моментъ улыбка его исчезла, лицо вытянулось и приняло выраженіе величайшаго изумленія.

— Что за чертовщина?—проговорилъ онъ сквозь зубы, пожимая плечами и продолжая пристально всматриваться въ глубину чаши. Такъ прошло около минуты. Наконецъ старуха подошла къ нему и дунула въ чашу. Изображеніе исчезло.

— Какъ, уже конецъ?—спросилъ съ сожалѣніемъ Авдѣй Макаровичъ и, пошаривъ въ карманѣ, положилъ въ руку старухи нѣсколько серебряныхъ монетъ.

— Вотъ чудеса! — сказалъ онъ, —подходя къ своимъ спутникамъ и вытирая платкомъ вспотѣвшее лицо.— Ни за чтобы не повѣрилъ, если бы кто другой рассказывалъ... Попробуйте, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Грачеву, — попробуйте, батенька, право стоитъ...

— Да что вы такое видѣли?

— Вообразите: пріятеля вашего видѣлъ, Кноблауха... Да, впрочѣмъ, всѣхъ видѣлъ—и Глиствайба, и Ньюцлихштюля, и Питербаума. Вотъ ужъ расскажу, посмѣмся досыта. Ступайте, ступайте, батенька, попробуйте и вы.

Теперь и Андрей Ивановичъ уже не сталъ отговариваться. То, что онъ видѣлъ, такъ сильно его заинтересовало, что теперь онъ уже боялся, какъ бы старуха не отказалась погадать. Напротивъ, она была очень довольна, что ея лавочка такъ бойко торгуетъ сегодня. Она тотчасъ же принялась за свои круги и заклинанія, показавшіеся Андрею Ивановичу безконечными: такъ нетерпѣливо хотѣлось ему узнать, что скрывается для него на днѣ этой таинственной чаши. Особенно долгимъ показалось ему время, когда онъ принужденъ былъ стоять на колѣняхъ у столика, склонивши голову подъ покрываломъ, свѣсившимся съ чаши. Еще прежде, во время заклинаній старухи, онъ чувствовалъ, что какъ-будто какая-то невидимая паутина цѣплялась ему за лицо, щекотала уши, шею и руки. Потомъ къ этому присоединилось ощущеніе, какъ-будто кто-то дышалъ ему прямо въ лицо. Въ то же время ему довольно

ясно слышалось, что въ чашѣ какъ-будто что-то кипѣло, и чѣмъ громче были заклинанія старухи, тѣмъ явственнѣе слышалось это кипѣніе, ослабѣвая и становясь почти неслышнымъ, когда старуха принималась шептать. Андрею Ивановичу становилось жутко; казалось, мурашки бѣгали по тѣлу, волосы какъ-будто приподнимались на головѣ. Напрасно старался онъ смотрѣть на все это, какъ на простой фокусъ: какой-то невольный страхъ передъ чѣмъ-то таинственнымъ мало-по-малу охватывалъ все его существо. Онъ какъ-будто чувствовалъ на себѣ ледящее дыханіе чуждаго, невѣдомаго міра.

Наконецъ магическое число круговъ было кончено, заклинанія прекратились. Ворожея подошла къ Грачеву и велѣла ему поднять покровъ съ волшебной чаши. Трепетной рукой поднялъ онъ этотъ покровъ и заглянулъ въ глубину чаши. Сначала онъ видѣлъ только одну темную поверхность жидкости, въ которой отражался полосатый потолокъ палатки: затѣмъ эта поверхность стала яснѣть, пріобрѣла прозрачность и глубину и тамъ, въ этой прозрачной глубинѣ, стали вдругъ складываться знакомыя очертанія той самой полукруглой залы нагорнаго храма, въ которой онъ сдѣлалъ свое чудесное открытіе и которую по справедливости называлъ *sancta sanctorum* храма. Тѣ же стройныя, полувоздушныя рѣзныя колонны вдоль стѣнъ полукруглаго зала, тотъ же украшенный рѣзьбою потолокъ, тѣ же чудные барельефы на стѣнахъ, та же полураскрытая гробница и около нея обломки разбитой статуи. Все такъ хорошо, такъ ясно видно, что можно разсмотрѣть мельчайшія подробности. Вотъ, между обломками статуи, на полу чернѣетъ пятно... Онъ помнитъ это пятно: здѣсь онъ лежалъ въ крови и безъ чувствъ въ ту достопамятную ночь... А гдѣ же она—старика и богиня этого чуднаго храма?.. Вотъ она здѣсь, все въ томъ же положеніи: золотистые волосы попрежнему свѣшиваются къ подножію трона, глаза закрыты, руки безпомощно опущены вдоль тѣла. Ничто не измѣнилось съ тѣхъ

порть, какъ онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Но вотъ—показалось это ему или всколыхнулась поверхность жидкости? — вотъ она вздрогнула и подняла свои красивыя блѣдныя руки къ глазамъ... вотъ она открыла глаза... Какіе чудные синіе глаза! Въ нихъ какъ-будто еще отражается лучистое сіяніе глубокаго неба ея волшебной, чарующей родины... Куда она смотритъ? Она поднимается и протягиваетъ руки... Она какъ-будто манитъ, какъ-будто ждетъ кого-то. Но чья же эта темная закутанная фигура въ глубинѣ зала? Лица не видно, сверкаютъ только одни черные глаза... Это — мужчина... Какъ онъ строенъ и высокъ! Вотъ онъ приближается... сейчасъ откроетъ лицо...

Но въ это самое мгновеніе рука ворожеи неожиданно дотронулась до чашки, поверхность жидкости заколебалась, видѣніе исчезло и вмѣсто него попрежнему появилось отраженіе полосатой, мѣстами заплатанной ткани, составлявшей потолокъ палатки.

— Зачѣмъ ты мнѣ помѣшала?—съ гнѣвомъ вскричалъ Андрей Ивановичъ, схватывая руку колдуньи.

— Довольно... больше нельзя, — прошептала она на ломаномъ англійскомъ языкѣ, слясь высвободить сжатую руку.

— Отчего нельзя? Я заплачу, — настаивалъ Андрей Ивановичъ.

— Нельзя, нельзя... Пусти! Довольно и того, что ты видѣлъ, чтобы судьба совершилась... Даже слишкомъ довольно!

Какъ-будто очнувшись отъ глубокаго сна, Андрей Ивановичъ выпустилъ руку старухи, бросилъ на столикъ нѣсколько золотыхъ и быстрыми шагами вышелъ изъ палатки. Андрей Макаровичъ и Крауфордъ, пораженные разыгравшейся сценой, молча послѣдовали за нимъ. Полименъ шелъ впереди, расталкивая толпу и указывая дорогу къ европейской части города.

XII.

Ложь и правда.

Движеніе на чистомъ воздухѣ заставило Андрея Ивановича опомниться и придти въ себя.

— Каково?—спросилъ онъ, обернувшись.—Что вы на это скажете, господа?

— Непостижимо!—отвѣчалъ Крауфордъ, находясь все еще подъ вліяніемъ пережитыхъ ощущеній.

— Именно, батенька, непостижимо!—согласился Авдѣй Макаровичъ, разводя руками.—Ну, представьте, откуда она можетъ знать, что существуютъ на свѣтѣ какіе-нибудь Кноблауха и Глиствайбъ?

— Да что такое вы видѣли, Андрей Макаровичъ?

— Чудеса, господа, просто чудеса! Совершенно необъяснимо! Представьте себѣ, я видѣлъ, конференцъ-залъ Академіи Наукъ.

— Вотъ какъ! Ну, и что же?

— Вокругъ стола сидятъ вице-президентъ, конференцъ-секретарь, академики; много знакомыхъ, еще больше незнакомыхъ. Конференцъ-секретарь читалъ какой-то докладъ. Потомъ всталъ вице-президентъ, что-то сказалъ и сдѣлалъ какой-то знакъ рукой. Сейчасъ же служители принесли избирательный ящикъ, поставили на отдѣльномъ столѣ и конференцъ-секретарь повѣсилъ на немъ большой печатный ярлыкъ, на которомъ я могъ свободно прочесть: «баллотируется въ академики профессоръ восточныхъ языковъ Авдѣй Макаровичъ Семеновъ».

— Такъ, значитъ, васъ нужно поздравить?—разсмѣялся Андрей Ивановичъ.

— Отъ всей души!—отозвался Крауфордъ, протягивая руку.

— Погодите, господа: еще успѣете поздравить. Дайте рассказать. Но вѣдь представьте, я вовсе объ этомъ не

думалъ... то-есть, признаться, думалъ иногда, но не теперь, не сегодня,—во всякомъ случаѣ, давно уже не думалъ... И вдругъ, представьте, выборы! Чортъ знаетъ, что такое!

— Что же, Авдѣй Макаровичъ, выбрали васъ?

— А вотъ слушайте. Поставили этотъ ящикъ на столъ и потянулись гуськомъ академики баллотировать меня грѣшного... Вижу я, на переднемъ планѣ собралась кучка нѣмцевъ: тутъ и Шафскопфъ, и Глиствайбъ, и Пимперле, и Кноблаухъ, и Пипербаумъ, и Нюцлихштуть—словомъ, всѣ собрались и шепчутся что-то между собою, и такъ злорадно улыбаются... Ну, думаю, накладываютъ они мнѣ черняковъ! Смотрю, однако, что будетъ дальше. Академики ходятъ вокругъ стола, переговариваются между собою, смѣются, кладутъ шары и возвращаются на свои кресла. И такъ, знаете ли, батенька, все это мнѣ ясно видно, какъ-будто я самъ стою въ конференцъ-залѣ. Только жаль одного: не слышно, что говорятъ...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, удивительно все ясно видно,—подтвердилъ Крауффордъ.

— Ну-съ, добрыйшій Авдѣй Макаровичъ, что же дальше?

— Дальше-то? А дальше вотъ что: вынимаетъ вице-президентъ избирательный ящикъ, а въ немъ—всего только три бѣлыхъ шара! А черняковъ-то, черняковъ-то—цѣлая гора наложена!

-- Ха, ха, ха! Такъ вы, значитъ, провалились, Авдѣй Макаровичъ?

— Провалился, батенька, провалился самымъ позорнымъ образомъ! Ну-съ, дальше: началась, знаете, тутъ сутолока. Академики повскакивали съ мѣсть, другъ на друга наталкиваются, размахиваютъ руками, горячатся... Митрофанъ Петровичъ...

— Какой это?

— А Бурлаковъ-то: вѣдь онъ академикъ... Ну-съ, Митрофанъ Петровичъ такъ-таки кулакомъ и машетъ, да

прямо подъ носомъ у Глиствайба и Браунколя... Ну, думаю, побьетъ онъ ихъ непременно... А вице-президентъ, вижу, что есть силы колокольчикомъ трясеть... Тутъ все вдругъ какъ-то смѣшалось и исчезло... Осталась только кучка нѣмцевъ на переднемъ планѣ; смотреть они мнѣ прямо въ глаза, хохочать и языки показываютъ...

— Что вы? Вотъ забавно!

— Да, да, языки показываютъ... Да это еще что! Глиствайбъ съ Нюцлихштуломъ такъ даже прямо фигу мнѣ наставили...

— Ну, полноте, Авдѣй-Макаровичъ! Это вы уже ради красного словца придумали.

— Ни-ни! Ни Боже мой! Честное слово, ничего не придумалъ: такъ-таки фигу и показываютъ... Остальные языки высовываютъ, а эти двое—фигу выставили! Да-съ... А Думме стоять да со смѣху покатывается, даже животъ поджалъ... Ха, ха, ха! Право, чортъ знаетъ, что такое... Только что я хотѣлъ ихъ обругать, а тутъ эта старая колдунья впуталась и все исчезло...

— Ха, ха, ха! Вотъ такъ видѣніе!

— Простите, мистеръ Сименсъ. И мнѣ также кажется, что вы все это придумали, чтобы уморить насъ со смѣху.

— Да честное же слово, ничего не придумалъ! Ха, ха, ха! Ну, честное слово! Что вы, господа? Очень мнѣ нужно васъ забавлять: я думаю, вы не малютки... Ха, ха, ха!

Когда наконецъ смѣхъ, вызванный разговоромъ Авдѣя Макаровича утихъ, Андрей Ивановичъ, по просьбѣ пріятелей, рассказалъ, что онъ видѣлъ въ чашѣ съ кофейною гущей.

— А вы, мистеръ Крауфордъ?—спросилъ Авдѣй Макаровичъ.—Мнѣ показалось, что вы были опечалены тѣмъ, что видѣли... Или, можетъ быть, я поступаю не деликатно, предлагая этотъ вопросъ?

— Нѣтъ, что же, господа?—отвѣтилъ, нѣсколько подумавъ, Крауфордъ:—не деликатнаго тутъ ничего нѣтъ и я

съ удовольствіемъ отвѣчу вамъ откровенностью на откровенность. Но предварительно я долженъ сдѣлать маленькое поясненіе. Видите ли, я—младшій братъ и поэтому долженъ самъ составить себѣ карьеру: въ то время, какъ mon frèге аіné живетъ себѣ покойно въ Крауфордѣ-Картъ и засѣдаетъ въ парламентѣ, я мыкаюсь по свѣту и собираю гиней, чтобы добиться независимаго положенія въ обществѣ. У меня есть кузина Эми... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы дали другъ другу слово, но отложили свадьбу до тѣхъ поръ, когда я составлю себѣ независимое состояніе и займу въ свѣтѣ соотвѣтствующее мѣсто. Ея родные были противъ этого брака и употребляли все усилія, чтобы Эми мнѣ отказала, но до послѣдняго времени этого имъ еще не удалось достигнуть. Къ несчастію, *gutta cavat lapidem...* И вотъ... я видѣлъ...

— Что же вы видѣли?—спросилъ Грачевъ, замѣтя колебаніе Крауфорда.

— Я видѣлъ роскошную церковь въ Эммерсонъ-Галлѣ...

— Въ Эммерсонъ-Галлѣ?—повторилъ Семеновъ.

— Да... и я видѣлъ... я видѣлъ, что Эми вышла замужъ за лорда Эммерсона: я видѣлъ, какъ они вѣнчались въ Эммерсонъ-Галлѣ...

Крауфордъ снова поблѣднѣлъ, произнося эти слова.

— Знаете что?—сказалъ Авдѣй Макаровичъ, прерывая наступившее молчаніе:—мнѣ кажется, что все то, что мы видѣли въ этой таинственной чашѣ, не болѣе, какъ отраженіе тѣхъ мыслей, надеждъ и опасеній, которыя, быть можетъ, невѣдомо для насъ самихъ, таятся на днѣ нашей души,—которыми, быть можетъ, совершенно безсознательно для насъ занято наше психическое я, этотъ таинственный двойникъ, который дѣйствуетъ, когда мы спимъ, который внушаетъ намъ предчувствія, такъ сказать предвкушенія грядущихъ радостей и печалей, обладаетъ даромъ ясновидѣнія и какъ-будто знаетъ напередъ все то, что пока еще не ясно для насъ самихъ. Фу, Боже мой!—прервалъ онъ

себя по-русски:—я говорю такъ краснорѣчиво и возвышенно, что растерялъ все свои аргументы... Выручите хоть вы, коллега: мнѣ право очень жаль этого англичанина.

Коллега тотчасъ поспѣшилъ на помощь.

— Такъ вы полагаете, Авдѣй Макаровичъ,—сказалъ Грачевъ,—что таинственная чаша служила только зеркаломъ и мы видѣли въ немъ то самое дно нашей души, о которомъ вы говорите? Такъ ли я васъ понялъ?

— Такъ, такъ, батенька, именно такъ! Вы предугадали мою мысль. Я хотѣлъ сказать, что благодаря внушенію этой старой колдуньи все безсознательное, что, невѣдомо для насъ, хранилось въ тайникахъ нашей души, внезапно всплыло наверхъ и отразилось въ нашемъ сознаніи такъ ярко и отчетливо, что намъ показалось, будто мы видимъ все это передъ собою, собственными глазами, точно въ зеркалѣ.

— Это довольно остроумно,—сказалъ Крауфордъ.— Но тогда вы, слѣдовательно, отрицаете въ этомъ гаданьѣ все сверхъестественное и чудесное?

— Безусловно, если только таинственная, до настоящаго времени еще неразгаданная дѣятельность нашего психическаго «я», на которую я намекаю, не имѣетъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго и чудеснаго.

— Если я не ошибаюсь, Авдѣй Макаровичъ,—замѣтилъ Грачевъ,—вы относите наши видѣнія просто-напросто къ разряду грезъ и сновъ, а такъ какъ сны очень рѣдко сбываются...

— То нѣтъ никакого основанія вѣрить и нашимъ видѣніямъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ снамъ,—заклучилъ торжественно Авдѣй Макаровичъ.

— Это мы сейчасъ увидимъ,—сказалъ Крауфордъ.— Если для васъ это все равно, то не зайдете ли вы вмѣстѣ со мною на телеграфъ? Кстати, мы находимся отъ него въ двухъ шагахъ.

— Что вы хотите дѣлать, мистеръ Крауфордъ?

— Ничего особеннаго. Если свершилось то, что я видѣлъ, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы меня тотчасъ же не извѣстили объ этомъ...

Пріятели вмѣстѣ вошли въ зданіе, занимаемое телеграфомъ.

— Вы—мистеръ Крауфордъ, эсквайръ?—повторилъ телеграфный чиновникъ, которому Крауфордъ назвалъ свою фамилію:—на ваше имя есть телеграмма.

— Давно она получена?

— Всего нѣсколько минутъ тому назадъ. Вотъ она, получите.

Крауфордъ быстро пробѣжалъ депешу и тотчасъ же передалъ ее Семенову, причемъ послѣдній успѣлъ замѣтить, какъ сильно дрожала рука, державшая депешу.

— «Портъ-Саидъ, Крауфорду»,—прочиталъ Авдѣй Макаровичъ:—«Артуръ, прости на-вѣкъ: меня заставили выйти за Эммерсона. Эми».

— Что вы на это скажете, докторъ Обадія Сименсъ?—съ горькой ироніей спросилъ Крауфордъ, когда они вышли изъ зданія телеграфа и направились къ ожидавшей ихъ лодкѣ.

— Я остаюсь при своемъ, мистеръ Крауфордъ,—отвѣчалъ Авдѣй Макаровичъ,—и отношу все это къ той таинственной области дѣятельности нашего психическаго «я», которая, къ сожалѣнію, еще такъ мало изслѣдована, хотя ученые труды Шарко и Рише уже бросили на нее нѣкоторый свѣтъ. Поэтому я оставляю старухѣ только силу внушенія—нѣтъ, даже не внушенія, а какъ бы это выразиться точнѣе?—воздѣйствія что ли...

— При которомъ безсознательное сдѣлалось сознательнымъ,—закончилъ, улыбаясь, Андрей Ивановичъ.

— Именно, именно... Да вы не смѣйтесь, коллега: я разработаю этотъ вопросъ научнымъ путемъ и представлю въ психическое общество цѣлую диссертацию... Какъ вы думаете объ этомъ, мистеръ Крауфордъ?

Крауфордъ только махнулъ рукой, какъ-будто хотѣлъ сказать: «мнѣ отъ этого не легче».

Путешественники сѣли въ лодку и поплыли къ «Трафальгару», а черезъ три четверти часа пароходъ уже втянулся въ устье Суэцкаго канала.

Незамѣтно промелькнули мимо Кантара, Измаилія съ своимъ озеромъ Тимсаръ — озеромъ Крокодиловъ, отъ которыхъ осталось одно только имя, — мелькнулъ Суэцъ и началось бурное Красное море съ своими капризными теченіями, мелями и подводными камнями. «Трафальгаръ» безъ отдыха бѣжалъ впередъ, оставляя за собой облака чернаго дыма, превращавшіяся ночью въ огненный столбъ, быть можетъ, похожіи на тотъ, за которымъ слѣдовали евреи при перѣходѣ черезъ Черное море. Скоро остались позади грозныя укрѣпленія Перима, охраняющія входъ въ Бабельмандебскій проливъ, и «Трафальгаръ» закачался на синихъ волнахъ Индѣйскаго океана. Но прежде, чѣмъ пуститься въ открытый океанъ, пароходъ зашелъ въ Адень, чтобъ запасться углемъ, и путешественники могли вдоволь налюбоваться прекрасною гаванью древняго города, его знаменитыми цистернами, устроенными за двѣ съ половиною тысячи лѣтъ до нашего времени, и совершенно безводной мѣстностью, окружающей городъ со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ, въ теченіе восьми дней, путешественники видѣли только море и небо, пока, наконецъ, на закатѣ восьмого дня передъ ними не открылся ярко освѣщенный лучами заходящаго солнца рядъ небольшихъ низменныхъ островковъ, покрытыхъ роскошною тропическою растительностью, а позади нихъ, какъ гигантская лѣстница, спускающаяся къ океану, не заснѣбли въ вечернемъ туманѣ отроги Гатскихъ горъ.

Въ Бомбеѣ долженъ былъ высадиться Крауфордъ.

— До свиданія въ Калькуттѣ, — сказалъ онъ, пожимая руки своимъ русскимъ пріятелямъ.

Затѣмъ, онъ отошелъ въ сторону Андрея Ивановича и прибавилъ вполголоса:

— Если вамъ, мистеръ Гречау, какъ-нибудь, случайно,

придется попасть въ какое-либо затрудненіе, сейчасъ же пишите или—лучше—телеграфируйте мнѣ: вотъ вамъ мой калькуттскій адресъ. Я постараюсь устроить ваше дѣло. Обѣщаете?

— За позволеніе къ вамъ писать благодарю отъ души, мистеръ Крауфордъ, и я съ удовольствіемъ имъ воспользуюсь. Но что касается затрудненій, о которыхъ вы говорите, то врядъ ли они могутъ представиться: въ деньгахъ, наприкладъ, я не нуждаюсь, такъ какъ у меня ихъ болѣе, чѣмъ нужно...

— А помните нашъ разговоръ на австрійскомъ пароходѣ?

— А вы продолжаете настаивать на своемъ мнѣніи?

— Болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Въ такомъ случаѣ, даю вамъ слово, что непремѣнно воспользуюсь вашимъ вліяніемъ, когда это будетъ необходимо.

— И я сдѣлаю для васъ все, что могу. Благодаря моимъ связямъ я увѣренъ, что буду вамъ полезенъ.

— Еще разъ спасибо, мистеръ Крауфордъ.

— Итакъ—увидимся въ Калькуттѣ.

ХІІІ.

Подъ небомъ Индіи.

Проводивъ Крауфорда до станціи желѣзной дороги, наши пріятели отправились осматривать Бомбей. Для Андрея Ивановича этотъ городъ представлялъ тѣмъ большій интересъ, что здѣсь онъ впервые сталкивался лицомъ къ лицу съ той таинственной очаровательной Индіей, которая такъ давно привлекала къ себѣ его вниманіе.

Бомбей раскинулся на островкѣ, который какъ будто нарочно выдвинулся въ море, чтобы служить защитой отъ опаснаго юго-западнаго муссона безконечной вереницѣ судовъ всѣхъ національностей, постоянно наполняющихъ его

прекрасный рейдъ. Мѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Бомбей обладалъ убійственнымъ климатомъ. Низменная и болотистая мѣстность, среди которой расположенъ старый городъ, благодаря парниковой тропической температурѣ Индіи, служила постояннымъ разсадникомъ губительныхъ міазмовъ, ежегодно уносившихъ тысячи жертвъ, особенно изъ припшлага населенія города. Европейцы, принужденные жить въ Бомбей, почти поголовно рымирали отъ такъ называемой «собачьей» или «китайской смерти». Существовала даже поговорка «въ Бомбей человѣческая жизнь не долѣе двухъ муссоновъ». Теперь эта поговорка отошла уже въ область преданій, и Бомбей настоящаго времени пользуется репутаціей одного изъ самыхъ здоровыхъ городовъ Индіи. Благодаря систематическому осушенію окрестностей, искусственному поднятію грунта и урегулированію теченія рѣки Гонера, климатъ города такъ измѣнился, что европейцы могутъ жить здѣсь уже безъ всякой опасности для здоровья. Въ то же время островокъ, на которомъ расположенъ Бомбей, вслѣдствіе послѣдовательнаго роста города, цѣлою системою насыпей и дамбъ сначала слился съ сосѣднимъ островомъ Сальсета, а затѣмъ, приросши такимъ же образомъ къ материку, превратился въ длинный полуостровъ, огибающій одну изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ гаваней Индіи.

Бродя по улицамъ Бомбея, Андрей Ивановичъ знакомился съ совершенно новою, невѣдомою жизнью. Эта своеобразность особенно рѣзко бросалась въ глаза, когда наши путешественники, по дорогѣ отъ монумента Викторіи до квартала европейцевъ, Байкола, зашли въ одинъ изъ старыхъ кварталовъ, занятый исключительно туземнымъ населеніемъ. Здѣсь начиналась уже настоящая, почти еще нетронутая европейской цивилизаціей Индія. Кругомъ лѣпились лавченки сѣдельниковъ, портныхъ, шорниковъ, сапожниковъ, мѣдниковъ, ювелировъ, торговцевъ готовымъ платьемъ, молокомъ, сыромъ, рисомъ, а всего больше

фруктами самого разнообразного вида, запаха и вкуса. Население, толпившееся на улицахъ, поражало оригинальнію и первобытною простотою одежды; иногда эта послѣдняя даже совсѣмъ отсутствовала. Сначала Андрей Ивановичъ никакъ не могъ привыкнуть къ этому изобилію голыхъ тѣлъ, которыя попадались ему на каждомъ шагу. Не то, чтобы зрѣлище адамовскихъ костюмовъ оскорбляло его цѣломудріе, но съ непривычки его какъ-то коробило. Порою ему казалось, что онъ забрелъ въ какую-то просто-народную баню или въ обширную купальню, гдѣ сотни купальщиковъ только что вышли изъ воды или уже раздѣлись, чтобы идти въ воду. Ему казалось странно видѣть, что почти вся одежда индуса, сосредоточилась на головѣ, оставивъ остальному тѣлу только его первобытную наготу. Онъ съ улыбкой смотрѣлъ на иного чернаго джентльмена, навьючившаго себѣ на голову громадную чалму, на которую пошли вѣроятно цѣлыя десятки аршинъ кисеи или коленкора, и залѣмъ ограничившаго весь свой остальной костюмъ только одною небольшою бѣлою повязкой вокругъ бедеръ. Еще болѣе удивляли его попадавшіеся навстрѣчу полунагія женщины, весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ небольшого прозрачнаго покрывала, довольно оригинально обернутаго вокругъ ногъ, и очень короткой сорочки, скорѣе кофты, безъ рукавовъ и къ довершенію всего распахнутой на груди. На каждомъ шагу попадались совсѣмъ голые ребятишки и тѣмъ не менѣе съ браслетами на смуглыхъ ногахъ, мускулистые носильщики, болѣею частію съ однимъ только традиціоннымъ доскутомъ вокругъ поясицы, съ развитіемъ цивилизаціи замѣнившимъ первобытный фиговый листъ, обсыпанные пепломъ факиры, почти совершенно изсохшіе отъ постоянного поста и бдѣнья, поклонники Вишну съ краскою на лбу, довольно красивыя женщины съ жемчужинами въ носу, повозки какой-то странной, первобытной конструкціи, запряженныя бѣлыми быками, дервиши, съ ногъ до головы одѣтые въ невообра-

зимо грязное лохмотье, съ длинною дубиною, короткимъ дротикомъ, съ молоткомъ и топорикомъ на концѣ и ковше-образною чашей въ рукахъ. Все это сновало туда и сюда, бросалось въ глаза своею новизной, причудливостью, разнообразіемъ формъ и почти ослѣпляло тропическою яркостію красокъ. Къ этому нужно прибавить еще неумолкающій говоръ на странномъ незнакомомъ языкѣ, крики разнощиковъ и продавцевъ, ревъ выучныхъ животныхъ, общій шумъ народнои толпы, торопливо движущейся туда и сюда, чтобы нисколько не удивиться тому, что Андрей Ивановичъ скоро почувствовалъ себя подавленнымъ массою новыхъ впечатлѣній и пожелалъ воротиться на корабль, къ которому, въ теченіе двухнедѣльнаго плаванія, успѣлъ уже привыкнуть.

Но Авдѣй Макаровичъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ съ иной точки зрѣнія. Корабельная жизнь настолько ему пріѣлась, что у него явилось непреодолимое желаніе хоть однѣ сутки пробыть на берегу, хоть только ночь переночевать. Такъ какъ «Трафальгаръ» долженъ былъ сдать товары нѣсколькимъ бомбейскимъ фирмамъ и разгрузка не могла окончиться ранѣе двухъ дней, то ничто не препятствовало исполненію прихоти Авдѣя Макаровича. Поэтому въ тотъ же день оба пріятеля перебрались въ Hotel Adelphi, въ которомъ, за 20 рупій (около 20 руб.) въ сутки, имъ отвели огромный номеръ, состоявшій изъ двухъ спаленъ, двухъ комнатъ съ ваннами, гдѣ можно было купаться во всякое время дня и ночи, и parlour'a посрединѣ, въ которомъ они могли разговаривать на нейтральной почвѣ и принимать гостей, еслибъ у нихъ таковые оказались. Кромѣ того, для послѣдней же цѣли они могли пользоваться роскошнымъ общимъ салономъ, гдѣ можно было читать газеты, писать письма и любоваться чопорными лэди, занимавшимися чтеніемъ на другомъ концѣ салона. Авдѣй Макаровичъ, по обыкновенію, поворчалъ на проклятую англійскую дороговизну, хотя очень хорошо

зналъ, что въ плату за номеръ входитъ также плата за столъ, т. е. за обѣдъ и всѣ безчисленные завтраки и закуски, которыя ему предшествуютъ и его сопровождаютъ. Въ Индіи, такъ же какъ и на своей туманной родинѣ и всюду, куда заброситъ судьба, англичане ѣдятъ не менѣе пяти разъ въ день и всякій разъ—довольно основательно. Тамъ просыпаются они не по-петербургски и поэтому въ 6 часовъ утра уже пьютъ чай или кофе съ тостомъ, т. е. хлѣбомъ, поджареннымъ въ маслѣ; въ 10 часовъ имъ подаютъ фундаментальный завтракъ, lunch, изъ пяти мясныхъ блюдъ и чая; въ 2 часа—полдникъ, tiffin, состоящій изъ супа и двухъ блюдъ съ фруктами и чаемъ, наконецъ, въ половинѣ восьмого садятся за обѣдъ изъ 7—8 блюдъ и запиваютъ его также чаемъ, а въ 10 часовъ вечера снова пьютъ чай съ тостами и тортами, и т. п. И всѣ эти горы мяса и пуддинга сопровождаются соответствующимъ количествомъ вина, виски и эля. Поэтому нѣсколько неудивительно, что за номеръ въ Hôtel Adelphi брали отъ 17 до 20 рупій въ сутки. Но Авдѣй Макаровичъ не могъ не поворчать. Впрочемъ, онъ скоро утѣшился, предположивъ брать ванны, по крайней мѣрѣ, по десяти разъ въ сутки, «чтобъ не даромъ платить деньги», какъ объяснилъ онъ Андрею Ивановичу...

Что касается Грачева, то онъ не прочь былъ пожить на берегу и нѣсколько приглядѣться къ своеобразной жизни страны. Между разными диковинками Индіи на первыхъ порахъ его очень забавляла смуглая прислуга въ Hôtel Adelphi. Одѣтая по-европейски, въ узкихъ панталонахъ, короткихъ жакеткахъ, съ часовыми цѣпочками, развѣшанными по цвѣтнымъ жилетамъ, она производила особенно странное впечатлѣніе своими босыми ногами и разноцвѣтными платками, намотанными на головахъ. Андрею Ивановичу было очень смѣшно, когда онъ и здѣсь подмѣтилъ то-же самое стремленіе перенести на голову, если не весь, то хоть часть костюма, въ ущербъ остальному тѣлу, —

стремленію, очевидно составляющее мѣстную черту нравовъ, быть можетъ, объясняемую климатическими условіями.

Авдѣй Макаровичъ, хорошо знакомый съ обычаями Востока, тотчасъ же прочелъ по этому поводу цѣлую диссертацию, въ которой доказалъ своему товарищу множественномъ примѣровъ и цитатъ, что роль головы, служащей въ Европѣ ответственнымъ членомъ для выраженій почтенія и уваженія, на Востокѣ играютъ ноги и отчасти руки. Такъ, напримѣръ, европейцы, входя въ храмъ, снимаютъ шляпы; жители Востока, мусульмане, напримѣръ, въ подобномъ случаѣ снимаютъ обувь. Европейцы, встрѣчая знакомаго, снимаютъ шляпу и наклоняютъ голову, — восточный джентльменъ прижимаетъ руки къ сердцу или даже падаетъ на колѣни. По этому случаю въ мѣстной англійской администраціи возбужденъ былъ даже принципиальный вопросъ: слѣдуетъ-ли даже обьевропейшившимся восточнымъ джентльменамъ (которыхъ, кстати сказать, здѣсь зовутъ довольно неуважительно *nigger*) разрѣшать носить сапоги?

— Вы шутите, Авдѣй Макаровичъ.

— Что вы, батенька! Клянусь вамъ бородой Магомета, что не шучу. Это было на Цейлонѣ, хотя, сказать по правдѣ, уже довольно давно... Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ.

— Какимъ же образомъ возникъ этотъ странный принципиальный вопросъ?

— А вотъ какъ, батенька. Одинъ молодой сингалезецъ служилъ, изволите-ли видѣть, при англійскомъ судѣ. Кѣмъ онъ тамъ служилъ, не припомню, да и не въ этомъ дѣло. Ну-съ, вотъ и пришла этому сингалезцу фантазія одѣться по-европейски. Это бы еще не бѣда: мало-ли его собратій носило уже европейскій костюмъ? Но дѣло въ томъ, что, одѣваясь по-европейски, соплеменники его оставались все-таки босыми, а этому черному джентльмену вздумалось надѣть чулки и башмаки, оставивъ при этомъ въ неприкосновенности свою сингалезскую прическу.

— Какую прическу?

— Развѣ вы не знаете, что сингалезцы носятъ длинныя волосы и устраируютъ себѣ изъ нихъ совершенно дамскую прическу? Какъ же, какъ же, батенька: чудачи заплетаютъ косы и устраируютъ на головѣ какой-то пучекъ при помощи большой чернаховой гребенки, шпилекъ и булавокъ.

— И булавокъ даже?

— Ну, чортъ ихъ знаетъ... Можетъ быть, и безъ булавокъ.

— Что же случилось съ сингалезцемъ?

— А сингалезцемъ? А вотъ видите-ли, батенька, когда онъ пришелъ въ судъ во всемъ европейскомъ костюмѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, то главный судья, англичанинъ, взялъ да и выгналъ его изъ присутствія.

— За что же?

— А за невѣжливость.

— За невѣжливость? Что же тутъ невѣжливаго, что человѣкъ одѣлся по-европейски?

— А вотъ въ чемъ, батенька: благодаря своей дамской прическѣ, съ громаднымъ гребнемъ и булавками, надѣть шляпы онъ, конечно, не могъ, а потому, явившись съ открытой головой, онъ не имѣлъ возможности выразить вѣжливость по-европейски, т. е. снять шляпу.

— Понимаю

— А такъ какъ, при этомъ, онъ явился еще въ чулкахъ и ботинкахъ, то и азіатской вѣжливости онъ соблюсти не могъ, такъ какъ, согласитесь, снимать всякій разъ чулки и ботинки — процедура длинная и не совсѣмъ удобная.

— Вотъ положеніе!

— Да смѣйтесь, смѣйтесь...

— Чѣмъ же дѣло кончилось?

— Сингалезецъ, считая себя обиженнымъ безцеремоннымъ изгнаніемъ изъ суда, подалъ жалобу. Судья, въ свою очередь, представилъ свои объясненія. Вопросъ былъ представленъ

на разрѣшеніе генераль-губернатора и этотъ послѣдній рѣшилъ, что черный джентльменъ былъ не вправѣ пользоваться одновременно двумя такими преимуществами, какъ европейская обувь и сингапурская прическа, и что, благодаря первой, онъ лишается возможности выражать свою вѣжливость по-азиатски, а вторая мѣшаетъ ему быть вѣжливымъ по-европейски, а потому изъ вышеперечисленныхъ преимуществъ онъ обязательно долженъ поступиться въ пользу вѣжливости или тѣмъ, или другимъ.

— Навѣрное, онъ отказался отъ своей прически?

— Не угадали. Напротивъ, онъ пожелалъ сохранить оба преимущества и ради этого предпочелъ выйти въ отставку.

— Презабавная исторія!

— Да, батенька, я таки порядочно потолкался по Индіи и знаю не мало подобныхъ исторій. Вообще здѣшніе обычаи и мѣстные особенности извѣстны мнѣ довольно порядочно.

Но, должно быть, Авдѣй Макаровичъ зналъ не все мѣстные особенности, потому что въ эту же ночь съ нимъ случилось приключеніе, происшедшее именно вслѣдствіе несоблюденія одного изъ мѣстныхъ условій.

Между европейцами почти по всей Индіи соблюдается обычай спать ночью подъ мюсконетами или мустикерами, т. е. занавѣсками отъ москитовъ. Но Авдѣю Макаровичу показалось слишкомъ жарко и душно спать при такихъ условіяхъ. Дѣйствительно, даже ночью температура была не ниже 20° по Реомюру. Поэтому, желая воспользоваться вѣтеркомъ, дующимъ съ моря, Авдѣй Макаровичъ, прежде чѣмъ ложиться спать, откинулъ мустикеры и расположился на полной свободѣ. Но едва онъ это сдѣлалъ, какъ ему уже приходилось раскаяться: въ то же мгновеніе въ его спальню набились цѣлыя мпріады маленькихъ, совсѣмъ микроскопическихъ мушекъ тѣлеснаго цвѣта, почти невидимыхъ простымъ глазомъ, но укусы которыхъ тѣмъ не менѣе были

весьма чувствительны. Когда Авдѣй Макаровичъ замѣтилъ свою ошибку, было уже поздно и горю нельзя было помочь. Поэтому, проспавши ночь весьма дурно, онъ всталъ поутру весь распухшій и красный, точно послѣ оспы или кори, и при этомъ до опухшей кожи нельзя было ничѣмъ дотронуться, не причиняя довольно сильной боли.

Только послѣ двухъ послѣдовательныхъ ваннъ, взятыхъ имъ по совѣту одного изъ портыюгизовъ (такъ въ отелѣ называли прислугу, потому что вся она была изъ португальскаго города Гоа), боль стала стихать и ко времени ленча совершенно прошла.

Этотъ эпизодъ доставилъ Андрею Ивановичу случай пошутить надъ знаніемъ мѣстныхъ обычаевъ и особенностей, которымъ наканунѣ хвалился Авдѣй Макаровичъ.

— Что дѣлать, батенька?—отвѣчалъ профессоръ,—вѣкъ живи—вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь...

Но не Бомбей привлекалъ сердца нашихъ путешественниковъ, и скоро «Трафальгаръ», прошелъ мимо туманныхъ высотъ Малабарскаго берега, туда, гдѣ на серебристо-голубомъ зеркалѣ, брошенномъ съ небосвода на землю могучею рукою Вишны, какъ благоуханная корзина цвѣтовъ, нѣжилась подъ жгучими ласками влюбленнаго солнца счастливая Тапробана древнихъ, Серендибъ арабовъ, Сингала-двипа браминовъ, Цейлонъ европейцевъ.

XIV.

Ц е й л о н ъ.

Существуетъ арабская легенда, повѣствующая, что, когда послѣ грѣхопаденія первые люди были изгнаны изъ земнаго рая, милосердый Господь, тронутый ихъ раскаяніемъ, дозволилъ имъ жить во второмъ раю, надъ которымъ и донинѣ господствуетъ Адамовъ пикъ, названіемъ своимъ напоминающій имя перваго человѣка.

Еще задолго до того, когда взоръ замѣтитъ эту благо-

датную землю, благоуханіе цвѣтовъ, приносимое морскимъ вѣтромъ, уже даетъ знать путешественнику о ея близости.

Если-бы кому-нибудь удалось взглянуть на нее *à vol d'oiseau*, онъ увидѣлъ-бы на голубовато-зеленомъ фонѣ океана громадный изумрудъ почти трехугольной формы, прорѣзанный въ разныхъ направленіяхъ красными жилками дорогъ и кое-гдѣ испещренный красными четвероугольниками свѣже-распаханныхъ полей. Этотъ мѣдно-красный цвѣтъ почвы Цейлона, — кабукъ — обратилъ на себя вниманіе еще въ древности, что видно изъ его древняго имени Тапро-бана, т. е. мѣдно-красный.

Тотъ, кто посмотрѣлъ-бы на островъ съ птичьяго полета, замѣтилъ-бы, кромѣ того, что середина Цейлона значительно приподнята и на этой возвышенности, какъ четырехпалая лапа гигантскаго звѣря, раскинулся горный хребетъ, самую высокую точку котораго составляетъ Адамовъ пикъ, съ его таинственнымъ Самакола или Срипада, т. е. отпечаткомъ Адамовой ноги, приписываемымъ впрочемъ буддистами ногѣ самого Будды. Отъ этого горнаго узла четыре исполинскіе пальца гигантской звѣриной лапы направляются къ сѣверу въ замѣчательно симметричномъ порядкѣ: если дать немного воли воображенію, то невольно представляется, что это даже и не звѣриная лапа, но что будто у какого-то чудовищнаго титана отрѣзаны, вдоль запястья, части обѣихъ рукъ съ указательнымъ и большимъ пальцами и затѣмъ эти части срослись вмѣстѣ по линіи разрѣза такъ, что оба указательные пальца пришли въ серединѣ, а большіе — по сторонамъ.

Вглядываясь дальше, наблюдатель замѣтитъ, что по всему изумрудному острову, кромѣ серебряныхъ нитей, прихотливо бѣгущихъ со всѣхъ скатовъ горнаго массива къ четыремъ сторонамъ острова, — къ окружающему его океану, — по всѣмъ мѣстамъ — и на зеленыхъ пятнахъ лѣсовъ и джунглей, и на мѣдно-красныхъ поляхъ и равнинахъ — разсыпано безчисленное множество сверкающихъ осколковъ громаднаго

разбитого зеркала, изъ которыхъ большая часть имѣтъ правильную четырехугольную или овальную форму. Эти зеркальные осколки—3000 искусственныхъ прудовъ Цейлона, изъ которыхъ, впрочемъ, половина уже заброшена. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя настолько велики, что образуютъ теперь болота до пятидесяти квадратныхъ верстъ величиною.

Было время, когда каждый изъ разрушенныхъ теперь каналовъ и резервуаровъ былъ окруженъ цвѣтущими плантаціями и живописными городками, вблизи которыхъ возвышались величественныя ступы и своими великолѣпными рѣзными колоннами изъ разноцвѣтнаго гранита, съ карнизами и куполами, съ колоссальными статуями Будды и его подвижниковъ и съ не менѣе громадными изображеніями индѣйскихъ божествъ, которыя мирно уживались рядомъ съ буддѣйскими святыми.

Какъ велики были эти сооруженія, еще и донинѣ свидѣтельствуютъ ихъ развалины, разбросанныя по лѣсамъ и джунглямъ Цейлона. Жетаванская ступа, даже въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, имѣтъ 300 футовъ въ поперечникѣ и 249 футовъ въ вышину. По расчету одного англійскаго путешественника*), чтобы соорудить такую громаду, при современныхъ условіяхъ строительнаго искусства, потребовался-бы трудъ 500 рабочихъ въ теченіе 7 лѣтъ и по крайней мѣрѣ—милліонъ фунтовъ стерлинговъ на издержки. Чтобы еще болѣе сдѣлать понятнымъ, какая масса строительнаго матеріала потребовалась для этого сооруженія, тотъ же путешественникъ высчитываетъ, что изъ этого матеріала можно-бы построить стѣну въ одинъ футъ толщиной и въ 10 футовъ вышиною—по всему протяженію отъ Лондона до Эдинбурга.

Въ настоящее время большая часть этихъ городовъ лежитъ въ развалинахъ, а отъ прежнихъ цвѣтущихъ плантацій сохранились только правильныя аллеи кокосовыхъ пальмъ. Время не пощадило даже такіе города, какъ Ану-

*) Э. Тенненъ.

рандхапура, древняя столица Цейлона, славившаяся за пять столѣтій до Р. Х. своимъ великолѣпіемъ и многолюдствомъ. Преданія говорятъ о ней, что она была неизмѣрима, какъ море, и вся сіяла золотыми куполами своихъ безчисленныхъ ступъ и позолоченными кровлями дворцовъ. На улицахъ былъ вѣчный приливъ и отливъ: слоны, колесницы, кони, толпы народа, какъ волны, неслись туда и сюда; какъ ширь океана, раздавались неумолчный говоръ народа, гулъ и звонъ отъ плясунновъ, фокусниковъ, пѣвцовъ и музыкантовъ съ ихъ изогнутыми инструментами. Какъ великъ былъ городъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Отъ сѣверныхъ до южныхъ воротъ города считалось шестнадцать миль и столько-же отъ восточныхъ до западныхъ; въ одной Лунной улицѣ было одиннадцать тысячъ домовъ, въ числѣ которыхъ находилось много двухъэтажныхъ; остальные три главныхъ улицы города, Царская, Рѣчная и Песочная, не уступали по величинѣ Лунной улицѣ. Всѣ улицы были усыпаны пескомъ, по срединѣ бѣлымъ, по краямъ чернымъ. Во многихъ мѣстахъ черезъ улицы были перекинуты арки, на которыхъ развѣвались украшенные золотомъ и серебромъ флаги, и по сторонамъ стояли ниши, гдѣ помѣщались или статуи боговъ съ горящими предъ ними свѣтильниками, или вазы съ цвѣтами и т. д.

Насколько въ этомъ описаніи участвуетъ пылкая фантазія Востока, теперь, конечно опредѣлить трудно; но современные той эпохѣ китайскіе путешественники во многомъ подтверждаютъ рассказы сингалезцевъ о своей великолѣпной древней столицѣ, а ея развалины, занимающія громадное пространство, до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о баснословной величинѣ города. Но кромѣ величины города, эти развалины свидѣтельствуютъ еще о замѣчательно художественномъ совершенствѣ скульптурныхъ и рѣзныхъ работъ, оставленныхъ неизвѣстными строителями города въ назиданіе и поученіе своему забывчивому потомству. Въ развалинахъ Анурандхапуры и Золотой ступы только и можно найти тѣ

изящныя рѣзныя колонны, карнизы и изображенія, которыя способны приковать къ себѣ глазъ художника и которымъ, по рисунку и исполненію, нѣтъ ничего равнаго не только въ архаической Индіи, но даже и на остальномъ Цейлонѣ.

Смотря на эти художественные памятники глубокой древности, затерянные по лѣсамъ и джунглямъ, густо разросшимся на мѣстѣ разрушенной столицы Цейлона, невольно приходишь къ мысли, что въ этомъ городѣ жила совсѣмъ другая раса, чѣмъ нынѣшніе обитатели Цейлона, и что эта, быть можетъ, вымершая раса не только стояла на болѣе высокой степени цивилизаціи, чѣмъ современные сингалезцы, но, кромѣ того, обладала еще такимъ широко-развитымъ изящнымъ вкусомъ и такимъ художественнымъ образованіемъ, до какихъ далеко самымъ ultra-цивилизованнымъ теперешнимъ владыкамъ острова.

Когда «Трафальгаръ» обогнувъ мысъ Коморинъ, пересѣкъ наискось Палкскій проливъ и остановился въ гавани Point-de-Galle, передъ глазами нашихъ путешественниковъ, какъ въ глубинѣ громадной панорамы, развернулась разнообразная картина острова. Прежде всего ихъ поразили своею яркостью господствующій во всей картинѣ зеленый тонъ: казалось, и земля, и море, и даже небо были окрашены въ чудный изумрудный цвѣтъ различныхъ оттѣнковъ. И этотъ характерный цвѣтъ настолько составляетъ принадлежность чудеснаго острова, что даже распространяется на глубину окружающихъ его морей. Въ то время, какъ безчисленныя животныя, кишачія въ коралловыхъ рощахъ Аравійскаго залива, окрашены въ яркіе — красный, оранжевый, желтый — цвѣта, всѣ виды, водящіеся у береговъ Тапробаны, имѣютъ одинъ общій цвѣтъ — зеленый, и этотъ же цвѣтъ они сообщаютъ населяемымъ ими водамъ. Поэтому какимъ то страннымъ диссонансомъ въ этой картинѣ показались нашимъ путешественникамъ темнѣвшія на переднемъ планѣ грозныя стѣны форта, господствовавшего надъ городомъ. За фортомъ тянулись правильные ряды красивыхъ

зданій, впрочемъ, большею частью въ европейскомъ вкусѣ, еще далѣе—аллеи кокосовыхъ деревьевъ и банановъ, обрамляющія мѣдно-красныя поля и дороги, и наконецъ, на горизонтѣ, въ голубомъ туманѣ—центральныя возвышенности Цейлона.

Корабль не успѣлъ еще войти въ гавань, какъ тотчасъ же былъ окруженъ узкими двойными лодками сингалезцевъ и болѣе просторными лодками мавровъ, издавна покинувшихъ для цвѣтущихъ береговъ острова безплодную пустыню своей убогой родины. На палубу въ одно мгновеніе ворвалась шумная толпа разноплеменныхъ торговцевъ-разносчиковъ, и каждый изъ нихъ, на перебой съ другими, настойчиво предлагалъ купить имѣющіяся у него рѣдкости. Глаза разбѣгались въ этой оглушающей суетѣ. Съ одной стороны плутоватыя мавры расхваливали достоинства своихъ драгоценныхъ камней, увѣряя, что лучшихъ ювелирныхъ вещей нельзя найти въ цѣломъ свѣтѣ, и, стараясь, вмѣсто настоящихъ рубиновъ, сапфировъ и гранатовъ, которыми славится Цейлонъ, подсунуть неопытному путешественнику простыя стекла въ мѣдной позолоченной оправѣ; съ другой—не менѣе хитрые персы изъ Бомбея навязывали кашемирскія шали и пестрыя ткани оригинальнаго восточнаго рисунка; а здѣсь сингалезцы съ своими дамскими прическами протягиваютъ изъ-за толпы трости и флейты изъ благовоннаго мѣстнаго дерева, шахматныя фигуры и изображенія слоновъ, прекрасно выточенныя изъ слоновой кости.

На пристани и въ прилегающихъ улицахъ то же смѣшеніе языковъ, тотъ же нестройный, разноголосый шумъ толпы, въ которомъ порой прорываются то звуки тамбурина уличной танцовщицы, то пискъ деревянной дудочки очарователя змѣй. Оригинальная пестрота одеждъ, порой странное смѣшеніе европейскаго костюма съ туземнымъ, порой отсутствіе всего, что могло-бы служить для прикрытія наготы, и притомъ—кольца, жемчужныя ожерелья, массивныя, сверкающія цѣпи, тяжелые браслеты на рукахъ и ногахъ—все

это, ярко освѣщенное жгучимъ тропическимъ солнцемъ, какъ то особенно весело, точно по-праздничному, сіявшимъ съ высоты безоблачнаго бирюзоваго неба, бросалось въ глаза, ослѣпляло взоръ, точно безконечная волшебная феерія изъ «Тысячи и одной ночи».

Не только Андрей Ивановичъ, для котораго эта картина имѣла прелесть новизны, но и самъ Авдѣй Макаровичъ, уже побывавшій и пожившій въ этихъ мѣстахъ, чувствовалъ себя ошеломленнымъ.

— Да, батенька,—сказалъ онъ, вздыхая отъ полноты души,—къ этой фантазмагоріи не скоро примотришься! Это—сущій калейдоскопъ, который при каждомъ поворотѣ даетъ все новыя и новыя узоры. Знаете, въ первый мой пріѣздъ я чувствовалъ себя здѣсь до того подавленнымъ новизною и силою впечатлѣній, что не разъ пожалѣлъ о нашей сѣренкой сѣверной природѣ, которая, съ своимъ мирнымъ, спокойнымъ, задумчивымъ характеромъ, какъ-будто нарочно для того и придумана, чтобы успокаивать расхолодившіеся нервы. Къ концу моего пребыванія здѣсь я заболѣлъ настоящей ностальгіей, потерявъ сонъ и аппетитъ и дошелъ даже до галлюцинацій... Право! Представьте себѣ: и днемъ, и ночью мнѣ все видѣлись влажныя березовыя аллеи, слышался трепетный шумъ осиновыхъ листочковъ! И такая, знаете, тоска меня обуяла, что въ одинъ прекрасный день я наскоро уложилъ свои пожитки и, какъ сумасшедшій, прискакалъ на пароходъ, отходившій въ Европу. И, знаете, когда я окончательно излечился отъ своей болѣзни? Когда, заслушавшись шелеста листьевъ, я заснулъ у себя въ саду, на скамьѣ, подъ тѣнью березы! Да-съ, именно тогда; я это очень хорошо помню: я проснулся свѣжимъ и бодрымъ, и всю мою болѣзнь, всѣ мои нервы—какъ рукой сняло.

XV.

Въ вагонѣ.

Не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за путевыми приключеніями нашихъ героевъ, такъ какъ насъ интересуетъ собственно не путешествіе ихъ по Индіи, а та цѣль, которой они намѣревались достигнуть посредствомъ этого путешествія.

Поэтому мы не будемъ здѣсь рассказывать, какъ въ Hôtel Oriental наши путешественники были поражены костюмомъ и манерами сингалезской прислуги въ гостинницѣ, какъ съ удивленіемъ разсматривали они на прислуживающихъ имъ лакеяхъ ихъ высокія дамскія прически, короткія европейскія жакетки, босыя ноги и короткія покрывала, обернутыя вокругъ бедеръ взамѣнъ панталонъ. Впослѣдствіи они убѣдились, что въ подобномъ же смѣшанномъ костюмѣ, отличающемся только цѣнностью матеріала и украшеніями изъ золота и дорогихъ камней, щеголяли многіе «бабу», т. е. туземные коммерсанты и землевладѣльцы.

Не будемъ также рассказывать, какъ благодаря настояніямъ Авдѣя Макаровича, желавшаго повидать своихъ старыхъ знакомыхъ, Андрей Ивановичъ сопутствовалъ ему въ его короткихъ поѣздкахъ въ буддійскіе монастыри, лежащіе въ недалекомъ разстояніи отъ Пуантъ-де-Галля. — тѣмъ болѣе, что въ этихъ путешествіяхъ Андрей Ивановичъ нашелъ слишкомъ мало интереснаго, такъ какъ всѣ эти *budtempler* и монастыри были недавней постройки и большею частью имѣли надъ дверями, подобно лавочкамъ, англійскія надписи съ обозначеніемъ года постройки, названіе монастыря и даже имени настоятеля, которому при этомъ непременно придавался титулъ *reverend* *). Сами эти бритые реверенды, съ своими круглыми головами, лишенными всякаго признака растительности, съ грубыми, одутловатыми

*) *Reverend*, т. е. достопочтенный, титулъ духовныхъ особъ въ Англіи.

отъ постоянного спанья лицами, въ своихъ желтыхъ чиварахъ, опоясанныхъ веревкой, съ своими босыми ногами, до крайности напоминали толстыхъ, лѣнивыхъ и грязныхъ монаховъ какого-нибудь глухого итальянскаго монастыря.

Невѣжественность ихъ относительно всего, что хоть сколько-нибудь выходило за предѣлы ихъ узкаго монастырскаго мірка, была одинакова съ ихъ европейскими собратіями, которымъ, по всей вѣроятности, они послужили прототипомъ. Едва понимая даже тѣ немногія молитвы, какія входятъ въ кругъ ихъ ежедневнаго обрядоваго ритуала, и большею частью совсѣмъ не понимая своихъ священныхъ книгъ, писанныхъ на древнемъ языкѣ пали, они безпомощно тарасили глаза на предъявленные имъ снимки съ алюминіевыхъ таблицъ и, качая бритыми головами, совѣтовали обратиться къ тѣмъ англійскимъ джентльменамъ въ Калькуттѣ, которые все знаютъ и у которыхъ сингалезская молодежь выучивается всѣмъ существующимъ на свѣтѣ наукамъ.

Въ виду этого послѣдняго обстоятельства Андрей Ивановичъ положительно высказался за скорѣйшій отъѣздъ въ Коломбо для отысканія Рами Сагиба, черезъ котораго можно будетъ добраться до рекомендованнаго Грешамомъ ученаго пундита, Нарайяна Гаутамы Суами. На этого Нарайяна Андрей Ивановичъ возлагалъ большія надежды и, какъ оказалось впослѣдствіи, совершенно правильно. .

Такъ какъ Авдѣй Макаровичъ не нашелъ ничего такого, что могло бы его задержать въ Пуантъ-де-Галлѣ, то по-этому скоро почтовая кери, запряженная парюю бѣлыхъ, довольно бойкихъ бычковъ, въ сопровожденіи двухколесной банды, нагруженной дорожнымъ багажемъ, унесли обоихъ пріятелей въ Коломбо, по прекрасной тѣнистой аллеѣ, вдоль которой пролегалъ почтовая дорога.

Со стороны Пуантъ-де-Галля Коломбо имѣетъ довольно неприглядный видъ. Послѣ цвѣтущихъ деревенекъ и маленькихъ красивенькихъ городковъ, безпрестанно встрѣчавшихся по обѣимъ сторонамъ дороги, въѣздъ въ узкія, красивыя

улицы предмѣстья Коломбо, Калпетти, не произвелъ на нашихъ путешественниковъ особенно пріятнаго впечатлѣнія. Далѣе, почти въ самомъ центрѣ города, широкая полоса пустыннаго берега, раскинувшаяся передъ окнами гостиницы, въ которой они остановились, и темныя стѣны форта, загораживающія видъ на остальную, болѣе красивую часть города, тоже не были въ состояніи разсѣять тоскливое чувство, навѣянное первоначальными впечатлѣніями. Поэтому неудивительно, что тотчасъ же по пріѣздѣ въ городъ наши путешественники посѣдили навести справки о Рами Сагибѣ.

— Рами Сагибъ?—спросилъ, поднимая брови, рыжій и веснучатый англичанинъ, завѣдующій справочнымъ бюро,— Сагибъ-Рами? Такого не знаю. Да такого и быть не можетъ. Рами-Сагибъ!.. Слишкомъ много чести для Рами, джентльмены. Мы съ вами, напримѣръ, по праву можемъ пользоваться этимъ титуломъ, потому что мы—европейцы, но для чернаго джентльмена вполне достаточно, если его назовутъ «бабу». Можетъ быть, джентльмены, вамъ нужно Бабу Рами? Такой дѣйствительно есть: онъ живетъ въ своемъ помѣстьѣ Рамуни, въ двѣнадцати миляхъ отсюда по дорогѣ въ Кэнди.

— Но у насъ письмо изъ Англіи къ Рами Сагибу,—возразилъ Андрей Ивановичъ.

— Это ошибка, джентльмены, увѣряю васъ. Никто въ Индіи не назоветъ ниггера сагибомъ, если только онъ, конечно, не коронованная особа. Тогда—другое дѣло... Что же касается Бабу Рами, то въ окрестностяхъ Коломбо, кромѣ него, нѣтъ другого землевладѣльца Рами.

— Но кто онъ такой, этотъ Бабу Рами?

— Это, джентльмены, очень богатый ниггеръ, воспитывался въ Калькуттѣ, хорошо знаетъ англійскій и французскій языки и, кажется, даже путешествовалъ по Европѣ. По крайней мѣрѣ, я знаю, что онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и чуть-ли не въ Оксфордѣ.

— Въ такомъ случаѣ, это, по всей вѣроятности, тотъ самый, кого намъ нужно,—сказалъ Авдѣй Макаровичъ.

— Посмотримъ,—согласился Андрей Ивановичъ. Они на слѣдующій день, рано утромъ, отправились на вокзалъ желѣзной дороги въ Кэнди и взяли билеты до ближайшей станціи, въ четырехъ миляхъ отъ которой находилась деревня Рамуни, составлявшая собственность Бабу Рами.

На индійскихъ желѣзныхъ дорогахъ вагоны перваго класса, преимущественно предназначенные для европейцевъ, рассчитаны для помѣщенія четверыхъ пассажировъ и притомъ такъ, чтобы они могли свободно спать раздѣвшись и растянувшись на длинныхъ мягкихъ диванахъ, а выспавшись—какъ слѣдуетъ умыться. Дамскіе вагоны помѣщаются обыкновенно на другомъ концѣ поѣзда.

Когда наши путешественники вошли въ вагонъ, навстрѣчу имъ съ одного изъ четырехъ дивановъ поднялась довольно благообразная фигура «чернаго джентльмена».

— Я не стѣсняю джентльменовъ? — спросилъ черный джентльмень, почтительно прикладывая ко лбу свои красивыя руки, унизанныя золотыми кольцами и перстнями.— Или, можетъ быть, сагибы прикажутъ мнѣ уйти?

— Съ какой стати?—удивился Андрей Ивановичъ.— Да и какое мы имѣемъ право?

Индусъ нѣсколько мгновеній пристально разсматривалъ обоихъ пріятелей, переводя свои громадныя, миндалевидныя глаза съ одного на другого.

— Если я не ошибаюсь,—сказалъ онъ потомъ,—сагибы пріѣхали сюда недавно и не знаютъ еще мѣстныхъ обычаевъ?

— Какихъ обычаевъ?—спросилъ Авдѣй Макаровичъ.

— Если я могу здѣсь остаться и сагибы позволяютъ мнѣ сѣсть...

— Ахъ, да!—спохватился Авдѣй Макаровичъ:—вы, кажется, говорите о томъ обычаѣ, по которому туземецъ долженъ всегда уступать свое мѣсто европейцу? Ну, можете

быть покойны, батенька: мы знаемъ этотъ обычай, но считаемъ его въ высшей степени несправедливымъ,

— Несправедливымъ! — повторилъ въ полголоса индусъ и боязливо оглянулся, какъ-будто опасаясь, что его кто-нибудь подслушаетъ. — Слѣдовательно, сагибы не англичане?

— Нѣтъ. Мы—русскіе.

— Русскіе, — повторилъ задумчиво индусъ, — подданные Бѣлаго Царя. — Но въ такомъ случаѣ отчего же сагибы не въ бѣлой одеждѣ?

— Вотъ оно, начинается! — воскликнулъ про себя Андрей Ивановичъ, припоминая свой разговоръ съ Крауфордомъ на палубѣ англійскаго парохода.

— Мы, дѣйствительно, носимъ у себя на родинѣ бѣлыя фуражки и пальто, — сказалъ онъ громко, — но только лѣтомъ.

— А ваши войны?

— Наши солдаты съ 1 мая по 1 сентября также носятъ бѣлыя рубахи и фуражки. Это ихъ лѣтняя форма.

— Съ 1 мая по 1 сентября, сагибъ, два времени года: гришма и варши. Во время пыли и пота, конечно, хорошо носить бѣлыя рубахи, но когда наступить варши и пойдутъ проливные дожди, я думаю, сагибъ, бѣлыя одежды не совсѣмъ удобны.

— Пожалуй, отчасти вы правы, батенька, — согласился Авдѣй Макаровичъ. — Но у насъ, на родинѣ, нѣтъ періода проливныхъ дождей. Дожди перепадаютъ у насъ и весной, и лѣтомъ, а всего больше осенью.

— Сколько у васъ времёнъ года, сагибъ?

— Конечно, четыре, — поспѣшилъ отвѣтить Андрей Ивановичъ, удивленный подобнымъ вопросомъ.

— Только четыре, сагибъ? — въ свою очередь удивился индусъ.

— Какъ, развѣ этого вамъ мало?

— У насъ ихъ шесть.

— Ахъ, да! — воскликнулъ Авдѣй Макаровичъ, — я помню: я, кажется, читалъ объ этомъ въ Магабгаратѣ.

— Вы читали Магабгарату? — снова удивился индусъ. — Да, сагибъ, тамъ прекрасно объ этомъ сказано: Магабгарата, Ади парва...

— Это очень любопытно, — заинтересовался Андрей Ивановичъ, знакомый съ Магабгаратой только по наслышкѣ.

— Если сагибу будетъ угодно, я расскажу о нашихъ временахъ года, какъ о нихъ говорится въ Магабгаратѣ.

— Расскажите, расскажите, батенька: мы съ удовольствіемъ послушаемъ.

— Извольте, сагибъ. Магабгарата рассказываетъ, что отъ начала міра на землѣ существуетъ шесть никогда не старѣющихъ прекрасныхъ юношей. Они одѣты въ разноцвѣтныя одежды и не переставая вертятъ колесо года, а вмѣстѣ съ нимъ непрерывно движется кругъ всего живущаго на землѣ и всѣхъ міровъ, окружающихъ землю. Въ лицѣ этихъ прекрасныхъ юношей Санджаи описываетъ шесть временъ года. Первое изъ нихъ, самое юное и самое прекрасное, *Васанта*, весна, соотвѣтствуетъ марту и апрѣлю. Это — пора любви и наслажденія: воздухъ тогда прозраченъ, небо ясно, безоблачно, вѣтерокъ, дующій съ полудня, приносить опьяняющее благоуханіе цвѣтовъ матовой пальмы; тяжелыя полевые работы уже кончены, наступило время для свадебъ и праздниковъ въ честь боговъ. За Васантой слѣдуетъ *Гришма* — «время пота». Облака пыли поднимаются съ дорогъ и полей, среди изсохшей травы и бамбуковыхъ зарослей вспыхиваютъ частые пожары; животныхъ томить мучительная жажда, быки цѣлые дни проводятъ, стоя въ водѣ, и вздрагивая всѣмъ тѣломъ, отмахиваются отъ насѣкомыхъ, которыя цѣлыми стаями вьются надъ ними и вонзаютъ въ нихъ свои острые жала. Это время года продолжается въ теченіе двухъ знойныхъ мѣсяцевъ, май и іюня. Въ воздухѣ пока еще тихо, но уже собирается гроза;

черныя тучи мало-по-малу скопляются на горизонтѣ. Вотъ наконецъ, блеснула молнія и ударилъ громъ, возвѣщая о появленіи муссона. вмѣстѣ съ муссономъ начинается Варши, періодъ дождей, продолжающійся два мѣсяца—іюль и августъ. Въ это время года рѣки широко разливаются и орошаютъ прибрежныя равнины; природа, истомленная зноемъ, обновляется, посѣянное зерно прорастаетъ на запаханныхъ поляхъ. Съ окончаніемъ дождей наступаетъ четвертое время года *Шарадъ*, осень, продолжающееся два мѣсяца, сентябрь и октябрь, въ теченіе которыхъ вызрѣваютъ плоды, подвліяніемъ тепла и влаги, накопившейся въ почвѣ во время періода дождей. За осенью слѣдуетъ *Гиманта* или зима, соотвѣтствующая двумъ послѣднимъ мѣсяцамъ европейскаго года. Она отличается холодными ночами и утренниками, но великолѣпными ясными днями, во время которыхъ производится жатва на поляхъ и земледѣльцы молотятъ и собираютъ зерно. Наконецъ, индійскій годъ заключается шестымъ и послѣднимъ временемъ года *Саси* или *Сисира*, періодомъ росы и тумановъ, продолжающимся также два мѣсяца, январь и февраль.

— Слѣдовательно, у васъ годъ начинается съ марта? — полюбопытствовалъ Андрей Ивановичъ.

— Да, батенька, — отвѣчалъ за индуса Авдѣй Макаровичъ. — И это, знаете-ли, самая древнѣйшая и — скажу при этомъ — самая естественная форма времясчисленія. Что можетъ быть естественнѣе, какъ начинать годъ съ весны, съ обновленія природы, когда все оживаетъ, все начинаетъ жить, такъ сказать, новою жизнью? Всѣ остальные способы начинать годъ — совершенно искусственны и ни на чемъ не основаны. Возьмите хоть еврейскій годъ съ сентября... А ужъ наше времясчисленія съ 1 января — такая нелѣпость, которую ничѣмъ нельзя оправдать.

Разговоръ все время происходилъ на англійскомъ языкѣ. Вдругъ Авдѣй Макаровичъ, замѣтивъ, что Андрей Ивановичъ закуриваетъ сигару, сказалъ по-русски:

— Дайте-ка мнѣ огня!

— *Da mi agnia?*—удивился индусъ, глядя, какъ Андрей Ивановичъ передаетъ своему пріятелю зажженную восковую спичку:—*da mi agnia!*.. На какомъ языкѣ разговариваютъ сагибы?

— Ха, ха, ха! Знакомыя слова попались!?—раехохотался Авдѣй Макаровичъ.—На русскомъ, батенька, на русскомъ!

— Слѣдовательно, сагибъ, русскій языкъ очень похожъ на санскритскій?

— Ну, нельзя сказать, чтобы очень,—а сходныя слова есть, какъ и во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ.

Любознательный индусъ очень заинтересовался этимъ сходствомъ и сталъ предлагать вопросы: какъ по-русски домъ, дверь, мать, братъ, сестра, дочь, овца и т. д? Его чрезвычайно радовало, что всѣ эти слова сходны въ обоихъ языкахъ, напримѣръ: домъ, по-санскритски дамо, дверь—двора, мать, матеръ—матаръ, братъ—буратеръ, сестра—свасаръ и т. д. Затѣмъ онъ перешелъ къ числительнымъ и, когда оказалось, что числительныя въ обоихъ языкахъ почти тождественны,—что санскритское два и по-русски—два, санскритское три и по-русски—три, чатваръ—четыре, панчанъ—пять, шашъ—шесть и т. д., то это привело его въ такой восторгъ, что онъ даже забылъ на время обычную на Востокъ степенность и важность, смѣялся, показывая свои великолѣпные бѣлые зубы, и хлопалъ руками, какъ ребенокъ.

Свистокъ локомотива, означавшій близость станціи, положилъ конецъ этой сценѣ. Лицо индуса снова приняло сдержанное выраженіе вѣжливаго достоинства.

— Очень жаль, сагибы, — сказалъ онъ, поднимаясь и подходя къ окну вагона, — очень жаль, что я не могу долѣе воспользоваться вашею интересною бесѣдой. На этой станціи я долженъ выйти.

— Мы тоже ѣдемъ только до этой станціи,—отозвался Авдѣй Макаровичъ.

— Что же сагибы думают дѣлать на этой станціи? Здѣсь, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ничего интереснаго.

— Мы отсюда своротимъ въ сторону, въ Рамуни.

— Въ Рамуни?

— Да.

— Быть можетъ, съ вашего позволенія, къ Рами-Сагибу?

— Да, но въ Коломбо намъ сказали, что Рами — не сагибъ, а бабу.

— Вѣроятно, это вамъ сказали англичане? Для нихъ Рами можетъ быть «бабу», но для насъ онъ навсегда останется сагибомъ. Рами — потомокъ древняго царскаго рода. Подвиги его предковъ воспѣты въ романахъ.

— Вотъ какъ! Неужели онъ потомокъ того самаго баснословнаго героя Рамы?

— Такъ думаютъ сингалезцы, сагибъ.

— А вы останетесь на этой станціи?

— Нѣтъ. Я ѣду тоже къ Рами Сагибу.

— Вотъ это прекрасно! Однако, что же мы разговариваемъ цѣлый часъ и все еще не познакомились? Позвольте рекомендоваться: меня зовутъ по-русски Авдѣй Макаровичъ Семеновъ, по-англійски — d-r Абадія Сименсъ. Мой пріятель — Андрей Ивановичъ Грачевъ или, если хотите, мистеръ Гречау... Я вамъ не подаю руки, потому что у васъ не въ обычаѣ подавать руку европейцамъ.

— Не всѣмъ, сагибъ, — а вашу руку я пожму съ величайшимъ удовольствіемъ и отъ чистаго сердца. Здѣсь не въ обычаѣ, чтобы европеецъ рекомендовался туземцу и на — оборотъ: только поэтому я допустилъ, что вы предупредили меня своею любезностью. Меня зовутъ Дайянанда Суами. Я состою брамьномъ при храмѣ богини Парвати въ Калькуттѣ. Но вотъ уже поѣздъ остановился... Васъ, вѣроятно, ожидаетъ здѣсь кери?

— Нѣтъ. Нужно будетъ нанять.

— Если вы позволите, я предложилъ бы вамъ ѣхать вмѣстѣ со мной. Я телеграфировалъ Рами Сагибу, чтобы

онъ выслалъ за мною банди. Угодно вамъ будетъ принять мое предложеніе?

— Съ большимъ удовольствіемъ, если только это васъ не стѣснитъ.

— Помилуйте, нисколько! А удовольствіе все на моей сторонѣ.

XVI.

Ф и л о л о г і я.

На пути въ Рамуни, сидя въ просторномъ банди, запряженной парой бѣлыхъ бычковъ съ смуглымъ сингалезцемъ на козлахъ, новые знакомцы продолжали разговоръ, начатый въ вагонѣ, въ тоже время любясь представлявшеюся имъ красивою мѣстностью. Дорога прихотливыми зигзагами спускалась въ долину. Въ одномъ мѣстѣ она обходила громадный камень, на острой вершинѣ котораго пріютились развалины крохотнаго храма, опутанныя вьющимися растеніями; въ другомъ—ее заставлялъ уклоняться въ сторону глубокой оврагъ, заросшій непроходимой чащею бамбуковъ, акацій, фикусовъ и коричневыхъ деревьевъ; порой на пути попадались небольшіе ручейки, торопливо убѣгавшіе въ долину, и дорога покорно слѣдовала по ихъ теченію, пока не представлялось болѣе или менѣе удобнаго брода; порой она вдругъ упиралась въ живую изгородь, окружавшую плантацію чайныхъ деревьевъ, рисовое поле или рощицу гвоздичныхъ и коричневыхъ деревцовъ, и дѣлало большой крюкъ вокругъ этой изгороди. Всѣ эти изгибы значительно увеличивали разстояніе, отдѣлявшее Рамуни отъ станціи желѣзной дороги.

Дорога шла постоянно подъ гору и чѣмъ дальше и ниже въ долину она спускалась, тѣмъ выше и круче казался синѣвшій вдаль противоположный склонъ долины. Мѣстами на немъ—и чѣмъ выше, тѣмъ чаще, мелькали среди густой тропической растительности развалины старинныхъ индійскихъ храмовъ и болѣе позднихъ буддійскихъ монастырей. Иногда

только двѣ-три уцѣлѣвшихъ колонны, обвитыхъ темною зеленью вьющихся растеній, означали мѣсто какого-нибудь древняго дворца или храма, и Дайянанда, указывая на тѣ или другія развалины, рѣзко выдвигавшіяся на темномъ фонѣ растительности подъ лучами яркаго тропическаго солнца, сообщалъ ихъ названія и рассказывалъ легенду храма или дворца, къ которому онъ принадлежалъ. Повидимому, Дайянанда зналъ здѣсь каждый уголокъ и могъ рассказывать исторію каждой кучи камней, намекавшей на существовавшую нѣкогда на этомъ мѣстѣ постройку.

Но самого Дайянанду болѣе интересовалъ вопросъ о сродствѣ санскритскаго и русскаго языковъ, и поэтому, при первой возможности, онъ постарался перевести разговоръ на этотъ предметъ и затѣмъ снова принялся выпрашивать русскія названія тѣхъ или другихъ предметовъ. Авдѣй Макаровичъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ отвѣчалъ на подобные вопросы, что чувствовалъ себя при этомъ въ своей настоящей сферѣ,—въ сферѣ филологіи.

— Да,—говорилъ онъ,—дѣйствительно, русское «отецъ» не подходитъ. Положимъ, если прослѣдить хорошенько, то можно отыскать и сходное слово. По-санскритски—*pitar*, по-гречески—*pater*, по-латыни—*pater*, по-нѣмецки—*vater*, по нашему, пожалуй,—бать, батенька, батюшка. Но я, видите-ли, противъ такого сближенія. На самомъ дѣлѣ,—что это такое за «бать»? Мнѣ такъ и чудится въ немъ что-то татарское: «батяй», «Батый»... Нѣтъ, у меня, батенька, на этотъ счетъ своя теорія.

— Какая же, Авдѣй Макаровичъ?

— А вотъ, видите-ли... Вамъ, конечно, извѣстно, что въ ходѣ постепеннаго развитія человѣческой культуры эпохъ отцовства — патріархату — предшествовала эпоха материнства, матріархата, т. е. такая эпоха, когда во главѣ семьи стояла мать, а не отецъ, такъ какъ этотъ послѣдній игралъ тогда, кажется, роль трутня въ пчелиномъ ульѣ и женщина могла имѣть мужей, сколько угодно...

— Точно такъ-же, какъ въ настоящее время Неварскія женщины, — замѣтилъ Дайянанда.

— Да, точно такъ-же. Въ силу этого, конечно, отецъ былъ неизвѣстенъ и дѣти получали прозвища по матери...

— Это и теперь ведется у нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ, особенно въ Бирмѣ и у малайцевъ на островахъ Борнео, Ява, Суматра и другихъ, — замѣтилъ снова Дайянанда.

— Ну да, ну да! Такъ вотъ, видите ли, если не существуетъ предмета, то нѣтъ надобности, конечно, придумывать для него имя. Разъ понятіе объ отцѣ неизвѣстно, то и самое слово «отецъ» можетъ не существовать въ языкѣ — за ненадобностью. Неправда-ли?

— Само собою разумѣется. Но къ чему это вы ведете рѣчь, Авдѣй Макаровичъ? — спросилъ Грачевъ.

— А вотъ къ чему, батенька. Если эпохѣ отцовства предшествовала эпоха материнства, — а что дѣйствительно было такъ, наука утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, — если было время, когда понятіе объ отцѣ совершенно отсутствовало, то понятно, что въ языкѣ человѣческомъ, въ томъ языкѣ, который мы называемъ «праязыкъ», тогда не могло быть и не было даже самого слова «отецъ».

— Допустимъ, — согласился Андрей Ивановичъ.

— Необходимо допустить. Постепенное возникновеніе и взаимное отношеніе понятій и выражающихъ ихъ словъ уже прочно установлено въ наукѣ и составляетъ основаніе сравнительной филологіи, которая только одна можетъ опредѣлить сравнительную древность того или другого языка или народа во времена доисторическія. Максъ Мюллеръ это, положимъ, отрицаетъ, но я, какъ вамъ извѣстно, не преклоняюсь предъ его мнѣніями...

— Что же вы хотѣли доказать вашей эпохой материнства, добрый Авдѣй Макаровичъ?

— А ни больше, ни меньше какъ глубочайшую древность славянскаго племени.

— Интересно, какимъ образомъ вы это докажете.

— А вотъ какъ, батенька: славяне отдѣлились отъ арійцевъ или арійцы отдѣлились отъ славянъ еще въ тѣ незапамятныя времена, когда человѣчество переживало эпоху материнства; поэтому въ томъ «праязыкѣ», которымъ говорило это первобытное человѣчество, еще не было слова «отецъ», не было потому, что еще не существовало самого понятія, выраженіемъ котораго впослѣдствіи должно было служить это слово. Понятно?

— Кажется, понятно, сагибъ... и очень интересно.

— Такимъ образомъ, двѣ вѣтви одного и того же первобытнаго племени стали жить отдѣльной, самостоятельной жизнью и вырабатывать постепенно, каждое для себя, дальнѣйшія понятія и слова. Наступила эпоха отцовства. Мужчина покорилъ себѣ женщину и сталъ во главѣ семьи. Новое понятіе потребовало новаго слова, и оно явилось, но уже для славянъ—одно, для другихъ арійскихъ племенъ—другое. Вотъ причина звукового несходства санскритскаго «питеръ» съ русскимъ «отецъ».

— Довольно правдоподобно.

— Но это еще не все. Когда славяне съ остальными арійцами составляли еще одно племя, то-есть до раздѣленія, у нихъ для выраженія высшаго существа или божества было одно слово «диво», сохранившееся и до настоящаго времени въ русскомъ языкѣ. Обратите вниманіе, что это слово среднего рода, то-есть обозначаетъ безполое существо, духъ. Въ санскритскомъ оно получаетъ уже окончаніе женскаго рода «дѣва», вѣроятно, въ эпоху материнства; затѣмъ, постепенно измѣняясь, оно постепенно становится «девасъ» и тогда даетъ начало греческому «Θεосъ» и латинскому «deus», гдѣ уже слышно окончаніе мужскаго рода; потомъ оно переходитъ въ «дьяусъ», родительный падежъ—«дзеусъ» и даетъ греческое «Зевсъ», то-есть становится собственнымъ именемъ главнаго изъ греческихъ боговъ. Затѣмъ, въ эпоху отцовства, вырабатывается понятіе о богѣ, отца всего жи-

вущаго, о небесномъ отцѣ, и вотъ является санскритское «дыушпитеръ», Djupiter — небесный отецъ, латинскій Jupiter.

— Такъ вотъ откуда произошло это имя!

— Да, и Зевсъ, и Юпитеръ — все отсюда. Индія — мать религіи. Если прослѣдить хорошенько, то окажется, что и позднѣйшія религіозные обряды и обычаи взяты изъ Индіи. *Ex oriente lux!*..

— Однако вы прочитали намъ цѣлую лекцію, добрый-шій Авдѣй Макаровичъ...

— Надѣюсь, это невредно?

— Я съ наслажденіемъ слушалъ мудрыя слова сагиба и желалъ-бы слушать ихъ день и ночь, пока мудрость его не просвѣтитъ мою темноту.

— Ну, вотъ видите, — разсмѣялся Авдѣй Макаровичъ, — а вы еще недовольны.

— О, нѣтъ! Я очень доволенъ и очень вамъ обязанъ, но...

— Что такое «но»? Предвижу, что это зловредное «но».

— Видите-ли, Авдѣй Макаровичъ... Вы не разсердитесь?

— Вы что, браниться хотите? Такъ не стѣсняйтесь: мы, ученые, къ брани привыкли. Мы частенько такъ другъ друга отдѣлывали, что только держись. Поэтому, бранитесь, сколько хотите, — не разсержусь. Брань на вороту не виснетъ.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ... Мнѣ кажется, что все, о чемъ вы говорили, — только одни предположенія и что по поводу любого изъ этихъ предположеній можно очень много наговорить, и за, и противъ...

— Вотъ чѣмъ напугать вздумали! Вотъ и видно, что вы, батенька, въ нашемъ ремеслѣ профанъ. Да что такое любая наука, какъ не цѣпь предположеній, не цѣпь гипотезъ, болѣе или менѣе удачно обоснованныхъ? Наболѣе вѣроятныя гипотезы у насъ называются даже законами и онѣ служатъ таковыми до тѣхъ поръ, пока не найдется смѣльчака, который ихъ повалить...

— Ну, однако...

— Что однако? Гипотезы и гипотезы! Вездѣ гипотезы! Вся наша жизнь—одна сплошная гипотеза! Развѣ въ дѣйствительности мы знаемъ, что насъ окружаетъ? Намъ просто кажется, что мы знаемъ, и только. Положимъ, мы видимъ тотъ или другой предметъ, но таковъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ, какимъ намъ кажется? Мы видимъ его цвѣтъ, его форму,—но еще вопросъ, таковы-ли они въ дѣйствительности, сами по-себѣ, безъ отношенія къ нашему зрительному нерву, независимо отъ нашего сознанія? Мы слышимъ звукъ; но таковъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ, какъ его воспринимаетъ нашъ слуховой аппаратъ? Все это, батенька, неразрѣшенныя загадки.

— Все это—Майя, какъ говорятъ наши мудрецы,—замѣтилъ Дайянанда.

— Именно Майя, миражъ, который виситъ въ воздухѣ и который, того и гляди, разсѣется безъ слѣда. Что же касается того обстоятельства, что по поводу моихъ гипотезъ можно насказать многое pro и contra, такъ это, батенька, въ порядкѣ вещей. Что же такое всѣ наши ученые сочиненія, ученые споры, критики и антикритики, изслѣдованія и монографіи, какъ не вѣчныя pro и contra по поводу тѣхъ или другихъ гипотезъ?

— Все это было-бы очень печально, если-бъ я не былъ увѣренъ, что человѣкъ можетъ имѣть и точныя положительныя знанія.

— Это вы насчетъ математики, что-ли? Ну, я, батенька, филологъ... А посмотрите-ка, мистеръ Дайянанда, что это тамъ за городокъ раскинулся вокругъ озера?

— Это—Рамуни, сагибъ. А вотъ въ этой рощѣ банановъ, кокосовыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ находится бунгало Рами-Сагиба.

— Такъ мы уже близко?

— Не особенно, сагибъ. Дорога идетъ довольно прихотливо.

На самомъ дѣлѣ дорога шла настолько прихотливо, что Рамуни съ своимъ озеромъ нѣсколько разъ появлялось то вправо, то влѣво отъ нашихъ путешественниковъ, и такимъ образомъ прошло еще около полутора часовъ, прежде чѣмъ банди выѣхала на берегъ озера и направилась къ бунгалю владѣльца Рамуни.

XVII.

Р а м и - С а г и б ъ.

Когда банди, сдѣлавъ нѣсколько неожиданныхъ поворотовъ, выѣхало наконецъ на берегъ пруда передъ самою банановою рощей, наши путники увидали передъ собою сквозную, довольно высокую ограду съ рѣшетчатыми воротами, за которыми виднѣлась длинная аллея цвѣтущихъ, благоухающихъ деревьевъ. Въ глубинѣ этой аллеи, изъ-за темно-зеленой листвы краснѣла черепичная крыша дома.

— Если сагибы ничего не имѣютъ противъ этого, то здѣсь мы выйдемъ,—предложилъ Дайянанда. Пусть банди съ вензами ѣдетъ кругомъ: мы пройдемъ прямо черезъ садъ.

Нашимъ путешественникамъ давно уже надоѣло трястись въ не совѣтмъ удобномъ экипажѣ. Поэтому они съ удовольствіемъ воспользовались случаемъ размять затекшія ноги. Но не успѣли они подойти къ воротамъ, какъ кто-то изнутри сада, вѣроятно, заслушавъ стукъ колесъ банди, быстро распахнулъ ворота настежь и глазамъ нашихъ пріятелей предстала красивая фигура молодого сингалезца въ національномъ костюмѣ и роскошной дамской прическѣ. Повидимому, молодой человекъ спѣшилъ встрѣтить Дайянанду; но увидѣвъ вмѣстѣ съ нимъ двухъ европейцевъ, онъ замѣтно смутился. Окинувъ взглядомъ свой слишкомъ откровенный костюмъ, состоявшій всего изъ короткой *manche-courte* и легкаго покрывала вокругъ бедеръ, не считая колецъ и браслетовъ на голыхъ рукахъ и ногахъ, онъ торопливо

приложилъ ко лбу обѣ руки въ знакъ привѣтствія, затѣмъ быстрымъ жестомъ пригласилъ неожиданныхъ гостей войти въ садъ и тотчасъ-же скрылся за кустами цвѣтушихъ растений.

— Кто это? — спросили почти въ одинъ голосъ оба пріятеля.

— Рами-Сагибъ, — отвѣчалъ Дайянанда. Онъ сконфузился того, что вы его застали въ сингалезскомъ костюмѣ, и побѣждалъ надѣть европейское платье.

— Вотъ чудакъ! — промолвилъ Авдѣй Макаровичъ, пожимая плечами. Предупредите его, пожалуйста, чтобъ онъ не беспокоился,

— Это будетъ бесполезно, сагибъ. Онъ ни за что не покажется вамъ иначе, какъ въ европейскомъ костюмѣ. Но вы не обращайтесь на это вниманія. Каждый человѣкъ имѣетъ свои слабости. По праву стараго друга хозяина, прошу васъ, сагибы, будьте здѣсь, какъ дома.

Сагибы, конечно, не заставили себя просить лишній разъ. Вслѣдъ за Дайянандой они вошли въ садъ и остановились въ безмолвномъ изумленіи: масса роскошныхъ тропическихъ цвѣтовъ, самыхъ прихотливыхъ формъ и всевозможныхъ оттѣнковъ, наполняли воздухъ опьяняющимъ благоуханіемъ. Авдѣй Макаровичъ былъ плохой ботаникъ и изъ всѣхъ цвѣтовъ на свѣтѣ, со временъ равней юности, зналъ только одни анютины глазки, а такъ какъ ихъ здѣсь не было, то всѣ цвѣты ему равно были незнакомы. Андрей Ивановичъ занимался нѣкогда ботаникой и даже въ юности написалъ «Флору Костромской губерніи», но и онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ и разнообразіемъ окружающихъ его цвѣтовъ. Ему казалось, что онъ внезапно попалъ въ какую-то огромную оранжерею, гдѣ тысячи магнолій, азалій, рододендроновъ, розовыхъ лавровъ, коричневыхъ деревьевъ и другихъ роскошныхъ тропическихъ растений чередовались съ розами, лиліями, жасминами, аборигенами болѣе умѣренныхъ широтъ.

Вѣроятно, чтобы дать время хозяину облечься во всѣ досѣхѣ европейскаго костюма, Дайянанда не повелѣ нашихъ пріятелей прямо къ дому, красная крыша котораго виднѣлась въ глубинѣ аллеи за купами цвѣтущихъ растеній, но сначала сдѣлалъ кругъ по саду, причемъ, какъ будто нечаянно, обращалъ ихъ вниманіе то на фонтаны, высоко разсыпавшіеся въ воздухѣ свою алмазною пылью, то на прохладные искусственные гроты и причудливыя бесѣдки, то на европейскія прихоти хозяина, вродѣ гимнастики, кегель, лаунъ-тенниса и другихъ игръ, вѣроятно вынесенныхъ имъ изъ Англіи.

Покруживъ такимъ образомъ полчаса по широкимъ и узкимъ аллеямъ сада, Дайянанда отправился наконецъ къ дому и какъ разъ во-время, потому, что когда наши пріятели вышли на небольшую лужайку, разстилавшуюся передъ домомъ и усѣянную цвѣточными клумбами, на нижней ступени террасы дома, обтянутой сверху и съ наружной стороны красивою полосатою тканью, стоялъ Рами-Сагибъ въ модномъ англійскомъ костюмѣ изъ пестрой клѣтчатоѣ матеріи, и привѣтливо улыбался. Гребенки и шпильки изъ его прически исчезли. Его волнистые волосы были зачесаны назадъ и внизу слегка подвиты, что, особенно благодаря бѣлому галстуху, который онъ надѣлъ въ честь своихъ европейскихъ гостей, дѣлало его чрезвычайно похожимъ на какого-нибудь итальянскаго пѣвца или молодого художника, очень занятого своею артистическою наружностью.

— Добро пожаловать!—привѣтствовалъ онъ гостей на чистомъ англійскомъ языкѣ, прежде чѣмъ Дайянанда произнесъ обычную формулу представленія.—Поживя здѣсь, въ этой глуши, только и можно оцѣнить по достоинству справедливость сингалезской поговорки, что «гостя посылаетъ Богъ».

Послѣ первыхъ привѣтствій Андрей Ивановичъ передалъ Рами-Сагибу письмо d-r'a Грешама. Уидѣвъ знакомый почеркъ, молодой сингалезецъ весь вспыхнулъ отъ неужи-

данности и удовольствія. Быстро пробѣжавъ глазами письмо, онъ сначала, по азіатской привычкѣ, приложилъ руки ко лбу, затѣмъ сконфузился этого традиціоннаго жеста, не гармонировавшаго съ европейскимъ костюмомъ, разсмѣялся самъ надъ собою и наконецъ принялся крѣпко жать руки нашимъ пріятелямъ, безпрестанно повторяя, что друзья мистера Грешама—также и его друзья.

Дайянанда во все это время скромно стоялъ въ сторонѣ и только, когда восторгъ Рами-Сагиба нѣсколько успокоился, браминъ нашелъ своевременнымъ привлечь на себя его вниманіе. Подвижная фізіономія Рами-Сагиба тотчасъ-же приняла выраженіе глубокаго почтенія. Несмотря на свой европейскій костюмъ и бѣло-снѣжный галстухъ, онъ низко поклонился брамину и, дотронувшись рукою до земли, сдѣлалъ видъ, что хочетъ поцѣловать край его бѣлой тунки. Но Дайянанда не допустилъ его до этого: онъ лоднялъ Рами-Сагиба за плечо, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ съ почти родственнымъ чувствомъ.

За обѣдомъ наши путешественники подробно объяснили Рами-Сагибу причину, которая привела ихъ на Цейлонъ.

— Вы родились подъ счастливою звѣздою, джентльмены,—сказалъ Рами-Сагибъ,—потому что это она привела сюда ученаго пундита Дайянанду-Суами, одновременно съ вами, какъ-будто нарочно за тѣмъ, чтобы онъ разрѣшилъ всѣ ваши сомнѣнія.

— Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Дайянанда,—обрадовался Андрей Ивановичъ: не возьметесь-ли вы перевести намъ рукопись на англійскій языкъ, конечно, за приличное вознагражденіе? Безъ сомнѣнія, санскритскій языкъ вы знаете въ совершенствѣ?

— Настолько, сагибъ, чтобы читать и понимать Ригъ-Веду, Атарва-Веду и другія священныя книги,—скромно отвѣчалъ Дайянанда. Но можетъ быть, сагибъ, ваша рукопись-на языкъ пали? Тогда вамъ можетъ помочь любой буддійскій монахъ.

— По моему мнѣнію,—сказалъ Авдѣй Макаровичъ,—рукопись на древне-санскритскомъ языкѣ.

— Въ такомъ случаѣ я готсъ служить сагибамъ своими небольшими знаніями...

— Повѣрьте, что ваша услуга не останется.....

— Не будемъ объ этомъ говорить, мистеръ Гречоу,—прервалъ Дайянанда.—Хотя я и нахожусь при калькутскомъ храмѣ богини Парвати, но все еще не получилъ вкуса къ богатству. Для меня будетъ самою лучшею наградой сознаніе, что я сдѣлалъ вамъ услугу... а затѣмъ,—удовлетвореніе собственному любопытству.

Когда подали кофе, Андрей Ивановичъ досталъ изъ бумажника фотографическій снимокъ съ одной изъ алюминіевыхъ таблицъ и подаль Дайянандѣ, объяснивъ ему сначала происхожденіе этого снимка. Дайянанда долго вематривался въ таинственныя строчки рукописи. Лицо его выражало сильное умственное напряженіе. Нѣсколько разъ, задумавшись, онъ откладывалъ табличку въ сторону, какъ-будто разрѣшая какое-нибудь затрудненіе или что-то припоминая, и затѣмъ снова погружался въ чтеніе неизвѣстныхъ писемъ. Наконецъ, онъ глубоко вздохнулъ и оттолкнулъ отъ себя листокъ.

— Что скажетъ намъ ученый пундितъ объ этой рукописи?—спросилъ Авдѣй Макаровичъ, все время съ любопытствомъ наблюдавшій за Дайянандой.

— Сагибъ напрасно придаетъ мнѣ этотъ титулъ. Еслибъ я его принялъ, то эта самая рукопись обличила бы меня въ самозванствѣ: я ничего въ ней не понималъ.

— И вамъ совершенно неизвѣстенъ языкъ, на которомъ она написана?

— Сагибъ, кажется, сказалъ мнѣ, что она написана на древнемъ санскритскомъ языкѣ?

— Да, это мое предположеніе.

— Сагибъ не ошибается.

— Слѣдовательно, она дѣйствительно на санскритскомъ языкѣ?

— Да.

— Но вы же знаете этотъ языкъ? Вы читаете Веды?

— Но у языка, которымъ написаны Веды, былъ отецъ. Тотъ, кто знаетъ дѣтей, можетъ не знать ихъ отца.

— Что-же намъ дѣлать? — спросилъ обезкураженный Андрей Ивановичъ.

— Поискать болѣе ученаго пундита. Я зналъ одного: онъ, навѣрное, прочиталъ-бы эту рукопись.

— Да, — замѣтилъ Рами, — я тоже думаю, что онъ прочиталъ-бы рукопись.

— Какъ вы думаете, господа, — снова спросилъ Грачевъ, — не могъ-ли-бы это сдѣлать Нарайянь Гаутама Суами?

Это имя произвело неожиданный эффектъ: какъ пораженные гальваническимъ токомъ, оба индуса вскочили съ мѣстъ и, подозрительно оглянувшись кругомъ, уставили недовѣрчивый взглядъ на Андрея Ивановича. Удивленный Грачевъ тоже поднялся съ своего мѣста.

— Развѣ мистеръ Грешамъ ничего не писалъ вамъ о немъ? — спросилъ Андрей Ивановичъ послѣ минутнаго молчанія.

Рами-Сагибъ, опустивъ замѣтно дрожавшую руку въ боковой карманъ своего смокинга и вынувъ письмо Грешама, еще разъ пробѣжалъ его глазами. Вскорѣ встревоженное лицо его замѣтно проявилось: онъ нашелъ приписку, на которую раньше не обратилъ вниманія. Въ этой припискѣ говорилось именно о Наройякѣ, адресъ котораго, въ случаѣ надобности, Грешамъ просилъ сообщить предъявителямъ письма. Успокоенный Рами передалъ письмо Дайянандѣ и указалъ рукой на приписку. Когда Дайянанда, въ свою очередь, прочиталъ письмо и приписку, они оба обмѣнялись быстрыми взглядами: со стороны Рами этотъ взглядъ выражалъ вопросъ, со стороны Дайянанды согласіе, разрѣшеніе.

— Извините, джентльмены, — сказалъ Рами, снова занимая свое мѣсто и жестомъ приглашая своихъ гостей сдѣлать то же. — Это моя вина. Обрадованный честью принять

у себя друзей мистера Грешама, я не прочиталъ письма до конца. Поэтому имя, произнесенное вами, -- съ вашего позволенія, мы его не будемъ произносить -- такъ встревожило насъ обоихъ, меня и моего почтеннаго друга, Дайянанду-Суали.

— Но, позвольте, мистеръ Рами, — спросилъ удивленный Авдѣй Макаровичъ. — Я совсѣмъ не понимаю, чѣмъ могло васъ встревожить это имя.

— Развѣ мистеру Сименсу ничего неизвѣстно о послѣднемъ возмущеніи въ Калькуттѣ? — въ свою очередь спросилъ въ полголоса Рами, пригибаясь къ столу и тайно осматриваясь.

— Совершенно ничего. Признаюсь, насъ больше интересовало извѣстіи изъ Европы и поэтому мы, можетъ быть, слишкомъ мало обращали вниманія на мѣстныя новости.

— Къ несчастію, нашъ другъ, имя котораго мы не будемъ произносить, былъ замѣшанъ въ этомъ возмущеніи и осужденъ на смерть.

— Осужденъ? — переспросилъ, нахмуриваясь Авдѣй Макаровичъ.

— Да. Англійскій уголовный судъ приговорилъ его къ смертной казни.

— И онъ казненъ?! — вскричалъ встревоженный Андрей Ивановичъ.

— Онъ скрылся, — отвѣчалъ до этихъ поръ хранившій молчаніе Дайянанда. — Но его повсюду преслѣдуютъ полицейскіе шпіоны и сыщики. Голова его дорого оцѣнена, а среди людей, принадлежащихъ къ цивилизованному племени, всегда найдется слишкомъ много охотниковъ продать за деньги кровь невинноосужденнаго.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! — свистнулъ Авдѣй Макаровичъ. — Что мы теперь будемъ дѣлать, коллега?

Андрей Ивановичъ пожалъ плечами.

— Послушайте, мистеръ Рами, и вы, мистеръ Дайя-

нанда, — обратился онъ къ обоимъ чернымъ джентльменамъ. — Изъ письма мистера Грешама вы видѣли, что мы почти только затѣмъ и пріѣхали въ Индію, чтобы повидаться съ Нар... съ другомъ, — поправился онъ, — имени котораго, пожалуй, не будемъ называть... Поэтому вы согласитесь, что намъ необходимо знать его мѣстопробываніе.

— Согласенъ, мистеръ Гречоу, — отвѣчалъ Рами. — Но въ настоящемъ положеніи дѣла, когда и вопросъ, и отвѣтъ почти одинаково могутъ стоить жизни третьему лицу, — удобно ли будетъ производить поиски?

— Но вамъ, мистеръ Рами, мѣстопробываніе его извѣстно? — спросилъ Грачевъ, пускаясь напроломъ.

Застигнутый врасплохъ такимъ въ упоръ поставленнымъ вопросомъ, Рами-Сагибъ сначала не нашелся, что отвѣчать. Сначала онъ потупилъ глаза, какъ будто сконфуженный не деликатной настойчивостью своихъ европейскихъ гостей, затѣмъ посмотрѣлъ вопросительно на Дайянанду и, указавъ ему взглядомъ на письмо Грешама, лежавшее на столѣ, снова потупился, очевидно еще не рѣшивъ, какъ поступить въ этомъ затруднительномъ случаѣ. Все это произошло чрезвычайно быстро, но Андрей Ивановичъ, самъ чувствовавшій неловкость своего вопроса, съ проницательностью больной совѣсти успѣлъ замѣтить всѣ эти перипетіи.

— Мнѣ очень совѣстно, мистеръ Рами, — сказалъ онъ, — совѣстно, что я поставилъ васъ въ такое затрудненіе своимъ не деликатнымъ вопросомъ. Заранѣе извиняюсь. Мы, русскіе, не привыкли къ дипломатическимъ тонкостямъ. Мнѣ казалось, что разъ я порядочный человѣкъ, то-есть, по крайней мѣрѣ, имѣю въ этомъ свидѣтельство отъ вашего друга, то мнѣ безъ риска можно довѣрить тайну третьяго лица — тѣмъ болѣе, что въ безопасности его я самъ же заинтересованъ. Но вы упомянули, что голова нашего друга опѣнена — я не знаю, въ какую сумму, но это все равно — чтобы отклонить возможность какого-либо подозрѣнія, я готовъ сейчасъ же внести втрое, вчетверо, даже вдесятеро

большую сумму вамъ или кому вы укажете, какъ залогъ въ безопасности нашего друга, поскольку она отъ меня можетъ зависѣть.

— О, помилуйте, мистеръ Гречоу, — началъ сконфуженный Рами-Сагибъ, но Дайянанда не далъ ему закончить.

— Позвольте, сагибъ, — сказалъ браминъ, слегка дотрогиваясь до локтя Андрея Ивановича и какъ-будто желая этимъ движеніемъ смягчить и успокоить разгорячившагося русскаго. — Запираться было бы излишне. Да, мы дѣйствительно знаемъ или, собственно, можемъ узнать мѣсто-пребываніе человѣка, котораго вы ищете. Залога намъ не нужно, потому что мы вполне увѣрены въ вашей порядочности. Но тайна принадлежитъ не намъ, а третьему лицу. Скажите же по совѣсти, имѣемъ-ли мы право открыть эту тайну безъ разрѣшенія лица, такъ сильно заинтересованнаго въ сохраненіи этой тайны, и кромѣ того — людямъ, которые ему совершенно неизвѣстны?

Андрей Ивановичъ въ свою очередь почувствовалъ себя притиснутымъ къ стѣнѣ и не нашелся, что отвѣчать на подобный вопросъ.

— Что же намъ дѣлать? — спросилъ Авдѣй Макаровичъ, прерывая наступившее молчаніе.

— Я думаю, — отвѣтилъ послѣ непродолжительнаго раздумья Дайянанда, — прежде всего слѣдуетъ узнать, согласится-ли принять васъ другъ, имени котораго мы не будемъ произносить.

— А это возможно сдѣлать? — быстро спросилъ Андрей Ивановичъ, пришедшій было въ отчаяніе и теперь получившій снова надежду.

— Я думаю, что это возможно будетъ сдѣлать, — промолвилъ Дайянанда, очевидно что-то обдумывая, — если сагибы не откажутся вмѣстѣ со мною посѣтить завтра храмъ богини Парвати.

— Завтра? Но вѣдь храмъ въ Калькуттѣ?

— Нѣтъ, этотъ храмъ недалеко отсюда: на горѣ, —

вмѣшался Рами-сагибъ.— Если вамъ угодно будетъ, я также отправлюсь туда вмѣстѣ съ вами.

— Мы будемъ очень обязаны вамъ, мистеръ Рами, — поклонился Авдѣй Макаровичъ.— Но когда же мы можемъ получить отвѣтъ Нар... то-есть друга, котораго мы не будемъ произносить?

— Конечно, завтра же.

— Слѣдовательно, онъ скрывается въ этомъ храмѣ?

— Нѣтъ, сагибъ Сименсъ, нашъ другъ теперь далеко: онъ находится, вѣроятно, въ одной горной долинѣ, у подошвы Чумалари.

— Такъ, значитъ, отвѣтъ будетъ полученъ по телеграфу?

Дайянанда взглянулъ на Рами-сагиба и оба улыбнулись.

— Пожалуй, — отвѣчалъ этотъ послѣдній, — если хотите, по телеграфу, но только этотъ телеграфъ совсѣмъ не похожъ на тѣ, какіе вы знаете.

XVIII.

Храмъ богини Парвати.

Въ настоящее время на Цейлонѣ такъ же, какъ и въ Бирмѣ, преобладаетъ буддѣйская религія. Но около 200 лѣтъ тому назадъ здѣсь господствовалъ древній индійскій культъ съ его всеобъемлющимъ пантеизмомъ, съ его мистически-философскою тримурти—Брамою, Вишну и Сивой—и безчисленнымъ сонмомъ второстепенныхъ боговъ, олицетворявшихъ и силы природы, и отвлеченныя философскія понятія, и даже человѣческія страсти. На всѣхъ холмахъ, на всѣхъ вершинахъ скалъ, гдѣ теперь вызвышаются развалины буддѣйскихъ ступъ, въ тѣ времена красовались великолѣпныя пагоды въ честь боговъ и демоновъ, тѣсною толпой наполнявшихъ Олимпъ Индостана. Но царство этихъ боговъ было не прочно. Созданные пылкою фантазіей Востока, запуганной созерцаніемъ могучихъ силъ тропической природы, равно

плодовитыхъ какъ въ разрушеніи, такъ и въ созиданіи, эти боги должны были уступить свое мѣсто обоготворенію возведенной въ идеаль челоѣческой личности: слѣпыя силы природы отступили передъ красотой и могуществомъ нравственной личности челоѣка.

За шестьсотъ лѣтъ до Р. Хр. явился великій Сакія-Муни, Будда *) челоѣческаго рода, цѣлыя тысячелѣтія спавшаго умственно и нравственно передъ лицомъ безчисленныхъ боговъ и демоновъ, созданныхъ его воображеніемъ. Будда первый провозгласилъ религію челоѣческаго совершенствованія, культъ стремленія къ нравственному идеалу. Въ основу своего ученія онъ положилъ любовь ко всему живущему, ко всему существующему на землѣ и на небѣ:

«Видимыя и невидимыя существа, — говорилъ онъ, — и тѣ, что близъ меня, и тѣ, что-вдали, да будутъ всѣ счастливы! Да будетъ радостно все существующее!»

«Не вредите одинъ другому, нигдѣ никого не презирайте, одинъ другому не пожелайте зла».

«Какъ мать жертвуетъ жизнью, охраняя свое дитя, такъ и ты безгранично возлюби все существующее».

Этотъ великій принципъ любви послужилъ для новой религіи знаменіемъ побѣды. Люди, доразвившіеся до сознанія нравственнаго идеала, не могли уже удовлетворяться религіей, въ которой сухой философскій пантеизмъ жрецовъ такъ хорошо уживался съ грубымъ, кровожаднымъ фетишизмомъ народа. Широкой волной развилось новое ученіе по Индостану, какъ могучій приливъ океана затопля повсюду остатки старой вѣры. Древніе языческіе храмы переходили одинъ за другимъ во владѣніе буддійскихъ монаховъ. На мѣстѣ ихъ или рядомъ съ ними созидались еще болѣе великолѣпныя буддійскія ступы. Распространеніе новой религіи шло мирно, безъ борьбы, безъ насилій, потому что великій учитель за-

*) Пробудитель.

повѣдывалъ своимъ послѣдователямъ полнѣйшую религіозную терпимость и такое уваженіе къ чужому мнѣнію, что даже запретилъ его оспаривать.

Но вѣроятно такъ уже суждено, чтобы исторія каждой религіи была запятнана потоками крови. Настало время, когда и среди буддистовъ проснулся духъ узкаго, слѣпago фанатизма, явились свои Торквемады, запылали костры и полилась человѣческая кровь. Тысячи языческихъ храмовъ были разрушены тогда ложными буддистами, извратившими ученіе своего великаго учителя. Приверженцы старой вѣры, конечно, платили имъ тѣмъ же. Къ довершенію всего между самими буддистами началась кровавая вражда изъ-за мнѣній.

Вражда эта длилась столѣтія, поглотила безчисленное множество кровавыхъ жертвъ и, наконецъ, замерла подъ гнетомъ новыхъ насилій, явившихся теперь уже со стороны пришлыхъ враговъ: на сѣверѣ явились магометане, на югѣ — христіане-португальцы съ своими фанатиками-монахами, съ своей инквизиціей, и начались новые пожары, разрушеніе, кровопролитіе. Теперь уже съ одинаковымъ звѣрствомъ разрушались древніе памятники, безъ различія религіи, къ которой они принадлежали.

Прокатилась и эта волна. Наступило новое господство. Новые господа чужды религіозной терпимости. Они съ одинаковымъ высокомернымъ презрѣніемъ относятся къ представителямъ обоихъ культовъ и подъ ихъ владычествомъ теперь мирно уживаются и *bud temples*, и *demon temples*.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ сохранившійся чудомъ храмъ индійской богини Парвати, расположенный на полугорѣ въ двухъ или трехъ миляхъ отъ Рамуни.

Къ этому-то храму, проснувшись еще до восхода солнца, отправились наши путешественники, въ сопровожденіи Рами-Сагиба, Дайянанды и цѣлой свиты сингалезцевъ, вооруженныхъ кольями и ружьями, на случай встрѣчи съ какимъ-нибудь пятнистымъ или полосатымъ непрошенымъ гостемъ.

По выходѣ изъ деревни, путешественники шли вдоль коричневыхъ и чайныхъ плантацій, принадлежащихъ Рами-Сагибу; затѣмъ мѣстность понижалась и начинались джунгли, болотистая мѣстность, заросшая тростникомъ и бамбукомъ. Это была самая опасная часть пути, и сингалезцы, зорко оглядываясь во все стороны и чутко прислушиваясь къ малѣйшему шуму, осторожно, шагъ за шагомъ, подвигались среди густыхъ зарослей, по едва протоптанной дорожкѣ. Черезъ полчаса тропинка стала подниматься въ гору, то прямо вверхъ, то дѣлая зигзаги въ обходъ какой-нибудь скалы, отвѣсные бока которой внезапно преграждали путь. Подъемъ оказался довольно труднымъ, и хотя мѣстами были устроены ступеньки, тѣмъ не менѣе путешественники, обливаясь потомъ и задыхаясь отъ усталости, принуждены были останавливаться почти на каждомъ шагу.

Между тѣмъ нужно было спѣшить, чтобы окончить эту трудную часть пути, пока солнце еще не начало палить со всею своею тропическою силою: тогда подобная дорога дѣлалась уже совершенно невозможною и путешественники, не рискуя получить солнечный ударъ, должны были бы, сидя гдѣ-нибудь въ тѣни, переждать, пока спадетъ зной. Но за все трудности пути они съ избыткомъ были вознаграждены прелестнымъ видомъ, открывавшимся съ горы на долину, въ которой была расположена деревня Рамуни. Пользуясь каждою остановкой, они любовались на разстилавшійся внизу пейзажъ. Андрей Ивановичъ просто не въ состояніи былъ отвести очарованныхъ глазъ отъ прелестной долины, напоминавшей ему отчасти его волшебный островъ, и если бы не напоминаніе спутниковъ о необходимости торопиться, онъ, по всей вѣроятности, не скоро добрался бы до храма богини Парвати. Окутанное голубымъ утреннимъ туманомъ озеро Рамуни до того напоминало ему то прелестное озеро, на берегу котораго онъ прожилъ столько незабвенныхъ дней, что невольно глаза его искали здѣсь архаическихъ колоннъ и плоской кровли озерного храма, послужившаго начальнымъ

звеномъ къ длинной цѣпи его неожиданныхъ открытій на островѣ Опасномъ.

Становилось жарко. Долина какъ будто тонула въ голубоватомъ туманѣ испареній, поднимавшихся отъ влажной земли подъ лучами горячаго солнца. Дорога шла теперь уже полнымъ уклономъ и скоро за купами деревьевъ показался широкой куполь, вродѣ опрокинутой чаши, опиравшійся на массивныя круглыя колонны, сплошь покрытыя надписями и рѣзными изображеніями.

— Вотъ и храмъ богини Парвати, — сказалъ Рами-Сагибъ, шедшій впереди, рядомъ съ Авдѣемъ Макаровичемъ.

-- Слава Богу, — отозвался этотъ послѣдній; — здѣсь по крайней мѣрѣ можно будетъ отдохнуть въ холодѣ.

Несмотря на ранній часъ утра, передъ храмомъ уже толпились кучки богомольцевъ съ букетами, гирляндами цвѣтовъ и вѣнками, которые они намѣревались принести въ жертву любимой богинѣ. У входа въ храмъ стояло нѣсколько молодыхъ браминовъ и храмовыхъ служителей, одѣтыхъ въ желтыя чивары, и лѣнливо смотрѣли на толпу богомольцевъ. Замѣтивъ Дайянанду, они засуетились. Одинъ изъ нихъ торопливо побѣжалъ во внутренность храма, другіе поспѣшили навстрѣчу калькуттскому брамину и, распростершись у его ногъ, цѣловали край его кисейнаго покрывала. Дайянанда съ торжественной важностью возлагалъ по очереди руки на головы колѣнопреклоненныхъ жрецовъ и продолжалъ медленно подвигаться къ храму. Богомольцы, замѣтивъ почетъ, оказываемый Дайянандѣ, также всѣ попадали ницъ и такимъ образомъ нашимъ путешественникамъ пришлось вступить въ храмъ среди колѣнопреклоненнаго народа.

Привыкнувъ къ яркому дневному свѣту, наши путешественники сначала ничего не могли разсмотрѣть въ темномъ и прохладномъ помѣщеніи храма, куда они вошли вслѣдъ за Дайянандой. Только нѣсколько свѣтильни-

ковъ, тускло горѣвшихъ между колоннъ, бросились имъ въ глаза.

Но прежде чѣмъ они могли осмотрѣться, навстрѣчу Дайянандѣ изъ глубины храма торопливо вышелъ, опираясь на палку, дряхлый браминъ, предшествуемый двумя жрецами, несшими свѣтильники. Подойдя совсѣмъ близко, онъ привѣтствовалъ гостя низкимъ поклономъ, причемъ концами пальцевъ правой руки дотронулся до пола. Затѣмъ онъ подалъ Дайянандѣ роскошный букетъ цвѣтовъ. Дайянанда отвѣтилъ такимъ-же поклономъ и въ свою очередь подалъ брамину цвѣты, принесенные имъ съ собою. Послѣ этой церемоніи оба брамина рядомъ подошли къ громадной вызолоченной статуѣ богини Парвати, стоявшей въ глубинѣ храма, и, простершись у ея подножія, возложили оба букета на низкій столикъ, покрытый бѣлымъ покрываломъ и предназначенный для жертвоприношеній богинѣ. Когда и этотъ церемоніаль былъ исполненъ, Дайянанда шепнулъ что-то старому брамину и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сдѣлалъ нашимъ путешественникамъ знакъ, чтобы они подождали здѣсь, а самъ, вмѣстѣ съ браминомъ, ушелъ во внутреннее отдѣленіе храма.

Оставшись одни, путешественники стали разсматривать статую богини Парвати. Лицо ея было довольно красиво и его не безобразила даже высокая остроконечная, украшенная драгоценными камнями митра, изъ-подъ которой тяжелыми прядями падали на грудь богини длинные волосы и прихотливо разсыпались по плечамъ. Въ лѣвой рукѣ богиня держала большой винганъ, видъ котораго такъ поражаетъ цѣломудренныя взоры на греческихъ статуяхъ бога Пріапа. Совсѣмъ открытыя руки и ноги богини были украшены золотыми браслетами, осыпанными разноцвѣтными драгоценными камнями, сверкавшими даже при слабомъ освѣщеніи храма. По правую сторону Парвати, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, находилась такая-же колоссальная фигура богини Лакшми, индійской Афродиты, супруги Вишну, бо-

гини любви, красоты и счастья. Въ такой-же митрѣ, съ волосами, рассыпавшимся по плечамъ, съ такимъ же винганомъ въ лѣвой рукѣ, она была изображена съ роскошнымъ открытымъ торсомъ и только короткія, широкія шальвары висѣли на ея бедрахъ, поддерживаемыя золотою дугой, спускавшейся внизъ отъ массивнаго ожерелья.

— Ревнивый Сиву, — шепнулъ Рами-Сагибъ, — не дозволяетъ такого вольнаго костюма своей супругѣ: посмотрите, какое тяжелое платье надѣто на Парвати.

Платье Парвати дѣйствительно закрывало ей всю грудь и тяжелыми складками спускалось внизъ, оставляя обнаженными только шею, руки нѣсколько выше локтя и ноги немного ниже колѣна.

По лѣвую сторону Парвати находилась статуя Камадевы. Этотъ вѣчно-юный богъ любви и красоты былъ изображенъ ѣдущимъ на попугаѣ. Въ правой рукѣ у него была стрѣла, до самаго острія опутанная гирляндами цвѣтущихъ розъ; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ лукъ изъ сахарнаго тростника, тетиву котораго составляла вереница тѣсно-летащихъ пчелъ. Индійскій прототипъ греческаго Эрота и латинскаго Купидона былъ въ такой-же уродливой митрѣ, но на ней красовался вѣнокъ изъ розъ и розы же виднѣлись въ его волосахъ.

Оглядываясь кругомъ, Андрей Ивановичъ напрасно отыскивалъ глазами тѣ уродливыя изображенія боговъ, съ звѣринными и звѣрскими лицами, съ десятками рукъ, вооруженныхъ кинжалами и саблями, спутанныхъ змѣями и баснословными чудовищами; такихъ боговъ, о которыхъ говорится въ каждомъ путешествіи по Индіи, не было въ храмѣ любвеобильной Парвати. Только вверху, подъ самымъ сводомъ храма, онъ съ большимъ трудомъ могъ разсмотрѣть колоссальное изображеніе таинственнаго божества Парабрамы, олицетворяющаго бытіе бытія, нескончаемую вѣчность, въ которой никогда не было начала и никогда не будетъ конца. Парабрама была изображена въ видѣ существа, окутаннаго

покрываломъ и изогнушагося въ кольцо: она держала одну изъ своихъ ногъ во рту въ ознаменованіи того, что въ вѣчности конецъ сливается съ началомъ и отъ этого получается одно безконечное бытіе.

Пока наши герои были заняты разсматриваніемъ храма, воротился Дайянанда и, таинственно поманивъ рукой, повелъ ихъ за собою во внутренность зданія.

XIX.

Махатма Нариндра.

Наши друзья долго шли велѣдъ за браминомъ по темнымъ и тѣснымъ корридорамъ, слабо освѣщеннымъ тусклыми свѣтильниками, поворачивали направо и налево, проходили по запутаннымъ переходамъ, спускались и снова поднимались наверхъ по узкимъ лѣстницамъ. Имъ даже казалось, что Дайянанда нарочно кружится съ ними, чтобы они потеряли направленіе пути. Но для какой цѣли ему это было нужно?

Наконецъ, послѣ безчисленныхъ поворотовъ, они подошли къ двери, около которой поджидалъ ихъ браминъ, опираясь на свой посохъ; около него стояли два жреца съ зажженными свѣтильниками. Завидя подходящихъ гостей, браминъ тотчасъ-же отпустилъ своихъ свѣченосцевъ и, когда они скрылись въ глубинѣ корридора, сказалъ что-то Дайянандѣ, повторивъ нѣсколько разъ слово «Нариндра». Тогда Дайянанда обернулся къ нашимъ путешественникамъ.

— Великій подвижникъ, — сказалъ онъ торжественно, — Махатма Нариндра согласился принять васъ и отвѣчать на ваши вопросы. Будьте благоразумны, не спрашивайте того, что вамъ не дано знать. Расскажите ему, если онъ спроситъ, о дѣлѣ, которое васъ привело сюда. Вы немедленно получите нужный вамъ отвѣтъ.

Затѣмъ Дайянанда три раза постучалъ въ дверь и сталъ прислушиваться. Изъ-за двери вскорѣ раздался слабый го-

лось, вѣроятно, разрѣшавшій войти; и Дайянанда тотчасъ же отворилъ дверь. Яркій дневной свѣтъ, внезапно ворвавшійся въ отворенную дверь, ослѣпилъ глаза, привыкшіе къ темнотѣ корридоровъ. Прищурившись, наши герои, въ сопровожденіи Дайянанды, Рамп-Сагиба и стараго брамина, вышли на открытую террасу, примыкавшую къ наружному входящему углу храма, и осмотрѣлись.

На каменномъ полу террасы, накаленномъ горячимъ утреннимъ солнцемъ, сидѣлъ, согнувши подъ себя ноги и скрестивши руки на груди, дряхлый, сгорбленный факирь. Его голая, совершенно высохшая кожа, какъ черный пергаментъ, обтягивала его старческій скелетъ, на которомъ, казалось, можно было пересчитать всѣ кости. Длинная, сѣдая, начавшая уже желтѣть отъ старости, борода покрывала ему почти всю грудь; такого же цвѣта волосы, выбиваясь изъ подъ грязной, нѣкогда красной, тряпки, служившей ему головнымъ уборомъ, падали длинными опутанными космами на высохшія плечи и сгорбленную спину. Рѣзкимъ контрастомъ съ общимъ видомъ старческой дряхлости горѣли на его сморщенномъ лицѣ какимъ-то дикимъ огнемъ его черные, совершенно молодые глаза.

Эти глаза, казалось, имѣли способность проникать въ глубину души каждого, на кого они смотрѣли, и читать въ ней, какъ въ раскрытой книгѣ, все, что тамъ скрывалось. Андрей Ивановичъ почувствовалъ себя очень неловко, когда, при входѣ на террасу, на него уставились эти огненные, пронизательные глаза. Нѣсколько секундъ факирь не отводилъ отъ него своего взора и въ это время Андрею Ивановичу казалось, что на него наложены какія-то невидимыя путы, отъ которыхъ цѣпенѣтъ одновременно и тѣло, и мысль. Когда факирь перевелъ наконецъ свой взглядъ на его товарища, Андрей Ивановичъ вздохнулъ съ облегченіемъ, точно съ него сняли какую-то большую тяжесть, и тотчасъ сравнилъ пережитое ощущеніе съ тѣмъ, какое, вѣроятно, испытываетъ крошечный зайчикъ, почувствовавъ на себѣ

неподвижный взоръ удава, подъ вліяніемъ котораго бѣдный звѣрекъ самъ бросается въ раскрытую пасть отвратительнаго пресмыкающагося.

Воспользовавшись промежуткомъ, пока факиръ медленно обводилъ глазами почтительно склоненныя фигуры своихъ посѣтителей, Андрей Ивановичъ бросилъ быстрый взглядъ на окружающую мѣстность. Терраса, на которой онъ находился въ настоящее время, висѣла надъ глубокимъ оврагомъ, опираясь на почти отвѣсную, совершенно обнаженную отъ всякой растительности скалу. Въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ нея виднѣлся противоположный высокій берегъ оврага, такой же обрывистый и каменистый, но мѣстами покрытый густымъ ковромъ ползучихъ растеній. Изъ глубины ущелья доносился шумъ невидимаго ручья. Кругомъ все было дико и пустынно, какъ будто сюда никогда не заходила нога человѣка. Только темныя стѣны храма, къ которымъ примыкала терраса, напоминали о его близкомъ присутствіи.

Произведя осмотръ своихъ посѣтителей, факиръ сдѣлалъ знакъ рукой и произнесъ нѣсколько непонятныхъ словъ.

— Великій Нариндра, — сказалъ вполголоса Дайянанда, — желаетъ, чтобы вы сѣли съ нимъ рядомъ.

Факиръ сидѣлъ почти у самаго наружнаго края террасы, оборотившись лицомъ къ стѣнѣ храма, сходящейся угломъ съ тою, въ которой продѣлана была дверь. Пока Андрей Ивановичъ раздумывалъ, гдѣ ему сѣсть, такъ какъ сидѣть спиною къ пропасти въ такомъ близкомъ отъ нея сосѣдствѣ вовсе не казалось ему пріятнымъ, факиръ жестомъ пригласилъ его занять на полу мѣсто рядомъ съ собою, приблизительно на разстояніи руки вправо; рядомъ съ Андреемъ Ивановичемъ, въ такомъ же разстояніи, помѣстился Рами-Сагибъ. По другую сторону факира сѣлъ Авдѣй Макаровичъ, кряхтя и браня въ душѣ слишкомъ раскалившійся на солнцѣ полъ и неудобный способъ сидѣть по-турецки, согнувши колѣни. Около него, съ соблюденіемъ такихъ же

промежутковъ, помѣстились Дайянанда и старый браминъ. Замѣтивъ, что всѣ разсѣлись, какъ должно, Нариндра положилъ свою правую руку на лѣвое колѣно Андрея Ивановича, а лѣвую руку на правое колѣно Авдѣя Макаровича и снова сказалъ нѣсколько словъ.

— Великій Нариндра, — перевелъ снова Дайянанда, — желаетъ, чтобы вы, сагибъ Гречау, положили свою правую руку на лѣвое колѣно Рами-Сагиба, а вы, сагибъ Сименсъ, дайте вашу лѣвую руку сюда, на мое правое колѣно. Затѣмъ, сагибы, вы все время должны смотрѣть прямо передъ собою, на эту стѣну, не оглядываясь по сторонамъ, чтобы ни случилось... Желаете вы подчиняться этому условію?

— Конечно, — отвѣчалъ Андрей Ивановичъ.

— Идетъ, — откликнулся въ свою очередь Семеновъ. Только, чортъ возьми, ужасно неудобно сидѣть въ такомъ положеніи, — прибавилъ онъ конфиденціально, обращаясь къ Дайянандѣ.

— Тс! — остановилъ его этотъ послѣдній, прикладывая палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія, и указалъ на стѣну, куда слѣдовало смотрѣть.

«И вездѣ-то пріемы этихъ фокусниковъ одинаковы», — думалъ Андрей Ивановичъ, не сводя между тѣмъ глазъ съ темной, потрескавшейся стѣны храма. — «Вотъ и этотъ индійскій Месмеръ сначала устраниваетъ магнетическую цѣпь, а потомъ будетъ разыгрывать на нашихъ нервахъ, что ему вздумается»...

«Однако, какъ жарко», — продолжалъ думать Андрей Ивановичъ, чувствуя непреодолимый позывъ къ зѣвотѣ. — «Того и гляди задремлешь... Вѣроятно, это сидѣнье на горячемъ полу располагаетъ ко сну».

И на самомъ дѣлѣ онъ уже начинаетъ грезить на яву. Ему кажется, что стѣна, на которую онъ смотритъ, болѣе уже не стѣна, а густое, сѣроватое облако; что это облако мало-по-малу становится рѣже, тоньше и наконецъ сквозь

него проглядывает голубое небо. Потомъ на этомъ небѣ начинаютъ обрисовываться далекія вершины снѣжныхъ горъ, а у подошвы ихъ вырастаетъ что-то вродѣ московскаго кремля: такія же башни, золототерхія крыши, широкіе купола, золотые и лазурные съ золотыми и серебряными звѣздами... Вотъ, кажется, даже колокольня Ивана Великаго... Впрочемъ, нѣтъ: это не кремль, а что-то очень похожее на него, — быть можетъ, такимъ онъ былъ во времена Ивана III или при Иванѣ Грозномъ...

Желая удостовѣриться, спитъ-ли онъ или грезитъ на яву, Андрей Ивановичъ свободной рукой протираетъ себѣ глаза. Въ то же мгновеніе видѣніе исчезаетъ и передъ его глазами появляется снова та же темная, потрескавшаяся стѣна. — «Ну, ясно», — думаетъ онъ, — «я задремалъ»...

Рука факира сильнѣе нажимаетъ его колѣно. Андрей Ивановичъ снова смотритъ на стѣну и уже заранѣе знаетъ, что будетъ дальше. «Я задремлю», — думаетъ онъ, — «и увижу тотъ же кремль съ его красивыми башнями, куполами и колокольнями».

Дѣйствительно, вотъ уже появилось сѣрое облако; вотъ оно разсѣялось; вотъ снѣжныя вершины, а вотъ и кремль! Нѣтъ, это совсѣмъ не московскій кремль. Стѣны и башни похожи, но все-таки это — что-то совершенно иное: это меньше кремля и зданія стоятъ ближе другъ къ другу. И потомъ — какая роскошная растительность окружаетъ эти зданія, какая масса великолѣпнѣйшихъ цвѣтовъ! Такихъ нѣтъ въ московскомъ кремлѣ.

Вотъ эта терраса, на которую выходятъ островерхія двери и окна храма, почти вся утопаетъ въ цвѣтушихъ растеніяхъ. Онѣ ползутъ по стѣнамъ, стелются по каменнымъ плитамъ пола и разноцвѣтными гирляндами свѣшиваются изъ бѣлыхъ мраморныхъ вазъ, украшающихъ вычурные рѣзные гранитные столбы, въ которыхъ утверждена вызолоченная рѣшетка террасы. Цѣлый лѣсъ цвѣтушихъ растеній, стѣной поднимаясь вокругъ рѣшетки, ревниво охра-

няетъ террасу отъ всего окружающаго міра и въ этомъ уединеніи такъ хорошо проводить долгіе часы дня за чтеніемъ какой-нибудь умной книги или въ размышленіяхъ, вызванныхъ этимъ чтеніемъ, подобно этому красивому индусу, который медленно прохаживается по террасѣ съ книгою въ рукахъ.

Его блѣдное, овальное лицо, съ небольшими усами и короткою бородой, носить несомнѣнные признаки интеллигентности. Объ этомъ особенно свидѣлствуютъ его красиво очерченный лобъ и большіе задумчивые глаза, которые то внимательно устремлены въ книгу, то въ раздумьѣ обращаются къ зеленой чащѣ растений, разсѣянно скользя по роскошнымъ цвѣтамъ и сверкающей листвѣ, омытой недавнимъ дождемъ, какъ будто внутренній міръ застилаетъ для этихъ глазъ все окружающіе предметы.

Медленно прохаживается по террасѣ молодой пундितъ, погруженный въ чтеніе своей книги. Вѣтерокъ тихо колеблетъ богато вышитые концы бѣлой кисейной повязки, покрывающей его голову въ видѣ легкой и пышной чалмы; длинные, выщипанные волосы прихотливо падаютъ на высокій, вышитый жемчугомъ воротникъ его сѣраго шелковаго полукафтаны, застегнутаго на груди золотыми аграфами съ тремя крупными жемчужинами на каждомъ; изъ-подъ широкихъ бѣлыхъ шелковыхъ шальваръ выглядываютъ узкіе носки желтыхъ, вышитыхъ серебромъ туфель.

— Кто этотъ индусъ?—думаетъ про себя Андрей Ивановичъ.

— Это—Нарайянь Гаутама Суами,—отвѣчаетъ громко Нариндра, слегка нажимая колѣно Андрея Ивановича. На какомъ языкѣ говоритъ Нариндра неужели на русскѣмъ. По крайней мѣрѣ Андрей Ивановичъ не нуждается болѣе въ переводѣ Дайянанды.

— Это—Нарайянь,—повторяетъ факиръ.—Если ты хочешь говорить съ нимъ, я его окликну.

— Конечно, хочу,—говоритъ Андрей Ивановичъ, но не

слышать своего голоса: вѣроятно, онъ попрежнему только думаетъ про себя.

— Хорошо,—продолжаетъ Нариндра.—Я позову Нарайяна и ты расскажешь ему, зачѣмъ ты его желаешь видѣть и кто тебѣ указалъ на него. Слушай, я сейчасъ его позову:—Нарайянь Гаутама Суами, браминъ, служащій видимымъ рукотвореннымъ богомъ только за тѣмъ, чтобы сбегать души темныхъ людей отъ холоднаго ужаса безвѣрія, но самъ познающій сердцемъ иного, невидимаго бога! Два иностранца, два русскихъ желаютъ говорить съ тобою.

— Махатма Нариндра!—послышался издалика пріятный тихій голосъ,—для меня счастье быть не только другомъ твоихъ друзей, но даже слугою твоихъ слугъ. Пусть скажутъ мнѣ иностранцы, чѣмъ я могу служить имъ.

— Говори!—сказалъ Нариндра, снова сильнѣе нажимая колѣно Андрея Ивановича.

— Мистеръ Нарайянь!—началъ Грачевъ и звукъ его голоса попрежнему оставался неслышимымъ для него самого.—Моя фамилія—Грачевъ. Я пріѣхалъ изъ Англіи съ письмомъ отъ доктора Грешама на имя вашего друга, Рами-Сагиба. Мистеръ Грешамъ указалъ мнѣ на васъ, что вы могли бы перевести и объяснить найденную мной рукопись на древнемъ санскритскомъ языкѣ. Въ письмѣ своемъ онъ проситъ Рами-Сагиба сообщить мнѣ вашъ адресъ. Въ виду особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ вы теперь находитесь, можете-ли вы разрѣшить мистеру Рами-Сагибу указать мнѣ ваше теперешнее мѣстопробываніе и позволить мнѣ съ моимъ товарищемъ, тоже русскимъ, профессоромъ петербургскаго университета Семеновымъ, пріѣхать къ вамъ для разсмотрѣнія рукописи?

— Друзья мистера Грешама—мои друзья,—послышался снова отдаленный голосъ.—Я буду радъ васъ видѣть. Но Рамп-Сагибъ не можетъ вамъ сообщить моего адреса, потому что самъ его не знаетъ. Я нахожусь теперь въ Паргарѣ, близъ Магабанпура, въ древнемъ храмѣ Кришны. Вы

можете предъявить письмо мистера Грешама великому брамину храма, Мартану Суами, и онъ уже доведетъ васъ ко мнѣ. Чтобы вы не забыли, вотъ вамъ адресъ.

Голосъ замолкъ; фигура Нарайяна, терраса, цвѣты ее окружающіе—все стало мало-по-малу отдаляться, ступеньки, разсѣваться въ воздухѣ. Нариндра снялъ свою руку съ колѣна Андрея Ивановича и слегка дунулъ ему въ лицо.

Когда Грачевъ открылъ глаза, передъ нимъ была та же сѣрая стѣна храма; спутники его, размѣстившіеся по обѣ стороны Нариндры, сидѣли съ закрытыми глазами, свѣсивъ головы на грудь, и очевидно спали. По приглашенію факкира, Андрей Ивановичъ разбудилъ своего сосѣда съ правой стороны, Рами-Сагиба, дунувъ ему въ лицо. То же самое поочередно продѣлали другъ съ другомъ его сосѣди съ лѣвой стороны, начиная съ Нариндры и кончая старымъ браминомъ. Впрочемъ, старый браминъ сидѣлъ послѣднимъ въ ряду и поэтому ему некому было оказать подобной услуги.

Едва только всѣ поднялись на ноги, протирая глаза, точно послѣ глубокаго сна, какъ послышались восклицанія удивленія и восторга:

— Чудеса, батенька!—повторялъ въ восхищеніи профессоръ.

— А вы что видѣли, Авдѣй Макаровичъ?

— Какъ что? Конечно Нарайяна! Вѣдь вы же съ нимъ говорили?

— Странно! Значитъ мы съ вами одно и тоже видѣли во снѣ? Видѣли вы этотъ индійскій кремль? террасу? цвѣты?

— Конечно, видѣлъ. Вѣдь я не слѣпой... Притомъ это было всего въ нѣсколькихъ шагахъ... А что это такое вы уронили?

Андрей Ивановичъ нагнулся и поднялъ сложенную бумажку, на которой было написано красивымъ англійскимъ почеркомъ: «Пагаръ, Магабанпуръ, храмъ Кришны, великій браминъ Мартанъ Суами...»

— Ничего не понимаю,—сказалъ онъ, пожавъ плечами и передавая записку Авдѣю Макаровичу.

— Развѣ сагибъ уже забылъ, что сказалъ ему Нарайянъ? — спросилъ Дайянанда, прочитавши записку черезъ плечо Андрея Ивановича.

— Что такое онъ сказалъ?

— Онъ сказалъ: «Чтобы вы не забыли, вотъ вамъ мой адресъ». Это рука Нарайяна.

— Да, это его почеркъ,—замѣтилъ Рами-Сагибъ, въ свою очередь прочитавъ записку.

— Тѣмъ еще для меня непонятнѣе,—продолжалъ Андрей Ивановичъ.—Какимъ образомъ могла попасть сюда эта записка?

— А развѣ сагibu понятно, какъ попалъ сюда самъ Нарайянъ? — любопытствовалъ Дайянанда.

— Нарайяна я видѣлъ во снѣ.

— Слѣдовательно, сагибъ, мы всѣ впятеромъ видѣли здѣсь буквально одинаковый сонъ?

— Вѣроятно... Это просто удивительно! — воскликнулъ Авдѣй Макаровичъ.

— Я думаю, сагибъ, что это такъ же удивительно, какъ и появленіе записки?

— Но какъ это могло случиться?

— Это уже знаетъ только одинъ великій махатма, Нариндра.

Андрей Ивановичъ вспомнилъ, что онъ еще не поблагодарилъ факира за его услугу и тотчасъ же опустилъ руку въ карманъ, чтобы достать горсть золотыхъ совереновъ, но Нариндра предупредилъ его, качнувъ отрицательно головой и сказавши что-то на своемъ непонятномъ языкѣ.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ Андрей Ивановичъ, зажимая въ рукѣ золотыя деньги.

— Великій махатма говоритъ, что дары духа не продаются и не покупаются,—перевелъ Дайянанда.

— Въ такомъ случаѣ, передайте ему нашу искреннюю

и глубокую благодарность. Онъ оказалъ намъ чрезвычайно важную услугу.

Нариндра проговорилъ еще нѣсколько фразъ и въ заключеніе сдѣлалъ знакъ рукою, какъ-будто отпуская своихъ посѣтителей.

— Махатма, кажется, желаетъ, чтобы мы ушли?—спросилъ Авдѣй Макаровичъ, замѣтивъ этотъ знакъ.

— Да. Великій махатма говоритъ, что долгъ каждого человѣка оказывать услуги своимъ собратьямъ людямъ... Затѣмъ, онъ извиняется, что не можетъ долѣе бесѣдовать съ сагибами, такъ какъ уже настало время упанишады *).

Выслушавъ эти слова, наши герои почтительно поклонились великому махатмѣ-чудотворцу и вышли съ террасы вслѣдъ за старымъ браминомъ и Дайянандой.

XX.

Астральное тѣло.

— Что вы скажете объ этомъ, коллега?—спросилъ Авдѣй Макаровичъ Грачева, когда они вдвоемъ шли по темному корридору, вслѣдъ за старымъ браминомъ. Рами-Сагибъ и Дайянанда слѣдовали позади нихъ и горячо толковали между собою, вѣроятно, объ этомъ же приключеніи.— Это, кажется, будетъ лучше, чѣмъ въ Портъ-Сандѣ.

— А вы что скажете, Авдѣй Макаровичъ?—отвѣтилъ вопросомъ на вопросъ Андрей Ивановичъ.

— Что я скажу, батенька? Я скажу, что я много слышалъ и читалъ объ индійскихъ кудесникахъ и, признаться сказать, считалъ все это за бредъ разстроеннаго воображенія. Вы, вѣдь, сами, коллега, могли замѣтить, что восточные человѣки отличаются весьма пылкой фантазіей... Но настоящій случай положительно выбилъ меня изъ сѣдла: я потерялъ стремена и какъ странствующій рыцарь, заявляю, что все потеряно, кромѣ чести...

*) Молитва, релігіозныя упражненія.

— Вы все шутите, Авдѣй Макаровичъ!

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ. Я растерялъ свои убѣжденія и на пути увѣровалъ въ колдовство.

— Можетъ быть, это было то, что называется мысленнымъ внушеніемъ, — сказалъ въ раздумѣ Андрей Ивановичъ.

— Внушеніе?—переспросилъ профессоръ.

— Ну, да... Если—хотите, телепатія. Вы знаете, теперь въ Европѣ она въ большой модѣ. Я помню, видѣлъ даже нѣсколько романовъ, построенныхъ на подобной основѣ... Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такою мощною силой, о какой въ Европѣ не имѣютъ понятія, и всѣ европейскіе магнетизеры и медиумы просто дѣти передъ своимъ индѣйскимъ собратомъ по профессіи.

— Внушеніе?—повторилъ снова профессоръ.—Вы хотите сказать, батенька, что Нариндра заставилъ насъ видѣть то, что ему вздумалось?

— Не только видѣть, но и слушать. Я думаю, что всѣ эти картины, которыя мы видѣли передъ собою съ закрытыми глазами, создались первоначально въ его мозгу и онъ своей непонятною силой настолько овладѣлъ нашимъ зрѣніемъ и слухомъ, что внушилъ намъ, заставилъ насъ видѣть и слышать, какъ на яву, тѣ образы, какіе по произволу вызвалъ въ своемъ воображеніи. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Не знаю, коллега, не знаю. Пожалуй, можетъ быть, вы и правы... Только я все-таки тутъ ничего не понимаю.

— Я полагаю, что это единственное возможное объясненіе, — настаивалъ Андрей Ивановичъ, очевидно стараясь больше всего убѣдить самого себя.

— Вы, думаете, батенька? Да, пожалуй. Я гдѣ-то не то читалъ, не то слышалъ подобный же случай.

— Какой случай?

— Видите-ли, одинъ европейскій художникъ срисовывалъ видъ какой-то индѣйской мѣстности, но, подъ вліяніемъ

внушенія находившагося тутъ же кудесника, нарисоваль совѣмъ не то, что было у него передъ глазами, а жилище этого самаго кудесника, котораго художникъ никогда не видалъ и которое находилось за нѣсколько десятковъ или сотенъ верстъ оттуда... Впрочемъ, постойте, батенька, а записка?

— Какая записка?

— Записка съ адресомъ Нарайяна, писанная его собственною рукою, какъ увѣряетъ Дайянанда.

Андрей Ивановичъ ощупалъ жилетный карманъ; дѣйствительно, записка лежала тамъ...

Между тѣмъ, странствованіе по корридорамъ кончилось. Старый браминъ привелъ своихъ спутниковъ въ довольно большую, свѣтлую комнату, выходившую окнами на внутренній дворъ храма, украшенный клумбами цвѣтовъ, среди которыхъ весело шумѣлъ фонтанъ, сверкая на солнцѣ тысячами алмазныхъ искръ. Въ комнатѣ находился длинный столъ, окруженный стульями, и нѣсколько широкихъ и мягкихъ дивановъ по стѣнамъ. По знаку брамина, служители храма покрыли два стула бѣлымъ новымъ коленкоромъ и браминъ тотчасъ же предложилъ своимъ русскимъ гостямъ занять эти почетныя мѣста.

— Вы, кажется, говорили обо мнѣ, сагибы?—спросилъ Дайянанда, когда всѣ размѣстились вокругъ стола и прислуга внесла легкій завтракъ, состоявшій изъ варенаго риса, кофе и фруктовъ. — По крайней мѣрѣ, я слышалъ, какъ вы упоминали мое имя.

Авдѣй Макаровичъ передалъ Дайянандѣ содержаніе разговора.

— Я не знаю, сагибы,—сказалъ этотъ послѣдній,—въ чемъ собственно состоитъ внушеніе, которымъ занимаются у васъ въ Европѣ. Но то, что вы видѣли сейчасъ, нѣчто совѣмъ другое.

— Что же это такое, по вашему мнѣнію? — спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Извините, сагибы, что я отвѣчу вамъ вопросомъ на вопросъ: извѣстны-ли у васъ въ Европѣ семь основаній, изъ которыхъ слагается всякое тѣло, существующее въ природѣ?

— Семь основаній? Если вы говорите не о химическихъ элементахъ, которыхъ въ десять разъ больше, то, сколько намъ извѣстно, для живыхъ существъ такихъ основаній два: физическое, то-есть матеріальное, и психическое, то-есть духовное начало.. Такъ, кажется, Авдѣй Макаровичъ? Иные, впрочемъ, присоединяютъ сюда еще жизненную силу...

— Такъ, батенька, такъ. Только индѣйскіе богословы и философы думаютъ объ этомъ иначе.

— Вы правы, сагибъ Сименсъ, наши мудрецы думаютъ объ этомъ иначе.

— Но на чьей сторонѣ правда, — какъ будто про себя замѣтилъ Рами-Сагибъ, — объ этомъ можетъ знать только одно Высшее Существо, которому все извѣстно.

Дайянанда такъ посмотрѣлъ на молодого сингалезца, что тотъ потупился.

— Что же, мистеръ Дайянанда, — прервалъ Андрей Ивановичъ наступившее молчаніе, — расскажите намъ о семи основаніяхъ.

— Извольте, сагибъ. Но я предварительно долженъ испросить у великаго брамина Анандрайи разрѣшеніе учить въ его присутствіи.

Дайянанда сложилъ обѣ руки на груди и поклонился въ сторону стараго брамина.

— Молодой братъ мой, — отозвался благодушно Анандрайя, съ трудомъ выговаривая англійскія слова, — молодой братъ мой старше меня въ ученіи и законѣ. Поэтому мнѣ нужно учиться у него.

— Анандрайя такъ же великъ въ скромности, какъ и въ познаніи закона, — отвѣтилъ комплиментомъ на комплиментъ Дайянанда. — Семь основаній, — началъ онъ свое поученіе, — семь основаній, изъ которыхъ слагается каждое

живущее во вселенной существо, по учению наших мудрецовъ: слѣдующія; первое — *штуль-шарира*, физическое тѣло, подлежащее гніенію и обращенію въ прахъ; второе, *джи́ва*, жизненная сила, препятствующая тѣлу, прежде положеннаго срока, распадаться на свои составныя части и обращаться въ прахъ; третье, *ли́нѡ-шарира*, — астральное тѣло, тѣло изъ тонкаго эфира, которое можетъ иногда отдѣляться отъ физическаго тѣла, переноситься черезъ огромныя пространства и посѣщать родныхъ и друзей во снѣ и въ минуту опасности и смерти. Иногда живое существо само бываетъ въ состояніи видѣть свое собственное астральное тѣло.

— Что же это: двойникъ, *perésprit*?—спросилъ заинтересованный Андрей Ивановичъ.

— Не знаю, сагибъ Гречоу, какъ это будетъ по вашему. Мы называемъ его астральнымъ, то-есть звѣзднымъ, эфирнымъ тѣломъ. Четвертое основаніе — *кама-рупа*, тѣло обмана, личина, которую принимаютъ на себя злыя существа, чтобы дѣлать вредъ своимъ ближнимъ, превращаясь въ хищныхъ звѣрей и пресмыкающихся.

— То-есть что же это? *corps de l'illusion*, оборотень, *loup garon*?—спросилъ снова Андрей Ивановичъ.

— Вѣроятно,—замѣтилъ Авдѣй Макаровичъ.

— И своимъ астральнымъ тѣломъ, и *кама-рупи*, — продолжалъ Дайянанда, — человекъ можетъ пользоваться сознательно и по собственному желанію; но для этого онъ долженъ пройти длинный путь ученія, упражненія, дисциплины, — словомъ, дойти до полного торжества духа надъ плотью. Это глубокая и тайная наука, сагибы, которая дается немногимъ.

— Должно быть — бѣлая и черная магія, какъ у насъ называютъ?

— Пятое основаніе тѣла, — продолжалъ Дайянанда, — *маносъ*, животная душа, самосознаніе при помощи внѣшнихъ чувствъ, какое бываетъ у звѣрей, у птицъ, у змѣй...

— Это должно быть то, что называется инстинктомъ, l'âme animal, — замѣтилъ профессоръ.

— Шестое основаніе — *бодди*, божественная душа, при-
сущая только человѣку, и наконецъ, седьмое — *атма* или
брамъ, искра божества, сіяющая въ душѣ человѣка и ве-
дущая ее постоянно къ добру, несмотря на заблужденія
плоти, въ которыя увлекаетъ ее *маносъ*, животная душа.

— Какое же отношеніе, мистеръ Дайянанда, имѣетъ
ваша система къ объясненію нашего видѣнія? — спросилъ
Грачевъ.

— Я говорилъ уже, сагибъ, что путемъ долгаго ученія
и упражненій духа человѣкъ можетъ дойти до возможности
сознательно и по желанію пользоваться своимъ астральнымъ
тѣломъ. Но немногіе избранники, къ которымъ принадле-
житъ великій Нариндра, достигаютъ еще большаго: они
могутъ вызывать передъ собою, по произволу, силою сво-
его божественнаго духа, астральныя тѣла людей и предме-
товъ, такъ какъ и неодушевленные предметы имѣютъ также
свои астральныя образы, иначе они не могли-бы являться
намъ во снѣ. Такимъ образомъ, великій Нариндра, силою
своего духа, вызвалъ сюда астральное тѣло Нарайяна и
астральные-же образы тѣхъ предметовъ, среди которыхъ
онъ живетъ въ настоящее время. Говорили съ Нарайя-
номъ — не вы, сагибъ Гречоу, а ваше астральное же тѣло...

— Ну-съ, а записка? — вмѣшался Авдѣй Макаровичъ: —
Это — то-же астральное тѣло дѣйствительной записки? Вѣдь
она и до сихъ поръ въ жилетномъ карманѣ мистера Гречоу.

Дайянанда затруднился отвѣтомъ на этотъ вопросъ и
какъ-будто слегка сконфузился. На помощь къ нему при-
шелъ великій браминъ Анандрайя.

— Записка можетъ быть и настоящая, — сказалъ онъ: —
Махатма не разъ получалъ такимъ образомъ воду изъ свя-
щенной рѣки Ганга для омовеній, снѣгъ съ вершинъ Ги-
малайя для прохладительнаго питья и окропленныя рососою
розы изъ долины Кашемира. Такія примѣры не рѣдки въ

жизни нашихъ отшельниковъ, которые, по произволу, умираютъ. Вотъ, напримѣръ, въ этой книгѣ, — продолжалъ онъ, доставая съ полки тяжелую, старинную книгу въ рѣзномъ деревянномъ переплетѣ съ металлическими украшеніями, — въ этой книгѣ сагибы найдутъ описанія многихъ подобныхъ случаевъ.

Авдѣй Макаровичъ, съ жадностью записного ученаго, впился глазами въ пожелтѣвшія страницы довольно рѣдкой книги и вскорѣ между ними, Дайянандой и Анандрайей, начался ученый разговоръ, безпрестанно пересыпаемый именами Ригъ-Веды, Атарва-Веды, Калидаса, Рамайяны, Викрамадитьи и т. п. У Андрея Ивановича просто закружилась голова отъ всѣхъ этихъ мудреныхъ рѣчей, безобразно длинныхъ словъ, а главное — отъ только что пережитыхъ впечатлѣній, а такъ какъ завтракъ уже кончился, онъ взялъ подъ руку Рами-Сагиба и вышелъ съ нимъ вмѣстѣ на внутренній дворъ храма. Когда они проходили мимо цвѣтушихъ кустовъ, окружающихъ цвѣточные клумбы, Андрей Ивановичъ почувствовалъ, что на него устремленъ, сквозь густую листву, чей-то огненный взглядъ. Онъ высвободилъ свою руку изъ-подъ руки Рами-Сагиба и раздвинулъ вѣтви кустарника, но успѣлъ замѣтить только, какъ женская фигура, вся окутанная въ голубое газовое покрывало, обсыпанное блестками, поспѣшно скрылась за дверями храма.

— Вы не знаете, кто эта дѣвушка? — спросилъ онъ Рами-Сагиба.

— Вѣроятно, баядерка, — отвѣтилъ этотъ послѣдній.

— А развѣ здѣсь есть баядерки?

— Какже! При храмѣ Парвати всегда есть баядерки, и не только *наши*, но и *девадаси*.

— Какая разница между тѣми и другими?

— Первые — изъ низшихъ кастъ и служатъ почти для тѣхъ же цѣлей, какъ женщины въ кафе-шантанахъ и пивныхъ у васъ въ Европѣ. Онѣ всѣмъ доступны. Поэтому ихъ зовутъ еще *сутродари*.

— А девадаси?

— О, это совсѣмъ другое! Девадаси бываютъ только изъ самыхъ высшихъ кастъ. Это собственно жрицы богини. Онѣ и живутъ постоянно въ храмѣ... Положимъ, и онѣ не безъ грѣха... но онѣ грѣшатъ только по собственному желанію,—по увлеченію или по любви, какъ сказали-бы у васъ въ Европѣ.

— Однако, здѣсь тѣсно и жарко,—замѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Пройдемтесь лучше по окрестностямъ храма.

— Съ удовольствіемъ.

Они снова взялись за руки и вышли изъ храма.

XXI.

Д е в а д а с и.

Когда Андрей Ивановичъ, подъ руку съ Рами-Сагибомъ, вышелъ изъ наружныхъ дверей храма, вся площадь передъ храмомъ была уже покрыта богомольцами. Какъ видно было, храмъ Парвати пользовался особеннымъ почетомъ среди населенія окрестныхъ деревень и городковъ. Повсюду вокругъ храма пестрѣли самыя яркіе цвѣтные платки и одежды: обливаемые сверкающими лучами тропическаго солнца, они такъ ослѣпительно-рѣзко выдавались на красноватомъ фонѣ окружающей мѣстности, что смотрѣть на нихъ становилось больно.

— Какъ пестро,—замѣтилъ онъ, невольно зажмуривая глаза.—Но этотъ вкусъ къ яркимъ цвѣтамъ, вѣроятно, имѣетъ здѣсь, хотя быть можетъ и безсознательно, гигиеническую подкладку.

— Гигиеническую, мистеръ Гречоу? — спросилъ Рами-Сагибъ.

— Да. Вѣдь извѣстно, что яркіе цвѣта сильнѣе отражаютъ лучи солнца. Поэтому яркія цвѣтныя одежды лучше защищаютъ отъ его жгучихъ лучей, чѣмъ—темныя. Наши старушки-богомолки знаютъ, что дѣлаютъ, одѣваясь въ скромныя одежды темнаго цвѣта: кровь ихъ

уже не грѣтъ, поэтому имъ нужно, чтобъ ихъ одежда поглощала какъ можно больше тепловыхъ лучей солнца.

— Пожалуй, вы правы, мистеръ Гречоу. Мнѣ не приходило этого въ голову.

Среди яркихъ одеждъ повсюду сверкали блестящія металлическія украшенія, начиная съ простыхъ мѣдныхъ браслетъ и пѣпочекъ и кончая золотыми ожерельями, осыпанными драгоценными камнями. Мѣстами блестѣло на солнцѣ голое тѣло, сильно выдѣлявшееся изъ-подъ скромныхъ покрововъ первобытнаго костюма, бросались въ глаза, ничѣмъ не прикрытыя, роскошныя формы молодого женскаго торса и тутъ же рядомъ—старая, смуглая изсохшая грудь.

Толпа богомольцевъ двигалась туда и сюда, волновалась, шумѣла, слышались громкія восклицанія, звонкій смѣхъ, монотонное пѣніе, сопровождаемое звуками тамбурина и флейты. Порой изъ всего этого шума рѣзко выдѣлялся звукъ гонга или тамъ-тама. Почти передъ самыми дверями храма, подъ мѣрный звукъ барабана, плясали одѣтыя въ яркій костюмъ сутрадары, и бѣлыя, голубыя и зеленыя покрывала ихъ, усыянные блестками, кружились вокругъ нихъ, развѣваясь по воздуху, какъ крылья гигантскихъ птицъ. Молодые парни изъ окрестныхъ деревень тѣсною толпой окружали пляшущихъ женщинъ и то отпускали на ихъ счетъ веселыя, впрочемъ довольно нескромныя шутки, то поощряли ихъ одобрительными восклицаніями. Съ высокой террасы, окружавшей храмъ, прислонясь къ колоннамъ, смотрѣли на пляску молодые брамины и служители храма и порой обмѣнивались съ знакомыми богомольцами короткимъ привѣтствіемъ или шуткой. Кое-гдѣ на площади курился дымокъ и по воздуху разносился характерный запахъ пальмоваго масла: очевидно, что-то варилось или жарилось для проголодавшихся богомольцевъ. Въ толпѣ шныряли разносчики съ лотками всевозможныхъ сластей; продавцы фруктовъ и прохладительныхъ напитковъ громко выкрикивали гиперболическія похвалы своему товару.

Вся эта картина, залитая яркимъ тропическимъ солнцемъ имѣла такой веселый, праздничный видъ, что Андрей Ивановичъ съ удовольствіемъ слѣдовалъ за Рами-Сагибомъ, поставившимъ себѣ задачей обойти все самые укромные уголки площади,—даже тѣ, гдѣ уже стояли извѣстнаго рода небольшія палатки, съ разостланной циновкой внутри, и молодыя дѣвушки сидѣли у входа, ласково поглядывая на подходящихъ мужчинъ. Проталкиваясь между группами богомольцевъ и прислушиваясь къ шуму и говору толпы, точно ожидая уловить знакомые звуки родной рѣчи, Грачевъ такъ живо вспомнилъ свою далекую родину, что ему даже показалось, будто онъ уже видитъ передъ собою привычныя съ дѣтства сцены деревенской ярмарки или сельскаго торжка въ день престольнаго праздника. Но широкія сверкающіе листья незнакомыхъ деревьевъ, яркіе благоухающіе цвѣты, жгучее солнце на освѣтительно сіяющемъ небѣ, смуглыя, ярко окрашенныя лица и едва прикрытое, полу-голое тѣло на каждомъ шагу,—все это возвращало его снова къ дѣйствительности.

— Нравится вамъ здѣсь, мистеръ Гречоу?—спросилъ Рами-Сагибъ, съ веселой улыбкой поглядывая по сторонамъ и сверкая своими великолѣпными зубами.—Жаль, что сегодня что-то не видать фокусниковъ... Впрочемъ, не хотите-ли посмотрѣть на заклинателя змѣй? Видите, вотъ онъ расположился со своею деревянною дудочкой и корзиною, полною змѣй...

— Нѣтъ, мистеръ Рами, я уже любовался на этихъ заклинателей въ Бомбеѣ и въ Пуантъ-де-Галлѣ и—признаюсь вамъ,—ихъ фокусы возбуждаютъ во мнѣ только одно отвращеніе.

Между тѣмъ, они снова подошли къ храму. На террасѣ, нѣсколько впереди группы браминовъ, стояла молодая дѣвушка въ блестящемъ костюмѣ, вся съ головы до ногъ закутанная въ голубое газовое покрывало, и разсѣянно смотрѣла въ толпу. Смуглое худое тѣло сквозило черезъ

прозрачную ткань, золотые браслеты на рукахъ и ногахъ сверкали разноцвѣтными камнями. Позади нея стоялъ, не спуская съ нея глазъ, старый сѣдобородый браминъ.

— Посмотрите, — сказалъ Рами-Сагибъ, указывая на террасу, — вотъ сумасшедшая баядерка-девадаси. Здѣшніе брамины выдаютъ ее за святую. Многіе изъ народа отъ чистаго сердца вѣрятъ, что она имѣетъ даръ пророчества.

— Вамъ она ничего не предсказывала? — спросилъ Андрей Ивановичъ, разсматривая дѣвушку.

— Нѣтъ... Знаете, она довольно капризна и не всякаго удостоиваетъ своимъ вниманіемъ. Не будете-ли вы счастливы, мистеръ Гречоу? Не хотите-ли попробовать?

— А что она за субъектъ, по вашему мнѣнію?

— По моему мнѣнію она то, что у васъ, въ Европѣ, называютъ ясновидящей. Во всякомъ случаѣ, субъектъ довольно интересный.

— Что нужно сдѣлать, чтобы удостоиться ея вниманія?

— Подойдите къ ней поближе и встаньте прямо противъ нея.

Грачевъ послушался совѣта Рами-Сагиба и подошелъ къ баядеркѣ. Она тотчасъ же устала на него свои огромные сумасшедшіе глаза и по лицу ея пробѣжала мимолетная судорога. Странные были эти глаза! Они положительно *горѣли* какимъ-то дикимъ внутреннимъ огнемъ и, казалось, это пожирающее пламя сжигало прежде всего хрупкое тѣло самой бѣдной дѣвушки. Въ тоже время глаза эти проникали прямо въ душу того, на кого они смотрѣли, и, казалось, имѣли способность видѣть все, что происходитъ въ тайникахъ души, какъ будто для нихъ не существовало никакой тайны. Подъ вліяніемъ этого взгляда Андрей Ивановичъ почувствовалъ, какъ нервный трепетъ пробѣжалъ по всему его тѣлу.

Вдругъ баядерка протянула руку и сказала что-то повелительнымъ тономъ.

— Что она говорить? — спросилъ Грачевъ, оглядываясь на Рами-Сагиба.

— Она говоритъ, чтобы вы дали ей свою руку.

Андрей Ивановичъ послушался. Нѣсколько времени сухая, горячая рука баядерки нервно бродила по рукѣ Грачева; потомъ она вдругъ крѣпко сжала кисть его руки около запястья своими жгучими пальцами и Андрею Ивановичу показалось, что ему вдругъ надѣли на руку тѣсный, раскаленный браслетъ. Спустя нѣсколько минутъ, девадаси медленно заговорила звучнымъ, пѣвучимъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ. Грачеву показалось, что она говорила рифмованными стихами, — до того была музыкальна ея рѣчь.

— Скажите, пожалуйста, что она говоритъ, — спросилъ снова Грачевъ Рами-Сагиба.

Сингалезецъ сталъ переводить:

— «О, я знаю, знаю тебя. Я знала тебя прежде, задолго, задолго до этого; знаю и теперь... Тихо качаются высокія пальмы; волны святого озера омываютъ ступени покинутого храма. Но храмы на горѣ священнѣе этого храма: въ нѣдрахъ его скрываются источники смерти и жизни».

— «Я знаю тебя: я знала тебя прежде, знаю и теперь. Я видала тебя сквозь облака и тучи, за которыми ты скрывался. Тихо качаются высокія пальмы. Волны святого озера омываютъ ступени покинутого храма. Люди погибли безъ слѣда, но не всѣ. То, что сохранилось, прелестно, божественно и страшно».

— «Я знаю тебя. Я видала тебя надъ горами и надъ моремъ. Буря и ураганы покорялись тебѣ. Изъ дважды-рожденныхъ нѣтъ никого болѣе тебя. Ты сдѣлалъ то, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ. Но священный храмъ таитъ въ себѣ источники жизни и смерти. Берегись снять съ нихъ печати».

— «Я знаю тебя. Изъ дважды рожденныхъ ты болѣе всѣхъ. Но трижды рожденная не для тебя. Волны священнаго озера омываютъ ступени покинутого храма. Берегись

глядѣть на Аріасвати. Твоя любовь принесетъ тебѣ гибель. Берегись смотрѣть на нее: какъ всѣ, ты будешь пресмыкаться предъ нею во прахѣ, но ты не перенесешь этого».

— «Я знаю тебя. Изъ дважды рожденныхъ ты болѣе всѣхъ. Но есть одинъ, которому все покорится. Волны святого озера будутъ лобзать слѣды трижды рожденного. Священный храмъ откроетъ ему свои нѣдра и божественная дѣва взглянетъ на него съ улыбкою любви... Мнѣ жаль тебя, жаль тебя, жаль!»!

Конвульсіи покривили лицо баядерки, на губахъ показалась пѣна. Она выпустила руку Грачева и съ раздирающимъ стономъ упала навзничъ, прежде чѣмъ Андрей Ивановичъ успѣлъ помочь несчастной дѣвушкѣ. Но другіе, болѣе внимательные глаза заботливо слѣдили за нею. Старый, сѣдобородый браминъ не далъ ей упасть на землю. Въ самый моментъ паденія онъ быстро подхватилъ ее на руки и унесъ во внутренность храма.

Первымъ движеніемъ Грачева было броситься вслѣдъ за несчастною дѣвушкой, которая неожиданно возбудила въ немъ глубокую симпатію. Ему хотѣлось помочь ей, узнать, что съ ней такое. Но передъ нимъ уже стоялъ другой браминъ и держалъ жестяную тарелку: надо было заплатить за «представленіе». Но у Андрея Ивановича не выходила изъ головы бѣдная дѣвушка.

— Что съ ней? Куда ее унесли? Что вы съ ней дѣлаете?— нетерпѣливо спрашивалъ онъ брамина. Но браминъ молчалъ и только кланялся, подставляя свою тарелку.

Андрей Ивановичъ съ досадой кинулъ брамину нѣсколько золотыхъ монетъ, взялъ подъ руку Рами-Сагиба и почти бѣгомъ потащилъ его во внутренность храма. Одинъ изъ служителей, вѣроятно слѣдившій за ними, тотчасъ взялъ свѣтильникъ и пошелъ впередъ, указывая имъ дорогу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ привелъ ихъ къ дверямъ комнаты брамина Анандрайи и здѣсь остановился. Тщетно Андрей Ивановичъ и, по его просьбѣ, Рами-Сагибъ—тре-

бовали, чтобы онъ провелъ ихъ туда, куда унесли баядерку; — слугитель на всѣ ихъ вопросы только молчалъ и, отрицательно мотая головой, униженно кланялся молодымъ сагибамъ.

— Вѣроятно, это нѣмой, — сказалъ Рами-Сагибъ, бросая ему нѣсколько мелкихъ монетъ. — Такихъ часто держатъ при храмахъ, такъ какъ они, при всемъ желаніи, не имѣютъ возможности разболтать кое-какихъ тайнъ, безъ которыхъ не обходятся, сколько мнѣ извѣстно, духовныя лица, къ какой бы религіи они ни принадлежали.

XXII.

Т и г р ь *).

Въ комнатѣ Анандрайи попрежнему продолжались ученые дебаты. Теперь на столѣ лежало уже нѣсколько старинныхъ книгъ, между которыми виднѣлись такіе огромные фоліанты, какіе, казалось-бы, въ пору читать развѣ однимъ только великанамъ. То Дайянанда, то Анандрайя, очевидно польщенные вниманіемъ европейскаго ученаго (чѣмъ англичане ихъ давно не балуютъ, считая всю ихъ литературу за вздоръ), поочередно открывали одну изъ этихъ книгъ, указывали пальцемъ спорное мѣсто и продолжали разговоръ, въ которомъ существенную часть составляли цитаты на санскритскомъ языкѣ и такія «протяженно-сложенныя» слова, какія не только «неудобно» было выговаривать, но даже и слушать.

Какъ ни былъ поглощенъ ученымъ споромъ Авлѣй Макаровичъ, но и онъ обратилъ вниманіе на блѣдное, разстроенное лицо своего товарища.

*) Эта глава приводитъ меня въ большое смущеніе, такъ какъ мнѣ достоверно извѣстно, что тигры на Цейлонѣ не водятся. Но какъ правдивый историкъ приключеній моего покойнаго друга, я не рѣшился измѣнить въ ней ни одного слова, хотя у меня сильно чесались руки замѣнить тигра пантерой въ виду того, что пантеръ на Цейлонѣ, безчисленное множество. Я склоненъ думать, что Андрей Ивановичъ и Рами-Сагибъ со страха приняли пантеру за тигра.

— Что съ вами, батенька?—спросилъ онъ, остановившись на половинѣ ученой цитаты.

— Здѣсь больная дѣвушка... баядерка,—сказалъ Андрей Ивановичъ взволнованнымъ голосомъ,—съ ней дурно обращаются...

Анандрайя нахмурилъ свои сѣдыя брови.

— Кто обидѣлъ баядерку, сагибъ? — спросилъ онъ.

— Я не говорю, что ее обидѣлъ кто-нибудь... Она мнѣ гадала... и... потомъ съ ней сдѣлалось дурно...

— Это девадаси,—замѣтилъ Анандрайя, обращаясь къ Дайянандѣ.

— Рамисвати?

— Да. Что-же, сагибъ, кто поступилъ съ ней дурно?

— Въмѣсто того, чтобъ подать ей немедленно помощь, какой-то старый браминъ перекинулъ ее черезъ плечо, какъ трупъ, и унесъ въ храмъ... Мы хотѣли помочь ей, насъ не пустили.

— Кто около нея? Ковинда-Суами?—спросилъ въ полголоса Дайянанда.

— Ковинда. Пусть сагибъ успокоится: девадаси въ хорошихъ рукахъ и никто изъ окружающихъ ее не осмѣлится сдѣлать ей какое-бы то ни было зло, потому что она жрица великой богини. Къ ней приставленъ Ковинда-Суами, искусный врачъ, къ которому обращаются даже англійскіе сагибы.

— Можно ее видѣть?—спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Да, когда съ нею пройдетъ припадокъ и она выйдетъ на террасу храма.

— Но теперь, когда она такъ нуждается въ помощи?

— Въ жилище жрицы богини не можетъ войти ни одинъ мужчина,—замѣтилъ Дайянанда.—Только для Ковинды-Суами сдѣлано исключеніе, потому что онъ врачъ.

— Пусть сагибъ успокоится,—повторилъ снова Анандрайя, — девадаси въ хорошихъ рукахъ. Когда пройдетъ съ нею припадокъ, она снова выйдетъ на террасу.

— Выйдемте снова на площадь, — шепнулъ Рами-Сагибъ, слегка дотрогиваясь до плеча Андрея Ивановича. — Пусть они сидятъ въ этой духотѣ за своими фоліантами.

Но на площади было также душно и жарко, и въ добавокъ къ этому слишкомъ шумно. Громкій говоръ толпы и рѣзкіе звуки музыкальныхъ инструментовъ не-пріятно дѣйствовали на разстроенные нервы Андрея Ивановича. Ему хотѣлось тишины, уединенія, хотѣлось побыть наединѣ съ самимъ собою.

— Пойдемте въ лѣсъ, — сказалъ онъ Рами, когда они подошли къ опушкѣ лѣса, окружавшаго храмъ.

— Пожалуй, — согласился Рами послѣ нѣкотораго колебанія.

Въ лѣсу была тѣнь и даже порой въ знойномъ воздухѣ, пропитанномъ бальзамическими испареніями деревьевъ, тянула свѣжая струя, приносящая прохладу съ какого-нибудь невѣдомаго горнаго ручья или озера. Въ вершинахъ деревьевъ, по сплетающимся вѣтвямъ, проносились стаи крикливыхъ обезьянъ, кувыркались акробаты пернатого царства, разноцвѣтные попугаи, рѣяли яркоокрашенные птицы, уродливый калао стучалъ своимъ безобразнымъ носомъ, розовый удождъ мягко перелеталъ съ вѣтки на вѣтку. Внизу, надъ цвѣтущими кустарниками, подобно окрыленнымъ драгоцѣннымъ камнямъ, сверкая на солнцѣ, носились крошечныя нектарницы, родныя сестры американскихъ колибри.

Порой на головы проходящихъ сыпались градомъ сухія вѣтки и незрѣлые плоды: это означало, что какая-нибудь семья четыре-рукихъ проказницъ, кривляясь и корча всевозможныя гримасы, желала такимъ способомъ обратить на себя вниманіе своихъ двуногихъ собратій. Въ такихъ случаяхъ Рами-Сагибъ поднималъ глаза къ вершинамъ деревьевъ, грозилъ пальцемъ лукавымъ забіякамъ и, благодушно усмѣхаясь, проходилъ дальше. Что касается Андрея Ивановича, то, погруженный въ собственныя мысли, онъ,

казалось, совѣмъ не замѣчалъ, что дѣлалось вокругъ него. Желая нѣсколько развлечь своего товарища, Рами-Сагибъ нѣсколько разъ дѣлалъ попытки начать разговоръ, указывая на какое-нибудь рѣдкое растеніе или насѣкомое, но Андрей Ивановичъ отвѣчалъ на все это односложнымъ «да» и «нѣтъ». Испытавъ нѣсколько неудачъ въ подобномъ родѣ, Рами-Сагибъ рѣшился прибѣгнуть къ героическому средству.

— Что вы думаете, сэръ, объ нашей съумасшедшей девадаси?—вдругъ спросилъ онъ, зайдя нѣсколько впередъ и останавливаясь прямо, лицомъ къ лицу съ Андреемъ Ивановичемъ.

— Девадаси? — повторилъ Грачевъ, точно просыпаясь отъ глубокаго сна:—девадаси?

— Да. Что вы думаете о ней?

— Что я думаю? — прошепталъ, приходя въ себя, Андрей Ивановичъ.—Какъ вамъ сказать, мистеръ Рами, -- продолжалъ онъ въ раздумьѣ, — я долженъ признаться, я не знаю даже, что думать объ этомъ случаѣ.

— Неужели, мистеръ Гречоу, вы что-нибудь находите въ этомъ странномъ наборѣ словъ, по моему мнѣнію, не имѣющему никакого смысла?

— Въ томъ-то и дѣло, мистеръ Рами, что этотъ странный и, по вашему мнѣнію, не имѣющій смысла наборъ словъ для меня лично имѣетъ глубокій смыслъ. Мало того: въ немъ заключается тайна, которую до настоящаго времени я считалъ принадлежащею только одному себѣ.

— Быть можетъ, это случайное совпаденіе?—попробовалъ усомниться сингалезскій скептикъ.

— Случайное совпаденіе! Но если допустить подобное объясненіе, то такая случайность была-бы чудеснѣе всякаго чуда! Нѣтъ, мистеръ Рами, тутъ скрывается нѣчто иное: девадаси описываетъ мѣстность, лежащую отсюда за цѣлыя тысячи миль, мѣстность, которую, кромѣ меня, никто изъ живущихъ на землѣ въ настоящее время не имѣлъ возможности видѣть...

Рами-Сагибъ съ удивленіемъ и съ тревогой посмотрѣлъ на одушевившагося Андрея Ивановича и въ его головѣ мелькнула вычитанная гдѣ-то мысль о заразительности съумасшествія.

— Затѣмъ, — продолжалъ Андрей Ивановичъ, — она рассказываетъ случаи изъ моей личной жизни, отчасти извѣстные только самымъ близкимъ мнѣ людямъ, отчасти неизвѣстные никому, кромѣ меня.

— Какъ, сэръ: неужели эти бредни о полетахъ подѣ облаками, о священномъ озерѣ, о какихъ-то дважды и трижды-рожденныхъ—не бредъ съумасшедшей баядерки?

— Не знаю, мистеръ Рами, можетъ быть, это и бредъ съумасшедшей баядерки, какъ вы ее называете, но въ своемъ бреду, быть можетъ безсознательно, она рассказываетъ о томъ, что существуетъ въ дѣйствительности и что она ни въ какомъ случаѣ не имѣла возможности знать до встрѣчи со мною.

— Гмъ?—пробормоталъ съ сомнѣніемъ упрямый Рами-Сагибъ. — Но эти дважды, даже трижды-рожденные—вѣдь это выдумка браминовъ?

— Не знаю и не берусь объ этомъ судить.

— Затѣмъ тамъ фигурируетъ какая-то божественная дѣва... Она какъ-будто даже назвала ее по имени...

— Кстати, мистеръ Рами, — торопливо прервалъ его Андрей Ивановичъ — вы не помните, какъ она ее называла?

— Не помню, мистеръ Гречоу. Кажется, что-то въ родѣ Парвати...

— Кажется: Рамисвати?

— Нѣтъ, мистеръ Гречоу, Рамисвати — имя самой девадаси.

— Мнѣ помнится, что оно оканчивалось тоже на «свати»... Саросвати?

— Нѣтъ, сэръ, это совсѣмъ не то.

— Какъ же? Парасвати, Арасвати?

— Да, что-то въ родѣ этого. Повремените, сэръ, быть можетъ, я еще припомню... Мнѣ кажется, — началъ онъ, спустя нѣсколько времени и вдругъ замеръ съ открытымъ ртомъ, уставивъ испуганные глаза по направленію къ кучѣ деревьевъ, стоявшихъ на полугорѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ пути.

Андрей Ивановичъ взглянулъ въ ту сторону и, также точно увидѣвъ рактазу *), окаменѣлъ съ широко открытыми, неподвижно устремленными въ одну точку глазами. Казалось, какъ-будто какой-то мертвящій холодъ внезапно оковалъ его члены въ то время, какъ вся кровь прилила къ сердцу и все внутри его затрепетало. Онъ чувствовалъ, какъ дрожала у него нижняя челюсть, какъ волосы дыбомъ поднимались на головѣ и холодный потъ выступалъ на лбу.

Прошло нѣсколько долгихъ секундъ, прежде чѣмъ онъ, все еще не сводя глазъ съ приковавшаго ихъ предмета, опустилъ дрожащую руку въ карманъ своей куртки и вынулъ маленькій дорожный револьверъ, жалкое орудіе для борьбы съ громаднымъ тигромъ, уже припавшимъ на переднія лапы всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ разстоянія и приготовившимся сдѣлать свой смертельный скачекъ...

Ярко отливала на солнцѣ его блестящая красноватая шкура съ черными характерными полосами; огромные зеленые глаза, казалось, выпускали цѣлыми снопами лучи фосфорическаго свѣта. Припавши громадною головой на могучія переднія лапы, животное, казалось, какъ будто ласково помахивало хвостомъ, прижавъ по кошачьи свои пушистыя уши и только въ нетерпѣніи царапало землю, точно пробуя силу своихъ страшныхъ, острыхъ когтей. Изъ слегка открытой пасти виднѣлся кровавый языкъ и бѣлые, острые зубы и слышалось не то ворчанье, не то веселое мурлыканье кошки...

Сколько мыслей промелькнуло въ головѣ Андрея Ивановича въ этотъ короткій промежутокъ времени, пока онъ

*) Рактаза—привидѣніе.

смотрѣлъ, не спуская своихъ точно очарованныхъ глазъ, въ лучистые зеленоватые глаза животного, приготовлявшагося къ своему роковому прыжку! Казалось, въ эти мгновенья онъ успѣлъ снова пережить всю свою жизнь. Предъ нимъ пронеслись съ быстротою молніи картины дѣтства, мирная Грачевка, школьная жизнь, университетъ, воспоминанія страннической жизни, лица родныхъ, друзей и знакомыхъ, наконецъ, островъ Опасный съ его сказочною обстановкой... Но надъ всѣми этими обрывками мыслей скоро всплыла одна господствующая мысль и эта мысль мгновенно возвратила ему утраченную бодрость и придала твердость рукъ, сжимавшей револьверъ:

— Не можетъ быть, — подумалъ онъ, — чтобы я пріѣхалъ сюда изъ Европы только затѣмъ, чтобы погибнуть здѣсь преждевременно и такую глупую, безславную смертью. Къ чему же тогда все то, что со мною случилось? — И онъ вспомнилъ при этомъ свой Гиппогрифъ, свои приключенія въ Нагорномъ храмѣ, въ Портъ-Саидѣ, Нариндру, наконецъ, — девадаси. — Послѣ всѣхъ этихъ чудесъ и такая смерть! Нѣтъ, это нелѣпо, — продолжалъ онъ, быстрымъ взглядомъ окидывая револьверъ. — Этого не можетъ быть, — повторилъ онъ еще разъ и твердою рукою поднялъ револьверъ, стараясь навести его прямо въ глазъ кровожаднаго звѣря.

Вотъ все тѣло животного вздрогнуло, переднія лапы согнулись... Насталъ роковой мигъ. Рами-Сагибъ въ покорномъ отчаяніи опустился на землю и закрылъ лицо руками. Андрей Ивановичъ нажалъ боевую пружину револьвера...

Но ни выстрѣла, ни прыжка не послѣдовало. Случилось что то странное: тигръ, точно подброшенный вверхъ какою то постороннею силой, перевернулся въ воздухъ и тяжело шлепнулся внизъ, ударившись спиною о землю. Лапы его, съ выпущенными когтями, нѣсколько секундъ судорожно сжимались, точно въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, изъ пасти

закинутой навзничь головы выступила кровавая пѣна и затѣмъ безжизненное тѣло громаднаго животнаго медленно покатилося подъ гору, цѣпляясь за выдавшіеся камни, кустарники и корни растеній. Удивленный Андрей Ивановичъ, забывъ свой недавній страхъ, подбѣжалъ къ обрыву и, нагнувшись надъ краемъ его, наблюдалъ, какъ трупъ тигра катился по крутизнѣ, падая съ камня на камень, пока не повисъ надъ пропастью, зацѣпившись за полусгнившій пенъ.

Вдругъ кто-то тронулъ его за плечо. Андрей Ивановичъ вздрогнулъ отъ неожиданности и обернулся: позади него стоялъ блѣдный Рами-Сагибъ, еще не оправившійся отъ испуга.

— Нариндра, — прошепталъ онъ поблѣднѣвшими губами, уловивъ взглядъ Андрея Ивановича.

— Что Нариндра?

— Убилъ тигра.

— Какъ убилъ? Я не слыхалъ выстрѣла... Чѣмъ онъ могъ убить?

— Взглядомъ.

XXIII.

Этого не можетъ быть.

Предположеніе было такъ чудовищно, что Андрей Ивановичъ въ свою очередь, подумалъ, не помѣшался ли въ умѣ отъ страха его товарищъ.

— Вотъ онъ стоитъ, — шепнулъ снова Рами-Сагибъ, указывая на противоположную сторону оврага.

Только теперь, поднявши глаза по направленію, указанному Рами-Сагибомъ, Андрей Ивановичъ замѣтилъ на той сторонѣ оврага потемнѣвшія стѣны храма Парвати и примыкавшую къ нимъ террасу факира Нариндры. Самъ Нариндра стоялъ на краю террасы, вытянувшись во весь ростъ и скрестивъ на груди свои сухія руки. Казалось, онъ вовсе не замѣчалъ людей, находившихся по ту сторону оврага,

сосредоточивъ все свое вниманіе на трупѣ громаднаго животнаго, повисшемъ надъ пропастью.

Андрей Ивановичъ нѣсколько времени смотрѣлъ на факира, перебирая въ умѣ вѣроятныя причины смерти тигра, въ числѣ которыхъ не были забыты ни внезапное укушеніе очковою змѣей, ни отравленная стрѣла, ни даже выстрѣлы изъ электрическаго ружья. Не остановясь, однако, ни на одномъ изъ этихъ предположеній, Андрей Ивановичъ, забывшись, крикнулъ черезъ пропасть по-русски.

— Почтенный Нариндра! Не знаешь ли, кто убилъ тигра?

Нариндра поднялъ на Андрея Ивановича свои огненные глаза, махнулъ рукою въ знакъ привѣтствія и заговорилъ что-то на своемъ языкѣ.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ Андрей Ивановичъ Рами-Сагиба.

— Онъ говоритъ, что кто-бы ни убилъ тигра, — это не важно. Русскій сагибъ вовсе *не затѣмъ пріѣхалъ сюда изъ Европы, чтобы погибнуть здѣсь преждевременно и такою илупою, безславною смертію. Это нелѣпо и потому этого не можетъ быть...*

Андрей Ивановичъ вздрогнулъ отъ неожиданности и измѣнился въ лицѣ, услышавъ изъ устъ Нариндры ту самую мысль, которая пришла ему въ голову въ роковое мгновеніе встрѣчи съ тигромъ и такъ повліяла на подъемъ его духа.

— Какъ вы сказали? — спросилъ онъ, не вѣря собственнымъ ушамъ.

Рами-Сагибъ еще разъ повторилъ отвѣтъ Нариндры и тѣми же самыми словами. Сомнѣнія больше не было. Убить тигра могъ только тотъ, кто читалъ самыя мысли въ душѣ человѣка. Ясно, что онъ невидимо присутствовалъ въ этотъ страшный моментъ и спасъ двѣ человѣческія жизни ему одному извѣстнымъ способомъ. Съ чувствомъ изумленія и благодарности Андрей Ивановичъ поднялъ глаза на факира, но Нариндра, махнувши еще разъ рукою въ знакъ про-

щальнаго привѣтствія, повернулся спиною къ оврагу и скрылся за дверью, черезъ которую Андрей Ивановичъ сегодня утромъ выходилъ на террасу, вслѣдъ за престарѣлымъ Анандрайей и Дайянандой.

— Случаются-ли у васъ такія вещи въ Европѣ?— спросилъ Рами-Сагибъ своего задумавшагося спутника, когда они шли обратною дорогой по лѣсу.

— Какъ вамъ сказать? Есть, конечно, любители чудеснаго и у насъ въ Европѣ. Они старательно собираютъ всевозможныя легенды въ этомъ родѣ. Существуетъ даже особый видъ литературы, занимающійся подобными предметами. Но, сколько мнѣ извѣстно, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ значительная доля чудесъ, о которыхъ трактуются въ этихъ писаніяхъ и легендахъ, ограничивается простымъ шарлатанствомъ. Я слышалъ много разсказовъ въ подобномъ родѣ, но до настоящаго времени лично никогда не испытывалъ ничего подобнаго.

— Однако, у васъ въ Европѣ были графъ Калиостро, Сень-Жерменъ...

— Да, но преобладающее мнѣніе о нихъ—только какъ о ловкихъ авантюристахъ и шарлатанахъ. Въ Европѣ смотрятъ на Востокъ, и въ особенности на Индію, какъ на страну чудесъ, на родину волшебниковъ и тауматурговъ.

— Вы раздѣляете этотъ взглядъ, мистеръ Гречоу?

— Да, мистеръ Рами, то, что я испыталъ лично съ перваго шага на Востокѣ, поневолѣ заставляетъ меня измѣнить свои взгляды на этотъ предметъ. Вы были очевидцемъ всего, что случилось сегодня, начиная съ необъяснимаго появленія Начайяна и оканчивая пророчествомъ девадасы и непонятною смертію тигра, которую, подобно вамъ, я готовъ приписать вмѣшательству Нариндры; но еще въ Портъ-Саидѣ я имѣлъ случай натолкнуться на явленіе въ подобномъ же родѣ.

И Андрей Ивановичъ разсказалъ Рами-Сагибу свое Портъ-Саидское приключеніе.

— Вы видите теперь, — продолжалъ онъ, — я имѣю право сказать, что съ перваго шага на Востокъ я попалъ въ атмосферу чудесъ, которыя преслѣдуетъ меня до настоящаго времени и, какъ кажется, еще возрастаютъ въ качествѣ и количествѣ.

— Ваше признаніе, мистеръ Гречоу, снимаетъ съ меня большую тяжесть.

— Тяжесть, мистеръ Рами?

— Да. Если вы, получившій вполнѣ европейское образованіе, вы, котораго въ дѣтствѣ и въ юности не окружало, не преслѣдовало на каждомъ шагу то, что вы называете атмосферою чудесъ, — если вы, несмотря на все это, готовы повѣрить во всѣ эти чудеса, — то представьте, каково было мнѣ постоянно испытывать двойственность, даже не двойственность, а еще болѣе испытывать антагонизмъ между всѣмъ тѣмъ, что я всосалъ съ молокомъ матери, что окружало и окружаетъ меня теперь, и тѣми положеніями науки, которыя я вынесъ изъ пятилѣтняго пребыванія въ Европѣ? Каждое явленіе подобнаго рода, съ какими я постоянно сталкиваюсь у себя на родинѣ, я старался объяснить съ точки зрѣнія этой европейской науки и, признаюсь вамъ со стыдомъ, явленія эти съ этой точки оставались для меня все время необъяснимыми. Напротивъ, на каждое положеніе науки я могъ привести сотни примѣровъ, которые шли въ разрѣзъ съ этими положеніями. Результатъ получился печальный: я не могъ вполнѣ вѣрить въ науку и не смѣлъ вѣрить тому, что открыто совершалось передъ моими глазами.

— Я вполнѣ понимаю васъ, мистеръ Рами, и сочувствую вамъ отъ души.

— Вотъ, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ правовѣрный индусъ, нетронутый европейской наукой, призналъ-бы, конечно, чудо, увѣровалъ-бы, что его совершилъ Нариндра, — но какъ совершилъ, какою силой — онъ не сталъ бы и обсуждать, такъ какъ само собою разумѣется, что чудо мо-

жетъ быть совершенно только чудесною силою, присущей мудрецамъ-отшельникамъ и факирамъ. У меня же при этомъ является непреодолимое желаніе объяснить явленіе естественными причинами, хотя, признаюсь, эти причины для меня непонятнѣе сверхъестественныхъ. Я подбираю слова: гипнотизмъ, внушеніе, магнетизмъ, истеченіе флюидической матеріи, — но развѣ это что-нибудь объясняетъ? А между тѣмъ, я смутно чувствую, что тутъ дѣйствуетъ простая естественная сила, но только такая сила, которая наукѣ еще неизвѣстна...

Пристыдилъ-ли Грачева этотъ упорный скептицизмъ сингалезца, такъ безкорыстно преданнаго европейской наукѣ, или онъ успѣлъ уже придти въ себя, но только послѣ этой фразы, какъ-будто вспомнивъ что-то, онъ сказалъ своему спутнику:

— А знаете, мистеръ Рами, въ самомъ дѣлѣ не мѣшало-бы повнимательнѣе осмотрѣть шкуру убитаго звѣря: быть можетъ, найдется рана, уколъ или что-нибудь въ этомъ родѣ...

— Что же, нѣтъ ничего легче. Вонъ стоятъ двое шинкарри,—спутники въ это время уже вышли на площадь и Рами-Сагибъ указалъ на двоихъ охотниковъ, вооруженныхъ длинными дугами и пучками легкихъ дротиковъ, — вотъ двое шинкарри: стоятъ только пообѣщать имъ рупію, они слѣзутъ въ пропасть, достанутъ трупъ тигра, снимутъ съ него шкуру и доставятъ ее вамъ въ цѣлости.

— Какъ вы думаете, мистеръ Рами, не послать-ли намъ эту шкуру Нариндрѣ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ на нее болѣе правъ, чѣмъ мы съ вами?

— Что-же, это вы прекрасно придумали, мистеръ Гречоу.

Рами-Сагибъ подозвалъ къ себѣ шинкарри и принялся толковать съ ними по своему. Всѣ трое горячо жестикулировали, безпрестанно указывая по направленію къ лѣсу. Андрей Ивановичъ постоялъ нѣсколько времени около нихъ и соскучился.

— Я пойду къ своему товарищу, — сказалъ онъ Рами-Сагибу.

— Да, да, мистеръ Гречоу, идите пока, — торопливо отвѣчалъ этотъ послѣдній, прерывая на мгновеніе горячее объясненіе съ шинкарри, — мнѣ нужно будетъ проводить ихъ въ лѣсъ и указать мѣсто, гдѣ лежитъ убитый тигръ. Вы, пожалуйста, ступайте къ своему товарищу, а я условлюсь съ ними... — И Рами-Сагибъ тотчасъ-же направился въ толпу индусовъ, стоявшихъ неподалеку, а Грачевъ пошелъ отыскивать Авдѣя Макаровича.

Пробираясь сквозь толпу, Андрей Ивановичъ передъ самымъ входомъ въ храмъ натолкнулся на тѣсный кружокъ мужчинъ и женщинъ, которые, поднимаясь на носки и цѣпляясь за плечи впереди стоявшихъ, жадно слѣдили за пляскою баядерокъ — *наии*. Даже терраса храма опустѣла. Брамины, прежде толпившіеся на ней и равнодушно смотрѣвшіе сверху на богомольцевъ, теперь тоже вмѣшались въ толпу и, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, пробились въ передніе ряды зрителей. Поднявъ глаза на опустѣвшую террасу, Андрей Ивановичъ невольно вздрогнулъ, замѣтивъ за одной изъ колоннъ знакомое голубое газовое покрывало, усыянное золотыми блестками. Въ то же мгновеніе отъ колонны отдѣлилось кудрявое блѣдное личико девадаси и ея огромные, горящіе внутреннимъ огнемъ глаза уставились прямо въ глаза Грачева. Казалось, она нарочно поджидала здѣсь молодого русскаго сагиба, потому что изъ подъ голубого газа немедленно появилась худая смуглая ручка и сдѣлала ему призывной жестъ.

Когда Грачевъ, растолкавъ толпу, взбѣжалъ на крыльцо храма, она вышла къ нему навстрѣчу, слегка нагнула его голову и стала дуть ему въ лобъ и волоса. Потомъ она положила свои почти дѣтскія руки къ нему на плечи, уперла въ его глаза свой горящій неподвижный взоръ и произнесла медленно, ломаннымъ англійскимъ языкомъ:

— Забудь все, что я тебѣ говорила. Судьба должна совершиться.

— Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ ты говорила?

— Это не я говорила. Кто-то другой говорилъ моими устами. Если-бъ я даже не хотѣла говорить, я все равно должна была-бы повиноваться. Но ты забудь, что я говорила.

— Къ чему это? Развѣ не все равно забуду-ли я или не забуду твои слова: вѣдь судьба совершится во всякомъ случаѣ?

— Не знаю. Такъ нужно.

— Послушай, ты упоминала тогда одно женское имя; повтори его мнѣ теперь. Я никакъ не могу его вспомнить.

Девадаси опустила глаза, сняла руки съ его плечъ и тихо прошептала:

— Я его забыла и ты долженъ забыть его.

— Я тебѣ не вѣрю. Ты просто не хочешь исполнить моей просьбы.

— Не обижай меня. Я дѣйствительно забыла. Я никогда не лгу. Притомъ... мнѣ такъ жаль тебя.

— И мнѣ тебя жаль.

Андрей Ивановичъ ласково взялъ обѣ ея крошечныя ручки и тихонько сжалъ въ своихъ ладоняхъ. Она снова подняла на него свои огромные глаза. Теперь въ нихъ уже не было ничего съумасшедшаго: они смотрѣли кротко и грустно.

— Это правда? Ты дѣйствительно меня жалѣешь?—спросила она какъ-то нерѣшительно.

— Да. Я самъ не знаю почему, но когда смотрю на тебя, мнѣ становится такъ грустно... Просто сердце сжимается, точно у меня отнимаютъ что-то дорогое, любимое.

— Я вѣрю этому. Это правда. Это такъ должно быть.

Девадаси снова опустила глаза въ землю и задумалась. Андрею Ивановичу казалось, что она къ чему-то прислушивалась. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Затѣмъ она снова подняла глаза на Грачева.

— Хочешь, чтобы я пришла къ тебѣ?—спросила она неожиданно.

Андрей Ивановичъ сначала растерялся и затруднился отвѣтомъ.

— Къ чему?—отвѣтилъ онъ вопросомъ послѣ минутнаго молчанія.

— Какъ хочешь. Я-бы пришла. Скажи, гдѣ ты живешь. Грачевъ назвалъ бунгало Рами-Сагиба.

— Жди меня завтра вечеромъ,—сказала она.—Какъ только солнце погрузитъ свой огненный шаръ въ прохладныя волны океана, я буду близъ тебя. Прощай.

— Нѣтъ, Рамисвати, — остановилъ ее Андрей Ивановичъ,—я хочу сохранить о тебѣ свѣтлую память. Не приходи ко мнѣ. Притомъ завтра я, вѣроятно, уже уѣду. Мнѣ жаль тебя, но намъ лучше не видаться.

Рамисвати закрыла лицо покрываломъ и отвернулась.

— Ты правъ,—печально сказала она черезъ нѣсколько времени,—намъ лучше не видаться. Ты не измѣнился за все это долгое время. Ты по прежнему отталкиваешь родную душу и рвешься къ чужой, какъ мотылекъ къ свѣту. Пройдутъ еще такіе же долгіе годы прежде, чѣмъ душа снова встрѣтитъ и узнаетъ свою утраченную половину и тогда...

— Что тогда?—спросилъ Андрей Ивановичъ, снова ласково сжимая между ладоней горячія руки дѣвушки и съ состраданіемъ вслушиваясь въ бредъ съумасшедшей девадаси.

— Тогда... тогда... Нѣтъ! Уходи! Оставь меня: духъ близко. Я не хочу, чтобы ты видѣлъ меня въ этомъ состояніи... Вотъ идетъ мой мучитель,—кинула она на поднимающагося по ступенямъ Ковинду-Суами.

Она высвободила свои руки и, кивнувъ еще разъ головкой, скрылась въ дверяхъ храма. Ковинда-Суами послѣдовалъ за нею.

Между тѣмъ приключеніе съ тигромъ произвело на площади большую сенсанцію, которая еще усилилась, когда изъ лѣса появился Рами-Сагибъ въ сопровожденіи носильщиковъ, торжественно тащившихъ шкуру убитаго тигра. За ними слѣдовала большая толпа народа, отчаянно жести-

кулировавшая и безпрестанно повторявшая: Гуру-гуру! Махатма! Нариндра!—При тщательномъ осмотрѣ великолѣпная шкура тигра оказалась совершенно цѣлою: нигдѣ ни малѣйшей ранки, ни одного ничтожнаго укола!

Нариндра, которому поднесена была эта шкура, поблагодарилъ за честь, но взять ее для собственнаго употребленія отказался.

— Факиру, который уже тридцать лѣтъ не знаетъ другого лежа, кромѣ голой земли и каменнаго пола,—сказалъ Нариндра, —поздно приучать свое тѣло къ ненужной роскоши. Онъ не хочетъ быть богаче только-что убитаго тигра: для него вполне достаточно его собственной шкуры.

Нариндра пожертвовалъ тигровую шкуру въ храмъ и она тотчасъ-же была разостлана у подножія статуи богини Парвати, и долго еще потомъ напоминала богомольцамъ, посѣщавшимъ храмъ, о чудѣ, совершенномъ великимъ махатмою Нариндрой.

XXIV.

Пропавшее письмо.

Поздно вечеромъ Рамп-Сагибъ въ сопровожденіи своихъ европейскихъ гостей воротился въ Рамунп. Дайянанда остался въ храмѣ Парвати, въ гостяхъ у Анандрайи. На прощанье оба брамина подарили Авдѣю Макаровичу какую-то огромную древнюю поэму, написанную на листьяхъ зонтичной пальмы, и этотъ подарокъ привелъ профессора въ такой восторгъ, что онъ въ продолженіе всей дороги не отставалъ ни на шагъ отъ рослаго сингалеzca, несшаго на головѣ ящикъ съ драгоценною рукописью, и все твердилъ, какой фуроръ произведетъ онъ въ Европѣ, воротившись съ такимъ манускриптомъ, подобнаго которому не имѣется ни въ одной изъ университетскихъ и даже академическихъ библіотекъ. Тогда Петербургскій университетъ, куда онъ передастъ свою драгоценную рукопись, можетъ смѣло гордиться передъ всѣми

учеными учрежденіями цѣлаго свѣта. Андрей Ивановичъ, погруженный въ собственныя размышленія, молча выслушивалъ восторженныя изліянія ученаго товарища и только передъ самымъ пріѣздомъ въ Рамуни напомнилъ Авдѣю Макаровичу о 318 алюминіевыхъ таблицахъ, долженствующихъ поступить въ бібліотеку Россійской Академіи Наукъ. Это напоминаніе имѣло дѣйствіе ушата холодной воды, вылитаго на голову увлекающагося профессора, и хотя онъ отъ времени до времени бормоталъ себѣ подъ носъ «однако» и «но все-же», но было очевидно, что восторгъ его уже значительно охладѣлъ.

Въ бунгало Рамп-Сагиба растерянно доложилъ своему господину, что «инглизи-сагибъ» пріѣхалъ передъ вечеромъ и, узнавши, что господина нѣтъ дома, расположился ждать его возвращенія, а въ ожиданіи приказалъ подать себѣ двѣ бутылки рому.

— И вотъ заключилъ онъ въ недоумѣніи, разводя руками и выворачивая бѣлки глазъ, — одна бутылка уже пустая, а другая приближается къ концу.

Завидя входящаго Рамп-Сагиба и его европейскихъ гостей, незнакомецъ грузно поднялся изъ-за стола и отрекомендовался — не столько Рамп-Сагибу, сколько его гостямъ.

— Эдвардъ Смитъ, эсквайръ изъ Манчестера, — проговорилъ онъ хриплымъ басомъ, поочереди переводя свои синіе очки отъ Авдѣя Макаровича къ Андрею Ивановичу. — Надоѣло шататься по Европѣ. Пріѣхалъ въ Индію. Говорятъ, чудеса. Посмотрю. Вѣроятно, джентльменамъ тоже наскучила Европа? Большая гостинница, сэръ, не больше. Все заранѣе извѣстно. Скучно. Жалѣю, что не пріѣхалъ раньше: принялъ-бы участіе въ вашей поѣздкѣ. Любопытно, что это за *demon-temple*. Не видалъ ни разу. Говорятъ, молятся на обезьянъ и прикладываются къ ихъ хвостамъ. Смѣшной народъ, сэръ, совсѣмъ дикій народъ. Завтра думаю съѣздить. Какъ вы полагаете, стоитъ?

Авдѣй Макаровичъ отвѣчалъ на это, что если мистеръ

Смитъ прѣхалъ сюда изучать Индію, то конечно стоитъ. Но дорога туда довольно затруднительна, такъ какъ храмъ расположенъ въ горной трущобѣ. Поэтому мистеру Смитъ придется довольно-таки потрудиться прежде, чѣмъ онъ туда доберется.

— Это меня не затруднить, сэръ. Со мной есть люди. Понесутъ въ портшезѣ.

— Подъемъ такъ крутъ, что это будетъ неудобно, — замѣтилъ Рами-Сагибъ.

— Въ такомъ случаѣ, сяду на шею какому-нибудь черному канальѣ: донесетъ! — рѣшилъ безцеремонно мистеръ Смитъ.

За ужиномъ онъ пробовалъ разспрашивать русскихъ путешественниковъ, кто они и съ какою цѣлью прѣхали на Цейлонъ. Но такъ какъ этотъ «инглизи—сагибъ» вовсе не внушалъ нашимъ пріятелямъ ни симпатіи, ни довѣрія, къ тому-же, благодаря утомительному путешествію и разнообразнымъ приключеніямъ дня, они чувствовали довольно сильную усталость, то на всѣ свои вопросы мистеръ Смитъ получалъ отъ нихъ сухіе, односложные отвѣты, и только Рами-Сагибъ, не смотря на явное пренебреженіе, которое оказывалъ ему англичанинъ, старался, по обязанности хозяина, поддерживать съ нимъ разговоръ. Впрочемъ, къ концу ужина мистеръ Смитъ занялся преимущественно спиртными напитками и наши пріатели не могли не удивляться громадному количеству рома и джину, какое этотъ «знатный иностранецъ» успѣлъ поглотить въ весьма короткое время. Что касается индійскихъ слугъ, прислуживавшихъ за столомъ, и самого Рами-Сагиба, то они, благодаря своей обычной умѣренности, положительно съ ужасомъ смотрѣли, какъ мистеръ Смитъ безостановочно глоталъ полные стаканы спирта, способные свалить съ ногъ любого сингалезца, и все-таки оставался цѣлъ и невредимъ.

На другой день, когда послѣ торжественнаго церемоніала, посвященнаго утреннему омовенію, наши путешественники

вышли изъ своей комнаты, мистера Смита уже не было въ бунгало Рами-Сагиба: онъ еще до свѣта отправился въ храмъ Парвати.

— Удивительный человѣкъ этотъ мистеръ Смитъ, — сказалъ Рами-Сагибъ, разводя руками и показывая свои великолѣпные зубы, — почти всю ночь онъ сидѣлъ здѣсь за столомъ, пилъ ромъ и гонялъ своихъ людей въ разныя стороны съ какими-то порученіями, а утромъ, чуть-свѣтъ, уже уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись.

— Кажется, вы, мистеръ Рами, не особенно много потеряли отъ этого, — замѣтилъ, посмѣиваясь Авдѣй Макаровичъ.

— Да, не особенно, — согласился Рами. — Признаюсь, онъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. По моему мнѣнію, мистеръ Смитъ — очень тяжелый человѣкъ. Въ немъ есть что-то двуличное, фальшивое, какъ-будто онъ что-то скрываетъ и въ тоже время что-то хочетъ выпытать. Напримѣръ, онъ нѣсколько разъ принимался разспрашивать меня, не знаю-ли я, кто изъ мѣстныхъ браминовъ лучшій знатокъ древняго санскритскаго языка, и не знаю-ли я ученаго пундита, на котораго ему указывали въ Европѣ и котораго, къ сожалѣнію, онъ забылъ, какъ зовутъ: Нуреддинъ, Нург-али, Нарг-али — словомъ, что-то вродѣ этого... Я думаю, джентльмены, что онъ намекалъ на Нарайяна.

— Я тоже думаю, — замѣтилъ Андрей Ивановичъ. — Что же вы ему отвѣчали?

— Мнѣ показались подозрительными его подходы изда-лека. И притомъ повторяя свои «Нург-Али» и «Нарг-Али», онъ такъ хитро и зорко смотрѣлъ на меня сквозь свои очки, что я сказалъ себѣ: онъ хорошо знаетъ настоящее имя, но хочетъ заставить меня проболтаться. Поэтому я отвѣчалъ, что знаю только одно похожее имя и указалъ ему Нариндру.

— Это что-то не спроста, мистеръ Рами, — замѣтилъ Авдѣй Макаровичъ, потирая переносье.

— Вы думаете? Мнѣ тоже кажется.

— Но если сдѣлается извѣстно, зачѣмъ мы сюда пожаловали, за нами навѣрно будутъ слѣдить сыщики и мы, пожалуй, совершенно безъ всякаго умысла наведемъ ихъ на слѣдъ Нарайяна.

— Развѣ вы говорили еще кому-нибудь о цѣли вашей поѣздки?

— Кромѣ васъ никому. Но кромѣ васъ объ этомъ знаютъ Дайянанда, Анандрайя, Нариндра.

— На этихъ можно положиться вполне. Они не выдадутъ.

— Но, можетъ быть, разговоръ объ этомъ слышали другіе браминны и служители храма,—замѣтилъ Грачевъ.— Нѣтъ, какъ хотите, мистеръ Рами, мой товарищъ правъ: намъ нужно немедленно и какъ можно скорѣе ѣхать въ Пагоръ и въ Магабанпуръ, пока цѣль нашей поѣздки еще неизвѣстна полиціи. Поэтому, будьте любезны, не удерживайте насъ долѣе и возвратите намъ письмо мистера Грешама, которое должно служить намъ рекомендаціей.

— Помилуйте, мистеръ Сименсъ! Вы непременно должны погостить у меня.

— Да, да, мистеръ Рами,—подтвердилъ Авдѣй Макаровичъ:—пожалуйте письмо. Оно необходимо.

— Извольте, джентльмены,—согласился Рами,—если такъ необходимо, я не смѣю васъ удерживать. Вотъ вамъ письмо...

Но письма не оказалось. Напрасно Рами-Сагибъ обыскалъ всѣ карманы своего смокинга,—письмо исчезло. Позвали дворецкаго, допросили слугъ. Одинъ изъ послѣднихъ заявилъ, что, когда онъ убиралъ посуду послѣ завтрака, то видѣлъ на столѣ какую-то бумагу и, полагая, что она можетъ быть нужна, оставилъ ее на томъ же мѣстѣ. Другой слуга заявилъ, что когда онъ подавалъ ромъ мистеру Смиту, то на столѣ никакой бумаги уже не видѣлъ.

— Вотъ, мистеръ Рами,—сказалъ Андрей Ивановичъ,—видите теперь, почему этотъ Смитъ спрашивалъ васъ о Нуръ-Али и Нуръ-Эдинъ?

— Да... И кромѣ того, мнѣ понятно теперь, почему онъ чѣмъ свѣтъ уѣхалъ въ храмъ Парвати: онъ, вѣроятно, рассчитывалъ захватить его тамъ.

— Въ такомъ случаѣ, скорѣе, скорѣе, мистеръ Рами, давайте намъ лошадей! Намъ нужно немедленно ѣхать!

— Да будьте любезны, напишите намъ рекомендательное письмо къ Нарайяну,—добавилъ осторожный Андрей Ивановичъ.

Черезъ полчаса легкая банди, запряженная уже не бычками, а парюю бойкихъ лошадокъ, поднималась въ гору, къ станціи желѣзной дороги.

Красивый стройный сингалезецъ съ орлинымъ носомъ и великолѣпною дамскою прической такъ ретиво погонялъ лошадей, безпрестанно посвистывая и похлопывая бичемъ, что путешественники обѣими руками должны были держаться за сидѣнье, чтобы не вылетѣть изъ экипажа, и не смотря на все это, Авдѣй Макаровичъ ухитрился еще держать у себя на колѣняхъ тяжелый ящикъ съ драгоценной рукописью, писанной на листахъ зонтичной пальмы и подаренной ему браминами храма Парвати.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

С Ф И Н К С Ъ.

Tolluntur in altum, ut lapsu graviores ruant.

I.

Въ дорогѣ.

The times is money — говоритъ англійская пословица. Поэтому, дорожа временемъ, мы не будемъ описывать путешествія нашихъ героевъ отъ Цейлона до Магабанпура въ Пагорѣ, горной области, лежащей у подошвы высочайшихъ вершинъ Гималай. Достаточно знать, что въ этомъ пути имъ пришлось проѣхать черезъ всю Индію съ юга на сѣверъ, отъ благословенныхъ долинъ тропическаго Цейлона почти вплоть до холоднаго Ягистана. Пусть читатели сами вообразятъ себѣ картины природы, которыя послѣдовательно проходили передъ глазами нашихъ друзей во время ихъ пути по Цейлону, Бенгальскому заливу и далѣе — на сѣверъ по Индостану. Пусть они представятъ себѣ аллеи кокосовыхъ деревьевъ, которыя, по словамъ индійской поэмы, «не могутъ жить вдали отъ звука человѣческаго голоса»; воздушные мостики изъ тростниковыхъ пальмъ, перекинутые черезъ ручьи и рѣчки; пески около Коломбо, скрѣпленные «великою бородою Рамы»; ходящихъ по суху окуней; угрюмыхъ низкорослыхъ веддовъ, поклоняющихся чортѣ, devol-уака (откуда видно, что и слово «дьяволъ» заимствовано изъ Индіи); пусть затѣмъ они во-

образятъ себѣ ярко-бирюзовыя волны бурнаго Бенгальскаго залива, съ его вѣчно спокойными, недоступными никакому волненію, площадями грязной воды, разсѣянными здѣсь и тамъ, какъ будто затѣмъ, чтобы корабли, во время бури, могли отстаиваться на нихъ въ открытомъ морѣ такъ же хорошо, какъ въ спокойной, со всѣхъ сторонъ защищенной гавани. Пусть фантазія нарисуетъ имъ, какъ, приближаясь темною ночью къ дельтѣ мутнаго Ганга и далѣе поднимаясь вверхъ по священнымъ волнамъ великой индійской рѣки, наши путешественники встрѣчали приближавшіеся къ нимъ огоньки, слабо мерцавшіе, покачивавшіеся на черныхъ волнахъ и вдругъ исчезающіе подъ водою: это благочестивые индуцы, окончившіе свое житейское поприще, совершали, со сложенными руками и горящей свѣчей на груди, свое послѣднее странствованіе по волнамъ священнаго Ганга, уносившаго ихъ въ далекій невѣдомый міръ... Чтобы описать все это, нужно, подобно Вирупакшѣ *), остановить солнце и заставить сѣдое время сложить свои быстрыя крылья, потому что жизни человѣческой мало на этотъ трудъ.

Но мы видимъ, что, вопреки нашему намѣренію, чудеса волшебной страны даже помимо нашего желанія сами напрашиваются къ намъ подъ перо. Поэтому, чтобы не дать воли сему послѣднему, ибо *tardum dictu est*, — какъ говоритъ Плиній, — мы пропускаемъ описаніе Калькутты, роскошь Esplanade-Hôtel'я, свиданіе нашихъ путешественниковъ съ мистеромъ Крауфордъ, и переходимъ прямо къ тому моменту, когда оба героя, сидя въ вагонѣ North-Indian-Railway, мчались на сѣверъ по долинѣ священнаго Ганга къ далекимъ предгоріямъ Гималай.

Много городовъ уже осталось за ними, еще болѣе развалинъ промелькнуло предъ ихъ глазами по обѣ стороны дороги. Иныя изъ этихъ послѣднихъ тянулись на многія мили и составляли неоцѣнимый кладъ для археолога, для художника,

*) Вирупакша—индійскій Іисусъ Навинъ.

наконецъ, для историка, которъй вздумалъ бы изучать по нимъ слѣды древней, почти исчезнувшей культуры Индіи. Авдѣй Макаровичъ жадно смотрѣлъ на нихъ изъ окна вагона очами ученаго и мечталъ вслухъ:

— Эхъ, кабы время да мѣсто, да средствъ побольше! Взялъ-бы съ собой художника-фотографа, да и занялся-бы подробнымъ описаніемъ всѣхъ этихъ чудесъ, которыя, быть можетъ, уже скоро рука невѣжества и равнодушія смететь совѣмъ съ лица земли... Потомъ порыться бы хорошенько въ лѣтописяхъ, да собрать изустныя преданія и легенды, да вмѣстѣ съ тѣмъ описаніемъ составить-бы хорошую культурную исторію Индіи,—вотъ это было бы дѣло, на которое не жалъ положить цѣлой жизни! А то что мы дѣлаемъ? Только небо коптимъ! Такъ-то, коллега... Да вы что такъ задумались? Чай-поди ничего не слыхали, о чемъ я говорилъ?

Въ самомъ дѣлѣ, со времени приключеній въ храмъ Парвати, Андрей Ивановичъ сталъ сильно задумываться. Часто по цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ, устремивъ глаза на одну точку, погруженный почти въ полудремотное состояніе. Въ головѣ его проходили воспоминанія о приключеніяхъ на островѣ Опасномъ, припоминалась во всѣхъ подробностяхъ ночь, проведенная у гробницы жреца, среди обломковъ его статуи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ таинственнаго изваянія (изваянія-ли?) божественной дѣвы, образъ которой повторялся столько разъ въ видѣ статуй и барельефовъ въ Лѣсномъ и Нагорномъ храмахъ острова. Затѣмъ его мысль переходила къ страннымъ приключеніямъ въ Портъ-Сандъ и потомъ въ храмъ Парвати. Но всего болѣе она останавливалась, минуя чудеса махатмы Нариндры, на таинственныхъ, непонятныхъ предсказаніяхъ «съ умасшедшей баядерки», девадаси Рамисвати. Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ ея рѣчей въ его памяти осталось только странное ощущеніе, испытанное имъ въ то время, когда горячая рука девадаси лежала на его рукѣ, и ея жгучіе глаза, казалось, глядѣли ему прямо въ душу. Впрочемъ, онъ помнилъ, что Рамисвати такъ живо описала мѣст-

ность острова Опаснаго, какъ будто сама жила тамъ когда нибудь, и при этомъ даже назвала имя таинственной дѣвы, составлявшей святыню Нагорнаго храма; но ни этого имени, ни дальнѣйшихъ ея предсказаній онъ не могъ припомнить, какъ ни старался объ этомъ.

— Я спрашиваю: о чемъ вы задумались? — повторилъ Авдѣй Макаровичъ, когда Грачевъ, точно пробужденный отъ глубокаго сна, поднялъ на него глаза.

— Отгадайте!

— *Davus sum, non Oedipus.* Кто васъ знаетъ, коллега, о чемъ вы можете думать! Я вотъ думаю объ этой странѣ, по которой мы мчимся почти съ быстротою вѣтра, и мнѣ все кажется, что я вижу здѣсь давнымъ-давно забытую родину... Право, батенька, кромѣ шутокъ, я испытываю ощущеніе человѣка, котораго въ дѣтствѣ украли цыгане, и который потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, случайно попалъ въ родной городъ и встрѣчаетъ на каждомъ шагу давно знакомыя и родныя лица, воспоминанія дѣтства внезапно встаютъ передъ нимъ, ему кажется, что все это когда-то онъ видѣлъ, но гдѣ и когда?—вотъ вопросы, которыхъ разрѣшить онъ не въ состояніи. На самомъ дѣлѣ, посмотрите кругомъ: видите эти островерхіе терема, эти широкіе куполы, высокія колокольни? Чѣмъ это не Москва, спрашиваю я васъ? Иной разъ, приближаясь къ какому-нибудь городу, я нарочно закрываю глаза и потомъ, когда поѣздъ примчится въ самый городъ, я вдругъ открываю ихъ, и мнѣ кажется тогда, что я внезапно очутился на площади, близъ московскаго кремля, или въ другомъ старинномъ русскомъ городѣ, вродѣ Тулы или Ярославля, о которыхъ говорили прежде «нашъ городокъ—Москвы уголокъ».

Авдѣй Макаровичъ остановился, взглянулъ на Грачева и, замѣтивъ, что тотъ тоже смотритъ на него и, повидимому, слушаетъ, продолжалъ свою лекцію.

— Затѣмъ, вслушайтесь только, батенька, въ названія урочищъ, городовъ, рѣкъ, горъ, ручьевъ, и вы услышите

знакомые, родственные звуки. Вотъ, напримѣръ, Наскатпуръ, городъ отрѣзанныхъ носовъ: *насъ*—носъ, *катъ*—палачъ, *пуръ*, можетъ быть, протопилъ словъ *burg, mur, tur...* Вотъ видите эти темносинія полосы на склонахъ горъ? Это лѣса гималайскихъ кедровъ. А знаете, какъ они здѣсь называются? *Дивадари*—даръ дива, т. е. даръ Божій. Вотъ эта пограничная земля, окраина, называется *Канти*: кажется, комментаріи здѣсь излишни, такъ какъ мы оба уроженцы страны, гдѣ выпущки и *канти* играютъ довольно-таки важную роль... Затѣмъ, вы помните, какъ зовутъ здѣсь баядерокъ? Вы знаете, что ихъ два класса. Къ первому принадлежатъ баядерки изъ высшихъ кастъ, жрицы храмовъ, гдѣ онѣ и живутъ постоянно по близости отъ боговъ, которымъ посвящены. Поэтому ихъ зовутъ *девадаси*—данныя, отданныя диву, т. е. посвященные Богу. Корни этого слова сразу понятны русскому уху: диво и дать. Названіе другого класса баядерокъ еще понятнѣе: ихъ зовутъ просто—*наши*! Этого нечего ужъ и объяснять: тѣ божьи, а эти—наши. Онѣ не живутъ въ храмахъ, а только участвуютъ въ религіозныхъ церемоніяхъ; онѣ поютъ и пляшутъ для толпы богомольцевъ, для насъ, онѣ всеѣмъ доступны и поэтому онѣ наши.

— Въ самомъ дѣлѣ это поразительное сближеніе,—замѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Это еще что! Вонъ, видите, индусы пахутъ свои поля: спросите, какого они племени, какой касты? Это, скажутъ вамъ, честнѣйшіе люди, готовые лучше умереть, чѣмъ обмануть кого-бы то ни было: это—*пахари*! Что же это за пахари? Да просто—пахари, т. е. люди, пахущіе землю!

— Надѣюсь, Авдѣй Макаровичъ, что вы не захотите увѣрить меня, что шинкарри—тоже, что наши шинкари, т. е. содержатели шинковъ?

— Зло, очень зло! Ну, коллега, я замѣчаю, вы всегда готовы мнѣ подставить ножку въ моихъ научныхъ увлеченіяхъ... Однако, я вамъ не уступаю. Вотъ здѣсь прямо на сѣверъ, около горнаго прохода, лежитъ крѣпость Гуръ-Дваръ.

— Знаю! Училъ еще въ географіи, что это значитъ: горная дверь.

— Ага! Ну, а область, въ которую мы ѣдемъ, Пагоръ? Что такое Пагоръ? Она лежитъ по склону горы, по горѣ— вотъ вамъ и Пагоръ! Это все равно, какъ Померанія: что такое Померанія? А просто Померанія, поморье,—а нѣмцы передѣлали по своему, въ Померанію, и получилась безсмыслица.

— Однако, добрѣйшій Авдѣй Макаровичъ, вы, кажется, не столько ориенталистъ, сколько панславистъ...

— Пусть будетъ по вашему... *Cogitationis nemo patitur!* Но я васъ еще добью. Цѣль нашего путешествія—городокъ Магабанпуръ. Пуръ—мы уже знаемъ, что значитъ. Разберемъ, что такое Магабанъ? *Магабанъ* значитъ—великій, многоводный источникъ. *Мага* — *magnus*, великій многій. А знаете, что называется по церковно-славянски *банею* пакибытія? Крещеніе, погруженіе въ воду! Баня—вода... Скажите же теперь пославянски, вмѣсто Магабанъ, многа баня,—вотъ вамъ и перевода не надо... А вотъ и станція *Наги-Девты*: отсюда намъ нужно ѣхать въ горы уже верхомъ на лошадяхъ... А знаете, что такое Наги-Девты? Это значитъ: нагіе боги, боги-змѣи. Змѣи, вѣдь, голыя, нагія. Вотъ вамъ и еще знакомые звуки... Такъ-то, коллега! И это здѣсь на каждомъ шагѣ...

II.

Мага Кришна.

Черезъ два дня утомительнаго путешествія верхомъ по извилистымъ горнымъ тропинкамъ, наши путешественники выбрались наконецъ на обширную горную плоскость Пагора и глазамъ ихъ представился древній городъ Магабанпуръ, нѣкогда столица независимаго государства, а въ настоящее время мѣстопробываніе раджи, получающаго пенсію отъ англійскаго правительства и управляющаго своею областью

по указаніямъ англійскаго резидента. При первомъ взглядѣ на высокія колокольни, золотые куполы, луковицеобразныя главы, островерхія вызолоченныя или пестро раскрашенныя крыши зданій, виднѣвшіхся изъ-за зубчатыхъ стѣнъ, наши герои подумали, что видятъ передъ собою московскій кремль. Авдѣй Макаровичъ даже хотѣлъ спросить: гдѣ-же церковь Василя Блаженнаго? а Андрей Ивановичъ все искалъ глазами Москву-рѣку и куполъ храма Спасителя. Но иллюзія продолжалась недолго. Высокія снѣжныя горы на заднемъ планѣ и отсутствіе крестовъ надъ куполами и главами храмовъ скоро заставили ихъ вспомнить, что они видятъ передъ собой не московскій кремль, а тотъ самый городъ, который показывалъ имъ на стѣнѣ храма Парвати факирь Нариндра.

Темнокожій и толстогубый санталъ, все время бѣжавшій впереди ихъ поѣздки въ качествѣ проводника, повернулъ влѣво отъ Магабанпура. Долгое время они ѣхали вслѣдъ за нимъ вдоль зубчатыхъ стѣнъ и причудливыхъ башенъ города, любясь сказочною пестротой его построекъ. Наконецъ городъ остался назади и дорога пошла снова то среди голыхъ скалъ, только мѣстами покрытыхъ скудною растительностью, то вдоль дремучихъ кедровыхъ лѣсовъ, тянувшихся по скатамъ горъ почти вплоть до снѣговой черты, выше которой, ослѣпляя глаза, сверкали на безоблачномъ небѣ своими вѣчными льдами снѣжныя горныя вершины.

Прошло еще около двухъ часовъ утомительнаго пути. Дорога зигзагами стала спускаться подъ гору, на дно глубокой долины. Порой, далеко внизу, подъ ногами путешественниковъ, въ голубомъ туманѣ неожиданно сверкнула серебристая лента рѣки, темнѣли рощи тропическихъ растеній, прихотливо раскиданныя среди ярко-зеленыхъ луговъ и полей, и также неожиданно весь этотъ чарующій ландшафтъ надолго скрывался за какимъ-нибудь выступомъ скалы, какъ будто затѣмъ, чтобы путешественники лучше могли оцѣнить

его красоту, сравнивая его съ бѣдностью окружающей ихъ горной природы.

Горныя вершины на сѣверномъ склонѣ поднимались все выше, какъ будто хотѣли загородить все небо; дорога продолжала спускаться внизъ и съ каждымъ поворотомъ ея свѣжій горный воздухъ Пагорскаго плоскогорья болѣе и болѣе уступалъ теплomu тропическому дыханію все еще невидимой долины. Но ея близость уже чувствовалась на каждомъ шагу: уступы скалъ все гуще и гуще покрывались ковромъ плющей и вьющихся растеній, между камнями пестрѣли яркіе благовонные цвѣты, у самой дороги потянулись непроходимые кустарники, сплошь осыпанные роскошными бѣлыми, пунцовыми и желтыми розами, наполнявшими воздухъ своимъ опьяняющимъ ароматомъ. Передовой санталъ сорвалъ двѣ розы: бѣлую и желтую и воткнулъ ихъ себѣ—одну за правое, другую за лѣвое ухо; потомъ онъ выбралъ двѣ роскошнѣйшихъ пунцовыхъ розы и взялъ ихъ стеблями въ ротъ такимъ образомъ, что могъ свободно, на ходу, наслаждаться ихъ благоуханіемъ. Въ полномъ удовольствіи онъ обернулъ къ путешественникамъ свое смѣющееся лицо и, указывая на розы, какъ будто приглашалъ ихъ послѣдовать своему примѣру. Другой санталъ, бѣжавшій около вьючныхъ лошадей, нарвалъ два большихъ букета чудесныхъ розъ и, заливаясь веселымъ смѣхомъ, подаль ихъ европейскимъ сагибамъ.

— Какой веселый народъ эти санталы! — замѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Да, постоянно скалять зубы, точно хотятъ похвалиться, что они у нихъ такіе здоровые и бѣлые,—промолвилъ Авдѣй Макаровичъ.

— Но какія роскошныя, крупныя розы!

— Великолѣпныя, батенька! Такихъ у насъ не найдешь ни въ одной теплицѣ! Да и то сказать! вѣдь мы приближаемся теперь къ отечеству соловья и розы.

— Конечно, вы говорите о знаменитой Кашмирской долинѣ?

— О ней, батенька, о ней. Она, положимъ, тамъ еще за горами, но и эта, кажется, ей не уступить... Взгляните-ка, коллега, сонъ то въ руку!

Послѣдній утесъ, загораживавшій видъ на долину, отодвинулся въ сторону и передъ глазами путешественниковъ, во всемъ своемъ великолѣпнѣ, освѣщенный золотисто-розовыми лучами вечерняго солнца, открылся волшебный ландшафтъ, обрывки котораго, сквозившіе черезъ промежутки утесовъ, уже давно возбуждали восхищеніе нашихъ героевъ. Прямо передъ ними, на переднемъ планѣ, рисовалась раскинутая среди густой разнообразной зелени на небольшомъ возвышеніи та самая группа причудливыхъ, пестро-раскрашенныхъ зданій, храмовъ и башенъ, съ позолоченными куполами и кровлями, тѣсно прижавшимися другъ къ другу и окруженными невысокою зубчатою стѣною, — которую они уже видѣли на стѣнѣ храма Парвати. Все здѣсь до мельчайшихъ подробностей было имъ знакомо, все это они видѣли прежде. Они даже не вѣрили собственнымъ глазамъ: имъ казалось, что они все еще продолжаютъ грезить и сейчасъ явится факиръ Нариндра, дунетъ въ лицо, и видѣніе разсѣется безъ слѣда, какъ миражъ въ пустынѣ Аравіи... Изъ этихъ грезъ ихъ вывелъ веселый возгласъ сантала.

— Кришну! Мага Кришну! — кричалъ онъ, оборачиваясь къ нашимъ путешественникамъ и роняя свои розы на пыльную дорогу.

— Это храмъ Кришны? — спросилъ Авдѣй Макаровичъ.

— Кришну! Мага Кришну! — продолжалъ кричать санталь, сверкая своими бѣлыми зубами и указывая то правой, то лѣвой рукой на группу зданій, уже окрашенную ярко-красными лучами заката.

Лошади прибавили шагу. До заката солнца нужно было непременно добраться до храма, такъ какъ санталы ни за что не рискнули-бы провести ночь подъ открытымъ небомъ въ этой долинѣ, изобилующей тиграми и другими

опасными звѣрями. Переправившись въ бродъ по каменистому ложу ручья, маленькій караванъ поднялся на возвышенный берегъ, между кустами цвѣтущихъ розъ и магнолій, и остановился у запертыхъ воротъ храма.

Старый, сѣдой привратникъ, выглянувшій на стукъ изъ небольшого оконца, продѣланнаго въ воротахъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на путешественниковъ и не двигался съ мѣста. Напрасно оба сантала и Авдѣй Макаровичъ повторяли ему имя Мартана-Суами и протягивали письмо Рами-Сагиба: онъ продолжалъ молча смотрѣть на нихъ, переводя глаза отъ одного къ другому и внимательно разглядывая каждую мелочь въ ихъ костюмѣ и вооруженіи и въ убранствѣ ихъ верховыхъ лошадей. Наконецъ, вѣроятно, удовлетворившись предварительнымъ осмотромъ, онъ отодвинулся отъ окошка и дернулъ за висѣвшую по близости веревку. Раздался слабый звонъ колокола и вскорѣ затѣмъ послышался звукъ торопливыхъ шаговъ по вымощенному двору храма. вмѣсто смуглой сѣдобородой фізіономіи привратника, изъ оконца выглянуло молодое безусое лицо. Авдѣй Макаровичъ снова повторилъ, что онъ и его товарищъ, русскіе путешественники, пріѣхали съ Цейлона съ письмомъ къ Мартану Суами. Затѣмъ, для возбужденія большаго довѣрія, онъ упомянулъ имена Дайянанды, Анандрайи и махатмы Нариндры. Но прежде, чѣмъ молодой человѣкъ, выглядывавшій въ оконце, успѣлъ что-нибудь отвѣтить, на дворѣ, позади воротъ, раздался старческій повелительный голосъ, отдававшій какое-то приказаніе. Мгновенно безусое лицо исчезло, оконце захлопнулось, загремѣли тяжелые запоры и ворота широко распахнулись, открывая путешественникамъ доступъ на дворъ храма.

Когда наши герои вошли въ ворота, имъ прежде всего бросилась въ глаза величественная фигура стараго брамина, стоявшаго впереди небольшой группы людей, толпившихся на нижнихъ ступеняхъ широкой лѣстницы, которая поднималась къ массивнымъ рѣзнымъ дверямъ храма. Почтенный

браминъ, опершись на высокій посохъ, пристально разсматривалъ неожиданныхъ гостей своими черными, блестящими глазами. Спрыгнувъ съ лошади, Авдѣй Макаровичъ подошелъ къ нему и, въ третій разъ повторивъ свою рекомендацію, подалъ письмо Рами-Сагиба.

— Сагибъ ошибся, — сказалъ браминъ, взглянувъ на письмо и нахмурившись: — это письмо не ко мнѣ: меня зовутъ Мартанъ-Суами, а не Нарайянъ.

Письмо Рами-Сагиба дѣйствительно было адресовано на имя Нарайяна. Нужно было начинать новыя объясненія. Авдѣй Макаровичъ разсказалъ, что они прѣхали сюда въ надеждѣ, что мистеръ Мартанъ передастъ это письмо лицу, которому оно адресовано. Во время рѣчи Семенова браминъ недовѣрчиво смотрѣлъ то на письмо, то на обоихъ путешественниковъ. Наконецъ онъ рѣшительно возвратилъ письмо Авдѣю Макаровичу.

— Не будемъ объ этомъ говорить, сагибъ, — сказалъ онъ съ хитрою улыбкой. — Быть можетъ, вы гдѣ-нибудь сами потомъ найдете этого человѣка. Но теперь на дворѣ ночь и вы мои гости, а гостей посылаютъ боги. Добро пожаловать! Переночуйте здѣсь, а завтра начинайте свои поиски.

— Но гдѣ же мы будемъ искать, если вы отказываетесь намъ помочь? — спросилъ обезкураженный Авдѣй Макаровичъ.

Браминъ только пожалъ плечами и жестомъ пригласилъ слѣдовать за собою. Въ это время Андрей Ивановичъ вспомнилъ о запискѣ съ адресомъ Нарайяна, полученной такимъ чудеснымъ образомъ на сеансѣ у Нариндры. Онъ тотчасъ же вынулъ бумажникъ, досталъ этотъ лоскутокъ и подалъ брамину. Едва браминъ взглянулъ на поданную записку, какъ лицо его выразило крайнее изумленіе.

— Откуда сагибъ взялъ эту записку? — спросилъ онъ, останавливаясь на верхней ступенькѣ лѣстницы.

— Мы получали ее отъ Махатмы Нариндры, живущаго

при храмѣ богини Парвати,—поспѣшилъ отвѣтить Авдѣй Макаровичъ.—Если мистеръ Мартанъ будетъ такъ любезенъ, что прочитаетъ письмо Рами-Сагиба, то онъ узнаетъ, какимъ образомъ это случилось.

Авдѣй Макаровичъ снова протянулъ Мартану письмо Рами. Браминъ нѣсколько мгновений смотрѣлъ въ раздумьи то на Авдѣя Макаровича, то на письмо, то на записку, очевидно не рѣшаясь, взять ли письмо или нѣтъ. Наконецъ онъ рѣшился.

— Хорошо, я прочитаю, — сказалъ онъ съ особенной интонаціей въ голосѣ, пряча письмо за пазуху своей рясы.— Добро пожаловать.

III.

Нарайянъ Гаутама Суами.

Вслѣдъ за Мартаномъ, наши герои вошли въ довольно большую, продолговатую залу съ бѣлыми мраморными стѣнами. Два широкихъ окна, выходившихъ въ садъ, освѣщали комнату розовыми лучами заката, весело игравшими на гладкихъ полированныхъ стѣнахъ. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ изъ темнаго кедра. Нѣсколько стульевъ и широкіе мягкіе диваны вдоль стѣнъ довершали меблировку комнаты.

— Добро пожаловать,—повторилъ еще разъ Мартанъ и стукнулъ своимъ посохомъ въ полъ.

Тотчасъ же въ залу вошла толпа темнокожихъ санталовъ; двое изъ нихъ покрыли бѣлымъ коленкоромъ два стула, другіе двое разостлали на столѣ бѣлую скатерть, третьи поставили на скатерть большой узорчатый досторханъ, на которомъ были насыпаны горой разнообразныя сласти, стояли вазы съ вареньемъ, нѣсколько стакановъ и высокій, узкогорлый хрустальный графинъ съ водою.

Мартанъ пригласилъ своихъ гостей занять стулья, нарочно для нихъ покрытые коленкоромъ, приказалъ поднести имъ

досторханъ съ сластями и тогда уже сѣлъ самъ. Когда оба гостя съ трудомъ проглотили по ложкѣ варенья и запили его глоткомъ воды, думая про себя, что рюмка водки съ кускомъ ветчины или жирной семги были бы несравненно умѣстнѣе, чѣмъ эти сласти, такъ какъ варенье въ подобныхъ случаяхъ возбуждало у нихъ только тошноту, Мартанъ снова обратился къ нимъ съ вопросомъ, какимъ образомъ они получили отъ Нариндры записку съ адресомъ того человѣка.

Авдѣй Макаровичъ подробно разсказалъ, съ какою цѣлью оба они пріѣхали сюда изъ Европы, какъ Дайянанда и Рами-Сагибъ привели ихъ въ храмъ Парвати, какъ Анандрайя проводилъ ихъ затѣмъ къ факиру Нариндрѣ и какъ этотъ послѣдній вызвалъ передъ ними на стѣнѣ храма появленіе Магабанпура, храма Кришны и наконецъ фигуру Нарайяна, которую они не только видѣли вблизи, но даже говорили съ ней и получили изъ рукъ ея записку съ его адресомъ. Браминъ, слушая внимательно разсказъ Авдѣя Макаровича, кивалъ время отъ времени головою, какъ будто желая этимъ выразить свое полное довѣріе. Чудо Нариндры, повидимому, не произвело на него особеннаго впечатлѣнія, и онъ слушалъ о немъ, точно ему разсказывали о самой обыкновенной вещи.

По окончаніи разсказа, браминъ вынулъ изъ-за пазухи письмо Рами и записку съ адресомъ Нарайяна и еще разъ разсмотрѣлъ то и другое.

— Хорошо,—сказалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія. — Подождите меня здѣсь; я, быть можетъ, найду человѣка, который знаетъ адресъ того, кого вы ищете.

— Нарайянъ здѣсь, — шепнулъ Авдѣй Макаровичъ, когда Мартанъ вышелъ изъ зала.

— Да. Но вопросъ: покажутъ ли намъ его?

— Покажутъ! Ваша записка произвела сильное впечатлѣніе. Я увѣренъ, что Мартанъ отправился переговорить съ Нарайяномъ и передастъ ему письмо Рами.

— Хорошо, если бы это была правда. Тогда мы были бы у берега...

— Т-съ! Кажется, кто-то идетъ по корридору... Нѣтъ, я ошибся. Но, однако, ужасно хочется заморить червяка... Эти горныя прогулки, да еще вдобавокъ верхомъ, чрезвычайно возбуждаютъ аппетитъ. Очень, очень не дурно было бы теперь закусить...

— Кто же вамъ мѣшаетъ?—усмѣхнулся Андрей Ивановичъ, пронически кивнувъ на столъ.

— Ну, ужъ это, батенька, прошу покорно! По моему это просто варварство—угощать на тощій желудокъ подобными рвотными снадобьями. Право, меня тошнить при одномъ взглядѣ на эти сласти. То-ли дѣло у насъ, на матушкѣ-Руси: сейчасъ бы явилась и водочка, и селедочка, и балычекъ янтаренькій, и семушка румяненъкая — что твоя красная дѣвица... Эхъ, просто слюнки текутъ!

— Постойте: на этотъ разъ дѣйствительно кто-то идетъ по корридору, — остановилъ размечтавшагося профессора Андрей Ивановича.

Оба прислушались. Черезъ нѣсколько мгновений дверь отворилась и вошелъ Мартанъ. Остановившись на мгновение у двери, онъ снова пытливо оглядѣлъ своихъ гостей; потомъ, стуча посохомъ, перешелъ черезъ залу и сѣлъ рядомъ съ ними у стола.

— Прошу,—поклонился онъ, указывая на досторханъ.

— Много довольны,—отвѣтилъ съ комичною гримасой Авдѣй Макаровичъ.—Въ жизни, мистеръ Мартанъ, больше горькаго, чѣмъ сладкаго, больше горестей, чѣмъ радостей;—поэтому мы, какъ мудрецы, предпочитаемъ *«горькую»* сладкому.

— Въ первый разъ встрѣчаю такихъ мудрецовъ,—сказалъ улыбаясь браминъ.

— А ваши отшельники? — попробовалъ вывернуться Семеновъ.

— Наши отшельники, сагибъ, соблюдаютъ умѣренность

въ пищу и питье. Они не употребляютъ изысканныхъ яствъ, чтобы не обременять желудокъ, не пьютъ опьяняющихъ напитковъ, чтобы не разстраивать здоровье и не затемнять свой умъ. Но ни одинъ изъ нихъ не станетъ жевать горькій ревенъ, вмѣсто сладкаго плода шелковицы или каштана. Впрочемъ, это дѣло вкуса... Сагибъ извинить старику его старческое брюзжаніе.

— Помилуйте, мистеръ Мартанъ, гдѣ же тутъ брюзжаніе? Напротивъ—то, что вы высказали относительно отшельниковъ, очень интересно. Пріятно слышать, что есть такіе отшельники, которые не отказываются отъ сладенькаго... Наши отшельники, на примѣръ, считая лакомство грѣхомъ, предпочитаютъ простую грубую пищу.

— Сагибъ меня не такъ понялъ, но это все равно. Отъ нашего спора ни ваши, ни наши отшельники не сдѣлаются святы. Я хотѣлъ вамъ сказать, что видѣлъ человѣка, который знаетъ нужный вамъ адресъ.

— И что же, этотъ человѣкъ можетъ намъ его сообщить?—спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Сагибъ, онъ мнѣ не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Но онъ высказалъ желаніе васъ видѣть и, если вы хотите съ нимъ познакомиться, то я васъ къ нему провожу.

— Будьте такъ добры, мистеръ Мартанъ.

— Ведите, ведите, батенька. Вы насъ обяжете.

Браминъ жестомъ пригласилъ своихъ гостей слѣдовать за собой и вышелъ изъ зала. Началось странствованіе по длиннымъ запутаннымъ корридорамъ, напоминавшее нашимъ героямъ подобную же прогулку въ храмъ Парвати. Но здѣсь была та разница, что мистеру Мартану не предшествовали свѣченосцы и въ темныхъ корридорахъ нашимъ путешественникамъ пришлось идти ощупью, почти держась за платье великаго брамина. Наконецъ Мартанъ отворилъ дверь и наши герои вошли вслѣдъ за своимъ вожатымъ въ продолговатую залу, всю залитую розовыми лучами заката. Ученый скворецъ, висѣвшій въ клѣткѣ у самой двери,

привѣтствовалъ ихъ именемъ Кришны. Но наши путешественники уже не разъ встрѣчали въ Индіи подобныхъ птицъ, повторявшихъ имя Кришны, которому онѣ были посвящены; поэтому, взглянувъ мелькомъ на клѣтку, они занялись осмотромъ комнаты. Несмотря на мраморныя стѣны и высокіе лѣнные своды, она представляла что-то среднее между кельей монаха и кабинетомъ ученаго: письменный столъ, покрытый бумагами и раскрытыми книгами, нѣсколько полокъ съ книгами по стѣнамъ, книги и бумаги на полу, на окнахъ, на столахъ, стоящихъ между окнами, — все это свидѣтельствовало объ ученыхъ занятіяхъ ея обитателя, а простой деревянный диванъ или скорѣе продолговатый сундукъ, жесткое деревянное изголовье и грубая циновка изъ пальмовыхъ листьевъ, замѣнявшая постель, указывали на его монашескія наклонности. Объ этихъ же наклонностяхъ говорило и остальное убранство комнаты, ея голыя стѣны, простые деревянные столы, жесткіе стулья, некрашенныя полки для книгъ. Но за то передъ окнами кельи находилась такая масса роскошнѣйшихъ цвѣтовъ, что имъ могла позавидовать любая оранжерея Европы. Среднее окно доходило до самаго пола и замѣняло дверь на террасу, всю потонувшую въ цвѣтахъ. Андрей Ивановичъ подошелъ къ двери и остановился изумленный и обрадованный.

— Посмотрите, посмотрите, — обернулся онъ на мгновеніе къ Авдѣю Макаровичу, — вѣдь это мистеръ Нарайянь.

Авдѣй Макаровичъ взглянулъ черезъ плечо Грачева и также обрадовался.

— Онъ, онъ, батенька, — заторопился профессоръ, вытаскивая своего товарища на террасу и слѣдуя за нимъ. — Это самъ мистеръ Нарайянь.

Дѣйствительно, это былъ мистеръ Нарайянь. Между цѣлыми тысячами другихъ лицъ они узнали бы это блѣдное овальное лицо, красиво очерченный лобъ и большіе задумчивые глаза, которые въ настоящее время были устремлены

на нихъ, въ то время какъ привѣтливая улыбка играла на губахъ, полускрытыхъ коротенькими усами. Такъ же, какъ и на террасѣ Нариндры, вечерній вѣтеръ тихо играетъ концами бѣлой повязки, служащей чалмою молодому пундиту, и длинные вьющіеся волосы падаютъ на вышитый жемчугомъ воротникъ его сѣраго шелковаго полукафтана съ золотыми застѣжками, украшенными крупными жемчужинами. Остальной костюмъ совершенно тотъ же: тѣ же бѣлыя шелковыя шальвары, тѣ же желтыя вышитыя туфли съ узкими концами и такъ же въ рукахъ у него книга, но только теперь онъ держитъ ее за спиною.

— Мистеръ Нарайянь, — сказалъ Андрей Ивановичъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу молодому пундиту, — вы, конечно, прочитали уже письмо вашего друга, Рами-Сагнба, и знаете, что двое русскихъ — я и мой товарищъ, профессоръ Семеновъ — пріѣхали въ Индію нарочно затѣмъ, чтобы видѣть васъ?

— Да, мистеръ Гречоу, — раздался тотъ самый голосъ, который они уже слышали издалека; теперь онъ звучалъ вблизи, но тотъ самый, — я прочиталъ это письмо и если не привѣтствовалъ васъ какъ должно, то только потому, что старался вспомнить, гдѣ я васъ раньше видѣлъ?

— Вѣроятно, тамъ же, гдѣ и мы видѣли васъ, мистеръ Нарайянь, — вмѣшался Авдѣй Макаровичъ.

— Въ Англіи?

— Нѣтъ, на террасѣ Нариндры, въ храмѣ богини Парвати, на Цейлонѣ.

— Такъ это правда, что пишетъ Рами?

— Совершенная правда.

— Пусть будетъ такъ. Позвольте же васъ привѣтствовать, джентльмены, въ моей отшельнической кельѣ и повторить вамъ тѣ слова, которыя, какъ пишетъ Рами, я уже сказалъ вамъ на террасѣ храма Парлати: «друзья мистера Грешама — мои друзья». Мнѣ не чуждъ европейскій обычай, потому что я нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Англіи; поэтому

я съ удовольствіемъ пожму вашу руку, мистеръ Гречоу, и вашу также, D-r Obadia Simens.

— Мы были увѣрены, что вы радушно примете насъ, мистеръ Нарайянъ, — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Но какъ трудно было до васъ добраться!

— Что дѣлать, сагибъ? Я нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что мнѣ приходится прятаться, какъ затравленному звѣрю въ лѣсной чащѣ. Друзья ходатайствуютъ за меня въ Англіи, но здѣсь голова моя оцѣнена... Но позвольте, джентльмены! Вы только что сдѣлали длинный и трудный путь ради моей недостойной особы, вы конечно устали и голодны... Отецъ мой, — обратился онъ къ Мартану, но великій браминъ не далъ ему договорить.

— Все готово, мой сынъ, — сказалъ онъ, улыбаясь, — я уже распорядился, чтобы все было исполнено, что предписываютъ священные законы гостепріимства. Но я полагалъ, что наши гости не будутъ въ состояніи спокойно утолить голодъ и отдохнуть, пока не разрѣшатъ своихъ сомнѣній...

— И вы были совершенно правы, мистеръ Мартанъ, — сказалъ весело Андрей Ивановичъ: — послѣ вашего предложенія начинать наши поиски съизнова мы, вѣроятно, не особенно пріятно провели бы сегодняшнюю ночь.

— Да, да, — засмѣялся Мартанъ, добродушно кивая головою: — я это зналъ... я это зналъ, сагибъ... Но теперь милосердые боги безъ сомнѣнія пошлютъ вамъ хорошій аппетитъ и затѣмъ пріятную ночь. Прошу васъ пожаловать за мною: я провожу васъ туда, гдѣ вамъ приготовили ужинъ и постели. Нарайянъ пойдетъ вмѣстѣ съ нами.

IV.

У ж и н ъ.

Между тѣмъ солнце закатилось. Розовые тоны неба быстро потемнѣли и келья Нарайяна погрузилась въ совершенную темноту. Почти ощупью отыскавъ дверь, Мар-

танъ снова вывелъ своихъ гостей въ корридоръ и затѣмъ въ совершенномъ мракѣ повелъ ихъ по безчисленнымъ, перепутывающимся переходамъ. Держась за платье своего путеводителя, шли наши герои, едва не тычася носами отъ усталости и съ трудомъ удерживая зѣвоту.

— Ау, батенька,—посмѣивался профессоръ, подслушавъ порой слишкомъ глубокій вздохъ Андрея Ивановича, — наши за Волгой спать.

— Должно быть, спать, Авдѣй Макаровичъ,—отвѣчалъ Грачевъ,—потому что мнѣ ужасно хочется спать.

— Какъ это вы, мистеръ Мартанъ, не запутаетесь въ этихъ темныхъ корридорахъ? — спросилъ любопытный профессоръ.

— Еще-бы запутаться мистеру Мартану, когда онъ живетъ въ храмѣ Кришны слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ,—отозвался шедшій сзади Нарайянъ.

— Не слишкомъ шестьдесятъ,—поправилъ Мартанъ,—а цѣлыхъ семьдесятъ: меня принесли сюда двухлѣтнимъ ребенкомъ и съ тѣхъ поръ я почти не выходилъ изъ храма, кромѣ непродолжительныхъ поѣздокъ въ Магабанпуръ, по дѣламъ храма.

— Вы были сирота, мистеръ Мартанъ?

— Да... почти. Отецъ мой служилъ браминомъ при этомъ же храмѣ, а мать жила въ сосѣдней деревнѣ. Она умерла, когда мнѣ не было еще полныхъ двадцати мѣсяцевъ отъ роду. Оставшись вдовцомъ, отецъ посвятилъ меня Кришнѣ, а самъ ушелъ въ лѣсъ и сдѣлался отшельникомъ.

— И вы съ тѣхъ поръ его не видали?

— Нѣтъ, онъ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ каждый годъ приходилъ сюда на одинъ день, чтобы повидать меня. Онъ разспрашивалъ, что я дѣлалъ въ теченіе года, чему научился, какъ велъ себя; потомъ, преподавъ мнѣ нѣсколько наставленій и совѣтовъ, онъ снова уходилъ въ лѣсъ и я не видалъ его въ продолженіе цѣлаго года. Я видѣлъ его, когда въ послѣдній разъ, слишкомъ сорокъ

лѣтъ тому назадъ, онъ приходилъ проститься со мною, передъ путешествіемъ на рѣку Гангъ, которое дѣлаетъ всякій благочестивый индусъ, желающій ввѣрить свои останки волнамъ священной рѣки... Ну, вотъ мы и дошли, сагибы. Прошу пожаловать!

Они вошли въ ту же комнату, въ которой Мартанъ потчивалъ ихъ досторханомъ, но теперь эта комната совершенно измѣнила свой видъ. Авдѣй Макаровичъ, опасавшійся, что подъ фразой «все, что предписываютъ законы» Мартанъ подразумѣваетъ варенье и сласти, взглянулъ на столъ и успокоился. Комната была освѣщена четырьмя свѣтильниками, поставленными въ углахъ на круглыхъ мраморныхъ подставкахъ, имѣвшихъ видъ зубчатыхъ башенъ съ плоскими кровлями. Кромѣ того, на столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью, стояло тоже четыре серебряныхъ канделябра съ толстыми восковыми свѣчами. Столъ былъ накрытъ на четыре прибора и вполне по европейски. Середину стола занимала весьма внушительная группа разнообразныхъ бутылокъ, содержимое которыхъ дало поводъ Авдѣю Макаровичу насмѣшливо прищуриться въ сторону великаго брамина. По обѣ стороны двери неподвижно стояли двѣ группы темныхъ санталовъ съ салфетками, тарелками, блюдами, чашами и другими подобнаго рода предметами въ рукахъ.

Замѣтилъ-ли Мартанъ насмѣшливый взглядъ Авдѣя Макаровича или самъ нашелъ нужнымъ оправдать далеко не отшельническій характеръ ужина, но только, подойдя къ столу, онъ сказалъ своимъ гостямъ:

— Я уже предвидѣлъ, что сагибъ Сименсъ въ этомъ изобиліи винъ найдетъ поводъ пошутить надъ нами и, быть можетъ, даже осудить насъ. Но я увѣренъ, что при ближайшемъ знакомствѣ онъ убѣдится, что всѣ эти предметы европейской роскоши мы имѣемъ не для себя, а для пріема тѣхъ инглизи-сагибовъ, отъ которыхъ въ настоящее время почти зависитъ наше существованіе. Дѣло въ томъ, сагибъ,

что разъ или два въ годъ нашъ храмъ посѣщаетъ и иногда гоститъ въ немъ недѣли по двѣ нашъ свѣтлѣйшій и высочайшій магараджа Синга-Раджа, въ сопровоженіи полковника Блекпуля, безъ совѣта котораго онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага. Свѣтлѣйшій магараджа, къ несчастію, такъ любитъ европейскіе обычаи, что даже не щадитъ своего здоровья... Весьма часто изъ-за стола его приходится уносить на рукахъ и укладывать въ постель, какъ малаго ребенка. Чтобы не навлечь на себя гнѣва свѣтлѣйшаго магараджи и его гостей, мы принуждены держать у себя не только вина, но и карты и еще много другихъ вещей, на которыя такъ падокъ ко вреду своего здоровья всякій инглизи-сагибъ... Теперь, сагибы, ворчунъ-старикъ кончилъ свое ворчаніе и надѣется, что вы простите ему эту старческую слабость...

— Помилуйте, мистеръ Мартанъ,— началъ-было Авдѣй Макаровичъ, но великій браминъ не далъ ему окончить.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Я уже замѣтилъ, что сагибы не походятъ на ингризи-сагибовъ. Не угодно-ли сагибамъ, по нашему обычаю, передъ трапезой омыть себѣ руки?

— Конечно, конечно!— согласился Авдѣй Макаровичъ.

— Было-бы не дурно и совсѣмъ съ дороги умыться,— замѣтилъ Андрей Ивановичъ.

Великій браминъ сдѣлалъ знакъ и къ нашимъ героямъ подошла кучка санталовъ, вооруженная всеми принадлежностями омовенія. Обрядъ этотъ совершался здѣсь довольно торжественно. Пока двое санталовъ держали на вѣсу широкую плоскую мѣдную чашу, въ формѣ раковины, третій лилъ надъ нею на руки умывающагося воду изъ высокаго узкогорлаго кувшина съ замѣчательно красивой чеканкой, а четвертый на вытянутыхъ горизонтально рукахъ держалъ бѣлое пушистое полотенце, вышитые концы котораго спускались почти до земли. Интереснѣе всего было то, что каждому изъ четырехъ сотрапезниковъ при обрядѣ омо-

венія прислуживала другая группа санталовъ, слѣдовательно, понадобилось всего шестнадцать человѣкъ прислуги для того, чтобы четыре сагиба умыли себѣ руки... Впрочемъ, Андрей Ивановичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы освѣжить себѣ лицо и шею и хотъ немного смыть съ себя дорожную пыль. Авдѣй Макаровичъ послѣдовалъ его примѣру, хотя сомнѣвался въ душѣ, не нарушаетъ-ли онъ этимъ обряда или правилъ индѣйской вѣжливости...

Какъ бы то ни было, обрядъ омовенія былъ конченъ, шестнадцать санталовъ съ чашами, кувшинами и полотенцами выбрались изъ комнаты, оставивъ въпрочемъ у двери еще порядочную толпу своихъ товарищей, готовыхъ прислуживать сагибамъ во время ужина. Великій браминъ пригласилъ русскихъ сагибовъ пожаловать къ столу. Они должны были, согласно установленному церемоніалу, сѣсть на тѣхъ же, покрытыхъ бѣлымъ коленкоромъ, стульяхъ и Авдѣй Макаровичъ не утерпѣлъ, чтобы не шепнуть подъ сурдинку своему товарищу, что ихъ сажаютъ на коленкоръ вѣроятно, затѣмъ, чтобы они не пачкали мебели своимъ пыльнымъ платьемъ... Едва усѣвшись за столъ, Мартанъ снова всталъ, налилъ вина въ плоскую рюмку и обмакнувъ въ нее пальцы, брызнулъ ими направо, налево, вверхъ и внизъ, произнося слова молитвы.

— Огню, землѣ, водѣ и небу,—перевелъ вполголоса Авдѣй Макаровичъ.

Затѣмъ Мартанъ, не переставая читать свою молитву, снова обмакнулъ пальцы въ рюмку, побрызгалъ ими вокругъ себя и наконецъ остатки вина вылилъ на полъ.

— Богамъ и духамъ неба, земли, воды и преисподней,—снова пояснилъ профессоръ.

Когда жертвоприношеніе было кончено, оба брамина принялись усердно потчивать своихъ гостей *chef-d'oeuvre* ами индѣйской кухни, въ изобиліи разставленными на столѣ. Несмотря на то, что рисъ и пряности составляли существеннѣйшую часть всѣхъ этихъ блюдъ, гости не заставили

себя просить и сдѣлали имъ честь съ аппетитомъ голодныхъ людей, сдѣлавшихъ въ теченіе дня отличный моціонъ на чистомъ горномъ воздухѣ. Особенно понравился имъ пилавъ изъ дичи, который они такъ расхвалили, что предупредительный амфитріонъ заставилъ ихъ съѣсть двойную порцію этого блюда. Хотя за ужиномъ брамины пили только одну воду, но это не мѣшало имъ потчевать своихъ гостей отличнымъ хересомъ, а въ концѣ ужина, когда появилось замороженное шампанское, они даже себѣ разрѣшили нарушить обѣтъ воздержанія и, чокнувшись, по англійскому обычаю, выпили полные бокалы за здоровье русскихъ сагибовъ.

Выждавъ, когда проголодавшіеся гости нѣсколько удовлетворили свой аппетитъ, Нарайянъ заговорилъ о давно уже интересовавшемъ его предметѣ.

— Въ письмѣ Рами-Сагиба, — сказалъ онъ, обращаясь къ Андрею Ивановичу, — упоминается, что вы привезли съ собою письмо мистера Грешама?

— Да. Мистеръ Грешамъ былъ такъ любезенъ, что далъ мнѣ рекомендательное письмо. Въ немъ онъ указываетъ на васъ и проситъ мистера Рами сообщить вашъ адресъ.

— Если это не затруднитъ васъ, сагибъ Гречоу, мнѣ доставило бы большое удовольствіе взглянуть на письмо мистера Грешама, который всегда былъ такъ добръ ко мнѣ. Это письмо у васъ?

— Къ несчастью, мистеръ Нарайянъ, его у меня нѣтъ.

— Слѣдовательно, оно осталось у Рами-Сагиба.

— Я передалъ его Рами-Сагибу, но...

— Онъ потерялъ его?

— Хуже, мистеръ Нарайянъ: кажется, оно попало въ дурныя руки.

— Въ дурныя руки? — встревожился Нарайянъ. — Какъ это случилось?

Андрей Ивановичъ рассказалъ о пропажѣ письма, совпавшей съ неожиданнымъ посѣщеніемъ Рами-Сагиба Эдвар-

домъ Смитомъ, эсквайромъ изъ Манчестера. Онъ не скрылъ также о невыгодномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него этотъ Смитъ. Особенно подозрительны ему казались его распросы о пундифъ Нурреддинѣ, о которыхъ передалъ ему Рами.

— Это — сыщикъ, — рѣшительно сказалъ Мартанъ, внимательно вслушиваясь въ рассказъ Андрея Ивановича, — сагибы поступили очень неосторожно.

— Но, мистеръ Мартанъ, — замѣтилъ Авдѣй Макаровичъ, — въ письмѣ Грешама не было и не могло быть адреса мистера Нарайяна.

— Но зато было указаніе на него. Въ письмѣ было сказано, что сагибы пріѣхали изъ Европы нарочно затѣмъ, чтобы видѣться съ Нарайяномъ. Сагибы полагаютъ, что ловкій сыщикъ не съумѣетъ воспользоваться этимъ указаніемъ? Нѣтъ ничего легче, сагибы: ему стоило только слѣдить за вами.

— Вы правы, мистеръ Мартанъ. Это соображеніе пришло въ голову еще въ то самое утро, когда мы только что хватились письма. Именно оно заставило насъ поторопиться уѣхать отъ Рами-Сагиба до возвращенія мистера Смита изъ храма Парвати.

— Но за вами могъ слѣдить кто нибудь изъ товарищей этого Смита.

— Весьма возможно... Но пока мы скакали въ банди до станціи желѣзной дороги, мы могли свободно видѣть, что за нами никто не гнался. Затѣмъ на поѣздѣ было только два европейца, я и мой товарищъ...

— Но Смитъ могъ телеграфировать, — настаивалъ Мартанъ.

— И это приходило намъ въ голову. Но нигдѣ мы не видѣли ни одной подозрительной личности, никто не слѣдилъ за нами не приставалъ къ намъ съ распросами до самой станціи Наги-Девты.

— А на этой станціи?

— На этой станціи мы наняли лошадей въ Магабапуръ. Только подѣзжая къ Магабанпuru, мы объявили проводникамъ, что намъ нужно ѣхать собственно въ храмъ Мага Кришну...

— Мнѣ кажется,—сказалъ въ раздумѣ Нарайянъ,— что мы можемъ быть покойны. Самое большее, что можетъ выйти изъ пропажи письма мистера Грешама, это то, что меня будутъ искать въ Магабанпурѣ, а такъ какъ въ Магабанпурѣ никто не знаетъ, что я здѣсь, то этимъ все и ограничится. Я увѣренъ, что въ храмъ Парвати никто не рѣшился бы сообщить моего адреса этому Смиту.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — подтвердилъ Авдѣй Макаровичъ.— Но скажите, пожалуйста, мистеръ Нарайянъ, что навлекло на васъ такое преслѣдованіе со стороны правительства?

— Развѣ сагибъ не знаетъ еще этой исторіи?

— Почти. Друзья мистера Нарайяна такъ осторожны, что ихъ даже неловко и спрашивать, а обращаться съ подобнымъ вопросомъ къ незнакомымъ мы находили опаснымъ.

— Благодарю за осторожность. Исторія собственно очень проста. Въ Калькуттѣ, въ двухъ шагахъ отъ Royal Place, былъ старинный храмъ Индры, въ которомъ находился весьма древній истуканъ Вишну, въ видѣ Каненки, то есть небесной лошади. Этотъ истуканъ привлекалъ множество богомольцевъ. Толпы ихъ даже затрудняли движеніе какъ по Royal Place, такъ и по сосѣднимъ улицамъ. Кромѣ того храмъ былъ очень старъ и нужно сознаться, не совсѣмъ красивъ, — а главное, мѣсто, — занимаемое имъ, понадобилось одному изъ важныхъ правительственныхъ чиновниковъ, который вздумалъ выстроить тутъ свой дворецъ. Въ виду этого правительство нашло, что храмъ стоять не у мѣста, и сдѣлало распоряженіе перенести его на окраину города, въ одинъ изъ кварталовъ, занятыхъ исключительно туземцами. Собственно говоря, съ точки зрѣ-

нія людей образованныхъ, противъ этого распоряженія ничего нельзя возразить. Молиться Богу можно на любомъ мѣстѣ и подъ открытымъ небомъ даже еще лучше, чѣмъ въ какомъ-нибудь зданіи; храмъ, предназначенный для туземцевъ конечно, и долженъ находиться тамъ, гдѣ живутъ эти туземцы. Наконецъ, на самомъ дѣлѣ не удобно, когда цѣлыя тысячи грязныхъ, полунагихъ богомольцевъ толпятся на лучшихъ улицахъ европейской части города и затрудняютъ движеніе по нимъ до того, что порой невозможно проѣхать мимо храма.

— Сынъ мой очень хорошо усвоилъ точку зрѣнія людей образованныхъ,—замѣтилъ Мартанъ съ замѣтной ироніей.

— Отецъ мой, я всегда старался быть безпристрастнымъ,—отвѣтилъ скромно Нарайянъ.—Теперь я буду говорить о другой точкѣ зрѣнія. Для простого народа недоступна отвлеченная идея; безтѣлесный образъ ему понятенъ только тогда, когда онъ прикованъ къ извѣстному мѣсту, воплощенъ въ тѣлесныя формы. Поэтому онъ такъ дорожитъ внѣшними знаками и символами и такъ привязывается къ какому-нибудь изображенію или мѣсту, гдѣ оно находится, что эти послѣднія для него составляютъ *все*, то есть за внѣшностью онъ уже перестаетъ видѣть внутреннее содержаніе.

— Можетъ быть, онъ сливаетъ ихъ въ одно цѣлое?—замѣтилъ Мартанъ.

— Какъ-бы то ни было, народъ настолько привязанъ къ своимъ стариннымъ храмамъ и къ своимъ древнимъ идоламъ, что готовъ защищать ихъ до послѣдней крайности, хоть бы для этого пришлось пролить рѣки крови.

— Вы правы, мистеръ Нарайянъ, — сказалъ Андрей Ивановичъ, — слѣпой фанатизмъ невѣжественныхъ массъ всегда былъ причиной жесточайшихъ кровопролитій.

— И вотъ, именно желая предупредить возможность подобнаго кровопролитія, я отправился къ вице-королю Индіи и объяснилъ ему, что прямымъ слѣдствіемъ расхо-

ряженія правительства о сломкѣ храма Индры, по моему мнѣнію, должно быть возмущеніе многочисленныхъ поклонниковъ этого храма.

— Что же отвѣчалъ вамъ вице-король?—спросилъ Авдѣй Макаровичъ.

— Онъ высокомерно улынулся и сказалъ сквозь зубы, что правительство можетъ не только настоять на исполненіи своихъ распоряженій, но и жестоко наказать виновныхъ, которые бы вздумали ему противиться. Такимъ образомъ я ушелъ ни съ чѣмъ. Но предчувствіе меня не обмануло: на другой день утромъ, едва только рабочіе успѣли сбросить первый сломанный камень со стѣны храма, вспыхнуло возмущеніе. Рабочіе были перебиты, отрядъ полицейскихъ, явившійся для ихъ защиты, подвергнулся той же участи. Были вызваны войска и цѣлыхъ три дня на площади передъ храмомъ и въ сосѣднихъ улицахъ происходило кровопролитіе. Наконецъ, защитники заперлись въ храмѣ, рѣшившись лучше погибнуть, чѣмъ уступить свою святыню невѣрнымъ. Конечно, всѣ они были перебиты безъ жалости, когда послѣ долгой осады, войска, наконецъ, ворвались во внутренность храма. Впрочемъ, они и не просили пощады...

— Но вы, мистеръ Нарайянь? Какую роль вы играли въ этой исторіи? — спросилъ Андрей Ивановичъ. — Вѣдь вы не участвовали въ возмущеніи?

— Конечно, нѣтъ.

— Въ чемъ же васъ обвиняетъ правительство?

— Меня обвиняютъ не болѣе и не менѣе, какъ въ возбужденіи бунта противъ правительства. Нашлись люди, которые засвидѣтельствовали, что видѣли меня передъ самымъ началомъ бунта говорящимъ народу зажигательныя рѣчи и подстрекающимъ его къ возмущенію.

— Но вы не говорили такихъ рѣчей?

— Я дѣйствительно говорилъ съ народомъ, но я убѣждалъ его не противиться распоряженіямъ правительства и разойтись.

— Въ такомъ случаѣ за что же васъ преслѣдуетъ правительство?

— Правительство вѣрить моимъ обвинителямъ.

— Но вы можете доказать, что васъ оклеветали.

— Это невозможно, сагибъ. Во-первыхъ, всѣ тѣ, съ кѣмъ я говорилъ передъ началомъ бунта, были потомъ перебиты, а во-вторыхъ если-бы кто-нибудь изъ нихъ и остался въ живыхъ, имъ не повѣрили-бы англійскіе чиновники, такъ какъ меня обвиняютъ агенты правительства, а противъ нихъ свидѣтельство туземцевъ безсильно.

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Друзья хлопчатъ за меня въ Англию. Если имъ не удастся добиться для меня оправданія, то они надѣются выхлопотать по крайней мѣрѣ амнистію... А впрочемъ, я теперь въ Пагарѣ: въ крайнемъ случаѣ отсюда легко эмигрировать куда мнѣ вздумается, въ Европу или въ Америку.

Между тѣмъ ужинъ кончился и, такъ какъ было уже поздно, брамины пожелали своимъ гостямъ покойной ночи и ушли, представивъ въ ихъ распоряженіе широкіе диваны, въ качествѣ постелей.

V.

Утренній церемоніаль.

Свѣжій утренній вѣтерокъ, пробираясь сквозь тяжелыя складки темныхъ занавѣсей, холодной волной вливался въ теплую атмосферу залы. Вслѣдъ за вѣтромъ, украдкой между тѣхъ же складокъ пробирались туда блѣдные лучи разсвѣта и, благодаря имъ, мало по малу изъ полутьмы выступили на свѣтъ широкіе низкіе диваны, стоявшіе вдоль гладкихъ мраморныхъ стѣнъ, и по срединѣ залы—нѣсколько стульевъ съ высокими рѣзными спинками и покрытый бѣлой скатертью, громадный длинный столъ съ узорчатымъ подносомъ, на которомъ стояли узкогорлый хрустальный кувшинъ съ водою и двѣ высокія вазы съ вареньемъ. Вблизи оконъ, на двухъ

отдѣльныхъ диванахъ видѣлись двѣ спящія фигуры. Вскорѣ одна изъ нихъ зашевелилась и ежась, отъ ощущенія утренняго холода, поднялась на своемъ ложѣ.

Это былъ профессоръ.

— Андрей Ивановичъ! ау? — окликнулъ онъ своего товарища, освобождаясь отъ бѣлаго бумажнаго платка, которымъ имѣлъ привычку на ночь обвязывать себѣ голову.

Андрей Ивановичъ завозился на своемъ диванѣ и принялся закутываться съ головой въ короткую простыню.

— Вставайте, батенька, пора! — продолжалъ профессоръ. — Въ Костромѣ доспите.

— А? Что такое—въ Костромѣ?—отозвался Грачевъ, услышавъ имя родимаго города.

— Говорю: въ Костромѣ доспите.

— Развѣ уже поздно?

— Поздно — не поздно, а холодно... да и за дѣло пора.

— И то—что-то свѣжо... Брѣ! какъ холодно однако! — поднялся Андрей Ивановичъ, поджимая голыя ноги.

— Ну, ничего, коллега: не замерзнете. Днемъ будете съ избыткомъ вознаграждены.

— Въ томъ-то и бѣда, что съ избыткомъ... По мнѣ лучше-бы ужъ весь день была такая же температура.

— Что вы, батенька! Да тогда всѣ наши темнокожіе друзья заболѣли бы воспаленіемъ легкихъ.

Въ дверь залы послышался легкій стукъ.

— Войдите, — откликнулся Авдѣй Макаровичъ.

Дверь безъ шума отворилась и въ залу вошелъ Нарайянъ своею неслышною походкою. Изъ-за его спины выглянуло нѣсколько темнокожихъ и сейчасъ же скрылось въ глубинѣ корридора.

— Мнѣ послышалось, что вы уже проснулись, господа, — сказалъ пундितъ, прикрывая ротъ концемъ своего кисейнаго тюрбана.

— Доброе утро, мистеръ Нарайянъ!

— Очень холодное утро, сагибъ.

— Такъ вы поэтому ротъ себѣ прикрываете?

— Совѣтовалъ бы и вамъ наблюдать такую же осторожность.

— Что вы, мистеръ Нарайянъ! Вы забываете, что мы—сѣверные люди, привыкшіе къ снѣгу и льду...

— Но непривыкшіе къ такимъ рѣзкимъ переходамъ отъ дневного жара къ ночному холоду... Я пришелъ узнать, гдѣ вы предпочитаете умываться, — здѣсь или отправитесь взять ванну? Но предупреждаю васъ, господа, что вода очень холодна.

— Ну, въ такомъ случаѣ. —протянулъ профессоръ.— Какъ вы думаете, коллега?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Грачеву.

— Конечно, —торопливо отвѣчалъ Андрей Ивановичъ, ежась отъ холода,—умоемся лучше здѣсь.

Нарайянъ оборотился къ двери и хлопнулъ раза два или три въ ладоши. Въ ту же минуту въ залу вошла цѣлая процессія черномазыхъ и толстогубыхъ санталовъ: двое переднихъ несли узкіе и высокіе мѣдные кувшины съ водой, кунганы, двое слѣдующихъ—двѣ широкихъ плоскихъ чаши, двое другихъ—высокіе табуреты; затѣмъ, остальные пары несли мыло, зубныя щетки, гребни, губки, бумажныя и шерстяныя полотенца. Войдя въ залу, толпа раздѣлилась на двѣ равныя половины и затѣмъ одна половина, гуськомъ, двинулась къ профессору, другая, въ томъ же порядкѣ къ Грачеву. Выходило что-то напоминающее арабскія сказки.

Оба друга сначала смотрѣли съ удивленіемъ на приближавшуюся къ нимъ процессію, а потомъ единодушно расхохотались. Дѣйствительно, забавно было смотрѣть, съ какою торжественною серьезностью, желая сохранить подобающую случаю важность, двигались широколицыя санталы, вышагивая нога въ ногу, совершенно — какъ въ комическомъ балетѣ, въ то время, какъ ихъ огромные, черные только немного узковатые глаза сіяли заразительною веселостью и добродушная улыбка, обнаруживая блестящіе бѣлые

зубы, расползалась съ толстыхъ губъ къ широкимъ выдающимся скуламъ, заставляя ихъ лосниться и выдаваться еще болѣе.

Заслышавъ хохотъ обоихъ сагибовъ, санталы уже не могли удержать свою дѣланную серьезность и въ свою очередь расхохотались веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ, закидывая головы назадъ и строя уморительныя фizioноміи.

— И это все для насъ?—спросилъ Авдѣй Макаровичъ, удерживаясь наконецъ отъ своего невольнаго смѣха.

— Конечно, сагибъ,—отвѣчалъ Нарайянъ съ сдержанной улыбкой, въ то же время кидая сердитый взглядъ по адресу легкомысленныхъ санталовъ, нарушившихъ установленный порядокъ церемоніала.

— Но вѣдь этакія церемоніи, мистеръ Нарайянъ, впору хоть-бы самому Людовику XIV!

— Всякая земля имѣетъ своиобычаи, сагибъ,—отвѣчалъ Нарайянъ, какъ-бы извиняясь.—Сагибу извѣстно, что мы люди касты. Каста у насъ вездѣ и во всемъ; она проникла въ духъ народа. Человѣкъ, подающій кувшинъ съ водою, ни за что не согласится подать вамъ закуренную трубку, потому что для этого существуетъ особый специалистъ... Но... не буду мѣшать вашему туалету, — закончилъ онъ, удаляясь изъ комнаты.

Когда туалетъ былъ конченъ, пундиръ подошелъ къ своимъ гостямъ съ привѣтливой улыбкой.

— Теперь доброе утро, сагибъ Сименсъ! Доброе утро, сагибъ Гречоу! — привѣтствовалъ онъ, крѣпко пожимая имъ руки.

Затѣмъ онъ снова обернулся къ двери и ударилъ въ ладони. Новая толпа санталовъ вошла и поставила на столъ два досторхана. На одномъ стояли три чашки чернаго кофе, маленькая тарелочка варенаго риса и хрустальная кружка съ водою; на другомъ — хлѣбъ, сыръ, ветчина, бараньи котлеты и нѣсколько бутылокъ виски, портвейна, хереса и пива.

— Будемъ завтракать, господа. Прошу васъ,—сказалъ Нарайянъ, приглашая къ столу обоихъ друзей.

Несмотря на ранній часъ Авдѣй Макаровичъ и Андрей Ивановичъ чувствовали прекрасный аппетитъ, который, впрочемъ, не покидалъ ихъ во все время путешествія. Они съѣли по котлеткѣ, закусили ломтемъ сыра и запили свой завтракъ чашкою кофе, внутренне пожалѣвши объ отсутствіи родимаго самовара, но отъ спиртныхъ напитковъ отказались, что, повидимому, заслужило имъ безмолвное одобреніе Нарайяна и даже прислуживавшихъ санталовъ. Самъ же Нарайянъ удовольствовался горстью варенаго риса, чашкою кофе и глоткомъ воды.

VI.

З а д ѣ л о м ъ.

— Ну-съ, теперь, кажется, можно приступить къ дѣлу?—спросилъ профессоръ, когда завтракъ былъ убранъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, господа, — отвѣчалъ съ поклономъ Нарайянъ.

Андрей Ивановичъ вынулъ со дна чемодана плоскій жестяной ящикъ, отперъ его микроскопическимъ ключикомъ, вынулъ свою драгоценную рукопись, тщательно завернутую въ полотно, и подалъ Нарайяну.

— Что это такое?—спросилъ съ удивленіемъ пундितъ, поднявъ крышку переплета и разглядывая темнокоричневые строки на гладкой поверхности альбуминной бумаги.

— Это-то самое, о чемъ я вамъ говорилъ.

— Неужели это рукопись?

— Нѣтъ, это фотографическій снимокъ съ подлинника, который написанъ или скорѣе награвированъ на металлическихъ доскахъ.

Нарайянъ углубился въ разсматриваніе странныхъ начертаній.

— Но это вовсе не начало, — сказалъ онъ черезъ

нѣсколько минутъ, показавшихся профессору вѣками,—это скорѣе окончаніе... Гдѣ же начало?

Нарайянъ сталъ перелистывать книгу.

— А! Вотъ гдѣ начало! — вскричалъ онъ, останавливаясь на послѣдней страницѣ.—Вы невѣрно перенумеровали страницы, сагибъ: вотъ гдѣ первая, а вовсе не триста-восемнадцатая страница!

— Это ужъ ваше дѣло, мистеръ Нарайянъ, опредѣлить, гдѣ начало и гдѣ конецъ рукописи,—сказалъ профессоръ.—Мы съ коллегой заботились только о томъ, чтобы не перемѣшать страницы и сохранить ихъ послѣдовательный характеръ.

— Въ этомъ, кажется, вы успѣли, — замѣтилъ Нарайянъ, перелистывая снова страницы рукописи.

Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на него, колеблемый надеждою и страхомъ.

— Извѣстенъ вамъ языкъ этой рукописи, мистеръ Нарайянъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да, сагибъ Гречоу, я думаю, что извѣстенъ.

— И вы можете прочесть и передать, что въ ней содержится?

— Конечно, сагибъ. Но это очень древній алфавитъ, извѣстный только немногимъ пундитами. Это — какъ-бы вамъ сказать точнѣе—это прототипъ нашихъ «священныхъ писменъ».

— Но вы можете его читать и понимаете вполне?

— Пока—совершенно свободно. Тотъ, кто знакомъ съ древними формами санскритскаго языка, кажется, можетъ понимать и этотъ безъ особенныхъ затрудненій.

— Какой же это языкъ, мистеръ Нарайянъ?

— Это—предокъ санскрита и многихъ родственныхъ съ нимъ языковъ: это языкъ исчезнувшаго народа Аріевъ...

— Какъ? Аріевъ? — вступился профессоръ.— Можетъ быть, Арійцевъ.

— Ну да, сагибъ,—аріевъ, аріанянъ, арійцевъ — какъ хотите.

— Но вѣдь всѣ индо-европейскіе народы считаютъ своими предками арійцевъ?

— Ну вотъ, это тотъ самый народъ и есть.

— Послушайте, мистеръ Нарайянь, не могу ли и я что-нибудь понять?

— Но вѣдь вы, сагибъ, не знаете этого алфавита?

— Не можете-ли вы написать нѣсколько фразъ латинскими буквами.

— Латинскими, сагибъ? Хорошо.

— Но только такъ, мистеръ Нарайянь, чтобы произношеніе вполнѣ было сохранено.

— Произношеніе?.. Это нѣсколько затруднительно, сагибъ Сименсъ: нѣкоторыхъ звуковъ нѣтъ въ латинской азбукѣ... Впрочемъ, попробую.

Пундитъ взялъ перо и написалъ на чистомъ листѣ бумаги крупными и красивыми латинскими буквами:

O, diwa dêwa, suiat Ariastani! ô, diwa Ariaswati!

— Какъ вы это переведете?

— «О, божественная дѣва, свѣтъ Аріастана! о божественная (или, можетъ быть, богиня) Аріасвати!»

Профессоръ ударилъ себя по лбу.

— Что за чудеса! Да вѣдь это ясно, какъ день. Но какой же это, наконецъ, языкъ?

— Послушайте, мистеръ Нарайянь, вы прочитали «свѣтъ Аріастана»...—Что такое Аріастанъ?

— Аріастанъ—земля арійцевъ.

— Вѣрно... Я такъ и думалъ... А что такое «Аріасвати?» Такъ, кажется, вы прочитали?

— Аріасвати — это собственное имя. По всей вѣроятности, сагибъ, такъ называлась какая-нибудь древняя богиня, память о которой въ настоящее время утрачена.

— А какъ вы думаете, мистеръ Нарайянь, что собственно значить это имя, такъ сказать въ лексикологическомъ отношеніи? Быть можетъ, тоже «свѣтъ арійцевъ?».

— Почти, сагибъ Сименсъ. Только здѣсь не одинъ

свѣтъ, но нѣсколько: множественное число. Надобно перевести: блескъ, сіяніе... наконецъ, въ отдаленномъ, болѣе широкомъ значеніи: слава, честь, гордость арійцевъ.

— Позвольте еще одинъ вопросъ, мистеръ Нарайянь.

— Хоть тысячи, сагибъ Сименсъ.

— Не можете ли вы объяснить также, откуда происходитъ имя арійцевъ? Видите ли, вотъ мы, напримѣръ, славяне, руссы... Ну-съ, мы можемъ объяснить, откуда взялись эти имена: славяне—отъ слова, руссы—отъ цвѣта волосъ... Но что значитъ слово «арійцы», вотъ въ чемъ вопросъ?

— Арійцы?.. Собственно говоря, сагибъ, мы нѣсколько невѣрно произносимъ это имя... Въ вашей рукописи оно читается не «аріи», какъ мы привыкли произносить, но «яріи»...

Профессоръ подпрыгнулъ на мѣстѣ, точно отъ гальваническаго удара.

— Яріи? Вы говорите: яріи?

— Да, сагибъ Сименсъ,—отвѣчалъ Нарайянь, съ удивленіемъ глядя на профессора и думая про себя: «ужь не помѣшался ли этотъ чудакъ?»...

— Яріи! Такъ! Теперь все понятно! Ярославъ, Ярополкъ, Яръ-буй-туръ Всеволодъ, Ярило... Совершенно понятно! Яріи—значить, въ высшей степени смѣлые, храбрые... Вѣроятно, это очень воинственный народъ, мистеръ Нарайянь?

— Да... пожалуй, вы правы, сагибъ... Но по моему мнѣнію, этимъ толкованіемъ, еще не исчерпывается все значеніе слова. Оно еще можетъ значить: очень свѣтлый, сильно блестящій, сверкающій, бросающійся въ глаза...

— Яркій? Не правда-ли?

— Именно такъ, сагибъ.

— Ну, теперь для меня все понятно. А знаете, мистеръ Нарайянь, меня ужасно мучило то, что я никакъ не могъ

объяснить себѣ этого слова; аріицы да аріицы, а что значить это,—неизвѣстно. Такъ вы говорите: яріи?

— Да, сагибъ, яріи.

— Значить, нужно читать: Яріастанъ, Яріасвати?

— Да, сагибъ, именно такъ нужно.

— Такъ, такъ... Но какое прелестное имя «Аріасвати»!.. Какъ вы думаете, коллега? Не правда-ли, вѣдь очень музыкальное имя?

— Да, музыкальное, — отвѣтилъ разсѣяннo Грачевъ, напрасно старавшійся припомнить, гдѣ онъ раньше могъ слышать имя Аріасвати. Сначала это ему совершенно не удавалось. Но вдругъ онъ вспомнилъ цейлонское приключеніе и пророчество безумной баядерки о «трижды рожденной Аріасвати». Онъ вспомнилъ также, что въ этомъ пророчествѣ скрывалась какая-то угроза или, скорѣе, предостереженіе, чтобы онъ не очень увлекался этою «трижды-рожденною», потому что она предназначена не ему, такъ какъ онъ — всего только «дважды-рожденный»!.. «Чортъ знаетъ, что это за чушь!» — подумалъ Андрей Ивановичъ и сталъ вслушиваться въ разговоръ пундита съ профессоромъ. Оказалось, что Авдѣй Макаровичъ, не теряя даромъ времени, уже приступилъ къ изученію алфавита таинственной рукописи.

— Видите-ли, мистеръ Нарайянъ, — говорилъ онъ, указывая пальцемъ на одну строчку. — Эти буквы я самъ разобралъ и прочиталъ еще въ Петербургѣ. Вотъ видите: «Магадева»... Такъ вѣдь?

— Почти, сагибъ. Произношеніе только не много невѣрно.

— Какъ же нужно произнести?

— «Мого-диво», или, — скорѣе, съ носовымъ звукомъ: «Многодиво».

— Многодиво! Неужели нужно такъ читать?

— Увѣряю васъ, сагибъ.

— «Многодиво!» Да вѣдь это, коллега, чѣмъ дальше въ

лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! Слышите, батенька! Много диво! Да вы слышите-ли?

— Слышу, слышу, Авдѣй Макаровичъ.

— Ну-съ, и что же значить это «много диво», мистеръ Нарайянь?

— Тоже, сагибъ, что въ позднѣйшемъ санскритѣ «магадева».

— То-есть?

— То-есть величайшее, верховное божество.

— Много диво! Много диво! Вотъ выдался денекъ! Да если такъ пойдетъ... Да слушайте, коллега—вѣдь мы съ вами на пути къ безсмертію!.. Да вы понимаете-ли, батенька, всю важность своего открытія?.. Вѣдь и я такимъ образомъ, держась за кончикъ вашего хвоста, завернусь, пожалуй, на самый Олимпъ... Вѣдь этотъ арійскій языкъ тождественъ съ нашимъ древнимъ славянскимъ языкомъ... Поймите!

— Ничего нѣтъ мудренаго, сагибъ, такъ какъ корень у нихъ общій.

— Не въ корнѣ дѣло, а въ совершенной тождественности! Эти предки индоевропейцевъ, эти аріи или «яріи»—никто иной, какъ славяне, съ которыми мы, русскіе, въ такомъ же родствѣ, какъ дочь съ матерью... Да-съ! Арійцы и славяне—одно и тоже!

— Ну, ужъ это слишкомъ смѣлая гипотеза, Авдѣй Макаровичъ,—вмѣшался Грачевъ.

— Что-о? Смѣлая? Послѣ всего этого? Да какъ вы можете? — вскипятился Авдѣй Макаровичъ. Впрочемъ, *chi va piano, va sano, a lontano*...—Разберемъ рукопись, осмотримъ на мѣстѣ памятники, о которыхъ вы мнѣ рассказывали, и тогда... Тогда посмотримъ. *Experto crede reperto*,—такъ вѣдь, коллега?

— Конечно такъ, Авдѣй Макаровичъ,—отвѣчалъ Грачевъ, сдерживая улыбку, вызываемую такимъ рѣзкимъ переходомъ отъ крайняго увлеченія къ строжайшей осторожности.

VII.

Сарматская гипотеза.

— Да, батенька, намъ нужно быть вдвойнѣ осторожными. Сболтни что-нибудь нѣмецъ ему, — какъ съ гуся вода; а нашего брата свои же такъ осмѣютъ, что жизни не радъ будешь... А что касается гипотезы, батенька, то, знаете-ли, вѣдь она даже не мнѣ принадлежитъ.

— Какъ такъ, Авдѣй Макаровичъ?

— Извѣстно вамъ, коллега, что существуетъ на этотъ счетъ особенная — «сарматская» гипотеза?

— Не помню, право. Вѣдь вообще столько существуетъ всевозможныхъ гипотезъ...

— Ну, это, батенька, вовсе не «всевозможная». Эта гипотеза имѣетъ за себя довольно вѣскія научныя данныя. Благодаря новѣйшимъ открытіямъ въ области филологіи, можно считать вполнѣ доказаннымъ, что индусы вовсе не такой древній народъ, какимъ его считали прежде, и что санскритскій языкъ — только отрасль другого, болѣе древняго языка.

— Вотъ какъ? Ну, и что же — теперь предполагаютъ, что этимъ древнимъ языкомъ былъ миѳическій «сарматскій»?

— Миѳическій? Почему же — миѳическій? Сарматскимъ языкомъ въ настоящее время считаютъ древній славянскій языкъ и отождествляютъ его съ арійскимъ...

— Да вѣдь это и есть ваша теорія, Авдѣй Макаровичъ! Вы ее только что высказали, увлекшись сходствомъ нѣкоторыхъ словъ моей рукописи съ древнеславянскими, но потомъ отложили — до лучшаго будущаго, когда отыщутся болѣе вѣскія доказательства.

— Да нѣтъ же! Вовсе это не моя теорія. Къ несчастію, меня предупредили. Авторъ этой гипотезы — не русскій и даже не славянинъ...

— Это довольно интересно, сагибъ,—вмѣшался пундितъ, до этихъ поръ довольно безучастно слушавшій разговоръ двухъ пріятелей.

— Да, мистеръ Нарайянь, это довольно интересно. Вы совершенно правы. Латамъ, которому принадлежитъ эта такъ называемая «сарматская гипотеза», считаетъ родиною арійцевъ нашу западную Россію, именно Кіевъ, Во-лынь, Подолье, Галичину...

— Ну, и есть достаточныя основанія къ такому предположенію?

— Настолько достаточныя и вѣскія, что профессоръ Гексли...

— Почтенное имя,—промолвилъ Нарайянь.

— Вполнѣ почтенное, мистеръ Нарайянь... Ну-съ, такъ профессоръ Гексли такъ же поддерживаетъ эту теорію, съ тою только разницею, что первоначальною родиною арійцевъ принимаетъ Урало-алаунскую возвышенность...

— Колыбель сѣверныхъ славянъ, кривичей, родимичей, вятичей,—замѣтилъ Грачевъ.

— И предполагаетъ, — продолжалъ профессоръ, — что отсюда они мало-по-малу разсѣялись по Сѣверной и Средней Европѣ до Ламанша и Атлантическаго океана; затѣмъ заняли Южную Европу и Балканскій полуостровъ, а оттуда двинулись на Востокъ—черезъ Туркестанъ и Кавказъ въ Персію и Индостанъ.

— Если это такъ, сагибъ Сименсъ, то намъ, потомкамъ арійцевъ, слѣдуетъ гордиться своимъ сѣвернымъ происхожденіемъ и близкимъ родствомъ съ великимъ сѣвернымъ народомъ.

— Да, да, мистеръ Нарайянь, это вѣрно,—горячился профессоръ, не замѣчая даже комплимента, сказаннаго пундитомъ. — Да кромѣ того, даже дравидійцы, населяющіе плоскогорья Декана, которыхъ нѣкогда считали аборигенами Индіи,—неоспоримые скиѣ по происхожденію, слѣдовательно тоже выходцы изъ Европы...

— Помилосердуйте, Авдѣй Макаровичъ! — взмолился Грачевъ—у меня, наконецъ, голова идетъ кругомъ. Вы насъ совершенно ошеломили своими филологическими парадоксами.

— Ни малѣйшаго милосердія, батенька! Наука не знаетъ милосердія... А что касается парадоксовъ, то въ филологіи ихъ гораздо меньше, чѣмъ во всякой другой наукѣ. То, что я вамъ говорю о скиѣскомъ происхожденіи дравидійцевъ, такъ же достовѣрно доказано, какъ то, что мы съ вами—двуногія существа безъ перьевъ, какъ нѣкогда опредѣлилъ человѣка греческій философъ... Историческіе памятники, какъ верстовые столбы, обозначаютъ путь финновъ черезъ Кавказъ, Иранъ и Белуджистанъ въ Индію...

— Авдѣй Макаровичъ! Вѣдь вы говорили о скиѣахъ! Причемъ же тутъ финны?

— Финны? А вотъ причемъ, батенька: финскія племена въ настоящее время единственные въ Европѣ представители исчезнувшихъ скиѣскихъ народовъ.

— Сагибъ Сименсъ упомянулъ объ историческихъ памятникахъ, указывающихъ путь дравидійцевъ изъ Европы. Позволено мнѣ будетъ спросить, какіе это памятники?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, дорогой мой мистеръ Нарайянь! Во-первыхъ, древній мидійскій языкъ безспорно принадлежитъ къ одной глоссологической группѣ съ дравидійскими языками; во-вторыхъ, нарѣчіе Брагун, существующее въ Белуджистанѣ, несомнѣнно дравидійскаго происхожденія; а въ-третьихъ... въ-третьихъ, въ Бегистанѣ сохранились еще клинообразныя надписи, гдѣ на трехъ языкахъ рассказывается исторія Дарія Гистаспа...

— Дахріейтъ Виштаспа,—какъ-бы про себя поправилъ Нарайянь.

— Эти надписи неопровержимо доказываютъ родство дравидійскихъ языковъ съ древними скиѣскими, мистеръ Нарайянь.

— Завидую вамъ, сагибъ Сименсъ, — сказалъ въ раздумь Нарайянъ — вы, житель далекаго сѣвера, знаете о моихъ соплеменникахъ гораздо больше, чѣмъ я, живущій между ними и не разъ объѣхавшій кругомъ весь Индостанъ.

— Это меня удивляетъ, мистеръ Нарайянъ. Вѣроятно, вамъ не попадались въ руки тѣ источники которыми я руководствовался. Въ такомъ случаѣ, прочитайте Нальдвелля *grammar of the Dravidian languages*.

— Благодарю, сагибъ Сименсъ; я приобрѣту себѣ эту книгу.

— Затѣмъ, вы найдете объ этомъ у Раска, у Винсона... Наконецъ, у этого... этого Макса Мюллера... А неправда-ли, забавная исторія: нашъ подслѣповатый черемисинъ, тотъ самый, что спрашиваетъ: «Васька попъ дома»? а про себя говоритъ! «мы—Василій Ивановичъ», — такъ этотъ черемисинъ и житель далекаго Декана — родственники! Какъ видите, мистеръ Нарайянъ, не народы Памира колонизировали Европу, а напротивъ — сарматы, т. е. славяне, и скифы, т. е. финны, проникли изъ Европы до Гинду-Ку и Гималая...

— Мнѣ кажется, Авдѣй Макаровичъ, отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ въ этой рукописи...

— Да, да, батенька... Вы правы: надо приняться за рукопись... Но потерпите, голубчикъ: дайте мнѣ время выучиться этому алфавиту... Это мы — живою рукою! Ну-съ, мистеръ Нарайянъ, такъ это читается «радша», а не «раджа»? А это «решія»?

— Нѣтъ, сагибъ, не «решія, а «рештія».

— Рештія... рештія? Что же это значитъ?

— Это значитъ то же, что въ позднѣйшемъ санскритѣ «ришія», т. е. мудрецъ, человѣкъ, говорящій мудрыя слова, проповѣдникъ, учитель, философъ.

— Рештія... Решти, рѣку, рѣчь! А что собственно значитъ «радша»?

— Собственно чловѣкъ, который радъ дѣлать добро; въ позднѣйшемъ значеніи—правитель...

— Радъ дѣлать? радѣть? Вполнѣ понятно. Радша, въ старину, быть можетъ, даже радья? Смягченіе на *о*? Судить—судья, радѣть—радья! Мистеръ Нарайянъ, вѣдь это—совершенно по славянски!

— По славянски, сагибъ?

— Совершенно! совершенно!

— Въ такомъ случаѣ, сагибъ Сименсъ, я буду васъ просить достать мнѣ книгу на древнемъ славянскомъ языкѣ и... и научить читать... Я былъ-бы очень вамъ обязанъ за это, сагибъ Сименсъ.

— Съ удовольствіемъ, мистеръ Нарайянъ, съ удовольствіемъ! Я достану вамъ и книгъ, и выучу васъ читать... Вѣдь это, голубчикъ, my darling dove, только услуга за услугу: вы же учите меня этому алфавиту!

— Всетаки, мистеръ Сименсъ, я буду вамъ очень, очень благодаренъ.

— Не за что, my dear мистеръ Нарайянъ. Ну-съ, такъ примемся за дѣло...

И оба ученыхъ углубились въ чтеніе фотографическихъ листовъ. Грачевъ посмотрѣлъ на нихъ нѣсколько времени и отправился гулять вдоль наружной террасы храма подъ навѣсомъ пышноцвѣтущихъ магнолій.

VIII.

Неожиданное приключеніе.

Прошло около двухъ недѣль. Дѣло подвигалось довольно успѣшно. За это время была переведена почти половина рукописи. Содержаніе ея оказалось настолько интереснымъ, что трое нашихъ друзей работали надъ нею съ особеннымъ усердіемъ, по цѣлымъ днямъ, не отходя отъ стола. Только поздно вечеромъ они позволяли себѣ небольшую прогулку, чтобы размять затекшіе члены, да въ полдень, когда тро-

пическій жаръ, проникая подъ своды прохладной залы, слишкомъ давалъ себя чувствовать, они уходили брать ванну во внутреннемъ бассейнѣ, расположенномъ въ одномъ изъ закоулковъ храма. Освѣжившись купаньемъ, они еще усерднѣе принимались за работу и уже не поднимались до самого вечера. Иногда въ залу къ нимъ приходилъ главный жрецъ храма, старый браминъ Мартанъ. Съ позволенія своихъ русскихъ гостей, онъ садился гдѣ нибудь на диванъ и просиживалъ по получасу и болѣе, слушая переводъ чудесной рукописи. Затѣмъ, какъ будто вспомнивъ о чемъ, онъ тихо, неслышной походкой уходилъ изъ залы и старательно затворялъ за собой дверь.

Однажды трое нашихъ друзей, по обыкновенію, съ раннего утра сидѣли за рукописью. Нарайянъ читалъ и переводилъ по англійски, Авдѣй Макаровичъ слѣдилъ за точностью перевода и то одобрительно потряхивалъ головой, то вступалъ въ пренія по поводу той или другой фразы и требовалъ или объясненія, или поправки; Грачевъ торопливо писалъ подъ диктовку обоихъ ученыхъ и только въ рѣдкія минуты споровъ позволялъ себѣ разминать усталые пальцы.

Было уже довольно поздно. Начинало темнѣть. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздались торопливые шаги, послышалось что-то вродѣ бряцанія шпоръ и стука оружія... Не успѣли наши друзья подняться изъ-за стола, какъ въ залу ворвалась толпа вооруженныхъ солдатъ и мгновенно заняла все возможные выходы. Одѣтый въ охотничью блузу, перетянутую ремнемъ, высокій худощавый человѣкъ, съ громадными рыжими баками и выраженьемъ хищной птицы на лицѣ, быстро подбѣжалъ къ Нарайяну и, ухвативъ его одною рукою за воротникъ, другою — за правую руку, оборотился съ торжествомъ къ входящему офицеру.

— Вотъ онъ, сэръ! Попался! — закричалъ рыжій, трясая Нарайяна за воротникъ, — капитанъ Макъ-Иворъ! Вотъ пундितъ Нарайянъ Гаутама Суами, прозванный въ позднѣйшее время Срадганою! Берите его, сэръ!

Капитанъ Макъ-Иворъ не торопясь подошелъ къ столу, окинулъ глазами обоихъ пріятелей и вѣжливо поклонился.

— Капитанъ Макъ-Иворъ, — сказалъ онъ хриплымъ басомъ, — къ вашимъ услугамъ, господа! Не трудитесь называть себя: я васъ уже имѣю удовольствіе знать. Вы русскіе путешественники: вы — профессоръ Сименсъ, а вы, сэръ, — мистеръ Гречоу, извините, что прервалъ ваши занятія... Вы, господа, конечно, знаете, кто этотъ человѣкъ? — спросилъ онъ, впервые поднимая глаза на Нарайяна.

Какъ будто сговорясь, Авдѣй Макаровичъ и Андрей Ивановичъ, оба отвѣтили на вопросъ глубокимъ молчаніемъ.

— Ахъ, да! Понимаю, — продолжалъ съ вѣжливой улыбкой Макъ-Иворъ и, какъ будто извиняясь, наклонилъ голову. Въ это время его широкое красное лицо съ длинными рыжеватыми усами сдѣлалось положительно симпатичнымъ. Онъ оборотился къ толпѣ солдатъ и спросилъ сухо и презрительно, указывая на Нарайяна.

— Кто изъ васъ знаетъ этого человѣка?

Изъ толпы тотчасъ же выступили два субъекта, одѣтыхъ въ такіе же охотничьи блузы и высокіе сапоги, какъ и человѣкъ, державшій Нарайяна.

— Мы знаемъ его, сэръ, — заговорили они въ одинъ голосъ, — это дѣйствительно Нарайянъ Срадгана.

Нарайянъ презрительно взглянулъ на нихъ и пожалъ плечами. Макъ-Иворъ замѣтилъ его жестъ.

— Гдѣ вы его видѣли? — спросилъ онъ.

— Въ Калькуттѣ, во время бунта, — снова въ одинъ голосъ отрапортовали оба блузника, — онъ предводительствовалъ бунтовщиками.

Капитанъ въ свою очередь пожалъ плечами и взглянулъ на Нарайяна.

— Вы, конечно, подтвердите все это присягой? — спросилъ онъ сухо, скользнувъ взоромъ въ сторону свидѣтелей.

— Всѣ трое, сэръ, — отвѣчалъ за товарищей обладатель рыжихъ бакъ.

— И такъ, вы пундить Нарайянь Гаутама Суами, прозванный въ послѣднее время Срадганой?—спросилъ Макъ-Иворъ, обращаясь къ Нарайяну, и прибавилъ сквозь зубы:—запираться бесполезно.

— Да, я Нарайянь Гаутама Суами, — отвѣчалъ спокойно пундить.—Я и не думалъ запираться. Я сказалъ-бы, кто я, если бы меня спросили раньше этихъ господъ.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ васъ арестовать, — сказалъ Макъ-Иворъ. — Возьмите его! — приказалъ онъ, обернувшись къ солдатамъ.

Въ ту же минуту два сипая, передавши ружья товарищамъ, скрутили несчастнаго пундита цѣлою сѣтью веревокъ, такъ что онъ не могъ пошевелиться. Затѣмъ Макъ-Иворъ сдѣлалъ рукою знакъ и вся его команда выбралась вонъ изъ зала, окруживъ связаннаго Нарайяна. Макъ-Иворъ вышелъ послѣднимъ.

Наши пріатели остались за столомъ, пригорюнясь.

— Что теперь дѣлать, коллега? — спросилъ, разводя руками, профессоръ.

— Надо принять какія-нибудь мѣры, — отвѣчалъ грустно Андрей Ивановичъ, перебирая въ головѣ средства помочь Нарайяну.

Въ это время въ залу снова вошелъ капитанъ Макъ-Иворъ.

— Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, господа, — обратился онъ къ нашимъ пріателямъ,—что Нарайянь Суами обвиняется въ государственномъ преступленіи, что онъ скрывался отъ кары закона и что его голова оцѣнена? Но во всякомъ случаѣ мнѣ очень жаль, что эта сцена разыгралась на вашихъ глазахъ. Увѣряю васъ, я не могъ поступить иначе. Вы, кажется, въ моментъ ареста, читали вмѣстѣ индійскую рукопись? Отъ души жалѣю, что помѣшалъ вашимъ занятіямъ. Къ несчастію, обязанности солдата не всегда бываютъ пріятны. Я всетаки позволяю себѣ надѣяться, что вы не будете противъ того, чтобы я и мои солдаты провели ночь въ этомъ зданіи.

— Помилуйте, мистеръ Макъ-Иворъ, сколько мы могли замѣтить, вы дѣйствуете здѣсь, какъ полный хозяинъ,—сказалъ насмѣшливо Авдѣй Макаровичъ,—кажется, именно отъ васъ зависитъ,—запереть-ли насъ здѣсь въ тѣсной блокадѣ или предоставить свободу... провести ночь подъ открытымъ небомъ, въ пріятномъ сосѣдствѣ съ тиграми.

— Не говорите о блокадѣ, мистеръ Сименсъ, прошу васъ! Конечно, вы можете думать о насъ, что вамъ угодно, но смѣю васъ увѣрить, что если бы не была ночь и если бы въ этой трущобѣ можно было найти другое помѣщеніе, я минуты не позволялъ бы моимъ солдатамъ стѣснять васъ своимъ присутствіемъ. Но обстоятельства таковы, что волей неволей приходится быть навязчивымъ.

Макъ-Иворъ проговорилъ эту тираду такъ искренно и такъ было видно, что ему дѣйствительно непріятно стѣснять русскихъ путешественниковъ, что сердце Андрея Ивановича растаяло.

— Вы насъ нисколько не стѣсняете, мистеръ Макъ-Иворъ,—сказалъ онъ. — Конечно, намъ очень непріятенъ арестъ мистера Нарайяна, но вы исполнили только свою обязанность. Мы противъ васъ ничего не имѣемъ.

Капитанъ Макъ-Иворъ просіялъ.

— Мистеръ Сименсъ, надѣюсь, вы того же мнѣнія?—спросилъ онъ, обращаясь къ профессору.

— Совершенно, мистеръ Макъ-Иворъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, позвольте васъ просить сдѣлать мнѣ честь отъужинать вмѣстѣ со мною? Вѣдь въ этой браминской трущобѣ, кромѣ рису, коровьяго масла и воды ничего не сыщешь... А у меня найдется довольно сносная ветчина, кусокъ жареной баранины и бутылки двѣтри хересу и виски.

Наши друзья переглянулись.

— Отъ души принимаемъ ваше предложеніе,—сказалъ весело профессоръ,—но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы позволили намъ завтра, въ свой чередъ, угостить васъ завтракомъ.

— Съ удовольствіемъ, сэръ, съ большимъ удовольствіемъ... Но какъ же такъ? Значить вы, господа, сѣумѣли найти здѣсь сѣбѣстныя припасы? Это дѣлаетъ честь вашей опытности и... и предпріимчивости... Это вообще трудная статья... Ну-съ, а теперь позвольте васъ, господа, оставить на нѣсколько минутъ. Я пойду распоряжусь насчетъ ужина.

И капитанъ Макъ-Иворъ торопливо вышелъ изъ залы.

Профессоръ быстро вскочилъ со стула и нѣсколько времени, молча, бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, немилосердно теребя себя за бороду. Наконецъ онъ снова подошелъ къ Андрею Ивановичу.

— А что, коллега, — началъ онъ конфиденціальнымъ тономъ, садясь около Грачева, — какою суммою вы можете свободно располагать?

— Около 60,000 ф. ст. въ Калькуттскомъ банкѣ, — такъ же конфиденціально отвѣчалъ Андрей Ивановичъ.

— Авдѣй Макаровичъ тихонько свиснулъ и съ видомъ удовольствія потеръ себѣ руки.

— Значить, вы утилизировали свои алмазы? — спросилъ онъ снова.

— Еще тогда же. Только не всѣ. Много осталось.

— Поздравляю. Въ такомъ случаѣ носа вѣшать намъ незачѣмъ.

— Вы думаете?

— Конечно. Надо освободить Нарайяна.

— При помощи денегъ?

— Неукоснительно. Какой суммы вамъ не жаль?

— Да хоть всѣ возьмите, только выручите.

— Дѣльно.

Авдѣй Макаровичъ обнялъ и расцѣловалъ Андрея Ивановича.

— Ну, голубчикъ, — сказалъ онъ, окончивъ эту церемонію, — такъ я пойду орудовать.

И, почти бѣгомъ, профессоръ скрылся изъ залы.

IX.

Мистеръ Черперъ.

Онъ тотчасъ же отыскалъ обладателя рыжихъ бакъ. Этотъ послѣдній сидѣлъ за бутылкою виски въ углу проходной комнаты. Товарищи его въ сосѣдней каморкѣ дежурили около связаннаго Нарайяна.

— А это вы, мистеръ... мистеръ,—заговорилъ профессоръ, какъ будто вспоминая фамилію.

— Черперъ. Къ вашимъ услугамъ, сэръ, — произнесъ тотъ, очищая мѣсто за столомъ.

— А вы себѣ благую часть избрали, мистеръ Черперъ.

— Да, сэръ. Надо же какъ-нибудь коротать время. Ваше здоровье, сэръ,—прибавилъ онъ, опорожнивая стаканъ и придвигая бутылку къ профессору.

Авдѣй Макаровичъ чокнулся съ Черперомъ, но поставилъ стаканъ на столъ.

— Это вы, мистеръ Черперъ, выслѣдили бѣдняжку Нарайяна?—спросилъ профессоръ.

— Да, сэръ.

— Какъ это вамъ удалось?

— Признаться сказать, сэръ, отчасти помогли мнѣ въ этомъ вы сами.

— Я уже предчувствовалъ это, мистеръ Черперъ.

— Да, сэръ. Если вы припомните нѣкоего Эдварда Смита, эсквайра изъ Манчестера, то, можетъ быть, въ вашемъ почтенномъ слугѣ въ найдете нѣкоторыя знакомыя черты.

— Такъ это были вы?

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ.

— Слѣдовательно, письмо Грешама у васъ?

— Было. Возвратившись изъ храма Парвати, я отдалъ его Бабу-Рами.

— Что вы дѣлали въ храмѣ Парвати?

— Искалъ тамъ Нарайяна, спрашивалъ Нариндру...

— И что же?

— Этотъ старый дуракъ сказалъ мнѣ, что когда я достигну цѣли, демонъ корыстолюбія растерзаетъ меня когтями тигра... Чортъ знаетъ, что за чепуха!

— Больше вы ничего не узнали?

— Да. Но, отправляясь въ храмъ Парвати, я приказалъ слѣдить за вами своимъ агентамъ. Благодаря ихъ телеграммамъ, я догналъ васъ въ Калькуттѣ и затѣмъ уже не упускалъ изъ виду. И когда, наконецъ, вы остановились въ этой трущобѣ, я...

— То вы догадались?

— Да, сэръ. Я догадался, что птичка здѣсь.

— Это очень непріятная исторія, мистеръ Черперъ.

— Какъ для кого, сэръ. На всѣхъ и самъ Господь не угодитъ.

— Но, вѣдь, согласитесь, сознавать, что Нарайянъ попалъ въ бѣду по нашей винѣ... Это очень, очень непріятно.

— Да, конечно, сэръ... Но не слѣдуетъ быть настолько щекотливымъ.

— Извините нескромный вопросъ, мистеръ Черперъ. Съ какою цѣлью вы преслѣдуете Нарайяна: по должности, изъ денежной выгоды или изъ любви къ искусству?

— Могу васъ увѣрить, сэръ, только изъ одной денежной выгоды. Не будь денежной выгоды, я не пошевелилъ бы пальцемъ.

— И вы не ожидали себѣ никакой другой выгоды?

— Никакой, сэръ. Только однѣ деньги.

— А много принесетъ вамъ это дѣло?

— Совѣстно сказать, сэръ, — совершенно нищенское вознагражденіе: всего 600 фунтовъ.

— Да, это не особенно много. А что будетъ Нарайяну?

Мистеръ Черперъ сдѣлалъ выразительный жестъ лѣвой рукою и потянулъ себя за шейный платокъ, давая знать, что бѣднягу повѣсятъ.

— А вы получите 600 фунтовъ?

— Да, сэръ, когда доставлю его въ руки правосудія, въ Калькутту.

— Въ Калькутту?

— Въ Калькутту.

— Это довольно далеко, мистеръ Черперъ.

— Да, сэръ.

— И всего за 600 фунтовъ?

— Что дѣлать, сэръ? Мнѣ они необходимы.

— Мнѣ кажется, мистеръ Черперъ, вы человѣкъ безъ предразсудковъ...

— О, совершенно безъ предразсудковъ, сэръ.

— Тѣмъ лучше. Съ такими людьми можно говорить откровенно... Видите ли, мистеръ Черперъ, намъ очень не-пріятно, что Нарайянъ попалъ въ бѣду по нашей винѣ.

— Что же дѣлать, сэръ?

— Если вы отпустите его на свободу, мы вамъ уплатимъ эти 600 фунтовъ. Вѣдь вамъ все равно, съ кого ни получить эти деньги.

— Положительно все равно... Но, сэръ, это уже невозможно: въ дѣлѣ замѣшаны третьи лица. Будутъ новыя хлопоты, затрудненія.

— Ну, за эти хлопоты мы вамъ накинёмъ лишнюю сотню фунтовъ.

— Однако, вы, сэръ, не щедрѣ нашего правительства.

— Хорошо, чтобы быть щедрымъ, я предложу вамъ вотъ какое условіе: если вы дадите Нарайяну случай убѣжать, я вамъ уплачиваю 1000 фунтовъ. Согласны?

— Нѣтъ, сэръ, не согласенъ. 1000 фунтовъ слишкомъ мало за такое рискованное дѣло.

— Но вы мнѣ говорили, что за 600 фунт. вы должны сопровождать Нарайяна до Калькутты.

— Да, сэръ, и тамъ сдать его въ руки правосудія.

— Если я не ошибаюсь, отсюда до Калькутты что-то около 100 миль?

— Около того, сэръ.

— Въ теченіе такого долгаго пути можетъ представиться не мало случаевъ къ освобожденію Нарайяна. Вы понимаете, конечно, что у него много друзей между индусами, и что друзья его дремать не будутъ...

— Весьма возможно, сэръ.

— Такимъ образомъ, если онъ убѣжитъ, помимо вашего желанія, вы теряете ваши 600 фунтовъ.

— Конечно, сэръ... Но я буду стараться не потерять.

— Вотъ видите, мистеръ Черперъ, сколько еще вамъ предстоитъ хлопотъ и трудовъ, чтобы заработать эти жалкіе 600 фунтовъ... И кромѣ того, еще эти случайности въ пути... Скажите, развѣ можно предусмотрѣть каждую случайность?

— Конечно, сэръ, на всякій часъ трудно уберечься.

— Ну, вотъ, видите-ли. Мое предложеніе вы назвали рискованнымъ дѣломъ, а развѣ въ вашемъ дѣлѣ риску не больше?

— Пожалуй, сэръ! Но вѣдь рискъ есть во всякомъ дѣлѣ.

— Согласенъ, только въ одномъ больше, въ другомъ меньше. Если бы, вмѣсто того, чтобы постоянно остерегаться случайностей, которыя не всегда можно предусмотрѣть и предупредить, вы взяли на себя распоряженіе только одною случайностью,—только одной, мистеръ Черперъ, вѣдь вы тогда заработали бы не 600, а 1000 фунтовъ съ гораздо меньшей заботой и рискомъ... Не правда-ли? Экономія во времени и въ трудѣ и заработокъ почти на 80% больше...

Черперъ всталъ изъ-за стола и засунувъ руки въ карманы панталонъ, принялся ходить по комнатѣ. Очевидно, послѣдній аргументъ произвелъ на него должное впечатлѣніе. Авдѣй Макаровичъ тревожно слѣдилъ за нимъ глазами, подбрасывая на рукѣ нѣсколько золотыхъ монетъ, какъ будто для того, чтобы придать еще болѣе вѣсу своему предложенію.

Наконецъ, Черперъ подошелъ къ столу и, не переводя духа, залпомъ выпилъ стаканъ виски.

— Я обдумалъ ваше предложеніе, сэръ,—началъ онъ, снова усаживаясь.

— И конечно согласны?

— Не совсѣмъ такъ, сэръ.

— Что же, не согласны?

— И этого нельзя сказать. Чтобы не тянуть напрасно, вотъ что, сэръ: дадите вы 1200 фунтовъ, я вашъ; не дадите, все останется по старому.

— 1200 фунтовъ много.

— Ну, какъ хотите, сэръ. Меньше я не возьму.

— Хорошо. Я согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ, по рукамъ. Но вы сами, сэръ, и вашъ товарищъ также должны мнѣ помогать.

— Помогать? Послушайте, мистеръ Черперъ, это не совсѣмъ удобно. Въ качествѣ русскихъ туристовъ и ученыхъ, мы не можемъ себя компрометтировать.

— Компрометтировать себя вамъ не придется.

— Что же мы должны дѣлать?

— Вы возьмите на себя капитана Макъ-Ивора. Садитесь съ нимъ играть въ карты и постарайтесь напоить его пьянымъ. Это вамъ не составитъ особеннаго труда, такъ какъ капитанъ никогда не прочь выпить... А я съ товарищами возьму на себя сипаевъ.

— Это не совсѣмъ благовидно... Но дѣлать нечего. Идетъ!

— Ну-съ, такъ отправляйтесь, сэръ, въ ту залу, гдѣ Макъ-Иворъ уже разговариваетъ, кажется, съ вашимъ товарищемъ, и предложите сыграть въ карты... да не забудьте потребовать побольше вина... У этихъ святыхъ отшельниковъ погреба никогда не пустуютъ. А догадавшись, зачѣмъ вамъ нужно вино, они ничего не пожалѣютъ. Итакъ, за успѣхъ нашего дѣла! Теперь идите, сэръ, и будьте покойны. Я здѣсь все устрою.

Проходя по корридору, соединявшему наружную залу съ внутренними комнатами храма, Авдѣй Макаровичъ замѣтилъ вдали великаго брамина.

— Мистеръ Мартанъ!—окликнулъ его тихонько профессоръ, проложивъ въ знакъ осторожности палецъ къ губамъ.

Несмотря на всю свою солидность и старость, браминъ въ одно мгновеніе очутился рядомъ съ Авдѣемъ Макаровичемъ.

— Что новаго, сагибъ?—спросилъ онъ, осторожно оглядываясь.

— Дѣло идетъ на ладъ, мистеръ Мартанъ. Примите мѣры спрятать Нарайяна и затѣмъ дать ему возможность убѣжать. Смотрите же, не дремите!

— Будьте покойны, сагибъ. Сто глазъ и сто ушей будутъ слѣдить за его движеніемъ.

— А пока прикажите подать намъ карты и побольше вина... Смотрите: хорошаго вина, мистеръ Мартанъ?

— Для офицера?—кивнулъ браминъ въ сторону залы.

— Да, для офицера. Мы будемъ съ нимъ играть и пить.

— Все будетъ готово, сагибъ. Пусть самъ Кришна соизволитъ быть вашимъ помощникомъ. Я сейчасъ распоряжусь.

Х.

Макъ-Иворъ.

Между тѣмъ капитанъ Макъ-Иворъ мирно бесѣдовалъ съ Андреемъ Ивановичемъ, сидя за тѣмъ же столомъ, гдѣ только что передъ этимъ былъ схваченъ несчастный Нарайянъ. Передъ собесѣдниками стояла наполовину опорожненная бутылка шерри. Разговоръ вертѣлся, конечно, на арестъ Нарайяна. Макъ-Иворъ не одобрялъ жестокихъ мѣръ правительства, но, съ другой стороны, допускалъ, что въ настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ правительству ничего иного не остается дѣлать.

— Престижъ британскаго имени уже не тотъ,—говорилъ онъ, медленно потягивая вино изъ стакана.— Эти черные

джентльмены ѣздить въ Европу учиться и набираются тамъ разныхъ идей, которыя прямо наталкиваютъ ихъ потомъ на идею о независимости. Право, мнѣ иной разъ кажется, сэръ, что мы ходимъ здѣсь надъ жерломъ раскаленнаго вулкана, наканунѣ изверженія. Того и гляди, что подъ ногами разверзнется огненная пропасть и поглотитъ насъ всѣхъ, вмѣстѣ съ англазированными сейками и сипаями. Знаете, сэръ, что еще отсрочиваетъ эту неминуемую катастрофу? Это—религіозная рознь, господствующая въ туземномъ населеніи. Магометане ненавидятъ язычниковъ и всегда готовы устроить имъ какую-нибудь пакость; поклонники Брамъ, конечно, платятъ имъ тою же монетой. А за этими двумя религіями стоятъ сотни сектъ, о терпимости которыхъ вы можете судить по сектѣ туговъ... Эта секта, вѣроятно, извѣстна вамъ, хотя по слухамъ? Но сближеніе съ Европой и европейская наука уже вносятъ сюда религіозный индифферентизмъ и недалекъ день, когда всѣ эти религіи и секты сольются въ одной общей ненависти къ чужеземному владычеству. И тогда, сэръ, намъ капутъ...

Въ это время въ дверяхъ показался профессоръ.

— Какая божественная ночь!—заговорилъ онъ, стремительно входя въ залу.—Такая ночь, что руки такъ и чешутся заложить банчишку... Какъ вы думаете, коллега,—продолжалъ онъ, многозначительно подмигивая Андрею Ивановичу,—не сразится ли намъ?

— Что же, сразимся, пожалуй,—нерѣшительно отозвался Андрей Ивановичъ, удивленный необычнымъ предложеніемъ Авдѣя Макаровича.

— А вы какого мнѣнія, мистеръ Макъ-Иворъ?—продолжалъ профессоръ, обращаясь къ капитану.

— Это было-бы прекрасно, мистеръ Сименсъ... Но въ этой трущобѣ не достанешь ни листочка картъ, а къ солдатамъ не хотѣлось-бы обращаться...

— И не зачѣмъ! Вы слишкомъ дурного мнѣнія объ этихъ индійскихъ отшельникахъ, мистеръ Макъ-Иворъ, а

между тѣмъ въ нихъ есть кое-что, напоминающее быть средневѣковыхъ монаховъ въ богатыхъ католическихъ монастыряхъ. Вѣдь они, батенька—my dear little futler—также отказываются отъ всѣхъ мірскихъ прелестей и соблазновъ... Спрашивается, что же имъ остается?

— Что же такое, сэръ?

— Только и остается, сэръ, что карты, вино и женщины!..

— Ха, ха, ха!—расхохотался Макъ-Иворъ, восхищенный неожиданнымъ заключеніемъ профессора.—Вы мистеръ Сименсъ, кажется, уже слишкомъ хорошо ихъ знаете... Ваше здоровье, сэръ!

— Благодарю... И ваше, мистеръ Макъ-Иворъ!

Капитанъ и профессоръ чокнулись и выпили, раскланиваясь другъ другу.

— Знаю-ли я?—продолжалъ свою тему профессор:—Конечно, знаю—и вотъ вамъ доказательства на лицо: вотъ вамъ вино и вотъ вамъ карты!

Дѣйствительно, въ эту минуту въ залу вошли слуги и внесли огромный подносъ, весь уставленный всевозможными бутылками и закусками въ европейскомъ вкусѣ. Поставивъ все это на столъ, передъ собесѣдниками, слуги отретировались и, воротившись вскорѣ, внесли ломберный столъ, зажгли на немъ свѣчи и положили цѣлую грудку новенькихъ, нераспечатанныхъ картъ.

— Картина художественная, мистеръ Макъ-Иворъ! — воскликнулъ профессоръ, созерцая внушительную батарею винъ. А знаете, не пригласить-ли намъ, для компаніи, хоть стараго брамина?

— Пожалуй, не мѣшало-бы,—согласился Андрей Ивановичъ.

— Врядъ-ли это будетъ удобно, господа, — сказалъ Макъ-Иворъ съ нѣсколько смущеннымъ, какъ-будто даже слегка виноватымъ видомъ:—браминъ, вѣроятно, самъ не сядетъ со мною за столъ... Я тоже никогда еще не сидѣлъ за однимъ столомъ съ черными джентльменами...

Пріятели переглянулись.

— Конечно,—продолжалъ капитанъ, — можно было-бы пригласить этого... ну, словомъ, Черпера и его двухъ товарищей, Квека и... какъ его?.. Мисльса... Но, господа...

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно заговорили оба друга.— Пожалуйста, избавьте насъ отъ мистера Черпера съ его медицинскими друзьями.

— Я такъ и думалъ, господа,—сказалъ Макъ-Иворъ.— Я самъ не рѣшился-бы, безъ особенной необходимости, принять ихъ въ свою компанію... Но что же намъ дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Будемъ играть втроемъ,—предложилъ Андрей Ивановичъ.

— Конечно! И при томъ — играть и пить, коллега, играть и пить! Пожалуйста, не забывайте послѣдняго... Итакъ, приступимъ! Мистеръ Макъ-Иворъ на предстоящемъ банкетѣ соблаговолитъ быть нашимъ президентомъ... Неправда-ли, коллега?

— Непремѣнно,—торопливо согласился Андрей Ивановичъ.—Мы васъ просимъ, мистеръ Макъ-Иворъ.

— Благодарю за честь, господа.

— Съ чего же мы начнемъ, мистеръ президентъ?

— Я думаю, сэръ, съ коньяку...

— Soit! Ваше здоровье, мистеръ Макъ-Иворъ! И ваше, коллега!

Игра завязалась. Послышались техническія слова: семпель, очко, на-пе, въ цвѣтъ и масть, гну отъ угла и т. д. Рѣшили метать банкъ поочередно. Первому быть банкометомъ предложили Макъ-Ивору, какъ президенту. При каждой перемѣнѣ счастья пили. Дана карта—пили, убита—пили опять. Пили и съ радости, и съ горя. Выигравшаго обязательно поздравляли, а такъ какъ при каждой таліи непременно кто-нибудь выигрывалъ, то приходилось пить почти безъ перерыва. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что господа Сименсъ и Гречоу при этомъ нѣсколько плутовали,

наливая вино мимо стакановъ и выпивая пустые. За то капитанъ Макъ-Иворъ пилъ искренно и усердно, не пропуская ни одного тоста и осушая стаканы до послѣдней капли.

Послѣдствія не замедлили сказаться. Вскорѣ капитанъ Макъ-Иворъ сдѣлался до крайности веселымъ и смѣшнымъ. Онъ хохоталъ до слезъ при каждой шуткѣ своихъ собесѣдниковъ, находилъ, что каждый изъ нихъ что называется добрый малый—а good fellow,—и самъ старался по мѣрѣ силъ не отставать отъ нихъ въ остроуміи. Въ то же время онъ сдѣлался до крайности откровеннымъ и безъ малѣйшей утайки разсказалъ новымъ пріятелямъ всю свою жизнь. Оба друга скоро узнали, какъ еще въ Оксфордѣ мистеръ Макъ-Иворъ ухитрился задолжать нѣкому Айзеку Абрагамсону нѣсколько тысячъ фунтовъ, причемъ этотъ Айзекъ, пользуясь молодостью и неопытностью слишкомъ юнаго студента, ссужалъ его какими-нибудь десятками двумя-тремя жалкихъ гиней и заставлялъ подписывать за это векселя на цѣлыя сотни. «Это — такъ только пишется, просто для одной формы», увѣрялъ Макъ-Ивора благодѣтельный сынъ Израиля, но когда будущій капитанъ Остиндской службы достигъ совершеннолѣтія, то всѣ эти векселя съ набѣжавшими процентами были представлены ко взысканію...

— Да, господа, если вамъ случится быть въ нашей дорогой горной Шотландіи,—говорилъ словоохотливый Макъ-Иворъ,—вы увидите тамъ, недалеко отъ Ивернесса, на скалѣ, замокъ Иворъ... Не заѣзжайте въ него, господа: тамъ хозяйничаетъ теперь этотъ проклятый соплеменникъ Биконсфильда и Ротшильдовъ. Онъ расположился съ своими безчисленными Айзеками и Саррами въ моихъ старинныхъ праѣдовскихъ залахъ, засиживаетъ старыя рѣзныя кресла и собираетъ въ свой бездонный карманъ мои доходы, а мнѣ высылаетъ сюда, всего-на-всего, одну только шестую часть... Но вѣдь это такая мизерная сумма, господа, что

на нее нельзя имѣть даже порядочнаго хереса! Одинъ Богъ знаетъ, когда это кончится, когда насосется наконецъ эта пѣявка — Айзекъ! Особенно скверно мнѣ приходилось, когда я служилъ въ Англіи, въ кавалерійскомъ полку. Товарищи все богатые люди, у меня же къ несчастію только — одно громкое имя... Именно, господа, къ несчастію: вѣдь вы знаете — *noblesse oblige*... Постоянные кутежи, карты, пари — все это требовало денегъ и денегъ, а меня ужъ опуталъ своею сѣтью векселей: этотъ проклятый жидъ и аккуратно высасывалъ изъ моего кармана каждую гинею, едва только она тамъ заводилась. Я съ горя началъ пить и дошелъ до того, что товарищи стали звать меня — вмѣсто Макъ-Иворъ — *Mac'Ivre, Mac'Ivrogne, Mac'Ivresse*... Несчастія довели меня до того, что въ одну трудную минуту я очутился въ компаніи съ шуллерами. Въ прежнее время вы не выиграли-бы у меня ни одного шиллинга. Кажется, я и теперь еще не забылъ этого искусства... Вотъ, посмотрите, эта дама должна упасть направо... Видите? Валеть-налѣво... Видите? Онъ падаетъ налѣво...

Съ этими словами капитанъ Макъ-Иворъ, на глазахъ пріятелей, нѣсколько разъ передернулъ довольно чисто и проворно.

— Какъ видите, еще не забылъ, — продолжалъ онъ, окончивъ свои шуллерскіе фокусы. — По счастью, судьба избавила меня отъ профессіи шуллера. Мой добрѣйшій дядя, полковникъ Макъ-Иворъ, который, между прочимъ, относится ко мнѣ съ почтеніемъ, какъ къ главѣ фамиліи... Да... такъ дядя купилъ мнѣ патентъ капитана и отправилъ въ Индію. Здѣсь я служу, какъ видите... Съ заблужденіями молодости я раздѣлался начисто... Въ карты не играю... развѣ изрѣдка... На женщинъ не трачусь... Да помилуйте, что здѣсь за женщины! Ну, отъ вина, положимъ, я не отказываюсь... но... пью крайне умѣренно... и... и если-бъ меня увидѣлъ теперь кто нибудь изъ старыхъ товарищей... то... то конечно не назвалъ-бы... не назвалъ-бы меня *Mac'Ivre*...

Съ этими словами умѣренный капитанъ положилъ оба локтя на столъ, склонилъ на нихъ свою отяжелѣвшую голову и заснулъ сномъ праведника.

XI.

М а с к а р а д ъ.

Оба друга нѣсколько времени молча созерцали эту картину. Авдѣй Макаровичъ отъ такого созерцанія даже почувствовалъ нѣчто вродѣ угрызеній совѣсти. По этому поводу онъ уже намѣревался сказать своему коллегѣ что-то вродѣ того, что стыдно обижать такую добрѣйшую овечку, какъ вдругъ, поднявъ глаза, онъ, за спиною капитана, въ черномъ четырехугольникѣ двери, открытой въ корридоръ, замѣтилъ какую то бѣлую фигуру, дѣлавшую таинственные знаки. Профессоръ приложилъ палецъ къ губамъ по адресу Грачева и осторожно, на ципочкахъ, выбрался изъ залы.

Въ корридорѣ, прячась въ темнотѣ, стоялъ Нарайянь въ бѣлой кисейной туникѣ брамина. Авдѣй Макаровичъ вошелъ за нимъ во внутренность храма.

— Отъ души благодарю васъ и вашего друга, мистеръ Сименсъ,—сказалъ Нарайянь, крѣпко пожимая руку профессора,—вы спасли мнѣ жизнь. Благодарность моя изсякнетъ только вмѣстѣ съ жизнью...

— Совершенные пустяки, мистеръ Нарайянь... Право, благодарить не стоитъ,—отговаривался сконфуженный профессоръ.—Наконецъ, мы обязаны были это сдѣлать, потому что вы попались въ руки сыщика по нашей винѣ...

— Нѣтъ, сагибъ, не отказывайтесь отъ моей благодарности. Это благороднѣйшее изъ человѣческихъ чувствъ и только имъ однимъ я могу заплатить за вашу услугу.

— Ну, полноте, мистеръ Нарайянь... Мы оба такъ рады, что вы снова свободны... Жаль только одного, мистеръ Нарайянь... Но что же мы тратимъ время? Вѣдь вамъ нужно скрыться какъ можно скорѣе, пока васъ не хватились.

— Успокойтесь, сагибъ: меня не хватятся до утра. А здѣсь я въ полнѣйшей безопасности. Вы видѣли, войдя сюда, я заперъ дверь? При малѣйшей попыткѣ отворить эту дверь, я скроюсь мгновенно, такъ что и вы не успѣете замѣтить, куда я скрылся, и цѣлыя тысячи англійскихъ сыщиковъ не найдутъ даже моихъ слѣдовъ, хотя-бы имъ пришлось разобрать по камню весь храмъ... Такъ чего же вамъ жаль, мистеръ Сименсъ?

— Да это пустяки, мистеръ Нарайянъ... Пожалуй, вы еще снова попадете въ бѣду.

— Я догадываюсь о чемъ вы хотите сказать, сагибъ. Дѣло идетъ о рукописи, неправда-ли? Будьте покойны: прочту и переведу вамъ ее во что-бы то ни стало. Я скоро дамъ знать, гдѣ мы снова можемъ сойтись безопасно.

Нарайянъ вынулъ пзъ волосъ длинную черепаховую спицу и разломалъ пополамъ.

— Вотъ, сагибъ,—продолжалъ онъ, подавая профессору одну половинку,—къ вамъ сегодня или завтра явится человѣкъ съ другою половиной и когда обѣ половины сойдутся въ изломѣ, вы можете смѣло слѣдовать за посланнымъ: онъ приведетъ васъ прямо ко мнѣ. Не бойтесь, въ какія-бы страшныя мѣста ни повелъ онъ васъ, съ вами не случится ни малѣйшей непріятности. Васъ будутъ тщательно охранять отъ всякой опасности. Можете вполнѣ положиться на слово преданнаго... друга, если позволите такъ выразиться. А теперь, до свиданія, сагибъ.

— До скорого свиданія, мистеръ Нарайянъ.

— Позвольте еще разъ пожать вашу руку, мистеръ Сименсъ. Не забудьте передать мою благодарность вашему другу. Дверь здѣсь, сагибъ. Только отодвиньте задвижку.

Когда Авдѣй Макаровичъ, отворивши дверь, снова оглянулся во внутренность храма, Нарайянъ уже исчезъ, какъ будто провалился сквозь землю.

Также на цыпочкахъ, безъ малѣйшаго шума, профес-

соръ воротился въ залу, гдѣ Грачевъ все еще наслаждался созерцаніемъ спящаго капитана.

— Ну, что? — спросилъ Андрей Ивановичъ: — это былъ Нарайянъ?

— Тсъ! — зашипѣлъ Авдѣй Макаровичъ: — *les murailles ont des oreilles*.

— И точно не зная, что капитанъ прекрасно говорить по-французски, а по-русски не понимаетъ ни полслова, профессоръ наклонился къ самому уху Андрея Ивановича и шепнулъ довольно громко:

— *L'oiseau s'en vole!*

— Отлично! Поздравляю!

Оба пріятеля отъ души пожали другъ другу руки и даже поцѣловались.

— А жаль бѣднягу капитана, — продолжалъ профессоръ, — ему будетъ непріятность.

— Бѣдный Макъ-Иворъ! — вздохнулъ Андрей Ивановичъ, сочувственно взглянувъ на спящаго.

— Успокойтесь, — прошепталъ за ними чей-то голосъ, — ему ничего не будетъ.

Оба пріятеля въ испугъ обернулись: на порогъ стоялъ Черперъ въ костюмѣ Нарайяна... Длинною вышитой кисеею съ головы пундита онъ обмоталъ себѣ всю голову; только въ одномъ мѣстѣ еще торчалъ наружу непослушный клочекъ рыжей баки. На его широкой, приземистой фигурѣ неуклюже сидѣлъ сѣрый шелковый кафтанъ пундита съ двумя жемчужными застежками; широкіе кисейные панталоны волочились по землѣ и почти совсѣмъ закрывали своими складками желтые башмаки съ загнутыми носками. Фигура получалась до того комичной, что оба пріятеля, позабывъ всякую осторожность, единодушно расхохотались и настолько громко, что Черперъ въ одно мгновеніе вылетѣлъ въ корридоръ. Профессоръ опомнился первый и со страхомъ посмотрѣлъ на Макъ-Ивора. Но капитанъ спалъ попрежнему, положивши на столъ свою отяжелѣвшую го-

лову. Переждавъ нѣсколько времени и убѣдившись, что все спокойно, Черперъ снова вошелъ въ залу, крайне осторожно вступая на однихъ носкахъ и боязливо поглядывая въ сторону капитана.

— Вы съума сошли, господа, — прошепталъ онъ съ недовольною миной. — Не могли вы отложить вашъ смѣхъ до завтра?

— Ну-ну, мистеръ Черперъ, не сердитесь пожалуйста, — успокаивалъ его профессоръ, съ трудомъ сдерживая новые приступы смѣха. — Вольно же вамъ было устроить такой забавный маскарадъ.

— Маскарадъ маскарадомъ, сэръ, а осторожность осторожностью. A lie well stuck to is better than truth. Изъ-за вашей неумѣстной веселости могло погибнуть все дѣло.

— Ну, полноте!.. Кажется, все въ порядкѣ?

— Да, что меня касается, я сдѣлалъ свое дѣло. Теперь очередь за вами, мистеръ Сименсъ.

— Вы желаете получить чекъ?

— Да, какъ было условлено.

— А вы ручаетесь, что Нарайяна не найдутъ завтра же утромъ?

— Ну, мистеръ Сименсъ, собственно говоря, это уже не мое дѣло, а дѣло Нарайяна, но если вы хотите знать, то, пожалуй, я вамъ скажу, что найти его не такъ легко, какъ вы думаете. Вы знаете, что его разыскивали нѣсколько мѣсяцевъ и если бы вы случайно не навели меня на его слѣдъ, то, по всей вѣроятности, розыски эти не привели бы ни къ чему.

— Но теперь, когда слѣдъ его найденъ? — спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Былъ онъ найденъ, мистеръ Гречоу, а теперь — снова пропалъ... Увѣряю васъ, что въ подобной кучѣ камней, — при этомъ Черперъ кивнулъ головой по направленію храма, — въ подобной кучѣ камней цѣлый батальонъ дезертировъ можетъ скрываться такъ удобно, что другой

батальонъ сыщиковъ даже не найдетъ его слѣда. Повѣрьте мнѣ, сэръ: я на своемъ вѣку уже имѣлъ дѣло съ этими кротовыми норами... Но, господа, мы проводимъ время...

— Ахъ, да! Коллега, напишите мистеру Черперу чекъ на 1,200 фунтовъ.

Андрей Ивановичъ вынулъ книжку чековъ, написалъ требуемую сумму, подписался и подалъ Черперу.

— All right, — промолвилъ этотъ послѣдній, внимательно осмотрѣвъ чекъ и пряча его въ свой засаленный бумажникъ.

— Такъ вы находите, мистеръ Черперъ, — спросилъ Андрей Ивановичъ, — вы находите, что капитану не грозитъ непріятность за это дѣло?

— Ни малѣйшей, мистеръ Гречоу. Арестантъ былъ на моей отвѣтственности. Вы еще увидите завтра настоящую комедію, сэръ: капитанъ будетъ смѣяться надо мною и моими товарищами, а мы... мы будемъ смѣяться про себя, такъ какъ намъ вѣдь лучше извѣстно, кто изъ насъ двоихъ дѣйствительно одураченъ... Затѣмъ, господа, я бы посоветовалъ вамъ лечь спать. Свѣчъ гасить не зачѣмъ. Эти пустыя бутылки я положу около васъ: пусть подумаютъ, что вы ихъ кончили въ постели; а эту бутылку рома я выпью за ваше здоровье и поставлю около капитана. Ваше здоровье, господа!

Съ этими словами Черперъ приставилъ ко рту почти полную бутылку рома, закинулъ голову назадъ и принялся тянуть, не отрываясь, до тѣхъ поръ, пока не осушилъ ее до капли. Затѣмъ онъ положилъ эту бутылку подъ самымъ носомъ спящаго капитана, прошепталъ ему, подмигивая: *fare well* — и скрылся во мракъ корридора. Друзья тотчасъ же послѣдовали его совѣту, улеглись на свои диваны и скоро заснули сномъ праведниковъ. Въ залѣ еще нѣсколько времени тускло мерпали догоравшія свѣчи; потомъ онѣ стали гаснуть одна за другою. Наконецъ, фитиль послѣдней свѣчи, догорѣвъ до тла, вспыхнулъ еще раза два синеватымъ

огонькомъ и утонулъ въ кипящемъ стеаринѣ, и комната погрузилась въ глубокій мракъ безлунной тропической ночи.

ХІІ.

К о м е д і я.

Было уже довольно поздно, когда капитанъ Макъ-Иворъ проснулся. Мутнымъ взглядомъ окинулъ онъ груды порванныхъ картъ на полу и на зеленомъ полѣ, недопитый стаканъ грога между двумя догорѣвшими свѣчами и порядочную горсть золота, лежащую подъ самымъ его носомъ, вмѣстѣ съ опорожненною бутылкою рома. На сосѣднемъ столѣ виднѣлись не убранные остатки ужина и полуразрушенная батарея бутылокъ. Медленно приподнялъ капитанъ свою тяжелую голову и, протирая глаза, старался припомнить событія прошлой ночи. Прежде всего для этого, конечно, требовалось освѣжить память, а уже извѣстно, что въ такихъ случаяхъ никакое лѣкарство не помогаетъ такъ успѣшно, какъ стаканъ хорошаго коньяку пополамъ съ лимонадомъ. По крайней мѣрѣ капитанъ Макъ-Иворъ тысячу разъ испытывалъ это средство и всегда оставался доволенъ результатомъ. Пошатываясь, добрался онъ до батареи бутылокъ, отыскалъ коньякъ и потянулся за маленькой бутылочкой лимонаду, которая виднѣлась на противоположномъ концѣ стола, но въ это время, неизвѣстно отчего, его такъ сильно качнуло, что онъ едва удержался на ногахъ; зато, стоявшій съ нимъ рядомъ стулъ съ трескомъ полетѣлъ на полъ. Стукъ этотъ разбудилъ Авдѣя Макаровича.

— Ау, Андрей Ивановичъ!—крикнулъ по обыкновенію профессоръ, поднимаясь съ своего жесткаго ложа. Но Андрей Ивановичъ даже не пошевелинулся. Вмѣсто него откликнулся капитанъ, уже справившійся съ лимонадомъ.

— Ваше здоровье, мистеръ Сименсъ!—проговорилъ онъ

сиплымъ басомъ, поднимая дрожащею рукою стаканъ приготовленной смѣси.

— А! Вы уже за дѣломъ, дорогой капитанъ?

— Совѣтую и вамъ, сэръ, послѣдовать моему примѣру: освѣжаетъ прекрасно.

— Да? Но я, знаете-ли, предпочитаю сначала умыться.

Омовеніе произошло съ обычною церемоніей, нисколько не удивившей капитана, который хорошо зналъ мѣстные нравы. Но поданный затѣмъ завтракъ привелъ его въ совершенное восхищеніе, такъ какъ онъ очень любилъ хорошо покушать. Вдобавокъ къ этому, въ продолженіе завтрака, мистеръ Макъ-Иворъ успѣлъ настолько *освѣжиться*, благодаря изобилію освѣжительныхъ матеріаловъ, что даже предложилъ уважаемому мистеру Сименсу и не менѣе уважаемому мистеру Гречоу продолжать прерванный банкъ. Но ни мистеру Сименсу, ни мистеру Гречоу вовсе не улыбалось подобное времяпрепровожденіе—тѣмъ болѣе, что въ немъ уже не было никакой надобности. Они подумывали о томъ, какъ бы повѣжливѣе развязаться съ добродушнымъ капитаномъ, не обижая Макъ-Ивора и не насилуя своихъ привычекъ. Къ счастью для обоихъ друзей, въ это самое время въ залу вошелъ чернолицый сержантъ сипаевъ и вывелъ ихъ изъ затрудненія. Онъ доложилъ капитану, что уже все готово къ выступленію и что времени терять нельзя, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, они не успѣютъ къ ночи добраться до Магабанпура, а ночевать въ лѣсу или въ горахъ, какъ хорошо извѣстно самому капитану, было бы не только неудобно, но и опасно. Противъ такого вѣскаго аргумента капитанъ не могъ найти никакого возраженія. Онъ ограничился только тѣмъ, что приказалъ подождать его нѣсколько минутъ и затѣмъ выступать, помѣстивъ арестанта въ середину отряда.

— Вотъ видите, господа,—сказалъ, грустно покая, Макъ-Иворъ, когда сержантъ вышелъ изъ залы,—видите, какъ пріятно быть военнымъ? Не успѣешь познакомиться съ хо-

рошими людьми (капитанъ снова икнулъ), какъ уже долгъ службы разрываетъ сердечныя привязанности и, быть можетъ,—навсегда. Конечно, мы уже не встрѣтимся... Но повѣрьте, мистеръ Гречоу и вы, мистеръ Сименсъ, что я всегда съ удовольствіемъ буду вспоминать время, которое имѣлъ честь провести вмѣстѣ съ вами. Если вамъ понадобится какая-нибудь услуга, если въ то время, когда вы уже будете на своей далекой родинѣ, вамъ понадобится здѣсь какая-нибудь справка, что-нибудь нужно будетъ отсюда выслать — словомъ, что бы вамъ ни понадобилось, черкните только двѣ строчки на имя капитана Макъ-Ивора и онъ всегда съ удовольствіемъ исполнитъ ваше порученіе.

Оба друга съ чувствомъ искренней пріязни пожали руку добрѣйшаго капитана, совершенно не подходившаго къ типу холоднаго и надутаго англичанина, съ какимъ до этихъ поръ имъ приходилось сталкиваться въ Индіи.

— Кстати, господа,—вспомнилъ Макъ-Иворъ, остановившись у двери зала,—не хотите-ли вы сказать нѣсколько словъ Нарайяну? Я къ вашимъ услугамъ.

Пріятели переглянулись.

— Я только что хотѣлъ васъ просить объ этомъ, многоуважаемый капитанъ,—отозвался хитрый профессоръ.

— Такъ пойдемте.

При входѣ въ слѣдующую комнату ихъ встрѣтило встревоженное лицо Мисльса, одного изъ помощниковъ Черпера.

Капитанъ строго нахмурилъ брови.

— Куда же онъ дѣвался, сэръ?—спросилъ сухо Макъ-Иворъ.—Конечно, онъ около арестанта?

— Нѣтъ, капитанъ, его тамъ нѣтъ... Арестантъ находится въ отдѣльной комнатѣ, подъ карауломъ, но Черпера тамъ нѣтъ...

— Куда нибудь вышелъ, можетъ быть?

— Никто не видалъ его, сэръ. Мы ищемъ его цѣлое утро.

— Во всякомъ случаѣ я не могу его ждать. Онъ долженъ знать свои обязанности. Пусть потомъ догоняетъ отрядъ.

Капитанъ подошелъ къ двери, передъ которою сидѣлъ на стулѣ товарищъ Мисльса.

— Арестантъ здѣсь?—спросилъ капитанъ.

— Да, сэръ,—отвѣчалъ, пріотворяя дверь, Мисльсъ: — Вонъ онъ—сидитъ на стулѣ... связанный...

— Связанный! — вскричалъ Макъ-Иворъ: — Что за варварство!.. Сержантъ! Неужели онъ такъ оставался цѣлую ночь?

— Не знаю, сэръ, — замылся струсившій сержантъ. — Вы изволили приказать... вы изволили отдать его на руки этимъ господамъ... Это ихъ дѣло.

— Чортъ знаетъ, что такое... Мучить человѣка! Войдемте, господа.

Въ небольшой комнатѣ, низко опустивъ голову на грудь и подогнувши ноги подъ стулъ, сидѣлъ человѣкъ въ костюмѣ Нарайяна, со связанными назадъ руками.

— Развяжите ему руки!—немедленно приказалъ капитанъ. — Что за чортъ!—вскричалъ онъ, подходя: — Откуда у Нарайяна рыжая борода? Что вы за человѣкъ? Встаньте! Ха, ха, ха! Да это—Черперъ! Какъ вы сюда попали?

Всѣ были до крайности удивлены такимъ пассажемъ. Изъ двери выставились любопытныя головы солдатъ. Отъ изумленія у сержанта, казалось, глаза хотѣли выскочить изъ орбитъ.

— Что это за маскарадъ? — продолжалъ допрашивать повеселѣвшій капитанъ. — Да говорите-же, чортъ возьми! Гдѣ Нарайянь?

Черперъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, скорѣе похожій на мычанье, чѣмъ на человѣческій голосъ. Капитанъ разсердился.

— Что вы—пьяны, сэръ? — закричалъ онъ, покраснѣвъ отъ гнѣва.

Черперъ снова издалъ тотъ же звукъ. Казалось, во рту у него находилось постороннее тѣло, которое мѣшало ему говорить. Придя къ этой мысли, капитанъ заглянулъ къ нему въ ротъ и съ громкимъ смѣхомъ вытащилъ оттуда толстую пробку отъ шампанскаго.

— Ха, ха, ха! Черперъ, вы совсѣмъ уже превращаетесь въ винную бутылку, — даже находите нужнымъ затыкать себѣ горлышко!

Черперъ отвѣчалъ только стономъ, но въ то же время бросилъ на русскихъ туристовъ такой плутовской взглядъ, что оба друга расхохотались до слезъ.

— Неправда-ли, господа, чрезвычайно комическій случай? — замѣтилъ Макъ-Иворъ, съ большимъ трудомъ удерживаясь отъ смѣха. — Гдѣ же Нарайянъ? — продолжалъ онъ уже серьезно, обращаясь къ Черперу. — Да говорите же, чортъ возьми! Или у васъ отрѣзанъ языкъ? Гдѣ Нарайянъ?

— Ушелъ! — со стономъ отвѣчалъ Черперъ.

— Ушелъ! Ха, ха, ха! Вотъ прекрасно. Что же, вы его сами выпустили, помѣнявшись съ нимъ платьемъ? Ха, ха, ха! А вѣдь къ вамъ очень идетъ этотъ костюмъ! Пройдитесь, пройдитесь! Ха, ха, ха! Не дурно! Сколько вы взяли съ вашего арестанта, чтобъ отпустить его на свободу?

— Ничего не взялъ, сэръ, — отвѣчалъ жалобно Черперъ.

— Ничего! Ну, это всего смѣшнѣе! Что же вы такъ сплеховали?

— Тутъ вмѣшалась чертовщина.

— Вотъ что! Ха, ха, ха! Ну, ну, расскажите, что это за чертовщина?

— Сэръ, вчера вечеромъ я сидѣлъ въ наружной комнатѣ и... и... около меня была бутылка виски...

— Ха, ха, ха! И вы пили виски до того, что сами сдѣлались бутылкою виски и вамъ понадобилась пробка!

— Капитанъ! Грѣшно смѣяться надъ несчастіемъ человека, — обидѣлся Черперъ.

— Хотя-бы этотъ человекъ былъ сыщикомъ? — спросилъ съ ироніей Макъ-Иворъ, дергая себя за усы и стараясь принять серьезный видъ. — Ну, хорошо! Продолжайте.

— Я пилъ виски дѣйствительно... Но, сэръ, какая-нибудь бутылка виски для меня значитъ то же, что стаканъ воды...

— Вѣрю.

— Я пилъ виски, сэръ, и меня все что-то тянуло посмотрѣть, что дѣлаетъ арестантъ. Товарищи мои караулили дверь. Квеккъ, кажется, стоялъ, а Мисльсъ...

— Это я стоялъ, — поправилъ Мисльсъ.

— Да, дѣйствительно: Мисльсъ стоялъ, а Квеккъ дремалъ на стулѣ..

— Ну, что же дальше?

— Я говорю, сэръ, что меня такъ и подмывало пойти въ комнату и посмотрѣть, что дѣлаетъ Нарайянъ. Я наливаю себѣ виски, а меня точно кто тянетъ туда, точно кто шепчетъ мнѣ на ухо: пойдѣ и посмотри... Я долго крѣпился... Наконецъ, не выдержалъ, взялъ ключъ у Мисльса и вошелъ въ комнату...

— Нарайянъ былъ тамъ?

— Онъ сидѣлъ на этомъ самомъ стулѣ, на которомъ вы нашли меня. Руки у него были связаны назадъ. Когда я вошелъ, онъ уставилъ на меня глаза — точно очковая змѣя... Словомъ, сэръ, я почувствовалъ то же, будто на меня глядитъ змѣя...

— Понимаю.

— Я стоялъ, какъ столбъ, и не могъ пошевелинуться. Тогда Нарайянъ всталъ, поднялъ руку...

— Какъ же онъ могъ поднять руку? Вѣдь вы говорите, что у него были связаны руки за спиною?

— Да, сэръ, руки у него были связаны. Когда я вошелъ, я хорошо это видѣлъ.

— Ну-съ, онъ поднялъ руку?

— Да, сэръ, поднялъ руку, указалъ мнѣ на стулъ и шепнулъ: «сядь».

— И вы сѣли?

— Да, сэръ... И что было потомъ — ничего не помню.

— Странно!

— Вѣроятно, Нарайянь васъ загипнотизировалъ? — схитрилъ профессоръ.

— Не знаю, сэръ, что это значить: «гипнотизировать». Я пришелъ въ себя утромъ, когда въ сосѣдней комнатѣ стали ходить солдаты. Я хотѣлъ закричать, но не могъ. Въ комнату нѣсколько разъ заглядывали — то сержантъ, то Мисльсъ, то Квеккъ, но я не могъ ни пошевелиться, ни позвать кого-нибудь изъ нихъ...

— Не могли пошевелиться?

— Да, сэръ. Именно въ такомъ состояніи вы меня нашли здѣсь.

— Странно... очень странно!.. Значить, Нарайянь ушелъ въ вашемъ платьѣ? Вы, Мисльсъ, видѣли, какъ вошелъ сюда Черперъ?

— Да, сэръ.

— И видѣли, какъ онъ отсюда вышелъ?

— Да, сэръ.

— Долго онъ здѣсь пробылъ?

— Да и минуты не пробылъ. Сейчасъ же вышелъ обратно.

— И вы видѣли, что это вышелъ именно Черперъ, а не Нарайянь?

— Какъ же, сэръ, отлично видѣлъ: это былъ Черперъ.

— Вовсе это былъ не я, — перебилъ съ досадой Черперъ, — я сидѣлъ здѣсь на стулѣ.

— Можетъ быть, вы видѣли только человѣка, одѣтаго въ платье Черпера, — продолжалъ допрашивать капитанъ, — но лица его не видѣли?

— Нѣтъ, сэръ, я и въ лицо его видѣлъ: это былъ Черперъ. Онъ мнѣ отдалъ ключъ отъ двери и подошелъ сначала къ тому столу, а потомъ ушелъ туда, въ корридоръ. Я тогда еще подумалъ, что онъ пошелъ переговорить о чемъ-нибудь съ вами.

— Странно... чрезвычайно странно! — замѣтилъ въ раздумьи капитанъ. — Неправда-ли, мистеръ Сименсъ, забавная исторія? Какъ вы объ этомъ думаете? Ха, ха, ха! Мистеръ Черперъ, какъ это вы попали въ просакъ? Пропали ваши 600 фунтовъ!

— Капитанъ Макъ-Иворъ, я прошу васъ обыскать немедленно эту дьявольскую нору! — внезапно потребовалъ разсерженный Черперъ. — Нарайянь навѣрно еще здѣсь. Во всякомъ случаѣ онъ не успѣлъ далеко уйти.

Лица обонхъ друзей мгновенно вытянулись.

— Обыскивайте, сэръ, — сухо отвѣчалъ капитанъ и отвернулся отъ сыщика.

— Я прошу васъ, — настойчиво продолжалъ Черперъ, — я прошу васъ, сэръ, прикажите оцѣпить весь храмъ кругомъ часовыми и дайте мнѣ солдатъ для обыска.

— Сержантъ, разставьте часовыхъ вокругъ зданія, — приказалъ Макъ-Иворъ, — и отрядите въ распоряженіе этого господина двѣнадцать человѣкъ сипаевъ. — Пойдемте, господа, — продолжалъ онъ, обращаясь къ нашимъ друзьямъ. — Подождемъ, чѣмъ кончатся эти поиски.

XIII.

Напрасныя опасенія.

Благодаря такой неожиданной перемѣнѣ въ поведеніи Черпера, оба друга почувствовали себя въ положеніи курицы, которую внезапно окунули въ холодную воду. Они смотрѣли на вѣроломнаго англичанина самымъ укоризненнымъ взоромъ, но былъ-ли замѣченъ этотъ взоръ мисте-ромъ Черперомъ, покрыто мракомъ неизвѣстности. По

крайней мѣрѣ сыщикъ уже не обращалъ на русскихъ ни малѣйшаго вниманія. Торопливо сбрасывая непривычный нарядъ и переодѣваясь въ свое обыкновенное платье, онъ горячо совѣщался со своими подозрительными товарищами, вѣроятно, о предстоящихъ поискахъ. Постоявъ еще нѣсколько времени, глядя на сборы сыщиковъ, оба друга печально поплелись вслѣдъ за капитаномъ.

Они нашли его на привычномъ мѣстѣ, за столомъ, съ стаканомъ вина въ рукахъ.

— Знаете-ли, господа, — встрѣтилъ ихъ Макъ-Иворъ: — хоть мнѣ, какъ агенту британскаго правительства, не слѣдовало-бы такъ говорить, но во всякомъ случаѣ, у меня не отнято же право имѣть собственное мнѣніе, — и потому я скажу открыто: я отъ души радъ, что Нарайяну удалось надуть этого противнаго сыщика.

Въ отвѣтъ на спичъ капитана друзья только печально улыбнулись.

Макъ-Иворъ въ это время допивалъ стаканъ. Подождавъ еще нѣсколько мгновений отвѣта, онъ съ удивленіемъ поднялъ глаза и, пристально посмотрѣвъ на обоихъ друзей, только тутъ замѣтилъ ихъ вытянутыя фізіономіи.

— А! Понимаю, въ чемъ дѣло, — протянулъ онъ, вставая со стула. — Вы, кажется, встревожены, господа? — продолжалъ онъ, подходя къ нимъ и конфиденціально понижая голосъ. — Не думаете-ли вы, что Черперу удастся снова захватить Нарайяна?

— Черперъ теперь не одинъ, мистеръ Макъ-Иворъ, — сухо сказалъ Грачевъ.

— Да, сэръ, — добавилъ Авдѣй Макаровичъ, — ему теперь помогаютъ ваши солдаты...

— И кромѣ того, — продолжалъ Андрей Ивановичъ, — храмъ оцѣпленъ часовыми.

Пока оба друга высказывали поочередно свои соображенія, Макъ-Иворъ поворачивалъ голову то къ одному, то къ другому. Затѣмъ онъ взялъ Грачева за верхнюю

пуговицу сюртука, легонько потянуль къ себѣ и шепнуль съ торжествующей улыбкой:

— Сэръ! Клянусь вамъ этой рукой, которая имѣетъ честь держать пуговицу вашего сюртука... Кстати, сэръ, держу пари, что этотъ сюртукъ сшитъ въ Лондонѣ... Да?

Андрей Ивановичъ утвердительно кивнуль головой.

— Ну, вотъ видите. У меня на это прекрасный глазъ, сэръ... Ну-съ, такъ держу пари... то-есть, клянусь вамъ чѣмъ угодно и на какую угодно «сумму»,— хотѣль добавить капитанъ, но сообразивъ, что клясться на какую бы то ни было сумму нельзя, продолжалъ, не докончивъ фразы, — клянусь, что сотни сыщиковъ, подобныхъ Черперу, не найдутъ теперь даже слѣда Нарайяна! Его можно было захватить только врасплохъ, когда онъ считалъ себя въ безопасности. Но теперь, когда онъ уже предупрежденъ,— повторяю, сэръ,—найти его невозможно.

— Но если онъ не успѣлъ уйти отсюда раньше, чѣмъ храмъ былъ оцѣпленъ часовыми?—попробоваль усомниться Авдѣй Макаровичъ.

— Онъ и не ушелъ, сэръ,—горячо заговорилъ Макъ Иворъ, переходя отъ пуговицы Грачева къ пуговицѣ профессора,—онъ не ушелъ и ему не зачѣмъ уходить! Вы не знаете, сэръ, что такое эти индѣйскіе храмы? Это такой лабиринтъ всевозможныхъ тайниковъ, такая путаница кротовыхъ норъ, что, разъ попавши туда, можно проплутать цѣлыя недѣли, не находя выхода... Конечно, вы понимаете, что на требованіе Черпера я не могъ отвѣчать отказомъ, какъ агентъ правительства, я долженъ былъ оказать ему содѣйствіе. Я далъ ему солдатъ... Но я не могу быть вполне увѣренъ, что они воротятся ко мнѣ *sain et sauf*, что они не будутъ заживо похоронены въ какомъ-нибудь *caslot*, вмѣстѣ съ этими негодяями—сыщиками, которымъ, по правдѣ сказать, туда и дорога...

— Вы думаете, что это возможно? — спросилъ Грачевъ.

— Вполнѣ возможно, сэръ. И не только я, но и ни-

какая сила въ мірѣ не будетъ въ состояніи ихъ оттуда спасти, если того не пожелаютъ сами господа черные джентльмены. Впрочемъ, я надѣюсь, что Нарайянъ и этотъ старый черный джентльменъ... этотъ старый браминъ...

— Мистеръ Мартанъ?

— Да, кажется, Мартанъ... Я надѣюсь, что они этого не сдѣлаютъ. Конечно, они могутъ мстить и даже, по моему мнѣнію, имѣютъ право за зло платить зломъ... Но они этого не сдѣлаютъ.

— Я то же думаю, мистеръ Макъ-Иворъ, — согласился въ раздумьѣ профессоръ.

— Да, сэръ, они этого не сдѣлаютъ. Они слишкомъ тонкіе политики, чтобы изъ такихъ пустяковъ поднимать на ноги правительство. Во всякомъ случаѣ, исчезновеніе дюжины солдатъ надѣлало-бы шуму, вызвало-бы навѣрное административныя репрессаліи, которыхъ и такъ за глаза довольно. Но что касается Черпера съ товарищами, то они играютъ рискованную игру.

— Такъ вы полагаете, капитанъ, что имъ можетъ грозить опасность?

— Только не здѣсь, мистеръ Сименсъ, не здѣсь. Храмы, сэръ, сколько мнѣ извѣстно, вполне безопасны. Они служатъ только своимъ *saclots*. Но несчастіе съ Черперомъ можетъ случиться гдѣ-нибудь на дорогѣ, — вообще такъ и при такихъ условіяхъ, чтобы оно не могло принести вреда какому-нибудь храму или другому учрежденію, не навлекло подозрѣнія на какое-нибудь лицо или въ особенности — на цѣлую корпорацію, какъ это непременно было-бы, еслибъ случай произошелъ здѣсь.

Противъ такихъ соображеній ничего нельзя было возразить. Повидимому, капитанъ хорошо зналъ мѣстныя условія и, если нѣсколько преувеличивалъ, то, вѣроятно, съ цѣлью успокоить и развеселить своихъ новыхъ пріятелей. Дѣйствительно, оба друга, благодаря разсужденіямъ

Макъ-Ивора, значительно ободрились и хотя не могли еще совершенно успокоиться, но уже съ большею увѣренностью рассчитывали, что Нарайянъ съумѣетъ избѣгнуть грозящей ему опасности. Между тѣмъ, считая предметъ достаточно истощеннымъ, капитанъ снова вернулся къ столу и налилъ три стакана шампанскаго.

— Надѣюсь, господа, — сказалъ онъ, поднимая свой стаканъ, — вы не откажетесь предложить тостъ, провозгласить который, по своему официальному положенію, я считаю себя не въ правѣ, — тостъ за спасеніе извѣстнаго вамъ лица? Не правда-ли? Что до меня, то я тогда съ удовольствіемъ выпью свое вино.

Профессоръ подошелъ къ столу и взялъ стаканъ.

— Если вы, капитанъ, допускаете подобный тостъ, — сказалъ онъ, — то я съ величайшимъ наслажденіемъ предложилъ-бы выпить это вино за спасеніе мистера Нарайяна!

— Отъ души желаю ему избѣжать когтей Черпера съ братією! — крикнулъ Андрей Ивановичъ, звеня своимъ стаканомъ о стаканъ профессора.

— Soit! — поклонился сговорчивый Макъ-Иворъ и, чокнувшись съ обоими друзьями, медленно выпилъ свое вино.

— А теперь, господа, — продолжалъ онъ, ставя на столъ опорожненный стаканъ, — такъ какъ намъ *volens-nolens* приходится дожидаться конца этихъ поисковъ (хотя въ результатъ ихъ мы заранѣе увѣрены), то не приняться-ли намъ пока за дѣло, — капитанъ показалъ на карточный столъ, — чѣмъ сидѣть въ непростительной праздности?

Друзья не нашли возможности отказаться отъ предложенія капитана.

— Вы правы, мистеръ Макъ-Иворъ, — вскичалъ хитрецъ-профессоръ, устроивъ веселую фізіономію и принимаясь за карты. — Мы учили еще въ азбукѣ, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ...

— И въ томъ числѣ — карточной игры, — замѣтилъ Ан-

дрей Ивановичъ, въ свою очередь присаживаясь къ карточному столу.

Началась игра и продолжалась вплоть до вечера съ такимъ же результатомъ, какъ вчера. Отъ постоянныхъ возліяній капитанъ дошелъ до такой степени откровенности, что уже началъ рассказывать о бѣлокурой Мэри, въ которую онъ былъ влюбленъ и которая его такъ любила, что обѣщала на всю жизнь остаться ему вѣрною, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того вышла замужъ за сосѣдняго богатаго помѣщика-спортсмена, у котораго такія божественныя собаки, какихъ нѣтъ у самого герцога Аргайля... Разсказъ его былъ прерванъ приходомъ Черпера въ сопровожденіи чернолицаго сержанта.

— Капитанъ, — сказалъ Черперъ, подмигивая обоимъ друзьямъ, — я пришелъ доложить вамъ, что мы перерыли всѣ трущобы въ этомъ чертовомъ гнѣздѣ и нигдѣ не могли найти бѣглеца. Не угодно-ли вамъ сдѣлать какихъ-либо распоряженій? Сержантъ здѣсь.

Но капитанъ уже забылъ свое официальное положеніе. Грузно оперевшись локтями на столъ, онъ уставился мутнымъ взглядомъ на Черпера и постарался, хотя не совсѣмъ удачно, подмигнуть ему съ лукавымъ видомъ.

— Очень радъ!.. Очень, очень радъ! — заговорилъ онъ заплетающимся языкомъ. — Весьма пріятно слышать... Я этого ожидалъ и... и — пусть-бы чортъ побралъ всѣхъ сыщиковъ на свѣтѣ! — заключилъ онъ неожиданно, повысивъ голосъ. Затѣмъ, одушевившись глоткомъ грога, Макъ-Иворъ ударилъ по столу такъ, что карты вѣромъ полетѣли на полъ и два стакана съ грогомъ упали разбитые, и закричалъ дикимъ голосомъ. — Ступайте къ чорту, сэръ! Сержантъ, гони каналью въ шею! Чтобъ духу его не пахло!..

Этотъ неожиданный пассажъ удивилъ и встревожилъ обоихъ друзей и до крайности напугалъ сержанта, который немедленно ретировался отъ взбѣсившагося капитана за дверь, заставивъ уйти вмѣстѣ съ собою и Черпера.

Показавъ себя съ новой стороны, капитанъ нѣсколько времени просидѣлъ молча, уставивъ воспаленные глаза на дверь, за которою скрылись сержантъ и Черперъ; затѣмъ на его лицѣ неожиданно появилось выраженіе стыда. Онъ закрылъ рукою глаза и заговорилъ глухимъ голосомъ:

— Я знаю, господа, вы сдѣлали обо мнѣ невыгодное заключеніе. Я готовъ извиниться... но... только передъ вами. Я сознаюсь, что поступилъ въ вашемъ присутствіи недостойно джентльмена. Но... всему виной лишняя выпитая рюмка, клянусь вамъ! И... и кромѣ того, я терпѣть не могу сыщиковъ. Еще въ Оксфордѣ у меня постоянно чесались руки, когда длинный носъ педеля нюхалъ воздухъ въ моей кельѣ и открывалъ въ каминѣ винную пробку... А относительно Черпера—чортъ возьми!—я остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Повѣрьте мнѣ, если вы наплюете ему въ фізіономію и дадите гнию, онъ самъ предложитъ вамъ—плюнуть еще разъ, чтобы получить другую... Слово джентльмена, господа! Но... но передъ вами я виноватъ... и... и это меня огорчаетъ... Слово джентльмена!.. Да... огорчаетъ...

Съ этими словами капитанъ пригорюнился еще больше, положивъ локти на столъ, опустилъ, по вчерашнему, на нихъ свою отяжелѣвшую голову, глубоко вздохнулъ и заснулъ безмятежнымъ сномъ.

— Чортъ знаетъ, что такое!—сказалъ наморщившійся Андрей Ивановичъ.—Наконецъ, мнѣ эта исторія начинаетъ надоѣдать.

— Что дѣлать, коллега!—отозвался профессоръ.—Это нѣкоторымъ образомъ искупительная жертва.

— Надѣюсь, что послѣдняя?

— Конечно. Завтра мы развяжемся съ Макъ-Иворомъ... А вѣдь, какъ мѣтко прозвали его товарищи! Mac'Ivre! Ха, ха, ха!

— Это просто возмутительно! Я не могу на него смотрѣть хладнокровно. Человѣкъ добрый, хорошій—и до чего доводитъ его несчастная слабость!

— Да, коллега, вы правы. Еслибъ не эта слабость, признаюсь, мнѣ трудно было-бы съ нимъ разстаться.

— Что, уже готовъ? — слышался за ними шопотъ Черпера.

— Ахъ, это вы? — обернулся профессоръ. — Какъ это вы всегда незамѣтно подкрадываетесь!

— Не всегда, мистеръ Сименсъ. Но иногда случается... А какъ цикнулъ на меня капитанъ? Не любить онъ меня, господа. Пустой аристократишка! Моя профессія ему не нравится, — а самъ хорошъ въ настоящемъ положеніи! Я по крайней мѣрѣ, дурно-ли, хорошо-ли зарабатываю себѣ хлѣбъ, — но что стало-бы съ нимъ безъ дядюшкиной поддержки?

Черперъ подошелъ къ столу и отыскалъ бутылку съ коньякомъ.

— Съ вашего позволенія, — сказалъ онъ, наливая себѣ стаканъ. — А не правда-ли, господа, ловко разыгралъ я свою комедію? — продолжалъ онъ, прищурившись въ сторону капитана. — Ваше здоровье! — заключилъ онъ и выпилъ залпомъ налитое вино. Затѣмъ онъ снова налилъ стаканъ и продолжалъ:

— Надѣюсь, что я честно заработалъ свои деньги... А кстати, господа: вы, конечно, еще долго останетесь здѣсь?

Авдѣй Макаровичъ сразу почувалъ разставляемый силокъ.

— Что же намъ здѣсь дѣлать? — отвѣтилъ онъ вопросомъ на вопросъ, устроивъ совершенно невинную физиономію.

— Но вѣдь для вашихъ работъ Нарайянъ вамъ нуженъ?

— Во-первыхъ, Нарайяна здѣсь нѣтъ, .. а во-вторыхъ, что же намъ платить ему даромъ? — выпалилъ неожиданно профессоръ и самъ почувствовалъ, что краснѣетъ. — Теперь мы можемъ обойтись и безъ его помощи. Работа настолько подвинулась, что мы и сами сладимъ.

— Это другое дѣло, сэръ. Но простите нескромный вопросъ: куда вы думаете ѣхать отсюда?

— А вотъ осмотримъ нѣсколько храмовъ въ горахъ,— продолжалъ вратъ профессоръ,—а затѣмъ отправимся, вѣроятно, въ Калькутту... Впрочемъ, мы еще окончательно не рѣшили.

— Очень жаль, сэръ, что вы не тотчасъ ѣдете въ Калькутту. Я могъ-бы васъ сопровождать и указалъ-бы нѣсколько весьма любопытныхъ предметовъ. Я довольно хорошо знаю Индію. Но вы ѣдете въ горы, а туда, при всемъ желаніи, я не могу васъ сопровождать.

— Да, мы ѣдемъ въ горы, мистеръ Черперъ, — подтвердилъ профессоръ и зѣвнулъ продолжительно и аппетитно.

— Виновать, сэръ, вы, какъ я вижу, хотите спать?— догадался Черперъ.—Я сейчасъ уйду... Только позвольте мнѣ унести съ собою эту бутылку: въ ней еще есть немного коньяку.

Профессоръ ограничился тѣмъ, что только кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Покойной ночи, господа! Уже не рано,—закончилъ Черперъ, овладѣлъ бутылкой и вышелъ изъ зала.

Было дѣйствительно не рано. Благодаря этой сутолокѣ, волненію по поводу поисковъ Нарайяна и вознѣ съ капитаномъ, чувствовалась не то усталость, не то какая-то тяжесть. Поэтому, вслѣдъ за уходомъ Черпера, друзья погасили свѣчи и улеглись спать.

XIV.

Ночное путешествіе.

Послѣ волненій тревожно проведенной ночи друзья проснулись довольно поздно. Въ комнатѣ все уже было прибрано и слѣды двухдневной оргіи съ капитаномъ Макъ-Иворомъ заботливо уничтожены. Самъ капитанъ съ своимъ отрядомъ и сыщиками еще до разсвѣта выступилъ по дорогѣ въ Магабанпуръ, оставивъ записку, въ которой извинялся предъ русскими путешественниками, что наканунѣ вечеромъ

вель себя не совѣмъ согласно съ достоинствомъ джентльмена. Не столько обязанности службы, сколько это послѣднее обстоятельство заставило его поспѣшить выступленіемъ, не дожидаясь ихъ пробужденія, такъ какъ ему совѣстно было показаться имъ на глаза. Тѣмъ не менѣе, онъ беретъ на себя смѣлость увѣрить мистера Сименса и мистера Гречоу, что онъ всегда останется ихъ покорнѣйшимъ слугою: стоитъ же только написать по его адресу въ Малабанпуръ, и онъ съ величайшимъ удовольствіемъ исполнитъ ихъ любое порученіе—насколько только хватитъ силъ и умѣнья.

— Добрѣйшій Макъ-Иворъ! — сказалъ растроганный Андрей Ивановичъ, прочитавши записку капитана.—Какой прекрасный, благородный человѣкъ!

— Да, коллега, — согласился профессоръ. — Признаюсь, мнѣ его ужасно жаль. Въ этой глуши, почти не видя порядочныхъ людей, онъ навѣрно скоро сопьется.

Не зная, какъ убить время въ ожиданіи извѣстія отъ Нарайяна, наши пріатели попробовали сами переводить рукопись, но вскорѣ же принуждены были отказаться отъ этой попытки. Не смотря на то, что профессоръ твердо устроилъ алфавитъ рукописи и при чтеніи, какъ казалось, постоянно встрѣчались знакомыя слова, общій смыслъ фразъ, за весьма рѣдкими исключеніями, оставался непонятенъ, а толкованія и объясненія производили только еще большую путаницу.

Наконецъ, поздно вечеромъ, Мартанъ ввелъ къ нимъ какого-то чернаго, почти совѣмъ голаго туземца, который, развернувши грязную тряпицу, служившую ему головнымъ уборомъ, досталъ изъ нея и подалъ Авдѣю Макаровичу обломокъ черепаховой спицы. Когда профессоръ сложилъ этотъ обломокъ съ своимъ и они составили одно узкое цѣлое, индусъ, точно обрадовавшись сверкнулъ своими огромными бѣлками и указывая рукою на дверь, заговорилъ что-то очень быстро, безпрестанно повторяя: инго-ва! инге-ва!

— Онъ зоветъ васъ съ собою, — сказалъ Мартанъ.—

Онъ говоритъ, что все готово, что васъ ожидаетъ толпа носильщиковъ и провожатыхъ и что завтра утромъ вы увидите человѣка, который его послалъ.

— Но, мистеръ Мартанъ, удобно-ли будетъ путешествовать ночью?—спросилъ осторожно Андрей Ивановичъ.

Когда Мартанъ перевелъ вопросъ, посланный Нарайяна какъ-то презрительно оскалилъ зубы и снова заговорилъ по—своему, горячо жестикулируя руками.

— Онъ увѣряетъ,—передалъ Мартанъ,—что вы будете совершенно безопасны, что ни хищный звѣрь, ни змѣя, ни недобрый человѣкъ не осмѣлятся показаться на вашемъ пути; что тотъ, кого охраняетъ раджъ-йоги, могутъ быть вполне покойны во всякій часъ дня и ночи. Между тѣмъ, ночное путешествіе тѣмъ удобно, что не привлечетъ вниманія тѣхъ, которые теперь хотя и не въ состояніи сдѣлать зло Нарайяну, но ваше свиданіе съ нимъ могутъ оттянуть на неопредѣленное время.

— А вы какъ думаете объ этомъ, мистеръ Мартанъ? — спросилъ профессоръ.

Мартанъ пожалъ плечами.

— Пожалуйста, не подумайте, что я хочу отдѣлаться отъ васъ,—сказалъ онъ,—но я бы довѣрился посланному Нарайяна, во-первыхъ, потому что Нарайянъ не послалъ-бы къ вамъ человѣка, не заслуживающаго довѣрія, а во-вторыхъ, потому что ваша безопасность гарантирована самимъ раджъ-йоги.

— Кто это раджъ-ойги? — спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Это лицо, обладающее такою-же, если не большею, силою, какъ и извѣстный вамъ махатма Нариндра. Вѣроятно, подъ защитою Нариндры вы чувствовали бы себя вполне безопасно?

— Конечно,—поспѣшилъ согласиться Андрей Ивановичъ, вспомнивъ о приключеніи съ тигромъ.—Но что это? Что это за человѣкъ?

— По всей вѣроятности, вы скоро узнаете его лично...

Но если вы можете отложить ваше свиданіе съ Нарайяномъ, я былъ-бы радъ, сагибы, еслибы вы погостили у меня еще нѣсколько времени.

— За ваше предложеніе, мистеръ Мартанъ, мы очень благодарны и вполне увѣрены, что оно сдѣлано отъ очень чистаго сердца, — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Но намъ немедленно необходимо видѣть мистера Нарайяна, такъ какъ безъ него мы не можемъ кончить дѣла, ради котораго сюда пріѣхали. Мы и такъ уже много потратили времени на безплодные поиски, поэтому намъ нужно спѣшить, чтобы наверстать потерянное.

— Въ такомъ случаѣ, сагибъ, люди ждутъ васъ на дворѣ храма. У нихъ есть паланкинъ, въ которомъ вы спокойно можете спать во время дороги. Носильщики понесутъ ваши вещи, а впереди и позади пойдутъ вооруженные люди съ факелами. Несмотря на то, что ночь очень темна, вы можете быть вполне увѣрены въ своей безопасности.

Путешественники простились со старымъ браминомъ, и скоро маленькій караванъ въ глубокомъ молчаніи, не зажигая факеловъ, точно крадучись, спустился въ долину, надъ которой возвышался храмъ Кришны. Чья-то заботливая рука плотно задвинула занавѣски паланкина. Очувтившись въ совершенной темнотѣ, убаюкиваемые мѣрнымъ покачиваніемъ паланкина, наши герои откинулись на мягкія подушки своего экипажа и погрузились сначала въ дремоту, а затѣмъ въ глубокій сонъ. Въ просонкахъ имъ слышались порой шумъ деревьевъ и крики обезьянъ и попугаевъ, разбуженныхъ свѣтомъ факеловъ; порой заставлялъ ихъ вздрагивать далекій ревъ тигра, на мгновеніе покрывавшій все голоса ночи.

Предъ разсвѣтомъ ихъ разбудило неловкое положеніе паланкина, при которомъ ихъ ноги оказались значительно выше головы. Раздвинувъ занавѣски, они увидали вокругъ себя горы, снѣжныя вершины которыхъ уже сверкали въ

лучахъ пока еще невидимаго въ ущельѣ солнца. Кругомъ разстился суровый горный пейзажъ. Голыя скалы, обрывистые, почти отвѣсные бока утесовъ, груды камней, обрушившихся съ ближайшихъ высотъ, загромождали узкую тропинку, по которой, далеко впередъ и назадъ, растянулся караванъ, сопровождавшій нашихъ путешественниковъ. По обѣ стороны паланкина шли люди, вооруженные копьями съ широкими, блестящими остріями, тяжелыми сѣкирами и мечами странной формы. У нѣкоторыхъ были ружья съ небольшими треугольными прикладами. Впереди каравана, на маленькой горной лошаdkѣ, ѣхала какая-то темная фигура, завернутая въ длинный плащъ. «Не это-ли раджъ-йоги?» подумалъ Андрей Ивановичъ.

Узкая тропинка, извивавшаяся то вправо, то влѣво, наконецъ круто повернула за уголъ утеса и передъ глазами путешественниковъ открылась горная площадка, пространствомъ въ нѣсколько десятковъ сажень, нѣчто вродѣ карниза, примкнутого къ отвѣсному боку горы. Въ центрѣ этой площадки виднѣлось нѣчто вродѣ монастыря, у воротъ котораго и остановился караванъ.

XV.

Р а д ж ѣ - й о г и.

Первое лицо, встрѣтившее нашихъ путниковъ при выходѣ изъ паланкина, былъ Нарайянъ.

— Привѣтствую васъ, джентльмены, въ такой черной трущобѣ, куда никакіе сыщики не заберутся,—сказалъ онъ весело пожимая руки пріятелямъ.—Здѣсь совершенно безопасно мы можемъ продолжать наши занятія. Но прежде я совѣтовалъ бы вамъ обратить вниманіе на грандіозный видъ, который открывается съ высоты этой площадки. Мы, индусы, вообще хладнокровны къ красотамъ природы. Какой-нибудь цвѣтникъ, плодовый садъ, даже просто поле, засѣянное рисомъ, производятъ на насъ большее впечатлѣ-

ніе, чѣмъ красивѣйшій ландшафтъ, на которомъ европеецъ готовъ проглядѣть свои глаза. Пока намъ приготовятъ завтракъ, не хотите-ли дойти до края площадки, откуда видны не только долины Пагора, но и благословенныя равнины Индостана.

Видъ на самомъ дѣлѣ оказался поразительнымъ: у ногъ нашихъ путешественниковъ какъ-будто внезапно развернулась необъятная рельефная карта страны, на которой рѣки рисовались тонкими серебряными нитями, лѣса казались небольшими пятнышками причудливой формы, крошечными кусочками бархатистаго моху, а города — микроскопическими бѣлыми точками, ярко блестящими подъ лучами утренняго солнышка. Тѣмъ не менѣе этотъ видъ произвелъ не одинаковое впечатлѣніе на обоихъ пріятелей. Въ то время, когда профессоръ стоялъ точно очарованный, не сводя глазъ съ раскинувшейся предъ нимъ картины, и даже не находилъ словъ, чтобы выразить свой восторгъ, Андрей Ивановичъ, привыкшій въ своихъ заоблачныхъ странствіяхъ къ подобнымъ видамъ *à vol d'oiseau*, когда земля кажется необъятною чашей съ приподнятыми краями, относился къ ландшафту гораздо хладнокровнѣе. Его болѣе занимала мысль о таинственномъ раджь-йоги, подъ покровительствомъ котораго находились они съ товарищемъ во время своего ночного путешествія.

— Скажите, пожалуйста, мистеръ Нарайянъ, — спросилъ онъ, когда восторги профессора нѣсколько поулеглись, — скажите, пожалуйста, кто былъ этотъ всадникъ въ темномъ плащѣ, ѣхавшій верхомъ впереди нашего каравана?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, Нарайянъ на мгновеніе задумался, опустивъ глаза въ землю.

— Это очень замѣчательная личность, — сказалъ онъ, какъ-то нерѣшительно взглянувъ на Андрея Ивановича.

— Раджь-йоги? — быстро спросилъ Грачевъ.

— Откуда вы знаете, мистеръ Гречоу?

— Догадываюсь. Правда?

Нарайянь промолчалъ, какъ будто углубившись въ разсматриваніе вида.

— Развѣ это тайна?— продолжалъ спрашивать Андрей Ивановичъ.

— Вовсе не тайна... Но я право не знаю, какъ вы относитесь къ подобнымъ вещамъ...

— Къ какимъ вещамъ, мистеръ Нарайянь? Я даже не знаю, что такое раджь-йѳги.

— Такъ вы ничего не слыхали о йогизмѣ?

— Должно быть, ничего... Авдѣй Макаровичъ, вы знаете, что такое йогизмъ?

— Йогизмъ?—повторилъ профессоръ, съ трудомъ отрываясь отъ созерцанія вида.—Что такое йогизмъ? Кажется, какая-то религіозная секта... А впрочемъ, мистеръ Нарайянь это лучше знаетъ. Объясните-ка намъ, мистеръ Нарайянь, что такое йогизмъ.

— Вы придаете мнѣ слишкомъ много значенія, мистеръ Сименсъ. Объяснить, что такое собственно йогизмъ, я не умѣю, но у васъ въ Европѣ въ настоящее время происходитъ мистическое движеніе, какъ реакція противъ крайностей ученія матеріалистовъ. Поэтому, я думаю, что вы сами догадаетесь, что такое йѳги, если припомните своихъ гипнотистовъ, магнетизеровъ, спиритовъ, теософистовъ и разнаго рода супранатуралистовъ.

— Но вѣдь это все—или безтолковые мечтатели, или шарлатаны-фокусники,—замѣтилъ профессоръ.

— Можетъ быть... Вамъ лучше знать, мистеръ Сименсъ. Одно только могу сказать, что наши йѳги, если и дѣлаютъ фокусы, то эти фокусы нельзя объяснить никакими доселѣ извѣстными физическими или механическими законами. Примѣры вы, кажется, видѣли уже въ Нариндрѣ...

— Такъ, значить, Нариндра—тоже йѳги?

— Не знаю. Я хотѣлъ сказать, что йѳги дѣлаютъ такія же чудеса, какъ и Нариндра. Извѣстно-ли у васъ, въ Европѣ, что они по произволу умираютъ, что ихъ зары-

вають въ землю, надъ ихъ могилой сѣютъ хлѣбъ и когда онъ поспѣваетъ, убираютъ его, а затѣмъ разрываютъ могилу похороненнаго йоги и тотъ оживаетъ?

— Я что-то читалъ объ этомъ, — припомнилъ Андрей Ивановичъ, — но я полагалъ, что это сказки, придуманныя путешественниками для оживленія ихъ скучныхъ книгъ.

— Это фактъ, мистеръ Гречоу: я могу увѣрить васъ въ этомъ, какъ очевидецъ. Если вы поживете здѣсь подольше, вы, вѣроятно, сами будете свидѣтелемъ подобнаго случая. Магабанпурскій раджа, наримѣръ, любитель подобнаго рода развлеченій и всегда обставляетъ ихъ съ особенной торжественностью.

Слово «раджа» напомнило Андрею Ивановичу вопросъ, который давно уже вертѣлся у него на языкѣ.

— А что такое раджъ-йоги? — спросилъ онъ: — особый видъ этой секты, или іерархическая степень?

— Раджъ-йоги значить: раджа йоговъ, повелитель, князь, господствующій надъ йогами.

— Званіе это передается по наслѣдству? — полюбопытствовалъ профессоръ.

— Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Онъ прежде всего — учитель, глава школы или секты — какъ хотите... Йоги — его ученики, адепты и нужно пройти довольно продолжительный искусь, чтобы удостоиться чести быть принятымъ въ ихъ число. Но этого еще недостаточно. Внутри школы существуетъ строжайшая іерархія знанія и могущества. Только немногіе изъ принятыхъ въ ученики достигаютъ высшихъ степеней, доступныхъ йогамъ. Остальные всю жизнь тщетно ожидаютъ посвященія въ тѣ тайны, которыя ставятъ йоговъ такъ высоко надъ обыкновенными смертными... Но разговоръ нашъ затянулся, а вамъ слѣдуетъ позавтракать и отдохнуть...

— Позвольте еще одинъ вопросъ... Что касается отдыха, то мы спали всю ночь...

— И свѣжи, какъ розы, — пошутилъ профессоръ.

— Какой же вопросъ, мистеръ Гречоу?

— Будемъ-ли мы имѣть удовольствіе познакомиться съ таинственнымъ раджъ-йоги, который уже сдѣлалъ намъ честь, принявъ подъ свое покровительство?

— Не знаю, сэръ... Не могу вамъ сказать ничего опредѣленнаго. Это зависитъ исключительно отъ его желанія и если онъ не захочетъ, то нѣтъ силы, которая-бы его заставила.

Но раджъ-йоги оказался доступнѣе, чѣмъ предполагалъ Нарайянь. Въ то время, когда гости сидѣли за завтракомъ въ полутемной сводчатой комнатѣ монастыря, отведенной въ ихъ распоряженіе, къ нимъ вошелъ высокій стройный индусъ, лѣтъ 26. Его идеальная красота сразу привлекла ихъ вниманіе и — что особенно поразило ихъ — это рѣдко встрѣчающійся между туземцами цвѣтъ его волосъ и глазъ: у него были темно-голубые глаза, переходящіе почти въ синій цвѣтъ, и свѣтло-русые, слегка вьющіеся волосы. На немъ было что-то вроде темно-вишневой широкой рясы, подъ которой виднѣлась голубая рубашка или блуза съ воротомъ и рукавами, красиво вышитыми серебромъ. Онъ вошелъ съ открытой головой: очевидно, онъ не носилъ ни тюрбана, ни платка, съ которыми индусы никогда не расстаются. Онъ остановился у дверей и вѣжливо поклонился.

— Деодара Арія Суами, — сказалъ онъ мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ, когда Нарайянь, а по его примѣру и оба путешественника поднялись къ нему навстрѣчу.

— Да будетъ благословенъ приходъ Деодары Аріи Суами, — отвѣчалъ Нарайянь, почтительно наклоняя голову. — Мы почтемъ себя счастливыми, если онъ раздѣлитъ съ нами трапезу.

— Съ удовольствіемъ, — согласился Деодара.

Всѣ снова усѣлись на полъ вокругъ низкаго стола, на которомъ стояли самыя простыя туземныя кушанья и узкогорлые кувшины съ чистой водой. Наши друзья были такъ заняты таинственнымъ гостемъ, что почти забыли свой

аппетитъ, и только, какъ дѣти на ярмаркѣ, слѣдили за каждымъ движеніемъ Деодары. Между тѣмъ самъ Деодара держалъ себя чрезвычайно просто и тотчасъ же, безъ всякой церемоніи, занялся варенымъ рисомъ, запивая его глотками свѣжей воды. Порой, когда онъ поднималъ глаза на своихъ собесѣдниковъ, невыразимо мягкая, симпатичная улыбка играла на его свѣжихъ, румяныхъ губахъ, слегка опущенныхъ шелковистыми усами и бородой.

— Мы васъ должны поблагодарить, мистеръ Деодара, — сказалъ профессоръ — вы были нашимъ ангеломъ-хранителемъ во время путешествія прошлою ночью.

— Надѣюсь, что сагибовъ ничто не беспокоило въ пути? — спросилъ, улыбаясь, радждъ-йоги.

— О! Мы такъ крѣпко спали, укачиваемые движеніемъ паланкина, что не видали и не слыхали ничего.

— Я очень радъ. А между тѣмъ ваше ночное путешествіе не укрылось отъ сыщиковъ. Такъ какъ завтракъ уже кончился, то не хотите-ли посмотрѣть, какъ они сейчасъ пройдутъ мимо храма?

— Но мистеръ Нарайянь...

— Нарайянь Гаутама Суами также можетъ взглянуть на своихъ гонителей, потому что они будутъ слѣпы и его не увидятъ.

Это предложеніе чрезвычайно заинтересовало нашихъ друзей и самого Нарайяна. Поэтому, когда Деодара, прочитавъ про себя короткую молитву, поднялся изъ-за стола, они все трое послѣдовали за нимъ на площадку, окружавшую храмъ.

XVI.

Предсказанія.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ храма проходила узкая горная тропинка, уходившая далѣе въ горы. Близъ нея лежалъ большой плоскій камень, какъ-будто нарочно положенный для отдыха путешественниковъ. Деодара усадилъ

на него своихъ спутниковъ, самъ сѣлъ между ними и рекомендовалъ не говорить ни слова, что бы они ни увидѣли передъ собою. Затѣмъ онъ сталъ смотрѣть на уголь утеса, изъ-за котораго дорога поднималась на горную площадку, занятую храмомъ. Вскорѣ изъ-за утеса послышались чловѣческіе голоса и на дорогѣ показался всадникъ, окруженный вооруженными людьми. Облако пыли еще мѣшало разсматрѣть лица подходившихъ и только штыки и стволы ружей, сверкавшіе на яркомъ утреннемъ солнцѣ, заставляли предполагать, что это былъ отрядъ сипаевъ.

— Макъ-Иворъ! — шепнулъ профессоръ, всматриваясь въ лицо всадника. Деодара укоризненно покачалъ головою и положилъ палецъ на губы въ знакъ молчанія. Сконфуженный Авдѣй Макаровичъ умолкъ и только продолжалъ всматриваться въ группу приближающихся людей.

Дѣйствительно на конѣ ѣхалъ Макъ-Иворъ. Рядомъ съ нимъ шелъ Черперъ съ своими двумя ассистентами. Въ нѣсколькихъ шагахъ позади тянулся отрядъ сипаевъ. Между Макъ-Иворомъ и Черперомъ очевидно происходилъ крупный разговоръ.

— Чортъ васъ побери, сэръ! — слышался сердитый голосъ Макъ-Ивора. — За какимъ дьяволомъ вы затащили насъ въ эту трущобу? Гдѣ тутъ *devie temple*, о которомъ вы мнѣ твердили? Вы видите — кругомъ только одни камни!

— Можетъ быть, дальше, сэръ.

— Дальше? Я это слышу ужъ не въ первый разъ.

— Вотъ, сэръ, кажется, сидитъ старый факиръ. У него можно будетъ разспросить, — сказалъ Черперъ, указывая на плоскій камень.

Оба путешественника вздрогнули точно отъ электрическаго удара и тревожно взглянули на Деодару и Нарайяна. Но оба индуса сидѣли совершенно спокойно, не спуская глазъ съ приближающихся людей.

— Идите, разспрашивайте, — отозвался сердито Макъ-Иворъ. — Но предупреждаю: если до полудня не будетъ

никакого толку, я оставляю васъ и возвращаюсь въ Магаданпуръ. Такъ вы и знайте.

Черперъ вышелъ впередъ и, поровнявшись съ камнемъ, остановился въ двухъ шагахъ отъ Деодары. Наши герои почувствовали себя въ такомъ положеніи, какъ-будто, прячась отъ погони, они вдругъ очутились на открытомъ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ врагами.

— Эй, ты, старое чучело!—крикнулъ Черперъ, смотря на Деодару,—гдѣ тутъ заброшенный буддійскій монастырь?

— Гляди!—отвѣчалъ Деодара.

— Я и такъ гляжу, старый дуракъ! Отвѣчай толкомъ, а не то попробуешь плети... Что онъ—дальше что-ли?

— Дальше нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно Деодара.

— Ну, гдѣ-нибудь въ сторонѣ?

— Въ сторонѣ нѣтъ.

— Проходили по этой дорогѣ путешественники-европейцы?

— Проходили.

— Гдѣ же они?

— Гляди.

— Ты, старый дуракъ, кажется, смѣешься надо мной?

— Самъ вы дуракъ, сэръ,—вмѣшался Макъ-Иворъ:—зачѣмъ вы предлагаете такіе вопросы, на которые онъ не можетъ отвѣчать? Онъ вамъ сказалъ, что путешественники проходили,—это онъ видѣлъ и сказалъ. Но какъ же онъ можетъ знать, гдѣ они теперь. Ясно, что ихъ надо искать впереди... Впередъ!—скомандовалъ онъ своему отряду и на рысяхъ проскакалъ мимо сконфуженнаго сыщика.

Выждавъ, когда Макъ-Иворъ отѣхалъ на такое разстояніе, съ котораго не могъ его слышать, Черперъ разразился страшнымъ проклятіемъ и погрозилъ ему кулакомъ. Затѣмъ онъ повернулся и пошелъ влѣдъ за отрядомъ.

— Постой! — сказалъ ему Деосара. — Я хочу тебѣ погадать.

— Убирайся ты къ чорту со своимъ гаданьемъ!—обругался Черперъ.

— Погоди: ты узнаешь важныя вещи, которыя тебѣ пригодятся.

— Ну, говори... Только скорѣе...

— Я вижу у тебя на лицѣ, что демонъ корыстолюбія уже выпустилъ когти тигра...

— Фу, чортъ возьми! Эти старые дураки точно сговорились!

— Ты получилъ двойную цѣну крови, но тебѣ еще мало. Берегись: демонъ корыстолюбія растерзаетъ тебя когтями тигра.

Черперъ вздрогнулъ и съ замѣтнымъ страхомъ смотрѣлъ нѣсколько времени въ лицо Деодара. Затѣмъ онъ постарался принять спокойное выраженіе и засмѣялся неестественнымъ смѣхомъ.

— Все это вздоръ и чепуха! — сказалъ онъ, махнувъ рукой, и почти бѣгомъ бросился догонять отрядъ.

— Отъ судьбы не уйдешь, — вздохнулъ Деодаръ, вставая. Въ то-же мгновеніе Нарайянтъ повалился безъ чувствъ на руки профессора: съ нимъ сдѣлался обморокъ отъ напряженія, которое онъ вынесъ, находясь въ двухъ шагахъ отъ своего смертельнаго врага. Впрочемъ, онъ скоро очнулся и черезъ полчаса три друга сидѣли уже надъ древнею рукописью, усердно занимаясь ея переводомъ. Андрей Ивановичъ по обыкновенію писалъ подъ диктовку своихъ товарищей и дѣло быстро подвигалось впередъ.

Вечеромъ къ нимъ въ комнату снова вошелъ Деодаръ.

— Я не помѣшалъ вамъ, сагибы? — спросилъ онъ, вѣжливо наклонивъ голову.

— Помилуйте, мистеръ Деодаръ, мы такъ рады васъ видѣть!

— Я пришелъ вамъ сообщить, что отрядъ, которымъ командуетъ знакомый вамъ офицеръ, воротился въ Магабанпуръ. Но сыщики остались въ горахъ и вѣроятно обыскиваютъ развалины старыхъ буддійскихъ монастырей, разсѣянные по окрестностямъ.

— Слѣдовательно, мистеру Нарайяну опять приходится уходить?

Нарайянъ Гаутама Суами можетъ быть покоенъ. Сыщики сюда не придутъ. Кажется, вы читали какую-то рукопись, если не ошибаюсь?

Андрей Ивановичъ въ краткихъ словахъ разсказалъ Деодаръ исторію своего открытія и содержаніе переведенныхъ страницъ рукописи. Нѣкоторыя болѣе интересныя мѣста были даже прочитаны. Каково же было удивленіе присутствующихъ, когда Деодара указалъ Нарайяну нѣсколько неточностей, допущенныхъ при переводѣ текста на англійскій языкъ. Когда, черезъ нѣсколько времени, Деодара удалился, Нарайянъ сказалъ своимъ европейскимъ друзьямъ:

— Замѣтили вы, джентльмены, какія замѣчанія сдѣлалъ Деодара? Я готовъ думать, что содержаніе рукописи ему извѣстно.

— Но какъ же вы это объясните?

Объяснить дѣйствительно было невозможно. На самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ человѣкъ, незнакомый съ содержаніемъ рукописи, могъ поправлять ошибки, допущенныя при ея переводѣ.

Между тѣмъ переводъ рукописи приближался къ концу. Оставалось перевести всего нѣсколько страницъ. Русскіе торопились скорѣе окончить свою работу. Случалось, что Андрей Ивановичъ дописывался до того, что у него затекали пальцы и отказывались держать перо. Тогда его смѣнялъ профессоръ. Но предварительно онъ выпроваживалъ своего товарища погулять и подышать чистымъ горнымъ воздухомъ, прозрачнымъ, какъ кристаллъ, и живительнымъ, какъ горный ключъ.

Въ одну изъ подобныхъ прогулокъ Андрей Ивановичъ встрѣтился съ Деодарой. Раджа-йоги шелъ задумавшись, окруженный толпою своихъ учениковъ и послѣдователей. Увидѣвъ Андрея Ивановича, онъ ласково улыбнулся и пригласилъ его сѣсть на ближайшій камень.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, — сказалъ онъ, откидывая прядь волосъ, спустившуюся ему на лобъ.

Какъ онъ, такъ и его послѣдователи всѣ были съ открытыми головами и носили длинные волосы и длинныя, широкія одежды. Андрей Ивановичъ сѣлъ и приготовился слушать.

— То, что я вамъ скажу, предназначается только для вашихъ ушей. Поэтому я буду говорить по-русски.

— По-русски! — вскричалъ удивленный Андрей Ивановичъ.

— Что же васъ удивляетъ? Вѣдь мы находимся въ Яшетанѣ, а эта сторона для васъ, русскихъ, не совсѣмъ чужая. Ваша яга-баба—родомъ отсюда.

— Яга-баба?

— Ну да: баба-яга, баба-йоги—какъ хотите называйте. Вашъ профессоръ, обладающій такою склонностью обобщать факты, вѣроятно, уже говорилъ вамъ объ этомъ. Но оставимъ все это въ сторонѣ. Такъ вотъ видите-ли, Андрей Ивановичъ, я совѣтовалъ бы вамъ не возвращаться болѣе на вашъ островъ, или, если вы непременно этого хотите, то повремените возвращаться туда, пока Меркурій и Венера не будутъ видимы въ созвѣздіи Вѣсовъ, Марсъ — въ созвѣздіи Рыбъ, Юпитеръ — въ созвѣздіи Близнецовъ и Сатурнъ—въ созвѣздіи Дѣвы.

— Мистеръ Деодара, я не силенъ въ астрономіи. Поэтому я не могу сообразить, когда именно настанетъ такое совпаденіе планетъ и созвѣздій.

— Это будетъ тогда, солнце вступитъ въ знакъ Стрѣльца... т. е. съ земли будетъ казаться, что оно находится въ этомъ созвѣздіи.

— Вы говорите: въ знакъ Стрѣльца? Это кажется соответствуетъ ноябрю мѣсяцу?

— Да.

— И вы хотите, чтобы я до ноября мѣсяца не возвращался на островъ Опасный?

— Я могу только совѣтовать.

— Какія причины побуждаютъ васъ къ подобному совѣту? И притомъ, что я буду дѣлать въ теченіи цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ?

— Я отвѣчу вамъ сначала на второй вопросъ. Какъ не найти, что дѣлать? Путешествуйте. Вы имѣете къ тому все средства: вы богаты. Наконецъ, помогите вашему другу въ его ученыхъ изысканіяхъ: вы сохраните для міра слѣды исчезающей культуры и прославите свое имя.

— Но мои открытія и безъ того даютъ мнѣ право на безсмертіе...

— Безсмертіе! Какое это странное, самонадѣянное слово! Но пусть будетъ такъ! Ничто не помѣшаетъ вамъ сдѣлать другія открытія.

— Но меня всецѣло занимаетъ мое открытіе на островѣ Опасномъ. Ни о чемъ другомъ я не могу думать.

— Да, я это знаю и это васъ погубить.

— Погубить?

— Да, будетъ причиной такого горя, какого вы не въ состояніи будете перенести.

— Какъ вы можете это знать?

— Это трудно объяснить. У васъ, въ Европѣ, кажется, извѣстно, что грядущія событія могутъ отбрасывать отъ себя тѣнь или скорѣе свѣтъ, подобно тому, какъ восходящее солнце высылаетъ впереди себя слабые лучи разсвѣта. Нѣкоторые люди въ состояніи видѣть эту тѣнь или этотъ свѣтъ, предшествующій событіямъ.

— Кажется, точно такимъ образомъ объясняютъ способность ясновидѣнія, довольно распространенную въ Горной Шотландіи.

— Такъ вотъ видите-ли, мой добрѣйшій Андрей Ивановичъ, я тоже въ состояніи уловить эти слабые лучи, которые недоступны зрѣнію большинства людей и, благодаря такой способности, могу вамъ предсказать, что на островѣ Опасномъ — если вы не воспользуетесь моимъ совѣтомъ -- васъ ожидаетъ большое горе.

— Знаете-ли, мистеръ Деодара, что не вы первый дѣлаете мнѣ подобное предсказаніе?

— Весьма возможно, потому что не я одинъ одаренъ такою способностью. Еще разъ повторяю, что васъ ожидаетъ большое горе. Но вы можете его избѣжать.

— Отложивши поѣздку на островъ до ноября?

— Да... А всего лучше, если не будете читать послѣднихъ страницъ вашей рукописи.

— Но развѣ вы знаете, что въ нихъ содержится?

— Я предвижу.

— Это невозможно!

— Невозможно? Какъ вы можете знать, что возможно и что невозможно? Еслибы до изобрѣтенія микроскопа кто-нибудь сказалъ, что въ каплѣ воды находятся мириады живыхъ существъ и человѣкъ будетъ въ состояніи рассмотреть не только ихъ наружный видъ, но и внутренніе ихъ органы, изучить ихъ питаніе и размноженіе, — вѣдь тогдашніе мудрецы сказали бы, что это невозможно? А между тѣмъ, теперь существуетъ цѣлая наука, изучающая совсѣмъ невидимыхъ существъ, потому что эти кокки, микрококки, бациллы, бактеріи оказываютъ громадное вліяніе и на человѣческій организмъ, и на всю органическую жизнь земного шара. Если бы тѣмъ же мудрецамъ предсказали, какую роль будетъ играть электричество въ видѣ телеграфа и телефона, они, конечно, сказали бы тоже: невозможно. Жалкіе мудрецы, желающіе ограничить своимъ «невозможно» то, что безгранично и бесконечно! Развѣ не вашъ знаменитый Огюсть Контъ, творецъ позитивной философіи, сказалъ, говоря о предѣлахъ астрономіи и физики, что изучить химическій составъ небесныхъ тѣлъ никогда не будетъ возможно? Но явился спектральный анализъ и надъ этою невозможностью теперь смѣются дѣти... Нѣтъ, не говорите никогда: «это невозможно», или ограничивайте всегда словами: «въ данный моментъ, при существующей суммѣ знаній»... Но послѣднихъ страницъ вашей рукописи я все-таки просилъ бы васъ не читать.

— Это почему?

— Потому, что если вы ихъ прочитаете, то не послушаетесь моего совѣта, немедленно отправитесь на островъ и...

— Что «и»?

— Погибнете.

— Вы меня пугаете, мистеръ Деодара.

— Нисколько. Посмотрите на меня: видно-ли во мнѣ желаніе васъ напугать? Нѣтъ, мнѣ васъ отъ души жаль и я искренно желалъ бы васъ спасти.

Андрей Ивановичъ взглянулъ въ лицо Деодара: его синіе глаза смотрѣли такъ ласково и грустно, улыбка его была такъ печальна, что сердце Грачева невольно сжалось предчувствіемъ какой-то бѣды.

— Но я не могу,—сказалъ онъ послѣ непродолжительнаго колебанія,—я не въ силахъ не дочитать рукописи.

-- Я это зналъ. Вы не въ силахъ будете слѣдовать моему совѣту. Я въ тысячный разъ убѣждаюсь, что никакія наши усилія не могутъ измѣнить того, что должно быть. Логика событій неумолима, роковой законъ необходимости царствуетъ надъ міромъ.

Онъ грустно пожалъ руку Андрея Ивановича и ушелъ, окруженный своими учениками.

XVII.

Н а п а д е н і е.

Еслибы Андрей Ивановичъ даже и вздумалъ послѣдовать совѣту Деодары и отказался бы дочитать рукопись, то на это ни за что не согласился бы Авдѣй Макаровичъ, да пожалуй и Нарайянъ: такой захватывающій интересъ имѣли для нихъ послѣднія страницы рукописи. Поэтому, несмотря на предостереженіе Деодары, они всѣ трое съ какою-то лихорадочною поспѣшностью продолжали трудиться надъ переводомъ рукописи.

Наконецъ переводъ былъ конченъ, провѣренъ еще разъ

и окончательно исправленъ. Роль Нарайяна кончилась, европейскіе сагибы должны были разстаться съ своимъ индійскимъ другомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль общей работы они такъ свыклись, сжились съ нимъ, успѣли такъ его полюбить, что разлука съ нимъ была для нихъ далеко не легкой. Но профессоръ рвался въ Европу, чтобы какъ можно скорѣе опубликовать древнѣйшій изъ извѣстныхъ алфавитовъ, обработать и издать въ свѣтъ составленные имъ грамматику и лексиконъ первобытнаго арійскаго языка и, наконецъ, напечатать текстъ рукописи, открытой Андреемъ Ивановичемъ съ переводомъ его на англійскій и русскій языки. Это была такая грандіозная задача, для исполненія которой профессоръ не задумался бы пожертвовать собственной правой рукой, если бы это было нужно для успѣха дѣла. Кромѣ того, у него была громадная поэма, писанная на листьяхъ зонтичной пальмы; одного изданія этой поэмы было достаточно, чтобы высоко поставить его имя среди именъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ ориенталистовъ. Поэтому онъ горячо расцѣловался съ Нарайяномъ, даже слегка прослезился, но ни однимъ лишнимъ днемъ не согласился пожертвовать для него въ этой горной трущобѣ.

Что касается Андрея Ивановича, то онъ еще сильнѣе, чѣмъ профессоръ въ Европу, стремился на свой островъ Опасный. То, что онъ узналъ изъ послѣднихъ страницъ рукописи, заставило его забыть не только все предсказанія и совѣты Деодары, но, кажется, все на свѣтѣ, кромѣ своего Гиппогрифа, который ожидалъ его въ разобранномъ видѣ, забитый наглухо въ ящикахъ, въ Калькуттѣ, на дачѣ мистера Крауфорда, и долженъ былъ перенести его на крыльяхъ вѣтра на островъ Опасный. Напрасно Авдѣй Макаровичъ звалъ его въ Европу, чтобы помочь ему при изданіи рукописей.—Андрей Ивановичъ формальнымъ актомъ передалъ своему товарищу все права на рукопись, присоединивъ къ этому акту чекъ на значительную сумму, которую заставилъ профессора принять на изданіе рукописи, грамматики, сло-

варя, поэмы, писанной на листьяхъ зонтичной пальмы, и на другія ученые изданія, которыя онъ найдетъ нужнымъ предпринять. Для себя онъ удовольствовался только тѣмъ, что списалъ въ записную книжечку послѣднія страницы рукописи. Эти страницы должны были служить ему путеводною нитью, талисманомъ, способнымъ открыть двери рая...

Такимъ образомъ, еще до разсвѣта, изъ воротъ стараго буддѣйскаго монастыря выступилъ караванъ нашихъ путешественниковъ подъ предводительствомъ того самаго индуса Оджали, который былъ посломъ отъ Нарайяна, предъявившимъ профессору половину сломанной черепаховой спицы. Караванъ направился совершенно другою дорогою по горной плоскости и, оставивъ далеко внизу долину, въ которой расположенъ монастырь Мага - Кришну, спустился прямо къ Магабанпүру, прошелъ мимо его южныхъ воротъ и вышелъ на старую дорогу, ведущую къ станціи Наги-Девты.

Оставалось перевалить черезъ узкій и извилистый горный проходъ, чтобы достигнуть долины, въ которой лежала станція Наги-Девты. Но въ то самое время, когда путешественники поровнялись съ продольнымъ ущельемъ, выходящимъ съ сѣвера на этотъ проходъ, какъ оттуда раздались крики: «вотъ они!»—и вслѣдъ затѣмъ караванъ былъ окруженъ толпою вооруженныхъ сейковъ. Къ удивленію своему, путешественники въ предводителѣ этой толпы узнали Черпера. Произошелъ невообразимый переполохъ: кричали погонщики и проводники, ржали лошади, раздалось даже нѣсколько выстрѣловъ. Оджали былъ стащенъ съ сѣдла и связанъ; нѣсколько сейковъ повисли на удилахъ лошадей Андрея Ивановича и профессора; товарищи ихъ принялись грабить багажъ путешественниковъ. Выведенный изъ себя этимъ наглымъ насиліемъ, Андрей Ивановичъ, ударивъ ногой коня, смялъ двоихъ сейковъ, старавшихся его удержать, и подскакалъ къ Черперу. Профессоръ послѣдовалъ его примѣру.

— Негодай! — вскричалъ Грачевъ, отвѣшивая сыщику

полновѣсный ударъ плети,—вы дорого за это поплатитесь! Оставьте насъ и убирайтесь къ чорту съ вашими разбойниками.

— А, сэръ,—заревѣлъ Черперъ, отирая капли крови, выступившей на лицѣ,—за этотъ ударъ вы мнѣ заплатите лишнюю сотню фунтовъ.

— Ни одного фартинга! Развязывайте сейчасъ же Оджали и возвратите намъ ящики съ бумагами!

— Какъ бы не такъ! Такъ я и повѣрилъ, что это какой-то Оджали! Нѣтъ, уже теперь не увернуться вашему пріятелю отъ пеньковаго галстуха, несмотря на его маскарадъ! А вы, сэръ, если не хотите просидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ плѣну у моихъ друзей, напишите сейчасъ чекъ на 10000 фунтовъ и убирайтесь по добру, по здорову.

— Скорѣе васъ повѣсятъ, вмѣсто Нарайяна, чѣмъ вы получите отъ насъ хоть пенни!

— А вотъ увидимъ! Эй, люди! Стащите-ка съ лошадей этихъ господчиковъ да скрутите ихъ покрѣпче. Это русскіе шпіоны!

Оба друга вынули револьверы и рѣшились защищать свою свободу до послѣдней крайности. Но что можно было сдѣлать двоимъ противъ дюжины дикихъ разбойниковъ, къ тому же еще увѣренныхъ въ безнаказанности? Уже звѣрскія лица окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, грозя своими кривыми саблями и закривленными кинжалами... Андрей Ивановичъ нажалъ боевую пружину револьвера, готовый разmozжить голову первому попавшемуся негодяю, но, по счастію, до этого не дошло: въ это самое мгновеніе случилось что-то такое, что заставило всѣ эти звѣрскія лица поблѣднѣть отъ страха и съ жалобными криками: «ракхаза! ракхаза!» разеypаться въ разныя стороны. Не успѣлъ Андрей Ивановичъ оглянуться, чтобы узнать причину этой тревоги, какъ на дорогу выпрыгнулъ громадный королевскій тигръ, вонзилъ свои острые когти и зубы въ тѣло несчастнаго Черпера и съ грознымъ ворчаніемъ унесъ его въ горы. Все это совершилось такъ быстро, что только

кровь несчастнаго указывала направленіе, въ которомъ скрылось ужасное животное. Предсказаніе Нариндры и Деодары исполнилось въ точности: демонъ корыстолюбія растерзалъ Черпера когтями тигра.

XVIII.

Р а з л у к а.

Первымъ опомнился профессоръ. Взглянувъ случайно въ ущелье, онъ увидѣлъ сейка, убѣгавшаго вдали между камнями, загромаждавшими узкую тропинку: на плечѣ у сейка былъ одинъ изъ ящиковъ расхищеннаго у путешественниковъ багажа. Это напомнило Авдѣю Макаровичу его невознаградимую потерю.

— Рукописи! Наши драгоцѣнныя рукописи!—вскричалъ онъ, шпоря лошадь и бросаясь въ ущелье, вслѣдъ за убѣгавшимъ сейкомъ.

Но Оджали, неизвѣстно какимъ образомъ распутавшій себѣ руки, вскочилъ съ земли и повисъ на уздѣ профессорскаго коня.

— Сагибъ, сагибъ!—кричалъ онъ, волочась по землѣ,—куда ты? Тебя тамъ убьютъ! Остановись!

Андрей Ивановичъ подѣхалъ на помощь Оджали.

— Куда вы, въ самомъ дѣлѣ, Авдѣй Макаровичъ?—вскричалъ въ свою очередь Грачевъ, удерживая за руку вырывавшагося профессора:—вѣдь тамъ цѣлая дюжина этихъ разбойниковъ!

— Хоть бы тысяча дьяволовъ!—бѣсновался профессоръ, стараясь вырваться.

— Да полноте же! Опомнитесь!—уговаривалъ Грачевъ.—*Развѣ возможно намъ двоимъ справиться съ толпой вооруженныхъ разбойниковъ?*

— Но рукописи! Наши рукописи! Моя грамматика, лексиконъ! Поэма, писанная на листьяхъ зонтичной пальмы!—

склидалъ почти въ отчаяніи Авдѣй Макаровичъ.

— Во всякомъ случаѣ вдвоемъ мы не въ состояніи ихъ выручить. Нужно обратиться къ постороннему содѣйствію. Намъ, вѣроятно, поможетъ Макъ-Иворъ... Наконецъ, у насъ есть Деодара!

— Но вѣдь, батенька, они унесутъ ихъ въ горы, скроютъ ихъ въ какой-нибудь недоступной трущобѣ!

— Очень они нужны безграмотнымъ сейкамъ! По всей вѣроятности они горько розочаруются, когда увидятъ, чѣмъ набиты наши ящики.

— Въ такомъ случаѣ нужно сейчасъ же ѣхать въ Магабанпуръ. Поскачемъ же, батенька, не теряя минуты!..

— Поскачемъ, только не въ Магабанпуръ, а въ Наги-Девты.

— Зачѣмъ въ Наги-Девты? Вѣдь Макъ-Иворъ въ Магабанпурѣ?

— Мнѣ не за чѣмъ ѣхать въ Магабанпуръ.

— Но вѣдь ваша же рукопись...

— Мнѣ ее пока не нужно. Я списалъ себѣ, что мнѣ понадобится.

— Послушайте, коллега! Вѣдь это измѣна дѣлу! Вы бросаете вашу рукопись на произволъ судьбы. Неужели вы такъ мало цѣните ваше открытіе?

— Вовсе нѣтъ... и вотъ вамъ доказательство: я ѣду его довершить. А что касается рукописи, то, когда вы ее отыщете, она будетъ въ лучшихъ рукахъ, какія я могу только пожелать.

— А если я ее не отыщу? Если переводъ пропалъ?

— Тогда выпишите изъ Россіи остальные снимки или, пожалуй, самый оригиналъ и дѣлайте новый переводъ. Вы знаете, гдѣ найти Нарайяна.

— Я такъ и сдѣлаю... Но поэма на листьяхъ зонтичной пальмы!

— Вы ее найдете: вамъ помогутъ Макъ-Иворъ и Деодара.

— Вы правы, батенька... Деодара, если только захочетъ, сыщеть ее на днѣ моря. Итакъ, рѣшено: мы здѣсь разстанемся—я направо, вы налево.

— Но какъ же мы раздѣлимъ проводника? И притомъ; если я даже уступлю его вамъ, пускаться въ горы вдвоемъ по моему рискованно... Спросите-ка Оджали, Авдѣй Макаровичъ, какъ онъ объ этомъ думаетъ?

Оджали совѣтовалъ ѣхать въ Наги-Девты, составить новый караванъ и нанять побольше вооруженныхъ проводниковъ. Иначе, какъ увѣрялъ онъ, дорога въ Магабандуръ не безопасна. Авдѣй Макаровичъ долженъ былъ согласиться съ его доводами. Еще разъ посмотрѣлъ онъ печально въ ущелье, въ которомъ исчезли его драгоценныя рукописи, вздохнулъ глубоко и поѣхалъ въ Наги-Девты, велѣдъ за Грачевымъ.

Сидя за ужиномъ, въ ожиданіи поѣзда, друзья окончательно опредѣлили свой будущій образъ дѣйствій. Андрей Ивановичъ передалъ Авдѣю Макаровичу все имѣвшіяся при себѣ деньги, оставивъ для себя ровно столько, сколько нужно было на проѣздъ до Калькутты. Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Калькутту, онъ обѣщалъ сдѣлать переводъ въ Магабандуръ, на имя профессора, всей имѣвшейся въ Калькуттскомъ банкѣ суммы, такъ какъ въ его воздушномъ путешествіи на островъ Опасный денегъ ему не понадобится. Послѣ этого, на случай пропажи рукописи и перевода, Андрей Ивановичъ написалъ въ Петербургъ требованіе о высылкѣ Авдѣю Макаровичу другого экземпляра снимковъ съ алюминіевыхъ таблицъ, а если понадобится, то и самыхъ таблицъ, которыя въ томъ же письмѣ передавалъ въ полное и безотчетное распоряженіе профессора. Наконецъ, подъ вліяніемъ предсказаній Деодары, онъ пожелалъ распорядиться своимъ капиталомъ, хранившимся въ Государственномъ Банкѣ. Онъ взялъ листъ бумаги и написалъ своимъ твердымъ, красивымъ почеркомъ:

«Во имя Отца, Сына и Св. Духа! Отправляясь въ опасную экспедицію, исполненную непредвидѣнныхъ случайностей, весь свой благопріобрѣтенный капиталъ, помимо своихъ родственниковъ, которые достаточно обезпечены родовымъ

моимъ имуществомъ, завѣщаю въ пользу высшихъ учебныхъ заведеній (здѣсь были поименованы все русскіе университеты, институты: технологическій, горный, инженерный, академіи медицинская и агрономическія, женскіе медицинскіе и высшіе курсы и т. д.); кромѣ того, такую-то часть капитала назначаю на образованіе 100 стипендій для недостаточныхъ молодыхъ людей, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Душеприказчиками для исполненія этого завѣщанія назначаю профессора С.-Петербургскаго университета Авдѣя Макаровича Семенова и доцента того же университета, доктора Карла Карловича Ликоподіума».

Затѣмъ, подписавши этотъ документъ, онъ передалъ перо Авдѣю Макаровичу.

— Что это такое, батенька?—спросилъ тотъ, глядя на бумагу.

— Прочтите и подпишите.

— Да вѣдь это завѣщаніе.

— Ну, что же? Нужно же куда-нибудь употребить деньги...

— О какихъ опасностяхъ вы тутъ говорите?

— Да мало-ли какія могутъ встрѣтиться на пути... Можетъ лопнуть или загорѣться аэростатъ, молнія можетъ ударить въ него, наконецъ ураганъ можетъ занести туда, откуда не выберешься.

— Ахъ, коллега, коллега! Ъхали-бы вы лучше въ Европу...

— Объ этомъ нечего говорить. *Alea jacta est!*—Вы видите, и я умѣю иногда пользоваться латынью... Ну-съ, вы подписали? Теперь нужно попросить подписать этихъ двухъ джентльменовъ, которые тамъ пьютъ хересъ съ содовой водою.

Эти джентльмены оказались англиканскимъ пасторомъ и полковникомъ американской службы, путешествовавшими по Индіи ради развлеченія. Увидя, въ чемъ дѣло, а тѣмъ болѣе увидѣвъ внушительныя цифры, фигурировавшія въ завѣщаніи,

они съ готовностью согласились подписаться въ качествѣ свидѣтелей и потомъ горячо пожали руки завѣщателю и душеприказчику. Впослѣдствіи Андрей Ивановичъ засвидѣтельствовалъ это завѣщаніе у русскаго консула въ Калькуттѣ, но затѣмъ—дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Въ то время, когда, въ ожиданіи поѣзда, Андрей Ивановичъ устраивалъ свои дѣла, вѣрный Оджали бѣгалъ по сосѣднимъ деревнямъ, составляя новый караванъ и нанимая лошадей и вооруженныхъ проводниковъ для поѣздки въ горы. Дѣло шло настолько успѣшно, что наши друзья почти одновременно могли двинуться въ путь: одинъ съ курьерскимъ поѣздомъ, уходившимъ на югъ, другой верхомъ по только что пройденнымъ горнымъ дорогамъ, на сѣверъ къ Магабанпuru и, можетъ быть, далѣе черезъ Пагоръ къ Ягпистану.

Проводивъ Андрея Ивановича въ вагонъ перваго класса, профессоръ горячо обнялъ и расцѣловалъ его по русскому обычаю со щеки на щеку и долго еще жалъ ему руку.

— До свиданія, коллега! До свиданія въ Европѣ!—кричалъ онъ, стоя уже на платформѣ и махая платкомъ вслѣдъ уходящему поѣзду. Не то отъ напряженія, съ которымъ онъ смотрѣлъ на уносящійся поѣздъ, не то отъ другой причины что-то стало ему туманить зрѣніе. Подавивъ тяжелый вздохъ и точно стыдясь какой-то слабости, профессоръ отвернулся къ стѣнѣ и вытеръ глаза носовымъ платкомъ, затѣмъ спряталъ его въ карманъ и отправился садиться на лошадь, которую Оджали уже держалъ подъ уздцы. Караванъ тотчасъ же двинулся въ горы. Но профессоръ не разъ оглянулся въ ту сторону, куда поѣздъ умчалъ Андрея Ивановича. Предчувствіе говорило ему, что они никогда уже не увидятся на этомъ свѣтѣ, и ему сдѣлалось такъ тяжело и грустно, что онъ совершенно апатично слушалъ болтовню Оджали, чувствуя какую-то странную пустоту, точно то дѣло, которое до этой поры его такъ сильно занимало, вдругъ потеряло для него всякій интересъ.

Между тѣмъ Андрей Ивановичъ, пославши послѣдній привѣтъ Авдѣю Макаровичу, отошелъ отъ окна и осмотрѣлся кругомъ: онъ былъ одинъ въ вагонѣ, предназначенномъ для европейцевъ, и могъ свободно расположиться, какъ дома. Послѣ долгаго и тревожнаго пути верхомъ ему было пріятно отдохнуть на мягкой и удобной мебели; кромѣ того, ему хотѣлось побыть одному, чтобы на просторѣ обсудить еще разъ задуманное имъ предпріятіе. Все было такъ опредѣленно обозначено въ рукописи, что онъ не могъ сомнѣваться въ успѣхѣ. Конечно, въ этомъ было много чудеснаго, почти невѣроятнаго; но, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Индіи, онъ уже пересталъ скептически относиться къ той таинственной области, которую прежде, въ своемъ наивномъ самомнѣніи, считалъ невозможною. Много, что онъ прежде находилъ выдумкой праздноѣ фантазіи, въ послѣднее время онъ долженъ былъ признать за существующіе факты. Кромѣ того, теперь ему часто приходили на умъ слова Деодары, высказанныя по поводу заявленій о невозможности того или другого факта: дѣйствительно, изъ того, что лучшими умами еще недавно считалось за невозможное, сколько теперь сдѣлалось возможнымъ! Всѣ чудеса, о которыхъ говорилось въ арабскихъ сказкахъ, стали уже простымъ реальнымъ фактомъ, неспособнымъ никого удивить: чудесная зрительная труба, драгунъ-дубинка и коверъ-самолетъ перешли уже въ дѣйствительную жизнь и, кромѣ того, есть многое такое, что и не снилось даже пылкой фантазіи араба. Въ виду этого нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять рукописи. Если многое, что теперь существуетъ, было неизвѣстно прежде, то и наоборотъ, что неизвѣстно теперь, могло быть извѣстно прежде, только знаніе это погибло вмѣстѣ съ исчезнувшей цивилизаціей и, можетъ быть, именно ему назначено судьбой воззвать къ новой жизни это забытое знаніе. Какъ хорошо онъ сдѣлалъ, что списалъ для себя послѣднія страницы рукописи! Что-бы онъ сталъ теперь дѣлать? Ждать, пока вышлютъ изъ

Россіи другой экземпляръ снимковъ и затѣмъ переводить снова? Но въ это время онъ навѣрное сошелъ-бы съ ума отъ нетерпѣнія. Сидя въ вагонѣ, онъ ощупалъ боковой карманъ сюртука, съ цѣлью удостовѣриться, цѣлы-ли драгоценныя страницы, и затѣмъ вынулъ ихъ, чтобы перечитать снова.

XIX.

Остатки рукописи.

Это все, что осталось отъ утраченной рукописи!.. Нѣтъ, впрочемъ, не все! Остались еще первыя страницы, переведенныя Андреемъ Ивановичемъ на русскій языкъ. Онъ задумалъ этотъ переводъ для будущаго изданія рукописи, но измѣнившіяся обстоятельства, а главное —неожиданные факты, о которыхъ сообщается въ концѣ рукописи, помѣшали ему докончить начатую работу. Кромѣ того, у него было нѣсколько отрывковъ, нѣсколько неудавшихся черновыхъ, переводъ которыхъ былъ потомъ передѣланъ и, наконецъ, — послѣднія страницы рукописи, переписанныя имъ для себя особо. Андрей Ивановичъ подобралъ эти отрывки въ послѣдовательномъ порядкѣ и погрузился въ чтеніе. Вотъ эти строки:

— «Я жрецъ великаго Бога, въ которомъ начало, продолженіе и конецъ всего существующаго въ мірѣ. Я жрецъ великаго Бога, который тройственъ въ своемъ проявленіи во вселенной: въ созиданіи, охраненіи и разрушеніи всего живущаго, но единиченъ какъ отецъ и источникъ жизни, ибо изъ всякаго разрушенія возникаетъ новая жизнь, ибо конецъ стараго знаменуетъ начало новаго. Я жрецъ великаго Бога: народъ зоветъ меня Алушти и это справедливо, ибо я присутствовалъ, по крайней мѣрѣ, мыслью, при созданіи этого міра, видѣлъ его развитіе, процвѣтаніе и увяданіе; теперь я вижу его разрушеніе и вѣрю, что изъ этого разрушенія произойдетъ начало новаго міра, но я не увижу его, ибо я не желаю этого.

Я родился въ старомъ мірѣ, жилъ въ немъ и съ нимъ вмѣстѣ умру, хотя и въ моей власти пережить его. Но я умру вмѣстѣ съ нимъ, ибо все лучшее, что привязывало меня къ жизни, умерло. Я могъ-бы воззвать къ жизни безпѣннѣйшую для меня жизнь, которая находится теперь въ оцѣпенѣніи, но я не сдѣлаю этого, ибо это навлекло-бы на меня проклятіе горшее всѣхъ проклятій, которыя тяготѣютъ надо мною.

Божественная Аріасвати! Я—жрецъ великаго Бога, ежедневно, ежеминутно молюсь тебѣ, сожигаю передъ тобою священныя благовонія, но я не воззову тебя къ жизни. Если мнѣ, съ моею очерствѣлою душой, тяжело и страшно видѣть это медленное, но постоянное и неотразимое разрушеніе нашего міра,—каково это было-бы тебѣ, трижды рожденная, вѣчно-юная богиня-дѣва? Каково было-бы тебѣ видѣть разрушеніе и гибель всего дорогого и любимого, съ чѣмъ ты слилась душой, чѣмъ ты жила въ этомъ мірѣ? Развѣ можетъ быть для тебя утѣшеніемъ то, что на развалинахъ этого міра возникнетъ новый, быть можетъ, лучшій? Кто скажетъ мнѣ, какое мѣсто займешь ты въ этомъ новомъ мірѣ? Что, если вмѣсто радости и наслажденій, ты встрѣтишь въ немъ несчастіе и горе, если, вмѣсто благословенія, ты найдешь поруганіе? Все возможно въ круговоротѣ живущаго; все это бывало и въ нашемъ мірѣ. Нѣтъ, божественная Аріасвати, я слишкомъ виноватъ передъ тобою, чтобы навлечь на тебя еще новыя страданія. Пусть лучше погрузишься ты въ небытіе, вмѣстѣ съ разрушающимся міромъ... Но будетъ-ли это для тебя небытіемъ, тѣмъ небытіемъ, въ которое погружается все живущее и умирающее и изъ котораго, волею великаго Бога, достойное вызывается къ новой жизни, къ новому рожденію? Я не знаю этого. Это сомнѣніе страшно мучаетъ меня и отравляетъ мнѣ тѣ немногіе дни, которые мнѣ осталось прожить съ разрушающимся міромъ. Я не знаю, не на вѣки-ли я приковалъ твой духъ къ твоей тѣлесной оболочкѣ, сдѣлавъ эту обо-

лочку неразрушимою, и возможно-ли для тебя четвертое рожденіе, прежде разрушенія твоей тѣлесной оболочки? Что если этимъ я нарушилъ законы великаго Бога, управляющіе вселенной? О, горе мнѣ! Жрецъ великаго Бога, котораго цѣлый рядъ поколѣній, уже отошедшихъ въ небытіе, называлъ Амрити и считалъ кладеземъ премудрости и знанія, я знаю въ этомъ дѣлѣ не болѣе младенца!.. Нѣтъ! и это еще много: я знаю меньше этого младенца, ибо младенецъ помнитъ свое прежнее существованіе, а я уже не помню и не знаю его. Я только знаю то, что я дважды рожденный,—но чѣмъ я былъ раньше этого рожденія, я забылъ и не знаю... Горе мнѣ, если я нарушилъ законы великаго Бога, управляющіе вѣчною цѣпью рожденія, уничтоженія и возрожденія! Отуманенный безразсудною страстью, я позволилъ себѣ необдуманнѣйшій поступокъ и теперь терплю невыносимыя мученія. Душу мою разрываютъ неразрѣшимыя сомнѣнья. Какъ злая болѣзнь, они подтачиваютъ мои силы, обрывая одну за другою нити моего существованія, и я предвижу, что не далекъ часъ, когда смерть внезапно поразитъ меня у ногъ твоихъ, божественная Аріасвати.

Какъ путникъ, стоящій на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ и не знающій, по которой слѣдовать, такъ и я, мучимый сомнѣніемъ, колеблюсь и не знаю, на что рѣшиться. Долженъ ли воззвать тебя къ жизни, божественная Аріасвати, теперь, во время горести и страданія, чтобы ты вмѣстѣ съ разрушающимся міромъ обратилась въ небытіе, изъ котораго въ свое время будешь вызвана волею великаго Бога къ новому рожденію? Или я долженъ ждать созданія новаго міра и тогда вызвать тебя къ жизни? Или же, наконецъ, мнѣ слѣдуетъ оставить тебя въ настоящемъ твоёмъ состояніи, но тогда, быть можетъ, для тебя невозможно будетъ четвертое рожденіе и ты такимъ образомъ по моей винѣ будешь осуждена на вѣчное небытіе? Кто разрѣшитъ мнѣ эти неразрѣшимыя загадки?

Великій Богъ, тройственный и единый, Богъ начала,

продолженія и конца, Богъ созданія, сохраненія и разрушенія! Какъ слабое смертное существо, я не разъ, увлекаемый страстью, нарушалъ твои вѣчные законы и частица твоего дыханія, заключенная въ моей груди, горько упрекала меня за такое оскверненіе храма, въ которомъ она заключена. Но ты милосердъ. Когда, обуреваемый сомнѣніями и упреками твоего дыханія, я лежалъ на полу храма передъ священнымъ твоимъ изображеніемъ долгія ночи, ты внушилъ мнѣ, что я, мнившій, будто имѣю свободную волю и поступаю по собственному желанію, въ сущности всегда и во всѣхъ поступкахъ подчинялся закону роковой необходимости, непреложно господствующему надъ міромъ, и когда мнѣ казалось, что я дѣлалъ что-либо по своему хотѣнію, на самомъ дѣлѣ я исполнялъ только тѣ предначертанія, которыя были вложены въ меня при самомъ рожденіи высшею волею, правящей вселенною. Я унаслѣдовалъ эти предначертанія отъ безконечнаго ряда моихъ предковъ въ видѣ способностей и характера, въ видѣ наклонности къ добру или злу, словомъ—въ видѣ извѣстнаго склада ума и качества души, которые заранѣе опредѣляютъ всю послѣдующую судьбу человѣка, всѣ его поступки и дѣйствія, всѣ его пороки и добродѣтели. И я понялъ тогда, что я не могъ стать на дорогѣ существа, которое выше меня, не могъ управлять его судьбою по собственному усмотрѣнію, ибо все грядущее этого существа было заранѣе опредѣлено высшею волей, на основаніи закона роковой необходимости, въ которомъ никакая случайность не можетъ измѣнить ни одной йоты. Но можемъ-ли мы, слабые смертные, распознавать намѣренія высшей воли хотя затѣмъ, чтобы согласовать съ ними свои поступки? По счастью, высшая воля дала намъ эту возможность; какъ по виду вечерняго неба узнають, каковъ будетъ завтрашній день, какъ причина обуславливаетъ слѣдствія, такъ по прошедшему и настоящему возможно предугадывать грядущее. Разсматривая проявленія высшей воли въ прошедшемъ и настоящемъ, мы можемъ

разгадать ея намѣренія въ будущемъ. Такимъ образомъ, погружаясь въ глубину вѣковъ, я вижу, что все слабое, уродливое, негодное **вымираетъ**, что сильное, красивое, даровитое повсюду беретъ верхъ и, если умираетъ въ свой чередъ, то только затѣмъ, чтобы уступить мѣсто еще лучшему, прекраснѣйшему, даровитѣйшему. Въ этомъ состоитъ законъ міровой справедливости»...

«Я вижу, что міръ постепенно развивается, совершенствуется, и понимаю, что въ этомъ состоятъ предначертанія высшей воли. Поэтому Аріасвати, какъ воплощеніе всего прекраснаго и высокаго на землѣ, не можетъ погибнуть, не можетъ обратиться въ небытіе, ибо это было-бы противно высшей справедливости, слѣдовательно, противно намѣреніямъ высшей воли. Я слишкомъ долго жилъ, чтобы не понимать этого. Я родился въ тотъ годъ, когда хвостатая звѣзда потрясла основанія земли, когда вся утроба земная всколебалась отъ ужаса и на слѣдующій день солнце возшло на западъ и на востокъ закатилось. Такіе перевороты случались и прежде. Подобный случай былъ въ царствованіе древняго Прадаксы— не того, о которомъ я буду говорить, а 15000 лѣтъ назадъ, какъ сказано объ этомъ въ лѣтописяхъ нашего храма. Мозгъ мой былъ способенъ воспринять всѣ знанія человечества, накопившіяся въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и пріобрѣсти еще новыя, которыя ставятъ меня высоко надъ всѣми окружающими меня людьми. Но душа моя была мутна, обуреваема низменными страстями; искра божества, составляющая ея сущность, едва тлѣла въ ней подъ толстымъ слоемъ тѣла, и только теперь долгіе годы страданій и тяжелаго одиночества помогли ей разгорѣться въ свѣтлое пламя, при помощи котораго я ясно вижу свои заблужденія и оплакиваю роковыя ошибки, которыя сдѣлали меня недостойнымъ той, которую я любилъ болѣе жизни. Я сознаю, что я долженъ умереть, хотя въ моей власти тянуть эту постыльную жизнь до безконечности. Я долженъ умереть;

смертный холодъ могилы будетъ для меня искупленіемъ и, быть можетъ, возродясь черезъ тысячи вѣковъ къ новой жизни, я еще найду ее и буду тогда ея достоинъ...

«Такимъ образомъ, возрастая и укрѣпляясь, Аріасвати сдѣлалась любимицею всего народа. Красота ея развивалась съ каждымъ днемъ. Какъ пышная роза, цвѣла она и наполняла весь міръ благоуханіемъ своей чистоты и непорочности. Чудесною силою взгляда она смиряла надменные сердца, отгоняла злые помыслы, возвышала огрубѣвшія души. Жестокіе воины, привыкшіе проливать человѣческую кровь, у ногъ ея складывали окровавленное оружіе и по мановенію ея бровей готовы были промѣнять его на посохъ смиреннаго пастуха, мирно пасшаго свои стада. Воинственные обитатели пустыни возмущились противъ царя Прадаксы за то, что онъ не позволилъ имъ напасть на низкорослыхъ Ведовъ и завладѣть ихъ плодородною страной,—но достаточно было одного взгляда божественной дѣвы, чтобы они раскаялись и покорно воротились въ пустыню пасти своихъ верблюдовъ, козъ и лошадей. Самые звѣри покорялись ея взгляду: свирѣпыя тигры ползли къ ея ногамъ и смиренно пресмыкались во прахѣ. Но когда взглядъ этихъ глазъ загорался гнѣвомъ, въ нихъ была смерть. Горе тому, на кого падалъ этотъ взглядъ! Никакая сила не могла спасти несчастнаго: онъ умиралъ, какъ пораженный небеснымъ громомъ»...

«Я думалъ о ней дни и ночи. Въ храмѣ, во время молитвы, и ночью, при свѣтѣ лампы, надъ письменами древняго мудреца, я видѣлъ только ея небесный образъ, слышалъ ея чудный голосъ, ощущалъ ароматъ ея волосъ и одежды. Я ни о чемъ не могъ думать, ничего не понималъ и весь міръ для меня сосредоточивался въ одной Аріасвати. Но она смотрѣла на меня только, какъ на своего стараго учителя: она уважала меня, но чувство любви было далеко отъ нея. Я былъ уже старъ. Когда я

сдѣлалъ свое безсмертное открытіе, морщины, спутники тяжелыхъ умственныхъ трудовъ и почныхъ бдѣній, уже избороздили чело мое, волосы порѣдѣли на головѣ и черные кудри подернулись серебромъ сѣдины. Мое открытіе могло остановить смерть, но не въ силахъ было воротить мою утраченную молодость. Я былъ слишкомъ старъ для нея. Къ несчастію, требованія сердца, которымъ я не давалъ воли прежде, поглощенный своими трудами, проснулись теперь съ удвоенною силой. Они терзали меня днемъ и ночью, какъ коршунъ терзаетъ окровавленный, еще трепещущій трупъ. Кто не испыталъ поздней, безвременной любви, тотъ не пойметъ моихъ мученій! Я понималъ, что, какъ мужчина, я для нея не существую, и это еще сильнѣе разжигало мою страсть. Я слѣдилъ за нею повсюду. Но я сохранилъ еще настолькоъ въ себѣ ума — (можетъ быть, это была привычка къ жреческому лицемѣрію), что скрывая свою любовь, я не хотѣлъ казаться смѣшнымъ. Поэтому я слѣдовалъ за нею тайно, надѣвъ чужіе волосы и переодѣвшись въ платье земледѣльца или воина. Часто, закутавшись въ темный плащъ, я стоялъ на дорогѣ, по которой она должна была пройти, окруженная поющими дѣвами и юношами, играющими на арфахъ и флейтахъ. Я слѣдовалъ за нею на праздники жницъ и пастуховъ, сопровождалъ на охоты и прогулки. Я не спускалъ съ нея глазъ и чувствовалъ, какъ дрожить каждый нервъ въ моемъ тѣлѣ, какъ бьются вздущіяся жилы, точно кровь хочетъ разорвать свои путы и вырваться на волю»...

• • • • •
 «Началось нравственное паденіе. Я сталъ думать о безчестныхъ средствахъ, съ помощью которыхъ можно было бы достигнуть удовлетворенія моей страсти. Я зналъ многія травы, сокъ которыхъ былъ способенъ возбуждать страсть и любовь. Приготовить любовный напитокъ было легко. Нѣсколько ночей я собиралъ влажныя травы и выжималъ ихъ въ сосудъ. Затѣмъ прибавивъ сюда извѣстныя мнѣ земли,

камни и части нѣкоторыхъ животныхъ, я сварилъ зелье, способное привести въ неистовство тысячи женъ. Нѣсколько капель этой жидкости, попавшихъ на тѣло, было достаточно, чтобы возбудить любовь и желаніе. Но поруганный законъ справедливости жестоко насмѣялся надо мною. Въ тотъ самый мигъ, когда я готовъ былъ совершить преступленіе, одинъ изъ юношей, окружавшихъ Аріасвати, ударилъ меня по рукѣ: кувшинъ разбился и жидкость пролилась на престарѣлую жрицу Земли. Я замѣтилъ ея глаза, устремленные на меня съ ужасомъ; но лишь только волшебная жидкость облила ея тѣло, какъ въ этихъ глазахъ загорѣлась безумная страсть. Убѣгая, я слышалъ, какъ она гналась за мною до самого храма. Съ тѣхъ поръ она стала преслѣдовать меня повсюду и никакія переодѣванія не могли скрыть меня отъ ея глазъ, изощренныхъ страстью. Только внутри храма, охраняемый толпою жрецовъ и служителей, я чувствовалъ себя въ безопасности»...

.

«Я рѣшился воспользоваться случаемъ. Когда солнце вступило въ знакъ Скорпіона, бездождіе и засуха достигли высшей степени. Поля и луга почернѣли отъ зноя, растенія выгорѣли и жгучій вѣтеръ разнесъ ихъ останки вмѣстѣ съ облаками пыли. Пересохли источники водъ, рѣки и озера обмелѣли. Надъ раскаленною землею, какъ траурное покрывало, повисла свиццовая мгла, сквозь которую тускло свѣтило солнце. Но мгла эта не могла смягчить его жгучихъ лучей. Высохшія деревья загорались сами собою, и дымъ отъ горящихъ лѣсовъ разносился по окрестности. Наступавшая ночь не приносила прохлады. Зловѣщій Сиріусъ въ созвѣздіи Большого Пса грозно смотрѣлъ на землю своими кровавыми глазами. Надъ горизонтомъ поднимался тусклый, точно обли-тый кровью, шаръ луны, предвѣщая новыя бѣдствія. Животныя ревѣли, мучимыя зноемъ и жаждою, которой не могли утолить: они пили до того, что раздувались и погибали въ мученіяхъ. Люди, покрытые потомъ и пылью,

ходили какъ тѣни, и самая студеная вода не могла залить ихъ мучительной жажды. Катаясь по землѣ въ страшныхъ мученіяхъ, извергали они все содержавшееся въ ихъ желудкахъ и умирали въ страшныхъ судорогахъ. Повсюду, въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ, въ садахъ и на поляхъ лежали неубранные трупы, испускавшіе зловоніе и смрадъ. Живые не успѣвали хоронить мертвыхъ, и часто могильщикъ самъ падалъ мертвымъ въ только что вырытую имъ могилу. Всеобщее уныніе и страхъ распространились надъ всѣмъ Аріастаномъ. Черныя племена на югѣ и западѣ, узнавъ о нашемъ несчастіи, возмутились и двинулись на насъ войною. Къ довершенію бѣды, умеръ царь Прадакса, изнурившій себя усиленными трудами, ухаживая за больными и спасая погибавшихъ. Вслѣдъ за нимъ умерла царица Прадаксина, не вынесшая постигшаго ее горя. Аріасвати осталась сиротою. По законамъ мирнаго времени, она должна была бы наслѣдовать царскую власть. Но въ смутное время, во время войны и раздоровъ, по закону царемъ долженъ быть мужчина. Поэтому, уступая требованію народа, правители земель и судьи собрались на вѣче въ присутствіи Аріасвати выбрали царемъ ся двоюроднаго брата, Дивадару, правителя горной страны. Аріасвати одобрила выборъ и передала новому царю знаки царскаго достоинства. Но, принимая эти знаки, Дивадара объявилъ избирателямъ, что онъ соглашается нести бремя царской власти только на время, пока свирѣпствуютъ надъ Аріастаномъ война, голодъ и моръ. Когда же миръ и спокойствіе будутъ возстановлены въ государствѣ, онъ передастъ свою власть Аріасвати, такъ какъ по праву рожденія она должна быть царицею Аріастана. Вѣче нашло, что Дивадара поступаетъ справедливо, и громкими криками выразило свое одобреніе.

Немедленно же по избраніи, Дивадара повелѣлъ мнѣ, чтобы на завтра весь народъ былъ собранъ въ храмахъ для умилостивленія гнѣва богини. Сила земли разнесла царскую волю по всѣмъ концамъ государства и на утро всѣ

храмы освѣтились ея свѣтомъ, наполнились благоуханіемъ дорогихъ куреній и унылый народъ собрался молиться объ избавленіи его отъ бѣдъ и горя, обрушившихся надъ всѣмъ государствомъ. Я до того низко палъ, что задумалъ воспользоваться этой торжественной минутой, чтобы привести въ исполненіе свой безчестный замыселъ. Я хотѣлъ хоть только надругаться надъ Аріасвати: проткнуть ей уши и вздѣть серьги, чтобы каждый видѣлъ, что она моя раба. Стоя на первосвященническомъ мѣстѣ, я принесъ умиловительную молитву и потомъ, упавъ ницъ, покрылъ голову воскрыліемъ ризы и устами богини возвѣстилъ народу, что для умиловленія необходимо, чтобы Аріасвати вступила въ число жрицъ богини. Поднявшись, я видѣлъ, какъ блѣдную, растерянную Аріасвати поддерживали окружающія ее женщины. Но въ это время я услышалъ позади себя шаги, и мужественный голосъ Дивадары произнесъ: «Отецъ жрецовъ, дозвожь и мнѣ, отцу народа, принести умиловительную молитву на священномъ мѣстѣ». Замѣтивъ, что я колебался уступить ему свое мѣсто, онъ продолжалъ тѣмъ же громкимъ мужественнымъ голосомъ: «Подобно предшественникамъ моимъ, какъ царь царей и отецъ народа, я имѣю право въ godzinу народныхъ бѣдствій, по закону, молиться на священномъ мѣстѣ, на которомъ въ обыкновенное время молится первосвященникъ. Не препятствуй же исполненію закона, ибо теперь я считаю долгомъ воспользоваться своимъ правомъ».

Законъ и обычай были за него и потому я долженъ былъ уступить. Я сошелъ съ своего мѣста и онъ тотчасъ занялъ его. Стоя въ двухъ шагахъ отъ него, я слушалъ, какъ громкимъ и трогательнымъ голосомъ онъ молилъ богиню умиловиться надъ неповинными дѣвами, надъ безгрѣшными младенцами, прося, чтобы гнѣвъ богини обратился на тѣхъ, кто лицемѣріемъ и обманомъ заставилъ богиню отворотить лицо свое отъ любимого народа. Я понималъ, на кого намекалъ онъ, говоря о лицемѣріи и обманѣ; но я

долженъ былъ молчать, затаивъ въ себѣ гнѣвъ. По движенію въ храмѣ, я понялъ, что народъ былъ тронутъ молитвою своего избранника. Я надѣялся однако, что эта молитва не будетъ имѣть другихъ послѣдствій: я думалъ, что Дивадара не знаетъ тайны этого мѣста, хотя память мнѣ подсказала, что тайна эта была извѣстна Прадаксѣ и, какъ кажется, всѣмъ его предшественникамъ. Надежда меня обманула. Кончивъ свою молитву, онъ распростерся точно такъ же, какъ и я нѣсколько минутъ тому назадъ, такъ же покрылъ голову капюшономъ, — и немедленно уста богини заговорили: «Сердце мое исполнено гнѣвомъ только на тѣхъ лицемѣровъ и обманщиковъ, которые, пользуясь народнымъ несчастіемъ, преслѣдуютъ свои корыстныя цѣли, угождая только своему сластолюбію и любострастію. Если они не обуздають своихъ страстей и не откажутся отъ обмановъ, то я здѣсь же въ храмѣ, когда ты будешь стоять на этомъ священномъ мѣстѣ, или же въ сонномъ видѣніи, назову тебѣ ихъ имена для народнаго поруганія и наказанія. Но къ народу моему сердце мое исполнено жалости; поэтому я уже не требую теперь, чтобы радость и утѣшеніе всего народа, кроткая Аріасвати, затворилась въ храмѣ моемъ, въ качествѣ жрицы, ибо я прочитала въ душѣ ея, что жертва эта ей не по силамъ, а я не хочу, чтобы кто-нибудь служилъ мнѣ противъ своего желанія. Одной только жертвы я требую отъ тебя, народъ мой, чтобы избавить тебя отъ тяготящаго на тебѣ бѣдствія. Внимайте всѣ предстоящіе во храмѣ и разнесите глаголы устъ моихъ по всѣмъ концамъ земли и пусть сила земли немедленно распростра- нить ихъ по всѣмъ концамъ государства: будьте умѣренны въ пищѣ и питіи, не вкушайте ни жирныхъ мясъ, ни сырыхъ, не проваренныхъ плодовъ, не наѣдайтесь до обременѣнія желудка, не пейте студеной воды ни въ полуденный зной, ни тогда, когда разгоритесь отъ работы и быстрого движенія. Вотъ какой постъ налагаю я на тебя, народъ мой, во имя мое: кто любитъ меня и вѣруетъ въ

меня, тотъ да соблюдаетъ завѣтъ мой. А чтобы отличить вѣрующихъ въ меня отъ невѣрныхъ, обяжите плотно себѣ животъ шерстяною тканью и не снимайте ее во все время, пока не прекратится гнѣвъ небесный: блѣдный моръ, увидя эту шерстяную ткань, пройдетъ мимо вѣрующаго въ меня и исполняющаго завѣтъ мой и обратитъ ярость свою на невѣрнаго!»

Трудно описать гнѣвъ, который потрясалъ все мое тѣло, когда Дивадара устами богини разрушилъ мой планъ, который уже былъ близокъ къ осуществленію. Я готовъ былъ всенародно объявить, что это говоритъ не богиня, но Дивадара. Но я не могъ открыть народу тайну храма: меня связывала клятва, данная моему отцу, я боялся мести жрецовъ, меня пугала ярость народа, который навѣрное растерзалъ бы всѣхъ насъ, еслибы узналъ, что устами богини говорятъ обманщики-жрецы. Поэтому я могъ только отвѣтить на слова Дивадары обычною формулой: «да будетъ воля богини». Но въ душѣ я поклялся отомстить и Дивадарѣ и на зло всему овладѣть Аріасвати. Поэтому, не теряя времени, я занялъ свое мѣсто и, простершись ницъ, устами богини объявилъ, что, не требуя болѣе, чтобы Аріасвати была жрицею храма, она желаетъ въ качествѣ испытанія, чтобы Аріасвати провела въ храмъ два дня и двѣ ночи, а затѣмъ воротилась въ міръ. Я надѣялся въ это время исполнить свой замыселъ. Но Дивадара, какъ-будто зная, что у меня на умѣ.

— Да будетъ воля богини, — отвѣчалъ онъ, преклоняясь. — Но пусть въ эти два дня и двѣ ночи дочери царей воздаются подобающія почести, пусть свита ея неотлучно ей служить и исполняетъ малѣйшія ея желанія; пусть она не отходитъ отъ нея ни днемъ, ни ночью и пусть она бодрствуетъ, охраняя сонъ и спокойствіе царевны. Горе тому, кто не исполнитъ моего повелѣнія!..»

.

«Это было страшное мѣсто. Факель тускло освѣщалъ

обширную пещеру, наполненную синеватымъ туманомъ подземныхъ испареній и дыма. Какой-то смутный шумъ и грохотъ доносился изъ глубины; порою, казалось, слышались удары молотовъ и свистъ мѣховъ, раздувающихъ пламя подземнаго горна. Это было страшное мѣсто, достойное того демона, который овладѣлъ моею душою. По темнымъ массамъ камней, повиснувшимъ со сводовъ, стекала вода, просачивающаяся изъ недоступныхъ нѣдръ земли, и падала внизъ тяжелыми, крупными каплями. Мѣстами эти капли застывали на сводахъ въ острия хрустальныя иглы, сверкавшія зловѣщимъ блескомъ при красноватомъ свѣтѣ факела. На полу пещеры капли собирались въ каменистое ложе и чернымъ ручьемъ изливались въ невѣдомыя глубины подземныхъ пространствъ. Этотъ ручей былъ цѣлю моего подземнаго странствованія. Вода его имѣетъ страшное свойство окаменять все живущее, будь то животное или растеніе. Зеленая вѣтка дерева, цвѣтокъ благоухающаго растенія, погруженные въ эти густыя, черныя волны, мгновенно каменѣли. Они сохраняли всѣ краски, но благоуханіе и жизнь исчезали и рука уже ощущала въ нихъ холодъ камня и смерти. Щенки и козлята, которыхъ я обливалъ водою изъ этого источника, мгновенно замирали и превращались въ изваянія, сохранившія всѣ черты и краски жизни, кромѣ самой жизни. Сначала я думалъ, что они умирали, что жизнь оставляла ихъ, но потомъ, когда великое божество помогло мнѣ сдѣлать мое безсмертное открытіе, я узналъ, что жизнь въ нихъ только замирала, что духъ жизни скрывался въ нихъ, какъ сладкое зерно въ скорлупѣ кокоса. Десятки лѣтъ оставались они въ своемъ окаменѣвшемъ состояніи, составляя украшеніе моей рабочей кельи, но едва я касался ихъ своимъ чудеснымъ элексиромъ, какъ дыханіе жизни возвращалось къ нимъ; они снова бѣгали, лаяли, блеяли и просили пищи. Чтобы тщательнѣе провѣрить свое открытіе, я приносилъ сюда дѣтей и погружалъ ихъ въ темныя волны ручья. Дни, мѣсяцы, долгіе годы малютки оставались въ окаме-

нѣломъ состояніи, не подвластныя закону постоянныхъ измѣненій, въ послѣдовательной смѣнѣ котораго состоитъ жизнь всего живущаго на землѣ. Ихъ братья, рожденные послѣ нихъ, достигли преклоннаго возраста, дожидались внуковъ и правнуковъ, а они оставались все тѣми же младенцами, какими я безжалостно оторвалъ ихъ отъ груди любящихъ, матерей, чтобы принести въ жертву суровому опыту, сулившему впереди безсмертіе. Но дыханіе жизни не покидало ихъ. Всѣ органы, составляющіе его вмѣстилище, оставались цѣлы и нетронуты и оно только дремало, заключенное въ своей недвижной корѣ, терпѣливо ожидая поры и пробужденія. И я пробуждалъ это дыханіе жизни: окаменѣвшія тѣла оживали и дѣти вырастали, становясь постепенно юношами, взрослыми мужчинами и старцами и пользовались всѣми благами жизни, долгое время спустя послѣ того, какъ внуки и правнуки ихъ родныхъ братьевъ исчезли съ лица земли.

Но тогда я не зналъ еще, что дыханіе жизни сохраняется въ окаменѣвшемъ тѣлѣ и что его можно оживить: демонъ, привлечшій меня въ это мрачное мѣсто, нашепталъ мнѣ убійство»...

«Три дня и три ночи, простертый на полу храма, провелъ я въ отчаяніи, призывая смерть. Съ того мгновенія, когда во мракѣ моей озлобленной души проснувшаяся совѣсть освѣтила весь ужасъ моего преступленія, я не могъ уже думать ни о чемъ другомъ. Я уже не считалъ себя первосвященникомъ, я растопталъ свой вѣнокъ изъ остролистника и разломалъ жезлъ, — я даже вычеркнулъ себя изъ числа живыхъ... Я не хотѣлъ поднять на себя ножа самоубійцы; я былъ увѣренъ, что Дивадара, получивъ страшную вѣсть, немедленно примчится въ Арію и предастъ меня мучительной казни, на страхъ всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ. Я нетерпѣливо ждалъ этой казни, даже болѣе, — я съ наслажденіемъ мечталъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя меня ожидаютъ. Съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ

я рисовалъ передъ собою картину, когда въ присутствіи безчисленной толпы народа холодный топоръ палача будетъ погружаться въ мое трепещущее тѣло и отсѣкать отъ него одинъ за другимъ его окровавленные члены! Я переживалъ мысленно всѣ ощущенія, которыя придется мнѣ перенести, и желалъ одного, чтобы казнь была лютѣе, мучительнѣе, беспощаднѣе.

Четвертый день подходилъ къ концу, когда до слуха моего достигли рыданія и вопли народа. Я призвалъ одного изъ жрецовъ и спросилъ о причинѣ.

— Отецъ жрецовъ, — отвѣчалъ онъ, — воротилось войско. Оно истребило черныхъ людей, но принесло съ собой на щитахъ трупъ Дивадара. Дивадара умеръ отъ страшной болѣзни, истребившей половину войска...

«Все великое и прекрасное, что существуетъ въ мірѣ, для меня слилось въ одной Аріасвати. Ея чудный образъ казался мнѣ воплощеніемъ самого божества. Я создалъ о ней легенду, я сдѣлалъ ее предметомъ религіи народа, и она стала богиней Аріастана. Лучшіе изъ художниковъ, воспитанные подъ моимъ покровительствомъ, украсили стѣны храма и пьедесталы колоннъ ея изображеніями. Повсюду глаза молящагося народа видѣли ея статуи и барельефы, въ которыхъ рѣзецъ художника воплотилъ всю ея короткую, но прекрасную жизнь. Поэты слагали въ честь ея гимны и пѣли въ храмахъ, на улицахъ и площадяхъ. Аріасвати сдѣлалась заступницею и покровительницею Аріастана. Несчастные молили ее о пощадѣ и возлагали на нее всѣ свои надежды; счастливые благодарили ее за ниспосланные имъ радости жизни...»

«Отъ этого открытія я перешелъ къ другому. Если возможно возобновлять истощенныя силы, возбуждать и продолжать угасающую жизнь, извѣстными мнѣ травами, плодами и внутренними частями животныхъ, то навѣрно есть

такія вещества, которыя способны пробудить угасшее дыханіе жизни, воротить къ жизни то, что имѣетъ всѣ признаки смерти, какъ тѣ окаменѣвшія животныя, которыхъ я погружалъ въ воду подземнаго ручья. Я сталъ искать этихъ веществъ и нашелъ такія, которыя убиваютъ различныя болѣзни, и такія, которыя изощряютъ умъ и память, возбуждаютъ даръ къ поэзіи и музыкѣ. Я нашелъ орѣхъ одного растенія, мгновенно восстанавливающей силы, истощенныя усталостью, голодомъ и жаждою. Я продолжалъ свои поиски, надѣясь сдѣлать со временемъ открытіе, которое поможетъ мнѣ уничтожить зло, содѣланное моимъ преступленіемъ. Я твердо вѣрилъ, что это возможно, что не даромъ судьба послала мнѣ средство, съ помощью котораго я могъ продолжить свою жизнь на цѣлыя столѣтія. Я думалъ: что невозможно сдѣлать на пространствѣ короткой человѣческой жизни, то будетъ вполне возможно, когда эта жизнь сдѣлается въ десять, во ста кратъ длиннѣе.

Каждое поколѣніе людское съ такимъ трудомъ усваиваетъ знанія, прибрѣтенныя предшественниками, и сдѣланныя ими открытія, что для прибрѣтенія новыхъ знаній, для его собственныхъ открытій остается уже слишкомъ мало времени. Едва человѣкъ усваиваетъ себѣ азбуку, при помощи которой онъ могъ-бы читать въ окружающихъ его явленіяхъ таинственную книгу природы, какъ смерть закрываетъ навсегда его очи, только что начинавшія прозрѣвать, и его преемникамъ приходится начинать все снова. Я былъ поставленъ въ иныя условія. Къ прибрѣтеннымъ однажды знаніямъ я могъ постепенно, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, съ каждымъ вѣкомъ, прибавлять все новыя знанія и открытія. Люди по справедливости могли называть меня мудрѣйшимъ изъ всѣхъ когда-либо жившихъ на землѣ; но кромѣ того они называли меня еще Амрити, т. е. безсмертнымъ. Это имя сдѣлалось моимъ настоящимъ именемъ, а старое имя забылось... Наконецъ я нашелъ это средство»...

.
 «Но къ чему послужили всѣ мои знанія, къ чему мнѣ
 безсмертіе, когда міръ разрушается съ каждымъ днемъ?
 Отъ великой страны, раскинувшейся между пустынями чер-
 ныхъ толстогубыхъ людей, и степями, заселенными узкогла-
 зыми желтолицами людьми, отъ страны, въ которой полу-
 денное солнце не даетъ тѣни, а на югѣ—вѣчные льды по
 полугоду не видятъ солнечнаго свѣта, — отъ этой страны
 остались одни жалкіе обломки. Земля трясется подъ ногами,
 горы извергаютъ огонь и рѣки жидкаго пламени пожираютъ
 все попадающеея имъ на пути; море заливаешь прибрежныя
 страны и поглощаетъ безвозвратно города и селенія. Пло-
 дородная Орана и Жита, житницы государства, поглощены
 землей, и теперь на мѣстѣ ихъ волнуется бурное море.
 Половина горной области, еще не истребленной подземнымъ
 огнемъ, обрушилась въ море, волны плещутъ теперь надъ
 вершинами высокихъ горъ. Разрушеніе и смерть царствуютъ
 надъ міромъ. Жизнь человѣческая потеряла всякую цѣну.
 Страхъ грядущаго неизвѣстнаго, быть можетъ, мучитель-
 наго конца побуждаетъ людей торопить минуту смерти.
 Веревка, ядъ, желѣзо ежедневно приносятъ многочисленныя
 добровольныя жертвы мрачному богу уничтоженія, воцарив-
 шемуся надъ землею. Цѣлыми толпами обезумѣвшіе люди
 бросаются съ высокаго берега въ море или кидаются въ
 разверзшіяся пропасти; блѣдные, съ блуждающими глазами,
 они нарочно взбираются на высокія скалы, на крыши до-
 мовъ и храмовъ, на зубцы стѣнъ и башенъ, чтобы низверг-
 нуться оттуда на острые камни и разбиться въ прахъ.
 Часто новобрачныя, только что принесшіе обѣты ненару-
 шимой вѣрности въ храмъ восходящаго солнца, молодые и
 прекрасныя, въ вѣнкахъ изъ розъ и гіацинтовъ, не успѣв-
 шихъ просохнуть отъ утренней росы, рука съ рукою бро-
 саются въ волны священнаго озера и на днѣ его находятъ
 свое брачное ложе. Горе, горе всему живущему на землѣ!..

Но не всѣ такъ покорно идутъ навстрѣчу грядущей

смерти. Находятся еще люди, сохранившие настолько энергии, чтобы попытаться отстоять свою жизнь въ борьбѣ съ надвигающейся со всѣхъ сторонъ смертью. Они наскоро снаряжаютъ корабли и уплываютъ въ неизвѣстный океанъ, на поиски новаго отечества, въ замѣну разрушающагося стараго...»

Горе, горе! Отъ великой, нѣкогда богатой и славной страны остался ничтожный обломокъ, ничтожный лоскутъ земли, со всѣхъ сторонъ подмываемый бурнымъ океаномъ и уменьшающійся съ каждымъ днемъ и каждымъ часомъ... Уже царскій дворецъ, справедливо считавшійся чудомъ искусства и роскоши, обрушился въ море: только обломки колоннъ и ступени широкой лѣстницы остались на берегу, какъ нѣмые свидѣтели былого величія. Храмъ Милосердія давно уже смытъ волнами; храмъ Побѣды и Славы также лежитъ въ развалинахъ на днѣ моря, засыпанный осколками обрушившейся скалы. Послѣдній корабль отошелъ въ море и увезъ съ собою горсть людей, оставшихся еще на развалинахъ Аріи. Они звали меня съ собой, — но развѣ я могъ покинуть божественную Аріасвати?..

Теперь я одинъ, лицомъ къ лицу съ нею и съ разрушающимся міромъ. Я могу воззвать ее къ жизни, но не сдѣлаю этого: я не хочу, чтобы страшное горе всеобщаго уничтоженія истерзало ея молодую грудь. Если мое старое сердце едва выносить удручающій видъ разрушенія и смерти, то каково это будетъ ей, — ей, помнящей свою страну во всемъ блескѣ счастья, изобилія и благосостоянія!

Я вѣрю, что на обломкахъ стараго міра возникнетъ новый и, конечно, лучшій, ибо на землѣ все совершенствуется. Тогда пусть проснется божественная Аріасвати и взглянетъ своими небесными глазами на этотъ новый міръ. — Пусть тогда узнаетъ она радости, неизвѣстныя нашему старому міру: пусть служатъ ей новые, блаженные люди и приносятъ ей въ жертву, какъ царицѣ и богинѣ, свои незагрязненные сердца.

Что касается меня, я не хочу ждать этого новаго міра: я чувствую, что буду въ немъ лишнимъ. Но я, быть можетъ, явлюсь еще въ немъ въ обновленномъ видѣ, исполненный и очищенный смертію и холодомъ могилы... Поэтому я хочу умереть вмѣстѣ съ старымъ міромъ...»

«Ты, невѣдомый мнѣ обитатель новаго міра, котораго воля созидающаго божества приведетъ въ этотъ храмъ и даже сюда, въ сокровенное святилище божественной дѣвы! Для тебя я положилъ въ гробницу эти нетлѣнные таблицы, на которыхъ правдиво описаны жизнь и дѣянія исчезнувшей съ лица земли, нѣкогда могучей, просвѣщенной и славной расы человѣчества. Прочитай со вниманіемъ исторію забытой страны, погребенной на днѣ океана; съ еще большимъ вниманіемъ и съ благоговѣніемъ изучи жизнь божественной дѣвы, которая, какъ сказочная царица, погруженная на своемъ золотомъ тронѣ въ таинственный сонъ, ждетъ пробужденія. Изучи и глубоко обдумай, что ожидаетъ ее въ новомъ мірѣ и что можетъ дать ей этотъ новый міръ въ замѣну утраченнаго стараго. Если этотъ новый міръ настолько хорошъ, что достоинъ божественной Аріасвати, если онъ сулитъ ей счастье, радости и блаженство, тогда воззови ее къ жизни и я скажу тебѣ, какъ это сдѣлать. Если же міръ твой—призрачный міръ, исполненный зла, горя и страданій, то не дерзай нарушать сонъ божественной дѣвы, замкни святилище и замети къ нему слѣдъ; пусть никогда нога недостойнаго смертнаго не осмѣлится приближаться къ святынѣ. Горе тебѣ, если ты нарушишь мой завѣтъ! Проклятіе обрушится на тебя и приведетъ тебя къ безвременной могилѣ.

Теперь ты предупрежденъ настолько, что въ состояніи судить, слѣдуетъ-ли тебѣ воспользоваться тѣми чудесными средствами, о которыхъ я буду говорить ниже. Повторяю еще разъ: тщательно обдумай все, что я сказалъ, прежде чѣмъ примешь то или другое рѣшеніе. Міръ продолжаетъ

разрушаться; въ храмѣ Восходящаго Солнца обрушилась колонна...»

.
«Поэтому, ты самъ видишь, что въ гробницѣ ты не найдешь моего тѣла и то, что тебѣ сначала покажется муміей, на самомъ дѣлѣ—просто свертокъ первосвященническихъ одеждъ, сдѣланныхъ изъ чистѣйшаго нетлѣннаго горнаго моха *). Подъ ними ты найдешь таблицу съ планомъ пути къ подземному источнику, а на самомъ днѣ гробницы увидишь золотой фіалъ, содержащій въ себѣ то чудное средство, о которомъ я уже подробно говорилъ, описывая его составъ: одной капли его, разведенной въ водѣ, достаточно, чтобы возобновить надолго дыханіе жизни. Берегись вдыхать его пары: они оживляютъ умершихъ, но убиваютъ живыхъ. Когда настанетъ время обратиться къ этому средству, закрой себѣ носъ и ротъ плотною тканью и старайся не дышать. Здѣсь же въ гробницѣ ты найдешь большой пустой сосудъ изъ того же глинянаго металла, на которомъ я теперь пишу. Этотъ сосудъ ты долженъ наполнить до краевъ водою изъ подземнаго источника, плотно закрыть крышкою и принести сюда. Но, отправляясь въ свое трудное и продолжительное странствованіе, ты долженъ возложить на себя первосвященническія одежды и покрыть себѣ голову воскрыліемъ ризы: да будетъ это знакомъ, что я, посвятивъ тебя въ сокровеннѣйшія тайны жизни и смерти, передаю тебѣ свое званіе и власть. Только посвященные могутъ идти тѣмъ путемъ, которымъ пойдешь ты, и знать тайны храма, о которыхъ я тебѣ сообщилъ. Будь достоинъ сана, который я на тебя возлагаю и котораго - увы!—я не былъ достоинъ.

Отправляясь въ путь, возьми съ собою двѣнадцать восковыхъ свѣчей, а также — вина и хлѣба на шесть сутокъ. Я обыкновенно совершалъ этотъ путь значительно скорѣе,

*) Асбестъ.

но, быть можетъ, трясеніе земли гдѣ-нибудь обрушило лѣстницы или ходы и тогда тебѣ придется потратить много времени, отыскивая дорогу. Первое время тебѣ будетъ свѣтить свѣтъ, производимый силою земли, если ты озаботаешься предварительно освѣтить храмъ; но потомъ придется прибѣгнуть къ свѣчамъ. Руководствуйся въ пути планомъ и указателемъ, который ты также найдешь въ гробницѣ: его указательный перстъ постоянно обращенъ въ сторону противоположную полудню, то - есть на югъ, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ южномъ полушаріи. Но притомъ не теряй изъ виду знаковъ, изсѣченныхъ на каменныхъ стѣнахъ галлерей и изображающихъ стрѣлы: всѣ они обращены острыми концами къ храму. Сначала ты будешь идти по корридорамъ, обозначеннымъ знаками одной стрѣлы. Когда эти корридоры кончатся и на стѣнахъ слѣдующихъ будутъ другіе знаки, то избери изъ нихъ такой, на стѣнѣ котораго найдешь стрѣлы, расположенныя слѣдующимъ образомъ:

Этотъ знакъ будетъ сопровождать тебя до той самой пещеры, которая составляетъ цѣль твоего странствованія. Когда ты приблизишься къ ручью, погрузи въ него свой сосудъ и, наполнивъ его водой, плотно закрой крышкой. Затѣмъ немедленно спѣши обратно, нигдѣ не останавливаясь, въ святилище божественной дѣвы. Здѣсь въ стѣнѣ ты найдешь лѣстницу, ведущую къ золотой чашѣ, утвержденной въ сводѣ прямо надъ тронѣмъ Аріасвати: вылей изъ сосуда воду въ эту чашу и также плотно закрой ее крышкой. Спустившись потомъ въ святилище, возьми золотой фіаль съ элексиромъ жизни и, закрывъ себѣ носъ и ротъ плотною тканью, постарайся снять съ него крышку, но не открывай его совсѣмъ, а только приготовь, чтобы можно было снять его въ одно мгновеніе, когда настанетъ время. Послѣ этого возьми изъ гробницы короткій жезлъ изъ прозрачнаго камня, затѣмъ на нижней ступени трона отыщи двѣ стрѣлы и золотую цѣпь, спускающуюся отъ чаши, укрѣпленной въ

сводѣ. Когда ты все это отыщешь и приготовишь, тогда можно будетъ приступить къ тому священному дѣлу, которое я на тебя возлагаю. Но прежде чѣмъ приступить къ этому дѣлу, снова размысли и обдумай, пока еще не поздно, имѣешь-ли ты право воззвать Аріасвати къ жизни, и если ты усумнишься въ этомъ, то откажись отъ своего намѣренія и затвори святилище. Если же ты попрежнему будешь убѣжденъ, что Аріасвати найдетъ счастье въ новой жизни, тогда, поставивъ около себя сосудъ съ элексиромъ жизни, крѣпко потяни золотую цѣпь, висящую со свода, и когда вода изъ сосуда начнетъ сѣяться мелкимъ дождемъ, быстро своимъ прозрачнымъ жезломъ отклони обѣ стрѣлки вправо. Тогда возьми фіаль въ правую руку, положи на крышку его лѣвую и жди; какъ только вода, сѣющаяся изъ сосуда, начнетъ изсякать, быстро взойди на ступени трона, сорви крышку съ фіала, поднеси его близко къ лицу Аріасвати и держи его около ея рта, пока не считаешь про себя тридцать три. Тогда быстро отними фіаль и закрой его крѣпко крышкой. Повторяю еще: старайся не вдыхать паровъ фіала, а лучше всего удержи дыханіе во все время, пока фіаль будетъ открытъ...»

«Пора. Время, опредѣленное мною, настало. Рѣзецъ уже едва повинется моей ослабѣвшей рукѣ. Сейчасъ я положу въ гробницу послѣдній листъ моей рукописи, надвину плотно крышку гробницы, преклонюсь еще разъ передъ тобою, божественная дѣва, и пойду одиноко въ свой послѣдній, смертный путь. Не знаю, увижу ли я тебя, божественная Аріасвати, когда, очищенный отъ грѣховъ, искупленный неизреченною тайною могилы, обновленный вѣчно юнымъ дыханіемъ жизни, явлюсь я снова въ тѣлесномъ видѣ на этой землѣ, подъ этимъ голубымъ небомъ, и снова увижу и золотое солнце, и кроткую богиню ночи, окруженную ея серебристыми спутниками... Быть можетъ, мнѣ будетъ поставлено въ заслугу долгое и страстное поклоненіе твоей божественной личности; быть можетъ, оно будетъ въ состояніи

искупить мое преступленіе и тогда мы встрѣтимся и...
О, если бы такъ!»!

«Прости божественная дѣва, свѣтъ и слава Аріастана!»

«Прости божественная Аріасвати!»...

На этомъ мѣстѣ рукопись оканчивалась. Вотъ все, что осталось отъ драгоцѣннаго манускрипта, пропавшаго въ горномъ проходѣ Пагора. Удастся-ли его отыскать Авдѣю Макаровичу? По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ Андрея Ивановича, кромѣ этихъ отрывковъ, не оказалось ничего. А между тѣмъ сохранились указанія, что въ этой рукописи заключалась исторія исчезнувшей расы арійскаго племени... Когда же мы дождемся новаго перевода? Между тѣмъ о Семеновѣ до настоящаго времени нѣтъ никакихъ извѣстій...

XX.

Н а ч а л о к о н ц а .

Поѣздъ быстро мчался на югъ. Андрей Ивановичъ нетерпѣливо смотрѣлъ изъ окна вагона, какъ мелькали передъ нимъ города и селенія, какъ быстро мѣнялись ландшафты. Онъ желалъ бы летѣть съ быстротою бури. Душою онъ былъ уже въ Нагорномъ храмѣ; онъ закрывалъ глаза и въ его воображеніи рисовалось съ поразительной отчетливостью, какъ онъ подходитъ къ гробницѣ, снимаетъ крышку, достаетъ свертокъ нетлѣнныхъ жреческихъ одеждъ и этотъ таинственный золотой фіалъ... Вотъ уже онъ спускается въ подземное царство, какъ новый Орфей: страшныя дикія громады нависли надъ его головой, готовыя обрушиться на дерзкаго смѣльчака, нарушившаго таинственный сонъ роковой пещеры; сѣрнистый дымъ—дымъ горячей земли—захватываетъ ему дыханіе. Вотъ онъ возвращается съ драгоцѣнною ношей; усталый тѣломъ, но бодрый духомъ входитъ онъ въ святилище... Но не забылъ ли онъ какой-нибудь подробности, несоблюденіе которой можетъ погубить все дѣло?

Андрей Ивановичъ вынимаетъ оставшіеся листки рукописи и пересчитываетъ ихъ въ сотый разъ, хотя давно уже знаетъ ихъ наизусть.

Вотъ и Калькутта! Точно въ туманѣ, онъ видитъ знакомыя лица м-ра Крауфорда и его сестры, горячо жметъ имъ руки, что-то говоритъ и они ему что-то рассказываютъ, но все это какъ-то скользитъ по его душѣ, не оставляя ни малѣйшаго слѣда. Мысль его — на островѣ Опасномъ, въ Нагорномъ храмѣ, въ святилищѣ Аріасвати. Онъ становится внимательнѣе только тогда, когда въ бунгало Крауфорда ему приходится снаряжать къ путешествію свой Гиппогрифъ. Онъ тщательно, съ любовью осматриваетъ аэростатъ, изслѣдуетъ каждый винтъ въ двигательной машинѣ. Онъ долженъ все предвидѣть, все предусмотрѣть, такъ какъ отъ этого зависитъ успѣхъ его предпріятія.

Наконецъ, все готово. Простившись съ Крауфордомъ и напутствуемый его дружескими пожеланіями, Андрей Ивановичъ взоселъ въ лодочку аэростата, повернулъ рычагъ, — и Гиппогрифъ, отдѣлившись отъ земли, сталъ плавно подниматься въ воздухъ. Вотъ онъ уже поднялся надъ вершинами смоковницъ; уже бунгало мистера Крауфорда кажется съ высоты не болѣе карточного домика и самъ Крауфордъ, не перестающій махать своею шляпой, меньше оловяннаго солдатика... Андрей Ивановичъ повернулъ другой рычагъ, — винтъ завертѣлся и аэростатъ двинулся къ югу. Скоро под нимъ, далеко внизу, зашумѣли бирюзовые волны Бенгальскаго залива, плоская дельта Ганга быстро скрылась на сѣверѣ, налѣво въ голубой дали чуть-чуть виднѣлись Андаманскіе острова съ своими кучами кокосовыхъ рощъ, казалось, поднимавшихся изъ самыхъ волнъ залива; направо синѣли высоты Коромандельскаго берега, отходя все далѣе и далѣе на западъ; впереди пока еще скрывались за горизонтомъ благоухающія кошницы Зондскихъ острововъ...

Но мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за полетомъ нашего героя, а прямо переходимъ къ описанію

последнихъ приключеній Андрея Ивановича на островѣ Опасномъ.

Все, о чемъ говорилось въ рукописи Амрити, оказалось существующимъ въ дѣйствительности. Въ гробницѣ жреца Андрей Ивановичъ нашелъ, подъ сверткомъ жреческихъ одеждъ, подробный планъ пути къ подземной пещерѣ съ ея волшебнымъ Стиксомъ; подъ одеждами онъ нашелъ также большой сосудъ изъ алюминія, золотой, крѣпко закупоренный флаконъ, короткій жезлъ изъ прозрачнаго зеленоватаго минерала, похожаго на хрусталь, и еще нѣсколько драгоценностей, между которыми находились діадемы, осыпанныя алмазами, браслеты, кольца, золотыя цѣпи и т. п. вещи. Затѣмъ, осматривая нижнюю ступень трона, онъ нашелъ двѣ стрѣлы, упоминаемыя въ рукописи, а надъ трономъ спускавшуюся съ потолка золотую цѣпочку, которую раньше не замѣтилъ. Чтобы не оставить мѣста ни малѣйшему сомнѣнію, Андрей Ивановичъ приступилъ немедленно къ отысканію двери въ стѣнѣ святилища, о которой говорилось въ рукописи. Дверь эта оказалась около самаго входа и была сдѣлана такъ искусно, что ее трудно было замѣтить, тѣмъ болѣе, что она закрывалась входною дверью, открывавшеюся внутрь. Узкая лѣстница въ стѣнѣ привела Андрея Ивановича въ небольшое помѣщеніе, находившееся надъ сводомъ залы, въ центрѣ котораго дѣйствительно помѣщалась та золотая чаша, въ которую слѣдовало вылить воду, принесенную изъ подземнаго источника.

Такимъ образомъ все, о чемъ писалъ Амрити въ своей странной рукописи, подтверждалось фактами. Имѣлъ ли послѣ этого Андрей Ивановичъ право сомнѣваться въ волшебномъ качествѣ подземнаго источника и въ чудотворной силѣ жизненнаго элексира, содержащагося въ золотомъ фіалѣ?

Но къ длинному и по всей вѣроятности утомительному пути въ таинственную пещеру нужно было приготовиться. Въ последнее время слишкомъ возбужденное нервное состояніе совсѣмъ лишило Андрея Ивановича и аппетита, и

сна. Поэтому онъ сознавалъ, что ему необходимо отдохнуть, запастись силами прежде, чѣмъ пускаться въ трудное странствованіе. Но какъ это сдѣлать? Мысль объ Аріасвати не покидала его ни на минуту. Эта *idée fixe* заставляла трепетать каждый его нервъ. Стиснувъ зубы, онъ чувствовалъ, какъ весь трепеталъ, какъ сердце его быстро и порывисто колотилось въ грудную клѣтку, будто хотѣло разорвать свою темницу, и кровь точно молотъ стучала въ вискахъ. Онъ не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ: какая-то сила толкала его впередъ, заставляла его дѣйствовать, влекла къ тому неизвѣстному пути, который изъ тьмы вѣковъ указывала ему властная рука жреца Амрити. Иногда ему казалось, что онъ быстро катится по наклонной плоскости и уже ничто не можетъ остановить или даже задержать его роковаго движенія.

Настала ночь. Но вмѣсто сна, который долженъ былъ возстановить его силы, она принесла ему только мученія безсонницы. Напрасно ложился онъ въ свою постель съ цѣлью хотя нѣсколько забыться въ полудремотѣ; черезъ минуту та же роковая сила заставляла его срываться съ постели и бродить по темному храму, натываясь на пьедесталы колоннъ. Наконецъ показались блѣдныя лучи разсвѣта. Грачевъ рѣшился испытать послѣднее средство. Онъ надѣялся, что движеніе на свѣжемъ воздухѣ успокоитъ его нервы и возвратитъ ему спокойный, здоровый сонъ. Поэтому онъ взялъ ружье и отправился бродить по острову. Погруженный въ свою неотвязную мысль, онъ безучастно пробѣгалъ цвѣтушій Эдемъ, очаровательные ландшафты котораго возбуждали въ немъ прежде такой восторгъ. Какъ въ полуснѣ, промелькнули послѣдовательно передъ нимъ покинутый городъ съ своими башнями, храмъ Восходящаго Солнца, Священное озеро; затѣмъ онъ шелъ по лѣсной чащѣ, нѣсколько разъ переходилъ мостики черезъ ручей, выбрался къ лѣсному храму, черезъ священный дворъ прошелъ въ святилище, гдѣ находилась колоссальная статуя богини съ серпомъ и спѣ-

лымъ колосомъ; также безучастно, черезъ лѣсную просѣку, добрался онъ къ разрушенной лѣтницѣ царскаго дворца и долго смотрѣлъ, какъ далеко внизу у подошвы утеса волновался океанъ, съ рокотомъ разбиваясь о непокорныя скалы. Потомъ онъ долго бродилъ въ лѣсу и, наконецъ, едва перемѣняя ноги, усталый и разбитый, какъ-то нечаянно выбрался на берегъ священнаго озера, къ храму Восходящаго Солнца. Здѣсь онъ въ изнеможеніи упалъ на холодныя плиты пола и заснулъ глубокимъ сномъ совершенно выбившагося изъ силъ человѣка.

Его разбудилъ яркій лучъ солнца, ударившій прямо въ глаза. Онъ всталъ и осмотрѣлся. Было около половины седьмого по мѣстному времени, слѣдовательно, онъ спалъ около четырнадцати часовъ. Правда, онъ чувствовалъ себя нѣсколько разбитымъ, все же такой продолжительный сонъ чего-нибудь да стоитъ. Но что обрадовало Андрея Ивановича всего болѣе—это давно уже не испытанное имъ чувство голода. Теперь, думалъ онъ, нужно только хорошенько позавтракать и тогда съ обновленными силами смѣло можно будетъ спуститься въ подземное царство, подобно тому, какъ спускался Орфей за своей Евридикой... Мысль объ Евридикѣ снова напомнила ему Аріасвати, въ очарованномъ снѣ ожидающую своего избавителя, и снова онъ почувствовалъ, какъ у него затрепеталъ каждый нервъ. Онъ стиснулъ зубы и почти бѣгомъ отправился въ Нагорный храмъ. Всѣ приготовленія къ пути были уже сдѣланы наканунѣ; оставалось утолить голодъ и тогда въ путь. Но, какъ всегда бываетъ при сильномъ нервномъ возбужденіи, Андрей Ивановичъ ѣлъ безъ всякаго вкуса, почти насильно, и между тѣмъ ощущалъ, что чувство голода въ немъ нисколько не уменьшается. Онъ надѣялся, что ему поможетъ вино, но и эта надежда не оправдалась. Тогда онъ съ досадой всталъ изъ-за стола, спустился въ нижнюю залу храма и, слѣдуя совѣту Амрити, постарался освѣтить храмъ какъ только могъ ярче. Затѣмъ онъ облачился въ первосвященническія одежды, взялъ алю-

миніевый сосудъ для воды, корзину съ съѣстными припасами и свѣчами, планъ и компасъ, указывающій на югъ, и, руководствуясь знаками на стѣнахъ корридора, о которыхъ говорилось въ рукописи, отправился въ путь къ подземному источнику.

Слишкомъ восемнадцать часовъ онъ шелъ по этимъ корридорамъ, постепенно спускавшимся все глубже и все дальше отъ земной поверхности, и все время путь его освѣщала та же «сила земли», такъ ярко сіявшая въ Нагорномъ храмѣ и святилищѣ Аріасвати. Порой во время пути онъ слышалъ неопредѣленный шумъ—что-то вродѣ далекаго грома, доносившагося изъ подземной глубины; порой онъ ясно различалъ за стѣной корридора рокотъ бѣгущей воды: иногда этотъ рокотъ слышался надъ сводомъ, иногда, казалось, вода текла подъ самыми ногами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приходилось перебираться черезъ камни обрушившагося свода, а разъ даже почти полчаса брести по колѣна въ водѣ, переправляясь въ бродъ черезъ подземную рѣку, затопившую полъ корридора. По счастью, эта рѣка, вырвавшаяся изъ боковой галлерей, уходила въ другую такую же галлерей и движеніе по корридору дѣлалось снова удобнымъ. Вообще подземные корридоры сохранились настолько хорошо, что даже проводники электрическаго освѣщенія остались цѣлы. Благодаря этому Андрей Ивановичъ быстро подвигался впередъ, разрѣшая себѣ только короткія остановки, чтобы съѣсть кусокъ хлѣба и запить его стаканомъ вина. Но къ концу восемнадцатичасового пути онъ почувствовалъ такую усталость, что рѣшился сдѣлать болѣе продолжительный привалъ и попробовать уснуть. Было около трехъ часовъ ночи. Онъ завернулся съ головой въ свою жреческую одежду и дѣйствительно заснулъ. Когда онъ проснулся, часы показывали всего пять, но электрическое освѣщеніе почти совсѣмъ потухло. «Сколько же я спалъ?»—спросилъ самъ себя Андрей Ивановичъ. — «Неужели болѣе полусутокъ?» Дальнѣйшій путь пришлось продолжать уже при слабомъ свѣтѣ восковой

свѣчи, которую для предосторожности Андрей Ивановичъ помѣстилъ въ фонарь съ предохранительной сѣткой. Вскорѣ корридоръ кончился и дорога пошла естественной галлереей, постоянно уклонявшейся отъ прямого направленія то вправо, то влѣво. Теперь надъ головой Андрея Ивановича вмѣсто гладко обтесаннаго свода висѣли неправильныя груды камней, которыя, казалось, готовы были поминутно обрушиться. Иногда онѣ опускались такъ низко, что приходилось идти нагнувшись. Часто на пути попадались поперечныя трещины. Иныя изъ нихъ были такъ широки, что Андрей Ивановичъ съ большимъ трудомъ перебирался на другую сторону. Множество другихъ галлерей, перекрещивавшихъ дорогу, сильно затрудняли путь, такъ что приходилось на каждомъ шагѣ отыскивать на стѣнахъ галлерей три грубо высѣченныя стрѣлы, указывавшія направленіе, въ которомъ слѣдовало идти.

XXI.

Надъ озеромъ.

Наконецъ галлерей вывела Андрея Ивановича въ обширный гротъ, на днѣ котораго чернѣло подземное озеро. Долгая и утомительная дорога шла по узкому карнизу вдоль стѣны грота, почти надъ самой водой. Во многихъ мѣстахъ она была такъ узка, что Андрею Ивановичу приходилось держаться за стѣну, чтобы не упасть въ воду. По другую сторону грота снова начиналась галлерей. Но пройдя по ней нѣсколько десятковъ сажень, Андрей Ивановичъ долженъ былъ остановиться передъ неожиданнымъ препятствіемъ: гряда камней, обрушившаяся со свода, совершенно ее засыпала. А между тѣмъ, судя по плану, всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ за этою грудой камней должна быть другая, еще болѣе обширная пещера, изъ которой короткая прямая галлерей вела къ тому гроту, гдѣ находился таинственный источникъ. Что было дѣлать? Вернуться назадъ и затѣмъ

попытаться достигнуть цѣли, путившіеся наугадъ въ какую-нибудь изъ многочисленныхъ боковыхъ галлерей? Но послѣ такого долгаго и утомительнаго пути идти снова по узкому карнизу, надъ чернымъ глубокимъ озеромъ, едва лѣпясь у стѣны и почти на каждомъ шагу цѣпляясь за ея неровности, чтобы не упасть въ воду, у Андрея Ивановича не доставало силъ. Онъ выбралъ для ночлега удобное мѣсто около самой груды камней и заснулъ тяжелымъ сномъ совершенно измучившагося человѣка.

Его разбудилъ чей-то голосъ, шепнувшій ему на ухо: «поспѣши»! Ему показалось даже, что чья-то рука слегка тронула его за плечо. Было-ли эта на яву или только пригрезилось во снѣ? Онъ быстро зажегъ свой фонарь и осмотрѣлся кругомъ: но все было пусто, нигдѣ ни малѣйшаго слѣда, что здѣсь, кромѣ него, было какое-нибудь живое существо. Андрей Ивановичъ даже добѣжалъ до начала галлерей и высоко поднялъ надъ головою фонарь, освѣтилъ темныя изрытыя стѣны грота и мертвую поверхность чернаго озера. Все было пустынно и безжизненно — настоящее царство мертвыхъ. Дрожь лихорадочнаго озноба пробѣжала по тѣлу Андрея Ивановича. Это былъ тотъ трепетъ ужаса, который испытывалъ Данте, вступая въ жилище смерти.

Но разбираться въ ощущеніяхъ было некогда. Въ ушахъ Андрея Ивановича звучалъ совѣтъ добраго ангела «поспѣши»! Нужно было что-нибудь предпринять. Воротившись за вещами въ глубину галлерей, Андрей Ивановичъ, прежде чѣмъ искать другихъ путей, рѣшилъ попытать счастья — пробраться черезъ груды камней, загородившихъ проходъ. «Быть можетъ, — думалъ онъ, — гдѣ-нибудь подъ самымъ сводомъ окажется незасыпанный промежутокъ, которымъ можно будетъ проникнуть по ту сторону галлерей». Но при тщательномъ осмотрѣ онъ убѣдился, что галлерей засыпана до верху, и ни малѣйшаго прохода между камнями не существуетъ. При этомъ камни эти были настолько велики, что сдвинуть ихъ съ мѣста, чтобы проложить путь черезъ

нихъ, нечего было и думать. А между тѣмъ эта преграда, по крайней мѣрѣ вверху, по всей вѣроятности была не толста. Находясь подъ самымъ сводомъ, Андрей Ивановичъ чувствовалъ сильный запахъ того газа, о которомъ говорилъ Амрити, называя его удушающимъ зловоніемъ горячей желтой земли, и который приходилъ сюда изъ сосѣдней пещеры.

Какъ-бы то ни было, приходилось искать другой путь. Быть можетъ, этотъ путь найдется въ неизслѣдованной половинѣ грота терявшейся въ темнотѣ по ту сторону галереи. Поэтому Андрей Ивановичъ, оставивъ позади себя узкій карнизъ, приведшій его къ галлерей, отправился дальше вдоль стѣны грота по берегу озера, усыпанному въ этомъ мѣстѣ бѣлымъ пескомъ. Этотъ бѣлый песокъ, рѣзко выдѣляясь на темномъ фонѣ базальтовыхъ стѣнъ грота, болѣзненно дѣйствовалъ на нервы Грачева; ему казалось, что здѣсь на всѣмъ окружающемъ лежитъ глубокій трауръ.

Но бѣлая полоска песку становилась все уже и уже и наконецъ совсѣмъ прекратилась. Темныя воды озера подошли къ самой стѣнѣ грота. Освѣтивъ фонаремъ это мѣсто, Грачевъ замѣтилъ что-то вродѣ грубыхъ ступней, высѣченныхъ въ скалѣ. Оказалось, что эти ступени вели къ довольно широкому карнизу, пологими уступами поднимавшемуся вверхъ по стѣнѣ грота.

Андрей Ивановичъ обрадовался возможности продолжать путь и смѣло пошелъ по карнизу. Сначала дорога все поднималась, но, поднявшись на значительную высоту, снова спускалась внизъ и затѣмъ нѣсколько времени шла почти на одномъ уровнѣ съ озеромъ. Потомъ карнизъ зигзагами снова поднялся къ своду и, загибаясь вмѣстѣ съ стѣною грота, принялъ, какъ казалось Андрею Ивановичу, направление параллельное съ засыпанной галлереей. Это обстоятельство значительно его ободрило. Онъ былъ почти увѣренъ, что именно этимъ путемъ онъ доберется до цѣли своего путешествія. Забывши усталость, съ новыми силами онъ

принялся взбираться по карнизу, но через нѣсколько десятковъ сажень дорога сдѣлалась настолько затруднительною, что въ иныхъ мѣстахъ можно было подвигаться впередъ только съ большою опасностью. Карнизъ становился все уже и уже и часто такъ сильно наклонялся къ наружной сторонѣ, что Андрей Ивановичъ, лѣпясь на страшной высотѣ, ежеминутно рисковалъ сорваться въ пропасть, чернѣвшую у него подъ ногами. Не разъ приходило ему въ голову воротиться назадъ и поискать другого, болѣе удобнаго пути, но мысль объ Аріасвати снова толкала его впередъ и онъ все шелъ дальше, плотно прижимаясь къ стѣнѣ грота и порой освѣщая фонаремъ бездну, на днѣ которой чернѣло подземное озеро. Онъ сознавалъ, что одинъ только невѣрный шагъ, малѣйшее головокруженіе и онъ погибъ,—и все-таки продолжалъ свой опасный путь. Но вотъ стѣна грота сдѣлала новый поворотъ,—теперь уже перпендикулярно къ засыпанной галлерей... Быть можетъ, всего нѣсколько минутъ ходьбы и этотъ опасный путь выведетъ на настоящую дорогу... Андрей Ивановичъ торопливо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился въ отчаяніи: онъ стоялъ на высотѣ 200 футовъ надъ совершенно отвѣснымъ обрывомъ, а влѣво отъ него за поворотомъ тянулась совершенно гладкая стѣна, безъ всякихъ признаковъ карниза... Далеко внизу, при тускломъ свѣтѣ фонаря, мрачно блестѣла черная гладь озера, какъ полированная поверхность каменнаго угля, а на ней въ видѣ громадной, нѣсколько запрокинувшейся иглы, поднималась высокая и узкая скала, быть можетъ, обломокъ стѣны, обрушившейся въ озеро...

Итакъ, столько труда и опасности—и совершенно напрасно! Нужно было возвращаться обратно, пройти снова тотъ же долгій и трудный путь, а спускаться было еще труднѣе, чѣмъ подниматься, и пройти только затѣмъ, чтобы потомъ немедленно начать новые поиски!

И вотъ, едва лѣпясь на узкомъ карнизѣ, съ трудомъ

передвигая усталыя ноги, рискуя ежеминутно сорваться съ страшной высоты, Андрей Ивановичъ отправился въ обратный путь. Какъ удалось ему спуститься внизъ и сколько времени потратилъ онъ на это путешествіе, — Андрей Ивановичъ не могъ дать себѣ отчета. Всѣ силы его души были подавлены физическими страданіями страшной усталости и, только повинуваясь какой-то непреодолимой силѣ, непрерывно толкавшей его впередъ, онъ дотащился наконецъ до галлерей и почти безъ чувствъ упалъ около груды осыпавшихся камней.

Онъ не могъ опредѣлить потомъ, сколько времени пробылъ онъ въ этомъ безсознательномъ состояніи не то сна, не то обморока. Когда онъ пришелъ въ себя, первое, что привлекло его вниманіе, былъ сильный запахъ сѣры, наполнявшій галлерей. Засвѣтивъ, онъ замѣтилъ, что верхняя часть галлерей наполнена чѣмъ то вродѣ синяго тумана, который особенно сгущался въ одномъ мѣстѣ, какъ-будто выходя изъ широкаго отверстія, продѣланнаго въ обрушившихся камняхъ около самаго свода. Затѣмъ онъ нашелъ, что наружный видъ осыпи тоже измѣнился: нѣсколько большихъ камней, которые раньше были наверху осыпи, теперь лежали на полу галлерей, откатившись довольно далеко въ сторону. Андрей Ивановичъ хорошо помнилъ, что въ первое посѣщеніе онъ не видалъ этихъ камней внизу, между тѣмъ онъ непременно обратилъ-бы на нихъ вниманіе, такъ какъ они лежали на самомъ пути.

Не совершился ли въ его отсутствіе какой-нибудь переворотъ, быть можетъ, — новый обвалъ, благодаря которому засыпанный проходъ сдѣлался теперь доступнымъ? Эта мысль придала Андрею Ивановичу новыя силы. Онъ быстро взобрался на груду камней и подъ самымъ сводомъ галлерей дѣйствительно нашелъ отверстіе, котораго раньше не было. Это отверстіе было настолько велико, что въ него можно было свободно пробраться ползкомъ. Далѣе проходъ становился шире и наконецъ можно было идти выпрямившись.

Андрей Ивановичъ быстро подвигался впередъ, хотя ѣдкій сѣрнистый газъ возбуждалъ въ немъ безпрестанный кашель и вызывалъ слезы на глаза. Но это обстоятельство еще болѣе придавало ему бодрости, такъ какъ служило новымъ доказательствомъ въ пользу правдивости указаній Амрити.

Дорога скоро пошла подъ гору, обвалъ кончился и, спустившись на дно галлерей, Андрей Ивановичъ тотчасъ же

увидаль на стѣнѣ грубо высѣченный знакъ . Не было сомнѣнія: онъ находился на настоящемъ пути. Галлерей скоро вывела его въ обширный гротъ, сводъ котораго совершенно скрывался подъ полосой синеватаго, сѣрнистаго дыма, а короткій и узкій проходъ, довольно круто спускавшійся внизъ, соединялъ этотъ гротъ съ небольшою пещерой, составлявшею цѣль путешествія Андрея Ивановича. Здѣсь долженъ былъ находиться таинственный источникъ.

XXII.

С ф и н к с ъ.

Но источникъ, въ который Амрити, для своихъ безжалостныхъ опытовъ, могъ погружать цѣлыхъ молодыхъ животныхъ и даже дѣтей, теперь почти исчезъ: рѣдкія капли, все еще падавшія со свода пещеры, собирались въ ничтожную лужицу и потомъ жидкою струйкой изливались въ разсѣлину, образовавшуюся въ каменистомъ полу пещеры. Зачерпнуть воды въ этой лужицѣ не представлялось никакой возможности. Послѣ долгихъ поисковъ и ухищреній, Андрею Ивановичу удалось помѣстить свой сосудъ въ самую разсѣлину такимъ образомъ, что вода стала стекать въ него тонкою струей, какъ изъ желоба или изъ крана.

Пока сосудъ медленно наполнялся водою, Андрей Ивановичъ сѣлъ отдохнуть и позавтракать. Перебирая въ корзинѣ свои запасы, онъ вдругъ замѣтилъ, что изъ 12 большихъ восковыхъ свѣчей у него остается только четыре,

не считая находящейся въ фонарѣ и наполовину уже сгорѣвшей. Это открытіе его сильно встревожило. Свѣстныхъ припасовъ и вина у него оставалось болѣе, чѣмъ нужно. Еслибы ихъ даже не достало, можно было-бы и поголодать, но остаться безъ свѣта въ этомъ лабиринтѣ подземныхъ ходовъ и галлерей, это значило быть заживо погребеннымъ. Первое движеніе Андрея Ивановича, когда ему пришла эта мысль, было погасить свѣчу. Сидя въ темнотѣ, онъ прислушивался, какъ медленно лилась въ сосудъ вода, и думалъ: успѣтъ-ли онъ добраться до храма или свѣчи сгорятъ раньше? Онъ старался опредѣлить, сколько времени дѣйствительно употребилъ на свое путешествіе, не считая своихъ опасныхъ скитаній надъ озеромъ и поисковъ въ засыпанной галлерей. Но сколько онъ ни напрягалъ свою память, опредѣленіе это ему не давалось. Одно было ясно, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ отправился въ свой подземный путь, прошло значительно болѣе трехъ сутокъ. Неужели столько же времени ему придется потратить на обратный путь? Въ такомъ случаѣ половину пути ему придется идти въ темнотѣ, но развѣ это возможно?

Между тѣмъ звукъ воды, падавшей въ сосудъ, становился все глуше и глуше. Андрей Ивановичъ зажегъ свѣчу и освѣтилъ разсѣлину: сосудъ былъ полонъ. Плотнo закрытъ его крышкой и затѣмъ собратся въ дорогу — было дѣломъ одной минуты. Скорымъ шагомъ, почти бѣгомъ, пустился Андрей Ивановичъ въ обратный путь. Быстро взобрался онъ по крутому подъему въ сосѣдній гротъ, наполненный синимъ туманомъ сѣрнаго дыма, пересѣкъ этотъ послѣдній, отыскалъ входъ въ осыпавшуюся галлерейю и прежде, чѣмъ догоравшая свѣча въ фонарѣ успѣла погаснуть, онъ уже перебрался, поминутно кашляя и почти задыхаясь отъ сѣрнаго газа, черезъ каменную преграду на другую сторону галлерей и при послѣдней вспышкѣ гаснущей свѣтильни успѣлъ замѣтить, что на этотъ путь ему понадобилось 3 часа. У него оставалось четыре цѣлыхъ свѣчи, слѣдова-

тельно, онъ можетъ идти еще двадцать четыре часа — два дня пути. «Этого достаточно», — подумалъ онъ и успокоенный этою мыслью крѣпко заснулъ у подножія той же груды камней, которая уже два раза служила ему ночлегомъ.

Дальнѣйшій путь пришлось совершать значительно медленнѣе. Узкій карнизъ надъ озеромъ казался безконечнымъ, Андрей Ивановичъ со страхомъ замѣтилъ, что сгорѣла цѣлая свѣча, а онъ все еще не добрался до галлерей, сообщавшей этотъ гротъ съ корридорами храма. Вторая свѣча успѣла догорѣть до половины, а карнизъ все попрежнему тянулся, какъ будто ему не было конца. Ужъ не прошелъ ли онъ мимо галлерей, заглядѣвши какъ-нибудь на озеро, черныя воды котораго неподвижно лежали у его ногъ? Ему приходила уже мысль воротиться назадъ и тщательно осмотрѣть пройденный путь. По счастію, онъ скоро замѣтилъ на стѣнѣ грота три знакомыя стрѣлы и пошелъ впередъ болѣе увѣреннымъ шагомъ. Тѣмъ не менѣе и вторая свѣча успѣла догорѣть прежде, чѣмъ онъ достигъ галлерей. Когда онъ зажигалъ третью свѣчу, руки и ноги его дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Въ грудь его закрадывалось отчаяніе. Ужъ не бросится-ли головой впередъ въ это мертвое, притаившееся въ вѣчномъ мракѣ озеро? По крайней мѣрѣ, этотъ прыжокъ избавитъ отъ ужасной, мучительной агоніи, которая его ожидаетъ впереди, когда ему придется блуждать въ безпросвѣтной тьмѣ перепутанныхъ подземныхъ галлерей...

Но вотъ и галлерей! Впрочемъ, та-ли, которую нужно? Андрей Ивановичъ торопливо принялся отыскивать на стѣнѣ условный знакъ... Вотъ онъ, эти три стрѣлы, — но, Боже, какъ еще далеко до цѣли, которую онѣ указываютъ! Андрей Ивановичъ бережно погасилъ свѣчу и въ изнеможеніи опустился на влажный полъ галлерей. Нѣсколько разъ онъ просыпался во мракѣ галлерей, но снова заставлялъ себя заснуть: ему необходимо было настолько отдохнуть и собраться съ силами, чтобы быть въ состояніи, какъ можно производительнѣе воспользоваться оставшимися въ его распоряженіи свѣчами.

Наконецъ, онъ не могъ болѣе выносить вынужденнаго бездѣйствія и почти бѣгомъ пустился по галлерей. Но когда начались боковые ходы, ему пришлось присматриваться къ знакамъ на стѣнахъ, чтобы не заблудиться. Это снова замедлило путь. А между тѣмъ третья свѣча догорала и, какъ казалось, догорала быстрѣе, чѣмъ слѣдовало, вѣроятно благодаря движенію воздуха, особенно замѣтному на перекресткахъ боковыхъ ходовъ.

«Скорѣе, скорѣе! Нужно дорожить каждой минутой». Когда на пути попадалась прямая галлерей безъ боковыхъ ходовъ, Андрей Ивановичъ летѣлъ, какъ изъ лука пущенная стрѣла, прыгая черезъ камни и трещины, попадавшіяся ему по дорогѣ. Такъ, онъ съ разбѣга перескочилъ ту самую трещину, черезъ которую нѣсколько дней тому назадъ перешелъ съ такимъ трудомъ. Теперь въ запасѣ оставалась только одна свѣча; она догоритъ черезъ шесть часовъ и тогда тьма, непроглядная тьма! Хоть-бы успѣть добраться до корридоровъ храма!—думалъ Андрей Ивановичъ. А тогда — что? Восемнадцать часовъ пути въ абсолютной темнотѣ, среди запутанной сѣти боковыхъ корридоровъ, гдѣ такъ легко заплутаться даже и при свѣтѣ, если не слѣдить за знаками на стѣнахъ!.. Но все же лучше: все эти корридоры ведутъ куда-нибудь — къ какому-нибудь храму или какой-нибудь мѣстности острова. Нужно только принять за правило: избѣгать тѣхъ корридоровъ, которые спускаются внизъ. Тогда непременно можно будетъ выбраться на свободу... А подземная рѣка, затопившая часть корридора! Все равно. Будь, что будетъ! Дольше медлить невозможно!

Андрей Ивановичъ зажегъ послѣднюю свѣчу и снова пустился въ путь. Быстро мелькали мимо него черныя трещины боковыхъ галлерей. Онъ бѣжалъ изо всехъ силъ, обливаясь холоднымъ потомъ и задыхаясь отъ усталости. Каждая короткая остановка, которую онъ долженъ былъ дѣлать, чтобы отыскать на стѣнѣ руководящій знакъ, приводила его въ раздраженіе. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ

быстро уменьшалась свѣча, а галлерей все тянулась, какъ будто ей не было конца. Вотъ ужъ свѣчи осталось менѣе половины, вотъ она еще и еще уменьшилась,—теперь ея едва ли хватитъ на одинъ часъ... Успѣтъ-ли онъ въ этотъ короткій промежутокъ добѣжать до корридора? Скорѣе, скорѣе! Какъ сильно оплываетъ свѣча! Всего нѣсколько минутъ и она погаснетъ... Скорѣе, скорѣе! Вотъ уже обтаявшая святильня упала на тонкое восковое кольцо — единственный остатокъ догорѣвшей свѣчи... Еще нѣсколько шаговъ... вотъ она вспыхнула голубоватымъ пламенемъ и погасла... Андрей Ивановичъ выронилъ фонарь и, закрывъ лицо руками, въ отчаяніи упалъ на неровный каменистый полъ галлерей. Трудно описать, что переживалъ онъ въ то время, когда, лежа на холодныхъ камняхъ, онъ бился о нихъ въ безумномъ припадкѣ отчаянія.

Прошло нѣсколько долгихъ часовъ прежде, чѣмъ онъ пришелъ въ себя настолько, что могъ хладнокровно обсудить свое положеніе. Наконецъ онъ поднялся съ пола и безучастно взглянулъ на окружающую его тьму... Вдругъ онъ вскочилъ на ноги, и дикій крикъ радости прозвучалъ подъ сводами подземелья: передъ нимъ далеко въ глубинѣ галлерей мерцалъ голубоватый свѣтъ! Безумная радость охватила все его существо. Онъ спасенъ! Онъ не будетъ заживо погребенъ въ этой подземной могилѣ! Скорѣе же впередъ, туда, гдѣ свѣтъ, воздухъ, свобода! Онъ отыскалъ на полу алюминіевый сосудъ и корзину и бросился туда, гдѣ свѣтъ, воздухъ, свобода! Спотыкаясь о камни и неровности пола, онъ бѣжалъ, какъ будто боялся, что свѣтъ, мерцающій впереди, внезапно померкнетъ. Свѣтъ быстро приближался, вотъ онъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ... Но что же это? Андрей Ивановичъ ожидалъ увидать передъ собой выходъ изъ подземелья и дневной свѣтъ, а между тѣмъ это былъ корридоръ храма, ярко освѣщенный электричествомъ! Кто же освѣтилъ храмъ въ отсутствіе Андрея Ивановича? Что онъ спитъ или сошелъ съ ума? Нужно разъяснить эту загадку.

Неужели это Амрити, встававший изъ своей невѣдомой могилы? Или сама Аріасвати?

Андрей Ивановичъ нетерпѣливо пробѣгалъ одинъ за другимъ постепенно поднимающіеся въ гору корридоры. Иногда онъ падалъ отъ усталости и изнеможенія, но снова вставалъ и бѣжалъ далѣе. Хаосъ мыслей вихремъ кружился въ его головѣ. Задыхаясь, онъ останавливался на мгновеніе, чтобы обтереть холодный потъ, выступавшій на лбу, и снова бѣжалъ далѣе. Часы шли одинъ за другимъ, онъ все бѣжалъ впередъ. Ноги отказывались ему служить, въ груди спиралось дыханіе, всѣ члены дрожали, какъ въ лихорадкѣ, голова горѣла, въ вискахъ стучало точно молотомъ. Онъ все бѣжалъ, только пересохшія губы шептали имена Амрити и Аріасвати. Потомъ неизвѣстно откуда пришло ему на мысль слово «поздно» и онъ безсознательно принялся твердить про себя: «поздно, поздно, поздно»...

Наконецъ, корридоръ кончился, Андрей Ивановичъ быстро миновалъ пустынные, ярко освѣщенные залы храма. Блѣдныя статуи сверкали, залитыя лучами электрическаго свѣта, отбрасывая призрачныя тѣни на мозаичный полъ; но мертвая тишина господствовала попрежнему и гулъ шаговъ Грачева, непривычно встревожившій дремавшее эхо храма, не поразилъ слуха какого-либо живого существа. Но этотъ гулъ особенно рѣзко отдавался въ мозгу самого Андрея Ивановича: онъ, казалось, росъ, увеличивался до необъятной силы и совсѣмъ подавлялъ его своими могучими волнами. Голова его кружилась, въ глазахъ то появлялись огненные круги, то темныя пятна совсѣмъ заволакивали зрѣніе. Шатаясь отъ слабости и порой удерживаясь руками о пьедесталы колоннъ, Грачевъ дотащился до святилища Аріасвати. Совершенно машинально онъ подошелъ къ ея трону. Онъ помнилъ, что ему что-то нужно было сдѣлать около этого трона,—но что именно?

Вдругъ чья-то движущаяся тѣнь отразилась на блестя-

щемъ полу залы и въ то же время знакомый голосъ звучно произнесъ: «Аріасвати!» Андрей Ивановичъ вздрогнулъ и поднялъ глаза; въ двухъ шагахъ отъ него находился Дивадара. Въ темно-вишневой ризѣ и голубомъ хитонѣ стоялъ онъ, откинувъ назадъ свои длинные бѣлокурые волосы и устремивъ на Аріасвати темно-сініе глаза. Вотъ онъ простеръ руки къ трону и еще разъ повторилъ: «Аріасвати!» Голосъ его звучалъ повелительно и ласково, — казалось, ему нельзя было не повиноваться. И дѣйствительно, въ отвѣтъ на его призывъ Аріасвати медленно поднялась, сошла съ трона и, протянувъ къ нему навстрѣчу свои сверкающія руки, съ чарующей улыбкой произнесла: «Дивадара!» Инстинктивно Андрей Ивановичъ бросился впередъ: онъ хотѣлъ помѣшать своему сопернику приблизиться къ Аріасвати. Но голова его закружилась и онъ упалъ безъ чувствъ у подножія трона таинственной богини...

Онъ очнулся уже за тысячи верстъ отсюда, въ своемъ старомъ грачевскомъ домѣ тяжело больной и близъ его постели сидѣла плачущая Арина Семеновна. Какъ онъ попалъ сюда, этого никто изъ нихъ не могъ объяснить...

Дальнѣйшая судьба Андрея Ивановича уже извѣстна; что же касается Аріасвати и Дивадары, то о нихъ не имѣется никакихъ извѣстій, такъ какъ островъ Опасный снова сдѣлался недоступнымъ.

К о н е ц ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	СТР.
Прологъ	1
I. Идиллія	17
II. Бананъ	22
III. Озеро	26
IV. Кагу.	30
V. Киви-Киви	35
VI. Рыбная ловля	40
VII. Борьба.	43
VIII. Неудача.	46
IX. Лодка.	50
X. Льямы.	55
XI. Открытіе.	58
XII. Храмъ.	62
XIII. Въ статуѣ богини	67
XIV. Барельефы.	71
XV. Въ горахъ.	75
XVI. Кораблестроеніе	80
XVII. На морѣ.	85
XVIII. Чудовище	89
XIX. Вѣтерокъ.	94
XX. Катастрофа.	98
XXI. Возвращеніе.	102
XXII. Розсыпи.	106
XXIII. Новыя ощущенія.	111
XXIV. Начало дождливаго времени.	116
XXV. Нагорный храмъ.	121
XXVI. Гроза	126
XXVII. Внутренность храма.	131
XXVIII. Подземный ходъ.	135
XXIX. Электричество	141
XXX. Sancta sanctorum.	149

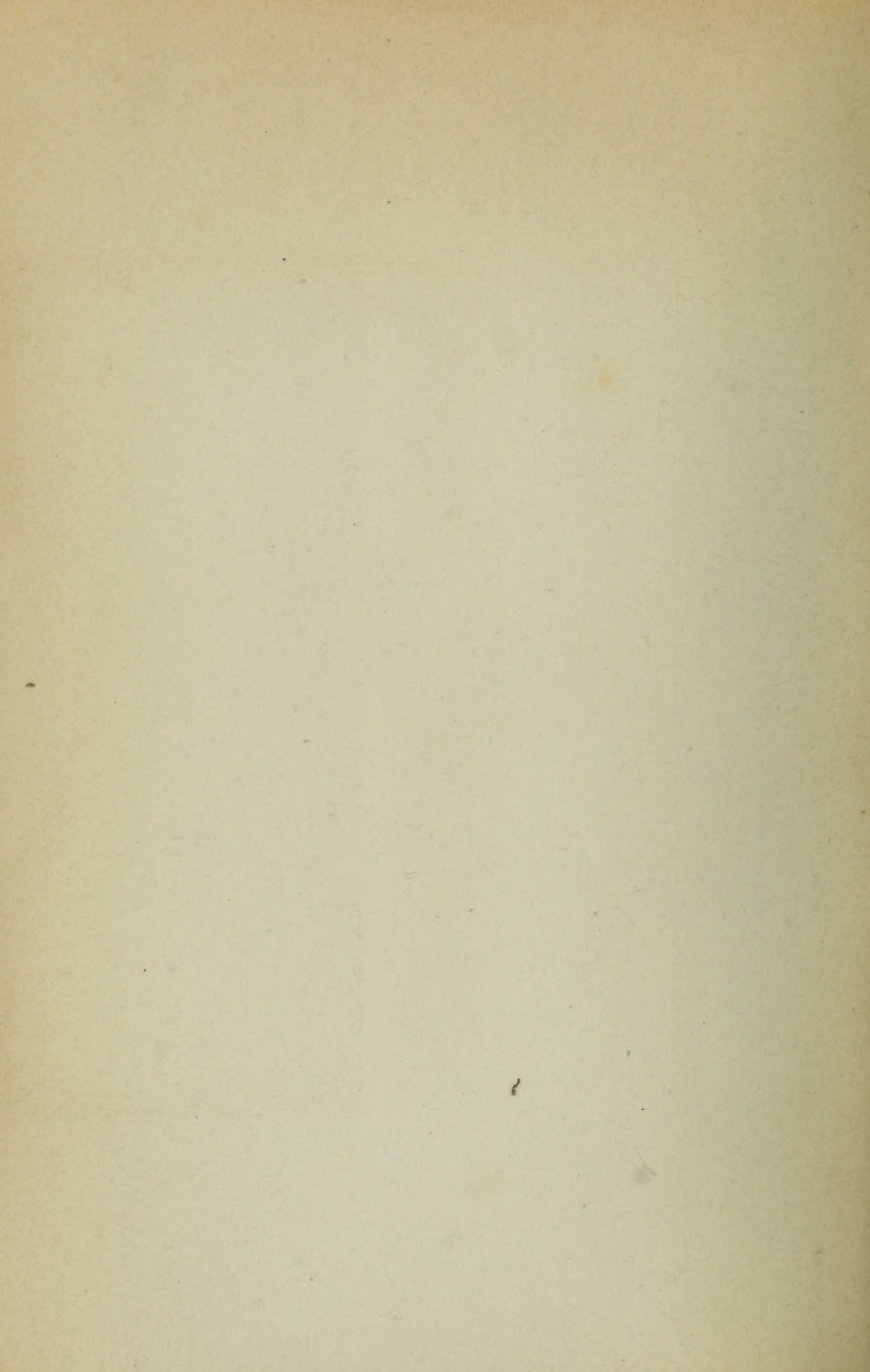
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

	СТР.
I. Подъ Костромскимъ небомъ.	158
II. Дома	165
III. D-г Ликоподиумъ.	174
IV. Де-Сіянсъ Академія	183
V. Авдѣй Макаровичъ.	190
VI. Письмо.	197
VII. Телеграмма	209
VIII. Отъѣздъ изъ Европы	209
IX. Новыя знакомства.	215
X. Мистеръ Крауфордъ.	221
XI. Ворожея.	235
XII. Ложь и правда.	242
XIII. Подъ небомъ Индіи	249
XIV. Цейлонъ.	257
XV. Въ вагонъ.	264
XVI. Филологія	273
XVII. Рами-Сагибъ.	279
XVIII. Храмъ богини Парвати.	288
XIX. Махатма Нариндра.	295
XX. Астральное тѣло.	304
XXI. Девадаси	311
XXII. Тигръ.	317
XXIII. Этого не можетъ быть.	324
XXIV. Пропавшее письмо.	332

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I. Въ дорогѣ.	338
II. Мага Кришна	343
III. Нарайянь Гаутама Суами	349
IV. Ужинъ.	355
V. Утренній церемоніаль	365
VI. За дѣломъ.	369
VII. Сарматская гипотеза.	375
VIII. Неожданное приключеніе.	379
IX. Мистеръ Черперъ.	385
X. Макъ-Иворъ	390
XI. Маскарадъ.	396
XII. Комедія	401
XIII. Напрасныя опасенія	408
XIV. Ночное путешествіе.	416
XV. Раджъ-йоги	420
XVI. Предсказанія.	425
XVII. Нападеніе	433
XVIII. Разлука	437
XIX. Остатки рукописи	443
XX. Начало конца	465
XXI. Надъ озеромъ	471
XXII. Сфинксъ.	476

694595 N
LR Sokolov, N
S68342ari Apiacvati.
[Translit.: Ariasvati]

**University of Toronto
Library**

**DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET**

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

158

31/306

eff K

